КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ

V. 1

СОДЕРЖАНИЕ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Письма Некрасова и Достоевского. — Стихотворения Ровенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко в цензуре. — Александр III о Л. Толстом. — Библиография.

ЦЕНТРАРХИВ

1922

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От редакции.

Русско-германские отношения. Предисловие *М. Н. Покровского.* . . . . . 5—9

1. 1873-й год. . . . . 10—35
2. Рейхштадт. . . . . 36—61
3. Беседы П. А. Сабурова с кн. Бисмарком в 1879 г. . . . . 62—91
4. Беседы П. А. Шувалова с кн. Бисмарком в апреле—мае 1887 г. . . . . 92—127
5. Русско-германские конвенции 1881, 1884 и 1887 гг. . . . . 128—151
6. Проект захвата Босфора в 1897 году. . . . . 152—162
7. 1914 г. I. Телеграммы из Берлина и в Берлин за период с 7/20 июля по 19 июля/1 августа 1914 г. . . . . 163—189

   II. Записка А. Н. Броневского о последних днях управления им посольством в Берлине в 1914 г. . . . . 189—205

   Примечания . . . . . 206—208

Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. Сообщил *И. А. Блинов.* 209—262

Примечания . . . . . 263—272

П. Г. Зайчневский, с предисловием *В. П. Алексеева.* . . . . . 273—279

Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. Сообщил *В. М.* . . . . . 280—281

К истории партии Народного Права. Сообщил *В. М.* . . . . . 282—288

Новое о Зубатовщине. Сообщил *С. Пионтковский.* . . . . . 289—314

Воспоминания об „еврейской независимой рабочей партии". *А. И. Чемерицкого, М. Рафеса, М. Фрумкиной (Эстер).* . . . . . 315—328

К истории карательных экспедиций в Сибири. Сообщил *В. М.* . . . . . 329—343

Из переписки лейтенанта Шмидта. Сообщил *В. М.* . . . . . 344—354

Н. А. Некрасов и цензура. Сообщили *Н. Бельчиков и С. Переселенков.* . . . 355—361

Из неизданной переписки Н. А. Некрасова. Письма к Ф. М. и М. М. Достоевским, А. Н. Якоби. Сообщил *Н. Бельчиков.* . . . . . 362—366

Достоевский о Пушкинских торжествах. Сообщил *Н. Бельчиков.* . . . . . 367—405

Задержанные цензурой стихотворения М. П. Розенгейма и А. А Голенищева-Кутузова. Сообщил *А. С. Николаев.* . . . . . 406—411

Цензура и Л. Толстой. Сообщил *С. А. Аннинский.* . . . . . 412—416

Александр III о Л. Толстом. Сообщил *Л. И.* 417

К биографии В. Г. Короленко. Сообщил *С. Аннинский.* . . . . . 418—419

Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко. Сообщил *А. С. Николаев.* . 420—421

Библиография: Отзывы о книгах: И. Л. Маяковский. „Исторический очерк архивного дела в России". *С. К. Богоявленского.*—„Архивные курсы", т. I. „История архивного дела классической древности". *Д. Н. Егорова.*—„Материалы по истории С.-Петербургского университета, т. I. *А. А. Сергеева.*—„Архив истории труда", кн. I. *А. Ф. Изюмова.*—„Архив истории труда", кн. II. *А. И.*—„Дела и Дни", кн. 1 и 2. *В. М. Фриче.*—„Воронежский Историко-Археологический Вестник", вып. I. *В. И. Пичета.*—„Материалы по истории революционного движения", т. II. *С. А. Пионтковского.*—Д. Сверчков. „На заре революции". *В. М. Фриче.*—Из эпохи „Звезды и Правды", вып. II. *С. А. Пионтковского.*—„Творчество Достоевского", сборник статей и материалов под редакцией Л. П. Гросмана. *Н. Л. Бродского.*

ПРИЛОЖЕНИЯ: 5 снимков (см. стр. 26, 28, 30, 63, 150).

compl. Seto
Bolshe
2-25-36

От редакции.

Девизом „Красного Архива" мог бы быть афоризм: „нет ничего тайного, что не сделалось бы впоследствии явным".

Его основная задача — разоблачение т а й н империалистской политики и дипломатии.

Как ревниво оберегаются эти тайны в буржуазных государствах, показывают сроки, установленные для опубликования подлинной дипломатической переписки в различных высоко „культурных" странах: во Франции, например, п я т ь д е с я т л е т. В Англии, кажется, еще дольше—по крайней мере, подлинный текст „Синей Книги" о польском восстании 1863 года увидел свет благодаря случайности: собственный экземпляр лорда Росселя, где документы были воспроизведены целиком, оказался в руках Краковского университета, который, руководясь националистическими польскими интересами, не стал выжидать установленных в Англии сроков. По однородным причинам увидели свет и документы мексиканской экспедиции Наполеона III: они попали в руки мексиканского правительства, и оно, опять таки, не сочло нужным считаться с французскими сроками.

Чтобы разоблачить все дипломатические тайны, скрывающиеся в русских архивах до последнего дня, нужна была революционная власть и ее органы: оттого и это издание, как все творения революционной власти, начиная с Красной Армии, заслуживает названия „*Красного* Архива".

Предпринимая эту задачу, Центрархив продолжает, не без перерыва, ту работу, которую взяла на себя Октябрьская революция с первой минуты,—выполняет долг, который рано или поздно нужно было уплатить. Подробные пояснения к каждой серии печатаемых „секретных документов" будут напечатаны при них, в виде предисловия и комментарий.

Параллельно с этою своею г л а в н о й задачей „Красный Архив" не уклоняется, конечно, и от обычной функции подобного органа—опубликования вообще документов, представляющих исторический или историко-литературный интерес. Так, в первой же книжке читатели найдут новые материалы из переписки Ф. М. Достоевского. В распоряжении редакции

имеется также несколько дневников большого исторического значения: в одной из ближайших же книжек будет напечатан большой отрывок из чрезвычайно любопытного дневника бывшего военного министра А. Н. Куропаткина (1902—1904 гг.). Далее, имеется в виду опубликовать дневник бывшего государственного секретаря Половцева, переписку Победоносцева с Александром III и т. п.

В общем, печатая и этого рода недипломатические материалы, редакция „Красного Архива" будет верна своему девизу, освещая тот период русской истории и те стороны этого периода, которые ближе всего к нам по времени—и окутаны наиболее густым покровом легенды. Ошибочно мнение, будто легендарна только „древнейшая история": в новейшей—легенд не меньше... Разоблачать эти легенды вчерашнего дня—дело не менее полезное для науки, чем „рыться в хронологической пыли бытописания земли".

РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Секретные документы.

Предисловие М. Н. ПОКРОВСКОГО.

1) 1873 г.
2) Рейхштад.
3) Беседы Сабурова с Бисмарком 1879 г.
4) Беседы Шувалова с Бисмарком 1887 г.
5) Тексты конвенций 1881, 1884 и 1887 г.г.
6) Проект захвата Босфора в 1897 г.
7) 1914 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящим собранием документов Центральный Архив Р. С. Ф. С. Р. начинает серию публикаций, которые дадут возможность восстановить *пролог* империалистской войны 1914—1918 гг. Было бы, конечно, величайшей наивностью считать таким прологом дипломатическую переписку, ведшуюся главными кабинетами Европы в июле месяце 1914 года. Именно в расчете на наивность публики эта переписка и выдвигалась вперед в различных „синих", „желтых", „оранжевых" и иных цветов книгах. Это было необходимо, чтобы уверить простодушных людей, что война была чем-то столь же выходящим из нормы, как преступление в общегражданском быту. Годами тщательно охраняли мир—и вот, по вине такого и такого-то (имена „виновников" менялись в зависимости от того, из какого лагеря исходила та или другая публикация) полилась кровь...

На самом деле годами готовились к войне. Годами собирали горючий материал, чтобы бросить в него спичку в тот момент, когда ветер потянет на соседа. Но делали это тайком, под величайшим секретом — ниже читатели найдут, как образчик, одну конвенцию, о существовании которой на земном шаре знали всего *шесть* человек. О другой конвенции (тоже нами воспроизводимой), хотя она впоследствии просочилась-таки в газеты, в первое время знали не все министры и посланники тех государей, которые ее подписали. Читатели поймут, почему столь невыносимо для старого мира дерзким было требование русской революции—опубликовать секретные договоры. Конец тогда был бы разговорам о „виновниках", не потому, чтобы не было виновных, а потому, что виноваты были *все*—и гораздо больше, чем думали о ком бы то ни было.

Наиболее сенсационные из заключенных царской Россией секретных трактатов были опубликованы тотчас после октябрьской революции, зимою 1917—18 года. Но публикация была сделана наспех, в „газетном" порядке, без всякого научного аппарата. Сделана была все же превосходно—если принять в расчет, что издателями были нередко рядовые революционеры, профессией которых было делать историю, а не писать ее. В числе этих издателей был, например, простой матрос, товарищ Маркин, трагически погибший потом в борьбе с колчаковцами. Для матроса, повторяем, это был великолепный редактор, политическое значение сделанных им и его товарищами открытий

было колоссально,—но *научное* издание даже этих, опубликованных уже, документов совершенно необходимо. Первые публикаторы о науке не думали, и хорошо делали, ибо, если бы стали и об этом думать, документы по сегодня пролежали бы под спудом.

Напечатано было, однако же, и далеко не *все*. Именно потому, что издателями были люди практики, а не теории, они схватились за то, что практически было ближе, что было понятно всякому без длинных комментариев: за прямые *документы*, во-первых, за документы *не старше вчерашнего дня*, во-вторых. Но документ – это лишь твердый осадок, получившийся после многократного взбалтывания весьма сложной жидкости. Составные элементы этой жидкости больше дадут ученому исследователю, нежели самый тщательный анализ осадка. Иногда то, что выпарилось и без остатка ушло в воздух—или образовало новое химическое соединение, интереснее того, что осталось. Притом эти составные элементы нередко очень давнего происхождения: горючий материал копили десятилетиями, и в общей массе мы найдем „каплю меда" людей, давно лежавших в могиле, когда начался пожар.

Исходные точки той политики, которая привела династию „Романовых" в Екатеринбург, лежат в прошлом очень далеко от нас. Древнейшие стадии этой политики уже освещены не только публикацией документов (едва ли всех), но и рядом исследований, русских и заграничных (Уляницкий, Жигарев, Горяинов, Зайончковский в России; Schiemann, Bapst, Charles Roux, Hanotaux заграницей). „Тихая сапа", которую вели русские цари, начиная с Екатерины II, в направлении к Босфору и Дарданеллам, в общем и целом недурно прослежена, примерно, до 1860-х годов. Разрыв русско-французского союза и начало русско-прусского (и то, и другое приходится на один год, 1863-й) являются границей, отделяющей светлый сектор от темноты или, по крайней мере, от полутемноты, (потому что история лондонской конференции 1871 года, благодаря работе Горяинова, сравнительно хорошо известна). На первый взгляд может показаться, что дальше *непрерывной* линии нет. Конечно, *идеологическая* связь русско-турецкой войны 1877—78 гг. или даже и последнего устремления к Дарданеллам, 1914-го и следующих годов, с предшествующим ясна для всякого: но при свете *известных* нам до сих пор документов далее утверждения этой идеологической связи идти было нельзя. Была ли еще и связь организационная? Продолжалась ли та муравьиная работа царской дипломатии, которая, как будто, оборвалась на Парижском мире 1856 года? Кое-какие просветы уже давали возможность догадываться, что продолжалась; теперь безо всяких догадок мы *знаем*, что не *прерывалась ни на минуту*, вплоть до 1896 года. Только с третьего года царствования Николая II ориентация на ближний Восток сменилась ориентацией на Восток дальний; но тотчас же после Цусимы вернулась на старую колею.

От министра Александра III, Гирса, мы знали, что вся внешняя политика отца этого императора преследовала одну цель: аннулировать Парижский мир. Главной причиной этого последнего („минута трусости", которой не мог забыть Александр II) признавалась *слабость*

Пруссии. Слабая Пруссия, доведенная до этого состояния близорукой политикой Николая I, не давала точки опоры ни против Франции, ни даже против Австрии. Надо было исправить ошибку Николая: для этого Александр II принял участие в превращении Пруссии в Германскую империю. После Кениггреца и Седана можно было не бояться повторения Севастополя: то-есть, *можно было спокойно приняться за продолжение политики Николая I.* Немецкий бивуак на Елисейских полях был прологом к русскому бивуаку перед святой Софией: через два года после взятия пруссаками Парижа эта связь вещей и была закреплена первым из документов, которыми начинается наша серия— русско-германской военной конвенцией 24-го апреля—6-го мая 1873 г.*).

В самом документе нет ни слова о Константинополе — это была ошибка, за которую поплатились берлинским конгрессом. Слишком положились на „честное дворянское слово" Бисмарка. Колоссальнейшего значения соглашение оказалось беспредметным — ибо на тот предмет, на который оно было нужно Александру II, использовать его было нельзя. Воевать из-за России с *Австрией* Германия отнюдь не была расположена: два года спустя Бисмарк сказал это всеми словами в ответ на телеграмму Александра II. Но это достаточно ясно было уже с самого начала—русско-германскую конвенцию пришлось сразу же дополнить русско-австрийскою (25-го мая—6-го июня).

Но, раз пойдя по пути соглашений со своей главной конкурренткой на Балканском полуострове, надо было довести это дело до конца. Отсюда вышла хорошо и давно известная Рейхштадская сделка (дополненная конвенцией 11-го февраля 1877 г.), которой Россия *формально отказывалась от Константинополя*; он подлежал превращению в „вольный город". Иными словами, Александр II должен был пойти на нейтрализацию проливов. Это было крупное дипломатическое поражение, своего рода Плевна, на год опередившая военную Плевну. Попытка прорваться к заветной цели сквозь всякие конвенции (Сан-Стефанский мир 19/II 1878 г.) дала лишь тот результат, что „повели в участок". На Берлинском конгрессе Россия вынуждена была принести покаяние и исполнить то, что обещалась. Впечатление было столь горькое, что русско-германский союз на короткое время оборвался.

В 1879 году уже замаячил на горизонте призрак его прямой противоположности: *союза русско-французского.* Бисмарк это понял: приняв военные меры предосторожности (союз с Австрией, позже превратившийся, благодаря присоединению Италии, в „Тройственный", был заключен в том же 1879 году), он постарался исправить дело и дипломатически. Отсюда вытекли разговоры германского канцлера с Сабуровым и Орловым, и ряд записок первого, инспирированных этими разговорами. Как осла заставляют идти вперед, показывая ему издали пучек сена, царскую дипломатию опять манили к русско-германскому союзу Константинополем. И хорошо действовала эта старая

*) Секретность этого документа была так велика, что о нем не знал русский посол в Берлине, в 1871—79 гг., Убри.

приманка, впервые пущенная в ход еще Наполеоном по отношению к Александру I! Бисмарк купил ею три конвенции с Россией — 1881, 1884 и 1887 гг.

Но и противная сторона приобрела известный опыт. В 1887 году посланнику Александра III удалось, со своей стороны, поправить ошибку Горчакова. Проливы были названы не в частном разговоре, а в самой конвенции — в той ее статье, которая представляла, так сказать, секрет в секрете. И что еще лучше, Австрия, хотя уже формальная союзница Германии в это время (чего не было еще в 1873 г.), была формально обойдена в этой сделке. Бисмарк, правда, не обещался на нее напасть: но он обещался не помогать своей „союзнице", если та нападет на Россию. Царскому правительству оставалось бы только разыграть, слишком ему знакомую, роль провокатора — и единоборство с наследственным врагом „Романовых" на пути к Босфору было ему обеспечено.

Александр III, таким образом, не менее неуклонно шел по этому пути, чем его отец и дед: легенда о его „миротворчестве" падает раз навсегда. Что помешало ему реализовать сделку 1887 года? Тут мы видим, насколько об'ективные экономические факторы сильнее всякой идеологии и всяких „традиций". Николай I мог лечь костьми за Константинополь,—потому что в его дни русскому промышленному капитализму нужны были восточные рынки. Во дни Александра III рынок у русского промышленного капитализма был дома, благодаря быстрой пролетаризации русского крестьянства: но русскому предпринимателю нужны были *капиталы*. А их можно было достать только во Франции—в той Франции, которая оказывалась возможной противницей Александра III в силу конвенции 1887 года. Но политический союз не может идти поперек дороги экономической связи: за непонимание этой истины в свое время дорого поплатился Павел I. Его, так похожий на него лицом, правнук научился быть осторожнее: Александр III с непокрытой головой слушал Марсельезу, а договор „с двойным дном" остался на дне архивов.

Документы, иллюстрирующие возникновение русско-французского союза, мы опубликуем в следующей книге „Красного Архива". Здесь систематическую публикацию мы останавливаем на 1887 годе. Сам трактат с „двойным дном" уже известен (хотя воспроизведения полного и подлинного его текста нам не приходилось видеть в печати). Интереснее самого документа те разговоры, которые по поводу него Шувалов вел с Бисмарком. Они появляются в печати, несомненно, впервые и представляют ценнейшее дополнение к III тому мемуаров Бисмарка (недавно вышедшему), где этот вопрос, к сожалению, обойден полным молчанием.

В качестве любопытного „эхо" этих переговоров мы печатаем несколько бумаг, не дипломатического, а военно-полицейского характера, относящихся к 1897 году и свидетельствующих, что Николай II и его министры считали русско-германскую сделку действительной и после заключения русско-французского союза, и после исчезновения со сцены Бисмарка. *О попытке захватить Босфор в 1897 году* мы уже

знаем из „Воспоминаний“ Витте (т. I, стр. 88—92). Витте относит дело к 1896 году, когда оно, повидимому, *началось*. Наши документы подтверждают полную реальность рассказанного Витте,—но ответа на поставленный им вопрос: „что помешало?“ и они не дают. Помехой явилась, вероятно, вообще нелепость предприятия в данный момент и в данных условиях. Но кто демонстрировал эту нелепость достаточно ясно даже для Николая II-го? Быть может, на это ответят русско-французские документы этого года, хранящиеся в неразобранной еще части старого Государственного Архива (только летом 1921 г. перевезенного в Москву из Кирилло-Белозерского монастыря, куда он был эвакуирован при Керенском).

В виде заключения мы поместили в подлиннике ту переписку между русским министерством иностранным и русским посольством в Берлине, которая дала главный материал для фабрикации „Оранжевой книги“ 1914 года о возникновении русско-германской войны. Повторяем, все такие документы в „пред'истории“ войны имеют второстепенное значение. Но так как могут еще найтись люди, относящиеся к разноцветным книгам вполне серьезно, не мешает их посвятить в тайну той кухни, на которой эти книги приготовляются. Читатели увидят, как тщательно устранялось из документов, при их опубликовании в „Оранжевой книге“, все, что могло бы „испортить впечатление“—извинения, например, германского правительства по поводу манифестаций перед русским посольством—как завастривались все слишком „неопределенные“ для русских целей фразы германских дипломатов, как, наконец, попросту опускались целые—и важнейшие—депеши, предназначенные не для публики. Такова, например, циническая телеграмма Сазонова от 17/30 июля, предупреждавшая русских послов заграницей, что никакие попытки Германии смягчить конфликт не остановят русских вооружений. В опубликованном царским правительством тексте нет, конечно, и следа этого документа.

М. Покровский.

Copie d'un rapport présenté au Chancelier Prince Gortchakow par le Conseiller Privé Strêmooukhow, en date du 18 Avril 1873.

1873.

I.

Le Prince de Bismarck m'ayant fait inviter, par l'entremise du Prince de Reuss, à venir chez lui Lundi, à 10 heures du soir, je me suis empressé de me rendre au Palais. Arrivé là, j'appris que le Comte Moltke se trouvait chez lui en tête à tête, depuis plus d'une heure; mais peu après le feldmaréchal est parti et le Prince me fit entrer dans son cabinet.

Je crois devoir porter à la connaissance de Votre Altesse un résumé de notre entretien qui a duré un peu moins de deux heures.

Le Prince exprima d'abord le plaisir qu'il ressentait à revoir cette capitale, et à ce propos il fit une comparaison assez caractéristique: il compara sa vue à l'effet d'un fusil à aiguille et sa mémoire à un fusil à silex faisant parfois long feu, parce que ses yeux lui disent de suite qu'il avait devant lui d'anciennes connaissances, mais sa mémoire était bien lente à lui rappeler les noms de ces personnes.

A ce propos, il dit que la mémoire est une faculté héréditaire, surtout chez les souverains, et que la mémoire remarquable que possède notre Auguste Maître fait certainement partie de l'héritage de feu l'Empereur Nicolas.

Je lui recommandai de se faire lire les fragments des lettres que le défunt Empereur avait adressées, lors de la guerre de Crimée, aux Princes Menchikow et Gortchakow et qui viennent d'être publiées par l'Invalide; j'exprimai l'assurance que cette lecture ne manquerait pas de l'intéresser, parce que ces fragments fournissaient des preuves touchantes de la bonté de cœur et de l'élévation de la pénsée de Sa Majesté.

Le Prince répondit: „je lirai bien certainement ces fragments; j'ai toujours été un admirateur chaleureux de ce Monarque, qui, toute Sa vie, avait été la personnification de la loyauté et l'esclave dévoué et sincère de Son devoir. Ce qui m'a toujours fait de la peine, c'est qu'il n'était pas aussi populaire parmi les Allemands qu'il le méritait. Vous savez certainement que c'est Ollmutz qui en a été la cause, mais je Vous expliquerai ce qui s'est passé à Ollmutz.—L'Empereur Nicolas, malgré l'influence occulte de Metternich, était bien le chef réel de la Sainte Alliance. Considérant cette ligue comme la base salutaire et essentielle de toute l'Europe, il croyait devoir Se préparer de Son vivant un succes-

Копия рапорта, представленного канцлеру князю Горчакову тайным советником Стремоуховым 18 апреля 1873 г.

Печатаемые ниже документы найдены в секретном архиве бывшего министра иностран. дел. В настоящее время документы эти хранятся в государственном архиве Р.С.Ф.С.Р.—2-е отделение, в котором об'единены документы XIX в. до 1-го марта 1917 г.

Рапорт тайного советника Стремоухова канцлеру князю Горчакову 18 апреля 1873 г. имеется в копии, написанной от руки. Хранится в отдельном конверте с надписью той же рукой, которою сделана и копия: Avril 1873 Bismarck—Strémoukhoff entretien. (Отд. IV, Шк. C/d. № 4).

1873.

Перевод.

I.

Так как князь Бисмарк передал мне через князя Рейса приглашение явиться к нему в понедельник в 10 часов вечера, то я поспешил отправиться во дворец. Прибыв туда, я узнал, что граф Мольтке уже более часу беседует с ним с глазу на глаз. Спустя некоторое время фельдмаршал удалился, и князь позвал меня к себе в кабинет.

Считаю долгом довести до сведения Вашей Светлости содержание нашей беседы, длившейся несколько менее двух часов.

Сначала князь выразил свое удовольствие по поводу того, что вновь видит эту столицу, и кстати сделал довольно характерное сравнение: он сравнил свое зрение с игольчатым ружьем, а свою память с ружьем кремневым, которое иногда долго не производит выстрела; глаза тотчас говорят ему, что перед ними находятся старые знакомые, но память очень медленно воспроизводит имена этих лиц.

По этому поводу он сказал, что память является наследственной способностью преимущественно у Государей, и что замечательная память, которой обладает наш Августейший Повелитель, несомненно составляет часть наследия покойного Императора Николая.

Я посоветовал ему велеть себе прочесть отрывки писем, написанных покойным Императором, во время крымской войны*), к князьям Меньшикову и Горчакову и только что напечатанных в „Инвалиде"; я выразил уверенность, что это чтение непременно его заинтересует, ибо в этих отрывках даются трогательные доказательства сердечной доброты и возвышенности мыслей Его Величества.

Князь ответил: „Я, конечно, прочту эти отрывки. Я всегда был горячим поклонником этого Государя, который всю жизнь был олицетворением прямоты и самоотверженным и искренним рабом своего дела. Меня всегда огорчало, что он не был так популярен среди немцев, как того заслуживал. Вы, разумеется, знаете, что причиною того был Ольмюц**), но я Вам об'ясню, что произошло в Ольмюце.

*) Война России с Англией, Францией, Турцией и Сардинией (1853—56 г.г.), закончившаяся Парижским трактатом.

**) В Ольмюце в 1850 г. шли переговоры между Австрией, Пруссией и Россией, закончившиеся заключением австро-прусской конвенции, неблагоприятной для Пруссии. Этим переговорам предшествовало свидание имп. Николая I с прусским принцем в Варшаве, на котором имп. Николай I принял сторону Австрии в назревавшем австро-прусском конфликте.

seur. Le Roi Frédéric-Guillaume ne possédait nullement la fibre guerrière; de plus, tout en n'étant pas dépourvu d'intelligence, ses facultés intellectuelles n'étaient pas démonstratives et ne le rendaient pas apte à être mis à la tête d'une ligue de cette portée. C'est après avoir sauvé la cause de la Monarchie en Autriche et guidé de ses conseils paternels les premiers pas de François-Joseph que l'Empereur Nicolas crut voir dans la personne de ce jeune souverain un digne continuateur de l'œuvre de la Sainte Alliance. Ce sont là les raisons qui ont provoqué à Ollmutz cette partialité de l'Empereur Nicolas pour l'Autriche que cette Puissance sut payer de tant d'ingratitude et qui fut l'origine de l'animosité des patriotes allemands envers la Russie. Vint la guerre de Crimée. L'Autriche agit d'une manière dégoutante et absurde à la fois; tout en mordant la main qui l'avait sauvée elle posa les bases de tous ses malheurs à venir. Mais la Prusse, de son coté, fit de la politique malhabile et même lâche. Je fis preuve de courage en venant plusieurs fois de Francfort à Berlin pour combattre le système du Baron Manteuffel. Je fis des efforts inouïs pour faire comprendre au Roi que le moment était venu pour la Prusse de sortir de sa position effacée en mobilisant son armée pour paralyser les velléités de l'Autriche et pour exercer une pression sur les alliés, afin de les rendre plus disposés à la conclusion d'une paix équitable et solide. Par cette politique hardie et honnête on se faisait une position superbe; on gagnait l'estime de l'Europe et la reconnaissance sincère de la Russie, qui de tout temps a su être franchement reconnaissante. Mais toutes les fois que les argumens que je faisais valoir avaient l'air de gagner du terrain, on me fermait la bouche en me renvoyant à mon poste à Francfort. On continua donc la politique flasque et incolore et on laissa échapper l'occasion d'opérer l'agrandissement pacifique de la Prusse et une entente réelle avec la Russie. Je maintiens ce que j'ai déjà dit: on n'a pas voulu agir avec fermeté et surtout on n'a pas été honnête, et je puis affirmer qu'être honnête en politique veut dire être très habile. Les petites finesses et les tromperies font obtenir parfois les avantages passagers, mais on les paie trop cher par la suite et on s'aperçoit trop tard qu'on avait fait un marché de dupes".

Le Prince me demanda ensuite s'il était vrai que j'avais vu en automne Mr. Thiers. Je répondis affirmativement et j'ajoutai que je l'ai trouvé fort raisonnable et extrêmement modéré.

„Il n'y a rien d'étonnant, répliqua-t-il, qu'il Vous ait fait cette impression, puisqu'il est le Français le plus raisonnable de l'univers; c'est un homme éminemment estimable et ses compatriotes sont tout bonnement absurdes de ne pas savoir apprécier son mérite. S'il avait été premier Ministre de Napoléon, il est certain que la guerre n'aurait pas eu lieu. La France était si loin d'être prête à la guerre (et nous le savions) que pendant toutes les péripéties d'Ems et de Paris je restais à Varzin et j'y avais entrepris une cure de Karlsbad. Lorsque les télégrammes ont commencé devenir de plus en plus fréquents, c'est ma fille qui m'aidait à les déchiffrer. Tous les jours les nouvelles que je recevais me vexaient davantage; je voyais qu'on était trop mou à Ems et que Wer-

Император Николай, несмотря на тайное влияние Меттерниха, был на самом деле истинным главою Священного Союза. Почитая этот союз спасительною и существенною основою благополучия всей Европы, он считал себя обязанным еще при жизни подготовить себе преемника. Король Фридрих Вильгельм был совершенно лишен военной жилки. Сверх того, далеко не будучи лишенным ума, он не умел обнаруживать свои умственные способности, свойства которых делали его непригодным стоять во главе союза такого значения. Спасши монархический принцип в Австрии и руководя при помощи своих отеческих советов первыми шагами Франца Иосифа, Император Николай считал что этот юный Государь будет достойным продолжателем задачи Священного Союза. Эти-то причины в Ольмюце создали то пристрастие Императора Николая к Австрии, за которое эта держава сумела воздать такою неблагодарностью и которое стало источником неприязни немецких патриотов к России. Началась Крымская война. Поведение Австрии было отвратительно и вместе с тем нелепо. Жаля руку, ее спасшую, она заложила фундамент всех своих грядущих бед. Но, с другой стороны, политика Пруссии была неискусна и даже трусливa. Я выказал мужество, не раз приезжая из Франкфурта в Берлин*), чтобы бороться с системою барона Мантейфеля. С неслыханными усилиями я старался дать понять Королю, что для Пруссии наступил момент, когда ей нужно выйти из своей безучастности и мобилизовать свое войско, чтобы парализовать поползновения Австрии и оказать на союзников давление, которое сделает их более расположенными к заключению справедливого и прочного мира. Такою смелою и честною политикою создалось бы превосходное положение; ею приобрелись бы уважение Европы и искренняя признательность России, во все времена умевшей выражать свою благодарность. Но каждый раз, как приводимые мною доводы как будто начинали иметь успех, мне закрывали рот, отсылая к исполнению должности во Франкфурт. И так продолжалась плоская безцветная политика, причем был упущен случай произвести мирным путем расширение прусских границ и достигнуть истинного соглашения с Россией. Настаиваю на том, что я уже сказал: „не захотели действовать с твердостью, а главное не были честными; я же могу утверждать, что в политике быть честным значит—быть очень искусным. Мелкими тонкостями и надуваниями порою достигаются кратковременные выгоды, но за них потом расплачиваются слишком дорого и черезчур поздно замечают, что были обмануты сами".

Потом князь спросил у меня, правда ли, что я осенью виделся с Г. Тьером. Я ответил утвердительно и прибавил, что нашел его очень рассудительным и чрезвычайно умеренным.

„Ничуть не удивительно", ответил он, „что он произвел на Вас такое впечатление, потому что это — самый рассудительный француз во всем мире; этот человек достоин великого уважения, и со стороны его соотечественников просто нелепо не уметь ценить его по заслугам.

*) С 1851 по 1859 г. Бисмарк был прусским представителем при германском союзном сейме во Франкфурте.

ther à Paris était tout bonnement dans ses petits souliers. Aussi n'ai je pas tardé à lui adresser les plus vertes mercuriales et puis je le fis rappeler en toute hâte. Il fallut aller à Berlin et, à peine arrivé, j'y reçus un télégramme qui m'informait de la renonciation du Prince de Hohenzollern. C'est alors que je télégraphiai au Roi que si cette renonciation était motivée par le désir de faire des concessions à tout prix, je ne pourrais plus servir Sa Majesté. Je reçus le même jour une réponse télégraphique qui était composée de plus de 300 groupes de chiffres. Le déchiffrement m'a été apporté pendant que nous dinions avec Moltke qui était tout malheureux et irrité de ce qu'on laissait échapper une occasion unique, vu l'état de la France. Ce télégramme déchiffré tendait encore aux atermoiemens et aux concessions, mais, profitant d'une autorisation éventuelle du Roi, j'en retranchai les cinq sixièmes et le reste fut immédiatement communiqué à tous les Cabinets. Trois jours plus tard Mr. Lesourd m'apportait la fameuse lettre de Grammont, qui était une déclaration de guerre. J'accordai trois jours à Lesourd et à ses employés pour faire leurs malles, mais j'exigeai que Stoffel fut parti avant le coucher du soleil. J'ai tenu bon contre tous les efforts pour obtenir un délai et, lorsque cet officier a voulu faire une halte à Cassel, la police l'a conduit à la gare et l'accompagna jusqu'à la frontière. L'attitude de l'Europe Vous est connue, mais je crois qu'aucune Puissance n'a été aussi pusillanime que l'Angleterre; ses tergiversations, sa duplicité ont fourni des preuves nombreuses de ce que sa politique n'a plus de base ferme et morale. Aussi peut on dire avec certitude que l'Angleterre a perdu à tout jamais l'amitié, l'estime et la confiance de tout le monde... Imaginez-Vous, que lors de la guerre avec la France, pendant que j'allais demander les bons offices de l'Ambassade Britannique à Paris pour la protection de nos nationaux, Lord Loftus est venu me déclarer qu'il était chargé de protéger les Français en Prusse. Vu les relations qui existaient entre Berlin et Londres, c'était un procédé pour le moins peu délicat.

„Mais parlons un peu Orient. Avez-Vous été satisfait de Keudell?" Je répondis que sa conduite avait été en tout point irréprochable et correcte. „J'en suis enchanté pour lui, dit le Prince, il va être avancé. En le nommant à Constantinople, je lui fis nettement comprendre que cette nomination était un examen et déciderait de sa carrière à venir. Pour subir cet examen, il devait avant tout mériter la satisfaction de la Russie et ne pas créer de questions. Nous n'avons pas d'intérêts politiques en Orient, nous n'avons qu'à y protéger nos nationaux et à favoriser le développement de notre commerce. Le crédit que nous pouvons y posséder doit être mis au service de la Puissance dont les bonnes dispositions nous sont chères et nécessaires. Ce n'est pas le sentiment, mais le calcul politique qui nous indique que cette Puissance est la Russie, qui, seule, peut nous être essentiellement utile et dont l'amitié nous est indispensable. Aussi ai-je été fort mécontent de ce que quelques-uns de nos Consuls se soient permis de se mêler de choses qui ne les regardent pas. N'est-ce pas que ce sont Alten et Kalisch?"

Je répondis qu'effectivement Alten a fait immensément de mal irré-

Будь он первым министром у Наполеона, уже конечно не произошло бы войны. Франция была столь далека от готовности к войне (и мы это знали), что во время всех эмских и парижских происшествий *) я сидел в Варцине и лечился там карлсбадскою водою. Когда телеграммы стали все более учащаться, то дешифрировать их помогала мне дочь. Каждый день получавшиеся известия возбуждали во мне все большую досаду; я видел, что в Эмсе были слишком мягки, и что Вертер в Париже просто находится в тисках. Поэтому я не замедлил посылкою ему самых строгих выговоров, а потом поскорее заставил отозвать его. Приходилось отправляться в Берлин и, едва туда приехав, я получил телеграмму, уведомлявшую меня об отречении принца Гогенцоллерна **). Тогда я телеграфировал Королю, что если это отречение имеет источником желание уступать во чтобы то ни стало, то я не могу более служить Его Величеству. В тот же день я получил по телеграфу ответ, состоявший более чем из трехсот групп цифр. Дешифровку мне принесли, пока мы обедали с Мольтке, который был очень расстроен и раздражен тем, что опускался столь редкий случай, имея в виду состояние Франции. Эта дешифрованная телеграмма стремилась еще к отсрочкам и уступкам, но, пользуясь данным на случай нужды разрешением Короля, я выбросил из нее пять шестых, остальное же немедленно сообщил всем Кабинетам. Три дня спустя, г. Лесур принес мне знаменитое письмо Граммона, которое было объявлением войны. Лесуру и его чиновникам я дал три дня на укладку их вещей, но потребовал, чтобы Штоффель уехал до захода солнца. Я противостоял всем стараниям добиться отсрочки и, когда этот офицер захотел остановиться в Касселе, то полиция отвезла его на вокзал и проводила до границы. Каково было отношение Европы, Вам известно. Но ни одна держава не выказала такой трусости, как Англия. Ее колебания, ее неискренность дали много доказательств того, что ее политика уже лишена твердых и нравственных основ. Поэтому можно сказать с уверенностью, что Англия навсегда утратила дружбу, уважение и доверие всего мира. Вообразите себе, что во время войны с Францией, когда я хотел обратиться к содействию английского посольства в Париже по вопросу о защите наших соотечественников, лорд Лофтус явился объявить мне, что ему поручена защита французов в Пруссии. В виду отношений, существовавших между Берлином и Лондоном, такое поведение было по меньшей мере неделикатным.

Но поговорим немного о Востоке. Довольны ли вы были Кейделем?" Я ответил, что поведение последнего было во всех отношениях безупречно и корректно. „Я за него очень доволен", сказал князь. „Он получил повышение. Назначая его в Константинополь, я с определенностью дал ему понять, что это назначение есть экзамен, от которого зависит его дальнейшая карьера. Чтобы выдержать этот

*) В Эмсе шли переговоры между королем Вильгельмом и французским послом Бенедетти, предшествовавшие франко-прусской войне 1870 г.

**) Кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол и отречение его от этой короны послужили поводом к франко-прусской войне 1870 г.

parable; que les Evêques rebelles ne procédaient qu'avec hésitation, tandis que le Gouverneur Turc était plutôt disposé à soutenir l'autorité légale du Patriarche, mais que dans ce moment critique Alten par son intervention, est venu intimider le Pacha et encourager les rebelles. Quant à Kalisch, il appartenait à une catégorie si infime, qu'il était seulement étrange de le voir affublé de la dignité consulaire, de plus il avait été influencé par un drogman Polonais Posnanien, émigré.

Sur l'observation du Prince que les drogmans indigènes, trop habiles et trop intrigants, étaient la peste des Consulats en Orient, je répliquai que nous le savions par expérience et que depuis quelques années déjà nous n'admettions dans le ressort du Département Asiatique que des Russes nés.

Pour en revenir à la Turquie, continua le Prince, je viens d'envoyer à Keudell une instruction pour l'inviter à prescrire à tous nos Consuls d'avoir à s'abstenir de toute ingérence dans les affaires politiques; c'est la Légation qui sera responsable de toute contravention à cet ordre, mais elle aura le droit de suspendre immédiatement tout Consul qui n'y obéirait pas; elle aura à congédier aussi dès à présent tous les drogmans qui font de la politique[4].

Le Prince fit venir de suite un des ses secrétaires et lui ordonna de demander par télégramme chiffré l'envoi de Berlin d'une copie de cette instruction.

„Vous aurez cette copie", me dit-il. Je répondis qu'il serait certainement fort agréable à Sa Majesté l'Empereur d'avoir cette nouvelle preuve des dispositions amicales et correctes du Gouvernement Prussien.

Le Prince exprima le désir de connaître mon opinion sur quelques questions spéciales touchant l'Orient. Je répondis que toutes mes connaissances étaient à son service, que grâce à la politique de notre Auguste Maître, nous ne désirions que la lumière et l'absence de brouillards dans toutes les questions et qu'on ne pouvait arriver à des résultats pratiques que par un franc échange d'idées et d'opinions.

Interrogé sur la réforme judiciaire en Egypte, j'exposai notre point de vue — celui de procéder avec une sage lenteur et de ne point détruire prématurément la barrière salutaire des capitulations.

Le Prince dit qu'il allait plus loin encore et que les réformes en Orient ne lui inspiraient qu'une fort médiocre confiance. Quant au tarif du Canal de Suez, il comprenait fort bien que les Anglais, après s'être emparés de la mer Rouge, visaient à se saisir de cette voie importante qui a été percée malgré eux.

Ayant taché de retracer aussi exactement que je l'ai pu les traits principaux de cette conversation, je crois devoir ajouter qu'au commencement j'ai trouvé le Prince fort préoccupé et sérieux, mais qu'il s'est animé peu à peu et a tenu à manifester ses bonnes dispositions pour la Russie.

экзамен, он должен был прежде всего заслужить одобрение России и не создавать вопросов. У нас нет политических интересов на Востоке; нам нужно там только защищать наших соотечественников и покровительствовать развитию нашей торговли. Кредит, который мы можем там иметь, должен быть предоставлен к услугам той державы, чье доброе расположение нам дорого и нужно. Не чувство, но политический расчет говорит нам, что такою державою является Россия, которая одна может быть нам существенно полезною и дружба которой для нас необходима. Поэтому я был весьма недоволен тем, что некоторые из наших консулов позволяли себе вмешиваться в дела, которые их не касались. Не правда-ли, что так поступали Альтен и Калиш?"

Я ответил, что, действительно, Альтен наделал массу непоправимого вреда; что непокорные епископы *) действовали не без колебаний, между тем как турецкий губернатор был скорее склонен поддержать законный авторитет патриарха, но что в этот критический момент вмешательство Альтена запугало пашу и поощрило непокорных. Что же касается Калиша, то он принадлежит к категории столь ничтожной, что странно было видеть его облеченным в консульское достоинство; сверх того, он находился под влиянием одного драгомана, поляка, эмигрировавшего из Познани.

На замечание князя, что туземные драгоманы, слишком ловкие и преданные интригам, являются бедствием для консульств на Востоке, я возразил, что нам это известно по опыту и что вот уже несколько лет, как мы принимаем на службу в Азиатский Департамент только природных русских. „Кстати о Турции", продолжал князь: «я только что послал Кейделю инструкцию, приглашая его предписать всем нашим консулам, чтобы они воздерживались от всякого вмешательства в политические дела. За каждое нарушение этого приказа ответственность ляжет на посольство; но оно будет иметь право немедленно отстранить каждого консула, проявившего неповиновение. Оно также будет обязано немедленно уволить всех драгоманов, занимающихся политикой.

Князь тотчас вызвал одного из своих секретарей и приказал ему шифрованною телеграммою спросить из Берлина копию этой инструкции. «Вам передадут эту копию», сказал он. Я ответил, что Его Величеству Императору будет конечно очень приятно получить это новое доказательство дружеского расположения и корректности прусского правительства.

Князь выразил желание узнать мое мнение о некоторых частных вопросах, касающихся Востока. Я ответил, что все мои познания к его услугам, что, благодаря политике нашего Августейшего Повелителя, мы желаем только света и отсутствия туманности во всех вопросах и что практических результатов можно достигнуть лишь при помощи откровенного обмена мыслей и мнений.

*) Подразумевается участие германского консула в Иерусалиме Альтена в выступлении отдельных епископов против патриарха Иерусалима, который был ими низложен.

P. S. Lors de la rédaction de ce rapport j'ai oublié d'y insérer quelques paroles du Prince Bismarck sur le compte de Votre Altesse. Je m'empresse de réparer cette omission.

Lorsque le nom de Votre Altesse vint à être mentionné, le Prince dit: „J'estime profondément Votre illustre chef et j'admire son caractère mais il y a surtout une qualité que je lui envie, c'est qu'il est essentiellement *gutmütig* (je ne saurais trouver le mot équivalent en français). Cette qualité est un trésor inestimable pour un homme d'Etat, surtout dans notre métier.

Malheureusement, elle me fait complètement défaut et la bile me travaille, me ronge et me tourmente et, ce qui est plus grave, elle obscurcit même parfois mon jugement.

Спрошенный о судебной реформе в Египте*), я изложил нашу точку зрения: о необходимости действовать с мудрою медлительностью и не уничтожать прежде времени спасительную преграду капитуляций.

Князь сказал, что он пойдет еще дальше и что реформы на Востоке внушают ему весьма мало доверия. Тариф же Суэцкого канала понятен ему вполне: англичане, завладев Красным морем, стремятся захватить и этот важный путь, проложенный против их желания.

Постаравшись воспроизвести с возможной для меня точностью главные черты этой беседы, считаю долгом прибавить, что в начале ее я застал князя весьма озабоченным и серьезным, но мало по малу он оживился и постарался выразить свое доброе расположение к России.

P. S. Составляя этот рапорт, я забыл включить в него несколько слов князя Бисмарка, относящихся к Вашей Светлости. Спешу восполнить это упущение.

Когда пришлось упомянуть о Вашей Светлости, князь сказал: «Я глубоко уважаю вашего знаменитого начальника и восхищаюсь его характером, особенно же одним его качеством, которым он возбуждает во мне зависть: дело в том, что он истинно gutmütig [добродушен] (не могу найти соответственного слова по-французски). Это свойство есть неоценимое сокровище для государственного человека, особенно же в нашей профессии. К несчастью, я лишен его совершенно: желчь, которой я страдаю, грызет меня и мучит, а что еще важнее, она даже помрачает мой здравый смысл.

---

*) Имеется в виду судебная реформа в Египте, предложенная Хедивом турецкому Султану.

Доклады кн. А. М. Горчакова Александру II-му.

Très secret.

II.

Je dépose aux pieds de *Votre Majesté Impériale* *) le compte rendu succinct d'un long entretien que j'ai eu avec le Prince de Bismark.

Je n'en toucherai que les lignes principales.

Le Prince de Bismark commença par une profession de foi nette et catégorique.

Il m'a dit que depuis vingt ans, il n'avait jamais varié dans son dévouement absolu pour Votre Majesté; qu'il considérait une entente intime avec la Russie comme la seule politique rationnelle pour la Prusse; que cette conviction ne reposait pas seulement sur un sentiment de reconnaissance, mais que c'était même un calcul d'intérêt; que la Prusse ne saurait jamais oublier les services rendus par la Russie lors de la dernière guerre, et que le seul moyen qu'elle avait de témoigner sa gratitude était de mettre tout le crédit qu'elle peut avoir en Orient à la disposition de la Russie; qu'il venait d'envoyer des instructions catégoriques à ce sujet à Mr. de Keudell; et que, sachant que nous avions à nous plaindre de quelques agents Consulaires Allemands dans ces parages, il avait prescrit au Ministre d'Allemagne à Constantinople d'informer tous les Consuls sous sa juridiction que le Cabinet de Berlin était dans une entente intime avec la Russie, qu'il était fermement résolu d'y persister, que, désormais, il était interdit aux Consuls de s'occuper de politique ou d'intervenir dans les affaires intérieures de leur localité; que leur tâche devait être strictement commerciale; s'ils s'en écartaient, que Mr. de Keudell aurait à les suspendre immédiatement, sans en référer à Berlin et que tout ce qui se ferait dans ce sens serait approuvé.

La recommandation de se conformer à ces instructions a été réitérée à Mr. d'Eichmann, successeur de Mr. de Keudell.

Mr. de Bismarck m'a dit qu'il avait télégraphié à Berlin pour avoir copie de ses instructions et qu'il m'en ferait part.

En parlant de l'entente intime avec la Russie, il s'est exprimé avec dédain pour l'Angleterre, indifférence pour l'Autriche.

---

*) Слова: „Votre Majesté Impériale" в подлиннике всюду написаны крупными буквами.

Доклады кн. А. М. Горчакова Александру II-му.

Эта серия документов хранится в отдельном конверте с надписью: Entretien des Chanceliers Prince Gortchakow et Prince de Bismark. Pièces rélatives aux conventions militaires avec l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie (Отд IV Шк. C/d № 5).

Конверт содержит следующие документы:

Доклад Горчакова о переговорах с Бисмарком, СПБ. 19 апреля 1873 г. Это подлинный документ, написанный рукой неизвестного переписчика. Под документом собственноручная подпись Горчакова. 5 небольших докладных записок кн. Горчакова Александру II, целиком написанных рукой самого Горчакова. Две первых записки помечены 22 avril 1873.

На второй надпись, сделанная рукой Александра II-го: Pour ce qui regarde l'Autriche nous aurons le temps d'en causer encore.

Третья не имеет даты, а только отметку: 10 heures vendredi; наверху надпись рукой Александра II: venez chez moi à $11^1/_2$ h.

Четвертая датирована 25 mai 1873 г. На полях две заметки рукой Александра II: „et à moi aussi" и „c'est ce que je l'avais prié de faire".

Пятая помечена vendredi $\frac{25 \text{ mai}}{6 \text{ juin}}$ 1873.

Весьма секретно. Перевод.

II.

Повергаю к стопам Вашего Императорского Величества краткий отчет о продолжительной беседе, которую я имел с князем Бисмарком.

Коснусь только главнейшего.

Князь Бисмарк начал с того, что ясно и определенно изложил свое profession de foi.

Он сказал мне, что уже двадцать лет как он остается неизменно преданным Вашему Величеству; что он смотрит на тесное согласие с Россией, как на единственно разумную политику для Пруссии; что это убеждение покоится не только на чувстве благодарности, но является даже вопросом выгоды; что Пруссия никогда не забудет оказанных ей во время последней войны Россией услуг, и что единственным средством для Пруссии проявить свою благодарность является предоставление в распоряжение России всего того влияния, каким Пруссия обладает на Востоке; что он послал категорические предписания в этом смысле г-ну Кейделль; и что, зная, что мы имели основание быть недовольными некоторыми германскими консульскими агентами в той местности, он предписал германскому послу в Константинополе довести до сведения всех подведомственных ему консулов, что Берлинский Кабинет находится в тесном согласии с Россией, что решение его продолжать ту же политику вполне твердо, что впредь консулам воспрещается заниматься политикой или вмешиваться во внутренние дела их местечек; что их деятельность должна быть исключительно коммерческой; и что, в случае их уклонения с этого пути, г. Кейделль должен их немедленно увольнять, не сносясь с Берлином, и что все, что он сделает в этом направлении, будет одобрено.

Преемнику г. Кейделля, г-ну Эйхману было также предписано придерживаться этой инструкции.

Г. Бисмарк сказал мне, что он по телеграфу предписал доставить ему копии этих инструкций и что он мне сообщит их содержание.

Говоря о тесном согласии с Россией, он говорил об Англии пренебрежительно и равнодушно об Австрии.

Il passa ensuite à des questions d'une nature plus délicate et où il comptait fermement sur ma discrétion vis-à-vis de tout le monde sau comme de raison, de Votre Majesté Impériale.—Il s'agissait de sa position personnelle.

Ses antagonistes sont nombreux et haut placés. — Il m'en cita plusieurs.—Le Baron Manteuffel, ancien Président du Conseil. Bodelschwiegh, Mühler, Savigny etc. etc. et me dit que ces Messieurs avaient un Ministère tout fait. Il ajouta que le Prince de Reuss écrivait directement au Roi dans un sens qui ne lui était pas favorable.

Je l'interrompis pour observer qu'il y avait peut-être de l'exagération dans l'hostilité qu'il supposait au Prince de Reuss et que, pour ma part je n'en avais saisi aucune trace.

„J'ai vu ses lettres; le Roi me les a montrées.—Je Vous dirai plus!— Dès mon arrivée à St.-Pétersbourg je n'ai pas laissé ignorer à Reuss que ses menées m'étaient connues et j'ai ajouté que si l'on me mettait dans le cas de quitter le pouvoir, je n'hésiterais pas à faire connaître publiquement les promoteurs de ce résultat et que je le désignerai personnellement. — On a compté sur notre séjour actuel à St.-Pétersbourg pour que, à la faveur du crédit dont Reuss jouit ici, on dispose Votre Empereur à entretenir le mien sur le même sujet".

J'ai répondu aussitôt qu'une semblable supposition était absurde pour qui connaît l'inébranlable résolution de Votre Majesté de ne jamais intervenir dans les affaires intérieures d'un autre pays.

„Au reste",— continua Mr. de Bismark, —„j'ai dit à plus d'une reprise a mon Roi que j'étais épuisé de travail et à bout de santé; qu'il Lui serait facile de me remplacer; que Mr. Delbrück, Vice-Président actuel du Reichsrath, était parfaitement versé dans les questions de droit et qu'on pourrait nommer un Chancelier fédéral auquel Delbrück faciliterait la tâche par son expérience. Si j'avais voix au chapitre je proposerais Mr. de Schweinitz pour le portefeuille des affaires étrangères.— Notre politique extérieure et intérieure se renfermerait alors dans les limites actuelles suffisamment larges de la Prusse.—Quant à moi, je me retirerais à Varzin sans jamais oublier les devoirs que m'impose ma qualité de fidèle sujet du Roi et soldat Prussien".

Sur ma demande quelle réponse il avait reçu de l'Empereur-Roi, le Prince de Bismark répliqua: „Sa Majesté me dit":—"Vous voulez donc abdiquer?" Et moi: — „Pourquoi n'abdiquerai—je pas? — Je suis assez vieux pour cela!"

Nous parlâmes encore de la situation de l'Allemagne qui, sous le rapport social et religieux, me paraissait fort peu rassurante.

„Pour ce qui est du côté religieux",—dit-il,—„nous obtiendrons des Chambres les lois que nous avons demandées. — Nous avions besoin de cette arme dans notre arsenal pour nous défendre contre les empiétemens de l'Eglise Catholique sur l'Etat.—Une fois en possession de l'arme nous en userons avec discrétion et douceur.— Peu à peu les esprits se calmeront quand ils verront que nous n'en voulons d'aucune façon au foyer de la conscience.—Pour ce qui est du mouvement socialiste je n'en conteste pas l'importance et les nombreuses ramifications.—Quant au prin-

Затем он перешел к более щекотливым вопросам, касательно которых он твердо расчитывал на мою скромность по отношению ко всем, кроме, конечно, Вашего Императорского Величества. Речь шла о его личном положении.

У него много высокопоставленных врагов.—Он мне назвал нескольких. Бывший президент совета бар. Мантейфель, Бодельшвиг, Мюлер, Савиньи и т. д. и т. д. и сказал, что у этих господ уже готово Министерство. Он прибавил, что принц Рейс писал непосредственно Королю в неблагоприятном для него смысле.

Я прервал его, заметив, что он, может быть, несколько преувеличивает, предполагая вражду со стороны принца Рейса, вражду, которой я, с своей стороны, совершенно не замечал.

„Я видел его письма; Король мне их показал.—Я вам скажу больше. Со времени моего приезда в С.-Петербург я не скрывал от Рейса, что мне были известны его козни, и прибавил, что если бы меня заставили удалиться от власти, я не колеблясь публично обнаружил бы главных деятелей, приведших к этому результату, и указал бы лично на него. Расчитывали на наше нынешнее пребывание в С.-Петербурге для того, чтобы, в виду авторитета, которым здесь пользуется Рейс, склонить Вашего Императора поговорить с моим в этом духе.

Я тотчас ответил, что подобное предложение было нелепо в глазах тех, кому известно непоколебимое решение Вашего Величества никогда не вмешиваться во внутренние дела чужой страны.

„Впрочем"—продолжал г. Бисмарк,—„я не раз говорил своему Королю, что силы мои истощены работой и что здоровье мое расшатано; что ему было бы легко меня заменить; что нынешний вице-президент рейхсрата г. Дельбрюк вполне в курсе дела правовых вопросов и что можно бы назначить федерального канцлера, которому Дельбрюк, своей опытностью, облегчил бы задачу. „Если бы я имел голос в этом деле, я предложил бы г. Швейница для портфеля иностранных дел.—Наша внешняя и внутренняя политика была бы тогда заключена в достаточно широкие рамки Пруссии. Что касается меня, я бы удалился в Вардин, никогда не забывая своих обязанностей верноподданного Короля и прусского солдата".

На мой вопрос, какой ответ он получил от Императора-Короля, князь Бисмарк ответил: Его Величество сказал мне—„Значит вы хотите отказаться?" А я: „—Почему бы мне и не отказаться? Я достаточно стар для этого".

Мы говорили еще о положении Германии, которое кажется мне мало успокоительным в социальном и религиозном отношении.

„Что касается вопросов религии", сказал он, „мы добьемся от палат просимых нами законов. Нам нужно было иметь это оружие в запасе для защиты против агрессивности католической церкви на Востоке. Раз оружие в наших руках, мы будем им пользоваться с осторожностью и мягкостью. Мало-по-малу умы успокоятся, когда увидят что мы никоим образом не посягаем на свободу совести. Что касается социалистического движения, я не отрицаю его значения и

cipe nous ne pouvons l'attaquer que par la législation. — Nous nous en occupons, mais c'est un travail lent et difficile. — Ce qui est à redouter c'est le poison occulte et insaisissable. — Les émeutes, comme celles de Manheim et de Francfort, sont plutôt des accidents heureux. — Lorsque le bourgeois voit qu'on en veut à son bien, il devient féroce dans la défense. — Ce qui est plus sérieux c'est l'insuffisance et l'horizon étroit de notre magistrature.—On propose d'y substituer le jury.—Je ne l'aime pas!—Mais je vous assure que cela vaudrait presque encore mieux que nos magistrats actuels.—Ils s'en tiennent servilement à la lettre de la loi sans en saisir l'esprit, et les meneurs socialistes sont assez adroits pour environner leurs intrigues criminelles de formes qui les mettent a l'abri de la stricte lettre de la loi.—Aussi n'aboutissons nous, pour la plupart, qu'à de scandaleux acquittements".

Le Prince de Bismark termina en me disant que si Votre Majesté voulait lui permettre de L'entretenir de la situation Prusse, il le ferait avec une entière franchise et abandon, persuadé que l'Empereur son Maître n'avait pas de meilleur ami.

Gortchakow.

St.-Pétersbourg,
le 19 Avril 1873.

I.

Le départ de l'Empereur-Roi n'étant pas éloigné, il me parait désirable que le travail de Mr. de Berg et de Moltke soit accéléré.—Je n'ai pas échangé une parole avec le Maréchal Berg, Votre Majesté s'étant reservé de lui donner personnellement Ses ordres.—Messieurs les Maréchaux ayant achevé leur tâche, la mienne ainsi que le concours occulte de Bismark n'exigeraient pas même une petite heure, les pensées étant d'accord.

L'ébauche soumise par le Maréchal Berg à Votre Majesté me semble contenir une lacune importante. A mon avis le premier article de la Convention devrait constater que sa pensée est une nouvelle garantie de paix et qu'en convenant dès aujourd'hui d'une marche commune pour des éventualités de güerre, on a l'intention et l'espoin d'écarter l'explosion ou de la rendre plus difficile.

Gortchakow.

22 Avril 1873.

2.

Pour ce qui regarde l'Autriche nous aurons le temps d'en causser encore *).

***Bismark** ne goute pas l'idée d'associer l'Autriche à la Convention. J'avoue, Sire, que je partage cette répugnance et que je crois même qu'un secret absolu devrait être observé à son égard.* — Qu'elle adhère ou non nous ne saurions compter sur sa discrétion. — La confidence serait faite de *Vienne* à Londres et de là à Paris. — L'Angleterre trouvera de son intérêt de signaler à Paris un fait qu'ello représentera comme un indice de malveillance contre la France pour l'attirait à une attitude également

*) Рукой Александра II.

многочисленности его разветвлений. Затрагивать самый принцип мы можем только законодательным путем. Мы это и делаем, но это медленная и трудная работа. Опасен яд скрытый и неуловимый. Такие возмущения, как мангеймское и франкфуртское, являются скорее счастливым событием. Когда буржуа видит, что посягают на его имущество, он защищается с яростью. Гораздо серьезнее то, что наша магистратура не на высоте положения и что горизонты ее крайне узки. Предлагают заменить ее судом присяжных. Я его не люблю! Но я Вас уверяю, что это все-таки было бы почти лучше, чем наши современные судьи. Они рабски придерживаются буквы закона, не схватывая его духа, а социалистические вожаки довольно ловки для того, чтобы облекать свои преступные интриги в формы, неуязвимые для буквы закона.

Поэтому мы, в большинстве случаев, достигаем только скандальных оправданий.

Князь Бисмарк закончил говоря, что если бы Вашему Величеству благоугодно было разрешить ему доложить Вашему Величеству о состоянии Пруссии, он бы сделал это с полной откровенностью и чистосердечием, будучи убежден в том, что у его повелителя нет лучшего друга.

Горчаков.

С.-Петербург, 19 апреля 1873 года.

1.

Так как отъезд Императора-Короля уже не далек, то мне представляется желательным ускорение трудов г.г. Берга и Мольтке.

Я не обменялся ни единым словом с г-ном Бергом, так как Ваше Величество взяли на себя лично отдачу ему приказаний. Когда г.г. маршалы исполнят свою задачу, то моя помощь и тайное сотрудничество Бисмарка не потребуют даже и единого часа, вследствие полного согласия в мыслях.

В наброске, представленном Вашему Величеству маршалом Бергом, имеется, по моему мнению, важный пробел: мне кажется, первая статья конвенции должна бы констатировать, что ее идея есть новая гарантия мира и что, условливаясь уже ныне о совместном выступлении на случай войны, имеем намерение и надежду воспрепятствовать ее возникновению или сделать его более трудным.

22 апреля 1873 г. *Горчаков.*

2. Что касается Австрии, то мы успеем еще потолковать о ней. *)

Бисмарку не нравится мысль присоединить Австрию к конвенции. Признаюсь, Ваше Величество, что разделяю это отвращение и даже думаю, что по отношению к ней надо соблюдать совершенную тайну. Присоединится она или нет, мы не можем расчитывать на ее скромность: было бы сделано сообщение из Вены в Лондон, а оттуда в Париж. Англия найдет для себя выгодным указать Парижу на факт, который она изобразит в виде признака недоброжелательства к Фран-

*) Рукой Александра II.

malveillante contre nous en Orient. - Or nous savons que le Cabinet de St. James y est tout disposé et nos principaux intérêts se concentrent sur ce terrain; si tel était le résultat, la Convention serait certainement tout à l'avantage de l'Allemagne, mais offrirait cependant des inconvéniens pour nous.

Je ne dépose pas ces observations aux pieds de Votre Majesté pour faire opposition à la mesure mais seulement pour signaler des précautions à prendre.

Gortchakow.

22 Avril 1873.

3.

Venez chez moi à $11^1/_2$ h. *).

Le Comte Andrassy *vient* de m'envoyer son travail. J'espère achever le mien vers $11^1/_2$—midi. Pourrais je avoir entre midi et une heure une audience de Votre Majesté, 5 minutes, pour lui soumettre ce travail et connaître sa décision, avant qu'Andrassy ne vienne chez moi où il s'est annoncé pour une heure?

Gortchakow.

10 heures. Vendredi.

4.

„et à moi aussi".

„c'est ce que je, l'avais prié de faire" **).

Le Comte Andrassy m'a lu le projet d'arrangement qu'il a soumis hier à Votre Majesté. L'idée me parait bonne. Je l'ai toutefois prié de m'envoyer ce matin son projet, afin que je puisse peser quelques nuances de redaction et les introduire s'il y a lieu. Quand le travail sera fait je demanderai la permission de le soumettre à Votre Majesté.

Andrassy s'est annoncé chez moi vers midi pour prendre connaissance de la rédaction modifiée et pour porter et son projet et le notre à l'Empereur François Joseph qui jusqu'ici ignore encore même le texte d'Andrassy.

Gortchakow.

25 Mai 1873.

5.

Le Comte Andrassy vient de m'envoyer l'acte ci-près signé en double par l'Empereur François Josephe. J'ose prier Votre Majesté de daigner apposer Sa signature en face de celle de l'Empereur d'Autriche, sur un exemplaire à droite et sur l'autre à gauche, conformément à l'alternat, et de vouloir bien me restituer les deux exemplaires dont l'un restera chez nous et l'autre sera remis au Comte Andrassy.

Je joins ci-près une lettre à la Reine Isabelle en réponse à la Sienne Le Courrier que j'expédie demain à Paris pourra l'emporter en même temps que la réponse au Maréchal Mac-Mahon.

Gortchakow.

Vendredi 25 Mai – 6 Juin 1873.

*) Рукою Александра II.
**) Заметки рукой Александра II.

ции, чтобы склонить последнюю тоже принять недоброжелательную к нам позицию на Востоке. А так как мы знаем, что Сен-Джемский Кабинет вполне к этому склонен и наши главные интересы сосредоточены на этой почве, то при подобном результате конвенция, конечно, будет выгодной лишь для Германии, для нас же представит неудобства.

Повергаю эти замечания к стопам Вашего Величества не за тем, чтобы противиться этой мере, но лишь за тем, чтобы указать на необходимость предосторожностей.

Горчаков.

22 апреля 1873 г.

3.

Я Вас прошу в $11^1/_2$ ч. *)

Граф Андраши только что прислал мне свой труд. Надеюсь окончить мою работу к половине одиннадцатого или к двенадцати часам. Смею ли просить между двенадцатью и часом о пятиминутной аудиенции у Вашего Величества, чтобы представить Вам эту работу и узнать об Вашем решении, прежде чем явится ко мне Андраши, который, согласно своему предупреждению, должен быть у меня в час?

10 часов. Пятница. *Горчаков.*

4.

Граф Андраши читал мне проект соглашения, который он вчера читал Вашему Величеству. Идею я одобряю**). Как бы то ни было, я просил его прислать мне нынче утром свой проект, чтобы я мог взвесить некоторые оттенки изложения и внести соответствующие изменения, если придется. Когда работа будет закончена, попрошу позволения представить ее Вашему Величеству***).

Андраши предупредил меня, что явится ко мне к полудню, чтобы узнать об изменениях в изложении и чтобы препроводить и свой и наш проекты императору Францу Иосифу, которому доселе неизвестен даже и текст Андраши.

Горчаков.

25 мая 1873 г.

5.

Граф Андраши только что прислал мне прилагаемый при сем документ, написанный в двух экземплярах императором Францем Иосифом. Смею просить, чтобы Ваше Величество удостоило поставить свою подпись против подписи императора Австрийского, на одном экземпляре — с правой стороны, а на другом — с левой, сообразно с двойным текстом и соблаговолило вернуть мне оба экземпляра, из которых один останется у нас, а другой будет вручен графу Андраши.

Прилагаю письмо Королеве Изабелле в ответ на Ее письмо. Курьер, которого посылаю в Париж, захватит его вместе с ответом маршалу Мак-Магону.

Горчаков.

Пятница. 25 мая/6 июня 1873 г.

*) Рукой Александра II.
**) На полях пометка рукою Александра II: „И я также".
***) На полях пометка рукой Александра II: „Я просил его это сделать".

Convention militaire entre la Russie et l'Allemagne.

III.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne désirant donner une forme pratique à la pensée qui préside à leur accord intime, c'est à dire de consolider l'état de paix actuel en Europe et d'éloigner les chances de guerre, qui pourraient la troubler, ont autorisé leurs Feldmaréchaux Comte Berg et Comte Moltke à conclure la convention militaire suivante:

1. Si l'un des deux Empires était attaqué par une puissance européenne il sera secouru dans le plus bref délai possible au moyen d'une armée de deux cent mille hommes de troupes effectives.

2. Cette convention militaire est conclue dans un esprit qui n'a rien d'hostile envers aucune nation ni aucun Gouvernement.

3. Si l'une des deux parties contractantes désirait dénoncer la présente convention militaire, elle sera tenue de le faire deux ans (vingt quatre mois) avant, qu'elle soit considérée comme annulée, afin de donner à l'autre partie le tems de prendre les arrangements, qui seront à sa convenance.

Fait à St.-Pétersbourg ce 24 Avril/6 Mai 1873.

Comte Berg. *Gr. Moltke.*

Nous ratifions.
ce 24 Avril—6 Mai 1873.

Alexandre. *Guillaume.*

Annexe à la convention militaire conclue à St.-Pétersbourg ce 24 Avril—6 Mai 1873.

Les Soussignés Feldmaréchaux en signant la convention militaire conclue aujourd'hui, sont d'accord qu'il est entendu qu'à partir du jour auquel l'armée de secours aura franchi la frontière de son pays, les frais de nourriture des hommes et des chevaux et ceux des hôpitaux seront à la charge de la puissance secourue.

St.-Petersbourg ce 24 Avril—6 Mai 1873.

Comte Berg. *Gr. Moltke.*

Nous ratifions.

Alexandre. *Guillaume.*

Военная конвенция между Россией и Германией 24 апреля (6 мая) 1873 г.

Подлинник.

Два листа писчей бумаги, вложенные один в другой. Текст конвенции написан рукой графа Берга. Под текстом подлинные подписи: Берга, Мольтке, Александра и Вильгельма, повторенные два раза: под главным текстом и под добавлением (аппеле). При подписях две сургучные печати, почти совсем изгладившиеся от долгого лежания под тяжестью. Документ хранился в синей картонной папке и в отдельном конверте большого формата в размере $^1/_2$ листа писчей бумаги.

Перевод.

III.

Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Германии, желая воплотить на практике ту идею, которая руководит Их сердечным согласием, т.-е. упрочить господствующий ныне в Европе мир и удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить, уполномочили своих фельдмаршалов, графов Берга и Мольтке, к заключению нижеследующей военной конвенции:

1. Если какая-либо европейская держава напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двух сот тысяч человек боеспособного войска.

2. Эта военная конвенция проникнута духом, не имеющим в себе ничего враждебного ни к какой нации и ни к какому правительству.

3. Если одна из двух договаривающихся сторон пожелала бы прекратить настоящую военную конвенцию, она обязуется из'явить таковое желание за два года (24 месяца) до того времени, с коего конвенция будет считаться уничтоженной, чтобы дать другой стороне время принять те меры, какие окажутся ей удобными.

Заключена в С.-Петербурге 24 апреля—6 мая 1873 г.

Гр. Берг. *Гр. Мольтке.*

Мы подтверждаем
сего 24 апреля—6 мая 1873.

Александр. *Вильгельм.*

Прибавление к военной конвенции, заключенной в С.-Петербурге сего 24 апреля—6 мая 1873 г.

Нижеподписавшиеся фельдмаршалы, подписывая военную конвенцию, заключенную ныне, согласились относительно того условия, что, начиная с того дня, когда вспомогательное войско перейдет границу своего отечества, расходы на прокорм людей и лошадей и на содержание госпиталей будут производиться на счет державы, получающей помощь.

С.-Петербург, сего 24 апреля—6 мая 1873.

Гр. Берг. *Гр. Мольтке.*

Мы подтверждаем

Александр. *Вильгельм.*

Русско-австрийская конвенция 25 мая—6 июня 1873 г.

IV.

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et.

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche et Roi de Hongrie:

Désirant donner une forme pratique à la pensée qui préside à leur entente intime,

Dans le but de consolider l'état de paix qui existe actuellement en Europe, et ayant à coeur d'éloigner les chances de guerre qui pourraient la troubler.

Convaincus que ce but ne saurait être mieux atteint que par une entente directe et personelle entre les Souverains, entente indépendante des changements qui pourraient se faire dans leurs administrations, sont tombés d'accord sur les points suivants:

I. Leurs Majestés se promettent mutuellement, lors même que les intérêts de leurs Etats présenteraient quelques divergences à propos de questions spéciales, de se concerter afin que ces divergences ne puissent pas prévaloir sur les considérations d'un ordre plus élevé qui Les préoccupent. Leurs Majestés sont décidés à empêcher qu'on ne puisse réussir à Les séparer sur le terrain des principes qu'Elles considèrent comme seuls capables d'assurer et s'il le faut d'imposer le maintien de la paix de l'Europe contre tous les bouleversemens de quelque côté qu'ils viennent.

2. Pour le cas où une agression venant d'une Puissance tierce menacerait de compromettre la paix européenne Leurs Majestés s'engagent mutuellement à s'entendre d'abord entr'Elles sans rechercher ni contracter de nouvelles alliances, afin de convenir de la ligne de conduite à suivre en commun.

3. Si à la suite de cette entente une action militaire devenait nécessaire, elle serait réglée par une convention spéciale à conclure entre Leurs Majestés.

4. Si l'une des hautes Parties contractantes voulant reprendre son indépendance d'action, désirait dénoncer le présent acte, elle serait tenue de le faire deux ans d'avance afin de donner à l'autre Partie le temps de prendre les arrangemens qui seraient dans Ses convenances.

Schönbrunn, le 25 Mai—6 Juin 1873.

Alexandre. *François Joseph.*

Русско-австрийская военная конвенция 25 мая—6 июня 1873 г.

В архиве имеется подлинник с собственноручными подписями Александра II-го и Франца Іосифа. Документ хранился в отдельном конверте с надписью: „Въ случаѣ моей смерти вручить Государю Императору".

Перевод.

IV.

Его Величество Император Всероссийский и Его Величество Император Австрийский, Король Венгерский, желая осуществить на практике ту идею, которая руководит их сердечным согласием, имея целью упрочить мир, господствующий ныне в Европе, и душевно желая удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить, убежденные, что эта цель наилучше может быть достигнута лишь прямым и личным соглашением между Государями, соглашением независимым от перемен, какие могли бы произойти в среде Их правительств, единогласно установили следующие пункты:

1. Их Величества обещают друг другу, даже когда в требованиях интересов Их государств окажется некоторое разногласие по поводу частных вопросов, сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка, какими Они озабочены. Между Их Величествами решено не допускать, чтобы кому-либо удалось разлучить Их на почве принципов, считаемых Ими за единственно способные обеспечить и, если нужно, силою поддержать европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали.

2. На тот случай если бы нападение со стороны третьей державы грозило нарушить европейский мир, Их Величества взаимно обязуются, не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собою, чтобы согласиться насчет образа действий, какого следует держаться сообща.

3. Если бы вследствие сего соглашения явилась необходимость в военных действиях, таковые должны сообразоваться с особою конвенциею, которую предстоит заключить Их Величествам.

4. Если бы одна из высоких договаривающихся сторон, стремясь вернуть себе полную независимость действий, пожелала расторгнуть сей договор, то она обязуется предупредить о том за 2 года, чтобы дать другой стороне время принять меры, какие та найдет удобными.

Шенбрун 25 мая—6 июня 1873.

Александр. *Франц Иосиф.*

Акт о присоединении Германии к русско-австрийской конвенции 25 мая—6 іюня 1873 г., 23 октября 1873 г.

V.

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et
Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies

Désirant donner une forme pratique à la pensée qui préside à leur entente intime,

Dans le but de consolider l'état de paix qui existe actuellement en Europe, et ayant à coeur d'éloigner les chances de guerre qui pourraient la troubler,

Convaincus que ce but ne saurait être obtenu que par une entente directe et personnelle entre les Souverains, entente indépendante des changements qui pourraient se faire dans Leurs administrations,

Sont tombés d'accord sur les points suivants:

I.

Leurs Majestés se promettent mutuellement, lors même que les intérêts de Leurs Etats présenteraient quelques divergences à propos de questions spéciales, de se concerter afin que ces divergences ne puissent pas prévaloir sur les considérations d'un ordre plus élevé qui les préoccupent.

Leurs Majestés sont décidées à empêcher que l'on ne puisse réussir à les séparer sur le terrain des principes qu'Elles considèrent comme seuls capables d'assurer et s'il le faut d'imposer le maintien de la paix de l'Europe contre tous les bouleversements de quel côté qu'ils puissent venir.

II.

Pour le cas où une agression venant de la part d'une Puissance tierce menaçait de compromettre la paix européenne, Leurs Majestés, sans rechercher ni contracter des nouvelles alliances, s'engagent mutuellement à s'entendre d'abord entr'Elles sur la ligne de conduite à suivre en commun.

III.

Si à la suite de cette entente une action militaire devenait nécessaire, elle serait réglée par une convention spéciale à conclure entre Leurs Majestés.

IV.

Si l'une de Hautes Parties contractantes voulant reprendre toute son indépendance d'action désirait dénoncer la présente, Elle serait tenue de le faire deux ans d'avance afin de donner à l'autre partie le temps de prendre les arrangements qu'Elle jugerait convenables.

Schönbrunn, le 25 Mai—6 Juin 1873.

Francois Joseph $\frac{m}{p}$ *Alexandre* $\frac{m}{p}$

Акт о присоединении Германии к русско-австрийской конвенции 25 мая—6 іюня 1873 г., 23 октября 1873 г.

Этот документ имеется в копии, находящейся в конверте при докладных записках кн. Горчакова.

На конверте надпись рукой Горчакова: „Не вскрывать безъ особаго Высочайшаго повелѣнія или письменнаго отъ меня предписанія 22 ноября 1873 г.".

Перевод.

V.

Его Величество император Всероссийский и

Его Величество император Австрийский, король Венгерский,

желая осуществить на практике ту идею, которая руководит их сердечным согласием,

имея целью упрочить мир, господствующий ныне в Европе, и душевно желая удалить возможность войны, которая могла бы его нарушить,

убежденные, что эта цель наилучше может быть достигнута лишь прямым и личным соглашением между Государями, соглашением независимым от перемен, какие могли бы произойти в среде Их правительств, единогласно установили следующие пункты:

I.

Их Величества обещают друг другу, даже когда в требованиях интересов Их государств окажется некоторое разногласие по поводу частных вопросов, сговориться так, чтобы эти разногласия не могли одержать верх над соображениями высшего порядка, какими Они озабочены. Между Их Величествами решено не допускать, чтобы кому-либо удалось разлучить Их на почве принципов, считаемых Ими за единственно способные обеспечить и, если нужно, силою поддержать европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали.

II.

На тот случай, если бы нападение со стороны третьей державы грозило нарушить европейский мир, Их Величества взаимно обязуются, не ища и не заключая новых союзов, сначала сговориться между собою, чтобы согласиться насчет образа действий, какого следует держаться сообща.

III.

Если бы вследствие сего соглашения явилась необходимость в военных действиях, таковые должны сообразоваться с особою конвенциею, которую предстоит заключить Их Величествам.

IV.

Если бы одна из высоких договаривающихся сторон, стремясь вернуть себе полную независимость действий, пожелала расторгнуть сей договор, то она обязуется предупредить о том за два года, чтобы дать другой стороне время принять меры, какие та найдет удобными.

Шенбрун. 25 мая/6 июня 1873 г.

Франц Иосиф. *Александр.*

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne ayant pris connaissance de l'entente ci-dessus, rédigée et signée à Schönbrunn par Leurs Majestés l'Empereur d'Autriche, Roi de Hongrie et l'Empereur de toutes les Russies, et trouvant le contenu conforme à la pensée qui a présidé à l'entente signée à St.-Pétersbourg entre Leurs Majestés l'Empereur Guillaume et l'Empereur Alexandre, accède en tout aux stipulations qui s'y trouvent consignées.

Leurs Majestés l'Empereur et Roi François Joseph et l'Empereur et Roi Guillaume en approuvant et en signant cet acte d'accession, le porteront à la connaissance de Sa Majesté l'Empereur Alexandre.

Schönbrunn, le 23 Octobre 1873.

François Joseph $\frac{m}{p}$ *Guillaume.* $\frac{m}{p}$

Его Величество Император Германии, принявши к сведению вышеизложенный договор, составленный и подписанный в Шенбруне Императором Австрийским, королем Венгерским и Императором Всероссийским, и находя содержание его соответствующим той идее, которая положена в основу соглашения, подписанного в Петербурге между Их Величествами Императором Вильгельмом и Императором Александром, согласен во всем с теми условиями, которые в него внесены.

Их Величества Император и Король Франц Иосиф и Император и Король Вильгельм, одобряя и подписывая этот акт присоединения, доведут его до сведения Императора Александра.

Шенбрун. 23 октября 1873 г.

Франц Иосиф. *Вильгельм.*

2) Рейхштадт.

I. Текст Рейхштадтского соглашения.

I.

Très secrète.

Reichastadt, le 26 juin 1876.

Il a été jugé nécessaire de ne pas proclamer le principe de non intervention *absolue* afin de ne pas se lier les mains d'avance en vue de certaines éventualités.

Nous avons insisté sur la fermeture du port de Klek, sans laquelle la non intervention ne serait pas sincère et effective.

De notre côté, nous ne pourrions pas nous y croire liés et, en ce cas, l'Angleterre ne l'observerait pas. Le Comte Andrassy y a ajouté la fermeture de Cattaro qui a été réclamée par les Anglais, afin de donner à cette mesure le caractère de l'impartialité. Toutefois, le Cabinet de Vienne prévoit l'impossibilité d'empêcher l'assistance privée de venir en aide aux Chrétiens vu les vives sympathies des populations Dalmates.

Il a été convenu:

1°. *Quant au présent:*

Les Puissances observeront le principe de non-intervention dans le moment actuel, se réservant de s'entendre ulterieurement si les circonstances l'exigeaient.

Les ports de Klek et de Cattaro seront fermés aux deux parties.

En aucun cas on n'assistera les Turcs contre les Chrétiens.

2°. *Quant à l'avenir:*

a. En cas de succès des Turcs, les Puissances s'entendront pour les arrêter s'ils se livrent à des violences excessives contre les Chrétiens.

Elles exigeront le rétablissement du *status quo ante* en Serbie, y compris l'abolition des forteresses turques.

Quant à la Bosnie et à l'Herzegovine, les Puissances insisteront à Constantinople pour qu'elles soient organisées sur la base du programme tracé par la dépêche du 30 Décembre et le Mémoire de Berlin ou, du moins, d'après le règlement crétois.

b. Si les Chrétiens sont victorieux:

Les Puissances agiront d'accord pour régler les conséquences de la guerre.

2) Рейхштадт.

I. Текст Рейхштадтского соглашения.

Подлинника в архиве не имеется. Текст написан той же самой рукой, которой написан доклад Горчакова о переговорах с Бисмарком 19-го апреля 1873 г. Сбоку карандашем написано: „restitué par S. M. l'Empereur le 25 juillet 78".

Перевод.

I.

Совершенно секретно.

Рейхштадт, 26-го июля 1876 г.

Было признано, что не следует провозглашать принципа полного невмешательства для того, чтобы не связывать себе заранее рук в виду возможности некоторых случайностей.

Мы настаивали на закрытии порта Клек (Klek) *), без чего невмешательство было бы неискренним и недействительным.

Со своей стороны мы не могли бы считать себя там связанными, а, в таком случае, Англия его не соблюдала бы. Граф Андраши прибавил к нему закрытие Каттаро**), которого требовали англичане, для того, чтобы придать этой мере характер беспристрастия. Венский кабинет, однако, предвидит невозможность воспрепятствовать оказанию помощи христианам частным образом в виду горячих симпатий далматских народностей.

Было решено:

1. *Касательно настоящего момента*:

Державы будут в настоящий момент придерживаться принципа невмешательства, сохраняя за собой право сговориться впоследствии, если того потребуют обстоятельства.

Порты Клек и Каттаро будут закрыты для обоих сторон.

Ни в каком случае не будет оказано помощи туркам против христиан.

2. *Касательно будущего*:

a. В случае успеха турок, если они будут предаваться чрезмерным насилиям над христианами, державы должны будут сговориться и остановить их.

Они потребуют восстановления status quo ante в Сербии, считая в том числе и уничтожение турецких крепостей включительно.

Что касается Боснии и Герцеговины, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в депеше от 30-го декабря***) и берлинской записке или,

*) Бухта и порт на далматинском берегу Адриатического моря.

**) Бухта и укрепленный город того же имени на далматинском побережьи Адриатического моря, до 1918 г. принадлежащий Австрии.

***) Имеется в виду депеша Австр. министра ин. дел гр. Андраши австрийскому послу в Париже гр. Аппони, уведомляющая о решении Австрии, Германии и России предпринять совместные шаги в Константинополе по вопросу о реформах в христианских провинциях Евр. Турции.

Le Cabinet de Vienne considère cette compensation comme une condition vitale sans laquelle elle ne pourrait admettre un agrandissement des Principautés Slaves voisines.

Si le Gouvernement Russe le jugeait possible et utile, il lui est réservé de s'annexer le port de Batoum.

Elles ne favoriseront pas l'établissement d'un grand Etat Slave, mais le Montenegro et la Serbie pourront s'annexer: le premier l'Herzegovine et un port sur l'Adriatique, la seconde quelques parties de la vielle Serbie et de la Bosnie.

Mais, en pareil cas, l'Autriche aura la faculté de s'annexer la Croatie Turque et quelques parties de la Bosnie contiguës à ses frontières, d'après un tracé à convenir.

De son côté, la Russie aurait alors la faculté de reprendre la partie de la Bessarabie cédée par le Traité de 1856.

Si, enfin, les conséquences d'un succès des Chrétiens devaient amener l'entier écroulement de l'Empire Ottoman en Europe, la Bulgarie et la Roumélie pourraient former des Principautés indépendantes dans leurs circonscriptions naturelles. L'Epire et la Thessalie seraient libres de s'annexer à la Grèce.

Constantinople pourrait être érigé en ville libre.

по меньшей мере, согласно положению о Крите *).

б. Если победят христиане:

Державы будут действовать согласно в вопросе об урегулировании последствий войны.

Они не окажут содействия образованию большого славянского государства, но Черногория и Сербия будут иметь возможность анексировать: первая — Герцеговину и порт на Адриатическом море, вторая — некоторые части старой Сербии и Боснии.

Но в таком случае Австрия будет иметь право анексировать турецкую Кроацию и некоторые пограничные с ней части Боснии согласно плану, который будет установлен впоследствии.

Со своей стороны Россия имела бы в таком случае право вернуть себе часть Бессарабии, уступленную согласно трактату 1856 г. **).

Если бы, наконец, последствием успеха христиан явилось полное крушение Оттоманской Империи в Европе, Болгария и Румелия могли бы образовать независимые княжества в их естественных границах. Эпир и Θессалия могли бы присоединиться к Греции.

Константинополь мог бы стать вольным городом.

Венский кабинет смотрит на эту компенсацию как на существенное условие, без которого он не мог бы допустить увеличения соседних славянских княжеств.

Если бы русское правительство нашло это возможным и полезным, ему было бы предоставлено анексировать Батум.

*) Органический статут от 10 января 1868 г. представляющий частичные льготы христианскому населению острова.

**) По парижскому трактату Россия уступила Турции дельту Дуная и юго-западн. часть Бессарабии (Измаильский уезд).

28 Juin 1876.

Pro memoria.

II.

Il me semble utile de préciser quelques-uns des points indiqués dans la précédente notice.

Ad. I. En aucun cas une intervention directe ou indirecte en faveur des Turcs contre les Chrétiens ne saurait être admise.

Ad. II. Le port de Klek devrait être fermé aux troupes turques dès la proclamation du principe de non-intervention.

Dans le cas où cette fermeture n'aurait pas lieu, il serait impossible de refuser aux Serbes et aux Monténégrins le transit des armes et munitions destinées à les renforcer. Mais il est très désirable qu'on puisse éviter cette nécessité qui pourrait donner lieu à des interprétations malveillantes de la part de quelques Puissances.

Ad. III. On ne saurait prévoir le moment ni le mode que les Cabinets pourraient choisir pour s'interposer entre les deux parties. Le moment peut être indiqué soit si les succès et revers étant partagés, l'épuisement de la lutte amenait les deux parties à prêter l'oreille aux transactions, soit si les Turcs ayant brisé la résistance militaire, la poursuite des opérations prenait un caractère de cruauté inutile et de vengeance. Le mode d'interposition dépendrait alors de l'accord entre les Cabinets.

Ad. IV. Les suites possibles de la lutte ouvrent la porte aux plus graves combinaisons.

Si les Turcs ont le dessus, les Puissances ont le droit, le devoir et l'intérêt d'exiger que la position assurée par les traités à la Serbie ne soit pas altérée et que les forteresses turques ne soient pas rétablies. Les mesures de précaution que la Porte pourrait prendre pour sa sécurité à venir ne devraient pas enfreindre ces limites.

Quant aux provinces sujettes, on devrait insister pour que leur sort à venir soit réglé d'après les conditions du programme de Berlin, ou d'après le règlement Crétois suggéré par le Cabinet de Londres, ou enfin, s'il est possible, sur une base plus large d'autonomie administrative.

L'Angleterre ayant admis ce principe, si l'Europe agit d'accord, le Gouvernement Turc ne pourrait pas se refuser à un voeu unanime justifié par l'intérêt de la paix générale et la sécurité des pays voisins.

28 июня 1876.

Для памяти.

Подлинный документ, представленный к докладу Александру II. Написан от руки на двух листах писчей бумаги, сшитых в тетрадку шелковым шнурком. Сверху в углу поставлена дата другой рукой: 28 juin 1876.

Перевод.

II.

Было бы полезно более точно формулировать некоторые пункты пред'идущего.

К пун. I. Ни в каком случае не может быть допущено никакое вмешательство, прямое или косвенное, в пользу турок против христиан.

К пун. II. Порт Клек должен бы быть закрыт для турецких войск с момента провозглашения принципа невмешательства.

В случае, если бы это закрытие не состоялось, было бы невозможно отказать сербам и черногорцам в провозе для них оружия и военных припасов. Но было бы очень желательно избегнуть этой необходимости, которая могла бы подать повод к недоброжелательным толкованиям со стороны некоторых держав.

К пун. III. Невозможно предвидеть тот момент, который державы могут избрать для того, чтобы вмешаться в отношения между враждующими сторонами, или тот способ, к которому они прибегнут с этой целью. Момент может оказаться подходящим или в том случае, если бы при успехах и неудачах с той и другой стороны обе истощенные борьбой враждующие стороны склонялись к примирению, или если бы турки сломили военное сопротивление и дальнейшие действия приняли бы характер бесполезной жестокости и мести. Кабинеты должны были бы в таком случае договориться относительно способа вмешательства.

К пун. IV. Возможные последствия борьбы могли бы вызвать самые серьезные осложнения.

Если бы Турки одержали верх, державы были бы обязаны и имели бы право, в своих же интересах, требовать, чтобы положение Сербии, гарантированное трактатами, не было изменено и чтобы турецкие крепости не были восстановлены. Меры предосторожности, которые Порта могла бы принять ради своей безопасности в будущем, не должны выходить за эти пределы.

Что касается до подвластных провинций, следовало бы настаивать на том, чтобы их судьба в будущем была устроена или согласно

C'est pourquoi il serait nécessaire de s'entendre sur un programme à poursuivre en commun.

Si la victoire se déclarait en faveur des Chrétiens, le principe convénu d'abandonner les choses à leur cours naturel semble impliquer l'obligation de laisser les diverses nationalités se développer et s'organiser selon leur propre vitalité et dans leurs limites naturelles.

En aucun cas on ne saurait admettre une intervention de l'Europe au profit de la domination turque que la force des choses aurait irrévocablement condamnée.

Mais une entente des Cabinets peut être nécessaire pour organiser l'état de choses que présenterait alors la presqu'île des Balkans, soit:

1) Que les Turcs chassés de la région montagneuse se maintiennent dans les plaines de Bulgarie, Roumélie, Thessalie et Macédoine ainsi qu'à Constantinople;

2) Que, s'ils succombent définitivement, un conflit éclate entre les diverses nationalités appelées à fonder leur existence indépendante.

3) Que la révolution fasse prévaloir ses tendances anarchiques.

A l'égard de ces éventualités on ne peut se tenir qu'aux lignes principales.

L'Autriche-Hongrie excluant un grand Etat Slave et la Russie un Empire Grec, il semblerait que la solution la plus rationnelle serait la création de petits Etats indépendants, chacun dans les circonscriptions territoriales où l'histoire les a placés, avec un lien fédéral.

условиям берлинской программы, или, установленному под влиянием лондонского кабинета, положению о Крите, или, наконец, если возможно, на более широкой основе административной автономии.

Раз Англия допустила этот принцип, то, при согласных действиях Европы, Турецкое правительство не будет в состоянии уклониться от всеобщего желания, оправдываемого интересами всеобщего мира и безопасностью соседних государств. Поэтому следовало бы выработать совместно общую программу действий.

Если бы победа оказалась на стороне христиан, то, казалось бы, что в силу установленного принципа предоставления событий их собственному течению пришлось бы предоставить различным национальностям развиваться и организовываться согласно их жизнеспособности и в их естественных границах.

Ни в каком случае нельзя было бы допустить вмешательства Европы в пользу турецкого господства, которое было бы безповоротно осуждено силой вещей.

Но соглашение между державами может явиться необходимым в целях упорядочения дел на Балканском полуострове в случае:

1) если бы изгнанные из горных областей турки удержались в долинах Болгарии, Румелии, Θессалии и Македонии, а также и в Константинополе;

2) если бы в случае их окончательного разгрома между разными нациями, призванными устраивать свое независимое существование, возник конфликт;

3) если бы путем революции, восторжествовали анархистские тенденции.

По отношению к этим возможностям можно придерживаться только общего направления.

В виду того, что, благодаря Австро-Венгрии исключена возможность большого славянского государства, а благодаря России—греческой империи, самым рациональным исходом было бы создание мелких независимых государств, в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и об'единенных на федеративных началах.

Mémoire de Berlin.

III.

Les nouvelles alarmantes venant de la Turquie sont de nature à engager les Cabinets à resserrer leur entente.

Les trois Cours Impériales se sont cru appelées à se concerter entre elles pour parer aux dangers de la situation, avec le concours des autres Grandes Puissances Chrétiennes.

Dans leur pensée, l'état présent des choses en Turquie réclame une double série de mesures:

Il leur paraît avant tout urgent que l'Europe avise aux moyens généraux de prévenir le retour d'événemens, tels que ceux qui viennent d'éclater à Salonique, et qui menacent de se reproduire à Smyrne et à Constantinople. A cet effet les Grandes Puissances devraient, à leur avis, se concerter sur les dispositions à prendre, pour préserver la sécurité de leurs nationaux et celle des habitans Chrétiens de l'Empire Ottoman, sur tous les points où elle se trouverait compromise.

Ce but semblerait pouvoir être atteint par un accord général, concernant l'envoi de bâtimens de guerre sur les points menacés et l'adoption d'instructions combinées aux commandans de ces navires, pour le cas où les circonstances exigeraient de leur part une coopération armée en vue du maintien de l'ordre et de la tranquillité.

Toutefois ce but ne serait qu'imparfaitement atteint, si la cause première de ces agitations n'était point écartée par la prompte pacification de la Bosnie et de l'Herzégovine.

Les Grandes Puissances se sont déjà réunies dans cette pensée, sur l'initiative prise dans la dépêche du 30 décembre dr, afin d'obtenir une amélioration effective du sort des populations de ces contrées, sans porter atteinte au status quo politique.

Elles ont demandé à la Porte un programme de réformes destinées à répondre à ce double but. La Porte, déférant à cette demande, s'est déclarée fermement résolue à mettre ces réformes à exécution et l'a officiellement communiqué aux Cabinets.

Il en est résulté pour ceux-ci un droit moral, — celui de veiller à l'accomplissement de cette promesse, et une obligation,—celle d'insister pour que les insurgés et les réfugiés secondent cette oeuvre d'apaisement en cessant la lutte et en rentrant dans leurs foyers.

Берлинская памятная записка.

Рукопись, отпечатанная литографским способом на бумаге с оттиском на верху каждого листа слева: Auswärtiges Amt. Три листа сшитых шелковым шнурком с прусскими цветами без обращения и без подписи.

Перевод.

III.

Доходящие из Турции тревожные вести побуждают Кабинеты укрепить их соглашение.

Три Императорские Двора сочли необходимым сговориться между собой в целях предотвращения, при содействии других великих христианских держав, опасностей, которыми грозит современное положение вещей.

Они полагают, что настоящее положение вещей в Турции требует мер двоякого рода.

Им кажется, что прежде всего необходимо, чтобы Европа подумала об общих мерах для предотвращения повторения событий, подобно разразившимся недавно в Салониках, и которые угрожают повториться в Смирне и в Константинополе. С этой целью Великие Державы должны бы, по их мнению, сговориться по всем пунктам касательно мер, которые следует принять для ограждения безопасности как их сограждан, так и христиан, живущих в Оттоманской Империи.

Цель эта могла бы, повидимому, быть достигнута общим соглашением о посылке военных судов в угрожаемые пункты и принятием согласованных предписаний командирам этих судов на случай, если бы обстоятельства потребовали с их стороны вооруженного сотрудничества в целях поддержания порядка и спокойствия.

Цель эта, однако, не могла бы быть вполне достигнута без устранения первоначальной причины этих волнений путем быстрого замирения Боснии и Герцеговины.

Согласно инициативе депеши 30 декабря Великие Державы уже сошлись на этой мысли в целях достижения действительного улучшения судьбы населения этих стран без нарушения политического status quo.

Они потребовали у Порты проекта реформ, направленных к достижению этой двойной цели. Порта, идя навстречу этой просьбе, заявила о своем твердом намерении провести эти реформы и сообщила об этом оффициально Кабинетам.

Последствием этого для Кабинетов явилось моральное право следить за исполнением этого обещания, и обязанность—настоять на том, чтобы повстанцы и беженцы способствовали этому делу умиротворения, прекратив борьбу и возвратившись к своим очагам.

Cependant ce programme de pacification, bien qu'accepté en principe par toutes les parties, a rencontré un double écueil.

Les insurgés ont déclaré, que l'expérience du passé leur défendait de se fier aux promesses de la Porte, à moins d'une garantie matérielle positive de l'Europe.

La Porte a déclaré de son côté, qu'aussi longtemps que les insurgés parcouraient le pays en armes et que les réfugiés ne se repatriaient pas, il lui était matériellement impossible de procéder à la nouvelle organisation du pays.

En attendant les hostilités ont repris leur cours. L'agitation entretenue par cette lutte de 8 mois s'est étendue à d'autres parties de la Turquie. Les populations musulmanes ont dû en conclure, que la Porte n'avait déféré qu'en apparence à l'action diplomatique de l'Europe, et qu'au fond elle n'avait pas l'intention d'appliquer sérieusement les réformes promises. De là un réveil des passions religieuses et politiques, qui a contribué à amener les déplorables évènements de Salonique et la surexcitation menaçante qui se manifeste sur d'autres points de l'Empire Ottoman.

Il n'est pas douteux non plus, qu'à son tour cette explosion du fanatisme réagit sur la situation des esprits en Bosnie et en Herzégovine, comme dans les Principautés voisines.

Car les Chrétiens de ces contrées ont dû être vivement impressionnés par le fait du massacre de Consuls européens, en plein jour, dans une ville paisible, sous les yeux des autorités impuissantes, alors qu'on les engage à se confier au bon vouloir des Turcs irrités par une lutte longue et acharnée.

Si cette situation se prolongeait on risquerait ainsi de voir s'allumer l'incendie général que la médiation des Grandes Puissances avait précisément en vue de conjurer.

Il est donc de toute nécessité d'établir certaines garanties de nature à mettre hors de doute l'application loyale et complète des mesures arrêtées entre les Puissances et la Porte. Plus que jamais il est urgent de peser sur le gouvernement du Sultan pour le décider à se mettre sérieusement à l'oeuvre afin de remplir les engagements contractés par lui envers l'Europe.

Comme premier pas à faire dans cette voie, les trois Cours Impériales proposent d'insister auprès de la Porte, avec toute l'énergie que doit avoir la voix unie des Grandes Puissances, afin de l'amener à une suspension d'armes pour le terme de deux mois.

Ce délai permettrait d'agir à la fois sur les insurgés et les réfugiés, pour leur donner confiance dans la sollicitude vigilante de l'Europe, sur les Principautés voisines, pour les exhorter à ne pas entraver cette tentative de conciliation, et enfin sur le Gouvernement Ottoman, pour le mettre en demeure d'accomplir ses promesses. On pourrait ainsi ouvrir la voie à des pourparlers directs entre la Porte et les délégués Bosniaques et Herzégowiniens sur la base des voeux que ceux-ci ont formulés et qui ont été jugés aptes à servir de point de départ à une discussion.

Эта программа умиротворения, хотя и принятая в принципе всеми сторонами, была однако встречена двояко.

Повстанцы заявили, что опыт прошлого не позволяет им доверяться обещаниям Порты без определенной конкретной гарантии со стороны Европы.

Порта, с своей стороны, заявила, что ей физически невозможно проводить новое устройство в стране, пока там находятся вооруженные инсургенты и до тех пор пока беженцы не возвратятся к месту своего жительства.

Между тем военные действия возобновились. Поддерживаемые этой 8-ми месячной борьбой волнения распространились и на другие части Турции. Мусульманское население заключило из этого, что Порта только по внешности пошла навстречу дипломатическим шагам Европы, и что в сущности она не имеет намерения серьезно проводить обещанные реформы. Это вызвало пробуждение религиозных и политических страстей, способствовавшее наступлению печальных салоникских событий и крайне угрожающему возбуждению, проявляющемуся в других пунктах Оттоманской Империи.

Не подлежит также сомнению, что этот взрыв фанатизма воздействует, в свою очередь, на состояние умов в соседних княжествах, Боснии и Герцеговине, так как христиане в этих местах должны быть под сильным впечатлением факта избиения европейских консулов среди белого дня в мирном городе, на глазах у бессильных представителей власти, в то время когда их приглашают довериться доброй воле раздраженных продолжительной и яростной борьбой турок.

Если это положение продлится, то грозит вспыхнуть всеобщий пожар, предотвратить который имело как раз в виду посредничество Великих Держав.

Поэтому совершенно необходимо установить известные гарантии, способные исключить всякие сомнения в честном и полном применении условленных между Державами и Портой мер. Более чем когда-либо неотложно необходимо оказать давление на правительство Султана, чтобы принудить его серьезно приступить к выполнению принятых на себя по отношению к Европе обязательств.

В качестве первого шага на этом пути три Императорские Двора предлагают настаивать со всей энергией, которая должна быть присуща Великим Державам, на том, чтобы Порта приостановила военные действия на двухмесячный срок.

Этот перерыв дал бы возможность одновременно воздействовать как на инсургентов и беженцев в целях внушения им доверия к деятельному содействию Европы, так и на соседние княжества, в смысле призыва их не создавать препятствий этой попытке примирения и, наконец, на Оттоманское правительство, с целью побудить его выполнить его обещание. Таким образом, можно бы открыть путь для прямых переговоров между Портой и боснийскими и герцеговинскими делегатами на основе выраженных последними пожеланий, признанных способными служить исходным пунктом обсуждения.

Ces points sont les suivants:

1. Les matériaux pour la reconstruction des maisons et églises seraient fournis aux réfugiés rentrants, leur subsistance serait assurée jusqu'à ce qu'ils puissent vivre de leur travail.

2. En tant que la distribution des secours relèverait du Commissaire turc, celui-ci devrait s'entendre sur les mesures à prendre avec la commission mixte, mentionnée dans la note 30 Décembre, afin de garantir l'application sérieuse des réformes et d'en contrôler l'exécution. Cette commission serait présidée par un Herzégovinien chrétien, composée d'indigènes représentant fidèlement les 2 religions du pays: ils seraient élus dès que l'armistice aurait suspendu les hostilités.

3. A l'effet d'éviter—toute collision, le conseil serait donné à Constantinople de concentrer les troupes turques, au moins jusqu'à l'apaisement des esprits, sur quelques points à convenir.

4. Les Chrétiens garderaient les armes comme les Musulmans.

5. Les Consuls ou délégués des Puissances exerceraient leur surveillance sur l'application des réformes en général et sur les faits relatifs au repatriement en particulier.

Si avec l'appui bienveillant et chaleureux des Grandes Puissances et à la faveur de l'armistice, un arrangement pouvait être conclu sur ces bases et mis immédiatement en oeuvre par la rentrée des réfugiés et l'élection de la commission mixte, un pas considérable aurait été fait vers la pacification.

Si cependant l'armistice s'écoulait sans que les efforts des Puissances réussissent à atteindre le but qu'elles ont en vue, les trois Cours Impériales sont d'avis qu'il deviendrait nécessaire d'ajouter à leur action diplomatique la sanction d'une entente, en vue des mesures efficaces qui paraitraient réclamées dans l'intérêt de la paix générale, pour arrêter le mal et en empêcher le développement.

Пункты эти следующие:

1. Возвращающимся беженцам будет доставлен материал для восстановления домов и церквей, и будет обеспечено существование до тех пор, пока они будут в состоянии жить своим трудом.

2. Поскольку распределение пособий будет зависеть от турецкого комиссара, последний должен будет действовать в согласии со смешанной комиссией, о которой упоминается в записке от 30 декабря, для того, чтобы гарантировать серьезное применение реформ и контролировать их выполнение. Эта комиссия должна быть под председательством герцеговина-христианина и должна состоять из местных уроженцев, точно представляющих обе религии страны: они должны быть избраны, как только перемирие приостановит военные действия.

3. В целях избежания всяких столкновений, в Константинополе будет дан совет сосредоточить турецкие войска, хотя бы до успокоения умов, в нескольких определенных пунктах.

4. Христиане останутся при оружии, так же, как и мусульмане.

5. Консулы и делегаты Держав будут наблюдать за проведением реформ вообще и в частности за мероприятиями, касающимися возвращения беженцев.

Если бы при доброжелательной и горячей поддержке Великих Держав, при помощи перемирия, на этих основаниях могло бы быть достигнуто соглашение и немедленно проведено в жизнь путем возвращения беженцев и избрание смешанной комиссии, это явилось бы важным шагом по пути умиротворения.

Если бы, однако, срок перемирия истек, прежде, чем усилия Держав достигли намеченной цели, три Императорские Двора сочли бы необходимым подкрепить их дипломатическое выступление санкцией соглашения, в целях принятия действительных мер, которых в таком случае требовало бы положение вещей в интересах всеобщего мира и ради предотвращения дальнейшего развития зла.

IV.

Convention secrète entre la Russie et l'Autriche-Hongrie, Budapest 1877.

NOS

FRANCISCUS JOSEPHUS

PRIMUS

DIVINA FAVENTE CLEMENTIA

AUSTRIAE

IMPERATOR

APOSTOLICUS REX HUNGARIAE,

Rex Bohemiæ, Dalmatiæ, Croatiæ, Slavoniæ, Galiciæ, Lodomeriæ et Illyriæ, Archidux Austriæ; Magnus Dux Cracoviæ; Dux Lotharingiæ, Salisburgi, Styriæ, Carinthiæ, Carnioliæ, Bucovinæ, superioris et inferioris Silesiæ; Magnus Princeps Transilvaniæ; Marchio, Moraviæ; Comes Habsburgi et Tirolis etc.

Notum testatumque omnibus et singulis, quorum interest, tenore praesentium facimus:

Posteaquam inter Nostrum et Majestatis Suæ omniarum Russiarum Imperatori plenipotentiarium die decima quinta mensis Ianuarii Budapestini tractatus, cum conventione additionali, initus et signatus fuit, tenoris sequentis:

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche etc. et Roi Apostolique de Hongrie et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, considérant que dans le cours des négociations diplomatiques pendantes il pouvait surgir des dissentiments de nature à amener une rupture entre la Russie et l'Empire ottoman, ont jugé conforme à l'étroite amitié qui Les lie et à l'urgence d'obvier à la possibilité d'une collision des intérêts de Leurs Etats respectifs de S'entendre en prévision de cette éventualité.

A cet effet Leurs dites Majestés ont nommé pour Leurs Plénipotentiaires:

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême etc. et Roi Apostolique de Hongrie le Sieur Jules Comte Andrassy de Csik-Szent-Kiraly et Kraszna Horka, Grand Croix de Son ordre de St. Etienne, Chevalier de l'ordre Impérial de Russie de St. André, Grand d'Espagne etc. etc. Son Conseiller intime, Général dans Ses armées, Son Ministre de la Maison et des affaires etrangères: et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies Son Conseiller Privé le Sieur Eugène Novikow, Son Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême etc. et Roi Apostolique de Hongrie, Chevalier des ordres de Russie: de St. Alexandre Nevsky, de l'Aigle Blanc, de St. Wladimir

В отдельном конверте, с надписью:
„Conventions secrètes avec l'Autriche-Hongrie 1877".
Отд. IV. Шк. С./d. 6.

IV.

Секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией. Будапешт 1877 г.

МЫ

ФРАНЦ ИОСИФ

ПЕРВЫЙ

БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ

АВСТРИЙСКИЙ

ИМПЕРАТОР

АПОСТОЛИЧЕСКИЙ КОРОЛЬ ВЕНГЕРСКИЙ

Король Богемии, Далмации, Кроации, Галиции, Лодомерии, Иллирии Эрцгерцог Австрии, великий герцог Кракова; Герцог Лотарингии, Зальцбурга, Штирии, Каринтии, Карниолии, Буковины, Верхней и Нижней Силезии; Великий Князь Трансильвании; Маргграф Моравии; князь Габсбурга и Тироля и проч.

Об'являем всем нашим верноподанным, которым знать об этом надлежит, нижеследующее.

В 15 день января месяца в Будапеште Наш Уполномоченный и Уполномоченный Его Величества Императора Всероссийского заключили и подписали договор с дополнительной конвенцией следующего содержания.

Его Величество Император Австрийский и проч. и Апостолический Король Венгерский и Его Величество Император Всероссийский, принимая во внимание, что во время текущих дипломатических переговоров могут возникнуть разногласия, способные привести к разрыву между Россией и Оттоманской Империей, во имя связывающей Их дружбы и необходимости предотвратить возможность столкновения обоюдных интересов их Государств нашли нужным договориться в предвидении подобной случайности.

С этою целью Их Величества назначили Своими Уполномоченными, а именно:

Его Величество Император Австрийский, Король Богемский и проч. и Апостолический Король Венгрии: графа Юлия Андраши из Чик-Сент-Кирали и Красной Горки, Кавалера Большого Креста Его Ордена Св. Стефана, Кавалера Российского Императорского ордена Св. Андрея Первозванного, Гранда Испанского и проч. и проч., Своего Тайного Советника, Генерала Своих армий, Своего Министра Двора и Иностранных Дел; и Его Величество Император Всероссийский Своего Тайного Советника Евгения Новикова, Своего чрезвычайного и полномочного Посла при Его Величестве Императоре Австрийском, Короле Богемском и проч. и Апостолическом Короле Венгерском, Кавалера Русских орденов Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени, Австро-Венгерских орденов Св. Стефана, Леопольда и Железной Короны 1-й степени и кавалера многих других иностранных орденов,

de la 2-e classe, de Ste Anne de la 1-ère classe et de St. Stanislas de la 1-ère classe, des ordres de St. Etienne, de Léopold et de la Couronne de Fer de 1-ère classe d'Autriche Hongrie et de plusieurs autres ordres étrangers;

lesquels, après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

Article I.

Les Hautes Parties contractantes considérant que les populations chrétiennes et musulmanes en Bosnie et dans l'Herzégovine sont trop entremêlées pour qu'il soit permis d'attendre d'une organisation autonome seule une amélioration réelle de leur sort, sont convenues entre Elles de ne demander pour ces provinces dans la Conférence de Constantinople qu'un régime autonome ne dépassant pas trop la mesure fixée par la dépêche du 30 décembre 1875 et les garanties du Memorandum de Berlin. La Bulgarie étant placée dans des conditions plus favorables à l'exercice d'institutions autonomes, Elles s'engagent à réclamer pour cette province dans la Conférence une autonomie plus large entourée de sérieuses garanties.

Article II.

Pour le cas où les négociations ne devraient pas aboutir et qu'il dût en résulter une rupture suivie d'une guerre entre la Russie et la Turquie, le Gouvernement Impérial et Royal prend l'engagement formel d'observer en présence de l'action isolée de la Russie une attitude de neutralité bienveillante et de paralyser, autant qu'il dépend de lui, par son action diplomatique, les essais d'intervention ou de médiation collective que pourraient tenter d'autres Puissances.

Artlcle III.

Si le Gouvernement de l'Empereur et Roi est invité à concourir à la mise en exécution du traité du 15 avril 1856 il déclinera sa coopération pour le cas prévu dans la présente convention et, sans contester la validité du dit traité, proclamera sa neutralité. De même il ne prêtera pas son concours actif à une action effective qui pourrait être proposée sur la base de l'article VIII du traité du 30 mars de la même année.

Article IV.

Considérant que les nécessités du passage du Danube pour les troupes russes et le besoin de protéger ce passage contre les canonnières turques obligeront le Gouvernement Impérial de Russie à apporter des difficultés temporaires à la navigation du fleuve placé sous la garantie des traités,—ce qui peut donner lieu à des protestations, — le Gouvernement austro-hongrois comme signataire de ces traités et principal intéressé dans la liberté du fleuve, envisagera cette question comme incident de fait temporaire, inévitable en cas de guerre, mais ne touchant

каковые Уполномоченные по взаимном сообщении своих полномочий, признанных составленными по надлежащей и законной форме, договорились в нижеследующих статьях:

Статья I.

Высокие договаривающиеся Стороны, считая, что христианское и мусульманское население в Боснии и Герцеговине слишком перемешано для того, чтобы можно было ожидать действительного улучшения их участи только от автономного их устройства, решили между собой просить на Константинопольской конференции для этих провинций только автономного управления, не выходящего далеко за пределы, установленные депешей от 30 декабря 1875 г., и гарантий Берлинского меморандума. В виду того, что Болгария находится в условиях, более благоприятствующих существованию автономных учреждений, они берут на себя обязательство требовать на конференции для этой провинции более широкой автономии, обставленной серьезными гарантиями.

Статья II.

В случае если бы переговоры не привели к желаемому результату и последовало-бы прекращение их, которое повело бы к войне между Россией и Турцией, Императорское и Королевское Правительство формально обязуется соблюдать по отношению к действующей изолированно России доброжелательный нейтралитет и, насколько это будет от него зависеть, парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества, с которыми могли бы пытаться выступить другие Державы.

Статья III.

Если бы Императорскому и Королевскому Правительству было предложено содействовать проведению в жизнь трактата от 15 апреля 1856 г. *), оно отклонит его по отношению к предусматриваемому сей конвенцией случаю и, не оспаривая силы трактата, заявит о своем нейтралитете. Оно не окажет также деятельной поддержки реальным действиям, которые могли бы быть предложены на основании VIII статьи трактата от 30 марта того-же года **).

Статья IV.

Принимая во внимание, что связанные с переходом русских войск через Дунай операции и необходимость охранять этот переход от турецких канонерок вынудят Императорское Российское Правительство внести временно некоторые стеснения в обеспечиваемое трактатами судоходство на этой реке, что может вызвать протесты, австро-венгерское Правительство, как подписавшее эти договоры и наиболее заинтересованное в свободном плавании по реке, будет рассматривать этот вопрос как временное, неизбежное во время войны событие, не затрагивающее важных принципов, в поддержании которых заинтере-

*) Так называемая Апрельская конвенция, подписанная Францией, Англией и Австрией о неприкосновенности Оттоманской Империи.

**) По ст. VIII Парижского трактата, в случае возникновения конфликта между Турцией и одной из договаривающихся держав, стороны, прежде чем прибегнуть к насильственным действиям, должны обратиться к посредничеству правительств, подписавших договор.

pas aux grands principes dont le maintien intéresse l'Europe. De son côté le Gouvernement russe prend l'engagement formel de respecter les principes de la liberté de navigation et de la neutralité du Danube et de se mettre d'accord avec le Gouvernement da Sa Majesté l'Empereur et Roi pour les rétablir aussitôt que faire se pourra.

Article V.

Le Gouvernement austro-hongrois prêtera, dans les limites de la convention de Genève, un concours bienveillant à l'organisation des ambulances provisoires russes sur les lignes de chemins de fer Cracovie-Léopol-Czernowitz (entre Granicza et Suczava) avec les embranchements de Woloczysk et Brody, ainsi qu'au mouvement sur les lignes susmentionnées du matériel roulant nécessaire à ces ambulances. Il admettra dans ses hôpitaux civils et militaires, sur le parcours des lignes susmentionnées les malades et blessés russes contre paiement d'après le tarif militaire autrichien en vigueur.

Article VI.

Le Gouvernement austro-hongrois ne mettra aucun obstacle à ce que les commissionnaires et agents du Gouvernement russe effectuent dans les limites des Etats austro-hongrois les achats et commandes d'objets indispensables à l'armée russe à l'exclusion des articles de contrebande de guerre prohibés par les lois internationales. Toutefois le Gouvernement de sa Majesté Impériale et Royale s'engage à user dans l'application et dans l'interprétation de ces lois de la plus large bienveillance à l'égard de la Russie.

Article VII.

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche etc. et Roi Apostolique de Hongrie Se réserve le choix du moment et du mode de l'occupation de la Bosnie et de l'Herzégovine par Ses troupes. Il demeure entendu que cette mesure, sans assumer un caractère de solidarité avec l'occupation de la Bulgarie par l'armée russe, ne devra présenter, ni dans son interprétation par le Gouvernement de Sa Majesté Impériale et Royale, ni dans son exécution, un carectère d'hostilité à l'égard de la Russie. De même l'intervention de l'armée russe en Turquie ne devra présenter, ni dans son interprétation par le Gouvernement Impérial de Russie, ni dans son exécution un caractère d'hostilité à l'égard de l'Autriche-Hongrie.

Article VIII.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent réciproquement à ne pas étendre le rayon de leur action militaire respective: Sa Majesté l'Empereur d'Autriche etc. et Roi Apostolique de Hongrie—à la Roumanie, la Serbie, la Bulgarie et le Monténégro; et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies — à la Bosnie, l'Herzégovine, la Serbie et le Monténégro.

сована Европа. Русское Правительство формально обязуется со своей стороны уважать принципы свободы судоходства и нейтральности Дуная и договориться с Правительством Его Величества Императора и Короля в целях их восстановления, как только это окажется возможным.

Статья V.

Австро-Венгерское Правительство окажет, в пределах Женевской конвенции *) благожелательное содействие устройству русских временных госпиталей на железнодорожных линиях Краков-Леополь-Черновицы (между Границей и Сучавой) с ветками на Волочиск и Броды, а также и перемещению по вышеупомянутым линиям необходимого для этих госпиталей подвижного состава. Оно допустит в свои гражданские и военные госпиталя на вышеупомянутых линиях русских больных и раненых за плату по ныне действующему австрийскому военному тарифу.

Статья VI.

Австро-Венгерское Правительство не будет ставить никаких препятствий тому, чтобы комиссионеры и агенты Русского Правительства производили в пределах австро-венгерского Государства заказы и закупку необходимых для русской армии предметов, за исключением признаваемых международным законодательством военной контрабандой. При этом Правительство Его Императорского и Королевского Величества обязуется применять и трактовать эти законы в самом благожелательном для России смысле.

Статья VII.

Его Величество Император Австрийский и проч. и Апостолический Король Венгерский оставляет за собой право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины. Не придавая этой мере характера солидарности с занятием Болгарии русскими войсками, Правительство Его Императорского и Королевского Величества ни в истолковании ее, ни в проведении ее в жизнь не должно проявлять недружелюбного к России отношения.

Точно так же выступление в Турции русской армии не должно, ни в своем истолковании Императорским Русским Правительством, ни в своем выполнении носить недружелюбного характера по отношению к Австро-Венгрии.

Статья VIII.

Высокие договаривающиеся Стороны взаимно обязуются не расширять обоюдно сферы своих военных операций: Его Величество Император Австрийский и проч. и Апостолический Король Венгерский —на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, Его Величество Император Всероссийский—на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию.

Сербия, Черногория и разделяющая эти два княжества часть Герцеговины составят сплошную нейтральную зону, пройти через которую армии обоих Империй не будут иметь права, и предназначенную для того, чтобы предотвратить всякое непосредственное сопри-

*) Международное соглашение для облегчения участи больных и раненых воинов, заключенное 10 августа 1864 г.

La Serbie, le Monténégro et la partie de l'Herzégovine qui sépare ces deux Principautés formeront une zone neutre continue que les armées des deux Empires ne pourront pas franchir, et destinée à préserver ces dernières de tout contact immédiat. Toutefois, il demeure entendu que le Gouvernement Impérial et Royal ne s'opposera pas à l'action combinée des forces serbes et monténégrines hors de leurs pays avec les troupes russes.

Article IX.

Les conséquences de la guerre et les remaniements territoriaux qui résulteraient d'une dissolution éventuelle de l'Empire ottoman seront réglés par une convention spéciale et simultanée.

Article X.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent à tenir secrètes les stipulations de la présente convention. Elle sera ratifiée et les ratifications en seront échangées dans l'espace de quatre semaines, ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signée et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Budapest le quinzième jour du mois de Janvier de l'an mil huit cent soixante dix sept.

(L. S.) *Andrassy* m/p.

(L. S.) *Novikow* m/p.

косновение последних. При сем однако разумеется, что Императорское и Королевское Правительство не будет противиться комбинированным действиям сербских и черногорских сил вне пределов их Государств совместно с русскими войсками.

Статья IX.

Последствия войны и территориальные изменения, которые могли бы явиться результатом возможного распадения Оттоманской Империи, будут урегулированы специальной конвенцией.

Статья X.

Высокие договаривающиеся Стороны обязуются держать в тайне условия настоящей конвенции. Настоящая конвенция подлежит ратификации и ратификации ее будут обменены в течение четырех недель или ранее, если это будет возможно.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные настоящую конвенцию подписали и приложили к оной печати своих гербов.

Учинено в Будапеште в 15 день января месяца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

(М. п.) (собств. подп.) *Андраши.*

(М. п.) (собств. подп.) *Новиков.*

Convention Additionnelle.

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche etc. et Roi de Hongrie d'une part et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies de l'autre en exécution de l'article IX de la convention secrète signée en date d'aujourd'hui, ont jugé conforme à l'étroite amitié qui Les lie et à l'urgence d'obvier à la possibilité d'une collision des intérets de Leurs Etats respectifs, de S'entendre sur les conséquences de la guerre et de conclure à cet effetu ne convention additionnelle destinée à régler d'avance les remaniements territoriaux que la guerre ou la dissolution de l'Empire ottoman pourrait avoir pour résultat. A cet effet Leurs dites Majestés ont nommé pour Leurs Plénipotentiaires, savoir:

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohême etc. et Roi Apostolique de Hongrie le Sieur Jules Comte Andrassy de Csik—Szent-Kiralyi, Grand d'Espagne, Son Conseiller intime actuel et Ministre des affaires étrangères etc. etc.

et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies le Sieur Eugène Novikow, Son Ambassadeur extraordinaire etc. etc.

lesquels, après avoir échangé leurs pleins pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants.

Article I.

Les deux Hautes Parties contractantes ayant pour but final l'amélioration du sort des chrétiens et voulant écarter tout projet d'annexions d'une étendue qui pourrait compromettre la paix ou l'équilibre européen,—ce qui n'est ni dans Leurs intentions, ni dans les intérêts des deux Empires,—sont tombées d'accord de limiter Leurs annexions éventuelles aux territoires suivants.

L'Empereur d'Autriche etc. et Roi de Hongrie: à la Bosnie et l'Herzégovine à l'exclusion de la partie comprise entre la Serbie et le Monténégro, au sujet de laquelle les deux Gouvernements se réservent de se mettre d'accord lorsque le moment d'en disposer serait venu;

l'Empereur de toutes les Russies: en Europe aux contrées de la Bessarabie qui rétabliraient les anciennes frontières de l'Empire avant 1856.

Article II.

Les Hautes Parties contractantes s'engagent à se prêter un mutuel concours sur le terrain diplomatique, si les remaniements territoriaux résultant d'une guerre ou de la dissolution de l'Empire ottoman devaient donner lieu à une délibération collective des Grandes Puissances.

Дополнительная конвенция.

Его Величество Император Австрийский и проч. и Король Венгерский с одной стороны и его Величество Император Всероссийский с другой, во исполнение статьи IX подписанной сегодня тайной конвенции нашли нужным, во имя связывающей Их тесной дружбы и неотложной необходимости предотвратить возможность столкновения обоюдных интересов Их государств договориться касательно последствий войны и заключить с этой целью дополнительную конвенцию, дабы заранее определить территориальные изменения, которые могли бы явиться результатом войны или распадения Оттоманской Империи. С сею целью Их Величества назначили Своими уполномоченными а именно:

Его Величество Император Австрийский, Король Богемский и проч. и Апостолический Король Венгерский: графа Юлия Андраши из Чик-Сент-Кирали, Гранда Испанского, Своего Тайного Советника и Министра Иностранных Дел и проч. и проч.

и Его Величество Император Всероссийский Евгения Новикова, Своего Чрезвычайного Посла и проч. и проч., каковые уполномоченные, по взаимном обмене своих полномочий, признанных составленными по надлежащей и законной форме, договорились в нижеследующих статьях:

Статья I.

Обе Высокие договаривающиеся Стороны, имея конечной целью улучшение участи христиан и желая устранить возможность, какого-бы то ни было проекта значительной аннексии, которая могла бы нарушить мир и равновесие Европы, что не входит в их намерения и было бы не в интересах обоих Империй,—согласились ограничить Их возможные аннексии следующими территориями:

Император Австрийский и проч. и Король Венгерский: Боснией и Герцеговиной, исключая часть заключенную между Сербией и Черногорией, относительно которой оба Правительства договорятся, когда наступит момент ею располагать;

Император Всероссийский: в Европе частями Бессарабии, которые восстановили бы старые границы Империи до 1856 г.

Статья II.

Высокие договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку на почве дипломатических сношений в случае, если бы территориальные изменения, которые повлекла бы за собой война или распадение Оттоманской Империи, стали бы предметом коллективного обсуждения Великих Держав.

Статья III.

Его Величество Император Австрийский и проч. и Король Венгерский и Его Величество Император Всероссийский, при Своем свидании в Рейхштадте, согласились в принципе по следующим пунктам:

Article III.

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche etc. et Roi de Hongrie et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies sont tombés d'accord en principe, dans l'entrevue qui a eu lieu entre Elles à Reichstadt, sur les points suivants: en cas d'un remaniement territorial ou d'une dissolution de l'Empire ottoman, l'établissement d'un grand état compact slave ou autre est exclu; en revanche la Bulgarie, l'Albanie et le reste de la Roumélie pourraient être constituées en Etats indépendants; la Thessalie, une partie de l'Epire et l'île de Crête pourraient être annexées à la Grèce; Constantinople avec une banlieue, dont la circonscription reste à déterminer, pourrait devenir ville libre. Leurs dites Majestés constatent n'avoir rien à changer à ces vues et déclarent de nouveau vouloir les maintenir comme bases de Leur action politique ultérieure.

Article IV.

Les Hautes Parties contractantes S'engagent à tenir secrètes les stipulations de la présente convention qui sera ratifiée et dont les ratifications seront échangées à Vienne dans l'espace de quatre semaines ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signée et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Budapest, le quinzième jour du mois de janvier de l'an mil huit cent soixante dix sept.

(L. S.) *Andrassy* m/p. (L. S.) *Novikow* m/p.

Nos visis et perpensis tractatus et conventionis hujus articulis, illos omnes et singulos ratos hisce confirmatosque habere profitemur ac declaramus verbo Nostro Caesareo Regio promittentes, Nos omnia, quae in illis continentur, fideliter executioni mandaturos esse. In quorum fidem majusque robur praesentes ratihabitionis Nostrae tabulas manu Nostra signavimus, sigilloque Nostro Caesareo Regio appresso firmari jussimus. Dabantur in urbe Nostra Vienna die undecima mensis Februarii anno Domini millesimo octingentesimo septuagesimo septimo, Regnorum Nostrorum vigesimo nono.

Franciscus Josephus.

Andrassy.

(L. S.) Ad mandatum Sacræ Cæsareæ ac Regiæ Apostolicæ Majestatis proprium.

Raph. Hubner.

в случае территориальных изменений или распадения Оттоманской Империи образование большого сплошного славянского или иного государства исключается; напротив Болгария, Албания и остальная Румелия могли бы стать независимыми государствами; Θессалия, часть Эпира и остров Крит могли бы быть аннексированы Грецией; Константинополь с прилегающей территорией, границы которой подлежат установлению, мог бы стать вольным городом.

Их Величества констатируют, что не желают никаких изменений в этих предположениях и вновь заявляют о своем желании их сохранить, как основу Их последующей политики.

Статья IV.

Высокие договаривающиеся Стороны обязуются держать в тайне условия настоящей конвенции, каковая подлежит ратификации и ратификации коей будут обменены в Вене в течение четырех недель или ранее, если это будет возможно.

В удостоверение чего обоюдные уполномоченные настоящую конвенцию подписали и приложили к оной печати своих гербов.

Учинено в Будапеште в 15-й день января месяца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

(М. п.) (собств. подпись) *Андраши.*

(М. п.) (собств. подпись) *Новиков.*

Мы, рассмотрев и взвеив пункты сего трактата и договора, заявляем, что все их вообще и каждый в отдельности считаем ратифицированными и утвержденными и об'являем Нашим Цезарским Королевским словом, обещая, что мы все то, что содержится в них, верно выполним. Ради верности и большей прочности мы настоящие таблицы нашего утверждения собственноручно подписали и приложением нашей Цезарской Королевской печати скрепить повелели.

Изданы они в нашем городе Вене в 11-й день февраля месяца в год Господень тысяча восемьсот семьдесят седьмой, Царствования Нашего двадцать девятый.

Франц Иосиф.

Андраши.

(печать)

По Собственному поручению Священного Цезарского и Королевского Апостолического Величества

Раф. Гюбнер.

3) Беседы П. А. Сабурова с кн. Бисмарком в 1879 г.

К этой серии принадлежат следующие документы, найденные в Секретном Архиве бывш. Министра Иностранных Дел.

1) Записка, написанная рукой гр. В. Н. Ламздорфа 8 марта 1881 г. на листке почтовой бумаги небольшого формата, с траурной каймой.

2) Письмо гр. Адлерберга Н. К. Гирсу 18 июня 1881 г. на листке бланка Министерства Императорского Двора, с траурной каймой.

3) Памятная записка П. А. Сабурова 13 августа 1879 г.

4) Затем пять тетрадей, сшитых из почтовой бумаги большого формата. Текст написан рукой Сабурова. На полях имеются пометки карандашом, сделанные рукой Александра II. Тетрадки пронумерованы: № 1 10/22 Juillet 1879, № 2 14/26 Juillet 1879, № 3 Résume, № 4 Les alliances и № 5 Relations actuelles entre la Russie et l' Allemagne.

5) Письмо кн. Н. А. Орлова Александру II 19 сент.—11 окт. 1879 г.

Подлинник. Письмо написано секретарем.

Собственноручная подпись Орлова: „Le très fidele sujet Orloff". (Отд. I, шк. A|a № 3).

I.

Письмо гр. В. Н. Ламздорфа.

Нужно бы доложить Государю Императору:

Послѣ свиданія съ Княземъ Бисмаркомъ въ Киссингенѣ, лѣтомъ 1879 года, Г. Сабуровъ представилъ нѣсколько записокъ излагающихъ его взглядъ о возможности сближенія съ Германскимъ Правительствомъ.— Записки эти хранились у блаженныя памяти покойнаго Государя.—

8-го марта 1881-го года.

II.

Министерство
Императорскаго
Двора

Канцелярія
Отдѣленіе

Въ С.-Петербургѣ
18 іюня 1881 г.
№ 1110.

Секретно.

Милостивый Государь.

Николай Карловичъ.

При разборѣ бумагъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, находившихся въ кабинетѣ Его Величества въ Зимнемъ Дворцѣ, между оными оказались пять извѣстныхъ Вашему Высокопревосходительству секретныхъ записокъ Тайнаго Совѣтника Сабурова съ собственноручными на четырехъ изъ нихъ помѣтками Покойнаго Государя и письмо къ Его Величеству Генералъ-Адъютанта Князя Орлова.

По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить у сего означенныя бумаги къ Вашему Высокопревосходительству, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь, о полученіи ихъ меня увѣдомить.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Гр. *А. Адлербергъ*.

Его Высокопре-ву

Н. К. Гирсу.

На полях пометка:
le 16 Septembre.

III.

Mémoire présenté par Mr. Sabouroff le 13 Août 1879.

Pendant mon séjour à Kissingen, j'ai eu deux fois l'occasion de causer avec le Prince de Bismarc.

Tout en parlant de ses anciennes sympathies pour la Russie, le Prince me semblait en proie à une sourde irritation dont je ne m'expliquais pas suffisamment les motifs.

A mon passage par Berlin, j'ai vu Radowitz. Ses confidences m'ont prouvé que je ne m'étais point trompé. A l'aide de ces renseignemens il m'a été possible de me rendre exactement compte de la situation.

Nous avons été mécontens du Traité de Berlin et, par ricochet, de Bismarc dont nous avions espéré plus que nous n'avons obtenu.

Celui-ci, croyant avoir fait de son mieux pour nous servir, s'en est senti blessé. De là, une marée montante d'irritation de part et d'autre, dont les conséquences se font déjà péniblement sentir pour nous dans les affaires d'Orient. En effet, dans les commissions d'exécution, les délégués allemands ont pour instruction de voter avec la majorité. Nous ne pouvons plus compter sur leur vote, comme autrefois. C'est là un parti-pris sur lequel il nous sera difficile de faire revenir le Gouvernement Allemand dans l'état actuel de nos rapports.

Nous en ressentons à juste titre un surcroît d'irritation; et c'est ainsi que, de fil en aiguille, nos relations avec l'Allemagne marchent vers une crise plus sérieuse qu'on ne serait tenté de le penser.

C'est en effet le moment de veiller à ce que l'attitude adoptée par nous en 1870 envers l'Allemagne, ne risque point de devenir un mécompte. A cette époque nous avions grandement contribué à rendre la Prusse puissante. Nous l'avions fait, pour mettre notre ancien allié en mesure de nous rendre les mêmes services que nous lui avions rendus. Une Prusse ne suffisait pas à nous préserver d'une coalition européenne. Une Allemagne rivale de la France, pouvait le faire.

Or, c'est précisement le point sur lequel Bismarc insiste aujourd'hui pour affirmer que l'Allemagne a loyalement payé sa dette envers nous. Au début de la guerre d'Orient, il n'a pas laissé ignorer à Vienne qu'il ne tolèrerait aucun mouvement autrichien sur notre flanc, aussi longtems que durerait la campagne. Même, après le Traité de San Stefano, il assure qu'il nous aurait prêté son concours pour désintéresser l'Autriche et isoler l'Angleterre, si nous lui avions fait part de notre résolution de maintenir ce Traité par les armes.

Voilà sa défense. Il ne m'appartient pas de la juger. Je me bornerai à constater que si la situation actuelle se prolongeait indéfiniment

На полях пометка:
16 сентября.

Перевод.

III.

Памятная записка, представленная П. А. Сабуровым 13 августа 1879 г.

Во время моего пребывания в Киссингене я два раза имел случай беседовать с князем Бисмарком.

Говоря о своей давнишней симпатии к России, князь как бы таил в себе глухое раздражение, причины которого были для меня недостаточно ясны. Проездом через Берлин, я повидался с Радовичем. Его сообщения доказали мне, что я не ошибся. Эти сведения дали мне возможность в точности дать себе отчет о положении.

Мы были недовольны Берлинским Трактатом *), и это отразилось на Бисмарке, от которого мы получили меньше, чем надеялись. Последний же, думая, что сделал все возможное, чтобы услужить нам, обиделся на это. Отсюда—прилив раздражения с обоих сторон, последствия которого уже неприятно чувствуются нами в восточных делах. Действительно, в исполнительных комиссиях **) германские делегаты получили инструкцию вотировать с большинством. Мы не можем уже рассчитывать на их голоса, как бывало. Это—твердое решение, отказа от которого нам трудно будет добиться от германского правительства при нынешних наших с ним отношениях.

Это по справедливости усиливает наше раздражение, и таким образом, шаг за шагом, наши отношения с Германией двигаются к кризису более серьезному, чем мы склонны думать.

В самом деле, настал момент принять меры к тому, чтобы позиция, принятая нами в 1870 году по отношению к Германии, не могла превратиться в ошибочную. В ту пору мы много способствовали созданию могущества Пруссии. Мы сделали это затем, чтобы дать нашей старинной союзнице возможность оказать нам те же услуги, какие мы оказали ей. Пруссии было недостаточно, чтобы защитить нас от европейской коалиции, а Германия, соперничающая с Францией, могла это сделать.

Вот именно на этом то пункте Бисмарк и настаивает ныне, утверждая, что Германия честно заплатила нам свой долг. При начале Восточной войны***) он поставил Вену в известность о том, что во все

*) Под этим именем известен договор, подписанный 6 великими державами и Турцией на Берлинском Конгрессе, созванном для пересмотра Сан-Стефанского договора в 1878 г.

**) Имеются в виду установленные Берлинским Трактатом комиссии для разработки уставов отдельных областей Европейской Турции.

***) Война России с Турцией 1877—77 г., закончившаяся Сан-Стефанским миром.

nous risquons de voir notre attitude interprêtée à Berlin dans un sens qui dépasserait peut-être les intentions du Cabinet Impérial. Nous ne tenons plus, et avec raison, à l'entente à trois. Or à Berlin on est déjà tenté de croire que nous ne tenons pas non plus à l'entente traditionnelle à deux et que nous sommes à la recherche de nouvelles combinaisons.

Si nous laissons cette conviction s'enraciner dans l'esprit de nos voisins, il est fort probable que le Prince de Bismarc, avec la véhémence qui lui est propre, ne tardera point à se mettre en quête de nouvelles alliances.

St.-Pétersbourg, 13 Août 1879.

продолжение кампании не потерпит движения австрийцев на наш фланг. Он уверяет, что даже после Сан-Стефанского договора он помог бы нам удовлетворить Австрию и уединить Англию, если бы мы сообщили ему о своем решении осуществить этот договор при помощи оружия.

Вот его оправдание. Мне не подобает судить его. Констатирую только, что если теперешнее положение продлится на неопределенный срок, то мы рискуем таким истолкованием нашей позиции со стороны Берлина, которое, пожалуй, опередит намерения Императорского Кабинета. Мы совершенно резонно уже не дорожим соглашением втроем. А в Берлине стали склоняться к мысли, будто мы перестали дорожить и традиционным соглашением вдвоем и будто теперь ищем новых комбинаций.

Если этому убеждению дать укорениться в умах наших соседей то весьма вероятно, что князь Бисмарк, со свойственной ему горячностью, примется искать себе новых союзников.

С.-Петербург, 13 августа 1879 г.

IV.

№ 1. Résumè d'un entretien avec le Prince de Bismarc à Kissingen le 10/22 Juillet 1879.

Dans le cours d'une conversation sur les affaires d'Orient, le Prince m'a parlé à peu près en ces termes:

„J'avais toujours été l'ami de la Russie par conviction. Car il est bon d'être l'ami d'une nation de 80 millions habitans. Et pourtant, quand le Comte Schouvalow est venu, il y a quelques mois, me proposer un congrès supplémentaire, je lui ai répondu franchement que je n'en serai pas. Je lui ai dit: Dans une nouvelle réunion je devrai voter avec Vous ou contre Vous.—„Or, il n'est pas dans mes principes de voter contre Vous; et quant à voter pour Vous, j'ai appris à mes dépens que c'était une tâche ingrate de servir la Russie".

Comme je me récriai vivement contre cette dernière observation, le Prince a répliqué ainsi: „J'ai plus d'une fois agi comme agent russe plutôt que comme Chancelier Allemand. J'ai emporté la question de Batoum dans un combat singulier avec Beaconsfield. Je n'y ai réussi qu'en usant de menace. J'ai fait de même pour la question de l'embouchure du Danube, sur laquelle Andrassy ne voulait pas céder. Je lui ai prouvé que les intérêts autrichiens n'en souffriraient nullement. Je défie qui que ce soit de me nommer une seule proposition russe que je n'eusse pas acceptée pendant ces trois années de crise. Mais le Prince Gortchakow a une singulière façon de traiter ses alliés. Pour lui, il n'existe que des vassaux. Quand ils croyent avoir bien fait et mérité une parole d'encouragement, il*) leur fait sentir qu'ils ont monté l'escalier trop lentement*)! On m'a même invité plus d'une fois à soutenir à Vienne ou à Londres des propositions russes, sans m'informer préalablement en quoi elles consistaient. Dans Vos négociations avec l'Autriche ou l'Angleterre, j'apprenais le plus souvent Vos propositions par Vos adversaires. Cela me mettait dans l'impossibilité de Vous soutenir en tems opportun.

„Au commencement de la crise d'Orient je m'étais montré prêt à me porter garant de la loyauté de l'Autriche à Votre égard, pourvu que Vous conveniez d'une solution avec Elle. J'étais même disposé à promettre de lui faire la guerre si Elle ne remplissait pas Ses engagemens. Pourquoi la Russie n'a-t-Elle jamais profité de ces dispositions? Il est vrai qu'il y a eu une entrevue de Reichstadt. Mais les arrangemens qui y ont été pris,—et dont j'ai eu pour la première fois connaissance,—non pas par le Prince Gortchakow mais par le Comte Andrassy,—ces

*) Строка подчищена.

IV.

№ 1. Краткое изложение беседы с князем Бисмарком в Киссингене 10/22-го июля 1879 года.

В беседе о восточных делах князь высказался приблизительно в следующих выражениях:

„Всегда я, по убеждению, был другом России, так как полезно быть другом восьмидесятимиллионного народа. Однако, несколько месяцев назад, когда граф Шувалов явился ко мне с предложением дополнительного конгресса, я прямо ответил, что участвовать в нем не буду. Я ему сказал: в новом собрании я должен буду голосовать или за вас, или против вас. Между тем, голосование против вас противно моим принципам; что же касается голосования за вас, то я узнал на горьком опыте, что оказывать услуги России есть задача неблагодарная".—

Когда я с живостью отверг последнее замечание, князь возразил следующее: „Не раз я действовал скорее, как русский агент, чем как германский канцлер. Победу в вопросе о Батуме *) я одержал в единоборстве с Биконсфильдом. Это удалось мне лишь при помощи угрозы. Таким же образом я поступил в вопросе об устьях Дуная **), в котором Андраши не хотел уступать. Я доказал ему, что от этого ничуть не пострадают интересы Австрии. Предлагаю кому угодно указать мне хоть на одно русское предложение, которого бы я не принял за эти три критические года. Но князь Горчаков странно относится к своим союзникам. Для него существуют лишь вассалы; когда они думают, что поступили хорошо и заслужили слово поощрения, он дает им чувствовать, что они слишком медленно поднимались на лестницу. Мне даже не раз предлагали поддержать в Вене или в Лондоне русские требования, не уведомивши предварительно, в чем они состоят. При переговорах ваших с Австрией или Англией я чаще всего узнавал о ваших предложениях от ваших противников. Это ставило меня в невозможность оказать вам поддержку своевременно.

„При начале восточного кризиса я выказал готовность поручиться перед вами за добросовестность Австрии по отношению к вам, лишь бы вы пришли с нею к какому-нибудь решению. Я даже был склонен обещать, что начну с нею войну, если она не исполнит

*) По Берлинскому Трактату Россия получила Батум, который становился портофранко и предназначался исключительно для торговли.

**) По Берлинскому Трактату Румыния уступила России часть Бессарабии и левый берег дельты Дуная, утраченные Россией в 1856 г.

arrangemens n'étaient point une solution. Il n'y avait pas là une seule stipulation positive, rien de nature à Vous lier l'un envers l'autre, aucun engagement clair dont j'eusse pu garantir l'exécution. C'était bien plutôt une entente éventuelle entre deux Puissances se méfiant profondément l'une de l'autre et décidées à garder chacune sa liberté d'action. C'est si vrai que lorsqu'il s'est agi plus tard d'exécuter les conventions négociées par Novicow, on n'a pas pu s'entendre sur leur application.

„A l'époque du traité de San Stefano, Vous aviez le choix entre deux politiques: ou bien maintenir ce Traité par les armes. Si Vous aviez cette intention, il fallait nous le dire. Nous Vous aurions aidés à désintéresser l'Autriche et à isoler l'Angleterre. Il fallait aussi, après Plevna, renforcer Votre armée de $\frac{50}{m}$ hommes, ne pas Vous arrêter devant Gallipoli entrer à Constantinople en jurant que Vous en sortirez après la guerre*). L'Angleterre, placée dans l'alternative d'une évacuation pacifique promise par Vous, ou d'une lutte coûteuse entreprise dans de mauvaises conditions pour Elle, n'aurait plus eu de motif valable pour Vous déclarer la guerre.

„Mais après l'entrée de la flotte anglaise dans les détroits, le moment favorable était passé et la Russie a sagement agi en se décidant pour la seconde politique: celle du Congrès. Car dans ce moment l'Angleterre Vous aurait fait la guerre pour sûr, l'Autriche peut-être, et la France probablement.

„Seulement, une fois les résolutions du Congrès acceptées par Vous, elles auraient dû être présentées à la nation russe, non point en regard du Traité de San Stefano, mais en regard de Vos traités antérieurs avec la Turquie. A quelle époque, en effet, la Russie a-t-Elle obtenu des résultats aussi éclatants? Quand a-t-Elle réussi à enlever à la Turquie toutes ses forteresses et a les raser pour toujours? De fait, Vous Vous êtes étendus jusqu'aux Balcans, d'où Vous menacerez Constantinople quad Vous voudrez.—Car on oublie que les Balcans ne sont une chaine de montagnes que pour une armée venant du Sud.—Pour qui arrive du nord, ils ne sont qu'une pente, surtout pour une armée russe!

„Je ne parlerai pas des autres avantages obtenus: de l'excellente frontière conquise en Asie, de l'indépendance acquise à la Serbie et au Monténégro, ces deux pierres d'achoppement pour l'Autriche etc.

„Tout cela sont des succès éclatans, dignes de Vos magnifiques victoires; et ils auraient dû être présentés comme tels à l'opinion publique. Le Gouvernement Russe semble avoir oublié un instant qu'il était vainqueur et que l'Europe le reconnaissait comme tel.

„C'est le rôle que j'avais toujours souhaité à la Russie. Avant que la guerre ne fût déclarée, je disais à Oubril qu'il fallait à la nation Russe quelques victoires à célébrer. Elle ne pouvait pas rester indéfiniment sous le coup de la défaite de Crimée. La Russie et la Prusse doivent avoir des armées victorieuses pour renouveler le bail d'une

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „C'est ce que avais voulu et ordonné, mais les circonstances ne l'ont pas permis".

своих обязательств. Почему Россия ни разу не воспользовалась такими настроениями? Правда, было свидание в Рейхштадте; но заключенные там условия (о которых я впервые узнал не от князя Горчакова, а от графа Андраши) нельзя назвать выходом. Там не было ни одного определенного условия, ничего связующего вас друг с другом, никакого ясного обязательства, за исполнение которого я мог бы поручиться. Скорее это было временное соглашение между двумя державами, полными глубокого недоверия одна к другой и решившимися каждая сохранить для себя свободу действий. Это настолько верно, что когда впоследствии пришлось осуществлять условия, выработанные Новиковым, то никак не удалось столковаться насчет их применения.

„Во время Сан-Стефанского договора у вас был выбор между двумя путями в политике: во-первых, твердо поддержать этот договор оружием. Если бы вы имели такое намерение, то надо было сообщить о нем нам: мы помогли бы вам удовлетворить Австрию и уединить Англию. Кроме того, после Плевны надо было подкрепить ваше войско пятьюдесятью тысячами человек, не задерживаться перед Галлиполи и войти в Константинополь с клятвою, что выйдете оттуда по окончании войны *). Англия перед альтернативой мирной эвакуации, обещанной вами, или же дорого стоющей борьбы при невыгодных для нее условиях, уже не имела бы разумного основания об'являть вам войну.

Но когда английский флот очутился уже в проливах, то благоприятный момент был упущен, и Россия поступила мудро, избравши второй путь, путь Конгресса. Ибо в этот момент Англия начала бы войну с вами непременно, Австрия—может быть, а Франция—вероятно.

„Только, раз уже приняв решения Конгресса, вы должны были, сообщая их русскому народу, поставить их в параллель не с Сан-Стефанским договором, а с вашими прежними договорами с Турцией. В самом деле, когда удавалось России добиться столь блистательных результатов? Когда успевала она отнять у Турции все ее крепости и разоружить их навсегда? Фактически, вы распространились до Балкан, откуда будете грозить Константинополю, когда вздумаете; ибо забывают, что Балканы являются горною цепью лишь для войска, идущего с юга, а для идущего с севера они представляют собою лишь склон, особенно же для русского войска.

„Не буду говорить о прочих полученных выгодах: о превосходной границе, приобретенной в Азии, о независимости, завоеванной для Сербии и Черногории, этих двух камней преткновения на пути Австрии, и т. д..

„Все это суть блистательные успехи, достойные ваших громких побед; таковыми их и следовало представить общественному мнению.

---

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Именно таковы были мои желания и распоряжения, но обстоятельства не допустили этого".

fraternité d'armes vieille de 100 ans. Il faut en effet remonter à la guerre de sept ans pour trouver la Russie en guerre avec nous. Et encore je n'appelle la guerre de sept ans qu'une guerre de cotillons, provoquée par un commérage de M-me de Pompadour et au moyen duquel elle avait réussi à former contre Frédéric II cette coalition de trois femmes.

„Je crois qu'il n'y a pas dans l'histoire un autre exemple de deux grands Etats limitrophes ayant des intérêts si compliqués et si solidaires à la fois. Je considère cela comme un signe Providentiel pour la grandeur de nos deux pays. On parle de tems en tems des provinces Baltiques pour nous désunir. Je me fâche chaque fois que j'entends des Russes les appeler provinces allemandes. Nommez-les: provinces Lettes'ou autrement si Vous ne voulez pas leur donner le nom de provinces russes. Mais ce ne sont pas, en tout cas des provinces allemandes. La noblesse seule est d'origine soi-disant allemande ou teutonique, et l'Empereur de Russie n'a pas de sujets plus fidèles que ces Barons. Car ils ont le plus grand intérêt à appartenir à un grand pays où les emplois les plus importans et les plus lucratifs leur sont toujours ouverts.

„Notre seul malheur, a dit le Prince en riant, c'est que la connaissance de la langue russe commence à se répandre trop en Allemagne. Aujourd'hui on y lit Vos journaux. Nos journalistes les prennent au sérieux, se fâchent et répondent. Les Votres, flattés de l'effet qu'ils produisent à l'étranger, répliquent en renchérissant; et il s'établit ainsi une polémique qui donne de tems en tems à l'Europe l'espoir d'une brouille entre nous".

№ 2. Extract d'un entretien avec le Prince de Bismarc à Kissingen, le 14/26 Juilet 1879.

Le Prince m'a dit: „On est tenté de me considérer en Russie comme un ingrat. On a tort. J'avais été prêt à engager l'Allemagne militairement avec Vous, si j'avais pu réussir à établir une entente à fond sur tous nos intérêts mutuels. Sans cette condition préalable il m'était impossible d'entraîner mon pays dans la guerre et de brûler mes vaisseaux vis-à-vis des autres Puissances. Notre enjeu, c'est la conservation de l'Alsace-Lorraine. Si Vous nous aviez garanti la possession de cette province, j'étais prêt a Vous suivre „durch dick und dünn" et à engager toutes les forces de l'Allemagne au service de Vos intérêts en Orient *). Autrement, pouvons nous être certains que dans une future génération la Russie ne modifiera pas une politique basée uniquement aujourd'hui sur la volonté personnelle de l'Empereur Alexandre?

„Mes ouvertures à ce sujet sont restées sans réponse, ou plutôt on a fait la sourde oreille. J'ai maintenu alors mon rôle d'ami;-et je

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Je ne me souviens pas;qu'il nous en ait jamais fait la proposition".

Русское правительство как бы забыло на минуту, что оно осталось победителем и что Европа признавала его таковым.

„Этой роли я всегда желал для России. Еще до об'явления войны я говорил Убри, что русскому народу необходимо отпраздновать несколько побед. Он не мог вечно оставаться под гнетом крымского поражения. Россия и Пруссия должны иметь победоносные войска, чтобы возобновить свой столетний союз братства по оружию. В самом деле, нужно вернуться к эпохе семилетней войны *), чтобы найти Россию воюющей с нами, да и то я называю ту войну войною побочною; ее подняла сплетня г-жи де-Помпадур, которой удалось составить против Фридриха II эту коалицию из трех женщин.

„Полагаю, что в истории не найдешь еще примера двух пограничных великих государств, столь солидарных в своих столь сложных интересах. Я считаю, что этим Провидение предуказывает величие нашим двум странам. Время от времени толкуют о прибалтийских губерниях, чтобы посеять между нами рознь. Я каждый раз сержусь, когда слышу, что русские называют эти губернии немецкими. Назовите их латышскими или как угодно, если не желаете назвать их русскими, но ни в каком случае они не немецкие. Одно дворянство там как бы германского или тевтонского происхождения, и у русского Императора нет более верных подданных, чем эти бароны. Ибо для них в высокой степени выгодно принадлежать к обширной стране, где самые важные и доходные должности всегда им доступны.

„Одно у нас горе", прибавил князь со смехом: „в Германии слишком распространяется изучение русского языка. Теперь у нас читают ваши газеты. Наши журналисты принимают их в серьез, сердятся и отвечают. Ваши, польщенные эффектом, произведенным ими заграницею, возражают в еще более повышенном тоне. Отсюда проистекает полемика, которая время от времени дает Европе надежду, что между нами возникнет ссора".

№ 2. Выдержки из бесед с князем Бисмарком в Киссингене 14/26 июля 1879 г.

Князь мне сказал: „В России склонны считать меня неблагодарным. Это неправильно. Я был готов дать вам военную помощь Германии, если бы только мне удалось установить соглашение по существу касательно всех наших общих интересов; без этого предварительного условия мне было невозможно вовлечь мое отечество в войну и сжечь мои корабли по отношению к остальным Державам. Наша ставка есть сохранение Эльзас-Лотарингии; обеспечь вы нам обладание этой провинцией, я был бы готов следовать за вами „в огонь

*) Война между Пруссией и Англией с одной стороны, Австрией, Саксонией, Россией, Францией и Швецией с другой (1756—1763 гг.).

crois l'avoir prouvé au Congrès. Mais je ne pouvais plus être l'allié „durch dick und dünn".

N'ayant pas été dans le secret des pourparlers auxquels le Prince venait de faire allusion, je me suis borné à exprimer l'opinion que l'Allemagne était assez puissante pour défendre à Elle seule ses propres conquêtes. D'ailleurs, ai-je ajouté, l'ami a-t-il toujours besoin de tirer l'épée pour rendre un service à son allié? L'Empereur Alexandre n'a t-il pas préservé la Prusse d'une coalition en 1870, sans qu'il Lui soit nécessaire d'engager Ses armées dans une guerre? Ce système de neutralisation, s'il pouvait être toujours loyalement appliqué de part et d'autre, me semble préférable à tous les traités d'alliance offensive et défensive; car il n'en possède pas le côté onéreux et n'oblige pas chacune des parties à tenir constamment ses forces militaires à la disposition de l'autre".

Le Prince ne m'a point paru éloigné de partager ces idées. Il finit par me dire: „En effet la Russie et l'Allemagne sont assez puissantes pour se tirer d'affaire sans avoir besoin de livrer leurs batailles en commun. Ce qu'il leur faut plutôt c'est de se garantir contre des coalitions européennes". Mais il a ajouté qu'il ne pensait pas qu'en ce moment on soit disposé en Russie à entrer dans une entente sérieuse avec l'Allemagne. J'ai cru comprendre,—sans qu'il l'ait dit en toutes lettres, qu'il se sentait en disgrâce chez nous, par suite d'un refroidissement de ses rapports personnels avec quelques éminens personnages dans nos hautes sphères diplomatiques.

№ 3. Résumé.

J'essayerai de résumer les impressions que j'ai recueillies de mes entretiens avec le Prince de Bismarc.

Tout en faisant parade de ses anciennes sympathies pour la Russie, son langage portait l'empreinte d'une sourde irritation dont je ne m'expliquais pas suffisamment les motifs.

Cette irritation me paraissait plus profonde qu'une simple bouderie personnelle contre le Prince Gortchakow.

A mon passage par Berlin, j'ai dîné chez mon collègue d'Athènes Radowitz; et j'ai pu m'y convaincre que mes impressions ne m'avaient pas trompé. Les confidences que j'y ai recueillies me mettent en mesure

и в воду" и посвятить все силы Германии служению вашим интересам на Востоке *). Иначе, можем ли мы иметь уверенность, что грядущее поколение в России не переменит политику, основанную ныне единственно на личном желании Императора Александра?

„Мои подходы в этом смысле остались без ответа или, вернее, к ним остались глухи. Тогда я вернулся к своей роли друга и полагаю, что доказал это на конгрессе. Но я не мог уже быть союзником „готовым идти за вас в огонь и в воду".

Не будучи посвящен в переговоры, которых коснулся князь, я только выразил мнение, что Германия достаточно могущественна, чтобы одна защитить свои собственные завоевания. „Да и всегда-ли", прибавил я, „другу необходимо обнажать меч, чтобы оказать услугу союзнику? Разве Император Александр не избавил Пруссию от коалиции в 1870 году **) и не было необходимости для него участвовать своими войсками в войне? Эту систему нейтрализации, если бы всегда ее добросовестно применять с обоих сторон, я считаю предпочтительнее всяких договоров о союзах наступательных и оборонительных, так как она не имеет тяжелых обязательств, нераалучных с последними, и не принуждает каждую из сторон постоянно держать свои военные силы в распоряжении другой стороны".

Мне показалось, что князь недалек от таких же мыслей. Наконец он мне сказал: „Действительно, Россия и Германия достаточно сильны, чтобы устраиваться без необходимости сообща давать сражения. Им более нужно оградить себя от европейских коалиций". Но он прибавил, что не думает, чтобы в настоящий момент Россия была расположена вступить в серьезное соглашение с Германией. Я как бы понял—хотя он не высказал этого прямо—что он чувствует себя точно в опале у нас, вследствие охлаждения личных отношений с несколькими выдающимися особами из наших высших дипломатических сфер.

№ 3. Общие выводы.

Попытаюсь подвести итог впечатлениям вынесенным мною из бесед с князем Бисмарком.

Выставляя на вид свою давнюю симпатию к России, он не мог заглушить в речах своих отзвука глухого раздражения, мотивы которого мне были недостаточно ясны.

Это раздражение показалось мне вытекающим из более глубоких источников, чем просто личная досада на князя Горчакова.

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Не помню, чтобы когда-либо он делал нам это предложение".

**) Имеется в виду попытка Австрийского правительства вызвать вмешательство России и Англии в франко-прусскую войну 1870 г.

de dresser une espèce d'enquête sur nos rapports avec l'Allemagne depuis le Congrès.

Nous avons été mécontens du Traité de Berlin et, par ricochet, de Bismarc dont nous espérions davantage.

Bismarc, persuadé d'avoir fait de son mieux au Congrès pour nous servir, s'est senti froissé. De là une marée montante d'irritation de part et d'autre.

L'un des résultats de cette situation se fait sentir en Orient. Dans les commissions d'exécution l'Allemagne ne nous donne plus son vote comme autrefois, mais se range du coté de la majorité. J'ai lieu de supposer que c'est là un parti-pris qu'il nous sera difficile de modifier dans les circonstances actuelles.

Ce changement d'attitude nous irrite avec raison; et c'est ainsi que, de fil en aiguille nos rélations marchent vers une crise *plus sérieuse que l'on ne pense* *).

Il serait funeste en effet si l'attitude adoptée par nous en 1870 envers l'Allemagne, devenait un mécompte. Nous avons contribué à rendre la Prusse puissante. Nous l'avons fait dans le but de la mettre en mesure de nous rendre à l'occasion les mêmes services que nous Lui rendions. En effet, avec l'Allemagne pour alliée, nous ne courons plus comme autrefois le danger d'une coalition Européenne. La Prusse ne nous en préservait pas. L'Allemagne nous en préserve.

Un point sur lequel Bismarc insiste particulièrement, c'est qu'il nous a précisément rendu ce service, sur le champ de bataille comme au Congrès. Au début de la guerre il avait catégoriquement déclaré à Vienne qu'en aucun cas il ne tolèrerait une action autrichienne sur nos flancs ou sur nos derrières aussi longtems que durerait la campagne.

Plus tard, le traité de San-Stefano a modifié la situation politique, mais encore alors il était tout prêt à nous aider à désintéresser l'Autriche et à isoler l'Angleterre, si nous lui avions franchement confié que nous désirions maintenir le Traité par les armes.

En résumé, il croit être resté loyalement dans le systême d'assistance mutuelle, tel qu'il l'avait été inauguré par notre Auguste Maitre, en 1870.

Telle est la défense qu'il fait de sa conduite. Il appartient au Cabinet Impérial de la juger.

Je me bornerai à constater ici le danger qu'il y aurait à ne point dissiper ces malentendus par de franches explications. Car notre silence subit à Berlin une interprétation qui dépasse peut-être les intentions du Gouvernement Impérial. En effet, si nous ne sommes plus enthousiastes, et avec raison, de l'entente à trois, on commence à croire à Berlin que nous plaçons dans la même catégorie l'entente traditionelle à deux et que nous songeons à de nouvelles combinaisons politiques.

Bismarc m'a fait l'effet d'un homme préoccupé par un soupçon entré dans son esprit; et si la situation actuelle venait à se prolonger, je ne serai pas surpris qu'il se mette sérieusement à la recherche de

---

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „C'est là ce que je crains".

Проезжая через Берлин, я обедал у Радовича, моего афинского коллеги и мог убедиться, что впечатление меня не обмануло. Сообщения, какие я там получил, дают мне возможность составить как будто отчет о наших отношениях к Германии, начиная с конгресса *).

Мы были недовольны Берлинским Трактатом, а следовательно и Бисмарком, от которого ожидали лучшего.

Бисмарк, убежденный, что сделал на конгрессе все, что мог, в нашу пользу, почувствовал себя задетым. Отсюда — прилив возрастающего раздражения с обоих сторон.

Одно из последствий этого положения чувствуется нами на Востоке. В исполнительных комиссиях Германия уже не голосует за нас, как бывало, а примыкает к большинству. Имею основание предполагать, что тут есть предвзятое намерение, изменить которое при теперешних обстоятельствах нам будет трудно.

Эта перемена отношений дает нам повод к раздражению; и таким образом, малу-по-малу, наши взаимоотношения близятся к кризису, *более серьезному, чем принято думать* **).

В самом деле, было бы пагубно, если бы наше поведение по отношению к Германии в 1870 г. оказалось ошибкою. Мы содействовали могуществу Пруссии. Мы это сделали с целью дать ей возможность, при случае, оказать нам те же услуги, какими она обязана нам. Действительно, при союзе с Германией нам не грозит уже, как прежде, опасность европейской коалиции. Пруссия не обеспечила бы нас от нее, Германия обеспечивает.

Вот пункт, на котором Бисмарк особенно настаивает: будто эту услугу оказал нам именно он, как на поле сражения, так и на конгрессе. В начале войны он категорически заявил в Вене, что ни в каком случае не допустит нападения австрийцев на наши фланги или на наш тыл во все время, пока длится кампания.

Впоследствии, Сан-Стефанский договор изменил политическое положение; но и тут он еще был готов помочь нам удовлетворить Австрию и изолировать Англию, если бы мы откровенно сообщили ему, что хотим поддержать договор силою оружия.

Вследствие этого он полагает, что честно соблюл систему взаимопомощи, возникшую по почину нашего Августейшего Повелителя в 1870 году.

Вот как он оправдывает свое поведение. Судить о нем подобает Императорскому Кабинету.

Я же только констатирую здесь, насколько опасно не рассеять эти недоразумения откровенными разъяснениями; ибо наше молчание вызывает в Берлине такие толкования, которые, пожалуй, и не входят в намерения Императорского Кабинета. В самом деле, раз мы уже более не в восторге от тройственного соглашения и имеем на то основания, то в Берлине начинают думать, что мы относим к той же

*) Берлинский конгресс, созванный для пересмотра Сан-Стефанского договора, и заседавший с 13 июня—13 июля 1878 г.

**) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Вот этого-то я и боюсь".

nouveaux alliés, et qu' un différend tout personnel dans l'origine, se transforme en problème politique de la plus haute gravité pour les destinées des deux Empires limitrophes.

Собственноручная надпись Александра II:

„La conclusion est tout à fait d'accord avec mes propres convictions et désirs".

№ 4. Les alliances.

L'alliance à trois est jugée. Cette entente qui date de la guerre franco-allemande, a été pour nous *plus riche en déceptions qu'en résultats* *). Elle nous a même fait un mal positif par l'adjonction d'un troisième élément, elle a vicié nos rapports directs avec l'Allemagne.—Celle-ci nous aurait été assurément d'une plus grande utilité si Elle était restée en dehors de tous les malentendus entre nous et l'Autriche.

Tout ce que nous avons obtenu, nous le devons à nous seuls, à notre brave armée, à la persévérance de l'Empereur. L'entente à trois nous a rendu, il est vrai, un service considérable: celui de contenir l'Autriche aussi longtems que la guerre a duré et de couvrir ainsi le flanc et les derrières de notre armée d'opération. Mais ce service a été neutralisé plus tard par tant de déboires qu'il ne saurait nous encourager à reprendre le système de l'entente à trois.

D'ailleurs aujourd'hui il ne s'agit pas d'alliances à contracter; nous ne sommes pas à la veille, nous sommes au lendemain d'une guerre, mais d'une guerre qui a mis en mouvement de nouvelles combinaisons politiques, non réalisées encore, mais en train de se réaliser si notre diplomatie n'y prend pas garde. Il s'opère notamment un mouvement de rapprochement sensible entre les grands Cabinets, en dehors du nôtre. Sa tâche d'aujourd'hui consisterait donc à contrecarrer ce travail de crystallisation, ce qui nous serait impossible à faire en nous renfermant dans l'isolement. Il s'agit de savoir quel est le point où notre diplomatie doit frapper pour rompre le faisceau des intimités européennes. Quelle est, en d'autres termes, la Puissance dont nous devrions nous rapprocher pour rétablir en Europe un équilibre dans lequel nous aurions notre part d'influence et d'actions. Est-ce la France? est-ce l'Allemagne?

Tout rapprochement avec la France ne peut être basé que sur la supposition d'un antagonisme permanent entre cette Puissance et l'Allemagne. Notre amitié ne peut être nécessaire à la France que dans le but de la „revanche". Or, il serait hazardé de trop compter sur la durée de cet antagonisme.—C'est là une situation ou nous risquons de nous trouver entre deux chaises. Car Bismarc a plus d'une corde à son arc. Il pourrait un jour mettre en avant quelque nouvelle convention „Benedetti" pour dédommager la France, ou bien échanger la Lorraine contre quelque province non française, s'il y voyait un moyen d'éviter une

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Ce n'pas que trop vrai, helas"!.

категории и традиционное двойственное соглашение и что помышляем о новых политических комбинациях.

Бисмарк произвел на меня впечатление человека, поглощенного подозрением, закравшимся в его ум. Если современное положение затянулось бы, то я не удивился бы, если бы он серьезно принялся за поиски новых союзников и если бы несогласие, вполне личное в своем источнике, преобразовалось бы в политическую проблему, в высокой степени важную для судеб двух пограничных империй.

Собственноручная надпись Александра II:

„Заключение вполне соответствует моим собственным убеждениям и пожеланиям.

№ 4. Союзы.

Тройственный союз осужден. Это соглашение, начавшееся с франко-германской войны, оказалось для нас более *обильным разочарованиями, нежели результатами* *). Оно даже принесло нам положительный вред; с присоединением третьего элемента, оно испортило наши прямые сношения с Германией. Последняя, конечно, была бы для нас полезнее, если бы осталась в стороне ото всяких недоразумений между нами и Австрией.

Всем, чего мы достигли, мы обязаны лишь самим себе, нашему храброму войску, настойчивости Императора. Правда, тройственное соглашение оказало нам значительную услугу: оно сдерживало Австрию, пока длилась война, и, таким образом, прикрывало фланг и тыл нашей действующей армии. Но эта услуга впоследствии была сведена на нет столькими разочарованиями, что ничто не поощряет нас придерживаться системы тройственного соглашения.

Впрочем, ныне нам не предстоит заключать союзов. Мы живем не накануне, а по окончании войны, войны, которая повела к возрождению новых политических комбинаций, еще не осуществленных, но имеющих осуществиться, если наша дипломатия не поостережется. А именно: происходит заметное сближение между Кабинетами великих держав за исключением нашего. Поэтому задачею последнего в данный момент является противодействие такой кристаллизации; а оно будет для нас невозможно, если мы останемся одинокими. Предстоит отыскать тот пункт, куда следует ударить нашей дипломатии, чтобы порвать цепь европейских соглашений. Другими словами: с какою державою должны мы сблизиться, чтобы восстановить в Европе равновесие, при котором за нами осталась бы наша доля влияния и деятельности. Франция ли это? или Германия?

Всякое сближение с Францией может быть основано лишь на предположении непрерывного соперничества между этою державою и Германией. Наша дружба может быть нужна Франции лишь ради целей „реванша“. Между тем, было бы рискованно слишком рассчитывать на деятельность этого соперничества. При таком расчете мы

*) В подлиннике на полях собственноручная надпись Александра II: „Увы! Это слишком верно“.

guerre dont il ne serait pas sûr de sortir vainqueur. Tout rapprochement entre nous et la France ne pourra que l'encourager dans ces idées. Nous n'aurons travaillé alors qu'à renverser à notre détriment toute la marche de l'histoire contemporaine, sans avoir acquis un allié nouveau; car la France, désintéressée par quelque acquisition territoriale ou par la rétrocession de l'Alsace-Lorraine, n'aurait plus besoin de nous.

Pour la même raison je considèrerais comme un jeu très dangereux de nous mettre en coquetterie avec la France, quand même nous ne le ferions que dans l'espoir de nous ramener Bismarc, repentant et soumis. Avec cet homme, nous risquerions d'arriver à un résultat diamétralement opposé. Nous ne le rendrions que plus enclin à écouter les suggestions qui lui parviennent peut-être de Londres et de Vienne dans le but de trouver le moyen de calmer en France les désirs de la revanche par quelque nouvelle combinaison territoriale.— Car notre instinct patriotique devrait nous dire que c'est là le but final de tout le travail diplomatique de nos adversaires en Europe, à Vienne comme à Londres: réconcilier la France et l'Allemagne, afin de nous enlever la meilleure carte que nous ayions jamais eue dans notre jeu!

Ce qui précède indique suffisamment de quel côté nos efforts doivent se tourner. Souvent en politique les vieilles idées sont les meilleures. L'intimité avec la Prusse, aujourd'hui Allemagne est une de ces idées; et quels que soyent les malentendus des derniers tems, ils pèsent à peine dans la balance des avantages que cette intimité nous assure.—En voici l'énumération.

1. Tant que Bismarc sera sûr de nous, tant que ses derrières seront couverts, il ne craindra pas de braver la France une seconde fois et ne songera certainement point à lâcher l'Alsace-Lorraine. Ainsi il ne tient qu'à nous de perpétuer indéfiniment l'esprit d'hostilité entre la France et l'Allemagne en restant fidèles à notre attitude politique de 1870.

2. Depuis un an, nous voyons s'accentuer l'intimité entre Berlin et Vienne. C'est là un résultat direct du malaise dont se ressentent nos rapports actuels avec l'Allemagne. Aujourd'hui cette intimité n'est encore pour le Prince de Bismarc qu'un pis-aller que nous pouvons faire cesser quand nous voulons; mais un pis-aller qu'il ne dédaigne pas, car c'est un homme qui prend toujours son bien où il le trouve. Or, il ne faudrait pas l'habituer à chercher à Vienne le point d'appui qui lui manquerait à St.-Pétersbourg.

3. Depuis prêt d'un siècle l'amitié de la Prusse nous rend le service incalculable de couvrir la plus importante de nos frontières. On pourrait peut-être évaluer à des milliards ce que nous aurait coûté durant ce siècle la défense de cette frontière contre une Prusse hostile. Une

можем очутиться между двумя стульями. Ибо у Бисмарка всегда есть что-нибудь в запасе. Он, вдруг, может выставить какую-нибудь новую „конвенцию Бенедетти", *) чтобы удовлетворить Францию, или дать в обмен за Лотарингию какую-нибудь не французскую провинцию, если сочтет это средством избежать войны, в которой не будет уверен, что останется победителем. Всякое сближение между нами и Францией может только утвердить его в таких идеях. Тогда все наши труды приведут к тому, что, во вред нам, окажется перевернутым весь ход современной истории, а нам не прибавится ни одного нового союзника; ибо Франция, удовлетворенная каким-нибудь территориальным приобретением или возвратом Эльзаса-Лотарингии, перестанет нуждаться в нас.

По той же причине я счел-бы очень опасными наши заигрывания с Францией, даже если-бы мы пустились в них лишь в надежде вернуть к себе Бисмарка, покорного и кающегося. С этим человеком мы достигли-бы прямо-противоположных результатов. Мы только усилили-бы его склонность слушать советы, которые, пожалуй, стали-бы ему даваться из Лондона и Вены с целью найти способ заглушить во Франции стремление к реваншу при помощи какой-нибудь новой территориальной комбинации. Ибо наш патриотический инстинкт должен-бы нам подсказать, что конечной целью всех дипломатических трудов наших европейских противников, как венских, так и лондонских, является примирение Франции с Германией, чтобы отнять у нас лучшую карту, когда-либо имевшуюся в нашей игре.

Предыдущее достаточно указывает, в какую сторону должны направиться наши усилия. В политике старые идеи часто оказываются наилучшими. К числу таковых принадлежит дружба с Пруссией, ныне—Германией, и каковы бы ни были недоразумения за последнее время, они далеко не перевешивают превмуществ, даваемых нам этою дружбою. Вот перечисление последних:

1) Пока Бисмарк будет в нас уверен, пока тыл у него прикрыт, он не побоится вторичной борьбы с Францией и, разумеется, не подумает расстаться с Эльзас-Лотарингией. Итак, зависит лишь от нас продлить на неопределенный срок вражду между Францией и Германией, неизменно пребывая в нашей политической позиции 1870 года.

2) Вот уже год, как мы видим возрастающую близость между Берлином и Веной. Это—прямое последствие натянутости наших нынешних отношений к Германии. Сейчас князь Бисмарк поддерживает эту близость лишь за неимением лучшего, и мы можем прекратить ее, как только пожелаем; но этим прибежищем он не брезгает, так как этот человек без разбора извлекает себе пользу везде, где может. Заметим, что не надо приучать его искать в Вене точку опоры, которой ему не хватает в Петербурге.

3) Вот уже около столетия, как дружба Пруссии оказывает нам неоценимую услугу, прикрывая важнейшую нашу границу. Пожалуй,

*) В 1867 г. франц. посол в Берлине Бенедетти составил проект франко-прусской конвенции, по которой Пруссия обязывалась помочь Наполеону „приобрести" Люксембург и Бельгию. Проект этот никогда не получил силы.

Prusse amie, au contraire, nous met dans la position privilégiée d'être, en Europe, la seule Puissance qui n'ait pas à craindre d'attaque et qui puisse désarmer impunément.

№ 5. Relations actuelles entre la Russie et l'Allemagne.

Il y eut un tems où l'idée d'une entente entre ces deux Empires en vue de se garantir mutuellement contre le danger des coalitions semblait praticable. L'Empereur, par l'une des plus belles inspirations de Son glorieux Règne, avait déjà donné, en 1870, le premier exemple de la mise en pratique de cette idée, qui, appliquée loyalement de part et d'autre, aurait été destinée peut-être à assurer aux deux Empires une prépondérance incontestée dans les affaires du monde.

Malheureusement, un malentendu regrettable rend aujourd'hui difficile le développement de cette grande conception politique dans nos rapports ultérieurs avec l'Allemagne.

Celle-ci se croit quitte envers nous, par l'appui qu'Elle nous a prêté pour faire aboutir le Congrès de Berlin à une issue pacifique.

Nous pensons, au contraire, que l'Allemagne n'a pas fait assez pour payer sa dette de reconnaissance, et que notamment Elle ne nous avait pas mis, comme Elle le devait, à l'abri de la coalition qui se formait contre nous pour combattre le Traité de San-Stefano.

Quoiqu'il en soit, faut-il admettre qu'un malentendu, résultat d'explications insuffisantes, puisse étouffer dans son germe la pensée féconde dont il avait plu à l'Empereur de prendre l'initiative? Cette auguste pensée au lieu d'éclairer la marche des générations futures, sera-t-elle destinée à figurer dans l'histoire comme un exemple solitaire de prévoyance politique?

Voilà le problème qui se dresse aujourd'hui.

Les considérations qui suivent, serviront peut-être à démontrer l'opportunité de le résoudre sans trop de retard.

Déjà l'Europe est mise en éveil par la perspective inattendue,—j'allais dire inespérée pour Elle,—d'une altération des rapports séculaires entre nous et Berlin. Les Cabinets, intéressés à les envenimer, se sont déjà mis à l'œuvre. Un fait caractéristique le prouve: Dans les questions qui surgissent tous les jours en Orient au sein des commissions d'exécution, ces Cabinets ont adopté une attitude nouvelle: avant de se prononcer ils en appellent à l'opinion du Cabinet Allemand, lui abandonnant l'initiative sous prétexte que le rôle de médiateur appartient de droit à la Puissance qui a présidé le Congrès. Le but de cette tactique est facile à comprendre. Ces mêmes Cabinets se seraient bien gardés d'en appeler à l'Allemagne, si nos rapports avec Elle étaient ceux d'une mutuelle confiance comme autrefois.—Mais ils savent que ce n'est pas le cas. Ils spéculent sur le malaise qui s'y fait sentir, pour mettre en contact direct le vote de l'Allemagne avec le nôtre dans un moment

в течение целого века нам обошлась бы в несколько миллиардов защита этой границы от Пруссии враждебной. А дружественная Пруссия, напротив, ставит нас в привилегированное положение единственной в Европе державы, которой нечего бояться нападения и которая безнаказанно может разоружиться.

№ 5. Современные отношения между Россией и Германией.

Было время, когда представлялась осуществимою мысль о соглашении между этими двумя империями в виду их взаимного ограждения от возможных коалиций. Император, одним из прекраснейших начинаний своего славного царствования, уже подал в 1870 году первый пример осуществления этой идеи, которая, при честном применении ее с обоих сторон, могла-бы, пожалуй, доставить обоим империям бесспорный перевес в политике мира.

К несчастью, прискорбное недоразумение ныне затрудняет применение этого великого политического замысла к нашим отношениям с Германией.

Последняя считает, что расквиталась с нами, оказавши нам поддержку, чтобы привести Берлинский Конгресс к мирному исходу.

Мы же, напротив, полагаем, что Германия недостаточно уплатила свой долг признательности. А именно: она не защитила нас, как должно было, от коалиции, составлявшейся против нас с целью отмены Сан-Стефанского договора *).

Как-бы то ни было, неужели-же допустить, чтобы недоразумение, произошедшее от недостаточности об'яснений, могло истребить в самом зародыше плодотворное начинание, инициативу которого соблаговолил взять на себя Император? Неужели этот Августейший замысел, вместо того, чтобы осветить путь грядущим поколениям, обречен остаться в истории единичным примером политической предусмотрительности?

Вот задача, возникающая ныне.

Нижеследующие соображения докажут, быть может, желательность ее разрешения без излишнего промедления.

Европа уже взволнована неожиданной—я хотел сказать: превосходящей ее надежды — перспективой нарушения нашего векового дружелюбия с Берлином. Кабинеты, которым выгодно раздуть неудовольствие, уже взялись за дело. Это доказывается характерным фактом: при разрешении вопросов, ежедневно возникающих на Востоке в исполнительных комиссиях, эти Кабинеты усвоили новый метод: прежде чем высказаться, они запрашивают мнения германского Кабинета, предоставляя ему инициативу, под тем предлогом что роль посредника

*) Сан-Стефанский договор вызвал протест Англии и неудовольствие Австрии, предложившей созыв европейской конференции; кн. Бисмарк высказался также за созыв конференции.

de froissement entre Elle et nous.—Ne serait-ce pas le moment de prendre ces Puissances dans leurs propres filets; de dissiper, par des explications franches et cordiales, le nuage qui obscurcit la situation; de rétablir l'intimité d'autrefois avec des hommes faciles à convaincre car ils ne demandent qu'à être convaincus;—et d'emporter alors, ensemble avec l'Allemagne, toutes les questions d'exécution qui nous intéressent encore en Orient?

Voilà quant aux avantages immédiats. En ce qui concerne un avenir plus éloigné, j'ajouterais les considérations suivantes.

Le danger de voir l'Allemagne se passer de nous, ne peut aller qu'en augmentant si nous tardons à La ramener dans notre orbite. Sommes-nous sûrs en effet qu'Elle restera toujours aussi intéressée qu'Elle l'est aujourd'hui à une entente avec nous? N'a-t-Elle point déjà, à l'heure qu'il est, des velléités de chercher ailleurs la sécurité qu'Elle ne trouve plus chez nous? Ou je me trompe fort, ou je crois que Bismarc, pour clore avec succès sa carrière historique, est précisément aujourd'hui à la recherche des élémens de stabilité qui manquent encore à son œuvre. Il pourra les trouver dans une alliance avec l'Autriche, il pourra les trouver dans une réconciliation définitive avec la France moyennant un remaniement territorial dont la Belgique ou la Hollande ferait peut-être les frais! En tout état de cause, nous convient-il qu'il finisse par trouver cette sécurité dans d'autres mains que dans les nôtres? Enfin, sommes-nous sûrs que lui-même restera longtems sur la scène? L'état physique de sa santé n'est guère rassurant. Un mot de Radowitz me revient involontairement à la mémoire: „Jamais, m'a t-il dit un jour à Athènes, jamais Vous ne retrouverez en Allemagne un Ministre aussi russe que Bismarc l'a été!"

A cette occasion, Radowitz m'avait cité un fait, peut-être ignoré à St. Pétersbourg. Les opinions du Prince Héritier d'Allemagne n'étaient guère favorables au système traditionnel suivi par Son Auguste Père à l'égard de la Russie. C'était là, avant la guerre de 1870, la grande préoccupation de Bismarc qui redoutait un changement subit de politique en cas d'un changement de Règne. Dans les dernières années, ce Ministre a réussi à convertir le Prince Impérial aux bonnes idées.

Si aujourd'hui le Prince de Bismarc venait à disparaître de la scène politique avant que nos rapports avec l'Allemagne soyent remis sur l'ancien pied, il n'est guère probable que nous retrouvions de si tôt à Berlin un homme d'Etat assez puissant pour imposer à la nation allemande toutes ses volontés, à l'opinion allemande toutes ses idées, y compris celles qui favoriseraient nos intérêts.

по праву принадлежит державе, председательствовавшей на Конгрессе; цель такой тактики легко понятна. Эти самые Кабинеты и не подумали-бы обратиться к Германии, если-бы между ею и нами по-прежнему царило полное доверие. Но им известно, что это не так. Они расчитывают на существующую между нами натянутость, чтобы прямо противопоставить голос Германии нашему в такой момент, когда между ею и нами происходят трения. Не пора-ли запутать эти державы в их собственные сети, рассеять прямыми и чистосердечными об'яснениями те тучи, которые омрачают горизонт, и восстановить былую близость с людьми, которых убедить легко, ибо они сами желают быть убежденными; а затем, заодно с Германией, одержать верх по всем вопросам, которые имеют еще для нас значение на Востоке.

Вот каковы непосредственные выгоды. Относительно-же более далекого будущего я прибавил-бы следующие соображения:

Опасность, что Германия станет обходиться без нас, может только усилиться, если мы замедлим вернуть ее в нашу орбиту. В самом деле, уверены ли мы, что соглашение с нами всегда будет для нее столь-же важно, как ныне. Разве уже сейчас она не склонна искать у других ту безопасность, которую перестала находить у нас. Или я сильно ошибаюсь, или Бисмарк, чтобы успешно закончить свою историческую карьеру, именно теперь ищет тех устоев, которых пока еще не хватает для его деятельности.

Возможно, что он их найдет в союзе с Австрией или даже в окончательном примирении с Францией при помощи территориальных изменений, может быть, за счет Бельгии или Голландии. Во всяком случае, удобно ли нам, чтобы эта устойчивость обеспечивалась для него кем-нибудь помимо нас. Наконец, уверены ли мы, что сам он долго не сойдет со сцены. Состояние его телесного здоровья далеко не успокоительно. Невольно припоминаю слова Радовича: „Никогда", сказал он мне как-то в Афинах, „никогда не найдете вы в Германии другого министра настолько русского, как был Бисмарк".

Тут же кстати Радович привел мне факт, быть может, неизвестный в Петербурге. Мнения германского наследного принца далеко не благоприятствовали традиционной системе, какую применял в своих отношениях к России его Августейший отец. До войны 1870 года это очень заботило Бисмарка, который опасался внезапного поворота политики в случае смены на престоле. В последние же годы этому министру удалось обратить Императорского принца к правильным мыслям.

Если теперь князь Бисмарк сойдет с политической сцены ранее, чем наши взаимоотношения с Германией вернутся к прежнему состоянию, то нет вероятия, чтобы в Берлине нашелся так скоро государственный человек, достаточно мощный, чтобы подчинить германскую нацию всем своим желаниям и германское общественное мнение всем своим идеям, а в том числе и тем, которые благоприятны нашим интересам.

Francfort s/M le $\frac{19 \text{ Septembre}}{1 \text{ Octobre}}$ 1879.

V.

Rapport présenté à sa Majesté l'Empereur Alexandre II par le Prince Orloff.

Sire,

Je viens compléter par ce rapport le bref, mais bien exact résumé de mes entrevues avec le Prince de Bismarck, que mon cher collègue et ami de Berlin a déjà transmis à Mr. de Giers.

J'ai trouvé Bismarck considérablement vieilli, et très fatigué de sacure de Gastein, pendant laquelle il n'a fait que se livrer à des travaux assidus. Toutefois son esprit est resté aussi vif, sa parole aussi claire et vigoureuse que jadis. Il a abordé, de suite, le terrain politique. Voici ce que j'ai pu recueillir de plus saillant:

1. La querelle des deux Chanceliers n'existe plus. Bismarck m'a chargé de porter au Prince Gortchakow des paroles amicales, ainsi que l'assurance que son estime et son attachement à notre Chancelier n'avaient jamais été altérés par la polémique des journaux, à laquelle le Chancelier allemand déclare être resté entièrement étranger.

2. Bismarck avoue être sous „le cauchemar des coalitions". Selon lui: „les grands Etats de notre époque sont comme des voyageurs inconnus les uns aux autres et que le hasard a réuni dans un wagon. Ils s'observent mutuellement, et lorsque l'un d'entre eux met sa main en poche, le voisin prépare son revolver afin d'être en mesure de tirer le premier coup".

Je ne pus m'empêcher d'observer que le voisin pouvait tout simplement vouloir tirer un mouchoir de la poche, et que le soupçon conduisait à l'erreur tout aussi bien que l'imprévoyance.

4. Dans cet ordre d'idées soupçonneux, Bismarck voit une intention peu bienveillante dans l'agglomération de nos cantonnements de cavalerie en Pologne. L'état-major prussien y voit une épée de Damoclès suspendue sur les provinces, qui fournissent à l'Allemagne la plus grande partie de ses chevaux de remonte. On avait proposé à l'Empereur Guillaume et à Son Chancelier de concentrer dans les deux Prusses, vingt régimens de cavalerie tirés du centre de l'Allemagne; mais Bismarck dit avoir fait ajourner ce projet, car cela eut été „une menace opposée à une désobligeance". Je lui demandai, pourquoi nos cantonnemens actuels l'inquiétaient, puisque notre cavalerie n'a fait que reprendre les quartiers qu'elle occupait avant la guerre. Il m'avoua que les articles violents de notre presse avaient inspiré à l'état-major allemand des craintes, qui, jadis eussent semblé puériles.

Франкфурт на Майне, $\frac{19 \text{ сентября}}{1 \text{ октября}}$ 1879 г.

V.

Рапорт представленный кн. Орловым Его Величеству Александру II.

Ваше Величество.

Дополняю этим докладом краткий, но весьма точный отчет о моих свиданиях с князом Бисмарком, который уже передан г-ну Гирсу моим любезным берлинским коллегою и другом.

Я нашел Бисмарка значительно постаревшим и очень утомленным после курса лечения в Гаштейне, во время которого он только и делал что усидчиво работал. Впрочем его ум сохранил прежнюю живость, его речь—прежнюю ясность и силу. Он сразу вступил на политическую почву. Вот что я мог извлечь наиболее выдающегося:

1. Ссора между двумя канцлерами прекращена. Бисмарк поручил мне передать князю Горчакову слова дружбы вместе с уверением, что его уважение и привязанность к нашему канцлеру никогда не уменьшались вследствие газетной полемики, от которой германский канцлер, по его заверению, стоял совершенно в стороне.

2. Бисмарк признается, что страдает „кошмаром коалиций". По его мнению, великие державы в наше время похожи на путешественников, незнакомых друг с другом и случайно очутившихся в одном вагоне. Они наблюдают друг за другом и, когда один из них сует руку в карман, то сосед готовит свой револьвер, чтобы иметь возможность выстрелить первым.

Я не воздержался от замечания, что сосед мог просто пожелать вынуть из кармана носовой платок, и что подозрительность, не менее чем беспечность, приводит к ошибкам.

4. *) Под влиянием такой подозрительности, Бисмарк видит предвзятое недоброжелательство в расквартировании массы нашей кавалерии в Польше. Прусский генеральный штаб видит в этом Дамоклов меч, повешенный над провинциями, преимущественно снабжающими Германию конским ремонтом. Императору Вильгельму и его канцлеру было предложено сосредоточить в обоих Пруссиях двадцать конных полков, выведя их из центра Германии; но Бисмарк говорит, что отложил исполнение этого проекта, ибо это было-бы „угрозой в ответ на нелюбезность". Я спросил его, почему наше теперешнее размещение его беспокоит, когда наша конница лишь вернулась на те квартиры, какие занимала до войны. Он сознался, что резкие статьи нашей печати внушили германскому штабу опасения, которые прежде показались бы неосновательными.

*) В подлиннике пункт 3 помечен цифрой 4.

5. Bismarck m'a affirmé qu'au mois d'Août, Mr. Waddington lui aurait fait parvenir la nouvelle, que des personnes autorisées, mais non lofficielles, auraient sondé les dispositions du Gouvernement français à 'égard de la conclusion d'une alliance franco-russe. J'ai dit que la chose me paraissait être une fâble, mais que je tirerai le tout au clair, dès mon retour à Paris. En tout cas, le procédé de Mr. Waddington prouve bien qu'il est non seulement anglais de naissance et de goûts, mais encore prussien par peur.

Bismarck m'a aussi parlé de notre soi-disante influence sur la presse française. Ses agents lui ont assuré que je soudoyais l'Estafette et la France. Cette dernière feuille publie parfois des correspondances féminines de Pétersbourg dont Bismarck connait l'origine aussi bien que moi, et qui ne l'émeuvent guère. Quant à l'Estafette c'est un journal payé par le Prince Napoléon. J'ai mis Bismarck en garde contre ses agents secrets qui, comme les nôtres, sont en majeure partie polonais, et aiment à amonceler des informations presque toujours inéxactes.

6. Le Chancelier allemand m'a avoué avoir été opposé à la visite de son Souverain à Alexandrowo; mais, au fond, il parait satisfait de son résultat.

Je lui ai demandé, en riant, s'il était allé à Vienne afin d'y conclure un traité d'alliance offensive et défensive contre nous. Bismarck répondit, qu'il y était allé, au contraire, pour détourner l'Autriche de tout projet hostile à notre égard, mais qu'il avait trouvé l'Empereur François Joseph dans les dispositions les plus amicales à l'égard de la Russie. Ce Souverain avait contredit toutes les rumeurs répandues sur sa soi-disante alliance avec les Puissances Occidentales. C'est alors qu'a été signé entre Bismarck et Andrassy un protocole secret. Ce protocole contient l'engagement mutuel des deux Puissances de ne prendre part à aucune mesure comminatoire contre nous, dans le cas où un désaccord s'établirait entre nous et les puissances signataires du traité de Berlin. De cette façon, la diplomatie seule aurait à débrouiller les difficultés, que l'exécution de ce traité fait naître à chaque instant.

7. A la fin de notre entretien je demandai ce qu'était devenu l'alliance des trois Empereurs. Il m'a répondu que, malgré tout, elle continuait à subsister entre Votre Majesté et l'Empereur Guillaume, et que l'Empereur François ne désirait que la reprise de l'entente complète entre les trois cours.

Enfin, Bismarck m'a fait entendre, que le Roi était souvent dur à son égard (parfois grossier) et que lui même, vu l'état délabré de sa santé devrait bientôt quitter les affaires. Il ne m'a pourtant pas prononcé le mot de démission; mais il a parlé d'un long répos. Apprenant que j'étais autorisé à venir, au mois de Février prochain à St.-Pétersbourg, Bismarck m'a invité à venir le voir dans Ses terres, où il compte passer tout l'hiver.

Il m'a encore une fois répété combien il était personnellement dévoué à Votre Majesté, tout en craignant d'être desservi auprès d'Elle par ses ennemis. A mon égard personnel il a été parfait. Il m'a reçu

5. Бисмарк утверждал, что в августе месяце г. Ваддингтон известил его о том, будто лица уполномоченные, но не официальные, зондировали отношение французского правительства к заключению франко-русского союза. Я сказал, что слух этот кажется мне баснею, но что я все это выясню, как только вернусь в Париж. Во всяком случае поступок г. Ваддингтона явно доказывает, что он не только англичанин по рождению и воспитанию, а еще и пруссак по опасениям.

Бисмарк также говорил мне о нашем, якобы, влиянии на французскую печать. Его агенты уверили его, будто я подкупаю „Эстафету“ и „Францию“. Последний листок печатает по временам женские корреспонденции из Петербурга, происхождение которых Бисмарк знает не хуже меня и ничуть ими не волнуется. Что же касается „Эстафеты“, то этой газете платит принц Наполеон. Я предостерегал Бисмарка против его тайных агентов, ибо они, как и наши,—большею частью поляки и любят набирать кучу сведений, почти всегда неверных.

6. Германский канцлер признался мне, что был против визита своего Государя в Александрово*); но результатом его он, в сущности, кажется доволен.

Я спросил его, смеясь, не затем ли он ездил в Вену, чтобы там заключить оборонительный и наступательный союз против нас. Бисмарк ответил, что, наоборот, ездил туда затем, чтобы отклонить Австрию от всяких намерений, нам враждебных, но что застал Императора Франца Иосифа весьма дружественно расположенным к России. Этот Государь опроверг все слухи об его будто бы союзе с западными державами. Вот тогда-то Бисмарком и Андраши был подписан тайный протокол. В этом протоколе содержится взаимное обязательство обоих держав не принимать участия против нас ни в каких мерах устрашения в том случае, если бы произошел разлад между нами и державами, подписавшими Берлинский Трактат. Таким образом, одной дипломатии пришлось-бы распутывать затруднения, ежеминутно порождаемые применением этого Трактата.

7. В конце нашей беседы я спросил, какова же участь союза трех Императоров. Он мне ответил, что, несмотря на все, таковой продолжает существовать между Вашим Величеством и Императором Вильгельмом, а что Император Франц Иосиф ничего более не желает, как полного возобновления согласия между тремя Дворами.

Наконец, Бисмарк дал мне понять, что король часто бывает к нему суров (иногда груб) и что сам он, в виду своего расстроенного здоровья, должен будет вскоре удалиться от дел. Однако, он не произнес слова „отставка“, а говорил о долговременном отдыхе. Узнав, что в будущем феврале месяце мне разрешено приехать в Петербург, Бисмарк пригласил меня посетить его у него в имении, где он рассчитывает провести всю зиму.

Он еще раз повторил мне, насколько лично предан Вашему Величеству, хотя боится, как бы его враги не уронили его в Вашем мне-

*) Имеется в виду свидание русского и германского императоров в Александрове в сентябре 1879 г.

en vieil ami et, tout en sachant, que j'écrivais à Votre Majesté, il ne m'a chargé d'aucune communication. C'est pour cette raison, Sire, que je dépose à Vos pieds l'instante prière de ne point envoyer cette lettre aux archives officielles, et de daigner m'en garder le secret.

Je demeure

Sire,

de Votre Majesté

le très fidèle sujet

Orloff.

нии. Лично со мною он обошелся безукоризненно. Он принял меня, как старого друга и, хотя узнал, что я пишу к Вашему Величеству, не возложил на меня никакого поручения. По этой причине, Ваше Величество, я повергаю к стопам Вашим усерднейшую просьбу не отсылать этого письма в официальный архив, а соблаговолить соблюсти его в тайне.

Остаюсь,

Всемилостивейший Государь,

верноподанным

Вашего Величества.

Орлов.

4) Compte rendu des entretiens du Comte Schouvaloff avec le Prince de Bismarck.

I.

Résumé de mon premier entretien avec le Prince de Bismarck au sujet de la Convention Secrète,

le 29 Avril/11 Mai 1887.

Après avoir transmis au Chancelier toutes les raisons, qui avaient amené Sa Majesté l'Empereur à préférer à la triple entente un accord à deux avec l'Allemagne,—je m'empressais de rappeler au Prince de Bismarck les objectifs qu'il recherchait de son côté; me fondant dans mes appréciations sur le fait qu'il m'a déclaré plus d'une fois sa détermination, de ne pas attaquer la France, — détermination, que j'ai porté à plusieurs reprises à la connaissance de mon Gouvernement. Je lui rappelais même les paroles, qu'il avait prononcé quelques jours avant mon départ pour la Russie et qui avaient été répétées par moi à l'Empereur.

„Si la France nous attaquait—nous ferons tout ce qui dépendra de nous pour nous défendre, mais nous n'irons pas nous heurter contre les lignes fortifiés des Français".

Les objectifs de l' Allemagne étaient donc:

a) se garantir d'une agression française, en comptant sur notre neutralité bienveillante dans l'éventualité d'une guerre de revanche.

b) assurer le maintien de la paix en prévenant des conflits d'intérêts dans la presqu'île Balcanique,

c) sauvegarder enfin le statu quo du traité de Berlin.

Nos objectifs à nous:

a) nous prémunir contre le danger des coalitions Européennes dans une époque où presque toutes les Puissances fesaient preuve d'une si grande malveillance à notre égard, — et l'obtenir par une franche et solide alliance avec l'Allemagne,

b) d'empêcher toute modification du statu quo territorial de la presqu'île des Balcans et faire reconnaître la légitimité de notre influence exclusive dans les deux Bulgaries,

c) de garantir l'inviolabilité des détroits.

4) Беседы П. А. Шувалова с кн. Бисмарком в апреле—мае 1887 г.

Подлинники—5 тетрадей. Написаны от руки на листах писчей бумаги с золотым обрезом, сшитых в тетради. На полях пометки карандашом рукой самого Шувалова, дополняющие текст. На каждой тетради вначале пометка красным карандашом (свидетельствующая, что эти тетради были представлены к докладу Александру III и были им прочитаны).

Документы хранятся во II Отделении Госархива в Секретном Архиве Министра. (Отд. IV Шкаф C.d. 11, в конверте с надписью: Correspondance relative à la conclusion du traitè secret avec l'Allemagne du 1887).

I.

Краткое изложение моего первого разговора с князем Бисмарком по поводу тайного соглашения.

29 апр./11 мая 1887 г.

Сообщив канцлеру все соображения, побудившие Его Величество Императора предпочесть тройственному согласию — соглашение вдвоем с Германией, я постарался напомнить Бисмарку о тех целях, которые он преследовал со своей стороны; при этом я основывался на том обстоятельстве, что он не раз высказывал мне свое намерение не нападать на Францию, что я многократно и доводил до сведения своего правительства. Я напомнил ему даже слова, сказанные им за несколько дней до моего от'езда в Россию, и которые были переданы мной Императору.

„Если Франция нападет на нас, мы сделаем все от нас зависящее для нашей защиты, но сами мы не двинемся против укрепленных линий французов".

Цели Германии заключались в следующем:

а) Обеспечить себя от французского нападения, в случае войны реванша (guerre de revanche), расчитывая на наш благосклонный нейтралитет.

б) Обеспечить мир, устраняя столкновения интересов на Балканском полуострове.

в) Охранять statu quo, установленное Берлинским Трактатом.

Наши цели:

а) Застраховать себя от грозящих нам в настоящее время европейских коалиций, т. к. почти все державы обнаруживают теперь по отношению к нам высокую степень недоброжелательности и достичь этого обеспечения при помощи искреннего и прочного союза с Германией.

б) Воспрепятствовать какому бы то ни было изменению территориального statu quo на Балканском полуострове и настоять на признании законности нашего исключительного влияния в обоих Болгариях.

в) Обеспечить неприкосновенность проливов.

× *) M'inspirant des instructions, qui m'ont été données, je n'allais pas plus loin pour le moment.

Le silence qu'avait gardé le Chancelier pendant toute cette entrée en matière, me parût de bonne augure, ma phrase concernant son désir d'obtenir notre neutralité seulement en vue d'une agression du côté de la France étant restée non seulement sans objection de sa part mais même ayant rencontré son approbation me prouva qu'il se rendait parfaitement compte du sens de mon interprétation.

C'est bien dans l'éventualité d'une agression où **) autrement dit dans le cas d'une guerre de revanche que le Chancelier pouvait compter sur notre neutralité.

Là-dessus nous passâmes à la lecture des trois principaux points du projet de la Convention Secrète.—

L'article premier ne souleva pas de réplique, le Prince de Bismarck avait en mains le texte de notre arrangement à trois et il me fut facile de découvrir sur son visage le désappointement que lui causait le grand changement introduit dans cet article par l'exclusion d'une des parties contractantes, ce qui rangeait par conséquent l'Autriche dans la catégorie d'une troisième Puissance avec laquelle nous pouvions nous trouver en guerre ***). Toute fois il ne me fit aucune observation, les réservant sans doute pour plus tard, ainsi que je m'y attendais du reste.

L'article II passa de même sans objections serieuses, les mots: „influence prépondérante" furent préférés à „l'influence exclusive" — je n'y ajoutais aucune importance, d'autant plus que dans mes conversations avec Monsieur de Giers le Ministre avait lui-même choisi cette expression, comme correspondant davantage au sens de l'article. Je ne cachais pourtant pas au Chancelier que j'avais moi proposé le mot exclusif à la suite de l'échange d'idées qui avait eu lieu cet hiver entre lui et mon frère.—Le Prince de Bismarck me répondit qu'après tout il n'avait rien contre le mot et qu'en le relevant, il attirait seulement mon attention sur une certaine contradiction qu'involontairement il faisait naître en vue de la Suzeraineté et de la Souveraineté du Sultan en Bulgarie et en Roumélie. — Cela serait plutôt l'expression „de prépondérante et décisive" qu'il faudrait employer me dit le Prince.— Je le saisis au mot et adoptai avec plaisir le mot de „décisive", qui à mon avis donne encore plus de force à l'idée ****).

Une autre observation encore fut faite par rapport à ce même article.—Le Chancelier fut d'avis de remplacer les mots du „statu quo territorial de la presq'île Balcanique" par l'expression suivante: „statu quo territorial légal, fondé sur les bases du traité de Berlin".—Le statu quo énoncé simplement ferait croire, à son avis, à une reconnaissance

---

*) В подлиннике на полях ×

**) В подлиннике „d'agression".

***) В подлиннике, начиная со слов „et il me" и кончая „en guerre",— скобки проставленные карандашом: (et il me ..... en guerre).

****) В подлиннике, начиная со слов „Je le..." и кончая l'idée", скобки карандашом (Je ..... l'idée).

Руководствуясь данными мне инструкциями, я пока не пошел дальше.

Все время пока я говорил эти свои вступительные слова, канцлер хранил полное молчание, и я счел это благоприятным предзнаменованием. Моя фраза о том, что он хочет обеспечить наш нейтралитет, имея в виду исключительно наступление со стороны Франции, не встретила с его стороны никаких возражений, а наоборот была одобрена; это как бы подтвердило мне то, что он вполне правильно понимает смысл моих раз'яснений.

Именно, в случае нападения или, другими словами, в случае войны реванша канцлер может расчитывать на наш нейтралитет.

Вслед за этим мы перешли к чтению трех главных пунктов проекта секретного соглашения*).

Статья первая не вызвала возражений. У князя Бисмарка был в руках текст нашего соглашения втроем**) и мне не трудно было заметить на лице его неудовольствие, причиной которого было значительное изменение, введенное нами в эту статью исключением одной из договаривающихся сторон, т. к. это ставило Австрию в положение третьей Державы, с которой мы могли оказаться в состоянии войны. Все же он не сделал никакого замечания, откладывая его, очевидно, до другого времени, чего я впрочем и ожидал.

Статья вторая прошла также без серьезных возражений. Вместо слов „исключительное влияние" были поставлены слова „преобладающее влияние". Я этому не придал никакого значения, тем более, что в разговорах моих с господином Гирсом, последний сам употребил именно это последнее выражение, считая его всего лучше соответствующим смыслу статьи. Однако, я не скрыл от канцлера, что выражение исключительное было предложено мной, как последствие обмена мнений, состоявшегося зимой между ним и моим братом. Князь Бисмарк ответил мне, что он в сущности ничего не имеет против этого слова и что, останавливаясь на нем, он только обращает мое внимание на некоторое противоречие, которое невольно возникает, если иметь в виду сюзеренитет и суверенитет султана в Болгарии и Румелии. Следовало бы употребить выражение „преобладающее и решительное" влияние. Я поймал его на слове и с удовольствием поставил слово решительное, придающее, по моему мнению, мысли больше силы.

По поводу той же самой статьи было сделано еще другое замечание. По мнению канцлера следовало заменить слова — „Территориальное statu quo на Балканском полуострове" — следующим выражением: „Законное территориальное statu quo, покоющееся на основе Берлинского Трактата". Употребить выражение просто „statu quo" значило бы, по его мнению, признать теперешнее положение, которое, очевидно, является совершенно незаконным. Может быть, он хотел

*) Имеется в виду соглашение между Россией и Германией 1887 г. (см. ниже).

**) Соглашение между Россией, Германией и Австрией 1881 г., возобновленное в 1884 г. (см. ниже).

de l'état de choses actuel, qui est évidemment parfaitement illégal. Peut être voulait-il par là constater l'illegalité entre autres de la réunion actuelle de la Roumélie à la Bulgarie.

Arrivé au troisième point le Chancelier reprit son thème favori et **) me reparla des détroits, de Constantinople etc., etc.; il me répéta combien l'Allemagne était prête à nous y voir installés afin que nous eussions, selon son expression, la clef de notre maison entre nos mains. Conformément à mes instructions sub. No 1 je ne laissais pas échapper cette occasion pour rappeller au Chancelier que nous comptions toujours sur les assurances, qu'il nous donne depuis longtemps à ce sujet et que si cette clause n'avait pas été formulée dans le projet de la Convention Secrète que nous discutions, ce n'était uniquement que pour éviter d'affaiblir le sens précis du texte de l'Article III, traitant de la fermeture des détroits, j'ajoutais que cette considération n'aurait eu certainement pas de valeur pour nous, mais qu'elle aurait pu le frapper et que c'est pourquoi j'ai été chargé d'en causer préalablement avec lui. Effectivement, me répondit le Prince, c'eut été une forte contradiction, mais je reste ferme dans ce que j'ai avancé—l'Allemagne n'aurait rien à redire en vous voyant maîtres des détroits, possesseurs de l'entrée du Bosphore et de Constantinople même, mais cette clause ne devrait pas paraître dans l'instrument principal—cela doit être stipulé séparement—une indiscrétion pourrait Vous être fatale en dévoilant trop tôt Vos aspirations. Autant les indiscrétions seraient peu dangereuses quant aux trois points, que nous venons d'élaborer, autant elles seraient néfastes pour Vous à l'égard de la clause ayant trait à la mer Noire, aussi est ce un arrangement qu'il faudrait mettre sous un d o u b l e f o n d et dont le secret devrait être a b s o l u.

Faisons en une clause séparée et si Vous voulez Vous charger de la rédaction je ne demande pas mieux que de l'accepter dans les termes à peu près identiques à ceux que nous avons déjà établis il y a de cela quelque temps.

Je répondis au Prince que sans doute il m'était bien agréable de pouvoir informer Monsieur de Giers de la confirmation de ses promesses—qu'il serait évidemment indispensable d'entourer semblable arrangement d'un mystère complet, mais qu'il ne faudrait pas oublier qu'une action décisive de notre part à l'entrée de la Mer Noire avait plutôt un caractère théorethique qu'un caractère de probabilité et que par conséquent nous ne saurions, en ce moment, considérer comme un grand poids en notre faveur dans la balance les avantages que nous procureraient les assurances amicales que je venais d'entendre.

Toutefois je promis de lui donner la rédaction de cette clause et c'est dans la forme suivante que je la lui ai transmis en ajoutant que cette rédaction m'appartenait personnellement et qu'elle ne pouvait avoir de valeur qu'après qu'elle aura été soumise à la sanction de sa Majesté l'Empereur.

**) В подлиннике слова „reprit son thème favori et" подчеркнуты карандашом и заключены в скобки (reprit ..... et).

этим подчеркнуть, между прочим, незаконность настоящего об'единения Румелии и Болгарии.

Дойдя до третьего пункта, канцлер снова обратился к своей любимой теме, он снова стал говорить о проливах, о Константинополе и т. д. и т. д. Он повторил мне, что Германия будет очень рада, если мы там осуемся, и, как он выразился, получим в свои руки ключ от своего дома. Следуя данной мне инструкции за № 1, я не упустил этого случая, чтобы напомнить здесь канцлеру о том, что мы не забываем его заверений по этому поводу, которые он нам уже давно дает, и что если в проект секретного договора обсуждаемого нами не включено такой статьи, так это только для того, чтобы не ослабить точного смысла текста статьи III-ей, в которой идет речь о закрытии проливов; я прибавил, что для нас эти соображения, собственно говоря, несущественны, но что такая статья могла бы явиться для него неожиданностью и поэтому мне было поручено предварительно переговорить с ним по этому поводу. На самом деле, ответил мне князь, это было бы значительным противоречием, но я твердо остаюсь при том, что говорил раньше—Германия не будет возражать, если вы сделаетесь хозяевами проливов, овладеете Босфором и даже самим Константинополем; но такой статье не место в основном документе—об этом надо уговориться отдельно. Случайная нескромность может оказаться для Вас роковой, разоблачив слишком рано ваши желания. Если бы стали известны благодаря нескромности те три пункта, которые мы сейчас вырабатываем,—большой опасности в этом не было-бы; разоблачения о статье, касающейся Черного моря, были бы крайне вредными. Это соглашение такого рода, что его следует спрятать под двойное дно и хранить в полной тайне.

„Составимте отдельную статью, и если Вы согласитесь взять на себя труд редактировать ее, то я со своей стороны был бы очень доволен, если бы она была составлена в выражениях, приблизительно сходных с теми, которые были установлены нами несколько времени тому назад".

Я ответил князю, что мне будет очень приятно сообщить г-ну Гирсу о том, что он (князь Бисмарк) подтверждает свои обещания; что, конечно, подобное соглашение необходимо окружить полной тайной, но что не следует забывать о том, что действия наши у входа в Черное море относятся более к области предполагаемого, нежели к области возможного, и что поэтому в настоящее время мы не можем считать большим преимуществом в нашу пользу те выгоды, которые обеспечивают нам дружеские заверения, только что выслушанные мною.

Но все же я обещал представить ему редакцию этой статьи, и я вручил ему ее, прибавив, что эта редакция принадлежит лично мне и что полную силу она будет иметь только после того, как будет одобрена Его Императорским Величеством.

Voici cette rédaction:

Projet d'un article additionnel, à double fond, à la Convention Secrète.

Annexe à l'Article III de la Convention Secrète projetée.

Dans le cas où Sa Majesté l'Empereur de Russie se verrait dans la nécessité d'assumer Lui-même la tâche de défendre l'entrée de la Mer Noire pour sauvegarder les intérêts de la Russie, l'Allemagne s'engage d'accorder sa neutralité bienveillante et son appui moral et diplomatique aux mesures, que Sa Majesté jugerait nécessaire de prendre pour garder la clef de Son Empire *).

Ayant pour ainsi dire accepté en principe la rédaction de nos principaux points, après y avoir introduit les quelques modifications susmentionnées, le Prince de Bismarck revient à l'Article I; la discussion qui s'en suivit est des plus importantes et mérite toute notre attention.—Je comprends cet article ainsi, me dit le Prince:

„En cas d'agression du côté de la France nous avons Votre neutralité bienveillante. — Vous avez la nôtre dans toute guerre avec une troisième Puissance: l'Angleterre, la Turquie, l'Autriche! L'éventualité d'une guerre entre Vous et l'Autriche me met dans le plus grand embarras, en vue de certains engagements, qui nous lient à cette Puissance".

A cette observation du Chancelier je croyais le moment venu pour aborder la question sous le point de vue qui m'a été tracé dans l'instruction N° 2. — Je répétais donc au Prince de Bismarck les raisons qui engageaient l'Empereur à renoncer au renouvellement de l'entente à trois, mais j'ajoutais que pareille décision n'impliquait, de notre part, aucune intention hostile à l'égard de l'Autriche. Je saisis cette occasion pour lui lire le passage de mon instruction, qui témoigne du prix que notre Auguste Maître attache aux liens d'amitiés avec l'Empereur François Joseph, ainsi que de l'importance, que Sa Majesté attache également à l'entente conservatrice des trois Empereurs. — Dès lors quelles pourraient être les craintes de l'Allemagne à l'égard d'un conflit entre nous et l'Autriche, crainte qui n'aurait aucun motif bien entendu à la condition que le Cabinet de Vienne tienne compte de nos intérêts dans la presqu'île des Balcans en préservant ainsi nos bonnes relations existantes de toute altération. Quant à faire un pas de plus nous ne le pouvons pas. — Souscrire à un engagement quelconque qui garantirait de notre part l'intégrité de l'Empire Austro-Hongrois à tout prix cela serait impossible au moment où le Cabinet de Vienne non seulement se dégage de ses obligations envers nous, mais où son attitude de ces derniers temps est bien moins que rassurante, en vue d'abord des armements auxquels il procède et ensuite en vue des grands approvisionne-

---

*) На подлиннике пометка карандашом: „Le copie a été remise au chancelier".

Вот эта редакция:

Проект добавочной статьи, с двойным дном, к тайному соглашению.

Добавление к ст. III проектированного тайного Соглашения.

В случае если-бы Его Величество Император Всероссийский признал необходимым предпринять самостоятельно защиту входа в Черное море для обеспечения интересов России,—Германия обязуется сохранять благосклонный нейтралитет и оказывать свою моральную и дипломатическую поддержку всем мерам, какие Его Величество сочтет нужным предпринять для того, чтобы сохранить ключ к своей Империи *).

Приняв, так сказать, в принципе редакцию наших главных пунктов после введения некоторых вышеупомянутых поправок, князь Бисмарк возвращается к ст. 1. Последующее обсуждение является наиболее важным и заслуживает нашего полного внимания.—Я понимаю эту статью таким образом, сказал мне князь:

„В случае наступления Франции, нам обеспечен Ваш благосклонный нейтралитет. Наш—обеспечен Вам во всякой войне с третьей державой: Англией, Турцией, Австрией. В случае Вашей войны с Австрией я окажусь в большом затруднении, т. к. имеются некоторые обязательства, связывающие нас по отношению к этой державе".

После этих слов канцлера я счел уместным приступить к вопросу с той точки зрения, какая намечена была мне в инструкции № 2. Я снова перечислил князю Бисмарку причины, заставившие Императора отказаться от возобновления соглашения втроем, но я добавил при этом, что решение это вовсе не предполагает с нашей стороны каких-либо враждебных намерений по отношению к Австрии. Я воспользовался этим случаем для того, чтобы прочесть ему то место из моих инструкций, которое свидетельствует о том, насколько наш Августейший Повелитель ценит узы дружбы, связывающие Его с Императором Францем Иосифом, а также и о том, какое большое значение придает Его Величество охранительному соглашению трех императоров. Следовательно, Германии нечего опасаться столкновения между нами и Австрией. Опасения эти совершенно неосновательны, разумеется, при условии, что Венский кабинет будет считаться с нашими интересами на Балканском полуострове, и будет бережно относиться к нашим теперешним добрым взаимоотношениям. Большего сделать мы не можем. Принять на себя какое-нибудь обязательство, которое обеспечивало бы неприкосновенность Австро-Венгерской Монархии во что бы то ни стало, мы не можем, так как Венский кабинет теперь не только отказывается от всяких обязательств по отношению к нам, но и поведение его за последнее время совсем не внушает доверия, если принять в расчет, во первых, предпринятые им вооружения, а затем

*) На подлиннике пометка карандашем: „Копия была передана канцлеру".

ments de grains et de fourrages que d'après nos renseignements fait le Gouvernement Austro-Hongrois.—Pareils préparatifs n'ont pas un caractère normal, etc... etc...

Le Prince me répliqua qu'il était lui-même convaincu de nos intentions pacifiques et qu'en revenant a l'Article I ce n'est pas un doute sur ces intentions pacifiques qu'il avait formulé.

„Que voulez Vous?" me dit le Prince, „nos engagements vis-à-vis de l'Autriche sont de nature à ne point nous permettre d'accepter sans réserve la rédaction de Votre premier article".

Puis le Chancelier sorti de son portefeuille un papier et m'en fit la lecture d'un bout à l'autre, à mon grand étonnement, je dois le dire.—C'était le texte même de la Convention Secrète entre l'Allemagne et l'Autriche conclue au mois d'Octobre 1879 pour le terme de dix ans *).

„Voici", me dit il, „comme les choses se sont passées. Vous savez sans doute combien nos relations étaient tendues à cette époque, le Prince Gortchacow, qui avait une haine personnelle pour moi, ne faisait qu'augmenter l'irritation, qui se manifestait dans nos relations. Une lettre que m'adressait alors le Prince Gortchacow, et dont je suis prêt à Vous donner la copie, dans le cas que Vous voudriez la remettre à Votre Empereur, témoigne clairement de l'attitude menaçante, que la Russie avait adopté vis-à-vis de nous.—De plus la dislocation significative de Vos troupes à notre frontière nous faisaient craindre des dangers sérieux. L'entrevue d'Alexandrowo n'avait pas calmé mes appréhensions et c'est la même année à Gastein que je conclus le traité, dont je viens de Vous lire les clauses" **).

Ce traité dont le Prince de Bismarck venait de me faire la lecture n'a pas le caractère d'une alliance offensive et défensive, c'est une alliance purement défensive, mais uniquement ***) dirigée contre la Russie sous l'influence des craintes éprouvées alors par l'Allemagne. Ainsi l'Article I de ce traité est la promesse mutuelle entre l'Allemagne et l'Autriche de se prêter toutes ****) leurs forces armées en cas „was man nicht hoffen soll" (чего Боже сохрани) d'attaque de la Russie contre l'une de ces deux Puissances. L'Article II promet à chacune des deux parties contractantes une neutralité bienveillante en cas de guerre de l'une d'elles avec une troisième puissance autre que la Russie. Le traité contient enfin une dernière clause, sous forme de réserve du coté de l'Allemagne, qui, autant que j'ai pu le comprendre, se ménageait le droit d'informer, en cas de necessité, la Russie de l'existence de c traité secret pour lui éviter toute surprise en cas qu'Elle se décida à un conflit avec l'une des deux Puissances voisines.

---

*) В подлиннике, начиная со слов „et m'en" и кончая „de dix ans",—скобки карандашом и пометка на полях: Le Chancelier m'a demandé de ne pas faire mention de la lecture.

**) В подлиннике пометка карандашом на полях: le P-ce ajouta qu'après Alexandrovo, la dislocation des troupes été resté la même.

***) В подлиннике слово „uniquement" заключено в скобки.

****) В подлиннике слово „toutes" заключено в скобки.

и большие запасы зерна и фуража, которые делает по нашим сведениям Австро-Венгерское правительство. Такие приготовления совершенно ненормальны и т. д. и т. д.

Князь ответил мне, что он вполне верит нашим мирным намерениям и что не сомнения в них заставляют его вернуться к ст. 1.

„Что делать, сказал мне князь, мы связаны по отношению к Австрии обязательствами такого свойства, что они не позволяют нам принять без оговорок редакцию Вашей первой статьи".

Затем канцлер, признаюсь к моему величайшему изумлению, вынув из своего портфеля бумагу, прочел мне ее с начала до конца. Это был самый текст Секретной Конвенции, заключенной между Германией и Австрией в октябре 1879 г. сроком на 10 лет *).

„Вот, сказал он мне, как было дело. Вам, конечно, известно, насколько в это время отношения наши были натянутыми. Князь Горчаков, питавший по отношению ко мне чувство личной вражды только усиливал раздражение проявлявшееся в наших отношениях. Письмо, которое написал мне тогда князь Горчаков,—если Вы хотите показать это письмо Вашему Императору, я готов дать Вам копию его,—письмо это ярко свидетельствует о том, какую угрожающую позицию заняла тогда Россия по отношению к нам. Сверх того многозначительное размещение Ваших войск на нашей границе возбудило в нас серьезное беспокойство. Свидание в Александрове не успокоило моих опасений, и вот в том же самом году, в Гастейне, я заключил этот договор, содержание которого сообщаю теперь Вам" **).

Договор, сообщенный мне Бисмарком, не имеет характера наступательного и оборонительного союза,—это союз чисто оборонительный, но направленный исключительно против России, под влиянием опасений, которые испытывала тогда Германия. Таким образом статья 1-я этого договора является взаимным обещанием Германии и Австрии помогать друг другу всеми своими вооруженными силами в случае нападения России на одну из этих двух держав „was man nicht hoffen soll"—(чего Боже сохрани). Статья 2-я обещает каждой из двух договаривающихся сторон благосклонный нейтралитет в случае войны одной из них против третьей державы за исключением России. Наконец, в договоре, имеется последняя статья в виде оговорки Германии, которая, насколько я понял, оставила за собой право в случае надобности сообщить России о существовании этого тайного договора, чтобы для этой последней не было бы никаких неожиданностей, если бы она решилась на вооруженное столкновение с одной из двух соседних держав.

За полную точность последнего моего утверждения я не ручаюсь. Канцлер читал по-немецки, а я не очень хорошо знаком со всеми выражениями этого языка. Однако, я думаю, что не ошибся, толкуя именно так смысл этой оговорки, очень характерной для Импера-

*) В подлиннике на полях пометка карандашом: «Канцлер просил меня не говорить, что он мне прочел».

**) В подлиннике на полях пометка: „Князь прибавил, что после Александрова размещение войск осталось неизменным".

Je ne saurais répondre de la parfaite exactitude de cette dernière assertion,—le Chancelier lisant en Allemand et toutes les expressions de cette langue ne m'étant pas familières *), mais je crois ne pas me tromper en interprétant ainsi le sens de cette réserve assez naturelle du reste pour l'Empereur Guillaume, dont l'amitié traditionnelle pour la Russie n'est un mystère pour personne et dont l'hésitation à donner Sa ratification aux arrangements avec l'Autriche était fort probable.

Quoiqu'il en soit le Chancelier m'ayant mis au courant de ce traité secret, ajouta qu'il regrettait sincèrement que les évènements de 1879 l'avaient forcé à se garantir contre nous au moyen de cet arrangement, mais que cet arrangement existait tout de même et qu'il aurait été déloyal de sa part, vis-à-vis de nous, d'accepter l'Article I de notre projet de Convention en vue des confidences qu'il venait de me faire en commettant une grâve indiscrétion **). Cette indiscrétion devait encore plus me convaincre de l'impasse dans laquelle il se trouvait et qui lui donnait tant à réfléchir malgré les sympathies qu'il professait depuis le commencement de sa carrière pour une alliance ferme et cordiale avec la Russie.

„Ne pourrait on pas", me dit le Prince, „ajouter à l'Article I l'annexe suivante: à l'exception du cas prévu dans un traité existant entre l'Allemagne et l'Autriche dans le cas où cette dernière serait attaqué e par la Russie?"

Je répondis que semblable annexe me paraissait impossible car elle venait renverser le sens de l'Article I dans sa rédaction primitive—d'ailleurs tout en ne nourrissant aucune intention hostile envers l'Autriche si des complications inattendues dans la presqu'île des Balcans venaient à troubler nos relations avec cette Puissance, qui serait à même de préciser de quel côté serait l'agression. — Cela serait toujours le même cercle vicieux qui se présenterait inévitablement au moment d'une rupture entre deux pays ***).

Me conformant à mes instructions № 2., j'énonçais à titre personnel l'idée qu'un conflit entre l'Autriche et nous ne pouvant, après tout, résulter que du froissement de nos intérêts réciproques dans la presqu'île des Balcans, il serait peut être possible de résoudre le noeud gordien en écartant tout sujet de discorde entre l'Autriche et nous sur ce terrain—et à arriver ainsi à paralyser la contradiction qui se manifestait entre le premier Article de notre projet et le premier point du traité Austro-Allemand.

Le temps nous empêcha de continuer cette première séance, d'ailleurs le travail d'esprit qui s'opérait chez le Prince était visible—et je

---

*) В подлиннике, начиная со слов „—le Chancelier" и кончая „familières", скобки карандашом и пометка на полях: J'ai pu me convaincre que le sens est exact, c'était un acte de loyauté comme le dit B. qui avait poussé l'Emp. Guillaume à proposer cette-res rve.

**) В подлиннике слова „en .... une indiscrétion" заключены в скобки, и пометка на полях карандашом: Il ajouta que l'entente à trois le mettait, à couvert".

***) В подлиннике, начиная со слов: „Je répondis" и кончая „deux pays",—скобки карандашом: [je répondis ..... deux pays].

тора Вильгельма. Его традиционная дружба к России ни для кого не тайна, и весьма вероятно, что он колебался дать свое согласие на договор с Австрией*).

Как бы то ни было, сообщив мне этот тайный договор, канцлер прибавил, что он от всей души сожалеет о том, что события 1879 г. заставили его охранить себя от нас при помощи этого договора, но что договор все таки существует и что с его стороны было бы вероломством по отношению к нам согласиться на статью 1-ю нашего проекта, принимая во внимание то, что он сейчас сообщил мне, совершая таким образом величайшую нескромность. Нескромность эта подтвердила мне еще раз, что положение его крайне затруднительно и заставляет его раздумывать и колебаться несмотря на его сочувствие прочному и сердечному союзу с Россией, сторонником которого он был с самого начала своей карьеры**).

„Нельзя ли, сказал мне князь, сделать к ст. 1 следующее добавление: „За исключением случая, предусмотренного договором, заключенным между Германией и Австрией, случая, если эта последняя подвергнется нападению со стороны России?"

Я отвечал, что такое добавление кажется мне невозможным, потому что благодаря ему потеряла бы смысл ст. 1-я в своей первоначальной редакции, а мы вовсе не питаем никаких враждебных замыслов по отношению к Австрии. Если же неожиданные осложнения на Балканском полуострове испортили бы наши отношения к этой Державе, кто же смог бы определить, которая из сторон является нападающей. Это был бы все тот же неизбежный заколдованный круг в момент разрыва между двумя государствами.

Руководясь своей инструкцией № 2, я высказал как бы от себя лично ту мысль, что так как столкновение между Австрией и нами может возникнуть только из-за столкновения наших интересов на Балканах, то нельзя ли развязать этот Гордиев узел, устранив все поводы раздора между Австрией и нами в этой области—и таким образом уничтожить противоречие между первой статьей нашего проекта и первым пунктом австро-германского договора.

Недостаток времени помешал нам продолжать это первое наше обсуждение; к тому же было очевидно, что князь усиленно обдумывает вопрос, и я не сомневаюсь, что он пустит в ход всю силу своего ума для того, чтобы найти выход.

Когда мы расставались, он мне сказал, что прежде всего он должен руководиться приказаниями Императора Вильгельма, что Его Величество, как ему известно, сожалеет о том, что более не существует Тройственного Союза так напоминающего Священный Союз и потому привлекательного для него, но что делать нечего и ему придется

*) В подлиннике на полях пометка: „Я убедился, что смысл ее передан точно, Имп. Вильгельм предложил эту оговорку, движимый, как мне сказал Б., чувством благодарности".

**) В подлиннике на полях пометка: „он прибавил, что тройственное соглашение избавило бы его от этого затруднения".

ne doute pas qu'il mettra toute son imagitanion à l'épreuve pour rechercher une solution *).

Au moment de nous quitter il me dit, qu'il devait avant tout prendre les ordres de l'Empereur Guillaume, que Sa Majesté, comme il le savait, regrettait l'abandon de l'alliance à trois, qui avait pour Elle tout l'attrait de la traditionnelle Sainte Alliance—mais qu'il n'y avait rien à faire et qu'il expliquerait à Son Souverain les raisons qui empêchaient la Russie d'accepter la participation de l'Autriche à notre nouveau projet d'entente.

„Il faut en sortir", me dit le Chancelier, au moment où je le quittais, „et j'ai le ferme espoir que nous réussirons à nous entendre".

Je promis au Prince de lui envoyer le projet de Convention rédigée à Pétersbourg, un second exemplaire de ce projet avec les modifications qui y ont été introduites après notre conversation et de plus un projet de rédaction pour l'article additionnel archi-secret concernant la défense éventuelle par nous de l'entrée de la Mer Noire.

Il serait inutile d'annoter en ce moment les objections plus que sérieuses du Prince de Bismarck par rapport à l'idée de mettre le Prince Impérial au courant de nos négociations avant qu'elles n'aient abouties. C'est une question qui n'obtiendra de l'importance qu'une fois que nous nous serons entièrement entendu, or nous n'en sommes point encore arrivé là.

---

*) В подлиннике, начиная со слов: „d'ailleurs" и кончая „solution",—скобки карандашом [d'ailleurs . . . . solution].

об'яснить Его Величеству причины, мешающие России согласиться на то, чтобы и Австрия участвовала в нашем новом предполагаемом соглашении.

„Надо найти выход", сказал мне канцлер, когда мы с ним прощались, „и я твердо надеюсь, что нам удастся притти к соглашению".

Я обещал князю прислать ему проект Конвенции, составленный в Петербурге, другой экземпляр этого проекта с изменениями, внесенными в него после нашего разговора, и еще один проект редакции добавочной статьи,—архи-секретной, касающейся нашей защиты входа в Черное море.

Сейчас не стоит останавливаться на тех серьезных возражениях Бисмарка, касательно того, чтобы сообщать о наших переговорах наследнику престола прежде, чем они будут закончены.

Вопрос этот приобретет значение лишь тогда, когда мы придем к полному соглашению, а мы к нему пока еще не пришли.

II.

Résumé de ma seconde conversation avec le Prince de Bismarck le 1/13 Mai 1887.

Le Prince de Bismarck ayant manifesté le désir de me trouver chez moi pour reprendre la discussion de l'autre jour je le reçu et m'aperçu, avec plaisir qu'il était pret à faire quelques concessions que je signalerai dans la suite.—D'abord le Chancelier me montra la lettre dont j'avais fait mention dans mon premier résumé. Ce n'était pas une lettre du P—ce Gortchacow au P—ce de Bismark—c'était bien la lettre de l'Empereur Alexandre à l'Empereur Guillaume datée du 3/15 Août 1879. Cette même lettre, qui joint aux 200 milles hommes de troupes russes échélonnées alors le long de la frontière prussienne lui avait, comme il le disait, fait ombrage et l'avait forcé à conclure le traité défensif avec l'Autriche.—Ce traité conclu en 1879 pour 5 ans et renouvelé ensuite pour 5 nouvelles années expirait en Octobre 1889.—Aucune possibilité de le déchirer sans manquer d'une manière flagrante à ses engagements. L'Empereur Guillaume ne pouvait le faire et même si c'était possible l'opinion publique en Allemagne, qui avait vent de l'existence d'une entente quelconque, l'aurait rejeté comme un coup trop mortel porté à l'Autriche—à l'Alliance de laquelle le pays s'était habitué et tenait plus que l'on ne le pensait.

D'un autre coté, l'Empereur Guillaume tient à l'amitié de la Russie, à cette amitié traditionnelle, qui est au fond l'histoire de toute Sa vie et quant à lui, Prince Bismarck, nous (savons) devions savoir *) aussi combien l'entente avec nous lui était et lui est toujours précieuse.—Il s'agirait donc de trouver le moyen de s'arranger malgré l'obstacle qu'il fallait surmonter.—„De fait notre entente", me dit le Prince, est destiné à assurer la position défensive de nos deux pays—l'Allemagne n'obtient Votre neutralité qu'en cas d'attaque du coté de la France, par contre Vous désirez l'obtenir dans l'éventualité d'une guerre avec toute autre troisième Puissance donc contre la Turquie, l'Angleterre, l'Italie et l'Autriche.—Ce serait par conséquent quatre garanties que Vous demandez contre une que Vous accordez—avouez que Vos avantages sont grands,—je suis néanmoins tout prêt à négocier sur cette base à l'exception pourtant du cas d'une guerre entre Vous est l'Autriche dans quel cas nous ne saurions Vous accorder la même neutralité si la Russie était l'agresseur.—Je Vous le répete nos engagements avec l'Autriche ne vont pas plus loin que cela. Elle sait très bien qu'Elle n'aurait pas le droit de compter sur notre appui, dans le cas où l'agres-

*) В подлиннике пометка карандашом: chambres?

*) В тексте стояло savons, переправлено карандашом и заменено словами—devions savoir.

II.

Краткое изложение моего второго разговора с князем Бисмарком 1/13 мая 1887 года.

Так как князь Бисмарк выразил желание побывать у меня, чтобы продолжать начатую на днях беседу, я принял его и с удовольствием заметил, что он готов на кое-какие уступки, которые я отмечу впоследствии. Сначала канцлер показал мне письмо, о котором я упоминал в изложении первого разговора. Это письмо было не от князя Горчакова к князю Бисмарку, а именно письмо Императора Александра к Императору Вильгельму, помеченное 3|15 августа 1879 года,— то самое письмо, которое, вместе с 200 тысячами русских солдат, расставленных в то время вдоль прусской границы, навело его—как он выразился—на сомнение и заставило его заключить оборонительный договор с Австрией. Срок этого договора, заключенного в 1879 году на пять лет и возобновленного затем еще на пять лет, истекает в октябре 1889 г. Порвать его без явного нарушения своих обязательств не представляется никакой возможности. Император Вильгельм не мог этого сделать, а если бы и мог, то германское общественное мнение, подозревающее о существовании какого-нибудь соглашения, восстало бы против столь тяжкого удара, наносимого Австрии, союз с которой привычен стране и более дорог ей, чем принято думать.

С другой стороны, Император Вильгельм дорожит дружбою России, той традиционной дружбою, которая, в сущности, является историей всей его жизни; что же касается его, князя Бисмарка, то мы тоже знаем, сколь драгоценно для него всегда было и есть согласие с нами. Значит приходится изыскивать средства, чтобы уладить все, несмотря на препятствие, которое нужно преодолеть.—„Фактически, наше соглашение, сказал мне князь," имеет целью обеспечить оборону наших обоих государств; Германии обещан ваш нейтралитет лишь на случай нападения со стороны Франции, вы же, взамен, желаете нашего нейтралитета на случай войны с каждой из прочих Держав, значит—против Турции, Англии, Италии и Австрии. Следовательно, вы требуете четырех гарантий в обмен на одну; признайте, что преимущества ваши велики. Тем не менее, я совершенно готов вести переговоры на этих основаниях, за исключением, однако, случая возникновения войны между вами и Австрией, при каковом обстоятельстве мы не можем поручиться за свой нейтралитет, если нападающею стороною будет Россия. Повторяю вам, наши обязательства по отношению к Австрии далее не идут. Она хорошо знает, что не имеет права рассчитывать на нашу поддержку в случае нападения с ее стороны. Мы не ставим себе задачею обеспечить ее территориальную неприко-

sion viendrait de son coté. Il ne s'agit pas pour nous de garantir son integrité territoriale à tout prix; notre arrangement ne fait mention que d'une alliance défensive entre nous, uniquement pour le cas d'une attaque de Votre part".—

„Nous tenons à la conservation de la Monarchie Austro-Hongroise proprement dite, si l'Autriche se lançait dans une politique d'aventures dans la presque'île des Balcans elle le ferait, ainsi que je l'ai écrit à Kalnoky, à ses risques et périls,—si Elle voulait entraver Votre action soit en Bulgarie, soit en Roumélie, soit même à Constantinople ce n'eut pas été pour nous un casus foederis, elle ne saurait dans ce cas de même compter sur nous. Elle le pourrait seulement en cas d'une attaque de son territoire purement Austro-Hongrois, et tout au plus de la Bosnie et de l'Herzegowine qu'Elle possède à la suite du Traité de Berlin".

Je m'abstins de relever cette dernière éventualité m'inspirant de mes instructions № 2, qui m'engagent à éviter soigneusement toute observation qui pourrait amener l'Autriche, si elle en était prevenue de tenter la déclaration du moment opportun pour s'annexer la Bosnie et l'Herzegowine. Je me bornais donc à observer au Chancelier, que la certitude pour l'Autriche du puissant soutien de l'Allemagne pouvait l'encourager à la fin de nos arrangements de 1881 et de 1884 à toutes sortes d'agissements dans la presqu'île des Balcans qui provoqueraien de sérieux froissements sans porter le caractère formel d'une agression et que nous par contre nous serions réduits à y assister les bras croisés de crainte de voir l'Allemagne et son alliée tomber sur nous, j'ajoutais que le mot seul d'agression est si élastique, qu'il serait bien difficile, à un moment donné de préciser nettement de quel coté elle se manifesterait *).

Le Chancelier répondit qu'il était effectivement très difficile de préciser ce terme dans un sens juridique, mais qu'il ne pensait pas que cela dusse nous inquiéter; que du moment que nous ne voulions pas attaquer l'Autriche cette dernière n'y songerait certainement pas et que quant au froissements de nos intérêts respectifs en Orient, il était là pour exercer son influence sur l'Autriche,—sans parler déjà de l'Article II de notre Convention projetée et légèrement modifiée, qui nous mettait à l'abri de tout changement du statu quo dans la Peninsule **). Je demandais encore au Prince de Bismarck s'il ne croyait pas possible pour rétablir la confiance complète entre nos deux pays, de n'avoir recours à la réserve concernant l'Autriche que durant les deux années pendant lesquelles l'Allemagne se trouvait engagée vis-à-vis d'elle, qu'après ces deux années il jugerait peut-être possible d'écarter l'écueil que nous cherchons à circonvenir dans nos négociations actuelles? Le Prince me répondit qu'il professait la plus grande confiance pour la loyauté de notre Empereur et pour celle de beaucoup de nos hommes d'état, que ce n'est certe pas de ce coté qu'il entrevoyait des dangers pour

*) В подлиннике, начиная со слов „j'ajoutais" и кончая „manifesterait" скобки карандашом.

**) В подлиннике пометка карандашом: traité de Berlin?

сновенность во что бы то ни стало; в нашем соглашении говорится лишь о союзе для взаимной обороны в случае нападения с вашей стороны.

Мы дорожим целостью собственно только Австро-Венгерской монархии; если же Австрия пустилась бы в политику авантюр на Балканском полуострове, то она сделала бы это, как я уже написал Кальноки, на свой риск и страх. Если-бы она захотела поставить вам преграды либо в Болгарии, либо в Румелии, либо даже в Константинополе, то это не будет для нас casus foederis; в этом случае она тоже не могла бы рассчитывать на нас. Последнее представляется ей лишь в случае вторжения только на ее австро-венгерскую территорию и ни как не более, как в Боснию и Герцеговину, которыми она владеет по Берлинскому Трактату".

Я воздержался от возражения на это последнее указание, имея в виду мою инструкцию № 2, приглашающую меня тщательно избегать всякого замечания, которое, будучи передано Австрии, могло бы привести ее к попытке заявить, что наступил удобный момент для аннексии Боснии и Герцеговины. Итак, я ограничился ответом канцлеру, что уверенность Австрии в мощной поддержке Германии может, по истечении срока наших соглашений 1881 и 1884 г.г., поощрить первую ко всяким деяниям на Балканском полуострове, способным вызвать серьезные трения, не нося формального характера агрессивности, а что мы, напротив того, были бы принуждены смотреть, сложив руки, из страха, как бы Германия и ее союзница не кинулись на нас; я прибавил, что самое слово «агрессивность» настолько эластично, что будет очень трудно в каждый данный момент отчетливо определить, с какой стороны она проявляется.

Канцлер ответил, что в самом деле очень трудно определить этот термин в смысле юридическом, но что, по его мнению, нам не следует этим тревожиться; что раз мы не собираемся напасть на Австрию, то последняя, конечно, и не подумает этого сделать, а что касается трений из-за наших с нею интересов на Востоке, то на лицо имеется он, чтобы повлиять на Австрию, не говоря уже о статье 2-ой нашей проектируемой и слегка измененной конвенции, которая ограждает нас ото всякой перемены status'a quo на полуострове. Я спросил еще у князя Бисмарка, не считает ли он возможным, ради восстановления полного доверия между нашими обоими государствами прибегать к оговорке по отношению к Австрии лишь в продолжение тех двух лет, на которые простирается обязательство к ней Германии, а по прошествии этих двух лет не сочтет ли он возможным устранить этот подводный камень, вокруг которого мы старательно лавируем при теперешних наших переговорах? Князь ответил мне, что питает чрезвычайное доверие к прямодушию нашего Императора и многих из наших государственных людей; что, конечно, не с этой стороны он предвидит опасности для своей родины, а боится только невоздержанности нашей печати; что наша печать с'умела развить в нашем общественном мнении ненависть к Германии и ко всему немецкому; что этого симптома не следует терять из виду; что он не надеется

sa patrie et que ce n'était que le débordement de notre presse qu'il redoutait,—que notre presse avait réussi à developper dans notre opinion publique la haine de l'Allemagne et de tout ce qui était Allemand, que ce symptôme ne pouvait être perdu de vue, qu'il ne saurait espérer voir changer cet état de choses et qu'il redoutait surtout le moment où les excitations de cette même presse, agissant sur l'opinion publique finirait par déborder et viendrait forcer la main de notre Gouvernement.

En revenant au texte de notre projet de Convention, le Prince me fit part des modifications qu'il aurait proposé y apporter:

l'Article I pourrait être complété ainsi: „Dans le cas, où l'une des hautes Parties contractantes se rait attaquée par une troisième Puissance,—l'autre maintiendrait etc... etc..."

ou bien:

„Dans le cas où l'une des hautes Parties contractantes se trouverait en guerre avec une troisième Grande Puissance autre que l'Autriche l'autre maintiendrait à son égard une neutralité bienveillante et vouerait ses soins à la localisation du conflit. A l'égard de l'Autriche Sa Majesté l'Empereur de Russie connait les obligations qui pour l'Allemagne résultent du traité défene sif conclu entre Elle et l'Autriche et en tiendra compt n'ayant pas l'intention d'attaquer l'Autriche".

L'Article II pourrait être rédigé ainsi:

„L'Allemagne reconnait les droits historiquement acquis à la Russie dans la presq'île Balcanique et particulièrement la légitimité de Son influence *prépondérante et décis ive* en Bulgarie et en Roumelie Orientale. Les deux Cours s'engagent à n'admettre aucune modification dans le statu quo *légal* de la dite Peninsule, *fondé sur les bases du traité de Berlin*, sans un accord préalable entre Elles et à s'opposer éventuellement à toute tentative de porter atteinte à ce statu quo *ou de le modifier sans Leur consentement*" *).

Les mots soulignés à l'encre rouge appartiennent au crayon du Prince de Bismarck, quant à l'omission des mots territorial et, le Chancelier conseille de les supprimer, sans y tenir particulièrement et cela plutôt dans notre intérêt, car, comme le dit le Prince, un avocat retors saurait s'accrocher au mot territorial suivi de légal ne correspondant peut-être pas tout à fait aux conditions dans lesquelles le traité de Berlin a placé la Roumélie.

Telles seraient donc les modifications à faire dans nos deux premiers Articles, les autres ne soulèvent aucune objection, quant à l'annexe à notre Convention appellée celle à double fond, sa rédaction est également acceptée par le Chancelier.

---

*) Слова, набранные курсивом, в подлиннике подчеркнуты красными чернилами.

на перемену этого положения вещей и опасается особенно того момента, когда подстрекательства этой самой печати, воздействуя на общественное мнение, перейдут всякую меру и принудят к действию наше правительство.

Возвращаясь к тексту нашего проекта конвенции, князь сообщил мне о тех изменениях, какие он предполагал в него внести:

Статья I-ая может быть дополнена таким образом: „В том случае если бы на одну из Высоких договаривающихся Сторон было сделано нападение третьею державою, то другая Сторона будет хранить ит. д.“

или:

В случае если бы одна из Высоких договаривающихся Сторон оказалась в войне стретьей державою, кроме Австрии,—другая Сторона будет хранить по отношению к ней благосклонный нейтралитет и приложит все старания, чтобы локализировать конфликт. Что же касается Австрии-то Его Величество Император Российский знает, какие обязательства вытекают для Германии из оборонительного договора, заключенного между нею и Австрией, и будет иметь их в виду, не намереваясь нападать на Австрию.

Статью 2-ую можно-бы изложить таким образом:

Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее *преобладающего и решительного* влияния на Болгарию и Восточную Румелию. Оба Двора обязуются не допускать в законном statusquo упомянутого полуострова *утвержденном на основах Берлинского Трактата*, никакой перемены без предварительного соглашения между собою и сопротивляться всякой могущей быть попытке к нарушению или *изменению этого status'a quo без их согласия* *).

Слова, подчеркнутые красными чернилами, принадлежат карандашу князя Бисмарка; что же касается опущения слов „территориальный“ и т. д., то канцлер советует, хотя и не очень настойчиво, выкинуть их и притом преимущественно в наших интересах, „ибо“, как сказал князь, „адвокат казуист сумел бы придраться к слову территориальный в сопровождении слова законный, пожалуй не вполне соответствующего тем условиям, в какие поставлена Румелия Берлинским Трактатом“.

Итак, вот какие изменения предстояло бы сделать в наших двух первых статьях; остальные статьи не вызывают возражений. Что же касается добавления к нашему соглашению, названному добавочной статьею с двойным дном, то форма, в которой оно изложено, тоже одобрена канцлером.

Теперь остается вникнуть в смысл двух редакций, предложен-

*) Слова, напечатанные курсивом, в подлиннике подчеркнуты красными чернилами.

Reste a présent à approfondir le sens des deux rédactions proposées pour l'Article I, en constatant d'avance que la première me semblerait la plus appropriée aux circonstances! Tel est aussi l'avis du Prince. Toutefois selon la première rédaction modifiée les mots „serait attaquée par" pourrait faire supposer que nous n'aurions la neutralité bieveillante de l'Allemagne qu'en cas d'attaque de toute autre troisième Puissance,—ceci corresponderait à l'idée du Chancelier par rapport à l'Autriche seulement, mais ne ferait plus notre affaire du moment que pour une raison ou une autre nous nous trouvions en guerre avec une autre Puissance que l'Autriche—par exemple l'Angleterre ou la Turquie. Il est clair que le Prince de Bismarck ne comprenait pas ainsi le sens de la modification.

Le second projet modifié de rédaction pour l'Article I. écarte certainement cette lacune mais d'un autre coté il ne précise pas assez exactement notre attitude vis-à-vis de l'Allemagne dans le cas d'une guerre entre Elle et la France et cela dans l'éventualité d'une agression venant de la part de l'Allemagne.

Je profiterai de la première occasion pour signaler au Chancelier ce manque de précision, je ne doute pas qu'il ne m'aide à écarter, ce défaut de rédaction ne pouvant pas être prémedité, nos conversations précédentes ne justifiant pas cette supposition.

ных для статьи I-й, констатируя заранее, что первая редакция казалась бы мне более подходящею к обстоятельствам. Князь держится того же мнения. Однако, в первой измененной редакции слова „было-бы сделано нападение" могут повести к предположению, что нейтралитет Германии будет к нам благосклонен лишь в случае нападения какой-либо третьей Державы;—это соответствует мысли канцлера только по отношению к Австрии, но будет для нас неудобно, когда по той или иной причине мы поведем войну не с Австрией, а с другой Державой, например с Англией или с Турцией. Ясно, что князь Бисмарк не придавал такого смысла этой поправке.

Второй проект измененной редакции статьи I-й, без сомнения, устраняет это недоразумение, но, с другой стороны, недостаточно точно определяет нашу позицию относительно Германии, в случае войны между нею и Францией, а именно: если предположить, что нападение произойдет со стороны Германии.

Я не упущу удобного случая, чтобы указать канцлеру на этот недостаток определенности, не сомневаясь, что он поможет мне устранить его, так как это несовершенство в изложении не может быть предумышленным: подобное предположение не соответствовало-бы нашим предыдущим беседам.

III.

Resumé de ma troisième conversation avec le Chancelier, le 2/14 Mai 1887.

Le Prince de Bismarck en reprenant la conversation d'hier, m'aborda en me disant qu'ayant relu les deux projets de rédaction de l'Article I, son attention avait également été attirée par certains défauts de rédaction qui s'y étaient introduits. Il était évident que ni l'un ni l'autre projet de nouvelle rédaction de l'Article I ne correspondait pleinement au sens qu'il faudrait y mettre. Des lors ne serait il pas préférable de conserver l'Article I de notre rédaction toute primitive (celle de St. Pétersbourg) telle quelle et d'y ajouter seulement la phrase suivante:

sauf les obligations, qui pour l'Allemagne découlent du Traité défensif existant entre Elle et l'Autriche en date du 7 Octobre 1879 et connu à Sa Majesté l'Empereur de Russie.

A cette occasion le Prince de Bismarck proposa de communiquer confidentiellement par une note les clauses du Traité existant entre l'Allemagne et l'Autriche pour être soumises à Sa Majesté l'Empereur.

Il me semble que pareille nouvelle rédaction pourrait être acceptée sous la réserve que l'Allemagne tiendrait également compte du désir de l'Empereur de Russie d'engager Sa neutralité bienveillante, en cas de guerre entre l'Allemagne et la France, que dans l'éventualité d'une guerre de revanche autrement dit dans l'éventualité d'une agression de la part de la France.

Reparlant de l'Article II du projet de convention, le Chancelier me proposa spontanément d'y ajouter les lignes suivantes:

Elle, c'est à dire, l'Allemagne promet de ne pas donner son consentement au rétablissement du Prince de Battenberg dans le cas qu'il serait réelu par la Bulgarie.

III.

Краткое изложение моего третьего разговора с канцлером 2/14 мая 1887 года.

Возобновляя вчерашний разговор, князь Бисмарк обратился ко мне со словами, что, после вторичного прочтения обоих проектов редакции статьи I-й он тоже остановил свое внимание на некоторых вкравшихся туда недостатках редакции. Оказывалось очевидным, что ни тот, ни другой проекты новой редакции статьи I-й не выражают вполне того смысла, какой следует в нее вложить. Если так, то не предпочтительно ли оставить нашу первобытную (С.-Петербургскую) редакцию статьи I-й, как она есть, прибавив только следующую фразу:

„при сохранении обязательств, которые для Германии проистекают из оборонительного договора, существующего между нею и Австрией с 7 октября 1879 г. и известного Его Величеству Императору России".

Тут князь Бисмарк предложил в конфиденциальной ноте сообщить статьи договора, существующего между Германией и Австрией, с целью представления их Его Величеству Императору. Мне кажется, что подобную новую редакцию можно принять с тою оговоркою, что Германия, равным образом, примет в расчет желание Императора Российского обещать свой благосклонный нейтралитет, при войне между Германией и Францией, лишь в случае войны ради реванша, другими словами: в случае нападения со стороны Франции.

Возвращаясь к статье II-й проекта конвенции, канцлер по собственному почину предложил мне прибавить к ней следующие строки:

„Она, т.-е. Германия, обещает не давать согласия на реставрацию принца Баттенбергского в случае вторичного его избрания Болгарией" *).

---

*) Александр Баттенбергский избран был болгарским князем в 1879 г. Потеряв покровительство России, он принужден был в 1886 г. отказаться от престола, после чего в Болгарии было образовано временное правительство. Новый болгарский князь (Фердинанд Кобургский) был избран только в июле 1887 г.

IV.

Résumé de ma quatrième conversation avec le Chancelier, le 5/17 Mai 1887.

Après quelques mots échangés au sujet de la Bulgarie, je repris l'affaire de notre Convention Secrète.

Ayant en vue l'absolue nécessité d'ajouter aux réserves proposées par le Prince („sauf les obligations") la réserve que Sa Majesté tient à observer en cas d'une guerre entre la France et l'Allemagne,— je proposais au Prince d'ajouter aux lignes qu'il avait tracé l'autre jour de sa main, les paroles suivantes:

„et sauf aussi pour la Russie le cas d'une agression de la France par l'Allemagne".

Le Chancelier me répondit avec désappointement que pareille annexe n'était motivée par rien, — que s'il fallait parler des certaines obligations de l'Allemagne c'est qu'elles découlaient d'un traité en règle,—que nous n'avions pas d'obligations vis-à-vis de la France,— que les obligations de l'Allemagne étaient connues de Sa Majesté l'Empereur de Russie, — que l'Empereur Guillaume croyait-il en avait parlé à Sa Majesté et qu'enfin le traité purement défensif exsistant entre l'Allemagne et l'Autriche n'invalidait pas *) garantissant pour ainsi dire la France contre une agression Allemande.—Que d'ailleurs ce sujet n'avait pas encore été débattu, qu'il en entendait parler pour la première fois, et qu'il ne pourrait même pas le discuter n'ayant pris les ordres de l'Empereur que par rapport aux points déjà débattus. C'est alors que je transmis au Prince les instructions № I qui exprimaient d'une manière plus que précise la déclaration, que j'avais à faire au sujet de notre engagement de neutralité en cas de guerre entre l'Allemagne et la France, j'assurais le Prince qu'il n'y avait de notre coté aucune arrière pensée, que l'Empereur tenait à la conservation de l'équilibre Européen, que de même que Sa Majesté était prête à accorder Sa neutralité bienveillante dans un conflit de revanche, qui aurait pour but d'arracher à l'Allemagne des Provinces acquises, de même Sa Majesté ne saurait voir un coup mortel porté à l'une ou l'autre des parties belligérantes. — La France nous était nécessaire comme Puissance navale dans des complications d'avenir etc. etc.

Le Prince protesta contre l'expression de coup mortel: (malgré que de fait cette expression lui appartenait lorsque à maintes occasions il avait parlé dans le tems de l'intégrité de l'Autriche-Hongrie). Que signifiait ne pas porter un coup mortel?— Il n'était pas dans les intérêts de l'Allemagne, pas plus que dans ceux de la Russie de voir l'anéan-

*) В подлиннике осталось белое место.

IV.

Краткое изложение моего четвертого разговора с канцлером 5/17 мая 1887 г.

Обменявшись несколькими словами на тему о Болгарии, я вернулся к делу нашего тайного соглашения.

Имея в виду абсолютную необходимость прибавить к предложенным князем оговоркам такую оговорку („при сохранении обязательств"), в какой выражалось бы желание Его Величества на случай войны между Францией и Германией, я предложил князю прибавить следующие слова к строкам, начертанным в тот день его рукою:
„а для России исключается случай нападения Германии на Францию".

Канцлер ответил мне с разочарованием, что подобное добавление не вызывается ничем,— что если нужно упомянуть об известных обязательствах Германии, то ведь таковые вытекают из существующего договора, тогда как у нас нет обязательств по отношению к Франции;— что обязательства Германии известны Его Величеству Императору Российскому; что, как он думает, Император Вильгельм говорил о них Его Величеству и, наконец, что тот чисто-оборонительный договор, какой существует между Германией и Австрией, не лишает дееспособности (в подлиннике белое место), гарантируя, так сказать, Францию против германского нападения, что, впрочем, этот пункт еще обсуждаем не был, что он слышит о нем в первый раз, и даже не может вести о нем прений, получивши от Императора приказания лишь относительно пунктов, уже обсужденных. Вот тогда-то я передал князю инструкции за № 1, указывающие более чем определенно, какое заявление мне следует сделать касательно обещаемого нами нейтралитета на случай войны между Германией и Францией; я заверил князя, что с нашей стороны нет никакой задней мысли, что Император дорожит соблюдением европейского равновесия, что если Его Величество готово на благосклонный нейтралитет при столкновении ради реванша, которое имело бы целью вырвать у Германии приобретенные ею провинции, то равным образом Его Величество не может допустить нанесения смертельного удара как той, так и другой из воюющих сторон; что Франция в качестве морской державы нам необходима при грядущих осложнениях и проч. и проч.

Князь возразил против выражения „смертельный удар" (несмотря на то, что выражение это он сам употреблял многократно, говоря в былое время о целости Австро-Венгрии). Что означает не наносить смертельного удара? Уничтожение Франции настолько же невыгодно для Германии, как и для России; кроме того, нельзя уничтожить целую народность; примером служит народ польский, который, уже не будучи независимым, все же сохраняет в неприкосновенности свою национальность.

tissement de la France,—et d'ailleurs on ne détruisait pas une nationalité; témoin la nation Polonaise, qui tout en n'étant plus une Puissance indépendante n'en conserve pas moins sa nationalité intacte.

Je ne suivis point le Prince sur ce terrain, c'eût été inutile; qu'avait à faire la Pologne dans le cas que nous discutions, je préférais dire au Prince qu'après tout les lignes que je voulais ajouter à sa rédaction de l'autre jour n'étaient provoquées que par cette même rédaction, que s'il voulait en général éviter l'annexe à l'Article I l'on pourrait revenir à notre projet primitif; ne point parler du tout ni de l'Autriche, ni de la France,—faire de cette question une clause tout à fait séparée—la régler au besoin par un échange de notes, qui en expliquant et constatant les obligations de l'Allemagne vis-à-vis de l'Autriche, mentionnerait aussi le désir de notre Empereur de voir la France préservée du coup mortel qui pourrait lui être porté dans certaines éventualités. J'ajoutais encore que j'aurais pu adopter d'autant plus pareille combinaison, que chez nous l'on préférait ne point faire de ces réserves équivalentes l'objet d'une stipulation écrite à mettre dans un traité.

„Mais alors", me dit le Prince, „revenons à la rédaction, que je Vous ai proposé l'autre jour, c'est à dire, de remanier l'Article I dans un sens spécialement défensif dans toute éventualité d'une guerre avec une troisième Puissance".

Je n'acceptais pas cette rédaction,—effectivement où serait notre avantage à ne jouir de la neutralité bienveillante de l'Allemagne qu'en cas d'attaque d'une troisième Puisssance quelconque. Est-ce notre faute que nous avons plus d'ennemis que l'Allemagne, qui n'en a qu'un seul—pouvons nous nous engager vis-à-vis de l'Autriche et surtout vis-à-vis de la Turquie à rester impassible devant toute menace! d'avoir peut être la malveillance même de l'Allemagne dans le cas où nous nous verrions obligé d'agir dans une direction, qui pourrait être jugée aggressive?—Et la question Afghane? et l' attitude de la Turquie dans la Peninsule?

„Mais alors", répliqua le Prince, „Vous nous demandez notre neutralité en cas de guerre entre Vous et l'Angleterre, la Turquie ou l'Italie et Vous nous en accordez une demie seulement en cas de guerre entre nous et la France! Admettons que cette demi-neutralité équivaut à celle que nous Vous pretons en cas de guerre entre Vous et l'Autriche mais il Vous en reste encore trois entières.—Voyons est ce juste?"

C'est alors que je me permis de répondre au Prince que je ne saurais entrer en discussion avec lui sur le plus ou moins de poids à mettre dans la balance—que j'étais seulement appellé à lui proposer une entente à deux, basée sur les instructions, qui m'ont été données—que je connaissais les idées de l'Empereur à ce sujet, que Sa Majesté, aussi bien que Son Ministre des Affaires Etrangères, envisageaient la neutralité de la Russie dans une guerre entre l'Allemagne et la France—comme l'équivalent aux réserves que le Chancelier nous fait à la suite des obligations de l'Allemagne vis-à-vis de l'Autriche,—que d'ailleurs une Convention entre nos deux pays sans réserve quant à l'impossibilité d'un démembrement de la France serait plus qu'impopulaire en Russie

На эту почву я не последовал за князем; оно было-бы бесполезно. При чем была Польша в том вопросе, который нам предстояло обсудить. Я предпочел ответить князю, что, в сущности, к строкам, какие я хотел прибавить к его изложению, подало повод это же самое изложение, что если он вообще желал-бы избежать добавления к статье I-ой, то мы могли бы вернуться к нашему первоначальному проекту, совсем не упоминая ни об Австрии, ни о Франции, а этот вопрос выделить в совершенно отдельную статью и, в случае нужды, уладить его обменом нот, в которых, наряду с об'яснением и подтверждением обязательств Германии к Австрии, упоминалось бы и о желании нашего Императора оградить Францию от смертельного удара, который мог бы ей быть нанесен при некоторых обстоятельствах. Я еще прибавил, что я тем более мог-бы принять подобную комбинацию, что у нас предпочитают не делать эти соответственные оговорки предметом условия, вписанного в трактат.

„Но тогда", сказал мне князь, „вернемтесь к редакции, которую я вам предлагал на днях, т.-е. к изменению I-ой статьи в смысле специально-оборонительном, на случай всякой войны с третьей Державой".

Я не дал согласия на такую редакцию: в самом деле, в чем же будет для нас выгода от пользования благосклонным нейтралитетом Германии, лишь в случае нападения какой-либо третьей Державы? Разве мы виноваты, что у нас больше врагов, чем у Германии, у которой враг только один? Возможно ли нам обязаться невозмутимо переносить всяческие угрозы со стороны Австрии, а в особенности Турции, и, пожалуй, иметь против себя и Германию в том случае, если бы нам пришлось действовать таким образом, который можно-бы признать агрессивным? А Афганский вопрос? А позиция Турции на полуострове?

„Но если так", возразил князь, „то вы требуете нашего нейтралитета на случай войны между вами, Турцией или Италией, а сами обещаете нам лишь половину такового, только на случай войны между нами и Францией. Положим, что этот полунейтралитет равносилен для вас нашему в случае войны между вами и Австрией; но вы получаете еще три целых сверх того. Ну, справедливо ли это?"

Тогда я позволил себе ответить князю, что не могу вступать с ним в прения насчет количества гирь, какие следует поставить на весы; что мне поручено только предложить ему двойственное соглашение, придерживаясь данных мне инструкций; что мне известно мнение Императора об этом предмете; что Его Величество, равно как и наш министр иностранных дел, считают нейтралитет России в войне между Германией и Францией равнозначущим тем оговоркам, какие делает канцлер ради обязательств Германии к Австрии, что, сверх того, конвенция между нашими двумя государствами без оговорки и недопустимости расчленения Франции будет слишком непопулярной в России; и что, наконец, нельзя же не принимать в расчет общественного мнения, раздраженного у нас со времени Берлинского Трактата, на который, основательно или неосновательно, смотрят как на отнявший у нас все выгоды, купленные столь дорогой ценой.

et qu'enfin l'on ne pouvait pas ne pas tenir compte de l'opinion publique si excitée chez nous depuis la conclusion du traité de Berlin qui, à tort où à raison, est jugé comme *) nous ayant privé de tous les avantages achetés à un si grand prix.

„Je Vous assure mon Prince", dis-je au Chancelier, „que je ne me sens pas de force à lutter contre Vous, ie Vous expose les choses telles qu'elles sont, je Vous assure également que je ne mets pas mon amour propre à réussir ou à ne pas réussir dans les négociations, qui me sont confiées,—je tiens seulement à remplir scrupuleusement mon devoir—voilà pourquoi je Vous parle franchement sans marchandage, sans surenchère, et si j'insiste en faveur de la petite clause concernant la France, c'est que je sais que c'est une condition sine qua non.—D'ailleurs mon Prince il me semble tout à fait impossible de prévoir et de préciser toutes les situations que l'on s'efforce d'élucider dans une Convention ou une entente—il faut aussi laisser une large part à la confiance que l'on se porte mutuellement,—sans elle rien ne saurait se faire,—car après tout se basant sur la méfiance on arriverait à ne pouvoir conclure aucun arrangement, aucune entente, car on n'est jamais garanti contre la possibilité de les voir violer".

Le Prince ayant décliné la rédaction que je lui avais proposé se mit à réflechir et s'arrêta sur la suivante qui, à son avis, corresponderait plus fidèlement au sens des réserves que les deux parties s'efforçaient à rechercher par rapport à l'Autriche et à la France. J'écrivis deux exemplaires sous sa dictée et lui en laissa un.

Voici cette rédaction:

A ajouter à l'Article I:

Cette disposition ne s'appliquerait à l'Autriche et à la France que dans le cas où l'une des hautes Parties contractantes serait attaquée soit par l'Autriche soit par la France.

Cette nouvelle rédaction me semble ne point s'écarter du sens des désirs de l'Empereur, je n'y ai point objecté par conséquent, fort content d'avoir vu le Prince céder enfin à mes observations.

C'est après cette conversation que la Prince de Bismarck me reparlant de la Bulgarie me transmit son intention de charger son fils d'engager Salisbury à devenir plus coulant dans son point de vue au sujet du Régent provisoire (télégramme chiffré du 5/17 Mai). Ceci est peut être digne de remarque car, dans nos précedents entretiens, il semblait vouloir attendre notre invitation formelle avant d'entreprendre quoique cela soit en notre faveur dans la question du jour.

---

*) Слова: „est jugé comme" вставлены карандашом.

„Уверяю вас, ваше сиятельство," сказал я канцлеру, „что не чувствую себя в силах состязаться с вами, а излагаю вам дело так, как оно есть. Уверяю вас так же, что успех или неуспех порученных мне переговоров не является для меня вопросом самолюбия; я хочу только добросовестно исполнить мой долг, поэтому говорю с вами открыто и не торгуясь, не запрашивая; если же я настаиваю на маленькой добавочной статье касательно Франции, то ведь я знаю, что это условие sine qua non (неизбежное). Кроме того, ваше сиятельство, я считаю совершенно невозможным предвидеть и определить все ситуации, которые обыкновенно стараются выяснить в конвенции или в соглашении; приходится во многом основываться на взаимном доверии сторон, без которого ничто не могло бы совершиться; ибо, кладя в основу недоверие, дошли бы до невозможности заключить какой-либо договор или соглашение, так как ничто не ручается за невозможность его нарушения".

Отклонивши редакцию, мною предложенную, князь задумался и остановился на следующей, которая, по его мнению, точнее выражала смысл желательных для обоих сторон оговорок касательно Австрии и Франции. Под его диктовку я написал два экземпляра, из которых один оставил у него.

Вот эта редакция:

Добавить к статье 1-й.

„Это условие применимо к Австрии и к Франции лишь в том случае, если бы одна из Высоких договаривающихся Сторон подверглась нападению со стороны Австрии или Франции".

Мне кажется, что эта новая редакция не отступает от сущности желаний Императора, вследствие чего я и не стал возражать, будучи очень доволен тем, что князь, наконец, уступил моим доводам.

После этого разговора, князь Бисмарк, снова поведя речь о Болгарии, сообщил мне о своем намерении поручить своему сыну склонить Салисбюри к большей уступчивости в его точке зрения на вопрос о временном регенте (шифрованная телеграмма 5/17 мая). Это может быть признано достойным примечания, так как в наших предыдущих беседах он как будто дожидался нашего формального приглашения, прежде чем предпринять что-либо в нашу пользу по вопросу дня.

V.

Résumé de ma cinquième conversation avec le Chancelier, le 6/18 Mai 1887.

Nos nombreuses conversations et discussions de ces derniers jours ayant amené tant de modification dans le projet de notre Convention Secrète, ces modifications avaient été si souvent à leur tour acceptées, puis de nouveau rejetées, que je résolu de rédiger un nouvel exemplaire de ce projet sous la date du 5/17 Mai, précisant d'une manière plus ou moins définitive la forme à laquelle nous venions de nous arrêter.—Je laissais un exemplaire au Prince, qui l'accepta après l'avoir relu avec attention. — Toutefois l' ajoute [annexe] *) à l'Article I ne paraissait pas complètement satisfaire le Prince; après avoir assez longtemps réfléchi il me demanda si je ne préfererai pas remplacer la forme positive de la rédaction de l' [annexe] *) ajoute par une forme négative en la formulant de la manière suivante:

Cette disposition ne s'appliquerait pas à une guerre contre l'Autriche ou la France dans le cas où cette guerre résulterait d'une attaque dirigée contre l'une de ces dernières Puissances par une des hautes Parties contractantes.

Je ne crû pas nécessaire d'objecter, car le sens de cette dernière rédaction me parait parfaitement identique à celle qui fut adoptée en principe hier,—d'ailleurs le Prince ne la propose que „ad libitum" disant qu'il lui donnait lui la préférence uniquement parce que elle lui paraissait plus logique.

Je ne saurais omettre à cette occasion, une circonstance des plus curieuses et qui sans aucun doute a contribué à rendre mes négociations de ces derniers jours et plus laborieuses et plus difficiles.

Le Prince me dit qu'il croyait savoir, que je défendais certains points de notre projet de Convention avec trop de zèle, autrement dit que je paraissais vouloir être plus catholique que le Pape.— C'est ainsi:

1°) qu'il semblait m'attribuer à moi seul l'insistance à bien définir la nature de nos engagements envers l'Allemagne, en cas de guerre entre elle et la France—qu'au fond pareille définition catégorique n'avait point été jugée indispensable?!

2°) que l'annexe très secrète de l'Article III (clef de la Mer Noire) ne constituait pas, non plus, un point capital de la négociation et que j'avais particulièrement insisté à en faire mention.

*) В подлиннике слово: „annexe" зачеркнуто и карандашом вставлено слово „ajoute".

V.

Краткое изложение моего пятого разговора с канцлером 6/18 мая 1887 г.

Наши многочисленные беседы и прения за последние дни привели ко стольким изменениям в проекте нашего тайного договора, а эти изменения, в свою очередь, так часто то принимались, то опять отвергались, что я решил заново составить экземпляр этого проекта, пометив его числом 5/17 мая для более или менее окончательного определения формы, на которой мы остановились. Один экземпляр я оставил князю, который одобрил его, перечитав со вниманием. Однако, добавление к статье I-ой как будто не совсем удовлетворило князя; после довольно долгого размышления он спросил меня, не предпочту ли я заменить положительную форму редакции добавления формою отрицательною, изложив его следующим образом:

Это условие не подлежит применению при войне с Австрией или Францией, в случае если бы таковая война явилась следствием нападения одной из Высоких договаривающихся Сторон на одну из вышеназванных держав.

Я не счел нужным возражать, так как по смыслу эта последняя формулировка кажется мне совершенно тожественною с тою, какая была принята вчера; впрочем, князь и предложил ее только „ad libitum" сказав, что сам отдает ей предпочтение единственно потому, что считает ее более логичною.

По этому поводу не могу умолчать об одном обстоятельстве, весьма любопытном и, конечно, сделавшем мои переговоры последних дней более хлопотливыми и более трудными.

Князь мне сказал, будто-бы знает, что я черезчур усердно отстаиваю некоторые пункты нашего проекта конвенции, иначе сказать, что я как-бы хочу быть еще более католиком чем папа. Так например:

1) Будто он приписывает мне лично настойчивость в точном определении сущности наших обязательств к Германии на случай войны между нею и Францией, а будто, на самом деле такое категорическое определение не было признано необходимым?!

2) Что весьма секретное добавление к статье III-ей (ключ к Черному морю) также не является капитальным пунктом переговоров, а что я особенно настаивал на упоминании о нем.

3º) et enfin il me fit comprendre que j'avais contribué à remplacer l'entente à trois par celle à deux, qu'il n'avait du reste rien à objecter à cette détermination, mais qu'en somme, la conservation de l'entente à trois aurait présenté de grands avantages et simplifié les choses.

M'ayant lu quelques passages d'une dépêche que lui a adressé Schweinitz, je pu constater le bien fondé des conclusions du Chancelier recueillis des rapports de l'Ambassadeur.

Je répondis que quant au premier point je ne saurais en admettre l'insinuation. – Il est vrai que Monsieur de Giers n'avait pas jugé nécessaire de faire de cette question le sujet d'une stipulation écrite, — mais que du moment où lui Prince Bismarck avait cru nécessaire de définir par quelques mots écrits le caractère de l'attitude de l'Allemagne, découlant de ses obligations vis-à-vis de l'Autriche, il m'eut été impossible de ne pas insister sur la nature de nos engagements vis-à-vis de l'Allemagne. J'assurais le Prince que je connaissais les intentions de l'Empereur et de Son Ministre peut être mieux que ne les connaissait Schweinitz qui pouvait n'être renseigné que de moitié et pour le convaincre entièrement je lui lu les passages de mon instruction, ayant trait à cette question, question que personnellement je préférais à présent voir réglée comme le fait l'Article I, car ainsi tout doute et malentendu se trouvent écartés dans une affaire aussi délicate.

2º) *) Quant à la question de Mer Noire (la clef) je dis qu'effectivement il n'entrait pas primitivement dans les vues de Monsieur de Giers de la soulever de nouveau dans l'accord, que nous avions à établir, — que ce point avait été mentionné, dans la petite note de l'hiver dernier tracée en passant, après une conversation entre mon frère**) et lui que Monsieur de Giers n'avait *jamais* attaché de l'importance à la rédaction de cette note (la meilleure preuve en est qu'aucune des clauses de ce promemoria ne se reproduisait dans notre projet de convention) — mais que pour moi, j'attachais à la promesse, que nous avait donné le Chancelier une importance majeure. — Je ne me fesais aucune illusion, je me rendais parfaitement compte du caractère théorique et purement éventuel de sa promesse, mais enfin la parole étant donnée pourquoi l'oublier de notre côté?

Enfin en ce qui regarde la troisième supposition, je l'acceptais en ajoutant que moi-même je ne l'avais jamais décliné dans mes conversations avec Schweinitz et que d'ailleurs revenir à l'ancien état de choses m'avait toujours paru impossible après tout ce qui s'était passé entre nous et l'Autriche dans le courant de l'année.

Resterait encore à s'expliquer verbalement avec Monsieur de Giers sur les points suivants:

1º) Initier ou non le Prince Impérial.

*) В подлиннике „1º" отсутствует.

**) Граф Петр Андреевич Шувалов.

3) И, наконец, он дал мне понять, что я способствовал замене тройственного соглашения соглашением двойственным и что, хотя он, впрочем, не имеет возражений против такого определения, но что в итоге сохранение тройственного соглашения представило бы большие удобства и упростило бы дело.

Когда он мне прочел несколько отрывков из депеши, присланной ему Швейницем, я мог констатировать, насколько основательны выводы канцлера, извлеченные из донесений посла.

Я ответил, что относительно первого пункта я не признаю верности инсинуации. Правда, г. Гирс не счел нужным сделать этот вопрос предметом писанного условия, но что раз он сам, князь Бисмарк, признал необходимым письменно определить несколькими словами характер поведения Германии, вытекающий из ее обязательств к Австрии, то мне нельзя было не настаивать на сущности наших обязательств к Германии. Я стал уверять князя, что намерения Императора и его министра известны мне, пожалуй, лучше, чем Швейницу, сведения которого могут быть лишь неполными, и, чтобы убедить его вполне, я прочел ему те места из моей инструкции, какие касаются этого вопроса, вопрос, который в настоящее время я предпочитаю видеть разрешенным согласно статье I-й, чем все сомнения и недоразумения в этом щекотливом деле были бы устранены.

2) Что касается вопроса о Черном море (ключ) то я сказал, что в самом деле г. Гирс первоначально не имел в виду поднимать его вновь при заключении предстоящего соглашения; что об этом пункте уже упоминалось прошлою зимою в маленькой ноте, написанной, между прочим, после беседы между моим братом и им; что г. Гирс *никогда* не придавал важности редакции этой ноты; (это наилучше доказывается тем, что ни один из пунктов этой памятной записки не воспроизведен в нашем проекте конвенции), но что сам я придаю высокое значение тому обещанию, которое нам дал канцлер; не питая при этом никаких иллюзий и вполне отдавая себе отчет в теоретическом и чисто-случайном характере его обещания, я нахожу, однако, что раз слово дано, зачем же нам забывать о нем?

Наконец, что касается третьего предположения, то я согласился с ним, прибавив, что я сам его никогда не отклонял в моих беседах со Швейницем, и что, кроме того, возвращение к прежнему положению вещей мне всегда казалось невозможным после всего, что произошло в течение года между нами и Австрией.

Остается еще словесно об'ясниться с г. Гирсом о следующих пунктах:

1) Посвящать ли наследника престола в дело?

2) Срок трехлетний или пятилетний?

Канцлер, как и я, предпочитает пятилетний, но согласен и на трехлетний.

2º) Le terme de 3 ou 5 ans.

Le Chancelier préfére comme moi le terme de 5 ans mais accepterait aussi celui de 3.

3º) Le traité secret entre l'Autriche et l'Allemagne nous sera-t-il communiqué ou non. Il le sera, sans doute, par une note adressée à Monsieur de Giers, pas in extenso, mais en termes généraux.

4º) Monsieur de Giers voudrait pouvoir compter sur le concours de l'Allemagne quant au secret à réclamer à l'Autriche par rapport à nos arrangements de 1881 et de 1884 même après l'expiration du terme de ces arrangements.

Il a été dit „O u i", mais ne serait pas préférable de le demander encore une fois par Schweinitz.

3) Будет или не будет нам сообщен тайный договор между Австрией и Германией. Конечно, будет посредством ноты, адресованной г-ну Гирсу, но не целиком, а в общих чертах.

4) Г. Гирс хотел бы иметь возможность расчитывать на содействие Германии при требовании от Австрии, чтобы она хранила в тайне наши договоры 1881 и 1884 г.г. даже по истечении их срока.

Мне было сказано „да", но не лучше ли будет спросить об этом еще раз через Швейница.

5) Русско-Германские конвенции 1881, 1884 и 1887 г.г.

I.

Ratification Seiner Majestät des Deutschen Kaisers, Königs von Preussen.

WIR WILHELM
VON GOTTES GNADEN
DEUTSCHER KAISER, KÖNIG VON PREUSSEN,
ETC. ETC. ETC.

Urkunden und bekennen hiermit im Namen des Reichs:

Nachdem der von Unserm Bevollmächtigten, dem Präsidenten Unseres Staatsministeriums und Reichskanzler Fürsten Otto von Bismarck, dem Bevollmächtigten Seiner Majestät des Kaisers aller Reussen, Peter von Saburoff, Seinem Ausserordentlichen Botschafter an Unserem Hofe, und dem Bevollmächtigten Seiner Majestät des Kaisers von Oesterreich, Königs von Böhmen etc. und Apostolischen Königs von Ungarn, Grafen Emmerich Széchényi, Seinem Ausserordentlichen Botschafter an Unserem Hofe, am 18 Juni 1881 hierselbst unterzeichnete geheime Vertrag und das zu dem selben gehörige Protokoll von demselben Tage, welche wörtlich lauten:

Les Cours d'Allemagne, d'Autriche Hongrie et de Russie, animées d'un égal désir de consolider la paix générale par une entente destinée à assurer la position défensive de Leurs Etats respectifs, sont tombées d'accord sur certaines questions qui touchent plus spécialement à Leurs intérêts réciproques.

Dans ce but les trois Cours ont nommé:

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

le Sieur Othon Prince de Bismarck, Son Président du Conseil des Ministres de Prusse, Chancelier de l'Empire,

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohème etc. et Roi Apostolique de Hongrie,

le Sieur Eméric, Comte Széchényi, Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies,

le Sieur Pierre de Sabouroff, Conseiller Privé, Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

Lesquels munis de pleins-pouvoirs qui ont été trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

5) Русско-германские конвенции 1881, 1884 и 1887 г.г.

Все три конвенции в подлинниках. Они имеют внешность обычную для ратифицированных актов, находятся в бархатных папках с золотым тиснением. На последней странице каждого документа приложена печать и имеются собственноручные подписи Вильгельма и Бисмарка.

Секретное соглашение между Россией, Германией и Австрией 1881 г.

I. Перевод.

Ратификация Его Величества Императора Германского, Короля Прусского,

МЫ, ВИЛЬГЕЛЬМ,
БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ,
ИМПЕРАТОР ГЕРМАНСКИЙ, КОРОЛЬ ПРУССКИЙ,
И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Свидетельствуем и признаем сим от имени Империи:

Согласно тайному Договору, подписанному 18 июня 1881 г. и относящемуся к нему протоколу, подписанному в тот же день Нашим Полномочным, Председателем Нашего Совета Министров и Имперским Канцлером графом Отто фон Бисмарком, Уполномоченным Его Величества Императора Всероссийского Петром Сабуровым, Его Чрезвычайным Послом при Нашем Дворе и Уполномоченным Его Величества Императора Австрийского, Короля Богемского и проч. и Апостолического Короля Венгерского, графом Эмериком Сечени, Его Чрезвычайным Послом при Нашем Дворе, каковые Договор и Протокол от слова до слова гласят:

Дворы Германский, Австро-Венгерский и Российский, равно одушевленные желанием укрепить всеобщий мир путем соглашения, имеющего целью обеспечение взаимной обороны Их Государств, пришли к соглашению по некоторым вопросам, близко затрагивающим их взаимные интересы.

В этих видах вышереченные Дворы назначили:

Его Величество Император Германский, Король Прусский
Князя Отто Бисмарка, Своего Председателя Совета Министров Пруссии, Имперского Канцлера,

Его Величество Император Австрийский, Король Богемский и проч. и Апостолический Король Венгерский
Графа Эмерика Сечени, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском,

Его Величество, Император Всероссийский
Петра Сабурова, Тайного Советника, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском,

которые, снабженные полномочиями, признанными правильными и составленными в достодолжной форме, согласились относительно следующих статей:

Article I.

Dans le cas où l'une des Hautes Parties Contractantes se trouverait en guerre avec une quatrième Grande Puissance, les deux autres maintiendront à son égard une neutralité bienveillante et voueront leurs soins à la localisation du conflit.

Cette stipulation s'appliquera également à une guerre entre l'une des trois Puissances et la Turquie, mais seulement dans le cas où un accord préalable aura été établi entre les trois Cours sur les résultats de cette guerre.

Pour le cas spécial où l'une d'Elles obtiendrait de l'un de Ses deux alliés un concours plus positif, la valeur obligatoire du présent article restera dans toute sa vigueur pour la troisième.

Article II.

La Russie, d'accord avec l'Allemagne, déclare Sa ferme résolution de respecter les intérêts qui découlent de la nouvelle position assurée à l'Autriche-Hongrie par le Traité de Berlin.

Les trois Cours, désireuses d'éviter tout désaccord entre Elles, s'engagent à tenir compte de Leurs intérêts respectifs dans la Péninsule des Balcans. Elles Se promettent de plus que de nouvelles modifications dans le statu quo territorial de la Turquie d'Europe ne pourront s'accomplir qu'en vertu d'un commun accord entre Elles.

Afin de faciliter l'accord prévu par le présent article, accord dont il est impossible de prévoir d'avance toute les modalités, les trois Cours constatent dès à présent dans le protocole annexé à ce traité les points sur lesquels une entente a déjà été établie en principe.

Article III.

Les trois Cours reconnaissent le caractère européen et mutuellement obligatoire du principe de la fermeture des détroits du Bosphore et des Dardanelles, fondé sur le droit des gens, confirmé par les traités et résumé par la Déclaration du second Plénipotentiaire de Russie à la séance du 12 Juillet du Congrès de Berlin (protocole 19).

Elles veilleront en commun à ce que la Turquie ne fasse pas d'exception à cette règle en faveur des intérêts d'un Gouvernement quelconque, en prêtant à des opérations guerrières d'une Puissance belligérante la partie de Son Empire que forment les détroits.

En cas d'infraction, ou pour la prévenir si une pareille infraction était à prévoir, les trois Cours avertiront la Turquie qu'Elles la considéreraient, le cas échéant, comme s'étant mise en état de guerre vis-à-vis de la partie lésée et comme s'étant privée dès lors des bénéfices de sécurité, assurés par le Traité de Berlin à son statu quo territorial.

Article IV.

Le présent Traité sera en vigueur pendant l'espace de trois ans à dater du jour de l'échange des ratifications.

Статья I.

В случае, если бы одна из Высоких договаривающихся Сторон оказалась в состоянии войны с четвертой Великой Державой, две другие сохраняют по отношению к ней благожелательный нейтралитет и приложат старания к локализации конфликта.

Это условие выполняется и в случае войны между одной из трех Держав с Турцией, но только если предварительно между тремя Дворами будет заключено соглашение касательно результатов этой войны.

В тех отдельных случаях, когда одной из Держав было бы оказано одной из ее двух союзниц более существенное содействие, настоящий договор сохранит всю свою силу для третьей.

Статья II.

Россия, в согласии с Германией, заявляет о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским Трактатом.

Все три Двора, желая избежать всяких разногласий между собой, обязуются взаимно считаться с интересами договаривающихся сторон на Балканском полуострове. Сверх того они дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном statu quo Европейской Турции могут произойти не иначе, как по взаимному их соглашению.

Для того, чтобы облегчить соглашение, предусматриваемое этой статьей, все частности которого предвидеть невозможно, Дворы теперь же установили в приложенном к этому договору протоколе пункты, по которым в принципе уже достигнуто соглашение.

Статья III.

Все три Двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго Полномочного Министра России в заседании Берлинского Конгресса от 12-го июля (протокол 19).

Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого-бы то ни было правительства, предоставляя для военных операций воюющей державы часть своей империи, в которую входят проливы.

В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое, если бы предвиделась возможность этого, все три двора предупредят Турцию, что они в подобном случае будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским Трактатом.

Статья IV.

Настоящий договор имеет силу в продолжение трех лет со дня его ратификации.

Article V.

Les Hautes Parties Contractantes se promettent mutuellement le secret sur le contenu et sur l'existence du présent Traité aussi bien que du protocole y annexé.

Article VI.

Les Conventions secrètes conclues entre l'Allemagne et la Russie et entre l'Autriche-Hongrie et la Russie en 1873 sont remplacées par le présent Traité.

Article VII.

Les ratifications du présent Traité et du protocole y annexé seront échangées à Berlin dans l'espace de quinze jours ou plutôt si faire se peut.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs ont signé le présent Traité et y ont opposé le sceau de leurs armes.

Fait à Berlin, le dix-huitième jour du mois de Juin mil-huit-cent quatre-vingt et un.

L. S. (signé) *v. Bismarck.*
L. S. „ *Széchényi.*
L. S. „ *Sabouroff.*

Les soussignés Plénipotentiaires de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse, Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohème etc. et Roi Apostolique de Hongrie, et Sa Majesté l'Empereur de toutes Les Russies, ayant constaté conformément à l'Article II du Traité secret conclu aujourd'hui les points touchant les intérêts des trois Cours d'Allemagne, d'Autriche-Hongrie et de Russie, dans la Péninsule des Balcans sur lesquels une entente a déjà été établie entre Elles sont convenus du protocole suivant:

1. Bosnie et Herzégowine.

L'Autriche-Hongrie se réserve de s'annexer ces deux provinces au moment qu'Elle jugera opportun.

2. Sandjak de Novibazar.

La déclaration échangée entre les Plénipotentiaires Austro-Hongrois et les Plénipotentiaires Russes au Congrès de Berlin, en date du 13/1 Juillet 1878 reste en vigueur.

3. Roumélie Orientale.

Les trois Puissances sont d'accord pour envisager l'éventualité d'une occupation soit de la Roumélie Orientale soit des Balcans comme pleine de périls pour la paix générale. Le cas échéant Elles emploieront leurs efforts pour détourner la Porte d'une pareille entreprise, bien entendu que la Bulgarie et la Roumelie Orientale devront de leur côté s'abstenir de provoquer la Porte par des attaques partant de leurs territoires contre les autres provines de l'Empire Ottoman.

Статья V.

Высокие договаривающиеся Стороны взаимно обязуются хранить в тайне содержание и существование настоящего договора, а также и прилагаемого протокола.

Статья VI.

Тайные договоры, заключенные между Германией и Россией и между Россией и Австро-Венгрией в 1873 году, заменяются настоящим.

Статья VII.

Настоящий договор и прилагаемый к нему протокол будут ратифицированы в Берлине в течение двух недель или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего каждый из Полномочных Министров подписал настоящий договор и скрепил его своей гербовой печатью.

Заключен в Берлине, июня 18-го дня 1881-го года.

(М. П.) подписано: ф. *Бисмарк.*
(М. П.) „ *Сечени.*
(М. П.) „ *Сабуров.*

Нижеподписавшиеся Полномочные Его Величества Императора Германского, Короля Прусского, Его Величества Императора Австрийского, Короля Богемского и проч. и Апостолического Короля Венгерского и Его Величества Императора Всероссийского, утвердив согласно II статье заключенного ныне тайного договора пункты, касающиеся интересов трех дворов Германии, Австро-Венгрии и России на Балканском полуострове, относительно которых было уже достигнуто между ними соглашение, постановили следующее:

1. Босния и Герцеговина.

Австро-Венгрия сохраняет за собой право аннексировать эти две провинции в момент, который найдет для этого подходящим.

2. Ново-Базарский Санджак.

Заявления, которыми обменялись Австро-Венгерский и Русский Полномочные на Берлинском Конгрессе 13/1 июля 1878 года, остаются в силе.

3. Восточная Румелия.

Все три Державы согласно признают, что возможность оккупации Восточной Румелии или Балкан представляла-бы большую опасность для всеобщего мира. В случае надобности они приложат свои усилия к тому, чтобы отклонить Порту от подобного шага, причем, само собой разумеется, Болгария и Восточная Румелия должны будут со своей стороны воздерживаться от того, чтобы вызывать на это Порту нападениями на другие провинции Оттоманской Империи.

4. Bulgarie.

Les trois Puissances ne s'opposeront pas à la réunion éventuelle de la Bulgarie et de la Roumélie Orientale dans les limites territoriales qui leur sont assignées par le Traité de Berlin, si cette question venait à surgir par la force des choses. Elles sont d'accord pour détourner les Bulgares de toute agression contre les provinces voisines, nommément la Macédoine et pour leur déclarer, qu'en pareil cas, ils agiraient à leurs risques et périls.

5. Attitude des agents en Orient.

Afin d'éviter des froissements d'intérêts dans les questions locales qui peuvent surgir, les trois Cours muniront Leurs représentants et agents en Orient d'une instruction générale pour leur prescrire de s'efforcer à aplanir leurs divergences par des explications amicales entre eux dans chaque cas spécial et pour le cas où ils n'y parviendraient pas, d'en référer à leurs Gouvernements.

6. Le présent protocole fait partie intégrante du Traité secret signé en ce jour à Berlin et aura même force et valeur.

En foi de quoi les Plénipotentaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes.

Fait à Berlin, le 18 Juin 1881.

L. S. (signé) *v. Bismarck.*
L. S. „ *Széchényi.*
L. S. „ *Sabouroff.*

Uns vorgelegt und von Uns geprüft und in allen Stücken Unseren Intentionen gemäss befunden worden sind, so erklären Wir, dass Wir diesen Vertrag und das zu demselben gehörige Protokoll in allen darin enthaltenen Bestimmungen hierdurch genehmigen und ratificiren, auch versprechen, dieselben genau zu erfüllen und zu beobachten.

Zur Beglaubigung dessen haben Wir die gegenwärtige Ratifications Urkunde vollzogen und mit Unserm Kaiserlichen Insiegel bedrücken lassen.

Gegeben Ems, den 23 Juni 1881.

Wilhelm.

v. Bismarck.

4. Болгария.

Все три Державы не будут противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским Трактатом, в случае если-бы этот вопрос был выдвинут силою вещей. Они взаимно согласились отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно Македонии, и об'явить им, что в подобном случае они действовали бы на свой риск.

5. Положение агентов на Востоке.

Во избежание трений, могущих возникнуть на почве столкновения интересов касательно местных вопросов, все три двора снабдят своих представителей и агентов на Востоке общей инструкцией, предписывающей им стремление сглаживать их разногласия в каждом отдельном случае дружескими переговорами, а в случае, когда бы это не было достигнуто, сноситься по этому поводу со своими правительствами.

6. Настоящий протокол является неот'емлемою частью тайного договора, подписанного сегодня в Берлине, и имеет такую же силу и такое же значение.

В удостоверение чего каждый из Полномочных Министров его подписал и скрепил своей гербовой печатью.

Заключен в Берлине 18 июня 1881 года.

(М. П.) подписано: *ф. Бисмарк.*
(М. П.) „ *Сечени.*
(М. П.) „ *Сабуров.*

Сим заявляем, что Нам представленный и Нами рассмотренный договор этот и относящийся к нему протокол, как соответствующие во всех их статьях Нашим предначертаниям, принимаем и ратифицируем, а также обещаем их точно исполнять и соблюдать.

В удостоверение чего Мы настоящую ратификацию совершили и Нашею Императорской печатью скрепить повелели.

Дано в Эмсе 23 июня 1881 года.

Вильгельм.

ф. Бисмарк.

WIR WILHELM,

VON GOTTES GNADEN

DEUTSCHER KAISER, KÖNIG VON PREUSSEN,

ETC. ETC. ETC.

Urkunden und bekennen hiermit im Namen des Reichs: –

Nachdem das von Unserm Bevollmächtigten, dem Präsidenten Unseres Staatsministeriums und Reichskanzler Fürsten Otto von Bismarck, dem Bevolmächtigten Seiner Majestät des Kaisers Aller Reussen, Nicolaus Prinzen Orloff, Seinem Ausserordentlichen Botschafter an Unserem Hofe, und dem Bevollmächtigten Seiner Majestät des Kaisers von Oesterreich, Königs von Böhmen etc., Apostolischen Königs von Ungarn, Grafen Emmerich Széchényi, Seinem Ausserordentlichen Botschafter an Unserem Hofe, am 27. März 1884 hierselbst unterzeichnete Protokoll über Verlängerung des geheimen Vertrages vom 18. Juni 1881, welches Protokoll wörtlich lautet:

Leurs Majestés

l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

l'Empereur de toutes les Russies,

l'Empereur d'Autriche, Roi Apostolique de Hongrie,

ayant résolu de prolonger de trois ans la durée du traité conclu entre Elles le 18 juin 1881 ont nommé à cet effet:

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

le Sieur Othon, Prince Bismarck, son Président du Conseil des Ministres, Chancelier de l'Empire,

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies,

le Sieur Nicolas, Prince Orloff, son Aide-de-Camp Général, Général de Cavalerie, son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohéme etc. et Roi Apostolique de Hongrie,

le Sieur Emèric, Compte Széchényi, son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse.

Les dits Plénipotentiaires réunis aujourd'hui au Ministère des affaires étrangères à Berlin, après avoir produit et vérifié leurs pleins-pouvoirs déclarent au nom de leurs Augustes Souverains, que leurs Majestés sont convenus de prolonger de trois ans à partir du 18 juin de l'année courante la durée du traité secret conclu entre Elles le 18 juin 1881 et dont le texte se trouve annexé à ce protocole, après avoir subi les deux modifications suivantes sur lesquelles les Soussignés au nom de leurs Souverains sont tombés d'accord.

Секретное соглашение между Россией, Германией и Австрией 1884 г.

МЫ ВИЛЬГЕЛЬМ,
БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ
ИМПЕРАТОР ГЕРМАНСКИЙ, КОРОЛЬ ПРУССКИЙ
И ПРОЧ. И ПРОЧ. И ПРОЧ.

Свидетельствуем и признаем сим от имени Империи:

Согласно протоколу о продлении срока тайного Договора от 18 июня 1881 года, подписанному 27 мая 1884 года Нашим Полномочным, Председателем Нашего Совета Министров и Имперским Канцлером графом Отто фон Бисмарком, Полномочным Его Величества Императора Всероссийского князем Николаем Орловым, Его Чрезвычайным Послом при Нашем Дворе и Полномочным Его Величества Императора Австрийского, Короля Богемского и проч. и Апостолического Короля Венгерского графом Эмериком Сечени, Его Чрезвычайным Послом при Нашем Дворе, каковой протокол от слова до слова гласит:

Их Величества

Император Германский, Король Прусский,

Император Всероссийский,

Император Австрийский, Апостолический Король Венгерский, решив продлить на три года срок договора заключенного между Ними 18-го июня 1881-го года, назначили для сего:

Его Величество Император Германский, Король Прусский,

Князя Отто фон Бисмарка, Своего Председателя Совета Министров, Имперского Канцлера.

Его Величество Император Всероссийский

Князя Николая Орлова, Своего Генерал-Ад'ютанта, Генерала от Кавалерии, Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском.

Его Величество Император Австрийский, Король Богемский, и проч. и проч. и Апостолический Король Венгерский

Графа Эмерика Сечени, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском.

Вышеназванные Полномочные, собравшись ныне в Министерстве Иностранных Дел в Берлине, пред'явив и проверив свои полномочия, об'являют от имени своих Августейших Государей, что Их Величества согласились продлить на три года с 18-го июня текущего года срок тайного договора, заключенного между Ними 18-го июня 1881 года, текст которого прилагается к этому протоколу с нижеследующими изменениями по двум пунктам, относительно которых нижеподписавшиеся от имени своих Государей пришли к соглашению:

1. Le troisième alinéa du premier article conçu en ces termes:

«Pour le cas spécial où l'une d'Elles obtiendrait de l'un de Ses deux alliés un concours plus positif, la valeur obligatoire du présent article restera dans toute sa vigueur pour la troisième».

est suprimé:

2. Dans le second alinéa du second article les mots:

«de la Turquie d'Europe»

sont remplacés par les mots:

«de la dite Péninsule».

Les ratifications du présent Protocole seront échangées à Berlin dans l'espace de trois semaines ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi les Soussignés ont dressé le présent protocole expedié en trois exemplaires qu'ils ont revêtus de leurs signatures et des cachets de leurs armes.

Fait à Berlin, le vingt-septième jour du mois de mars mil huit cent quatre-vingt et quatre.

(LS) signé. *a. Bismarck.*
(LS) „ *Orloff.*
(LS) „ *Széchényi.*

Uns vorgelegt und von Uns geprüft und in allen Stücken Unseren Intentionen und den von Uns Unserem Bevollmächtigten ertheilten Instructionen gemäss befunden worden ist, so erklären Wir, dass Wir dieses Protokoll in allen darin enthaltenen Bestimmungen hierdurch genehmigen und ratificiren, auch versprechen, dasselbe genau zu erfüllen und zu beobachten

Dess zu Urkund haben Wir die gegenwärtige Ratifications Urkunde vollzogen und mit Unserem Kaiserlichen Insiegel bedrücken lassen.

Gegeben Berlin den vierzehnten April achtzehnhundert vier und achtzig.

Wilhelm.

Ratifications-Urkunde des am 27. März 1884 zu Berlin unterzeichneten Protokolls über Verlängerung des am 18 Juni 1881 daselbst unterzeichneten geheimen Vertrages zwischen Deutschland, Russland und Oesterreich-Ungarn.

v. Bismarck.

1. Третий параграф первой статьи, гласящий:

„В том частном случае, если бы одна из них получила со стороны одной из своих двух союзниц более определенное содействие, обязательность этой статьи для третьей остается в полной силе".

уничтожается.

2. Во втором параграфе второй статьи слова:

„Европейской Турции"

заменяются словами:

„вышеназванного полуострова".

Обмен ратификаций этого протокола должен состояться в Берлине в течение трех недель или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся составили настоящий протокол в трех экземплярах, ими подписанных и скрепленных их гербовой печатью.

Заключено в Берлине марта 27-го дня тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года.

(М. П.) подписано: *ф. Бисмарк.*
(М. П.) „ *Орлов.*
(М. П.) „ *Сечени.*

Сим заявляем, что Нам представленный и Нами рассмотренный протокол этот, как соответствующий во всех своих статьях Нашим предначертаниям и инструкциям, данным Нами Нашему Полномочному, Мы этим во всех его пунктах одобряем и ратифицируем, а также обещаем его точно исполнять и соблюдать.

В удостоверение чего совершаем Мы настоящую ратификацию и Нашей Императорской печатью скрепить повелеваем.

Дано в Берлине четырнадцатого апреля тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года.

Вильгельм.

Ратифицированный документ подписанного в Берлине 27 марта 1884 года протокола о продлении срока там же подписанного 18 июня 1881 года тайного договора между Германией, Россией и Австро-Венгрией.

ф. Бисмарк.

Les Cours d'Allemagne, de Russie et d'Autriche-Hongrie, animées d'un égal désir de consolider la paix générale par une entente destinée à assurer la position défensive de Leurs Etats respectifs sont tombées d'accord sur certaines questions qui touchent plus spécialement à leurs intérêts réciproques.

Dans ce but trois Cours ont nommé:

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

le Sieur Othon, Prince de Bismarck, Son Président du Conseil des Ministres de Prusse, Chancelier de l'Empire,

Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies,

le Sieur Pierre de Sabouroff, Conseiller Privé, Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Rci de Prusse,

Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohème etc. et Roi Apostolique de Hongrie,

le Sieur Emériс, Comte Széchényi, Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse,

Lesquels munis de pleins-pouvoirs qui ont été trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

ARTICLE I.

Dans le cas où l'une des Hautes Parties contractantes se trouverait en guerre avec une quatrième Grande Puissance, les deux autres maintiendront à son égard une neutralité bienveillante et voueront leurs soins à la localisation du conflit.

Cette stipulation s'appliquera également à une guerre entre l'une des trois Puissances et la Turquie mais seulement dans le cas où un accord préalable aura été établi entre les trois Cours sur les résultats de cette guerre.

ARTICLE II.

La Russie, d'accord avec l'Allemagne, déclare Sa ferme résolution de respecter les intérêts qui découlent de la nouvelle position assurée à l'Autriche-Hongrie par le Traité de Berlin.

Les trois Cours, désireuses d'éviter tout désaccord entre Elles, s'engagent à tenir comte de Leurs intérêts respectifs dans la Péninsule des Balcans. Elles se promettent de plus que de nouvelles modifications dans le statu quo territorial de la dite Péninsule ne pourront s'accomplir qu'en vertu d'un commun accord entre Elles.

Afin de faciliter l'accord prévu par le présent article, accord dont il est impossible de prévoir d'avance toutes les modalités, les trois Cours constatent dès à présent dans le protocole annexé à ce traité les points sur lesquels une entente a déjà été établie en principe.

Дворы Германский, Российский и Австро-Венгерский, равно одушевленные желанием укрепить всеобщий мир путем соглашения, имеющего целью обеспечение взаимной обороны Их Государств, пришли к соглашению по некоторым вопросам, близко затрагивающим их взаимные интересы.

В этих видах вышеречённые Дворы назначили:

Его Величество Император Германский, Король Прусский

Князя Отто Бисмарка, Своего Председателя Совета Министров Пруссии, Имперского Канцлера.

Его Величество Император Всероссийский

Петра Сабурова, Тайного Советника, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском.

Его Величество Император Австрийский, Король Богемский и проч. и Апостолический Король Венгерский

Графа Эмерика Сечени, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском

которые, снабженные ,полномочиями, признанными правильными и составленными в достодолжной форме, согласились относительно следующих статей:

Статья I.

В случае, если бы одна из Высоких договаривающихся Сторон оказалась в состоянии войны с четвертой Великой Державой, две другие сохраняют по отношению к ней благожелательный нейтралитет и приложат старания к локализации конфликта.

Это условие выполняется и в случае войны между одной из трех Держав с Турцией, но только если предварительно между тремя Дворами будет заключено соглашение касательно результатов этой войны.

Статья II.

Россия, в согласии с Германией, заявляет о своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским Трактатом.

Все три Двора, желая избежать всяких разногласий между собой, обязуются взаимно считаться с интересами договаривающихся сторон на Балканском полуострове. Сверх того они дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном statu quo названного полуострова могут произойти не иначе, как по взаимному их соглашению.

Для того, чтобы облегчить соглашение, предусматриваемое этой статьей, все частности которого предвидеть невозможно, Дворы теперь же установили в приложенном к этому договору протоколе пункты, по которым в принципе уже достигнуто соглашение.

ARTICLE III.

Les trois Cours reconnaissent le caractère européen et mutuellement obligatoire du principe de la fermeture des détroits du Bosphore et des Dardanelles, fondé sur le droit des gens, confirmé par les traités et résumé par la Déclaration du second Plénipotentiaire de Russie à la séance du 12 Juillet du Congrès de Berlin (protocole 19).

Elles veilleront en commun à ce que la Turquie ne fasse pas d'exception à cette règle en faveur des intérêts d'un Gouvernement quelconque, en prêtant à des opérations guerrières d'une Puissance belligérante la partie de son Empire que forment les détroits.

En cas d'infraction, ou pour la prévenir si une pareille infraction était à prévoir, les trois Cours avertiront la Turquie qu'Elles la considéreraient, le cas échéant, comme s'étant mise en état de guerre vis-à-vis de la partie lésée et comme s'étant privée des lors des bénéfices de sécurité, assurés par le Traité de Berlin à son statu quo territorial.

ARTICLE IV.

Le présent Traité sera en vigueur pendant l'espace de trois ans à dater du jour de l'échange des ratifications.

ARTICLE V.

Les Hautes Parties contractantes se promettent mutuellement le secret sur le contenu et sur l'existence du présent traité aussi bien que du protocole y annexé.

ARTICLE VI.

Les conventions secrètes conclues entre l'Allemagne et la Russie et entre la Russie et l'Autriche-Hongrie en 1873 sont remplacées par le présent traité.

ARTICLE VII.

Les ratifications du présent traité et du protocole y annexé seront échangés à Berlin dans l'espace de quinze jours ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs ont signé le présent traité et y ont opposé le sceau de leurs armes.

Fait à Berlin, le dix-huitième jour du mois de Juin mil huit cent quatre-vingt et un.

(L. S.) signé. *v. Bismarck*
(L. S.) „ *Sabouroff*
(L. S.) „ *Széchényi*

Les soussignés Plénipotentiaires de Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse, Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies et Sa Majesté l'Empereur d'Autriche, Roi de Bohème etc. et Roi Apostolique de Hongrie ayant constaté conformément à l'article II du Traité secret conclu aujourd'hui

Статья III.

Все три Двора признают европейское значение и взаимную обязательность принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго Полномочного Министра России в заседании Берлинского Конгресса от 12-го июля (протокол 19).

Они будут сообща следить за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в интересах какого-бы то ни было Правительства, предоставляя для военных операций воюющей Державы часть своей Империи, в которую входят проливы.

В случае нарушения этого условия или чтобы предотвратить таковое, если-бы предвиделась возможность этого, все три Двора предупредят Турцию, что они, в подобном случае, будут считать, что она находится в состоянии войны со стороной, в ущерб которой это будет сделано, и что с этого момента она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским Трактатом.

Статья IV.

Настоящий Договор имеет силу в продолжение трех лет со дня его ратификации.

Статья V.

Высокие договаривающиеся Стороны взаимно обязуются хранить в тайне содержание и существование настоящего договора, а также и прилагаемого к нему протокола.

Статья VI.

Тайные договоры, заключенные между Германией и Россией и между Россией и Австро-Венгрией в 1873 году, заменяются настоящим.

Статья VII.

Настоящий договор и прилагаемый к нему протокол будут ратифицированы в Берлине в течение двух недель или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего каждый из Полномочных Министров подписал настоящий договор и скрепил его своей гербовой печатью.

Заключен в Берлине, июня 18-го дня, 1881-го года

(М. П.) подписано: *ф. Бисмарк.*
(М. П.) „ *Сабуров.*
(М. П.) „ *Сечени.*

Нижеподписавшиеся Полномочные Его Величества Императора Германского, Короля Прусского, Его Величества Императора Всероссийского и Его Величества Императора Австрийского, Короля Богемского и проч. и Апостолического Короля Венгерского, утвердив, согласно II статье заключенного ныне тайного договора

les points touchant les intérêts des trois Cours d'Allemagne, de Russie et d'Autriche-Hongrie dans la Péninsule des Balcans sur lesquels une entente à déjà été établie entre Elles sont convenus du protocole suivant:

1. Bosnie et Herzegovine.

L'Autriche-Hongrie se réserve de s'annexer ces deux provinces au moment qu'Elle jugera opportun.

2. Sandjak de Novibazar.

La déclaration échangée entre les Plénipotentiaires Russes et les Plénipotentiaires Austro-Hongrois au Congrès de Berlin en date du 13/1 juillet 1878 reste en vigueur.

3. Roumelie Orientale.

Les trois Puissances sont d'accord pour envisager l'éventualité d'une occupation soit de la Roumélie Orientale soit des Balcans comme pleine de périls pour la paix générale. Le cas échéant Elles emploieront Leurs efforts pour détourner la Porte d'une pareille entreprise, bien entendu que la Bulgarie et la Roumélie Orientale devront de leur coté s'abstenir de provoquer la Porte par des attaques partant de leurs territoires contre les autres provinces de l'Empire Ottoman.

4. Bulgarie.

Les trois Puissances ne s'opposeront pas à la réunion éventuelle de la Bulgarie et de la Roumélie Orientale dans les limites territoriales qui leur sont assignées par le Traité de Berlin, si cette question venait à surgir par a force des choses. Elles sont d'accord pour détourner les Bulgares de toute agression contre les provinces voisines, nommément la Macédoine, et pour leur déclarer qu'en pareil cas ils agiraient à leurs risques et périls.

5. Attitude des agents en Orient.

Afin d'éviter des froissements d'intérêts dans les questions locales qui peuvent surgir, les trois Cours muniront Leurs représentants et agents en Orient d'une instruction générale pour leur préscrire de s'efforcer à aplanir leurs divergences par des explications amicales entre eux dans chaque cas spécial et pour les cas où ils n'y parviendraient pas, d'en référer à leurs Gouvernements.

6. Le présent protocole fait partie intégrante du traité secret signé en ce jour à Berlin et aura même force et valeur.

En foi de quoi les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le cachet de leurs armes.

Fait à Berlin, le 18 juin 1881.

(L. S.) signé. *v. Bismarck.*
(L. S.) „ *Sabouroff.*
(L. S.) „ *Széchényi.*

пункты, касающиеся интересов трех дворов, Германии, России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове, относительно которых было уже достигнуто между ними соглашение, постановили следующее:

1. Босния и Герцеговина.

Австро-Венгрия сохраняет за собой право анексировать эти две провинции в момент, который найдет для этого подходящим.

2. Новобазарский Санджак.

Заявления, которыми обменялись Русский и Австро-Венгерский Полномочные на Берлинском Конгрессе 13/1 июля 1878 года, остаются в силе.

3. Восточная Румелия.

Все три Державы согласно признают, что возможность оккупации Восточной Румелии или Балкан представляла бы большую опасность для всеобщего мира. В случае надобности они приложат свои усилия к тому, чтобы отклонить Порту от подобного шага, причем, само собой разумеется, Болгария и Восточная Румелия должны будут с своей стороны воздерживаться от того, чтобы вызывать на это Порту нападениями на другие провинции Оттоманской Империи.

4. Болгария.

Договаривающиеся Державы не будут противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским Трактатом, в случае если бы этот вопрос был выдвинут силою вещей. Они взаимно согласились отклонять болгар от всяких агрессивных действий по отношению к соседним провинциям, именно Македонии, и об'явить им, что в подобном случае они действовали бы на свой риск.

5. Положение агентов на Востоке.

Во избежание трений, могущих возникнуть на почве столкновения интересов касательно местных вопросов, все три Двора снабдят своих представителей и агентов на Востоке общей инструкцией, предписывающей им стремление сглаживать их разногласия в каждом отдельном случае дружескими переговорами, а в случае, когда бы это не было достигнуто, сноситься по этому поводу со своими Правительствами.

6. Настоящий протокол является неотъемлемою частью тайного договора, подписанного сегодня в Берлине, и имеет такую же силу и такое же значение.

В удостоверение чего каждый из Полномочных Министров его подписал и скрепил своей гербовой печатью.

Заключен в Берлине 18 июня 1881 года.

(М. П.) подписано ф. *Бисмарк.*
(М. П.) „ *Сабуров.*
(М. П.) „ *Сечени.*

WIR WILHELM,
VON GOTTES GNADEN
DEUTSCHER KAISER, KÖNIG VON PREUSSEN
ETC. ETC. ETC.

Urkunden und bekennen hiermit im Namen des Reichs:

Nachdem der von Unserm Bevollmächtigten, dem Staatssecretair Unseres Auswärtigen Amts, Grafen Herbert von Bismarck-Schönhausen und dem Bevollmächtigten Seiner Majestät des Kaisers aller Reussen, Grafen Paul Schouvaloff, Seinem Ausserordentlichen Botschafter an Unserm Hofe am 18 Juni 1887 hierselbst unterzeichnete geheime Vertrag und das zu demselben gehörige Protokoll von demselben Tage, welche wörtlich lauten:

Les Cours Impériales d'Allemagne et de Russie, animées d'un égal désir de consolider la paix générale par une entente destinée à assurer la position défensive de Leurs Etats respectifs, ont résolu de consacrer par un arrangement spécial l'accord établi entre Elles en vue de l'expiration, à la date du 15/27 Juin 1887 de la validité du traité et du protocole secrets signés en 1881 et renouvelés en 1884 par les trois Cours d'Allemagne, de Russie et d'Autriche-Hongrie.

A cet effet les deux Cours ont nommé comme Plénipotentiaires:

Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse, le Sieur Herbert, Comte de Bismarck-Schoenhausen, Son Secrétaire d'Etat au département des affaires étrangères; Sa Majesté l'Empereur de Toutes les Russies, le Sieur Paul, Comte Schouvaloff, Son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur d'Allemagne, Roi de Prusse.

Lesquels munis de plein-pouvoirs, qui ont été trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivants:

Article I.

Dans le cas où l'une des hautes Parties contractantes se trouverait en guerre avec une troisième Grande Puissance, l'autre maintiendrait à son égard une neutralité bienveillante et vouerait ses soins à la localisation du conflit. Cette disposition ne s'appliquerait pas à une guerre contre l'Autriche ou la France dans le cas où cette guerre résulterait d'une attaque dirigée contre l'une de ces deux dernières Puissances par l'une des hautes Parties contractantes.

Секретное соглашение между Россией и Германией 1887 г.

МЫ, ВИЛЬГЕЛЬМ,
БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ
ИМПЕРАТОР ГЕРМАНСКИЙ, КОРОЛЬ ПРУССКИЙ
И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Свидетельствуем и признаем сим от имени Империи:

Согласно тайному договору, подписанному 18 июня 1887 г. и относящемуся к нему протоколу от того же числа, подписанными Нашим Полномочным, Статс-Секретарем Нашего Министерства Иностранных Дел, графом Гербертом фон-Бисмарком-Шенгаузеном и Полномочным Его Величества Императора Всероссийского графом Павлом Шуваловым, Его Чрезвычайным Послом при Нашем Дворе, каковые Договор и Протокол от слова до слова гласят:

Императорские Дворы Германии и России, равно одушевленные желанием упрочить всеобщий мир при помощи соглашения, направленного к обеспечению взаимной обороны Их государств, решили подтвердить особым договором согласие, установившееся между Ними, в виду того, что 15/27 июня 1887 г. истекает срок действительности тайных трактата и протокола, подписанных в 1881 г. и возобновленных 1884 г. тремя Дворами: Германским, Русским и Австро-Венгерским.

С этой целью оба Двора назначили Своими Уполномоченными: Его Величество Император Германский, Король Прусский графа Герберта фон-Бисмарк-Шенгаузена, Своего Государственного Секретаря при Министерстве Иностранных Дел; Его Величество Император Всероссийский—графа Павла Шувалова, Своего Чрезвычайного и Полномочного Посла при Его Величестве Императоре Германском, Короле Прусском, кои, снабженные полномочиями признанными составленными по надлежащей и законной форме, договорились в нижеследующих статьях:

Статья I.

В случае, если бы одна из Высоких договаривающихся Сторон оказалась в состоянии войны с третьей Великой Державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции, в случае если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из последних Держав одной из Высоких договаривающихся Сторон.

Article II.

L'Allemagne reconnait les droits historiquement acquis à la Russie dans la presqu'île Balcanique et particulièrement la légitimité de son influence prépondérante et décisive en Bulgarie et en Roumélie Orientale.—Les deux Cours s'engagent à n'admettre aucune modification du statu quo territorial de la dite Péninsule sans un accord préalable entre Elles, et à s'opposer éventuellement à toute tentative de porter atteinte à ce statu quo ou de le modifier sans Leur consentement.

Article III.

Les deux Cours reconnaissent le caractère Européen et mutuellement obligatoire du principe de la fermeture des détroits du Bosphore et des Dardanelles fondé sur le droit des gens, confirmé par les traités et résumé dans la déclaration du second Plénipotentiaire de Russie à la séance du 12 Juillet du Congrès de Berlin (protocole 19).

Elles veilleront en commun à ce que la Turquie ne fasse pas d'exception à cette règle en faveur des intérêts d'un Gouvernement quelconque en prêtant à des opérations guerrières d'une Puissance belligérante la partie de Son Empire, que forment les détroits. En cas d'infraction, ou pour la prévenir si une pareille infraction était à prévoir, les deux Cours avertiront la Turquie qu'Elles la considéreraient, le cas échéant, comme s'étant mise en état de guerre vis-à-vis de la partie lésée et comme s'étant privée dès lors des bénéfices de sécurité assurés par le traité de Berlin à son statu quo territorial.

Article IV.

Le présent traité sera en vigueur pendant l'espace de trois ans à dater du jour de l'échange des Ratifications.

Article V.

Les hautes Parties contractantes se promettent mutuellement le secret sur le contenu et sur l'existence du présent traité et du protocole y annexé.

Article VI.

Le présent traité sera ratifié et les Ratifications en seront échangées à Berlin dans l'espace de quinze jours ou plus tôt si faire se peut.

En foi de quoi, les Plénipotentiaires respectifs ont signé le présent traité et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Berlin, le dix-huitième jour du mois de Juin mil huit cent quatre-vingt sept.

(L. S.) signé. *Comte Bismarck.*
(L. S.) „ *Comte Paul Schouvaloff.*

Статья II.

Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба Двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном statu quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой, и противодействовать всякой могущей быть попытке к нарушению этого statu quo или изменению его без их согласия.

Статья III.

Оба Двора признают всеевропейское значение и обязательность принципа закрытия Босфорского и Дарданельского проливов, основанного на международном праве, подтвержденного трактатами и формулированного в заявлении второго Русского Полномочного в заседании Берлинского Конгресса 12 июля (протокол 19).

Обе Стороны будут совместно наблюдать за тем, чтобы Турция не допускала исключения из этого правила в пользу какого бы то ни было Правительства, допуская военные операции воюющей державы в той части своей Империи, в которую входят проливы. В случае нарушения этого условия, или для предупреждения такового, если бы предвиделась возможность этого, оба Двора предупредят Турцию, что они в таком случае будут рассматривать ее как находящуюся в состоянии войны со стороною, в ущерб которой это будет сделано и лишившуюся с этого момента преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским Трактатом.

Статья IV.

Настоящий договор будет иметь силу в течение трех лет со дня обмена ратификацией.

Статья V.

Высокие договаривающиеся Стороны обещают друг другу хранить в тайне содержание и существование настоящего договора и прилагаемого протокола.

Статья VI.

Настоящий договор будет ратифицирован, и обмен ратификаций состоится в Берлине в течение пятнадцати дней или ранее, если это окажется возможным.

В удостоверение чего каждый из уполномоченных подписал настоящий договор и скрепил его приложением своей гербовой печати.

Заключен в Берлине июня 18-го числа тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

(М.П.) подпись: Граф *Бисмарк*.
(М.П.) „ Граф *Павел Шувалов*.

Protocole additionnel et trés secret.

Afin de compléter les stipulations des Articles II et III du traité secret conclu à cette même date, les deux Cours sont tombées d'accord sur les points suivants:

1.

L'Allemagne prêtera, comme par le passé, Son concours à la Russie afin de rétablir en Bulgarie un Gouvernement régulier et légal.

Elle promet de ne donner en aucun cas Son consentement à la restauration du Prince de Battenberg.

2.

Dans le cas où Sa Majesté l'Empereur de Russie Se verrait dans la nécessité d'assumer Lui-même la tâche de défendre l'entrée de la Mer Noire pour sauvegarder les intérêts de la Russie, l'Allemagne s'engage d'accorder Sa neutralité bienveillante et Son appui moral et diplomatique aux mesures que Sa Majesté jugerait nécessaire de prendre pour garder la clef de Son Empire.

3.

Le présent protocole fait partie intégrante du traité secret signé en ce jour à Berlin et aura même force et valeur.

En foi de quoi, les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Berlin, le dix-huitième jour du mois de Juin mil huit cent quatre-vingt-sept.

(L. S.) signé. *Comte Bismarck.*
(L. S.) „ *Comte Paul Schouvaloff.*

Uns vorgelegt und von Uns geprüft und in allen Stücken Unseren Intentionen gemäss befunden worden sind, so erklären Wir, dass Wir diesen Vertrag und das zu demselben gehörige Protokoll in allen darin enthaltenen Bestimmungen hierdurch genehmigen und ratificiren, auch versprechen, dieselben genau zu erfüllen und zu beobachten.

Dess zu Urkund haben Wir die gegenwärtige Ratifications-Urkunde vollzogen und mit Unserm Kaiserlichen Insiegel bedrucken lassen.

Gegeben Berlin, den 20. Juni 1887.

Wilhelm.

Ratifications-Urkunde des zwischen Deutschland und Russland am 18 Juni 1887 zu Berlin abgeschlossenen geheimen Vertrages und des dazu gehörigen Protokolls von demselben Tage.

Graf Bismarck.

Дополнительный и весьма секретный протокол.

В видах дополнения условий, изложенных в статьях II-ой и III-ей тайного договора, заключенного сего же числа, оба Двора договорились в нижеследующих статьях:

1.

Германия, как и доселе, окажет России содействие в целях восстановления в Болгарии правильного и законного правительства.

Она обещает ни в каком случае не давать своего согласия на реставрацию принца Баттенбергского.

2.

В случае, если бы Его Величество Император Российский оказался вынужденным принять на Себя защиту входа в Черное море в целях ограждения интересов России, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам, к каким Его Величество найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа к Своей Империи.

3.

Настоящий протокол составляет неотъемлемую часть тайного договора, подписанного сего же числа в Берлине, и имеет равную с ним силу и значение.

В удостоверение каждый из Полномочных оный подписал и скрепил приложением своей гербовой печати.

Заключен в Берлине июня 18-го дня тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года.

(М.П.) подпись: Граф *Бисмарк.*
(М.П.) „ Граф *Павел Шувалов.*

Сим заявляем, что Нам представленный и Нами рассмотренный договор этот и относящийся к нему протокол, как соответствующие во всех их статьях Нашим предначертаниям, принимаем и ратифицируем, а также обещаем их точно исполнять и соблюдать.

В удостоверение чего Мы настоящую ратификацию совершили и Нашей Императорской печатью скрепить повелели.

Дано в Берлине 20 июня 1887 г.

Вильгельм.

Ратификация заключенного 18 июня 1887 г. между Германией и Россией тайного договора и относящегося к нему протокола от того же числа.

гр. *Бисмарк.*

6) Проект захвата Босфора в 1897 году.

Документы, приводимые ниже, хранятся в двух папках Архива Министерства Иностранных Дел:

1) в папке секретного Архива Министра за 1897 год. (Отд. I A/a № 5) и

2) в особом деле: „Константинополь и Проливы 1879—1908 г." (Отд. I A/b № 56).

1. Письмо Военного Министра ген. П. С. Ванновского Министру Иностранных Дел гр. М. Н. Муравьеву от 14 января 1897 г.; напечатанный на машинке подлинник с собственноручной подписью ген. Ванновского.
2. То же от 24 января 1897 г.
3. Копия письма Управляющего М. И. Д. Военному Министру от 24 янв. 1897 г.
4. Черновик письма Министра Ин. Дел Послу в Константинополе от 25 января 1897 г.
5. Всеподданнейшая записка гр. Муравьева от 29 января 1897 г.; подлинник с собственноручной пометкой имп. Николая II: „Въ такомъ смыслѣ и измѣнить часть инструкціи".
6. Черновик письма Министра Иностранных Дел А. И. Нелидову от 31 января 1897 г.
7. Копия секретной телеграммы Министра Ин. Дел А. И. Нелидову от 3/15 февраля 1897 г.
8. Письмо А. И. Нелидова на имя члена Совета Мин-ства Ин. Дел В. С. Оболенского от 12/24 февраля 1897 г., подлинник.
9. Черновик письма Министра Ин. Дел Министру Внутр. Дел И. Л. Горемыкину (копия послу в Константинополе А. И. Нелидову) от 21 февраля 1897 г.
10. Подлинное письмо И. Л. Горемыкина гр. Муравьеву от 23 февраля 1897 г.
11. Черновик письма Министра Ин. Дел А. И. Нелидову от 24 февр. 1897 г.
12. Письмо ген. Ванновского на имя гр. Муравьева от 20 апреля 1897 г.; подлинник, напечатанный на машинке с собственноручной подписью ген. Ванновского.

1

Военный Министръ

По Главному Штабу

Совершенно секретно.

„14“ января 1897 г.
№ 10.

Милостивый Государь
Графъ Михаилъ Николаевичъ.

Имѣю честь сообщить для надлежащаго свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что в 11 день сего января Государю Императору благоугодно было Высочайше утвердить нижеизложенныя соображенія о мѣропріятіяхъ на случай необходимости вооруженнаго вмѣшательства Европы въ Турецкія дѣла.

При такомъ вмѣшательствѣ, одновременно съ движеніемъ европейскихъ военныхъ эскадръ изъ Средиземнаго моря къ Константинополю, надлежитъ обезпечить нашу безопасность на Черномъ морѣ посредствомъ занятія дессантнымъ отрядомъ верхняго Босфора.

О наступленіи сихъ обстоятельствъ посолъ нашъ въ Константинополѣ предупреждаетъ Командующаго войсками Одесскаго округа и Главнаго Командира Черноморскаго флота и портовъ условною телеграммою слѣдующаго содержанія:

„Давно безъ извѣстій“.

По сей телеграммѣ исполняются всѣ подготовительныя распоряженія для посадки дессантнаго отряда на суда; должна быть пріостановлена на всѣхъ станціяхъ Одесскаго военнаго округа отправка частныхъ телеграммъ (съ передачею депешъ Индійскаго телеграфа въ Петербургъ), а равно долженъ быть задержанъ на нѣкоторое время (примѣрно на сутки) выходъ изъ портовъ всѣхъ частныхъ судовъ, особенно пароходовъ.

Затѣмъ выходъ въ море самого дессанта можетъ послѣдовать неиначе, какъ по Высочайшему на то повелѣнію, телеграммою изъ Петербурга.

Его Сіятельству
графу
М. Н. Муравьеву.

Цѣлью дессантнаго предпріятія поставлено исключительно занятіе верхняго Босфора, никоимъ

образомъ не касаясь Константинополя. Измѣненія въ ограниченіи сей цѣли могутъ послѣдовать лишь по указаніямъ нашего посла.

Въ дополненіе къ симъ общимъ соображеніямъ, удостоились также Высочайшаго утвержденія и слѣдующія разъясненія, относящіяся къ задачѣ, возложенной на Главнаго Командира Черноморскаго флота.

Утвержденіе сухопутнаго десантнаго отряда на верхнемъ Босфорѣ должно имѣть въ виду прочное занятіе войсками прилежащихъ къ проливу позицій включительно до Бейкоса на азіатскомъ берегу и до Киречъ-бурну на европейскомъ.

Въ зависимости же отъ результатовъ предшествующихъ выполненію десантнаго предпріятія переговоровъ нашего посла съ Портою, при условіи мирной уступки намъ сею послѣдвею укрѣпленій Босфорскаго пролива (или главнѣйшей части оныхъ), нашимъ десантнымъ отрядомъ можетъ быть занятъ раіонъ и не включающій позицій, находящихся у Бейкоса и Киречъ-бурну; но во всякомъ случаѣ вполнѣ отвѣчающій требованію надежной, твердой обороны Босфорскаго пролива отъ прорыва непріятельскихъ судовъ въ Черное море.

Съ цѣлью поддержанія постояннаго телеграфнаго сообщенія съ Одессою, десантный отрядъ озаботится скорѣйшимъ захватомъ въ свои руки выхода подводнаго кабеля у Киліи, сѣвернѣе Босфорскаго пролива.

Для сообщенія Главному Командиру Черноморскаго флота, Вице-Адмиралу Копытову, результатовъ переговоровъ съ Портою нашего посла, сему послѣднему будетъ предстоять необходимость выслать на встрѣчу эскадрѣ названнаго адмирала одинъ изъ двухъ находящихся въ Константинополѣ стаціонеровъ, при чемъ пунктъ встрѣчи стаціонера съ эскадрою долженъ быть обусловленъ опредѣленною заранѣе географическою широтою и долготою.

Всѣ изложенныя здѣсь соображенія сообщены, для надлежащаго свѣдѣнія и зависящихъ подготовительныхъ распоряженій, какъ Командующаго войсками Одесскаго округа, такъ и Главнаго Командира Черноморскаго флота и портовъ.

Не откажите принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Петръ Ванновскій.

2

Военный Министръ

По Главному Штабу

„24“ января 1897 г.

№ 22.

Весьма секретно.

Милостивый Государь,

Графъ Михаилъ Николаевичъ.

Срочное.

Командующій войсками Одесскаго округа телеграммою отъ сего числа доноситъ, что Главный Командиръ Черноморскаго флота Вице-Адмиралъ Копытовъ понимаетъ сообщенную ему Высочайше утвержденную въ 11 день сего января инструкцію о подготовкѣ Черноморскаго дессантнаго отряда въ томъ смыслѣ, что посадка войскъ на суда должна быть произведена по условной предварительной телеграммѣ отъ нашего Константинопольскаго посла и лишь для самаго выхода въ море слѣдуетъ ожидать Высочайшаго повелѣнія.

Такое толкованіе основывается адмираломъ Копытовымъ на томъ обстоятельствѣ, что въ полученной имъ инструкціи есть указаніе, что по телеграммѣ посла исполняются только всѣ подготовительныя распоряженія, а о времени самой посадки не упоминается.

Въ виду сего и во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, Командующій войсками проситъ разъяснить ему категорически изложенное обстоятельство.

Находя необходимымъ завтра же повергнуть его на Высочайшее воззрѣніе, имѣю честь просить Ваше Сіятельство не отказать сообщить мнѣ Ваше по сему предмету мнѣніе.

Его Сіятельству
графу
М. Н. Муравьеву.

Съ своей стороны, я полагалъ бы, что посадка войскъ на суда не входитъ въ кругъ подготовительныхъ распоряженій и дѣйствій и можетъ быть начата лишь по Высочайшему повелѣнію.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Петръ Ванновскій.

3

Весьма секретно.

Управляющій
Министерствомъ
Иностранныхъ Дѣлъ

Милостивый Государь
Петръ Семеновичъ,

Въ отвѣтъ на письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 24-го сего января за № 22, спѣшу увѣдомить Васъ, что, съ своей стороны, я понимаю Высочайше утвержденную въ 11 день сего января инструкцію о подготовкѣ Черноморскаго дессантнаго отряда въ томъ смыслѣ, что посадка войскъ на суда не входитъ въ кругъ подготовительныхъ распоряженій и дѣйствій и можетъ быть начата лишь по Высочайшему повелѣнію.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

С.-Петербургъ
24 января 1897 г.
Его Высокопр-ву
П. С. Ванновскому.

4

Весьма секретно.

С.-Петербургъ, $\frac{\text{25 января}}{\text{6 февраля}}$ 1897 г.

Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ,

Долгомъ считаю препроводить при семъ, для личнаго свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, копію съ *совершенно секретнаго* письма Г. Военнаго Министра, отъ 14-го ч. текущаго января.

Вы изволите усмотрѣть изъ означеннаго письма, что, на основаніи Высочайше утвержденной въ 11 день сего января инструкціи, о подготовкѣ Черноморскаго дессантнаго отряда, посадка войскъ на суда не входитъ въ кругъ подготовительныхъ распоряженій и дѣйствій и можетъ быть начата лишь по Высочайшему повелѣнію.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Его Высокопрев-ву
А. И. Нелидову.

5

На подлинникѣ синимъ карандашемъ пометка рукой имп. Николая II:

„Въ такомъ смыслѣ и измѣнить часть инструкціи“.

Содержаніе прилагаемой при семъ телеграммы было передано Начальнику Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ. Генералъ-Лейтенантъ Петровъ удостовѣряетъ, что запечатаннаго пакета, заключающаго инструкціи о томъ, какъ поступить въ случаѣ полученія условной телеграммы Русскаго Посла въ Константинополѣ, не находится ни у одного изъ телеграфныхъ чиновниковъ станціи Одессы и что упомянутая инструкція извѣстна лишь Начальнику Одесскаго Почтово-Телеграфнаго Округа, которому было предписано не сообщать ее пока никому изъ своихъ подчиненныхъ. Генералъ-Лейтенантъ Петровъ отвѣчаетъ за сохраненіе тайны этимъ чиновникомъ, но имѣетъ данные полагать, что слухи о существованіи секретныхъ предписаній, касающихся вызова эскадры въ Константинополь, довольно распространены въ Одессѣ.

Давая эти объясненія, Генералъ-Лейтенантъ Петровъ выразилъ опасенія, что условная телеграмма Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Нелидова, отправленная изъ Константинополя на имя Командующаго войсками Одесскаго Военнаго Округа, съ сообщеніемъ копіи ее Главному Командиру Черноморскаго флота, будетъ задержана или даже вовсе не отправлена изъ Константинополя, въ виду того, что условная телеграмма, адресованная Черноморскимъ военнымъ начальникомъ въ Одессу и Севастополь, не можетъ не обратить на себя вниманія, такъ какъ почти всѣ телеграммы Русскаго Посла въ Константинополѣ отправляются въ С.-Петербургъ.

Датская Компанія Одесско-Константинопольскаго Кабеля собственно англійское предпріятіе, и Константинопольская контора ея находится въ рукахъ англичанъ.

Во избѣжаніе этой опасности, Генералъ-Лейтенантъ Петровъ полагалъ бы необходимымъ сдѣлать слѣдующее измѣненіе въ вышеупомянутой инструкціи: а именно, поручить Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Нелидову адресовать условную телеграмму не въ Одессу — Командующему войсками, а въ С.-Петербургъ — Министру Иностранныхъ Дѣлъ съ тѣмъ, чтобы Начальникъ Одесскаго Почтово-Телеграфнаго Округа, получивъ изъ Константинополя телеграмму съ условнымъ текстомъ, сообщилъ ее одновременно Министру Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургъ, Командующему войсками въ Одессѣ и Главному Командиру Черноморскаго флота.

Пріемлю смѣлость повергнуть сообщенныя Генералъ-Лейтенантомъ Петровымъ свѣдѣнія на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

Гр. Муравьевъ.

29-го января 1897 г.

6

Д. Т. С. Нелидову
въ Константинополь.
С.-Петербургъ.
31 января 1897 г.

М. Г.
Алекс. Ив.

На основаніи инструкціи, выработанной Особымъ Совѣщаніемъ, Вашему Высокопревосходительству предоставлено вызвать Черноморскую эскадру въ Босфоръ условной телеграммою, отправленной кабелемъ на имя Командующаго войсками Одесскаго Военнаго Округа, съ сообщеніемъ копіи ея Главному Командиру Черноморскаго флота.

Въ виду того, что Датская Компанія Одессо-Константинопольскаго кабеля собственно англійское предпріятіе и что Константинопольская Контора ея находится въ рукахъ Англичанъ, является опасеніе, что телеграмма Ваша будетъ задержана или даже вовсе не отправлена, потому что условная телеграмма, адресованная Черноморскимъ военнымъ начальникомъ въ Одессу и Севастополь, не можетъ не обратить на себя вниманія, такъ какъ почти всѣ телеграммы Посольства въ Константинополѣ отправляются въ С.-Петербургъ.

Во избѣжаніе этой опасности покорнѣйше прошу Васъ адресовать условную телеграмму не въ Одессу—Командующему войсками, а въ С.-Петербургъ—Министру Иностранныхъ Дѣлъ, а Начальникъ Одесскаго Почтово-Телеграфнаго Округа, получивъ изъ Константинополя телеграмму съ условнымъ текстомъ, сообщитъ ее одновременно Министру Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургъ, Командующему войсками въ Одессу и Главному Командиру Черноморскаго флота въ Севастополь. По всеподданнѣйшему докладу моему Государю Императору благоугодно было одобрить вышеизложенное измѣненіе части инструкціи касающейся отправленія телеграммы, о чемъ поспѣшаю увѣдомить Ваше Высокопревосходительство.

Одновременно о семъ сообщено мною Военному Министру и Управляющему Морскимъ Министерствомъ.

Примите...

7

Совершенно секретная телеграмма Д. Т. С. Нелидову, въ Константинополь.

С.-Петербургъ, 3/15 февраля 1897 г.

Если представится необходимость отправить условленную теле-

грамму: „давно безъ извѣстій", то, одновременно, прикажите Коммерческому Агенту Кочетову отправить нашему Коммерческому Агенту въ Лондонѣ телеграмму слѣдующаго содержанія: „купите 10.000 фунтовъ", а въ Петербургъ тому же Кочетову прикажите телеграфировать Управляющему Государственнымъ Банкомъ: „продайте 10.000 фунтовъ".

8

Пера, 12/24 февраля 1897.

Весьма секретно.

В подлинникѣ пометка:
Царское Село.
18 февраля 1897 г.

Многоуважаемый
Князь Валеріанъ Сергѣевичъ!

Я получилъ съ одною изъ послѣднихъ почтъ весьма секретное письмо Графа Муравьева, написанное Вашею рукою (отъ 31 января), и потому считаю долгомъ представить Вамъ нѣкоторыя вызванныя имъ во мнѣ сомнѣнія.

Графъ опасается какъ бы въ извѣстную критическую минуту руководимая Англичанами Датская телеграфная Компанія не задержала моихъ условныхъ депешъ, адресованныхъ въ Одессу и Севастополь. Едва ли такое предположеніе основательно. Кабель очень привыкъ къ тому, что мы отправляемъ въ Севастополь, а иногда и въ Одессу депеши на русскомъ языкѣ и подобная фраза въ тревожную минуту, — если бы ее разобрали, — не произвела бы особаго волненія; ее признали бы за то, что она есть: желаніе имѣть свѣдѣнія, знать все ли готово.

Напротивъ того телеграфировать по-русски въ Петербургъ въ Министерство, чего мы *никогда* не дѣлаемъ и говорить, что я *давно безъ извѣстій*, когда мы ежедневно обмѣниваемся многочисленными телеграммами,—это покажется до такой степени страннымъ, что тутъ несомнѣнно тотчасъ станутъ подозрѣвать что-то совершенно другое и тогда способны будутъ задержать. Нельзя-ли ужъ лучше тогда просто телеграфировать это въ Севастополь; оно, я думаю, все-таки пойдетъ на Одессу, и тогда Начальникъ телеграфа можетъ сообщить депешу и въ Петербургъ и Командующему тамошними войсками.

Впрочемъ, къ этой мѣрѣ едва ли придется и прибѣгать, разъ слѣдуетъ ждать, чтобы кто-нибудь насъ опередилъ. Весь расчетъ былъ основанъ на томъ, чтобы придти первыми. Такъ дѣло вѣроятно пропадетъ. Да и не къ тому клонятся событія.

До свиданія. Преданный Вамъ

А. Нелидовъ.

9

В. секретно.

Горемыкину.

Нелидову.

21 февраля 97.

М. Г.

Иванъ Логгиновичъ.

Изъ весьма секретнаго и достовѣрнаго источника получено свѣдѣніе, что Англійскому Консулу в Одессѣ извѣстно о существующемъ предположеніи отправить, въ случаѣ надобности, русскій военный отрядъ въ Босфоръ, о чемъ онъ донесъ Великобританскимъ Посламъ въ С.-Петербургѣ и въ Константинополѣ.

Получивъ это извѣстіе, Великобританскій Посолъ въ Константинополѣ Керри поручилъ Великобританскому своему Консулу въ Одессѣ Стюарту, въ виду вѣроятнаго неразрѣшенія телеграфировать въ день отплытія Русской эскадры, условиться объ отправленіи этой телеграммы въ Константинополь черезъ посредство одного изъ коммерческихъ домовъ въ Одессѣ на имя какого-либо негоціанта въ Константинополь, предупредивъ его о передачѣ телеграммы Великобританскому Послу.

На это сообщеніе 19-го сего февраля Консулъ отвѣтилъ Послу, что, такъ какъ коммерческая телеграмма будетъ вѣроятно также задержана, то онъ отправитъ свое сообщеніе курьеромъ въ Галатцъ.

Передавая Вашему Высокопревосходительству вышеизложенныя важныя и совершенно секретныя свѣдѣнія для принятія зависящихъ отъ Васъ распоряженій,

Прошу Васъ, Милостивый Государь, и проч...

Министръ

Внутреннихъ Дѣлъ.

10

Совершенно довѣрительно.

Милостивый Государь

Графъ Михаилъ Николаевичъ.

Впослѣдствіе письма отъ 21-го сего февраля долгомъ считаю увѣдомить Ваше Сіятельство, что въ случаѣ выступленія русской эскадры, независимо телеграммъ, будутъ задержаны также паровыя суда и поѣзда желѣзныхъ дорогъ, такъ что едва ли курьеръ Одесскаго Англійскаго Консула будетъ имѣть возможность прибыть своевременно въ Галацъ.

На всякій же случай, даны надлежащія указанія жандармскому офицеру въ Рени.

22 февраля 1897 г.

Его Сіятельству

Графу

М. Н. Муравьеву.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣренія въ глубокомъ уваженіи и преданности.

И. Горемыкинъ.

11

Русскому Послу
въ Константинополь.
СПб.
24 февраля 1897 г.

В. секретно.

М. Г.
Ал. Иван.

Въ дополненіе къ письму моему отъ 21-го сего Февраля, имѣю честь сообщить В. Впр., что упомянутая въ немъ телеграмма объ отплытіи русской эскадры въ Босфоръ будетъ, какъ я узнаю изъ того же весьма секретнаго источника, отправлена изъ Галаца въ Перу на имя Obson'a.

Также считаю долгомъ передать Вамъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ отвѣтъ на мое письмо, рѣшено, въ случаѣ выступленія русской эскадры, задержать, независимо телеграммъ, также паровыя суда и поѣзда желѣзныхъ дорогъ, такъ что едва ли курьеръ Одесскаго Англійскаго Консула будетъ имѣть возможность прибыть своевременно въ Галацъ. На всякій же случай, даны надлежащія указанія жандармскому офицеру въ Рени.

Примите...

Военный Министръ.

—

По Главному Штабу.

—

„20“ апрѣля 1897 г.
№ 152.

12

В. секретно.

Милостивый Государь

Графъ Михаилъ Николаевичъ.

Командующій войсками Одесскаго Округа сообщилъ мнѣ нынѣ нижеслѣдующія данныя, относящіяся къ вопросу о степени обезпеченности, въ теченіе настоящей весны и предстоящаго лѣта, нашего Черноморскаго дессантнаго отряда морскими перевозочными средствами.

Въ случаѣ воспослѣдованія соотвѣтствующаго повелѣнія, всего должно быть посажено на суда перваго рейса: въ Севастополѣ 12815 чел. и 32 орудія, въ Одессѣ 17685 чел. и 72 орудія, итого 30500 чел. при 104 орудіяхъ, съ соотвѣтствующимъ обозомъ и тяжестями.

Его Сіятельству
графу
М. Н. Муравьеву.

Изъ этого числа, въ зависимости отъ наличности судовъ, казенныхъ и частныхъ, на присутствіе которыхъ въ названныхъ портахъ возможно расчитывать, можетъ быть дѣйствительно отправлено: *по 30 число настоящаго апрѣля* — ок. 25000 чел.; *съ 1 по 15 будущаго мая* — ок. 23000 чел. и *послѣ 15 мая*—всего лишь ок. 20000 чел.

Такимъ образомъ необходимо положить, что по неимѣнію надлежащихъ морскихъ средствъ, мы, въ случаѣ надобности въ томъ, въ теченіе всего лѣта могли бы перевезти одновременно на Черномъ морѣ не болѣе двухъ третей состава нашего дессантнаго отряда.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить для надлежащаго свѣдѣнія Вашего Сіятельства.

Его Сіятельству
Графу
М. Н. МУРАВЬЕВУ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Петръ Ванновскій.

1914 г.

I.

Телеграммы изъ Берлина и в Берлин за периодъ с 7/20 іюля по 19 іюля/1 августа 1914 г., вошедшие и невошедшие в Оранжевую книгу.

Предисловіе.

Все телеграммы печатаются по подлинному тексту расшифровок, имеющемуся в оттисках, хранившихся в Архиве бывшего Министерства Иностранных Дел. В настоящее время хранятся в Государств. Архиве РСФСР 2-е Отделение (Отд. VII Шк. Е. Секция II. В/4.

Телеграммы, отсутствующие в „Оранжевой книге", печатаются каждый раз с оговоркой: „В Оранжевой книге отсутствует". Если такой оговорки нет, то телеграмма в „Оранжевой книге" имеется. Те слова и фразы подлинного текста, которые выброшены из текста „Оранжевой книги", в нашем тексте заключены в прямые скобки [ ]. Изменения в тексте подлинника, сделанные редакторами „Оранжевой книги", в нашем тексте приведены в примечаниях. Орфография подлинников.

Редакція.

1. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

7/20 Іюля 1914 г. № 114.

Вчера вечеромъ оффиціозная „Норддейтше Алгемейне Цейтунгъ" помѣстила слѣдующую замѣтку: „Въ статьяхъ Европейской прессы касательно существующей натянутости Австро-Сербскихъ отношеній, всего болѣе преобладаетъ мнѣніе, что стремленіе Австріи внести въ нихъ извѣстную ясность является справедливымъ. Мы также, какъ многіе, надѣемся, что своевременною уступчивостью Сербскаго Правительства будетъ устраненъ серьезный кризисъ. Во всякомъ случаѣ въ интересахъ Европы—солидарность которой сказалась во время Балканскаго кризиса въ смыслѣ сохраненія мира Державами—чтобы всякія пререканія, которыя могутъ возникнуть по настоящему поводу между Австріей и Сербіей, остались локализованы".

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

2. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

7/20 Іюля 1914 г. № 115.

Какъ сообщаетъ мнѣ здѣшній корреспондентъ парижскаго „Матинъ", ему будто бы даны изъ Австрійскаго Посольства слѣдующія свѣдѣнія: въ близкомъ времени Австро-Венгерское Правительство

сообщитъ Правительствамъ Державъ результаты произведеннаго по поводу Сараевскаго преступленія разслѣдованія съ указаніемъ именъ всѣхъ настоящихъ Сербовъ Королевства, причастность коихъ выяснится. Затѣмъ тоже самое будетъ сообщено прессѣ, послѣ чего послѣдуетъ обращеніе къ Сербскому Правительству.

(В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

3. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

9/22 Іюля 1914 г. № 116.

По поводу переданной мною въ телеграммѣ № 115 замѣтки, появившейся (въ) воскресенье въ здѣшнемъ официозѣ и опредѣлившей отношеніе Германскаго Правительства къ предстоящимъ между Австріей и Сербіей объясненіямъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ какъ мнѣ, такъ и Камбону, что онъ до сихъ поръ не знаетъ, въ чемъ будутъ заключаться австрійскія требованія, но находитъ, что если Австрія дѣйствительно имѣетъ доказательства, что нити, какъ велико-сербской пропаганды, такъ и Сараевскаго заговора идутъ изъ Бѣлграда, то Австрійское Правительство одно въ правѣ опредѣлить, какого рода условія оно должно поставить сосѣднему государству для обезпеченія своей внутренней безопасности.—Французскій Посолъ настроенъ нѣсколько пессимистически, имѣя отчасти въ виду предстоящее къ здѣшнимъ большимъ маневрамъ временное увеличеніе мирнаго состава на 450.000 человѣкъ.

(В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

4. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

9/22 Іюля 1914 г. № 117.

Довѣрительно.—Французскій Морской Агентъ съ вѣдома Камбона сообщилъ мнѣ сегодня слухъ, коимъ только что подѣлился съ нимъ его Англійскій коллега, пока никѣмъ изъ нихъ не провѣренный, согласно которому нѣкоторымъ состоящимъ въ резервѣ германскимъ солдатамъ будто бы посланы предупредительныя извѣщенія о возможной мобилизаціи. Подобныя предупрежденія посылаемы были въ Германіи, какъ въ 1911 году, такъ и въ 1912 г. въ моментъ наибольшаго напряженія, вызваннаго движеніемъ сербовъ къ Адріатикѣ. Предупрежденія эти не имѣютъ ничего общаго ни съ отбываніемъ учебнаго сбора, ни съ предстоящими въ августѣ большими маневрами. Такъ какъ новый морской агентъ нашъ только что пріѣхалъ, а военный не можетъ сюда вернуться, Посольство находится въ невозможности провѣрить этотъ тревожный слухъ, почему я прошу Французскаго Посла держать меня въ курсѣ его освѣдомленія.

(В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

5. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

11/24 Іюля 1914 г. № 119.

Всѣ утреннія газеты [безъ различія оттѣнковъ] относятся *очень* [1]) сочувственно къ рѣшительному тону, принятому Австріей, даже и тѣ немногія, которыя признаютъ непріемлемость для Сербіи поставленныхъ ей условій. Особенно рѣзокъ [полу] официозный „Локаль—Анцейгеръ", который говоритъ, что обращеніе Сербіи въ Петербургъ, Парижъ, Афины и Бухарестъ излишни, и заканчиваетъ, что нѣмецкій народъ вздохнетъ свободно, узнавъ, что наконецъ станетъ яснымъ положеніе на Балканскомъ полуостровѣ.

[Отложилъ до завтра посѣщеніе Министра Иностранныхъ Дѣлъ на случай, если бы къ тому времени получились руководящія указанія. Сегодня его навѣститъ Камбонъ, который сообщитъ мнѣ результаты разговора].

Броневскій.

(№ 7, стр. 10 по Оранжевой книге).

6. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

11/24 Іюля 1914 г. № 120.

Здѣшній Представитель С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства двѣ недѣли какъ уѣхалъ въ отпускъ, замѣстителя здѣсь не имѣетъ, поэтому все освѣдомленіе Агентства о здѣшнихъ событіяхъ и настроеніяхъ находится въ рукахъ Агентства Вольфа, что въ минуты подобныя настоящей совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ. Помимо того Марковъ за послѣдніе 2 — 3 года являлся для Посольства весьма цѣннымъ освѣдомителемъ, отсутствіе коего, при нынѣшнемъ доведенномъ до минимума составѣ Посольства и Агентовъ, крайне чувствительно.—Поэтому очень прошу Императорское Министерство снестись съ Директоромъ — Распорядителемъ Агентства о скорѣйшемъ возвращеніи Маркова въ Берлинъ, при чемъ остатокъ отпуска могъ бы быть использованъ имъ впослѣдствіи, когда настанетъ болѣе нормальное для отпусковъ время. Самъ Марковъ мною предупрежденъ и ничего не имѣетъ противъ раздробленія отпуска.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

Передано СПБ Тел. Аг-ству.

7. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

11/24 Іюля 1914 г. № 121.

Довѣрительно.

Камбонъ, какъ личное мнѣніе, высказалъ мнѣ, что единственный кабинетъ, который—думается ему,—могъ бы оказать умѣряющее дѣй-

[1]) В Оранж. книге: „*весьма*".

ствіе на Вѣну, но не непосредственно, а непремѣнно черезъ Берлинъ—это Римскій Кабинетъ. Онъ одинъ могъ бы указать здѣсь, не вызывая раздраженія, на затруднительность для него безпрекословной поддержки тѣхъ изъ австрійскихъ требованій, которые не могутъ не быть приняты крайне несочувственно итальянскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Подобный намекъ здѣсь Италіи воздѣйствовалъ бы отрезвляюще и тутъ и въ Вѣнѣ. Такого рода услуги Австрія иногда оказывала Франціи во время Мароккскаго кризиса, вліяя умиротворяюще на Берлинъ.—Только что уѣхавшій въ понедѣльникъ лечиться заграницу Итальянскій Посолъ уже вернулся сегодня къ своему посту.

(В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

8. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

11/24 Іюля 1914 г. № 122.

Такъ какъ французскій Посолъ не имѣетъ никакихъ указаній и не можетъ скоро (ожидать) оныхъ, то онъ въ частномъ разговорѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ старался, говоря отъ своего имени, выяснить лишь, имѣетъ ли Министръ Иностранныхъ Дѣлъ малѣйшую склонность воздѣйствовать въ Вѣнѣ сдерживающе и примиряюще, подобно тому, какъ друзья Сербіи могли бы дѣйствовать въ Бѣлградѣ, что дало бы время для разговоровъ и поставило бы вопросъ въ иной фазисъ, менѣе опасный для европейскаго мира. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сказалъ сначала, что это зависитъ отъ обстоятельствъ, послѣ чего какъ бы спохватился и сталъ доказывать необходимость полнаго подчиненія Сербіи.—Изъ вышеизложеннаго Камбонъ полагаетъ возможнымъ заключить, что Германское Правительство, хотя и очень горячо поддерживающее Австрію, небезусловно отстраняетъ мысль о возможности для него воздѣйствовать на Вѣну. Повліять въ этомъ смыслѣ на Берлинъ лучше всего, по мнѣнію Камбона, могла бы Италія.

(В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

9. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

12/25 Іюля 1914 г. № 123.

Прибывшій сегодня утромъ въ Мюнхенъ Венизелосъ по телефону поручилъ здѣшнему греческому Посланнику сегодня же довести до свѣдѣнія Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что если бы Болгарія рѣшилась воспользоваться Австро-Сербскимъ конфликтомъ, чтобы начать непріязненныя дѣйствія противъ Сербіи, то Греція въ огражденіе своихъ интересовъ вынуждена будетъ подобному вмѣшательству Болгаріи воспротивиться.

В Оранж. книге отсутствует). *Броневскій.*

10. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

12/25 Іюля 1914 г. № 124.

Прошу срочныхъ указаній. Получилъ № 1488. Объяснился въ указанномъ смыслѣ съ Яговымъ [1]).

Онъ сказалъ, что Англійское Правительство также просило его посовѣтовать въ Вѣнѣ продленіе срока ультиматума; онъ телеграфировалъ объ этомъ въ Вѣну, протелеграфируетъ и о нашемъ шагѣ, но опасается, что за отсутствіемъ Берхтольда, уѣхавшаго въ Ишль и за недостаткомъ времени его телеграммы не будутъ имѣть результатовъ, къ тому же онъ сомнѣвается удобно ли Австріи уступать (въ) послѣднюю минуту и не усилитъ ли это самоувѣренность Сербіи. Я возразилъ, что Великая Держава, какъ Австрія, можетъ уступить безъ ущерба престижу и привелъ всѣ соотвѣтствующіе доводы, но болѣе опредѣленныхъ обѣщаній не получилъ.

[Министръ Иностранныхъ Дѣлъ между прочимъ сказалъ, что завѣреніе, данное вчера Кудашеву, что Австрія не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, должно бы насъ успокоить; можетъ быть предстоящій отъѣздъ Гизля по истеченіи срока еще не означаетъ немедленнаго столкновенія, но что Австрія просила Германское Правительство, въ случаѣ дипломатическаго разрыва принять интересы австрійскихъ подданныхъ въ Сербіи, на что оно согласилось].

На отдаленные [2]) намеки, что слѣдовало бы воздѣйствовать въ Вѣнѣ во избѣжаніе возможныхъ грозныхъ послѣдствій, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ каждый разъ *уклончиво отвѣчалъ, что онъ объ этомъ не хотѣлъ бы и думать* [3]).

Броневскій.

№ 14, стр. 18 по Оранж. книге).

11. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ и Посланнику въ Бухарестѣ.

11 Іюля 1914 г. № 1488.

Сообщено въ Бѣлградъ и Константинополь [4]).

Срочно.

Обращеніе Австро-Венгріи къ Державамъ (только) черезъ полсутокъ по предъявленіи ею ультиматума въ Бѣлградѣ лишаетъ Державы возможности предпринять въ остающійся короткій срокъ что-либо полезное въ видахъ улаженія возникшихъ осложненій. Поэтому

---

[1]) В Оранж. книге: „Получилъ Вашу телеграмму отъ 11 Іюля, передалъ ея содержаніе Министру Иностранныхъ Дѣлъ".

[2]) В Оранж. книге: „Даже на намеки".

[3]) В Оранж. книге: „ Отвечалъ отрицательно".

[4]) В Оранж. книге эта телеграмма поделена на две: 1) Поверенному в делах в Австро-Венгрии (№ 4), 2) русским представителям в Германии, Италии, Франции и Англии (№ 5).

для предотвращенія неисчислимыхъ и для всѣхъ одинаково нежелательныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести образъ дѣйствій Австріи, мы считали бы необходимымъ, чтобы послѣдняя прежде всего продлила постановленный ею Сербіи для отвѣта срокъ. Выразивъ готовность предоставить Державамъ ознакомиться съ данными слѣдствія, на которыхъ она основываетъ свои обвиненія, Австрія должна бы дать Державамъ возможность составить себѣ сужденіе о дѣлѣ. Въ случаѣ, если бы Державы при этомъ убѣдились въ справедливости нѣкоторыхъ изъ австрійскихъ требованій, онѣ могли бы преподать Сербіи соотвѣтствующіе совѣты. Отказъ Австріи отъ предлагаемой нами постановки дѣла лишилъ бы сдѣланное ею сегодня намъ заявленіе смысла и явно противорѣчилъ бы международной этикѣ [1]).

Въ Вѣну:

Благоволите высказаться въ этомъ смыслѣ передъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

Остальнымъ:

Поручая Кудашеву высказаться въ этомъ смыслѣ, мы надѣемся, что Правительство, при коемъ Вы аккредитованы, согласится съ нашимъ взглядомъ и срочно предпишетъ своему представителю въ Вѣнѣ со своей стороны предпринять подобные же шаги.

Сазоновъ.

(№№ 4 и 5, стр. 8. по Оранж. книге).

12. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

12/25 Іюля 1914 г. № 125.

Хотя большинство германскихъ органовъ печати и сегодня всецѣло одобряютъ поведеніе Австріи, но появились и иныя нотки. Такъ Рейнско-Вестфальская газета, представительница интересовъ крупныхъ промышленныхъ круговъ на Рейнѣ, во время Агадира громко призывавшая къ войнѣ, съ крайнимъ ожесточеніемъ нападаетъ на Австрію, дѣятельность (которой заключается) въ желаніи втянуть Германію въ войну, предпринятую съ завоевательными цѣлями. „Постъ", читаемая въ консервативныхъ прусскихъ кругахъ и офицерствѣ, вполнѣ раздѣляетъ вышеизложенныя опасенія. Франкфуртская газета спокойно обсуждаетъ положеніе и находитъ, что требованія Австріи клонятся къ политическому порабощенію Сербіи, съ которымъ Россія никакъ не примирится, почему Австрійское выступленіе чревато серьезными послѣдствіями теперь или впослѣдствіи.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует.)

13. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

12/25 Іюля 1914 г. № 126.

Въ виду тревожности положенія и принимая во вниманіе, что новый морской агентъ лишь вчера вступилъ въ должность, полагалъ

[1]) В Оранж. книге некоторая перестановка слов.

бы на короткое время задержать въ Берлинѣ капитана Беренса, если только нѣтъ препятствій со сторочы Морского Вѣдомства.

Броневскій.

Сообщено г. Морскому Министру.

(В Оранж. книге отсутствует).

14. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ
13/26 Іюля 1914 г. № 127.

[Вчера вечеромъ] послѣ полученія въ Берлинѣ извѣстія [о непринятіи Австрійскихъ требованій Сербіей и мобилизаціи Австрійскихъ войскъ] [1]) большая толпа народа, состоящая по словамъ газетъ отчасти изъ австрійскихъ элементовъ произвела рядъ шумныхъ манифестацій, сочувственныхъ Австріи. Поздно вечеромъ манифестанты нѣсколько разъ скоплялись передъ зданіемъ Императорскаго Посольства, издавая враждебные по адресу Россіи возгласы, причемъ полиція почти отсутствовала и [очевидно неподготовленная] не принимала никакихъ мѣръ. [Въ виду сего написалъ сегодня Статсъ-Секретарю по Иностраннымъ Дѣламъ, обращая вниманіе на случаи (. .) и прося его меня увѣдомить какія мѣры будутъ приняты впредь полиціей для полнаго огражденія Посольства отъ подобныхъ случаевъ.

Только что посѣтившій меня Директоръ Политическаго Отдѣла Министерства Иностранныхъ Дѣлъ принесъ отъ имени Германскаго Правительства оффиціальное извиненіе за происшедшее и завѣрилъ меня, что всѣ мѣры приняты, дабы подобные случаи не повторялись].

(№ 30, стр. 27 по Оранж. книге). *Броневскій.*

15. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Штутгартѣ
13/26 Іюля 1914 г. № 6.

Ссылаюсь на письмо 2-го Департамента № 8681.

При передачѣ мною Королю Вюртембергскому Романовской медали, Его Величеству угодно было высказать слѣдующее: „Я искренне и сердечно признателенъ Его Величеству Государю Императору за Всемилостивѣйшій знакъ вниманія, котораго Я удостоенъ. Я буду лично телеграфировать Его Императорскому Величеству, а Васъ прошу въ свою очередь передать по телеграфу, какъ глубоко я былъ тронутъ памятью Его Величества обо Мнѣ". По отношенію къ нынѣшнимъ событіямъ Король замѣтилъ: „*Насъ Сербы совершенно не интересуютъ, мы желаемъ и надѣемся на локализацію военныхъ дѣйствій* [2])".—Аудіенція продолжалась съ двадцать минутъ. Настроеніе въ городѣ сильно приподнятое.—Были легкія враждебныя демонстраціи передъ Императорской Миссіей.

(В Оранж. книге отсутствует). *Дмитровъ.*

[1]) В Оранж. книге: „о мобилизаціи сербскихъ войскъ"; на подлинникѣ: „сербскихъ" исправлено на: „австрійскихъ".

[2]) Фраза подчеркнутая въ подлинникѣ.

16. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

13/26 Іюля 1914 г. № 128.

Императоръ Вильгельмъ, сокративъ на нѣсколько дней свое плаваніе въ Норвежскихъ водахъ, возвращается завтра днемъ въ Потсдамъ.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

17. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

13/26 Іюля 1914 г. № 129.

Въ сегодняшнихъ вечернихъ газетахъ появилось объявленіе австрійскаго консула въ Берлинѣ, согласно которому въ виду объявленной въ Австріи частичной мобилизаціи проживающіе въ Берлинѣ австрійцы предупреждаются, что часть ихъ будетъ призвана.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

18. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Вѣнѣ.

Сообщается въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ [1]).

13 Іюля 1914 г. № 1508.

Сегодня у меня былъ продолжительный разговоръ въ очень дружелюбномъ тонѣ съ Австро-Венгерскимъ посломъ [2]).

Разсмотрѣвъ съ нимъ предъявленныя Сербіи десять требованій, я указалъ на то, что помимо [3]) неудачной формы, въ которую они облечены, нѣкоторыя изъ нихъ фактически совершенно не выполнимы, даже если Сербское Правительство и заявило о своемъ согласіи ихъ принять. Такъ напримѣръ пункты 1 и 2 не могутъ быть осуществлены безъ измѣненія Сербскихъ законовъ о печати и о союзахъ, на что едва ли возможно будетъ получить согласіе Скупщины; выполненіе же пунктовъ 4 и 5 неизбѣжно привело бы къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ и угрожало бы даже террористическими актами направленныхъ (?) противъ членовъ Королевскаго Дома и Пашича, что едва ли соотвѣтствуетъ цѣлямъ Австріи. Что касается другихъ пунктовъ, то мнѣ кажется, что съ извѣстными видоизмѣненіями въ подробностяхъ, было бы не трудно въ отношеніи ихъ найти почву для соглашенія, если обвиненія въ нихъ заключающіяся будутъ подтверждены достаточными доказательствами.

---

[1]) В Оранж. книге «и Италіи».

[2]) В Оранж. книге: «У меня былъ сегодня съ Австро-Венгерскимъ Посломъ продолжительный разговоръ въ дружескомъ тонѣ».

[3]) Въ Оранж. книге: „кромѣ".

Въ интересахъ сохраненія мира, который, по словамъ Сапари, одинаково дорогъ и для Австріи, какъ и для всѣхъ Державъ, было бы необходимо возможно скорѣе положить конецъ нынѣшнему натянутому положенію. Съ этой цѣлью мнѣ казалось бы очень желательнымъ, чтобы Австро-Венгерскій Посолъ былъ уполномоченъ войти со мною въ частный обмѣнъ мыслей для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей Австрійской ноты 10 Іюля. Такимъ путемъ быть можетъ удалось бы найти формулу, которая, будучи пріемлемой для Сербіи, дала вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе требованіямъ Австріи по существу.

Благоволите переговорить въ этомъ смыслѣ въ осторожной и дружественной формѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и о послѣдующемъ увѣдомить [1]).

Сазоновъ.

(№ 25 стр. 24 по Оранжевой книге).

19. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

13 Іюля 1914 г. № 1509.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1508.

Благоволите довѣрительно сообщить ея содержаніе Германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, выразивъ ему надежду, что онъ найдетъ возможнымъ, съ своей стороны, посовѣтовать въ Вѣнѣ принять настоящее наше предложеніе [2]).

Сазоновъ.

(№ 26 стр. 25 по Оранжевой книге).

20. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

14/27 Іюля 1914 г. № 13. . .

Ссылаюсь на № 123.

Греческій Посланникъ только что вернувшійся изъ Мюнхена по свиданіи съ Венезилосомъ сообщилъ мнѣ, что когда онъ въ субботу сдѣлалъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ предписанное сообщеніе о невозможности (для) Греціи оставаться равнодушной въ случаѣ нападенія Болгаріи на Сербію, то Министръ Иностранныхъ Дѣлъ пытался все время доказать, что подобная постановка вопроса неправильна и что онъ не видитъ чѣмъ собственно агрессивныя дѣйствія Болгаріи противъ Сербіи нарушатъ греческіе интересы.—Греческій Посланникъ указалъ на то, что, усилившись за счетъ новой Сербіи, Болгарія впослѣдствіи обрушилась бы и на Грецію, которая къ тому же потеряла бы поддержку Сербіи.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ остался при своемъ мнѣніи, и сообщеніе Греческаго Правительства ему видимо было непріятно. Изъ

---

[1]) В Оранж. книге некоторая перестановка слов.

[2]) В Оранж. книге телеграмма читается: «Сообщивъ содержаніе моей телеграммы въ Вѣну отъ сего числа Германскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ, благоволите выразить ему надежду, что онъ найдетъ возможнымъ съ своей стороны посовѣтовать въ Вѣнѣ пойти навстрѣчу нашимъ предложеніямъ».

вышеизложеннаго можно заключить, что Австрія учитывала нападеніе на Сербію Болгаріи, съ которой, какъ думаетъ Греческій Посланникъ, была въ соглашеніи на этотъ предметъ, несмотря на всѣ завѣренія Радославова.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

21. Секретная телеграмма Повѣренаго въ Дѣлахъ въ Штутгартѣ

14/27 Іюля 1914 г. № 7.

Сегодня утромъ Вюртембергскія газеты выпустили особымъ прибавленіемъ воззваніе къ народу, имѣющее цѣлью успокоить паническій отливъ денегъ изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ объяснилъ мнѣ, что паника мелкихъ вкладчиковъ неосновательна и, благодаря принятію зависящихъ мѣръ, будто бы—стихаетъ. Одновременно съ симъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ выразилъ сожалѣніе объ имѣвшей мѣсто вчера вечеромъ враждебной демонстраціи передъ Императорской Миссіей и старался завѣрить, что таковая не повторится. Миссія охраняется усиленнымъ нарядомъ полиціи.

Дмитровъ

(В Оранж. книге отсутствует).

22. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

14/27 Іюля 1914 г. № 132.

Въ противовѣсъ субботнимъ и воскреснымъ уличнымъ манифестаціямъ студентовъ и молодежи соціалисты намѣрены устроить завтра большую манифестацію противъ войны.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

23. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

14/27 Іюля 1914 г. № 133.

[Ваши телеграммы №№ 1508 и 1509 получены].

Переговорилъ въ указанномъ смыслѣ съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, прося его поддержать въ Вѣнѣ Ваше предложеніе[1]), чтобы Сапари былъ уполномоченъ, *частнымъ обмѣномъ*[2]) мнѣній съ Вами, *подъискать*[3]) пріемлемую для обѣихъ сторонъ редакцію австро-венгерскихъ требованій.—Яговъ отвѣтилъ, что освѣдомленъ объ этомъ

---

[1]) В Оранж. книге: «Я просилъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ поддержать въ Вѣнѣ Ваше предложеніе».

[2]) Въ Оранж. книге: «Путемъ частнаго обмѣна мнѣній».

[3]) « « «Выработать»; в подлиннике: «подписать» заменено словом «подъискать».

и держится[1]) мнѣнія, выраженнаго Пурталесомъ, что разъ Сапари пошелъ на этотъ разговоръ, то онъ могъ бы его и продолжить. Въ этомъ смыслѣ онъ телеграфируетъ *Чиршскому*[2]). На мою просьбу болѣе настоятельно посовѣтовать отъ себя Вѣнѣ идти въ этомъ примирительномъ направленіи, онъ *отвѣтилъ*[3]), что не можетъ совѣтовать Австріи уступить, [но что самая передача въ Вѣну телеграммы Пурталеса означаетъ, что онъ скорѣе рекомендуетъ подобный выходъ изъ положенія].

Броневскій.

(№ 38. стр. 31, по Оранж. книге).

24. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ
14/27 Іюля 1914 г. № 134.

Довѣрительно. Камбонъ былъ вчера у Министра Иностранныхъ Дѣлъ по разнымъ текущимъ дѣламъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на Австро-Сербскій конфликтъ. На замѣчаніе Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что если Россія начнетъ мобилизацію, то немедленно приступитъ къ оной и Германія, и что тогда столкновеніе неизбѣжно, Камбонъ указалъ, что должна бы быть сдѣлана разница, гдѣ и слѣдовательно противъ кого Россія можетъ въ будущемъ приступить къ мобилизаціи. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ послѣ нѣкотораго колебанія какъ бы согласился съ такой постановкой вопроса, говоривъ, что онъ имѣлъ въ виду нашу мобилизацію на Германской границѣ. Позже онъ резюмировалъ: „Мы мобилизуемъ тогда, когда Россія или мобилизуетъ на нашей границѣ или же если русскія войска вступятъ на австрійскую территорію". Стороной узналъ, что онъ выразился (въ) томъ же смыслѣ (въ разговорѣ) съ вернувшимся вчера Англійскимъ Посломъ.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

25. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ
14/27 Іюля 1914 г. № 135.

До меня сегодня у Министра Иностранныхъ Дѣлъ былъ Французскій Посолъ, дабы[4]) склонить его къ принятію Англійскаго предложенія о томъ, чтобы Англія, Германія, Италія и Франція воздѣйствовали въ цѣляхъ мира одновременно въ Петербургѣ и Вѣнѣ. Камбонъ предлагалъ, чтобы эти Державы преподали въ Вѣнѣ совѣтъ въ слѣдующей формѣ: „Воздержаться отъ всякаго акта, который ухудшилъ бы существующее въ настоящій моментъ положеніе вещей". Этой

---

1) В Оранж. книге: «и что онъ придерживается».
2) « « «германскому послу въ Берлинѣ»
3) « « «возразилъ».
4) « « «Сегодня до моего посѣщенія Министра Иностр. Дѣлъ у него былъ Французскій Посолъ, пытавшійся».

замаскированной формулой избѣжали бы упоминанія о необходимости воздержаться отъ вторженія въ Сербію.—Яговъ отнесся къ предложенію *несочувственно* [1]), несмотря на настоянія Посла, указавшаго какъ на хорошую сторону предложенія на смѣшанную группировку Державъ, чѣмъ избѣгается противопостановленіе Союза и Согласія, на что такъ часто жаловался самъ Яговъ. [Отказъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ снова настроилъ Камбона пессимистически. Могъ бы раздѣлить это настроеніе, только если допустить, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ былъ неискренень въ послѣдующемъ разговорѣ со мной, переданномъ телеграммой № 133].

Броневскій.

(№ 39. стр. 31 по Оранжевой книге).

26. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ

Сообщается въ Берлинъ, Вѣну и Римъ.

14 Іюля 1914 г. № 1521.

[Ссылаюсь на мою телеграмму № 1508 и на телеграмму Севастопуло № 187].

Англійскій Посолъ по порученію своего Правительства [2]) *спросилъ* [3]), согласны ли *мы* [4]), чтобы Англія взяла иниціативу созванія въ Лондонѣ конференціи изъ Представителей Франціи, Германіи и Италіи, чтобы вчетверомъ обсудить возможные выходы изъ положенія.

Я отвѣтилъ Послу, что мои непосредственные переговоры съ Австрійскимъ Посломъ [5]) начались [благопріятно], но что *я еще не имѣю* [6]) отвѣта на сдѣланное мною предложеніе совмѣстнаго пересмотра ноты. Если бы непосредственныя наши объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ не наладились, *я* [7]) готовъ принять Англійское предложеніе, это или всякое другое, способное мирно разрѣшить конфликтъ.

[Для Лондона и Парижа:

Я хотѣлъ бы однако заранѣе устранить недорозумѣніе, вкравшееся въ отвѣтѣ Французскаго Министра Юстиціи Германскому Послу. Если идетъ рѣчь о какомъ-либо умѣряющемъ воздѣйствіи въ Петербургѣ, мы его заранѣе устраняемъ, ибо мы заняли съ самаго начала положеніе, въ коемъ мы ничего измѣнять не можемъ ибо мы уже идемъ навстрѣчу всѣмъ пріемлемымъ требованіямъ Австріи].—

Сазоновъ.

(В Оранжевой книге № 32, стр. 28).

---

1) В Оранж. книге: «рѣзко отрицательно».
2) В Оранж. книге перестановка словъ.
3) « « «запросилъ».
4) « « «Россія».
5) « « «хотя и».
6) « « «нами еще не полученъ».
7) « « «Русское Правительство»; в этой фразе перестановка слов.

27. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ, Лондонѣ Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и Константинополѣ.

14 Іюля 1914 г. № 1524.

[Ссылаюсь на мою телеграмму № 1521].

Только что ознакомились съ отвѣтомъ, врученнымъ Пашичемъ Барону Гизлю. Отвѣтъ[1]) превышаетъ всѣ наши ожиданія своей умѣренностью и готовностью дать самое полное удовлетвореніе Австріи.

Мы недоумѣваемъ, въ чемъ можетъ заключаться еще требованіе Австріи, если только она не ищетъ предлога для *экспедиціи*[2]) противъ Сербіи.

Сазоновъ.

(№ 33 стр. 28 по Оранж. книге).

28. Секретная телеграма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

15/28 Іюля 1914 г. № 136.

Бюро Вольфа[3]) не напечатало сообщенный ему текстъ сербской отвѣтной ноты и пока таковой полностью не появился ни въ одной изъ здѣшнихъ[4]) газетъ, повидимому не желающихъ давать ему мѣсто на своихъ столбцахъ въ сознаніи того отрезвляющаго впечатлѣнія, которое онъ бы произвелъ въ германскихъ читающихъ кругахъ.

Броневскій.

(№ 46, стр. 35 по Оранж. книге).

29. Секретная телеграмма Посланника въ Гамбургѣ

15/28 Іюля 1914 г.

Нашъ офицеръ при верфи въ Килѣ сообщаетъ черезъ Миссію Морскому Агенту въ Берлинѣ, что часть дѣйствующаго флота прошла ночью въ Данцигъ въ боевой готовности.

Демерикъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

30. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

15/28 Іюля 1914 г. № 137.

Прошу срочныхъ распоряженій.

Эти дни изъ Германіи будутъ отправлены въ Сербію чрезъ Россію и Румынію всѣ сербскіе подданные, призываемые въ войска; они направляются чрезъ Калишъ или Александрово на Варшаву. Не признаетъ ли Министерство возможнымъ спѣшно предупредить о томъ секретными телеграммами (наши власти, главнымъ образомъ пограничныя, дабы призываемымъ не чинили затрудненій, а оказали возможное содѣйствіе къ дальнѣйшему слѣдованію (на) родину.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

---

[1]) В Оранж. книге: „Ознакомился съ отвѣтомъ, переданнымъ Сербскимъ Правительствомъ Барону Гизлю. Онъ"....

[2]) В Оранж. книге: „войны"; в этой фразе перестановка слов.

[3]) В Оранж. книге: „Здѣшнее".

[4]) В Оранж. книге: „мѣстныхъ"

31. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ
16/29 Іюля 1914 г. № 138.

Статсъ-Секретарь сказалъ, что получилъ сегодня телеграмму Пурталеса, изъ которой онъ констатируетъ, что Вы болѣе нежели первые дни склонны найти пріемлемый для всѣхъ компромиссъ. Я сказалъ, что Вы вѣроятно съ самаго начала были склонны къ компромиссу при условіи, конечно, чтобы онъ былъ пріемлемъ не только для Австріи, но и для насъ. На вопросъ, получилъ ли онъ изъ Вѣны отвѣтъ по поводу Вашего предложенія частныхъ разговоровъ въ Петербургѣ, онъ отвѣтилъ отрицательно. По его словамъ ему крайне трудно вліять на Вѣну, тѣмъ болѣе открыто. Камбону онъ даже прибавилъ, что въ случаѣ слишкомъ явнаго давленія Австрія поспѣшитъ поставить Германію предъ совершившимся фактомъ[1]). Онъ[2]) сказалъ мнѣ, что мы будто бы начали мобилизовать на австрійской границѣ, и онъ опасается, что это затруднитъ для Австріи возможность съ нами сговориться, тѣмъ болѣе, что Австрія мобилизуетъ лишь [8 изъ корпусовъ] противъ Сербіи и не дѣлаетъ приготовленій на нашей границѣ. Я отвѣтилъ, что, по дошедшимъ до меня [частнымъ] свѣдѣніямъ, Австрія *подготовляется*[3]) и около нашей границы, а потому, *если что дѣлается у*[4]) *насъ, то въ отвѣтъ*[4]). — [Общее настроеніе сегодня болѣе пессимистическое. Полагаю, что если Статсъ-Секретарь отнесся сочувственно къ Вашему предложенію, то скорѣе, чтобы предпочтя его, отклонить англійское и выиграть время или для какихъ-либо австрійскихъ приготовленій, или въ расчетѣ, что наконецъ спадетъ первый пылъ, вызванный у насъ обращеніемъ Австріи съ Сербіей[5]].

(№ 51, стр. 38 по Оранж. книге). *Броневскій.*

32. Секретная телеграмма Повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ
15/28 Іюля 1914 г. № 139.

Въ частномъ разговорѣ съ Яговымъ Французскій Посолъ, говоря о способахъ сдѣлать пріемлемыми для Сербіи самыя тягостныя австрійскія предложенія, отъ себя указалъ, что вопросъ о контролѣ австрійскихъ чиновниковъ надъ исполненіемъ извѣстныхъ требованій

---

[1]) В Оранжевой книге телеграмма начинается словами: „На мой вопросъ получилъ ли онъ изъ Вѣны отвѣтъ по поводу Вашего предложенія частныхъ переговоровъ въ Петербургѣ Статсъ-Секретарь отвѣтилъ отрицательно. По его словамъ... фактомъ". Дальше слѣдуетъ абзацъ: „Статсъ-Секретарь сказалъ, что... но и для насъ".

[2]) Въ Оранжевой книге: „Далѣе онъ...".

[3]) Въ Оранжевой книге: „мобилизуетъ".

[4]) Въ Оранжевой книге: „у насъ должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры".

[5]) Въ Оранжевой книге: „я при этомъ добавилъ, что принятыя, быть можетъ, и нами военныя мѣропріятія отнюдь не направлены противъ Германіи".

могъ бы быть измѣненъ въ смыслѣ временнаго созданія для этой цѣли международной контрольной комиссіи, вродѣ существующей въ Греціи, что несомнѣнно сдѣлало-бы эту мѣру пріемлемой для Сербіи. Австрія-же не могла-бы возражать противъ подобнаго исхода указаніемъ на его недостаточность.

Броневскій.

(В Оранж. книге отсутствует).

33. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ
16/29 Іюля 1914 г. № 140.

Копія въ Вѣну.

Получилъ № 1539.

Въ дружеской бесѣдѣ нашей Министръ старался меня убѣдить, что основою нашего компромисса съ Австріею могло бы послужить даваемое послѣднею завѣреніе, что она не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, а желаетъ лишь проучить Сербію за ея непозволительный провокаціонный образъ дѣйствій. Разговоръ этотъ перешелъ затѣмъ на слухъ о частичной нашей мобилизаціи, о которой Министръ Иностранныхъ Дѣлъ впервые будто бы освѣдомился сегодня принесеннымъ ему при мнѣ краткимъ сообщеніемъ. Узнавъ отъ меня, что мы дѣйствительно принуждены мобилизировать указанные въ Вашей телеграммѣ четыре военныхъ округа, при чемъ я подчеркнулъ, что мѣра эта никоимъ образомъ не направлена противъ Германіи, Яговъ въ сильномъ волненіи отвѣтилъ мнѣ, что неожиданное извѣстіе это вполнѣ мѣняетъ положеніе и что теперь лично онъ не видитъ уже возможности избѣжать европейской войны. „Разъ вы мобилизуете противъ Австріи и... мѣры противъ насъ" — въ чемъ я старался его разубѣдить — „мы принуждены объявить мобилизацію противъ Россіи, затѣмъ послѣдуетъ таковая противъ Франціи, и когда всѣ великія Державы будутъ подъ ружьемъ, то война ему кажется неминуемой". Здѣсь я ему замѣтилъ, что Французскому Послу онъ сказалъ, что наша мобилизація на австрійской границѣ еще не вызоветъ мобилизаціи Германіи, что онъ не могъ отрицать, прибавивъ, однако что всѣ же принимаемыя нами на (германской) границѣ мѣры заставляютъ и Германію подумать о своей защитѣ. На вопросъ его, отозвался ли Шебеко, я отвѣтилъ отрицательно. Къ концу бесѣды онъ прочель мнѣ принесенную ему телеграмму Пурталеса съ изложеніемъ Вашего съ нимъ разговора по поводу нашей частичной мобилизаціи; все вышеизложенное здѣсь, повторилъ мнѣ Яговъ, является пока его личнымъ мнѣніемъ, окончательный же отвѣтъ онъ дастъ мнѣ по немедленномъ совѣщаніи съ Канцлеромъ. — На сегодняшній вечеръ созывается Совѣтъ Министровъ.

Свербеевъ.

В Оранж. книге отсутствует).

34. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Берлинѣ

Сообщается въ Вѣну, Парижъ, Лондонъ и Римъ. 15 Іюля 1914 г. № 1539.

Вслѣдствіе объявленія Австріею войны Сербіи нами завтра будетъ объявлена мобилизація въ Одесскомъ, Кіевскомъ, Московскомъ и Казанскомъ Округахъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Германскаго Правительства, подтвердите объ отсутствіи у Россіи какихъ-либо наступательныхъ намѣреній противъ Германіи. Нашъ Посолъ въ Вѣнѣ пока не отзывается съ своего поста.

Сазоновъ.

(В Оранж. книге отсутствует)

35. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ.

15 Іюля 1914 г. № 1540.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1539.

Сообщите содержаніе этой телеграммы Правительству, при коемъ Вы аккредитованы.

Сазоновъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

36. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Повѣренному въ Дѣлахъ въ Берлинѣ.

Сообщается въ Лондонъ, Парижъ, Нишъ и для личнаго свѣдѣнія въ Вѣну, Римъ, Букарестъ и Константинополь. 16 Іюля 1914 г. № 1544.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1521.

Германскій Посолъ передалъ мнѣ отъ имени Канцлера [1]), что Германія не переставала и не перестаетъ оказывать умѣряющее воздѣйствіе въ Вѣнѣ и будетъ продолжать таковое, несмотря на фактъ объявленія войны. [До нынѣшняго утра нѣтъ извѣстій о переходѣ Австрійскихъ войскъ на территорію Сербіи].

Я просилъ Посла передать Канцлеру выраженіе искренней признательности за дружескій характеръ его заявленія. Сообщивъ ему о принятыхъ нами [2]) военныхъ мѣрахъ и о томъ, что они отнюдь не направлены противъ Германіи, я сказалъ, что они не предрѣшаютъ и наступательныхъ дѣйствій противъ Австріи. Мѣры принятыя нами объясняются мобилизаціей [большей части] Австрійской арміи.

---

[1]) В Оранж. книге перестановка словъ.

[2]) „ „ „нѣкоторыхъ".

На предложеніе Посла продолжать непосредственныя объясненія съ Вѣнскимъ Кабинетомъ, я отвѣтилъ изъявленіемъ готовности на это, если совѣты Германіи будутъ услышаны въ Вѣнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указалъ на готовность Россіи прибѣгнуть къ четверной конференціи, мысль о коей не встрѣчаетъ какъ будто сочувствія Германіи.

Наилучшимъ способомъ использовать всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію кризиса намъ представляется параллельные переговоры четверной конференціи Англіи, Франціи, Италіи и Германіи и одновременно *нашъ непосредственный контактъ* [1]) съ Вѣнскимъ Кабинетомъ какъ это было въ наиболѣе острые моменты прошлогодняго кризиса.

Мы полагаемъ, что послѣ уступокъ, сдѣланныхъ Сербіей, найти компромиссъ по остающимся пунктамъ разногласій не представлялось бы труднымъ, если бы Австрія проявила добрую волю и *Державы* [2]) направили бы усилія въ томъ же примирительномъ смыслѣ [3]).

Сазоновъ.

(№ 49, стр. 37 по Оранж. книге).

37. Секретная телеграма Посла въ Берлинѣ

17/30 Іюля 1914 г. № 141.

Копія въ Вѣну и Букарестъ.

По словамъ моихъ Французскаго и Англійскаго коллегъ здѣшній Румынскій Посланникъ за послѣднее время рѣзко повернулъ въ сторону Австріи. Произошла ли эта перемѣна по предписанію изъ Букареста или по личному почину Посланника, никому очевидно неизвѣстно.

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

38. Секретная телеграма Посла въ Берлинѣ

17/30 Іюля 1914 г. № 142.

[Прошу срочныхъ распоряженій. Весьма срочно].

Узнаю [отъ представителя нашего агентства], что сейчасъ отданъ приказъ о мобилизаціи германскихъ армій и флота.—[Отвѣта отъ Статсъ-Секретаря на вчерашнее мое заявленіе о нашей частичной мобилизаціи еще не получалъ].

Копія въ Вѣну.—

Свербеевъ.

(№ 61, стр. 45 по Оранж. книге).

---

[1]) В Оранж. книге: „наше непосредственное сношеніе".
[2]) „ „ „Германія".
[3]) „ „ „Прошу Васъ содержаніе этой телеграммы довести до свѣдѣнія Правительства, при коемъ Вы аккредитованы".

Télégramme de l'Ambassadeur à Berlin.
le 17/30 Juillet 1914.

Prière considérer télégramme № 142 comme non avenu. Explication suit.
Swerbéyew.

(В Оранж. книге отсутствует).

ПЕРЕВОД.

39. Телеграмма Посла въ Берлинѣ

17/30 іюля 1914 г.

Прошу телеграмму № 142 оставить без последствий. Об'яснение следует.

Свербеев.

40. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

17/30 іюля 1914 г. № 143.

[Весьма срочно.

Прошу срочныхъ указаній].

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сейчасъ *телефонировалъ* [1]), что пущенное только что извѣстіе о мобилизаціи германскихъ арміи и флота невѣрно, что листки газетъ были напечатаны заранѣе въ предвидѣніи . . . . . [2]) возможностей, пущены въ продажу въ часъ дня и теперь конфискованы. [По слухамъ мобилизація рѣшена, но еще не подписана въ ожиданіи отвѣта на запросъ, который будто бы посланъ въ Петербургъ].

Свербеевъ.

(№ 62, стр. 46 по Оранж. книге).

41. Секретная телеграмма Послу въ Берлинѣ

Сообщается въ Парижъ, Лондонъ и Вѣну [3]).

С.-Петербургъ, 17/30 Іюля 1914 г. № 1554.

[№ 1.

Весьма срочно.

Прошу срочныхъ распоряженій].

---

[1]) В Оранж. книге: „телеграфировалъ".
[2]) В Оранж. книге: „всякихъ".
[3]) В Оранж. книге телеграмма адресована: „посламъ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Англіи и Италіи".

Только что посѣтившій меня Германскій Посолъ спросилъ [1]), не можемъ ли мы удовлетвориться обѣщаніемъ *Австріи* [2]) не нарушать цѣлостности Сербскаго Королевства.

[Я отвѣтилъ, что этого заявленія недостаточно].

[На убѣдительную просьбу Посла], —указать [3]) на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, я продиктовалъ ему для срочной передачи въ Берлинъ заявленіе, заключающееся въ телеграммѣ за № 2 [4]).

Благоволите спѣшно телеграфировать, какъ отнесется Германское Правительство къ этому новому доказательству нашей готовности сдѣлать возможное для миролюбиваго разрѣшенія вопроса, такъ какъ мы не можемъ допустить, чтобы подобные переговоры могли бы служить для выигрыша времени въ пользу Австріи и Германіи [5]).

Сазоновъ.

(№ 60 стр. 45 по Оранж. книге).

42. Télégramme secret à l'Ambassadeur à Berlin.

Communique à Paris, Londres et Vienne.

St. Pétersbourg, le 17/30 Juillet 1914. № 1554.

№ 2.

Très urgent. Prière réponse d'urgence.

[En chiffres].

„Si l' Autriche, reconnaissant que la question Austro-Serbe a assumé le caractère d'une question européenne, se déclare prête à éliminer de son ultimatum les points qui portent atteinte aux droits souverains de la Serbie, la Russie s'engage à cesser ses préparatifs militaires".

Sazonow.

(В Оранжевой книге № 60, стр. 45 приводится следующий русский текст):

„Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія".

---

[1]) В Оранж. книге перестановка слов.

[2]) В Оранж. книге: „которое могла бы дать Австрія".

[3]) В Оранж. книге: „и указать".

[4]) „ „ „нижеследующее заявленіе"; и приводится текст телеграммы № 1554/2.

[5]) „ „ „для военныхъ приготовленій Австріи и Германіи".

43. Télégramme secret du Ministre à Stuttgart

Le 17/30 Juillet 1914 г. № 9.

Réservistes sont appelés pour après demain Samedi.

Lermontow.

(В Оранж. книге отсутствует).

ПЕРЕВОД.

Секретная телеграмма Посланника въ Штутгартѣ

17/30 Іюля 1914 г. № 9.

Призыв резервистов объявлен на послезавтра, субботу.

Лермонтов.

44. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ

17/30 Іюня 1914 г. № 1555.

Срочная.

Cito. Très urgent.

Ссылаюсь на мои телеграммы № 1 и № 2.

Весьма довѣрительно.

До полученія черезъ Германское Правительство вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта Австріи мы будемъ продолжать наши вооруженія.

Сазоновъ.

В Оранж. книге отсутствует).

45. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

17/30 Іюля 1914 г. № 144.

Путешественникъ, ѣхавшій съ запада, видѣлъ въ среду вечеромъ въ Майнцѣ и Франкфуртѣ поѣздъ резервистовъ. То же наблюдалъ эту ночь на станціяхъ отъ Франкфурта до Берлина и поѣздъ съ орудіями у Бранденбурга. Въ среду вечеромъ видѣлъ поѣздъ изъ Бремена въ Киль съ резервистами.

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

46. Télégramme secret de l'Ambaussader à Berlin.

Le 17/30 Juillet 1914, N 146.

Urgent.—Prie instructions d'urgence. Copie Vienne.

N'ayant pas reçu jusqu'à ce moment le télégramme N. 2. avec Votre proposition, me suis décidé à voir le Ministre des Affaires Etrangères pour lui demander son impression là dessus d'après communication Pourtalès. Ambassadeur d'Allemagne résume ainsi Votre proposition: „Autriche reconnait que son conflit avec la Serbie a le caractère d'une question d'intérêt européen et elle se déclare prête à écarter de son ultimatum les points qui portent atteinte aux droits souverains de Serbie. Dans ce cas la Russie s'engage à arrêter ses préparatifs militaires". Le Ministre des Affaires Etrangères trouve proposition pour Autriche inacceptable étant donné que ce serait humiliation pour elle qui ne pouvait plus résulter; il a ajouté que depuis la nouvelle de notre mobilisation contre Autriche la situation avait empiré pourparlers deviennent (plus en plus) difficiles. Quand même Ministre des Affaires Etrangères a ajouté que Sapari était chargé continuer conversations avec Votre Excellence et que de plus il y avait nouvelles propositions Grey probablement déjà parvenues à Saint-Pétersbourg. Observez qu' après bombardement Belgrade qui selon Serbie aurait été très... Autriche pourrait à mon avis manifester plus de conciliation.

Swerbeyew.

(В Оранж. книге отсутствует).

В Оранжевой книге вместо этой телеграммы приведена следующая, не имеющаяся среди подлинников Секретного Архива (№ 163, стр. 46).

Берлинъ, 17 іюля 1914 г.

Получилъ Вашу телеграмму 16 іюля и передалъ текстъ Вашего предложенія Министру Иностранныхъ Дѣлъ, у котораго я только что былъ, онъ сказалъ мнѣ, что получилъ тождественную телеграмму отъ Германскаго Посла въ С.-Петербургѣ и затѣмъ заявилъ мнѣ, что находитъ наше предложеніе непріемлемымъ для Австріи.

Свербеевъ.

ПЕРЕВОД.

46. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

17/30 іюля 1914 г. № 146.

Срочно. Прошу срочных распоряжений. Копия в Вену.

Не получив до настоящей минуты телеграммы за № 2 с Вашим предложением, решился обратиться к Министру Иностранных Дел, чтобы узнать о впечатлении, произведенном на него Вашим предложением на основании сообщения Пурталеса. Германский Посол следующим образом резюмирует Ваше предложение: „Австрия признает, что конфликт ее с Сербией затрагивает общеевропейские интересы и выражает готовность исключить из своего ультиматума те пункты его, которые наносят ущерб суверенным правам Сербии. В этом случае Россия обязуется приостановить военные приготовления". Министр

Иностранных Дел считает предложение неприемлемым для Австрии, в виду того, что это явилось бы для нее унизительным и не привело бы к благоприятным результатам; он добавил, что в связи с получением известия о нашей мобилизации против Австрии положение ухудшилось и переговоры становятся все более и более затруднительны. Несмотря на это Министр Иностранных Дел прибавил, что Сапари поручено продолжать переговоры с Вашим Превосходительством, и что сверх того имеется новое предложение Грея, по всей вероятности уже известное в Петербурге. Следует заметить, что после обстрела Белграда, который по сербским сведениям был весьма..... Австрия могла бы на мой взгляд проявить больше сговорчивости.

Свербеев.

47. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Римѣ

18 Іюля 1914 г. № 1583.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1554.

№ 1.

Англійскій Посолъ передалъ мнѣ пожеланіе своего Правительства [1]) внести нѣкоторыя измѣненія въ предложенную мною вчера Германскому Послу формулу.

Я отвѣтилъ, что согласенъ на Англійское предложеніе и видоизмѣненная сообразно съ этимъ формула передается Вамъ за № 2 [2]).

Сазоновъ.

(В Оранж. книге № 67, стр. 48).

48. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ и Римѣ

18 Іюля 1914 г. № 1582.

№ 2.

Formule amendée conformément à la proposition Anglaise.

„Si l' Autriche consent a arrêter la marche de ses troupes sur le territoire serbe et si, reconnaissant que le conflit Austro—Serbe à assumé le caractère d'une question d'intérêt européen, elle admet que les Grandes Puissances examinent la satisfaction que la Serbie pourrait accorder au Gouvernement Austro-Hongrois sans laisser porter atteinte à ses droits d'Etat—Souverain et à son indépendance,—la Russie s'engage à conserver son attitude expectante".

Sazonoff.

(В Оранж. книге № 67, стр. 48).

---

[1]) Въ Оранж. книге: „По порученію своего Правительства англійскій посолъ передалъ мнѣ пожеланіе Лондонскаго Кабинета".

[2]) Въ Оранж. книге телеграммы № 1 и № 2 сведены в одну.

(В Оранжевой книге приводится следующий русский текст):

„Если Австрія согласится остановить движеніе своихъ войскъ на Сербской территоріи и если, признавая, что Австро-Сербскій конфликтъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, она допуститъ, чтобы Великія Державы разсмотрѣли вопросъ о томъ удовлетвореніи, которое Сербія могла бы дать Австро-Венгерскому Правительству безъ нанесенія ущерба своимъ правамъ суверенаго государства и своей независимости,—Россія принимаетъ на себя обязательство сохранять свое выжидательное положеніе".

49. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

18/31 Іюля 1914 г. № 147.

[*Срочная*.

Копія въ Вѣну.

Сейчасъ] Министръ Иностранныхъ Дѣлъ *повторилъ мнѣ, что переговоры, затрудненные уже мобилизаціей нашей противъ Австріи,* [1]) становятся еще болѣе затруднительными въ виду принимаемыхъ у насъ серьезныхъ военныхъ мѣръ противъ самой Германіи. Извѣстія объ этомъ получаются здѣсь будто бы со всѣхъ сторонъ и неминуемо должны будутъ вызывать соотвѣтствующія мѣры со стороны Германіи. На это я ему отвѣтилъ, *что всѣ соотечественники, пріѣзжающіе въ Берлинъ, свидѣтельствуютъ, что* [2]) и въ Германіи означенныя мѣры противъ насъ въ полномъ ходу [что вполнѣ отрицается Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, утверждающимъ] [3]), что здѣсь вызваны были лишь офицеры изъ отпусковъ и возвращены войска съ маневровъ. [Къ этому я прибавилъ, что если бы въ настоящую критическую минуту Германія и Австрія съ своей стороны не выкажутъ доброй воли къ улаженію кризиса, то общее столкновеніе окажется очевидно неминуемымъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ отвѣтилъ мнѣ, что Германія прилагаетъ будто бы всѣ усилія, чтобы склонить свою союзницу къ умѣренности и что теперь онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстія изъ Вѣны о томъ, какъ тамъ принято было новое предложеніе Грея. Я не могъ не замѣтить своему собесѣднику, что тотъ фактъ, что ни первое англійское, ни наши вчерашнія предложенія не нашли отклика въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, казалось бы, доказываетъ недостаточность умѣряющаго воздѣйствія Германіи въ Вѣнѣ. Вообще я нашелъ, что Яговъ настроенъ крайне мрачно. Два раза спросилъ онъ меня, вернулся ли Татищевъ, котораго пока еще здѣсь нѣтъ].

Свербеевъ.

(№ 68, стр. 49, по Оранж. книге).

---

[1]) В Оранж. книге: «Только что сказалъ мнѣ, что затрудненные уже мобилизаціей противъ Австріи, переговоры наши.»

[2]) В Оранж. книге: «Что по имѣющимся у меня достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ всѣми соотечественниками, пріѣзжающими въ Берлинъ.»

[3]) В Оранж. книге: «Несмотря на это Министръ Иностранныхъ Дѣлъ утверждаетъ».

50. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ

18/31 Іюля 1914 г. № 1592.

Cito.

Посѣтившій меня Австрійскій Посолъ сообщилъ о согласіи своего Правительства вступить въ обсужденіе по существу предъявленнаго Сербіи ультиматума.

Я выразилъ удовольствіе по сему поводу и обратилъ вниманіе Посла на предпочтительность веденія переговоровъ объ этомъ въ Лондонѣ при участіи Великихъ Державъ. Мы надѣемся, что Англійское Правительство приметъ на себя руководство этими совѣщаніями, чѣмъ заслужитъ благодарность всей Европы.

Для успѣшнаго налаженія такихъ переговоровъ весьма важно, чтобы Австрія пріостановила свои военныя дѣйствія на сербской территоріи [1]).

Сазоновъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

51. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

18/31 Іюля 1914 г. № 148.

Весьма срочная.

Статсъ-Секретарь, просившій меня зайти къ нему сейчасъ, сообщилъ мнѣ съ крайнимъ волненіемъ, что согласно полученнымъ отъ Пурталеса и Хеліуса телеграммамъ, у насъ объявлена общая мобилизація арміи и флота. Подобнаго рода мѣра, въ минуту усиленной дѣятельности посредниковъ, ему кажется ничѣмъ не вызванной по отношенію Германіи, на которую онъ принужденъ отвѣтить всеобщей немедленной мобилизаціей и сегодня же объявленіемъ, что Германія находится въ серьезной опасности, „Drohende Gefahr". По слухамъ Императоръ переѣзжаетъ сегодня въ Берлинъ. Я замѣтилъ Статсъ-Секретарю, что мнѣ ничего не извѣстно по поводу указаннаго извѣстія и что поэтому я пока затрудняюсь ему вѣрить.

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

52. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

18/31 Іюля 1914 г. № 14. (149 г).

Весьма срочная.

Ночью на улицахъ раздавались листки слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ общая мобилизація Русской арміи и флота помѣшала медіаціи предпринятой по желанію Царя, Правительство Германскаго

[1]) На отпуске этой телеграммы имеются две пометки: 1) «На подлинномъ Его Императорское Величество собственноручно начертать соизволилъ: „Одно не мѣшаетъ другому— продолжайте разговоры съ австрійскимъ посломъ» и 2) «Весьма важно сохранить секретъ» (вторая пометка сделана карандашом).

Императора увѣдомило С. Петербургъ, что нынѣ предстоитъ Германская мобилизація въ случаѣ, если Россія не прекратитъ черезъ 12 часовъ своихъ военныхъ мѣропріятій и не дастъ объ этомъ опредѣленныхъ объясненій. Одновременно обращенъ къ Французскому Правительству *) запросъ объ его образѣ дѣйствій въ случаѣ Германо-Русскаго столкновенія". До сихъ поръ мною не получено оффиціальнаго извѣщенія о /. . /ной нашей мобилизаціи.—

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

53. Секретная телеграмма Посланника въ Мюнхенѣ

18/31 Іюля 1914 г.

Сегодня объявлено по всей Баваріи военное положеніе. Въ случаѣ разрыва дипломатическихъ сношеній я намѣренъ перевести шифры и политическій архивъ въ нашу Миссію въ Бернъ. Здѣсь нѣтъ представителя нейтральной Державы, кромѣ Нунція. Англійскій Посланникъ отсутствуетъ. Въ виду чего, нельзя ли поручить Представителю Испаніи, Швейцаріи и Голландіи, Бельгіи или Швеціи, пребывающему въ Берлинѣ и аккредитованному здѣсь, защиту интересовъ русскихъ подданныхъ въ Баваріи. Не найдете ли возможность дать на этотъ предметъ указанія нашему Послу въ Берлинѣ?

Булацель

(В Оранж. книге отсутствует).

54. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

19 іюля/1 августа 1914 г. № 150.

Срочная. Получилъ вчерашнюю телеграмму.

Прошу снестись срочно съ Испанскимъ Правительствомъ испросивъ его согласіе на защиту его Представителями русскихъ интересовъ въ Германіи. Прошу о томъ же Испанскаго Посла, который ожидаетъ указаній и которому передамъ секретный архивъ. Испанскія штатныя Консульства имѣются лишь въ Гамбургѣ, Бременѣ и Франкфуртѣ. Миссіи и Консульства извѣщены сегодня телеграфно о взятіи вкладовъ.

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

55. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Сообщено въ Вѣну, Берлинъ и Римъ

19 Іюля 1914 г. № 1601.

Весьма срочно.

Въ полночь Германскій Посолъ заявилъ мнѣ по порученію своего Правительства, что если черезъ двѣнадцать часовъ, то-есть въ полдень въ Субботу, мы не приступимъ къ демобилизаціи не только про-

*) В подлинникѣ слово „Правительству" пропущено.

тивъ Германіи, но и противъ Австріи, Германское Правительство вынуждено будетъ отдать приказъ о мобилизаціи. На мой вопросъ, равносильно ли это войнѣ, Посолъ отвѣтилъ, что нѣтъ, но что мы къ ней чрезвычайно близки.

Сазоновъ.

(№ 70, стр. 50, по Оранж. книге).

56. Секретная телеграмма Посла въ Берлинѣ

19 іюля/1 августа 1914 г. № 151.

Срочная.

Общая мобилизація объявлена.

Свербеевъ.

(В Оранж. книге отсутствует).

57. Циркулярная телеграмма всѣмъ русскимъ дипломатическим представителямъ за границей (послано всего 30 телеграммъ въ разныя мѣста)

19 Іюля 1914 г.

Allemagne nous a declaré guerre, veuillez prévenir nos consulats.

Sazonow.

(В Оранж. книге отсутствует).

ПЕРЕВОД.

Германия нам об'явила войну. Благоволите уведомить наши консульства.

Сазоновъ.

58. Секретная телеграмма Министра Иностранныхъ Дѣлъ Послу въ Берлинѣ

19 Іюля 1914 г.

L'Allemagne nous ayant déclaré la guerre, veuillez rentrer Pétersbourg avec tout le personnel de l'Ambassade et ceux des sujets Russes qui voudront se joindre à vous. Avons demandé au Gouvernement Espagnol de charger son représentant en Allemagne de la sauvegarde de nos intérêts. Veuillez inviter également nos consuls à rentrer ici. Je télégraphie à nos légations ordres conformes. De notre côté sur la demande de Ambassadeur Allemagne avons offert au Comte Pourtalès et quatre vingt personnes qui l'accompagnent toutes facilités pour rentrer chez eux via Finlande Suède.

Sazonow.

(В Оранж. книге отсутствует).

ПЕРЕВОД.

В виду того, что Германия об'явила нам войну, благоволите со всем личным составом Посольства и теми из русских подданных, которые захотят присоединиться к Вам, возвратиться в Петербург. Об-

ратились с просьбой к Испанскому Правительству поручить своему представителю в Германии охрану ваших интересов. Благоволите предложить нашим консулам равным образом вернуться сюда. Я сообщаю в наши миссии соответственные инструкции. С нашей стороны, по просьбе Германского Посла, мы предоставили графу Пурталесу и 80 лицам его сопровождающим всевозможныя удобства для возвращения их в Германию через Финляндію и Швецію.

Сазоновъ.

II.

Записка А. Н. Броневскаго о послѣднихъ дняхъ управленія имъ посольствомъ въ Берлинѣ въ 1914 г.

Эта записка найдена в Архиве Бывш. Министерства Иностранных Дел. Она находилась в папке, носящей общее заглавие „Донесения наших представителей заграницей" 1914 г. Кризис.

Записка написана от руки. Некоторые слова и даже целые фразы зачеркнуты. Поправки имеют по боль шей части стилистический характер. Вообще рукопись имеет вид черновика, окончательно поправленного для сдачи в переписку набело. Тут же была найдена и копия, переписанная на машинке, но не доведенная до конца.

На первом листе наверху слева имеется надпись синим карандашем, сделанная рукой Базили: „Записка Броневского о последних днях управления им посольством в Берлине 1914 г.".

Вскорѣ послѣ убійства Эрцъ-Герцога Франца Фердинанда стало извѣстно о намѣреніи Австро-Венгерскаго Правительства, тотчасъ по окончаніи разслѣдованія по этому дѣлу, поставить Сербскому Правительству нѣкоторыя требованія касательно какъ наказанія ряда вдохновителей и соучастниковъ Сараевскаго преступленія, будто бы, пребывавшихъ въ предѣлахъ Королевства, такъ и вообще обузданія великосербской пропаганды.

Берлинская пресса, со времени убійства Эрцъ-Герцога не переставала въ очень сочувственныхъ Австріи статьяхъ безъ всякой сдержанности нападать на Сербію, перекладывая, по примѣру своихъ австрійскихъ собратій, отвѣтственность за дѣянія отдѣльныхъ лицъ и организацій, на всю страну. Довольно часто, при этомъ, появлялись недружелюбныя по отношенію къ Россіи замѣтки и статьи; между прочимъ полуоффиціозный „Local-Anzeiger" помѣстилъ, на разстояніи недѣли, двѣ направленныя противъ Россіи статьи (изъ которыхъ одну молва, кажется ошибочно, приписала перу Графа Чиршскаго), въ коихъ главнымъ образомъ указывалось на наши все возрастающія вооруженія, чѣмъ доказывалось несомнѣнное существованіе у насъ агрессивныхъ плановъ. На обѣ статьи „Local-Anzeiger'a", я не преминулъ обратить вниманіе Статсъ-Секретаря по Иностраннымъ Дѣламъ, который

сначала отозвался незнакомствомъ съ ними, но затѣмъ, по прочтеніи оставленныхъ ему мною вырѣзокъ, откровенно сказалъ: „Que voulez—Vous! je déplore ces articles, mais je ne peux rien faire“ [1]); послѣ чего по обыкновенію своему, сталъ ссылаться на враждебный Германіи тонъ „Новаго Времени“—газеты, которая, по его мнѣнію, никакъ не менѣе близка къ русскому Правительству, чѣмъ „Local-Anzeiger“ къ германскому.

Въ то же время раздавались, хотя и очень рѣдко, отдѣльные трезвые голоса; такъ, „Франкфуртская газета“ въ обстоятельной передовой статьѣ обрушивалась на австрійскую политику: характеризовался, какъ совершенно недопустимый, пріемъ Австріи, возвѣстившей всему міру о предстоящемъ предъявленіи ею Сербіи какихъ-то требованій и теперь заставляющей всю Европу въ тревогѣ и неизвѣстности относительно завтрашняго дня ждать этого шага; указывалось также, насколько подобные пріемы губительно отзываются на дѣловомъ и финансовомъ мірѣ и т. д.

Въ концѣ Іюня ст. стиля, по настояніямъ Австро-Венгерскаго Посольства въ Берлинѣ, а также вслѣдствіе доносовъ нѣкоторыхъ проживающихъ въ Берлинѣ австрійцевъ, полицейскія власти обратили вниманіе свое на сербовъ-студентовъ Берлинскаго Университета и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній; тѣ изъ студентовъ, которые состояли членами сербскаго общества „Единство“, имѣвшаго цѣлью объединить проживавшую въ Берлинѣ сербскую учащуюся молодежь, были подвергнуты допросу, довольно впрочемъ поверхностному, причемъ неизмѣнно ставился вопросъ: „Не одобряете ли Вы Сараевское убійство?“ У четырехъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ „Единства“ не преслѣдовавшаго вовсе политическихъ цѣлей—произведенъ былъ просмотръ найденныхъ у нихъ сербскихъ книгъ и переписки; характерно при этомъ, что, по словамъ Сербскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ, просмотръ этотъ занялъ много времени, ибо полицейскія власти съ недовѣріемъ относясь къ переводчикамъ—австрійскимъ подданнымъ, подъискивали для этой работы нѣмца, знакомаго со славянскими нарѣчіями. Вообще, у г. Іовановича сложилось впечатлѣніе, что Polizeipräsidium имѣлъ главнымъ образомъ въ виду дать формальное удовлетвореніе австрійскимъ настояніямъ.

Впервые отношеніе Германскаго Правительства къ предстоявшему обращенію Вѣнскаго Кабинета къ Сербіи опредѣленно выяснилось лишь съ появленіемъ въ „Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung“ отъ 7/20 Іюля сообщенія, въ которомъ германскій оффиціозъ признавалъ справедливость стремленій Австро-Венгерскаго Правительства внести ясность въ свои отношенія къ Сербіи и высказывалъ надежду на то, что, благодаря разумной уступчивости Сербіи, удастся избѣжать серьезнаго кризиса и что во всякомъ случаѣ предстоящія австро-сербскія пререканія (Auseinandersetzung) останутся локализованными.

На слѣдующій день, на дипломатическомъ пріемѣ у Статсъ-Секретаря по Иностраннымъ Дѣламъ, я сказалъ г. Ягову, что съ чув-

[1]) „Что Вы хотите! я сам осуждаю эти статьи, но не могу ничего поделать“.

ствомъ большого удовлетворенія прочелъ вчерашнее сообщеніе „Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung", такъ какъ занятая въ данномъ вопросѣ Германскимъ Правительствомъ позиція служитъ, казалось бы, лучшей гарантіею, что австрійскія требованія окажутся справедливыми и для Сербіи пріемлемыми.

Статсъ-Секретарь отвѣтилъ мнѣ, что я заблуждаюсь и что ему до сихъ поръ совершенно неизвѣстно въ чемъ именно будутъ заключаться требованія Австріи. Я выразилъ тогда свое крайнее удивленіе, что, въ такомъ случаѣ, Германское Правительство дало Австріи carte blanche, а это только можетъ побудить Вѣну стать не въ мѣру требовательной.

Г. Яговъ, въ поясненіе сказалъ, что для него очевидна невозможность для Австро-Венгріи долѣе терпѣть великосербскую пропаганду и вообще непомѣрно развившуюся послѣ успѣховъ 1912—1913 гг. мегаломанію Сербовъ; это является для Придунайской Монархіи жизненнымъ вопросомъ; опредѣлить—же, что для каждаго государства является жизненнымъ вопросомъ, должно быть предоставлено ему самому; вотъ причина, по которой онъ совершенно устранился отъ разсмотрѣнія въ чемъ собственно будутъ заключаться австрійскія требованія: если Австрія дѣйствительно обладаетъ всѣми доказательствами, что Сараевское преступленіе подготовлялось въ Бѣлградѣ, и что оттуда же вдохновлялась нарушавшая спокойствіе въ ея предѣлахъ панъ-сербская пропаганда, то Австрія одна въ правѣ опредѣлить, какія условія ей надлежитъ поставить безпокойному сосѣду для обезпеченія собственной безопасности.

Я могъ только повторить г. Ягову уже выраженное въ началѣ опасеніе, что подобная безусловная поддержка, обѣщанная имъ Австріи, побудитъ послѣднюю повысить свои притязанія, и добавилъ, что за послѣдніе годы именно Австрія особенно злоупотребляла понятіемъ „Lebensfrage"—„Lebensinteresse" [1]), ставя при этомъ каждый разъ всю Европу лицомъ къ лицу съ призракомъ войны.

Французскому Послу, также посѣтившему Статсъ-Секретаря 8/21 Іюля, послѣдній повторилъ то же, что было сказано мнѣ; онъ прибавилъ лишь довольно слабый аргументъ къ числу тѣхъ, которые побудили его не знакомиться съ содержаніемъ австрійскихъ требованій: это—нежеланіе, въ будущемъ, подвергаться упрекамъ въ слабости со стороны тѣхъ, кто сочтетъ Австрійскую ноту недостаточно энергичной и обратно,—въ чрезмѣрной требовательности со стороны представителей противнаго мнѣнія.

Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ съ однимъ лицомъ, не обладающимъ оффиціальнымъ положеніемъ, случайный разговоръ, о которомъ считаю нелишнимъ упомянуть. Это домашній докторъ Императорскаго Посольства, еще со временъ Графа Остенъ-Сакена нерѣдко сопровождавшій покойнаго Посла на заграничные курорты и иногда даже мѣсяцами жившій въ зданіи Посольства во время продолжительныхъ болѣзней графа. Съ апрѣля с/г. этотъ врачъ состоитъ Лейбъ-Меди-

[1]) „Жизненный вопрос"—„жизненные интересы".

комъ Кронъ-Принца. Мнѣ представляется, что означенное лицо, которое и ранѣе въ виду только что указанныхъ обстоятельствъ могло легко пытаться служить проводникомъ посторонних вліяній, не даромъ и не по собственному лишь почину впервые заговорило со мной въ этотъ вечеръ съ нѣсколько поразившей меня рѣзкостью и прямотой.

По поводу предстоявшаго между Австріей и Сербіей объясненія собесѣдникъ мой находилъ, что таковое не затрагиваетъ ничьихъ прямыхъ интересовъ и поэтому не должно служить предлогомъ для чьего-либо вмѣшательства. На мое замѣчаніе, что если требованія Австріи выйдутъ за предѣлы наказанія сербскихъ подданныхъ, хотя бы косвенно причастныхъ къ Сараевскому убійству, и будутъ клониться къ политическому порабощенію Сербіи, то мы врядъ ли въ состояніи будемъ отнестись равнодушно къ подобнымъ попыткамъ,—мой собесѣдникъ съ силою замѣтилъ, что Россія не имѣетъ никакихъ правъ на вмѣшательство и, произойди таковое, оно могло бы конечно привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Я возразилъ, что намъ нельзя со дня на день въ угоду Австріи отречься отъ всего нашего прошлаго и отнестись равнодушно къ дальнѣйшей судьбѣ нами-же вызванныхъ къ самостоятельной жизни славянскихъ государствъ; на это мнѣ было съ поразившею меня рѣзкостью отвѣчено: „Ja, wenn dass der Fall wäre dann müssten wir, meiner Meinung nach, ganz energisch eingreifen“ [1])

Въ теченіе остальной части вечера г. Г. распространялся о томъ, что всегдашняя нерѣшительная и боязливая политика Австріи по отношенію къ Сербамъ достойна жалости и является главной причиной ея слабости: то Австрія мобилизуетъ войска, то вновь ихъ распускаетъ. При этомъ онъ, снова съ удареніемъ, сказалъ: „Если мы уже мобилизуемъ нашу армію, то Вы можете быть увѣрены, что мы пойдемъ впередъ!“ Здѣсь нелишне отмѣтить, что какъ разъ на слѣдующее утро до меня черезъ Французскаго Морского Агента дошелъ слухъ, будто нѣкоторые германскіе запасные только что получили предварительныя извѣщенія о возможности мобилизаціи (avis préalable de mobilisation), какъ то имѣло мѣсто во время Марокканскаго кризиса, а также въ началѣ 1913 г. изъ-за осложненій вызванныхъ стремленіемъ Сербіи утвердиться на берегахъ Адріатики. Поэтому, я не преминулъ о вышеприведенномъ разговорѣ поставить въ извѣстность Французскаго Посла, который также склоненъ былъ допустить, что г. Г. не по собственной иниціативѣ говорилъ со мной въ приведенномъ выше смыслѣ и духѣ.—

За эту недѣлю, предшествовавшую Австрійскому ультиматуму, я нѣсколько разъ интересовался черезъ коллегъ узнать о настроеніяхъ господствующихъ среди чиновъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; какъ мнѣ передали коллеги, менѣе меня заинтересованные въ вопросѣ и могшіе, слѣдовательно, разсчитывать на большую откровенность, тамъ, правда, говорили о рѣшимости Германскаго Правитель-

[1]) „Да, если бы это было так, то, по моему мнению, мы должны были бы энергично вмешаться“.

ства всячески поддержать свою союзницу въ ея предстоящихъ объясненіяхъ съ Сербіей; но послѣ этой неизмѣнной, какъ бы оффиціальной части разговора, не скупились и на критику Австріи, прибавляя, что Германіи надоѣли всѣ эти австрійскія претензіи, что австрійцы сами не знаютъ, чего хотятъ и т. д.—

11/24 Іюля сталъ извѣстенъ шагъ предпринятый Австро-Венгерскимъ Правительствомъ наканунѣ вечеромъ въ Бѣлградѣ. Переговоривъ съ Французскимъ Посломъ, я, увѣренный въ скоромъ полученіи соотвѣтствующихъ инструкцій, рѣшилъ отложить до слѣдующаго дня посѣщеніе Статсъ-Секретаря; г. Камбонъ же, который, наоборотъ, не могъ ждать полученія въ ближайшемъ будущемъ указаній, такъ какъ глава Французскаго Правительства и самъ Президентъ находился въ плаваніи, не имѣлъ поэтому тѣхъ же основаній откладывать свое посѣщеніе, рѣшилъ видѣть г. Ягова въ тотъ же вечеръ, послѣ чего немедленно сообщилъ мнѣ результаты своего разговора. Такъ какъ при дальнѣйшемъ ходѣ событій предстояло приложить всѣ старанія, чтобы воздѣйствовать умѣряюще на Австрійское Правительство и удержать его отъ новыхъ непоправимыхъ шаговъ, то г. Камбонъ имѣлъ въ виду пока лишь выяснить, насколько можно въ этомъ отношеніи разсчитывать на Берлинскій Кабинетъ, голосъ котораго, какъ союзнаго, имѣлъ бы шансы быть услышаннымъ въ Вѣнѣ.

Г. Камбонъ началъ свой разговоръ издалека. Онъ спросилъ, правда ли, что Австро-Венгерское Правительство обратилось сегодня къ Великимъ Державамъ съ объяснительной нотой по поводу своего выступленія въ Сербіи. Статсъ-Секретарь отвѣтилъ утвердительно, прибавивъ, что нота врученная Барономъ Гизлемъ въ Бѣлградѣ составлена въ очень энергичныхъ выраженіяхъ. Слова г-на Камбона, что объ этомъ г. Яговъ былъ навѣрное заранѣе освѣдомленъ, вызвали отрицательный отвѣтъ, на что Французскій Посолъ выразилъ свое удивленіе тому, что Германское Правительство поддерживало Австрію, не зная даже, куда подобный шагъ можетъ привести и его. „Vous allez à l'aventure"![1])—воскликнулъ г. Камбонъ, оговариваясь все время, что говоритъ лишь отъ своего имени; на что г. Яговъ отозвался улыбаясь: „C'est même seulement pour cela que je Vous le laisse dire"[2]).

Далѣе, Французскій Посолъ указалъ на невозможность для Сербіи принять всѣ Австрійскія требованія; даже если бы Король Петръ на это пошелъ, онъ вѣроятно былъ бы народомъ своимъ поставленъ въ невозможность исполнить свое обѣщаніе: возникли бы безпорядки и возмущенія такихъ размѣровъ, что эти внутреннія потрясенія въ сосѣднемъ Государствѣ могли бы даже побудить Австрію на занятіе части Сербской территоріи. Неужели Статсъ-Секретарь не предвидѣлъ возможности и подобнаго тревожнаго оборота?—

На это г. Яговъ отвѣтилъ, что нарисованная его собесѣдникомъ картина слишкомъ мрачна и что все закончится благополучно, если только друзья Сербіи дадутъ ей совѣтъ смириться немедленно. Этими

[1]) „Вы идете к авантюре".

[2]) „Только поэтому я Вам и позволяю так говорить".

послѣдними словами г. Камбон и воспользовался, чтобы привести разговоръ къ интересовавшему его вопросу. Онъ сказалъ, что если съ одной стороны, друзья Сербіи очевидно не преминутъ дать послѣдней самые категорическіе совѣты благоразумія, то, съ другой стороны, ясна и роль выпадающая на долю Германіи: она вся въ томъ, чтобы дать какъ можно скорѣе и въ Вѣнѣ совѣты благоразумія и сдержанности, въ которыхъ тамъ не менѣе нуждаются, чѣмъ въ Бѣлградѣ.—

Г. Яговъ отвѣтилъ сначала, что готовность Германіи вліять въ Вѣнѣ въ указанномъ смыслѣ будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ; но затѣмъ, какъ бы поправляясь, сталъ все болѣе несговорчивымъ и настойчиво доказывалъ необходимость для Сербіи какъ можно скорѣе подчиниться, разъ уже она постоянными вызовами своими довела Австрію до крайнихъ рѣшеній.

Изъ объясненій съ г. Яговымъ г. Камбонъ вынесъ впечатлѣніе, что, хотя и горячо поддерживающій Австрію, Германскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не всецѣло отстраняетъ отъ себя мысль о возможности своего воздѣйствія въ Вѣнѣ. На слѣдующій день 12/25 іюля я получилъ телеграфное предписаніе г. Министра Ин. Дѣлъ, коимъ мнѣ поручалось просить Статсъ-Секретаря по Иностраннымъ Дѣламъ повліять на Вѣнскій Кабинетъ, чтобы побудить послѣдній продлить срокъ назначенный Сербскому Правительству для принятія австрійскихъ требованій; срокъ этотъ, какъ извѣстно, истекалъ въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера.

Въ первомъ часу дня я поручилъ просить г-на Ягова принять меня по спѣшному дѣлу; на послѣдовавшій отвѣтъ, что Статсъ-Секретарь проситъ меня въ 6 часовъ 30 мин., я отвѣтилъ, что это было бы, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно; въ результатѣ мнѣ сообщили, что г. Яговъ приметъ меня около 4 час. 30 мин. Опасаясь, однако, что и тогда Статсъ-Секретарь, чтобы отклонить наше пожеланіе, сошлется на запоздалость онаго, я письменно изложилъ содержаніе полученной мною телеграммы со всѣми приведенными въ оной доводами и около 3 час. пополудни отправилъ это письмо г. Ягову.

Когда я въ 4 час. 30 мин. вошелъ къ Статсъ Секретарю, я уже зналъ, что онъ мнѣ скажетъ, т. к., зайдя попутно къ Французскому Послу, освѣдомился, что у г. Ягова только что былъ Англійскій Повѣренный въ Дѣлахъ, сообщившій затѣмъ г. Камбону о неудовлетворительныхъ результатахъ аналогичнаго съ нашимъ шага Англійскаго Правительства.

Дѣйствительно, точь въ точь, какъ моему Англійскому коллегѣ, Статсъ-Секретарь сказалъ и мнѣ, что сообщилъ о нашемъ пожеланіи въ Вѣну, но опасается, что, за отъѣздомъ графа Берхтольда въ Ишль, да и за позднимъ временемъ, нельзя будетъ ничего сдѣлать; къ тому же врядъ ли теперь имѣется въ Вѣнѣ лицо достаточно авторитетное, чтобы взять на себя измѣненіе первоначальныхъ рѣшеній. Такъ какъ г. Яговъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе, что продленіе срока могло бы усилить самоувѣренность Сербовъ, я возразилъ на это, что дѣломъ всѣхъ истинныхъ друзей Сербіи будетъ наоборотъ внушить ей скорую и разумную уступчивость.

На вопросъ мой, что, собственно, означаетъ передача имъ въ Вѣну сообщенія о нашемъ пожеланіи касательно продленія срока, г. Яговъ отвѣтилъ мнѣ, какъ и Сэру Horace Rumbold'y, что большаго, какъ обратить вниманіе на наше пожеланіе, онъ сдѣлать не можетъ.

Въ теченіе нашего довольно продолжительнаго разговора, я, между прочимъ, сказалъ Статсъ-Секретарю, что теперь, прочтя текстъ австрійской ноты, дышащей всей той ненавистью къ Сербіи, на которую только способенъ не безъ позора удалившійся въ свое время изъ Бѣлграда графъ Форгачъ [1]), я начинаю вѣрить, что Германское Правительство дѣйствительно не было предувѣдомлено о ея содержаніи, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно врядъ ли согласилось бы на подобную редакцію. Я вновь усиленно просилъ г. Ягова рекомендовать въ Вѣнѣ продленіе истекающаго черезъ часъ срока и добавилъ, что Германское Правительство, какъ ближе другихъ стоящее къ Австрійскому, взяло бы на себя громадную отвѣтственность, если бы уклонилось отъ преподанія этого умѣряющаго совѣта: „Только Вашъ совѣтъ можетъ сдерживать Вѣну, не раздражая ея самолюбія. Поэтому, велика была бы отвѣтственность Ваша, если бы Вы уклонились отъ преподанія онаго". Статсъ-Секретарь, избѣгая прямого отвѣта, сослался на то, что вообще давать совѣты—роль очень отвѣтственная, особенно въ вопросахъ, гдѣ затронуто самолюбіе той или другой Державы; а для Австріи нынѣ по всей вѣроятности очень трудно отступить. Я замѣтилъ на это, что первое воздѣйствіе, которое все-же слѣдуетъ оказать на спорящихъ—это помѣшать имъ сцѣпиться, дабы выиграть время для обсужденія создавшагося положенія; между тѣмъ, достигнуть и этого результата безъ содѣйствія Германскаго Правительства немыслимо.

Г. Яговъ вновь повторилъ, что онъ не зналъ, въ чемъ будутъ заключаться австрійскія требованія, сознался, что они довольно-таки суровы, но закончилъ тѣмъ, что все же считаетъ ихъ справедливыми и заслуженными Сербіей. „Съ самаго моего вступленія въ должность, т.-е. вотъ уже полтора года, я неоднократно предупреждалъ г. Пашича въ необходимости измѣнить отношеніе свое къ Австріи и отказаться отъ вызывающаго и раздражающаго сосѣднюю монархію направленія сербской политики. Но г. Пашичъ не обратилъ никакого вниманія на мои совѣты: еще на-дняхъ рѣчь его при похоронахъ г. Гартвига была ничѣмъ инымъ, какъ открытымъ прославленіемъ панславизма и содержала косвенные нападки на Австрію. Что касается до высказываемыхъ Вами опасеній за будущее, то я ихъ не раздѣляю: между Австріей и Сербіей не будетъ никакой войны, это просто будетъ маленькая экзекуція („une petite exécution"). Такъ какъ доводы свои г. Яговъ заключилъ указаніемъ на то, что срокъ ультиматума сейчасъ истекаетъ, то я сказалъ, что кромѣ телеграфа между Берлиномъ и Вѣною существуетъ еще и телефонное сообщеніе, коимъ онъ при желаніи могъ бы воспользоваться; на это г-нъ Яговъ воскликнулъ: „Ah,

[1]) Графъ Форгачъ, Австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ въ 1910 г., принужденъ былъ покинуть свой постъ, въ связи с обвиненіемъ его сербской печатью въ подлогѣ документовъ.

non, merci! si je commençais à parler avec ces messieurs par téléphone, je n'aurais que cela à faire toute la journée!" [1]).

Въ теченіе разговора я, хотя и вскользь, но нѣсколько разъ упомянулъ о возможныхъ грозныхъ послѣдствіяхъ австрійскаго упорства—указаніе, содержавшееся и въ преподанной мнѣ инструкціи. На каждое подобное упоминаніе Статсъ-Секретарь реагировалъ не иначе, какъ отзывомъ, что подобная перспектива столь ужасна, что онъ не желаетъ о ней и думать, прибавляя также о сербахъ: „Ce sont des assassins, comment pouvez Vous les défendre ainsi" [2]), на что я возразилъ, что судьба убійцъ и ихъ соучастниковъ насъ, наоборотъ, вовсе не интересуетъ.

Утромъ того же 11/24 Іюля мнѣ случайно удалось узнать о положеніи, которое рѣшило занять Греческое Правительство въ виду возможныхъ послѣдствій австро-сербскаго конфликта: посѣтивъ Греческаго Посланника, я засталъ его говорящимъ по телефону съ только что прибывшимъ въ Мюнхенъ Греческимъ Премьеромъ. По окончаніи разговора г-нъ Теотоки сообщилъ мнѣ, что Венизелосъ поручилъ ему немедленно довести до свѣдѣнія Германскаго Правительства, что въ случаѣ если бы Болгарія пожелала бы воспользоваться настоящимъ затруднительнымъ положеніемъ Сербіи, то Грецiя, въ огражденіе собственныхъ интересовъ, не останется равнодушной зрительницею подобнаго нападенія; заявленіе это надлежало сдѣлать въ самой опредѣленной формѣ, которая не оставила бы въ умѣ Статсъ-Секретаря ни малѣйшаго сомнѣнія относительно принятаго г. Венизелосомъ рѣшенія. Г. Теотоки въ тотъ же вечеръ выполнилъ возложенное на него порученіе. Позднѣе онъ передавалъ мнѣ интересныя подробности своего свиданія съ г. Яговымъ. На сдѣланное ему заявленіе, послѣдній выразилъ удивленіе, почему Греческое Правительство считаетъ возможное нападеніе Болгаріи на Сербію нарушающимъ его интересы. Г-нъ Теотоки указалъ сначала на договорныя условія, связывающія его Правительство съ Сербскимъ, и сталъ доказывать, что расправившись безпрепятственно съ Сербіей, Болгарія несомнѣнно обратила бы затѣмъ свое оружіе и противъ Греціи, которая къ тому времени оказалась бы изолированной, ибо не могла бы болѣе разсчитывать на поддержку Сербіи. Наконецъ, г. Теотоки напомнилъ, что всего 10 мѣсяцевъ тому назадъ Германское Правительство первое признало Бухарестскій договоръ [3]) и установленныя имъ границы Балканскихъ государствъ и воспротивилось какимъ бы то ни было ихъ измѣненіямъ. Несмотря на всѣ доводы Греческаго Посланника, г-нъ Яговъ остался при своемъ мнѣніи, выражая сожалѣніе и удивленіе, что Греческое Правительство становится на неправильную точку зрѣнія. Не менѣе г. Ягова былъ удивленъ и г. Теотоки этимъ упорствомъ Германскаго Министра Иностр. Дѣлъ и его неприкрытыми стараніями обезпечить Болгаріи полную свободу дѣйствій противъ Сербіи; видимо

[1]) „Нетъ, спасибо! если бы я началъ говорить с этими господами по телефону, у меня ушел бы целый день только на это".

[2]) „Ведь это убийцы, как Вы можете их так защищать".

[3]) Договор 1913 г., которым закончилась 2-я Балканская война.

было, что греческое сообщеніе произвело на г. Ягова очень неблагопріятное впечатлѣніе.

Вечеромъ того же дня имѣли мѣсто на улицахъ Берлина первыя воинственныя манифестаціи; толпы молодежи, какъ говорили впослѣдствіи, по преимуществу австрійскіе подданные, уже предупрежденные своимъ Консульствомъ о предстоящей въ Австро-Венгріи частичной мобилизаціи, — носили по улицамъ портреты Императоровъ Франца-Іосифа и Вильгельма, кричали „hoch" предъ Австрійскимъ и Итальянскими Посольствами, а также „Krieg" и „nieder mit Serbien"[1]). Къ полночи настроеніе толпы стало болѣе вызывающимъ и предъ зданіемъ Императорскаго Посольства произошли первыя враждебныя демонстраціи: раздавались отдѣльные возгласы „pfui!" „abfahren!"[2]) и т. д. Полиція бездѣйствовала и лишь тогда озаботилась возстановленіемъ порядка и тишины, когда около 2-хъ часовъ ночи состоящій при Императорскомъ Посольствѣ тит. сов. Катаржи по телефону обратилъ вниманіе Polizeipräsidium'a на происходившіе предъ Посольствомъ безпорядки.

На слѣдующій день, въ воскресенье, я написалъ Статсъ-Секретарю письмо, въ коемъ указалъ на неприличныя выходки толпы предъ Посольствомъ и просилъ сообщить мнѣ, какія мѣры берлинская полиція имѣетъ въ виду принять для избѣжанія повторенія подобныхъ прискорбныхъ инцидентовъ. Долженъ признать, что не прошло получаса послѣ отправленія письма, какъ въ Посольство прибылъ Начальникъ Политическаго Отдѣла Министерства, г. фонъ Штуммъ, для принесенія извиненій Германскаго Правительства, и сообщилъ, что отнынѣ зданіе Посольства будетъ охраняться внушительнымъ и вполнѣ достаточнымъ нарядомъ полиціи. Сожалѣнія свои о случившемся г. Яговъ повторилъ мнѣ также и при первомъ послѣдующемъ нашемъ свиданіи.

Того же 13/26 Іюля, съ утра стало извѣстнымъ, что Императоръ Вильгельмъ, возвращеніе котораго изъ Норвежскихъ водъ назначено было на 2 Августа н. ст., сокращалъ на 5 дней свое тамъ пребываніе и, пересѣвъ съ яхты „Гогенцоллернъ" на болѣе быстроходный крейсеръ „Ростокъ", спѣшно возвращался на слѣдующій день въ Потсдамъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ, видимыхъ для всѣхъ симптомовъ тревожности положенія.

Впервые также въ этотъ вечеръ Статсъ-Секретарь, въ разговорѣ съ Французскимъ Посломъ, отнесся нѣсколько серьезнѣе къ переживаемому кризису, упомянувъ объ условіяхъ, при коихъ онъ можетъ привести къ вооруженному конфликту: по его словамъ, мобилизація русскихъ войскъ неминуемо вызвала бы мобилизацію въ Германіи, а разъ послѣдняя мобилизуетъ свою армію — война станетъ неизбѣжной. На замѣчаніе г. Камбона, что слѣдовало бы различать, гдѣ и противъ кого именно Россія можетъ въ будущемъ быть вынуждена приступить къ военнымъ приготовленіямъ, г. Яговъ, послѣ нѣкото-

[1]) „Война" и „долой Сербію".
[2]) „Убирайтесь".

раго колебанія, сказалъ, что онъ, въ данномъ случаѣ, имѣетъ въ виду нашу мобилизацію на границахъ Германіи. Затѣмъ онъ, словно желая опредѣленнѣе выразить свою мысль, повторилъ: „Мы сочтемъ себя вынужденными приступить къ мобилизаціи: 1) если Россія мобилизируетъ на нашей границѣ и 2) если русскія войска вторгнутся въ предѣлы Австро-Венгріи. Къ сожалѣнію, г. Яговъ, приводя вышеизложенное, имѣлъ лишь въ виду убѣдить г. Камбона въ настоятельной необходимости для Франціи воздѣйствовать умѣряюще въ С.-Петербургѣ; Французскій Посолъ, въ отвѣтъ неизмѣнно указывалъ своему собесѣднику, что Германскому Правительству слѣдовало бы начать съ того, чтобы самому воздѣйствовать на ту Державу, образъ дѣйствій коей привелъ къ настоящему кризису; за послѣдніе тревожные дни я раза 4 слышалъ отъ г. Камбона о все тѣхъ же настояніяхъ Статсъ-Секретаря (Il me répète toujours: — „faites dire à Pétersbourg“ et je lui réponds — „allez à Vienne“ [1]).

14/27 Іюля мною получено было телеграфное предписаніе Г. Министра Ин. Дѣлъ, коимъ мнѣ сообщалось объ имѣвшемъ мѣсто наканунѣ разговорѣ Г. Министра съ Австро-Венгерскимъ Посломъ въ С.-Петербургѣ, въ теченіе котораго разсмотрѣны были предъявленныя Сербіи 10 требованій. Гофмейстеръ Сазоновъ имѣлъ въ виду, что если-бы Графъ Сапари былъ уполномоченъ своимъ Правительствомъ войти съ нимъ въ дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній, то такимъ образомъ открывалась-бы возможность найти пріемлемый для обѣихъ сторонъ выходъ изъ настоящаго положенія; поэтому мнѣ поручалось просить Берлинскій Кабинетъ рекомендовать въ Вѣнѣ этотъ путь мирнаго разрѣшенія кризиса, на который Графъ Сапари, повидимому, обнаруживалъ склонность вступить. Одновременно я поставлялся въ извѣстность и о предложеніи Сэра Эдуардъ Грея, каковое ИМП-ое Правительство готово было принять во всякое время, на случай невозможности придти къ соглашенію только что указаннымъ путемъ непосредственныхъ Русско-Австрійскихъ переговоровъ.

Разговоръ мой съ Статсъ-Секретаремъ былъ довольно продолжительнымъ. Г. Яговъ сказалъ, что о нашемъ предложеніи онъ уже освѣдомленъ телеграммою Графа Пурталеса; послѣдній при этомъ высказывалъ свое мнѣніе, что разъ Графъ Сапари пошелъ на подобный разговоръ съ русскимъ М-ромъ Ин. Дѣлъ, то пусть онъ таковой и продолжитъ. Онъ, Яговъ, всецѣло присоединяется къ этому мнѣнію Графа Пурталеса и доведетъ о немъ до свѣдѣнія Германскаго Посла въ Вѣнѣ.

Я указалъ, что намъ желательно больше этой простой передачи, а именно, чтобы онъ посовѣтовалъ Вѣнскому Кабинету придти съ нами этимъ путемъ къ соглашенію. Министръ сослался на необходимость дѣйствовать въ Вѣнѣ съ должной осторожностью и сказалъ, что передача имъ въ Вѣну телеграммы Графа Пурталеса уже означаетъ, что Статсъ-Секретарь и самъ рекомендуетъ указываемый путь переговоровъ въ С.-Петербургѣ.

[1]) Он мне повторяет: „заставьте Петербург“, а я ему отвечаю: „снеситесь с Веной“.

Я указалъ также на ту хорошую сторону нашего предложенія, что установленіе дружественнаго обмѣна мнѣній между СПБ и Вѣною—даже если онъ не приведетъ къ какой-либо согласительной формулѣ—дастъ все же возможность выиграть время, необходимое для осуществленія болѣе сложнаго англійскаго предложенія. На это г. Яговъ отозвался, что самъ онъ скорѣе сочувствуетъ нашему предложенію, тѣмъ болѣе, что находитъ англійскій проектъ непрактичнымъ и даже неосуществимымъ.

Статсъ-Секретарь сказалъ, между прочимъ, что онъ съ удовольствіемъ узналъ отъ Графа Пурталеса, что Гофмейстеръ Сазоновъ обнаруживаетъ послѣдніе дни большую сговорчивость: „Car les premiers jours Mr. Sazonoff était tout à fait intraitable. Je sais d'ailleurs très-bien qu'il n'aime pas les Autrichiens“ [1]).

Такъ какъ я зналъ отъ Сербскаго Повѣреннаго въ Дѣлахъ, что, онъ утромъ того же дня ознакомилъ г. Ягова съ полученнымъ имъ по телеграфу текстомъ сербскаго отвѣта на Австрійскую ноту, то я, упомянувъ объ этомъ обстоятельствѣ, указалъ Статсъ-Секретарю на ту крайную уступчивость, которую обнаружила Сербія, и что теперь казалось бы, очередь за Австріей воспользоваться этимъ настроеніемъ пока не совершилось ничего непоправимаго: такъ, она могла бы напримѣръ найти, что баронъ Гизль нѣсколько поторопился отъѣздомъ изъ Бѣлграда и, тѣмъ временемъ, обмѣномъ мнѣній съ Россіею—будь то въ С.-Петербургѣ или даже въ Вѣнѣ—постараться установить новый minimum своихъ требованій и способы ихъ удовлетворенія со стороны Сербскаго Правительства. Такъ какъ дѣло идетъ о вопросѣ, затрогивающемъ престижъ двухъ Великихъ Державъ, то можно бы принять экстраординарныя мѣры воздѣйствія на прессу, дабы компромиссъ, который будетъ достигнутъ, не истолковался бы какъ побѣда одной и пораженіе другой стороны.

Статсъ-Секретарь отвѣтилъ, что Сербская нота дѣйствительно производитъ впечатлѣніе готовности удовлетворить австрійскія требованія; но въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктахъ отвѣта есть существенныя оговорки, поэтому Австрія имѣетъ всѣ основанія опасаться, что въ дальнѣйшемъ результатѣ все сведется на-нѣтъ; Австрія не можетъ расчитывать на добросовѣстность Сербіи. Принимая во вниманіе вышеизложенное, онъ, несмотря на приведенные мною доводы, не можетъ взять на себя—въ жизненномъ для Австріи вопросѣ—посовѣтовать ей уступить, подобное рѣшеніе—ея дѣло; поэтому онъ не въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ то, что обѣщалъ мнѣ въ началѣ разговора, а именно передать Графу Чиршскому для сообщенія въ Вѣнѣ телеграмму Графа Пурталеса.

Непосредственно для меня съ Статсъ-Секретаремъ въ этотъ день имѣлъ свиданіе и Французскій Посолъ, получившій указанія всемѣрно поддержать предъ Германскимъ Правительствомъ проектъ Сэра Эдуарда Грея. Слабою стороною г. Камбонъ считалъ упоминаніе о

[1]) „Так как первые дни от Сазонова нельзя было ничего добиться. Впрочем, я отлично знаю, что он не любит Австрийцев“.

„конференціи", заранѣе опасаясь, зная отношеніе г. Ягова къ прошлогодней Лондонской Конференціи [1]), что онъ отнесется отрицательно къ Греевскому предложенію. Поэтому, въ разговорѣ своемъ съ Статсъ-Секретаремъ Французскій Посолъ главнымъ образомъ настаивалъ на необходимости скорѣйшаго совмѣстнаго воздѣйствія Англіи, Франціи, Германіи и Италіи какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ, при чемъ указывалъ, что подобная смѣшанная группировка Державъ имѣла бы большіе шансы на успѣхъ, устраняя опасное въ критическіе моменты противопоставленіе Державъ Тройственнаго Союза Державамъ Тройственнаго Согласія. По мысли г. Камбона, воздѣйствіе упомянутыхъ четырехъ Державъ должно было выразиться немедленнымъ преподаніемъ въ Вѣнѣ и С.-Петербургѣ совѣта, формулированнаго, приблизительно слѣдующимъ образомъ: „S'abstenir de tout acte de nature à aggraver l'état actuel des choses" [2]). Этимъ избѣгалось упоминаніе о необходимости для Австріи воздержаться отъ нападенія на Сербію.

Отказъ, коимъ Статсъ-Секретарь отвѣтилъ на предложеніе Грея, произвелъ на Французскаго Посла очень неблагопріятное впечатлѣніе, которое онъ не скрылъ отъ г. Ягова, сказавъ ему безъ обиняковъ: „S'il y a du sang versé—Vous en serez personnellement responsable" [3]).

Въ тотъ же день посѣтилъ Статсъ-Секретаря и спѣшно вернувшійся изъ отпуска Англійскій Посолъ. Отъ него я также узналъ, что г. Яговъ отнесся отрицательно къ Греевскому предложенію конференціи, находя, что таковая явилась бы чѣмъ-то въ родѣ высшаго арбитражнаго судилища надъ двумя Державами. Зато г. Яговъ тутъ же сообщилъ Послу только что полученную отъ Графа Пурталеса телеграмму о разговорѣ послѣдняго съ Гофмейстеромъ Сазоновымъ по поводу непосредственныхъ объясненій послѣдняго съ Австро-Венгерскимъ Посломъ въ С.-Петербургѣ. Статсъ-Секретарь нашелъ этотъ путь прямыхъ русско-австрійскихъ объясненій предпочтительнымъ.

Тотъ фактъ, что въ столь критическій моментъ, высказывая какъ Французскому и Англійскому Посламъ, такъ и мнѣ свое отрицательное отношеніе къ проекту Грея, Статсъ-Секретарь ни словомъ не оговорился о своей готовности вернуться къ нему (или разсмотрѣть всякое иное предложеніе) на случай неудачи нашихъ переговоровъ съ Австріей, могъ вселить нѣкоторое сомнѣніе въ искренности желанія Статсъ-Секретаря избѣжать конфликта. Поэтому я воспользовался возвращеніемъ въ Берлинъ Итальянскаго Посла, чтобы постараться провѣрить свои личныя впечатлѣнія и сомнѣнія.

На мой вопросъ, что онъ думаетъ объ Австрійскомъ выступленіи, г. Болатти отозвался, что тонъ австрійской ноты 10/23 іюля, явившейся для него полной неожиданностью, его крайне удивилъ: ясно было

---

[1]) Конференція, созванная в Лондоне в конце 1912 г. для ликвидации 2 й Балканской войны.

[2]) „Удерживаться от всякого акта, способнаго ухудшить современное положение вещей".

[3]) „Если дело дойдет до кровопролития, личная ответственность падет на Вас".

желаніе Австріи не выяснить и упорядочить свои отношенія къ Сербіи, но, напротивъ, бросить ей вызовъ, довести дѣло до разрыва. По словамъ Болатти онъ не скрылъ здѣсь этого своего впечатлѣнія, прибавивъ, что по личному опыту хорошо знаетъ, какъ составляются ультиматумы, имѣющіе цѣлью вызвать войну, такъ какъ самъ составлялъ Итальянскій ультиматумъ Турціи, приведшій къ Триполитанской войнѣ [1]): цѣлыми днями онъ придумывалъ рядъ непріемлемыхъ для Турціи условій и все же полагаетъ, что ему удалось составить итальянскую ноту въ болѣе приличествующемъ международнымъ отношеніямъ тонѣ, нежели то сдѣлала теперь австрійская дипломатія.

Сославшись на только что высказанное моимъ собесѣдникомъ мнѣніе объ австрійскомъ ультиматумѣ и его конечной цѣли, я выразилъ предположеніе, что врядъ ли эти стремленія Австріи — военный разгромъ или политическое порабощеніе Сербіи—могутъ вызвать въ Италіи малѣйшія симпатіи; наоборотъ, не являются ли для итальянскаго общественнаго мнѣнія гораздо болѣе понятными и пансербская пропаганда и даже возможныя вожделѣнія молодого Королевства, направленныя въ сторону австрійскихъ областей съ сербскимъ населеніемъ. Поэтому мнѣ представляется, что въ настоящій моментъ на долю Итальянскаго Правительства выпадаетъ крупная и благодарная роль—сдерживать агрессивные замыслы Австріи, которые вѣроятно поддерживаются Германіей, но осуществленіе коихъ грозитъ европейскими осложненіями, причемъ Италія окажется противъ воли втянутой Австріею въ несимпатичную ей авантюру.

Г. Болатти согласился съ этими доводами и сказалъ, что роль его Правительства въ настоящемъ кризисѣ конечно можетъ быть только сдерживающей.

Что касается роли Германіи до сего момента, то я признался Итальянскому Послу, что хотя лично я не сомнѣваюсь въ нежеланіи Германіи довести дѣло до войны, но съ другой стороны здѣшнее Правительство такъ безусловно поддерживаетъ Австрію и прилагаетъ такъ мало усилій для спѣшнаго подысканія мирнаго исхода, что поневолѣ напрашивается мысль не беретъ ли здѣсь верхъ военная партія и не идемъ ли мы къ торжеству идеи „Preventivkrieg“ [2]), которой Германскій Кронпринцъ за послѣдній мѣсяцъ дважды открыто выразилъ свое сочувствіе.

Противъ этого предположенія г. Болатти возсталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, добавивъ, что можетъ поручиться, что Германское Правительство не желаетъ войны и въ настоящее время до крайности озабочено создавшимся положеніемъ, изъ котораго не знаетъ какъ выйти. Эти завѣренія Итальянскій Посолъ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ въ самомъ искреннемъ и убѣжденномъ тонѣ. Съ своей стороны онъ также интересовался—каковы намѣренія Россіи; я отвѣчалъ, что мы вѣроятно не могли-бы отнестись безучастно къ судьбѣ Сербіи и не вступиться за нее. Я упомянулъ также, что по мнѣнію г. Ягова,

[1]) Итало-Турецкая война 1911—1912 г.
[2]) Предупредительной войны.

высказанному мнѣ имъ на-дняхъ, мы могли бы удовлетвориться увѣреніями Австріи, что она не ищетъ въ Сербіи территоріальныхъ пріобрѣтеній и привелъ мой отвѣтъ Статсъ-Секретарю, которому я указалъ на сомнительную цѣнность подобныхъ завѣреній, подкрѣпивъ это нѣкоторыми недавними историческими примѣрами. Г. Болатти со мною согласился, прибавивъ: „Parbleu, c'est notre cas pour le Dodécanéze[1])!"

Зная близость г. Болатти къ Wilhelmstrase, я не преминулъ, уходя, дать ему понять, въ видѣ личнаго своего мнѣнія, что, какъ мнѣ представляется, мы уже сказали наше послѣднее слово и дальнѣйшая австро-германская несговорчивость заставляетъ меня предвидѣть все, вплоть до отъѣзда Императорскаго Посольства изъ Берлина.

Новымъ дурнымъ симптомомъ явилось въ этотъ день (14/27 Іюля) возвѣщенное газетами на слѣдующій день возвращеніе Кронпринца изъ Данцига въ Потсдамъ; мнѣ казалось, что появленіе въ критическій моментъ около Императора неуравновѣшанной, стремящейся проявиться самостоятельно и мнящей себя военнымъ геніемъ личности Наслѣдника Престола значительно уменьшало шансы мирнаго исхода кризиса. Съ облегченіемъ прочелъ я на слѣдующее утро, что прибытіе это не состоится; къ сожалѣнію, днемъ позже (16/29 Іюля) Кронпринцъ все же прибылъ въ Потсдамъ.

Послѣднее свиданіе мое съ г. Яговымъ имѣло мѣсто во вторникъ вечеромъ, 15/28-го, наканунѣ возвращенія въ Берливъ Императорскаго Посла.—На мой вопросъ, не приблизились-ли мы со вчерашняго дня къ мирному разрѣшенію кризиса, Статсъ-Секретарь отвѣтилъ, что получилъ утромъ телеграмму отъ Графа Пурталеса, изъ коей съ удовольствіемъ освѣдомился, что Гофмейстеръ Сазоновъ обнаруживаетъ все большую склонность общими усиліями пріискать пріемлемый компромиссъ. Такъ какъ г. Яговъ уже высказался мнѣ въ томъ-же смыслѣ еще наканунѣ, и повтореніе имъ той-же фразы, да еще съ нѣкоторымъ удареніемъ могло означать, что изъ вышеупомянутой готовности нашей къ компромиссу онъ дѣлаетъ заключеніе о возможности съ нашей стороны односторонней уступки, то я счелъ нелишнимъ отвѣтить, что нашъ Министръ Ин. Дѣлъ вѣроятно съ самаго начала склоненъ къ компромиссу, подъ условіемъ конечно, чтобы таковой былъ пріемлемъ не только для Австріи, но и для Россіи.

Г. Яговъ на это возразилъ, что положеніе Австріи въ данномъ вопросѣ гораздо затруднительнѣе положенія Россіи, что дѣло идетъ о стремленіи Австріи обезпечить себѣ внутреннюю и внѣшнюю безопасность, что поэтому естественно ждать большей уступчивости со стороны Россіи, жизненные интересы которой въ данномъ случаѣ никто не задѣваетъ и т. д.

Я привелъ Статсъ-Секретарю соотвѣтствующія возраженія, указывая, что нельзя допустить устраненія однимъ взмахомъ австрійскаго пера всего нашего вѣками сложившагося вліянія на Балканахъ и т. д. Г. Яговъ резюмировалъ эту часть нашего разговора словами: „По сему

[1]) „Еще бы: это как раз наш случай с Додеканезом".

вопросу—останемся каждый при своемъ мнѣніи: я знаю заранѣе Ваши доводы—и не могу съ ними согласиться, Вы знаете мои—и также не можете ихъ признать."

Когда же я спросилъ, получилъ ли онъ отвѣтъ Вѣнскаго Кабинета по поводу возможности частныхъ переговоровъ въ Петроградѣ, г. Яговъ отвѣтилъ отрицательно и снова согласился на трудность вліять на Вѣну въ столь щекотливомъ для нея вопросѣ. На замѣчаніе мое, что въ такомъ случаѣ, разъ предположенный нами исходъ вовсе еще не обезпеченъ, то слѣдовало бы не терять изъ виду англійское предложеніе, Статсъ-Секретарь отозвался, что самая мысль созванія новой конференціи является не симпатичною; что даже во время прошлогодняго Лондонскаго совѣщанія Пословъ, всѣ старались избѣгать слова „конференція"; помимо этого, новая конференція явилась бы чѣмъ-то вродѣ высшаго арбитражнаго судилища и ему не представляется какимъ образомъ группа Державъ можетъ какъ бы призвать на судъ свой двѣ другіе Державы, безъ того, чтобы таковыя сами выразили о томъ желаніе.

Приведя эти соображенія Статсъ-Секретарь озабоченно замѣтилъ, что мы, будто бы, начали мобилизировать у австрійской границы и онъ опасается, что при такихъ условіяхъ Австріи крайне трудно съ нами сговориться, тѣмъ болѣе, что она мобилизируетъ лишь тѣ восемь корпусовъ, которые выставляетъ противъ Сербіи, и не дѣлаетъ на нашей границѣ никакихъ приготовленій. Не зная, въ какой мѣрѣ справедливы были эти указанія Г. Ягова, я ограничивался тѣмъ, что сослался на дошедшія до меня частныя свѣдѣнія, по которымъ Австрія подготовляется также на нашей границѣ, что можетъ очевидно вызвать и съ нашей стороны отвѣтныя мѣры; я подчеркнулъ, что во всякомъ случаѣ нами рѣшительно ничего не дѣлается на германской границѣ. Г. Яговъ отвѣтилъ, что и тамъ на нашей сторонѣ замѣтны нѣкоторыя исключительныя мѣры предосторожности: затрудненъ переходъ границы, угнаны въ глубь вагоны; онъ впрочемъ сейчасъ-же согласился со мною, что подобныя распоряженія не имѣютъ отнюдь характера военныхъ приготовленій.

Тотъ фактъ, что по словамъ г. Ягова Австрійское Правительство до сихъ поръ не высказывалось по поводу возможности переговоровъ въ Петроградѣ, а съ другой стороны, что Германское Пр-во такъ безповоротно хоронило англійское предложеніе не могло не вселять опасеній, которыя я не скрылъ отъ Статсъ-Секретаря, сказавъ, что отклоненіе Австріею Греевскаго предложенія (т. к. отношеніе къ нему Германіи—прибавилъ я—вѣроятно опредѣляется отношеніемъ непосредственно заинтересованной Державы—Австріи) и та медленность, съ которой Вѣнскій Кабинетъ отзывается на наше предложеніе являются неблагопріятными симптомами: изъ созданной австро сербскимъ разрывомъ тревожной атмосферы нужно искать выхода какъ можно скорѣе; а такъ какъ Австрія не обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи не только поспѣшности, но даже малѣйшей готовности, то позволительно сомнѣваться, желаетъ ли она мирнаго исхода и не стремится ли только выиграть нѣсколько дней или для болѣе обширныхъ военныхъ приго-

товленій или для спѣшнаго занятія, въ видѣ залога, части сербской территоріи. Статсъ-Секретарь не сталъ разубѣждать меня въ моихъ опасеніяхъ и ограничился указаніемъ на крайнюю трудность для него въ данный моментъ открыто вліять на Вѣнскій Кабинетъ.

О подробностяхъ этого разговора и о вынесенныхъ изъ него неблагопріятныхъ впечатлѣніяхъ я поставилъ въ извѣстность Сэра Эдуарда Гошена и Французскаго Посла; послѣдній впрочемъ считалъ все дѣло почти потеряннымъ съ момента отклоненія г. Яговымъ предложенія Грея.

Вечеромъ того-же 15/28 Іюля имѣли мѣсто въ тридцати различныхъ мѣстахъ столицы собранія соціалъ-демократовъ для выраженія протеста противъ обуявшаго часть германскаго общества воинственнаго настроенія. Такъ какъ намѣреніе соціалъ-демократіи манифестировать противъ идеи войны было извѣстно заранѣе и не подлежало сомнѣнію, что берлинскія власти, столь снисходительно относившіяся къ манифестаціямъ шовинистовъ даже тогда, когда онѣ принимали небезопасный для общественнаго порядка оборотъ, примутъ на сей разъ противъ манифестаціи въ пользу мира всѣ имѣющіяся въ ихъ распоряженіи мѣры, это меня не удивило когда въ понедѣльникъ вечеромъ г. Яговъ сказалъ мнѣ—какъ бы ставя это въ связь съ субботними безпорядками у зданія Императорскаго Посольства—что Правительство рѣшило отнынѣ не допускать никакихъ уличныхъ манифестацій. Несмотря на очень сильные наряды полиціи, которыя были видны около тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили собранія членовъ соціалъ-демократической партіи, все же довольно большимъ группамъ ихъ удалось проникнуть на U. den Linden[1]), гдѣ стали раздаваться крики „Nieder mit dem Krieg[2])". Дабы не оставить гуляющія массы подъ впечатлѣніемъ этихъ криковъ, сейчасъ же были организованы и контръ-манифестаціи, распѣвавшія патріотическія пѣсни; этими послѣдними шествіями явно руководили нѣсколько человѣкъ, ѣхавшихъ въ автомобиляхъ впереди поющей молодежи.

Характерно, что единственная берлинская газета, напечатавшая по поводу сербскаго отвѣта Австріи вполнѣ разумную статью и отмѣтившая крайнюю уступчивость Сербскаго Правительства—былъ соціалистическій „Vorwärts".

Вообще отношеніе берлинской прессы къ сербской отвѣтной нотѣ можетъ служить наглядным доказательствомъ того, какими способами обрабатывалось послѣдніе дни германское общественное мнѣніе. Утромъ 14/27 Іюля Сербскій Повѣренный въ Дѣлахъ получилъ текстъ ноты по телеграфу и ознакомилъ меня съ ея содержаніемъ; какъ г. Іовановичу, такъ и мнѣ казалось желательнымъ скорѣйшее появленіе въ берлинскихъ газетахъ перевода этого документа, т. к. можно было разсчитывать, что обнаруженная Сербіею уступчивость, превосходившая всѣ ожиданія, произведетъ даже на предубѣжденную германскую публику благопріятное для Сербіи впечатлѣніе и, наоборотъ, оттѣнитъ

---

[1]) „Unter den Linden"—одна изъ главныхъ Берлинскихъ улицъ.

[2]) „Долой войну".

всю несговорчивость Австріи. Но главнѣйшія газеты, подъ различными предлогами, не пожелали напечатать сербскую ноту; отказались напечатать ее своевременно и мѣстныя телеграфныя Агентства; а Агентство Вольфа помѣстило ее чрезъ полтора дня и лишь послѣ того какъ получило австрійскую оффиціальную критику сербскаго отвѣта; причемъ напечатало о ней такъ, что за каждымъ пунктомъ отвѣта слѣдовало австрійское разъясненіе, доказывавшее полную его несостоятельность; въ результатѣ подобныхъ стараній большинство берлинскихъ газетъ, говоря о сербской нотѣ, характеризовали ее „heuchlerische Antwort serbiens [1])“

Не безинтересно также, что когда Сербскій Повѣренный въ Дѣлахъ при случайной встрѣчѣ въ Министерствѣ Ин. Дѣлъ съ Австрійскимъ Посломъ показалъ ему сербскій отвѣтъ, то Графъ Сечени нашелъ его вполнѣ удовлетворительнымъ и выразилъ надежду, что все окончится благополучно. Тотъ-же Австрійскій Посолъ, два дня спустя, на выраженное ему Посломъ одной нейтральной Державы удивленіе, что Австрія не удовлетворилась столь благоразумнымъ отвѣтомъ, съ негодованіемъ возразилъ, что никакой отвѣтъ не могъ удовлетворить его Пр-во, которое ждало лишь одного — покончить съ безпокойнымъ сосѣдомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что в противность самымъ категорическимъ увѣреніямъ г. Ягова, будто ему не были заранѣе извѣстны требованія, съ которыми Австрійское Правительство обратилось къ Сербіи 10/23 Іюля, Графъ Сечени—послѣ начала Австріею военныхъ дѣйствій противъ Бѣлграда—признался, что эти увѣренія Статсъ-Секретаря не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности: если чего Германское Пр-во не знало, то лишь окончательнаго текста австрійскаго ультиматума; что же касается тѣхъ требованій, которые въ немъ предполагалось поставить, то таковыя были предварительно сообщены Берлинскому Кабинету.

[1]) „Лицемерный отвѣт Сербіи“.

Тексты „Русско-Германских отношений“ приготовил к печати и снабдил примечаниями Ф. В. Кельин под общим наблюдением Вл. В. Адоратского.

Примечания.

Адлерберг, граф—в 1881 г. министр императорского двора и уделов.

Александр II—русский император с 1856—1881 г.

Александр—принц Баттенбергский, князь болгарский, сын Александра Гессенского. Князем болгарским был избран в 1879 г. Потеряв покровительство России, он принужден был в 1886 г. отказаться от престола.

Александр III—русский император с 1881—1894 г.

Альтен—в 1873 г. германский консул в Иерусалиме.

Андраши—австрийский министр иностранных дел с 1871—1880 г.

Асеев—канцелярский служитель 2-го разряда при рус. посольстве в Берлине в 1914 г.

Берг, граф—русский фельдмаршал, генерал-адъютант; в 1875 г. командующий войсками в Польше.

Беренс—русский морской агент в Берлине в 1914 г.

Берхтольд—председатель совета министров и министр иностранных дел Австро-Венгрии с 1913—1915 г.

Биконсфильд, лорд—(Бенджамин Дизраэли)—английский государственный деятель, вождь консервативной партии в 60-х и 70-х годах XIX века. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 г. он вел политику, направленную против России; в 1878 г. был I-м представителем Англии на Берлинском конгрессе.

Бисмарк Отто, князь—германский государственный деятель; в 1851 г. назначен прусским представителем при германском союзном сейме во Франкфурте; в 1859 г.—посланником в Петербург. Со вступлением на престол короля Вильгельма I Бисмарк становится его первым министром (1861 г.), принимает деятельное участие в об'единении Германии, а с 1871 г. становится канцлером германской империи (по 1890 г.).

Бисмарк Герберт, граф—германский дипломат, состоял при посольствах в Риме, Лондоне и Петербурге с 1871—1885 г. С 1886 г.—1890 г. герман. министр иностр. дел.

Бодельшвинг—прусский политический деятель; прусский министр финансов с 1862—1866 г.; в 1875 г. стоял во главе управления Гессен-Насауской провинции.

Болатти—в 1914 г. итальянский посол в Берлине.

Броневский—советник русского посольства в Берлине в 1913—1914 г.

Булацель—русский посланник в Мюнхене в 1914 г.

Ваддингтон—в 1879 г. французский министр иностранных дел.

Ванновский,—ген., русский военный министр с 1882—1898 г.

Венизелос—председатель совета министров в Греции, военный министр министр иностранных дел в 1914 г.

Вертер—в 1870 г. германский посол в Париже.

Вильгельм I—прусский король (с 1861 г.), германский император с 1871—1888 г.

Вильгельм II—германский император с 1888—1918 г.

Гартвиг—русский посланник в Сербии с 1909—1914 г.

Гизль, барон—в 1914 г. австрийский посол в Сербии.

Гирс, Н. К. товарищ русского министра иностранных дел с 1877—1883 г., русский министр иностранных дел с 1883—1895 г.

Горемыкин—русский министр внутренних дел 1895—1898 г.

Горчаков, князь Александр Михайлович—известный русский дипломат, государственный канцлер, министр иностранных дел с 1856—1883 г.

Горчаков, князь Михаил Дмитриевич—генерал адъютант, назначенный в 1854 г. главнокомандующим южной армии и руководивший обороной Севастополя с февраля по август 1855 г.

Грамон, герцог—в 1870 г. французский министр иностранных дел.

Грэй сэр Эдуард—английский министр иностранных дел с 1905—1906 г.

Дельбрюк—председатель германской имперской канцелярии, представитель Пруссии в союзном совете 1871—1876 г., в 1873 г. вице-президент союзного совета.

Дмитров—в 1914 г. 1-й секретарь русской миссии в Штутгарте.

Изабелла—королева испанская 1830—1870 г. В 1870 г. она отреклась от престола и поселилась в Париже.

Иованович—секретарь сербского посольства в Германии в 1914 г.

Калиш—в 1873 г. германский консул в Рущуке.

Кальноки—председатель совета министров Австрии, австрийский министр иностранных дел с 1881 г. по 1895 г.

Камбон Ж.—французский посол в Берлине в 1907—1914 г.

Катаржи—в 1914 г. состоял при русском посольстве в Берлине.

Кейдель—в 1873 г. советник германского посольства в Константинополе.

Керри—английский посол в Константинополе 1894—1898 г.

Копытов—вице-адм., главный командир Черноморского флота в 1897 г.

Кочетов—коммерческий агент рус. правительства в Константинополе в 1897 г.

Кудашев, князь—советник русского посольства в Австрии в 1913—1914 г.

Ламсдорф, граф—в 1881 г. советник русского министерства иностранных дел.

Лермонтов—в 1914 г. русский посланник в Штутгарте.

Лесур—в 1870 г. секретарь французского посольства в Пруссии.

Лофтус, лорд—в 1870 г. английский посол в Берлине.

Мак-Магон—французский фельдмаршал и политический деятель. В 1873 г. был избран президентом французской республики.

Мантейфель—барон, прусский министр иностранных дел 1850—1858 г., подписавший в 1850 г. конвенцию в Ольмюце с австрийским министром иностранных дел Шварценбергом.

Меньшиков—князь, адмирал и генерал-адъютант, в 1853 г. русский чрезвычайный посол в Константинополе, во время Крымской войны назначен начальником русских войск в Крыму.

Меттерних, князь—австрийский министр иностранных дел с 1809—1848 г.

Мольтке, граф—фельдмаршал германской армии с 1871—1890 г., руководивший военными операциями германской армии во время франко-прусской войны 1870—1871 г.

Муравьев, граф—русский министр иностранных дел 1896—1900 г.

Мюлер—прусский министр народного просвещения, вероисповеданий и здравоохранения с 1862—72 г.

Наполеон III—французский император с 1851—1870 г.

Наполеон—(принц Жозеф-Шарль). Со смертью Наполеона IV (т. н. Императорского принца)—глава партии бонапартистов и претендент на французский престол.

Нелидов—в 1897 г. русский посол в Константинополе.

Николай I—русский император с 1825—1855 г.

Николай II—русский император с 1894—1917 г.

Новинов—русский посол в Австро-Венгрии с 1870—80 г.

Оболенский, князь—член совета русского министерства иностр. дел в 1897 г.

Орлов, князь—рус. посол в Париже с 1872—1884 г.; в 1884 г. рус. посол в Берлине.

Остен-Сакен, граф—русский посол в Германии с 1895—1912 г.

Пашич—председатель совета министров и министр иностр. дел в Сербии в 1914 г.

Петр—король сербский с 1905—1921 г.

Петров—ген.-лейт., тов. русского министра путей сообщения с 1892—1900 г.

Пурталес, граф—германский посол в России с 1907—1914 г.

Радовиц—германский посланник в Греции с 1874—1883 г.

Радославов—председатель совета министров и министр внутренних дел в Болгарии в 1914 г.

Рамбольт—в 1914 г. советник английского посольства в Германии.

Рейс, князь—германский посол в России с 1871 г. по 1876 г.

Савиньи—прусский политический деятель, представитель Пруссии на франкфуртском сейме в 60-х годах XIX века. Один из наиболее видных вождей партии центра в германском рейхстаге.

Сабуров П. А.—русский посланник в Афинах с 1870—1880 г. и русский посол в Берлине с 1880—1884 г.

Салисбери—английский политический деятель, глава партии консерваторов. Министр иностранных дел (с 1878 г.) и председатель совета министров с 1885—1892 г. Был 2-м представителем Англии на Берлинском конгрессе 1878 г.

Сазонов—министр иностранных дел в России с 1911—1916 г.

Сапари—в 1914 г. австрийский посол в России.

Свербеев—русский посол в Берлине с 1912—1914 г.

Севастопуло—в 1914 г. советник русского посольства в Париже.

Сечени—(Széchényi) посол Австро-Венгрии в Берлине с 1879—1892 г.

Сечени—(Szögyényi) посол Австро-Венгрии в Берлине с 1892—1914 г.

Стоффель—в 1870 г. французский военный агент в Пруссии.

Стремоухов—в 1873 г. директор азиатского департамента русского министерства иностранных дел.

Стюарт—английский консул в Одессе в 1897 г.

Татищев—генерал-майор, с 1905—1914 г. был причислен к русскому посольству в Германии в качестве состоящего при особе германского императора.

Теотоки—в 1914 г. греческий посланник в Берлине.

Тьер—французский политический деятель и историк, министр Людовика-Филиппа; в 1871 г. был избран национальным собранием президентом французской республики и занимал этот пост до 1873 г.

Убри—русский посол в Берлине в 1871—1879 г.

Форгач—австрийский посол в Сербии 1907—1911 г.

Франц-Фердинанд—эрцгерцог, наследник австрийского престола, убитый в Сараеве 15/28 VI 1914 г.

Фридрих Вильгельм IV—прусский король с 1840—1861 г.

Чиршский—германский посол в Вене с 1907—1914 г.

Швейниц—прусский военный агент при русском дворе с 1866—1871 г., с 1871—1876 г. германский посол в Австрии, с 1876—1893 г. германский посол в России.

Шебеко—русский посол в Австрии в 1914 г.

Штумм—в 1914 г. начальник политического отдела герман. министерства иностр. дел.

Шувалов, граф Павел Андреевич—генерал-ад'ютант, генерал от инфантерии; участвовал в Крымской войне, служил по министерству внутренних дел, где управлял департаментом общих дел. Позднее возвратился к военной деятельности, более 10 лет состоял начальником штаба войск гвардии, принимал участие в Турецкой кампании; с 1885—1894 г. состоял чрезвычайным послом в Берлине.

Шувалов, граф Петр Андреевич—русский посол в Лондоне с 1874—1879 г., представитель России на Берлинском конгрессе; с 1879 г. не занимал дипломат. поста.

Эйхман—в 1873 г. советник германского посольства в Константинополе (назначен на этот пост в июле 1873 г.).

Ягов фон,—в 1914 г. германский министр иностранных дел.

Переписка

В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем.

В последние годы за границей появился целый ряд книг и отдельных статей, касающихся империалистской войны 1914—1918 гг. Не мало издается и подлинных документов. У нас же в России почти ничего не сделано в этом направлении, поэтому, казалось бы, должна представить значительный интерес предлагаемая ниже переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.

Как известно, к началу мировой войны в 1914 году первый из них занимал должность военного министра, а второй—начальника генерального штаба. При организации штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевич был назначен начальником этого штаба. Таким образом, оба корреспондента занимали исключительно ответственное положение, и уже вследствие этого одного их переписка представляет весьма большой интерес. Оба они были главными руководителями военного ведомства при подготовке войны (правда, Янушкевич недолго), и оба почти год (до середины 1915 года) имели исключительное влияние на всю военную сторону русской жизни.

Всех писем в нашем распоряжении 204, из них 99 от Янушкевича к Сухомлинову и 105 от Сухомлинова к Янушкевичу. Письма на небольших листках почтовой бумаги, со стороны Сухомлинова с бланком „Военный министр", а со стороны Янушкевича на разнообразной бумаге, без всякого бланка и по большей части без дат. В письмах, в особенности Янушкевича, имеется очень много сокращений, большинство фамилий отмечаются одной буквой или начальными буквами имени и отчества, вследствие чего пришлось приложить значительные усилия к установлению всех тех лиц, которые таким образом обозначены. Затем о некоторых обстоятельствах говорится намеком, так что для пояснения смысла пришлось в скобках ставить некоторые раз'ясняющие слова. Небезинтересно, что почерк Сухомлинова совершенно не изменялся в течение всего периода переписки, тогда как Янушкевич, очевидно, не обладавший столь крепкими нервами, писал весьма неодинаково, и в особенности изменялся его почерк, когда ему приходилось писать о каких-либо тяжелых происшествиях на фронте.

Первое письмо Сухомлинова датировано 2-го августа 1914 года, а последнее 16-го июня 1915 года. Когда было послано первое письмо Янушкевича не видно, но на нем сделана надпись рукою Сухомлинова, что оно получено 7-го августа 1914 года. На многих письмах

Янушкевича имеются пометки рукою Сухомлинова о том, что эти письма докладывались царю.

Что касается содержания переписки, то оно очень разнообразно: весьма значительное место отводят оба корреспондента военным операциям; Янушкевич иногда не только говорит довольно подробно, но и помещает схематические чертежи расположения войск. Сухомлинов тоже очень интересуется военными операциями и дает кое-где советы, в особенности настаивая на „допинге" в отношении некоторых высших начальствующих лиц армии. Затем очень большое внимание в письмах уделяется высшим военным начальствующим лицам,—письма пестрят фамилиями генералов, в сопровождении очень часто весьма нелестных эпитетов. Отзывы иногда справедливы, но невольно является вопрос: почему же Сухомлинов, стоявший перед войной во главе военного ведомства, терпел и повышал таких генералов, которые явно непригодны оказались к делу и над которыми он сам же издевается? Отзывы о генералах обыкновенно вызывались их промахами на войне или необходимостью замещения тех или иных должностей. Всматриваясь и вдумываясь в эти отзывы, нельзя не удивляться иногда поспешности и суетливости, с которыми они давались, а подчас и крайней поверхностности суждений. Сквозь очень краткие, отрывочные фразы о новых назначениях все-таки часто видны те закулисные влияния и протекции, которыми руководствовались нередко более, чем заслугами данного лица.

Много внимания в письмах уделяется вопросу о снабжении армий. Очень скоро после начала войны на фронте почувствовался недостаток орудийных патронов, а затем ружейных патронов и винтовок. Янушкевич еще осенью 1914 года неоднократно пишет об этом Сухомлинову, иногда в довольно настойчивых тонах. Сухомлинов же на это реагирует не особенно сильно, повторяя больше о том, что наша промышленность недостаточно развита и что виноваты те, которые препятствуют помещению военных заказов в России, а отдавали все за границу. Несомненно, однако, что некоторыми предметами армии не были снабжены исключительно по недостатку понимания дела руководителями военного ведомства, так, например, было с ножницами для разрезывания проволочных заграждений, которыми стали интересоваться лишь тогда, когда из-за отсутствия их уже понапрасно уложили много народу (об этом свидетельствует в одном из своих писем сам Янушкевич). Плохо обстояло дело и с автомобилями, в особенности броневиками; повидимому, перед войной и в начале войны руководители военного ведомства не понимали в должной мере их боевого значения, и только после ухода Янушкевича в 1915 году с должности начальника штаба верховного главнокомандующего эти боевые единицы были использованы в более значительной мере. Не мало строк в письмах отведено отзывам о нелюбимых, неприятных Сухомлинову и Янушкевичу лицах. Касаясь этой темы, оба корреспондента, а Сухомлинов в особенности, не стесняются весьма сильными выражениями и крайне злобными характеристиками. Так, напр., отзываясь об известном хирурге профессоре Вельяминове, его именуют

„косая каналья"; в таком же роде отзывы об А. И. Гучкове, о ген. Ренненкампфе и др. Некоторое место уделено в письмах и личным делам, причем Янушкевич, даже в самые патетические минуты военных операций, не упускает в своем письме сделать приписку в 4—5 строк с „почтительным приветом" жене Сухомлинова. Тон писем очень дружеский, с одной стороны (Сухомлинова) это письма старшего, покровительствующего лица, а с другой (Янушкевича) письма благодарного и преданного человека. Изучая письма, надо признать, что по многим вопросам в них авторы высказываются весьма откровенно, держат себя нараспашку, причем оказывается и разница в характерах обоих генералов. Сухомлинов, в общем, спокоен и уравновешен, военные события не волнуют его до такой степени, чтобы это отражалось в письмах; напротив того, Янушкевич гораздо более нервен, потому ли, что он ближе стоял к ходу военных действий и был лицом за него ответственным или по свойству своего темперамента, но во всяком случае он далеко не хладнокровен, когда пишет о наших неудачах и, в особенности, о недостатках снабжения армий. Сухомлинов теряет самообладание исключительно говоря о лично ему неприятных людях *).

Для того, чтобы удобнее было читать письма и отдавать себе отчет в тех обстоятельствах, о которых они трактуют, ниже помещается краткий обзор военных событий за период, охватываемый интересующей нас перепиской, самые же письма печатаются в хронологическом порядке, насколько его можно было установить.

Ив. А. Блинов.

*) При чтении и изучении переписки Сухомлинова и Янушкевича крайне интересно сравнить дневник Сухомлинова, который равным образом проливает значительный свет на характер и деятельность этого генерала. Дневник (первая его половина) напечатан в журнале „Дела и дни" в Петрограде, книжка № 1. Переписка Янушкевича и Сухомлинова, как и дневник Сухомлинова, относятся к числу вещественных доказательств при деле о возбуждении уголовного преследования „о бывшем военном министре отставном генерале от кавалерии В. А. Сухомлинове, бывшем начальнике главного артиллерийского управления генерале от артиллерии Кузьмине-Караваеве и жене бывш. министра Е. В. Сухомлиновой". Означенное дело хранится в I отделении II секции Единого Государственного Архивного Фонда в Петрограде. В разборе писем и подготовке их к печати принимали участие сотрудники I отд. II секции Един. Госуд. Архив. Ф. в Петрограде Л. Л. Слухоцкий, В. А. Чермоев, В. А. Воронов и С. А. Дорошевский.

Краткий обзор военных действий русской армии за время от начала кампании до 1 сентября 1915 года.

16 июля 1914 г. была об'явлена мобилизация русской армии.

В ночь с 18 на 19 июля, германский посол Пурталес передал министру иностранных дел С. Д. Сазонову требование остановить мобилизацию в течение 12 часов, в чем ему было отказано.

24 июля австрийский посол граф Сапари также передал С. Д. Сазонову ноту об об'явлении войны.

Военные действия начались на германском фронте вторжением наших войск в Восточную Пруссию. 23-го июля русские раз'езды подходили к Сольдау, а к 14 августа германцы уже отошли к Кенигсбергу и Алленштейну. На этой линии движение русских войск остановилось.

Германцы, перебросив большие силы с западного и французского фронта, перешли в наступление, и 18 августа получено извещение, что немцы обрушились на два корпуса русских войск, причем русские понесли большие потери. Погибли генералы Самсонов, Мартос и Пестич.

Далее немцы продолжали движение вперед, а русские отходили к границе. Однако к 4 сентября наступление немцев было приостановлено.

12 сентября немцы двинулись снова вперед. 14 подошли к Осовцу начались кровавые бои в Августовских лесах и разбитые гер. анцы к 22 сентября оставили русскую территорию.

Между тем на австрийском фронте русские войска, собранные в районе гор. Луцка, 7 августа перешли границу и двинулись по направлению к гор. Львову. Пройдя 220 верст, с 4 по 21 августа, в непрерывных боях, армия взяла Львов. Австрийцы бежали.

В это же время австро-германская главная армия готовила русским серьезный удар на фронте Люблин-Холм. 12 августа эта армия начала наступление и 21 августа подошла к линии Ополе-Быхов. Однако, русские войска рядом боев с 22 августа нанесли австрийцам настолько серьезное поражение, что они принуждены были оставить позиции и спешно отвести свою армию к реке Сан. Галицийская битва окончилась. Русские войска 10 сентября заняли линию реки Сан.

Этот успех русских войск заставил австро-германцев начать новую операцию с угрозой русскому правому флангу в Галиции. Большие силы противников двинуты были в направлении Ивангород-Варшава. 28 сентября бои начались на этих путях, на левом берегу Вислы. 30 русские начали теснить неприятеля 17 октября он был

в полном отступлении, а к концу этого месяца отходил уже к самой границе.

Одновременно с наступлением в Завислинском крае, австрийцы перешли в наступление на реке Сан, но после трехнедельных упорных боев принуждены были отойти.

23 октября на всем 400-верстном фронте от р. Бзуры до Карпат австро-германцы быстро отступали. К началу ноября русские войска были на линии Ченстохов-Краков, а 13 ноября австрийцы оттеснены в район крепости Краков.

21 октября об'явлен манифест о войне с Турцией.

Желая остановить успех русских, германцы начали военные действия на прусском фронте у Бакаларжева, которые 19 октября окончились неудачей, и, собрав большие силы в районе Торна, перешли в наступление, угрожая русскому правому флангу на левом берегу Вислы. Русские передовые части отходили к Бзуре, где сосредоточивалась новая русская армия. Германцы упорным боем старались прорвать русский фронт, что им и удалось 6 ноября у Пионтека. Широкой лавиной немецкая армия двинулась на Стрыков, Брезины, Колюшки, Тушин и Рзгов, обтекая правый фланг русских войск, дравшихся у Лодзи; наши резервы быстрым ударом прервали сообщение прорвавшихся частей, и с 10 ноября германцы вели уже крайне упорные бои только, чтобы выйти из кольца русских войск. 13 им удалось прорваться к Стрыкову.

Лович-Лодзинская операция немцев окончилась неудачей и потребовала перевозки больших сил с западного фронта.

В Буковине 14 ноября русские вновь заняли Черновицы.

Далее бои продолжались до конца года, но не имели большого значения.

На Кавказском фронте 23 октября русские войска вторглись в Турцию и взяли Баязет. В конце декабря русские нанесли поражение туркам у Ардагана и разбили на голову турецкую армию у Сарыкамыша, где целый корпус был уничтожен.

В январе 1915 г. немцы начали новую кампанию ударом на правый и левый фланги русского фронта, в Пруссии и Галиции.

Уже в начале января выяснилось, что в Буковине и на перевалах Карпат стягиваются большие силы австрийцев. К 16 января бои принимают характер сражений, в которых русские войска имеют успех и продвигаются вперед. 25 января германцы производят 22 яростные аттаки на высоты в районе Козювки, и русские занимают главный хребет Карпат на протяжении 120 верст от Речетова до Волосате.

9 марта сдался Перемышль.

На северном фронте движение немцев началось в 20 числах января. Закончив формирование внутри государства нескольких корпусов, немцы бросили большие силы в Пруссию, имея задачей разбить X русскую армию. Русские войска начали отход к Неману и Бобру. 8 февраля происходили бои на путях к Осовцу, Ломже, Кадзидло и Плоцку. 10 февраля сражение приняло везде значительные размеры, а на Праснышском направлении достигло большого напряжения.

11 февраля неприятель ворвался в Прасныш, но к 14 февраля русские закрепили его за собой.

Бои продолжались, и к концу февраля русские удержались на линии к северу от Нарева и Вислы.

На Кавказском фронте к концу марта Зачорохский край с Артвинским районом очищены от турок.

Едва окончились описанные операции, на западно-галицийском фронте началось новое наступление, для чего германцы опять перебросили большие силы с западного фронта.

Уже в начале апреля австрийцы ведут ряд упорных аттак к востоку от Телепоча и Полен, 18 апреля боевые действия развиваются на фронте от Нижней Ниды до Карпат, в районе Тарнова упорные бои с значительным напряжением, на левом берегу Вислы также аттаки противника. 20 апреля противник переходит реку Дунаец. 22 русские терпят большие потери вследствие превосходства у немцев в огне тяжелой артиллерии. 24 апреля бои принимают характер большого сражения. Русские войска отходят к линии р. Сан, которую занимают к 1 мая. В южной Галиции за это время русские имели успех на 150-верстном фронте; на левом берегу Вислы русские отходили.

Бои продолжались на линии р. Сана, центром усилий был Перемышль. Наконец, 20 мая, оставив Перемышль, русские отошли на восток и 7 июня заняли Львовские позиции.

За это время на северном фронте развивались военные действия в Шавельском районе, где германцы перешли в наступление.

Русские войска отходили с боем и на севере и на юге.

В середине июня неприятель подвигается к Неману; между Вепржем и Бугом бои, упорные бои по линии Томашев-Замостье, аттаки на участке от Каменки до Галича, в Галиции.

2 июля неприятель занял линию прав. бер. р. Виндавы и Венты.

На Наревском фронте противник перешел в общее наступление, русские войска перешли на правый берег Нарева.

В Завислинском районе русские отходили, в Галиции также.

В середине июля на Наревском фронте сражения принимают ожесточенный, упорный характер, германцы стараются перейти Нарев, но русские войска еще держатся на реке.

К 23 июля Варшава оставлена, и русские войска отходят на восток. 5 августа германцы взяли Ковно, в эти же дни взят Новогеоргиевск, 9 оставлен Осовец, 15 оставлен Брест-Литовск, русские отходят от Вильно, Гродно, и по всему фронту с целью занять новое исходное положение для будущей кампании.

23 августа Государь издал приказ о вступлении в главное командование армиями, генерал Алексеев назначен начальником штаба, а великий князь Николай Николаевич наместником на Кавказе и главнокомандующим кавказской армией; помощником его был назначен генерал Янушкевич.

В августе же назначен военным министром генерал Поливанов.

* * *

2/8.

Дорогой

Николай Николаевичъ [1]).

Прилагаю два воззванія для подписи Его Императорскаго Высочества,— на польскомъ экземплярѣ надо подписать:

„Mikołaj", а не „Николай".

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ [2]).

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Сегодня докладывалъ Его Величеству, что Турція готовится къ войнѣ. Мин. Иностр. Дѣлъ опасается военныхъ дѣйствій на нашей Кавказской границѣ.

Государю Императору угодно было повелѣть мнѣ сообщить Вамъ,— для доклада Верховному Главнокомандующему,—что было бы благоразумно, на всякій случай, перебросить на Кавказъ 2-й Туркестанскій корпусъ (черезъ Каспій), что составитъ всего три корпуса тамъ.

М. А. Бѣляеву [3]) я передалъ для разработки этого вопроса.

Его Величество желаетъ знать мнѣніе Великаго Князя о назначеніи начальникомъ штаба VI арміи генерала кн. Енгалычева [4]) или штаба X арміи?

Въ Совѣтѣ Министровъ вчера поднятъ былъ Министромъ Финансовъ вопросъ о расплатѣ золотомъ на театрѣ войны.

Онъ просилъ, нельзя ли оповѣстить войска, чтобы берегли золото и расплачивались кредитными?

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

2/8—14.

Такъ какъ Великій Князь ничего не имѣетъ противъ назначенія генерала Курлова [5]) въ дѣйствующую армію, то Его Величество соизволилъ назначить его въ распоряженіе Верховнаго Главнокомандующаго, для назначенія на административную должность, когда это будетъ нужно.

7 авг. 1914.
Петербургъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Занятіе Каменецъ-Подольска противникомъ произвело здѣсь нехорошее впечатлѣніе.

Въ Кіевъ пріѣхалъ Величко [6]) и началось „самоокапываніе",—подъ Кіевомъ, говорятъ, возводятъ укрѣпленія,—тратятъ силы и средства,—вызвавъ панику въ населеніи.

Сюда и въ Москву бѣгутъ Кіевляне.

Тріо: Ивановъ, Алексѣевъ и Величко,—элементъ пассивный.

Ради Бога побольше „допинга"!

Письмо Ваше получилъ,—кн. Енгалычева назначаемъ нач. шт. X арміи.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Спѣшу доложить въ отвѣтъ на письмо отъ 2-го, что Великій Князь какъ разъ въ томъ же духѣ рѣшилъ вопросъ о Кавказѣ. Желательно все же, не смущаясь, снять оба Кавказскихъ, замѣнивъ генер. Берхмана [7]) на время войны г. а. Мищенко [8]), который послѣ войны очевидно не пожелаетъ остаться въ роли к-ра к-са.

Кавказъ можно смѣло поддержать Туркестаномъ, а въ крайности хвостовыми 2 и 12 В. Сиб. дивизіями. Турки сейчасъ не страшны.

На кн. Енгалычева В. Князь вполнѣ согласенъ, тѣмъ болѣе что это совпадаетъ съ указаніемъ Его Величества. О золотѣ будетъ отдано распоряженіе. Ѣдемъ сегодня „допингировать" Н. І. [9]) (Николая Іудовича Иванова). У него 19-го *начало.*

На Варшав. фронтѣ противъ А. (Александрова) все благополучно. Сегодня прибылъ г. Эвертъ [10]).

О г. Курловѣ я уже доложилъ Вамъ въ первомъ письмѣ. В. К. П. Н. (Великій Князь Петръ Николаевичъ) держитъ себя съ *поразительнымъ* тактомъ „друга и брата". К. Вл. (Кириллъ Владиміровичъ) тоже очень спокоенъ.

Прошу передать почтительный привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и вѣрить искреннему уваженію и сердечной благодарности.

Н. Янушкевичъ.

---

8 авг. 1914.
Петербургъ.

Дорогой Николай Николаевичъ.

Очень жаль, что нельзя направить пару нашихъ „воазеновъ" противъ крейсирующихъ кораблей германскихъ,—которые пытаются даже выбросить на берегъ десанты. Аэропланы эти будутъ отправлены во II-ю армію.

Изъ Карса требуемъ ихъ также для „ставки".

XXII корпусъ опасно снимать,—съ однѣми второочередными дивизіями задача VI арміи будетъ непосильна.

Жена шлетъ вамъ самый сердечный привѣтъ и добрыя пожеланія. Работа у нея кипитъ, и домъ мой превратился въ фабрику какую-то.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Наконецъ первый серьезный успѣхъ у насъ есть. Самый упорный I пр. (прусскій) корпусъ сломленъ. Нѣмцы отступаютъ. Хотя мы потеряли 8 ор. (орудій), но это честь и хвала 28 бр., которая до изнеможенія дѣлала свое дѣло. Зато 27 див. дала намъ 12 нѣмецкихъ. Допингировали и допингируемъ обоихъ Главнок. Приходится отъ директивъ переходить къ инструкціямъ. Былъ непріятный моментъ съ ерзаніемъ гв. [корпуса, который неизвѣстно для чего вывели изъ В. (Варшавы), что вызвало уныніе.

В. Гл. былъ этимъ такъ возмущенъ, что пришлось предупредить Я. Г. [11]) (Я. Г. Жилинскаго), чтобы впредь былъ осторожнѣе.

Подхлестнули 2-мя за день телегр. Н. І. И. (Н. І. Иванова) и одной Сам-ва (Самсонова) [12]) черезъ Я. Г. Видѣлъ вчера Н. А. Д. (Н. А. Данилова [13]). Его обстоятельный докладъ очень по душѣ былъ мнѣ и видимо понравился Вел. Кн.

Ю. Н. (Ю. Н. Даниловъ) [14]) началъ натягивать возжи и пришлось, какъ это мнѣ ни тяжело, подстегнуть. Вы знаете, что я вовсе не стремлюсь затирать или скрывать его работу и давалъ ему полный просторъ на игрѣ, не желая загребать жаръ чужими руками.

Извиняюсь за эту сплетню.

Ген. Эвертъ съ мѣста выпросилъ, какъ залогъ успѣха, назначеніе къ нему нач. штаба генер. Маркова [15]), какъ бывшаго его нач. штаба округа. Въ виду Вашего указанія о возможности назначенія ген. кн. Енгалычева въ VI или X армію я просилъ о назначеніи его въ VI армію. Боясь, что задержка можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія, я и позволилъ себѣ протелеграфировать Вашему Высокопревосходительству.

У Каменца все было немедленно улажено.

Покорно прошу передать мой почтительный привѣтъ Екатеринѣ Викторовнѣ и вѣрить моему глубокому уваженію и искренней признательности.

Н. Янушкевичъ.

В. К. вполнѣ освоился съ мыслью о необходимости притянуть II Кавк. корпусъ, замѣнивъ его Турк. войсками.

10/8.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше получилъ и спѣшу съ тѣмъ же фельдъегеремъ Вамъ дополнительно доложить.

По имѣющимся отъ агентуры и морск. отдѣла свѣдѣніямъ всѣ покушенія „съ десантами“ и пр. являются явной провокаціей адм. Эссена на выходъ въ открытое море. На обоихъ же фронтахъ дѣло воздушной развѣдки плохо. Ген. Рузскій [16]) лично это доложилъ въ Ровнѣ 7/VIII Верх. Главнок.

Арміи доносятъ, что ихъ аппараты переработали (вмѣсто 125 уже по 140—150 часовъ) и ихъ надо беречь для *крайней необходимости*, т. к. новыхъ очередныхъ аппаратовъ нѣтъ. Вотъ почему и имѣя въ виду, что пріѣздъ Г. Й. (Государя Императора) въ ставку состоится, вѣроятно, уже не въ Бар. (Барановичи), а дальше, возможно въ Вар. (Варшаву), гдѣ всѣ удобства для Г. И., то казалось бы можно направлять *всѣ* воздухопл. средства во фронты (въ ставку ничего).

Мы по 3 дня оставались *безъ всякихъ* вѣстей и несмотря на троекр. треб. еще не получили свѣдѣній о ран., убитыхъ и пр. изъ С.-З. фр.

Какъ вы изволили пожелать, теперь всѣ телеграммы Г. И. (Государя Императора) дублируются для Васъ.

О XXII к. усиленно просилъ В. Кн. Гул. (Гулевичъ) [17]). Сообщеніе, что кромѣ второочер. див. въ П. Б. (Петербургъ) стянута будетъ *50 див.*, и побудило снять XXII к. для напр. его въ составъ *Завислянскаго тарана*.

Объ убыли въ арміяхъ и о скорѣйш. налаженіи почты даны самыя энергичныя приказанія въ арміи. Лично говорилъ объ этомъ съ Н. А. Д. (Н. А. Даниловымъ). Не откажите поддержать оф. ход. Вел. Кн. къ И. Л. Гор. (И. Л. Горемыкину) о продленіи запрета водки. *Это очень нужно.*

Дай Богъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ полнаго успѣха въ ея прекрасномъ починѣ. Благодарю за память и прошу вѣрить искреннему уваженію и неизмѣнной признательности.

Н. Янушкевичъ.

11/8.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Въ дополненіе моей сегодняшней телеграммы и въ отвѣтъ на Вашу депешу объ г.-а. И. (ген.-ад. Ивановѣ) позволяю себѣ привести выписку изъ моего письма къ Н. І. (Н. І. Иванову). „Августѣйшій Верх. Главнок., находя направленіе, данное III и VIII арміямъ цѣлесообразнымъ, повелѣлъ Вамъ однако передать его непреклонную волю, что наступленіе этихъ армій должно вестись съ возрастающей энергіей и быстротой, *чѣмъ это было первые дни наступленія*, т. к. такое *стремительное* наступленіе настойчиво подсказывается всей обстановкой и представляется вполнѣ выполнимымъ въ виду отсутствія серьезнаго сопротивленія со стороны противника.

Августѣйшій Верховный Главнокомандующій выражаетъ полную увѣренность, что воля Его будетъ исполнена *надлежащимъ образомъ*".

Смѣю думать, что Ваше Высокопревосходительство изволите признать этотъ импульсъ достаточнымъ и теоретически даже чрезмѣрнымъ.

У Рен. (Ренненкампфа) [18]) въ бояхъ подъ Эйдкуненомъ выяснилось несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ начальниковъ 28 д., которые уже и смѣщены его властью. Пострадалъ и доблестно несъ всю тяжесть боя 110 Камскій полкъ. Докладываю о семъ для Вашего личнаго свѣдѣнія. Мѣры, облегчающія выясненіе потерь и скорѣйшую доставку писемъ въ армію, тоже преподаны.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ ген. Лечицкаго [19]). Вѣроятно, обойдемся безъ XXII или хотя бы $^1/_2$ этого корпуса.

В. К. очень внимательно выслушиваетъ доклады и поэтому во всѣхъ неудачахъ могу быть виноватъ исключительно только я одинъ, а потому заранѣе осмѣливаюсь просить казнить именно меня. О Курловѣ и Рейнботѣ [20]) я уже Вамъ докладывалъ.

Покорно прошу передать мой почтительнѣйшій привѣтъ Екатеринѣ Викторовнѣ.

Благоволите принять увѣренія искренняго уваженія и преданности навсегда признательнаго

Н. Янушкевича.

19—12/VIII—14.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній разрѣшите пояснить Вамъ событія 12/VIII.

Вчера съ $^1/_2$ дня стали доходить тревожныя телеграммы о ходѣ дѣлъ на фронтѣ IV ар.

Къ вечеру же выяснилось, что австр. обошли пр. фл. IV армии, ведя атаку на XIV корпусъ, что корпусъ въ безпорядкѣ отступилъ и что г. б. Зальца [21]) отдалъ распоряженія, которыя облегчали противнику окруженіе его арміи, и открылъ флангъ.

Я вызвалъ къ аппарату генерала Алексѣева [22]) в 11 ч. вечера и отъ него получилъ новыя данныя объ отсутствіи управленія въ IV арміи, о потерѣ связи, о недоставленіи срочныхъ или внѣсрочныхъ донесеній.

Если медленность наступленія Ю.-З. фронта уже нервировала общество, то что же будетъ при катастрофѣ съ цѣлой арміей и притомъ съ австр., которыхъ не билъ только лѣнивый.

Первая крупная неудача здѣсь была бы равносильна краху. В. К. все это учелъ и рѣшилъ немедленно перенестись въ Р. (Ровно) къ г.-а. Иванову для личной провѣрки, захвативъ съ собою едва уже не отбывшаго къ г. Ж. (Жилинскому) ген. Э. (Эверта). Личный докладъ г. Ал. (Алексѣева) и ген.-а. Ив. (Иванова) подтвердил, что управленіе XIV корп. и IV арміей были отрицательныя и что только благодаря иниціативѣ ком. XVI и Гренад. корпусовъ, не ушедшихъ на узкій фронтъ, — не произошло краха. Нужно было круто пресѣчь возможность повторенія и В. Кн. согласился на смѣщеніе ген. З. (Зальца) и Ж. (Жилинскаго Войтин-Мурдасъ) и на замѣну ихъ ген. Э. (Эвертомъ) и Клемб. (Клембовскимъ) [23]). Я глубоко убѣжденъ, что эта крутая мѣра будетъ серьезнымъ для всѣхъ пугаломъ. Намъ нужна побѣда надъ Австріей. Ихъ бьютъ Сербы, и вдругъ мы будемъ биты ими. Это недопустимо. Возможно, что придется смѣстить и Гутора (нач. шт.) [24]).

Ген. Леч. (Лечицкій) сегодня прибылъ, начиненъ и выѣхалъ. Мы ѣдемъ завтра въ Бѣлостокъ и вернемся къ ночи.

Прошу вѣрить моему глубокому уваженію и искренней признательности

Н. Янушкевичъ.

---

13 авг. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Получилъ Вашу телеграмму объ удаленіи изъ арміи двухъ генераловъ,—но что же я съ ними буду дѣлать. По моему, надо ихъ уволить отъ службы.

Въ Римѣ, какъ Вы знаете, открылась вакансія и очень хорошая,—кандидатомъ называютъ Николая Іудовича,—но думаютъ, что Верховный Главнокомандующій не пожелаетъ съ нимъ разстаться. Жаль.

Хорошій урокъ, — имѣя всѣ данныя въ рукахъ для активныхъ дѣйствій, — окапываться и сидѣть до тѣхъ поръ, пока противникъ не возьметъ иниціативу въ свои руки и не перейдетъ въ наступленіе.

По свѣдѣніямъ изъ иностранныхъ источниковъ Италія не объявляетъ войну Австріи только потому, что на Галиційскомъ театрѣ мы бездѣйствуемъ.

Не могу хладнокровно говорить объ этомъ. Боже мой, какой допингъ тутъ нуженъ!

Жена шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ.

Храни Вас Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

15 авг. 1914.

Петербургъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Уберите отъ Н. І. И. (Н. І. Иванова) — Величку, который равнодушно видѣть не можетъ почвы, чтобы въ нее не зарываться, и тормозитъ только всякое поступательное движеніе.

Поѣхалъ къ Вамъ и баронъ К. (Каульбарсъ) [25]),—воображаю, что онъ тамъ у васъ наавіатитъ. Богатая у него фантазія на Жюльверновской подкладкѣ.

Вчера „Илья Муромецъ" № 1 на охтенскомъ полигонѣ пробовалъ стрѣльбу изъ пушки, на немъ приспособленной...

Стрѣлялъ превосходно,—но его приняли за непріятеля, и войска, на Охтѣ стоящія, открыли по немъ огонь залпами. Слава Богу, никого не ранили и только прострѣлили одно крыло.

Былъ у меня опять Куропаткинъ [26]) и со слезами на глазахъ просилъ дать ему корпусъ въ дѣйствующей арміи. Такъ у Васъ можетъ собраться полный комплектъ героевъ Маньчжурской кампаніи.

Если б. Зальца вернется въ Казань, то пожнетъ то, что посѣялъ: пустыню въ Штабѣ округа.

Въ этомъ отношеніи и Штабъ Петерб. округа пострадалъ,—никого нѣтъ, некому работать.

Дай Богъ, чтобы все было благополучно здѣсь съ главнокомандующимъ Даниловымъ [27]). Скоро все уйдетъ на Западъ и положеніе въ тылу создастся нелегкое.

Одно утѣшеніе: Николай Чудотворецъ заступится за насъ у Господа Бога.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

15/VIII

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Получилъ Ваше письмо. Я уже приводилъ Вамъ текстъ одного изъ допинговъ.

Въ бояхъ IV арміи проявилась полная бездѣятельность ея конницы (кн. Тумановъ) [28]) и нераспорядительность начальства. Пока не

тронули Гутора, дабы дать осмотрѣться ген. Эверту. Теперь есть надежда, что Мукденъ тамъ не повторится. Пережили уже 3 скверныхъ дня, а ночи почти не спали. Чтобы парировать, напрягли всѣ силы. Свернули все возможное. Въ частности XVIII. Вмѣсто 2-хъ паръ ж. д. дали 60... Составъ переутомился, но работалъ во всю. Сообщу ст. секр. Рухлову [29]). Отрѣшенъ вчера и Артамоновъ [30]) за быстрое отступленіе у Сольдау. Не поддержалъ себя и Мрозовскій [31]). Арт. (Артамонова) отрѣшилъ Я. Г. Ж. (Жилинскій). Пока лишь короткая телеграмма. Хотимъ протралить В. Пр. (Восточную Пруссію) до катастрофы на Рейнѣ. *Тралимъ* на Львовъ помощью III и VIII. Вѣроятно, сегодня въ $^1/_2$ — 1 перех. отъ Львова. Приходилось вопреки теоріи изъ ставки давать инструкціи не только что, но и какъ дѣлать. Обидно.

Я. Г. (Жилинскаго) видѣли. Спокоенъ. Н. А. Д. (Н. А. Даниловъ) и А. Ф. З. (А. Ф. Забѣлинъ) [32]) работаютъ во всю. Страхъ за работу Д. Д. Кузьм. Кар. (Д. Д. Кузьмина-Караваева) [33]). За б. Зальцу В. Кн. проситъ (вернуть въ Казань). Старикъ ослабѣлъ, но дурного ничего не сдѣлалъ. Умѣстно ли это, судить не берусь.

Почтительно цѣлую ручку доброй феи страдальцевъ нашихъ — Екатерины Викторовны.

На меня за письмо прошу не гнѣваться.

Искренно и глубоко Вамъ признательный и преданный

Н. Янушкевичъ.

17/8—14 Петербургъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

„Waso“ сообщаетъ лично слышанный имъ разговоръ, при прослѣдованіи Германскихъ моряковъ въ Турцію, на вокзалѣ: „Будемъ громить царскую резиденцію въ Крыму“.

Турція, по приказанію изъ Берлина, энергично готовится къ войнѣ и таковую намъ, повидимому, очень скоро объявитъ,—все идетъ къ тому.

Будетъ хорошо, если наши Черноморскіе моряки не ударятъ лицомъ въ грязь.

Отъ преждевременной поѣздки Его Величества на театръ войны удерживаю. Сообщите, когда можно будетъ объ этомъ уже думать и куда именно?

Просится по гражданскому управленію генер. Дорошевскій [34]) краткую записку о службѣ котораго прилагаю.

Человѣкъ очень толковый.

Будьте здоровы. Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

7/VIII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Получилъ Ваше письмо, смутился и огорчился. Въ появленіи Величко мы неповинны. Кто ему разрѣшилъ прибыть въ армію, не знаю. Были два раза в Ровнѣ, гдѣ всѣ встрѣчали до А. Ф. Забѣлина и Ф. Ф. Трепова [35]) изъ Кіева включительно, но Велички не было видно. Никакихъ форт. работъ на фронтѣ Н. І. (Иванова) до сихъ поръ офиціально не производилось. Въ силу всего этого я не имѣлъ возможности что-либо предпринять.

Ген. Каульбарса В. Кн. пригласилъ по просьбѣ А. М. (Вел. Кн. Александра Михайловича) исключительно для допинга авіаторовъ, которые притихли ссылаясь на изнашивание аппаратовъ.

Бар. Зальца все испортилъ съ Жил. (Жилинскимъ) на правомъ флангѣ, спуталъ все наши планы, т. к. закричали изъ армии караулъ. Допустить прорывъ и побѣду Австрійцевъ было немыслимо, а поэтому изъ Варш. и съ пути стянули все, лишь бы не дать вырвать успѣхъ австр. Но все это задержало наше наступленіе на западъ черезъ Варшаву—Ивангородъ. Преступная неустойчивость Арт. (Артамонова) и слабость к-ра VI кор. Благовѣщенскаго [36]) сильно испортили всю идею охвата въ В. Пруссіи.

Самс. (Самсоновъ) уже въ самую критическую минуту снялъ телегр. аппаратъ и исчезъ.

Я. Г. (Жилинскій) былъ вчера и просилъ о цѣломъ рядѣ перемѣщеній и разгонѣ виновниковъ. Англичане пристаютъ съ одной мѣрой менѣе разумной, чѣмъ другая. Видимо потеряли голову. Въ войскахъ же духъ идеальный, гдѣ хорошее начальство. Я получилъ три письма отъ ген. Кур. (Куропаткина). Послѣднее съ ссылкой на Васъ. Вел. Кн. еще по первому приказалъ категорически отклонить, сославшись на Высоч. повел. не трогать лицъ свиты.

Не знаю, удовлетворяютъ ли Васъ мои посильныя объясненія, но докладываю, что мы переживаемъ эти дни кризисъ. Все отъ Бога. Я полагаю, что нужно готовить призывъ новобранцевъ и ополченіе. Надо готовить всѣ силы. Хотимъ пустить партизановъ въ тылу противника. Почтительно цѣлую ручку Екатеринѣ Викторовнѣ.

Вашъ глубоко благодарный

Н. Янушкевичъ.

18 авг. 1914.
Петербургъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вчера вечеромъ былъ у меня англійскій посолъ съ предложеніемъ, нельзя ли черезъ Архангельскъ перебросить 3 или 4 корпуса на сѣверный берегъ Франціи.

Когда я ему объяснилъ, что это за операція,—тогда онъ пришелъ самъ къ заключенію,—что лучше, чтобы эти корпуса нажимали энергичнѣе на Берлинъ съ востока.

Видимо, дѣла на томъ фронтѣ не особенно хороши.

Странно ведетъ себя министръ внутреннихъ дѣлъ: критикуетъ воззванія Верховн. Главноком.—не желаетъ давать персонала для гражданск. управленія и закинулся „ни съ того, ни съ сего“ по поводу сооруженія въ Москвѣ, Царскомъ Селѣ и Твери мощныхъ радіографныхъ станцій.

Противъ этого непріятеля я окапываться не стану, а въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта министровъ самъ перейду въ наступленіе.

Вчера я уже это продѣлалъ въ засѣданіи Гл. Упр. Краснаго Креста,—по поводу ложныхъ донесеній и слуховъ о непорядкахъ въ тыловыхъ учрежденіяхъ дѣйствующей арміи.

Императрица Марія Ѳеодоровна меня потребовала къ себѣ именно по этому дѣлу. Она слушаетъ такого негодяя, какъ лейбъ-медикъ Вельяминовъ [37]),—бунтовавшаго мнѣ Воен. Медиц. Академію,—а онъ получаетъ отъ Гучкова [38]), Дашкова [39]) и К° невѣрныя свѣдѣнія, смущая затѣмъ Ее Величество.

Къ ускоренію прилива къ Вамъ новыхъ силъ употребляю всѣ усилія.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

За три письма покорно благодарю. Вчера выѣхали въ Ровно. Видѣли Н. І. (Иванова), подбадривали. Видѣли А. Ф. Забѣлина и гр. Бобринскаго [40]). Наладили вопросы гражд. управленія. Завтра въ Бѣлостокъ, гдѣ, видимо, совершенно растерялись. Вчера пріѣхалъ растерянный г.-кв. (генералъ-квартирмейстръ) Леонтьевъ [41]) „за приказаніями“. Выругали, но дали I (корпусу) крѣпко держаться на занятыхъ позиціяхъ и II отойти за Наревъ и устраиваться, а тамъ уже всѣхъ начали гнать „домой“. Потеряли связь со II арміей и даже не

пробуютъ возстановить. Все по подсказкамъ. Вр. ком. назначенъ Шейдеманъ [42]), Вр. ком. I корп. ген. Душкевичъ [43]) очень энергично водворилъ порядокъ. Арт. (Артамонова) и Кондр. (Кондратовича) [44]), какъ преждевременно бросившихъ и удравшихъ, предаемъ полевому суду. О XIII ни слуху. Изъ XV-й собрались 2 т. чел. по одиночкѣ. С-въ (Самсоновъ) застрѣлился въ лѣсу у Янова, но его штабъ плохо искалъ его тѣло. Мартосъ [45]) былъ героемъ дня. Его войска уже одержали побѣду. Были плѣнные, орудія, пулеметы. 2 дня дрались, и тутъ I и XXIII ни только не поддержали, но отошли почти безъ боя, не предупредивъ... Въ Ю.-З. у Плеве [46]) удача. Эв. (Эвертъ) твердъ. Р. (Рузскій) пошелъ на Львовъ (!!!) и оторвался отъ V-й. Брусиловъ [47]) хорошо (VIII) съ трофеями. Надо имъ подтянуться и тогда кулакомъ раздавить прорывающихся между IV и V. Гейсманъ [48]) смѣщенъ. Извините за почеркъ, 2-й день коньюктивитъ глазъ. А. Н. К. (Куропаткинъ) еще 2 письма прислалъ, но В. К. твердъ. В. Кн. очень Вамъ благодаренъ за ускореніе перевозокъ. Помогите съ автомобилями (бронир.). Это чисто моральное значеніе (хотя по 2 на армію). Про Гучкова ничего офиціально не знаемъ. Съ Турціей неизбѣженъ разрывъ. Эбергарду [49]) по указанію Wiso *) даны инструкціи—не стѣсняться и бить всѣхъ, если только войдутъ въ Ч. (Черное) море.

Цѣлую почтительно ручку Екатеринѣ Викторовнѣ и остаюсь Вашъ искренно благодарный и покорный слуга

Н. Янушкевичъ.

---

20 авг. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Величку вызвалъ Ник. Iуд. (Ивановъ),—сколько помню сославшись на Верх. Гл. согласіе.

Теперь, слава Богу, кажется, тамъ двинулись, и лишь бы только не застревали на крѣпостяхъ,—а обходили ихъ.

Для ускоренія перевозокъ сдѣлано все, что только возможно, и кое-что достигнуто, несмотря на чрезвычайную трудность и перегрузку графика.

Конечно, надо гнать изъ арміи все то, что не годится,—вѣдь дѣйствительно войска ведутъ себя геройски, а гг. генералы нѣкоторые, лучше, если бы они были на сторонѣ нашихъ противниковъ.

О Самсоновѣ Его Величество выразился, что напрасно онъ это сдѣлалъ. Извѣстіе объ этой неудачѣ Государь встрѣтилъ спокойно,—настроенъ твердо и отлично понимаетъ, что не могутъ быть только одни успѣхи на такомъ обширномъ пространствѣ военныхъ дѣйствій.

Куропаткинъ опять меня атаковалъ.

---

*) Въ письмѣ В. А. Сухомлинова отъ 17/VIII (стр. 222) „Waso".

Рѣшеніе же Верховного Главнокомандующаго, по моему, совершенно правильно и несчастное имя это признается въ публикѣ какъ „porte malheur", а съ этимъ надо считаться.

Съ милымъ Мих. Алекс. (Бѣляевымъ) работаемъ и принимаемъ всѣ мѣры, чтобы оказать во всемъ быструю помощь арміи.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Петроградъ.
21 авг. 1914 г.

Дорогой
Николай Николаевичъ.

Поздравляю отъ всего сердца,—побѣда весьма своевременна послѣ неудачи, которую агентство Вольфа раздуло до Геркулесовыхъ столбовъ: 70 т. плѣнныхъ и болѣе 500 орудій, якобы взятыхъ нѣмцами подъ Ортельсбургомъ.

Радуюсь за моего сослуживца и сотрудника Н. В. Рузскаго.

Нельзя ли принять мѣры, чтобы на поляхъ такихъ сраженій собирали наши ружья и доставили ихъ сюда; боюсь, что при массѣ формированій въ нихъ будетъ недостатокъ.

Какъ заводы наши ни напрягаютъ усилій, чтобы больше изготовлять ружей, но производительность всетаки ограниченная.

Съ амуниціей тоже трудно,—хорошо бы и ее собирать.

Вредный человѣкъ А. И. Гучковъ, посылающій изъ арміи телеграммы, въ которыхъ старается опорочить оборудованіе тыла. Сейчасъ получилъ изъ Москвы телеграмму отъ члена Госуд. Думы Щепкина[38]), который мнѣ сообщаетъ, что въ районѣ дѣйств. арміи Гучковъ напоминаетъ то, что было въ Японск. камп. въ Харбинѣ, и что неоднократно высказанныя опасенія въ бюджетной ком. Госуд. Думы оправдываются.

Словомъ, если бы онъ былъ заправителемъ всего на войнѣ, этого бы не было,—а по моему хорошо, если бы его самого при войскахъ не было,—этотъ негодяй рекламируетъ такимъ способомъ себя и настойчиво забирается въ войска,—что и дѣлалъ въ мирное время.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

21/VIII.

Ваше Высокопревосходительство
Глубокопочитаемый
Владиміръ Александровичъ.

Благодарю Васъ за Ваше письмо. Слава Богу, что крахъ у С—ва (Самсонова) смѣнился удачей Р. (Рузскаго) и Б. (Брусилова). Пришла диспозиція Н. І. (Иванова) и Вы бы не узнали его по тексту, т. к. двѣ удачи сразу все измѣнили и уже допингъ идетъ отъ него. Далъ бы Богъ осуществиться намѣченному.

Были вчера въ Бѣл(остокѣ) у Я. Г. Ж. (Жилинскаго). Онъ, слава Богу, успокоился. На первомъ планѣ наступленіе и лишь на второмъ оборона. Все обсудили и, если Богъ будетъ милостивъ, и нѣмцы не на крыльяхъ прибудутъ, то все еще можетъ наладиться, но естественно не сегодня—завтра. Я просилъ В. К. (Великаго Князя) испросить соизволеніе Г. И. (Государя Императора) на командированіе генералъ-адъютанта Пант. (Пантелеева)[51]) (какъ не разъ производившаго щекотливыя разслѣдованія) для разслѣдованія дѣятельности г.г. Арт. (Артамонова), Конд. (Кондратовича), Благов. (Благовѣщенскаго), на предметъ преданія ихъ полевому суду. Полагаю, что ошибки прощать можно и даже иногда должно, но явную трусость и отсутствіе чувства товарищества къ сосѣду, приводящія къ такимъ катастрофамъ и потерѣ столь благопр. исходнаго положенія,—нельзя. Жду отвѣта Я. Г. (Жилинскаго). Онъ долженъ былъ сегодня проѣхать по линіи остатковъ II арміи. Чудная, кроткая телеграмма Г. И. (Государя Императора) всѣхъ тронула до слезъ и сразу подбодрила изстрадавшагося Великаго Князя. Я просилъ его объ отрѣшеніи меня отъ должности для успокоенія общаго мнѣнія, но онъ отказалъ.

Масса жалобъ на эвакуацію раненыхъ. Я посѣщаю всѣ проходящіе черезъ ставку поѣзда. Видно, что администр. дѣят. нашимъ докторамъ еще не по плечу. Н. А. Д. (Даниловъ) положительно видитъ въ этомъ все зло. С. А. Р. (Ронжинъ) [52]) тоже. Они не умѣютъ быть начальн. санит. части. Люди по 3—5 день бываютъ не перевязаны, раненыхъ не кормятъ по 48 ч. и т. д. Все это создаетъ нехорошую атмосферу. Черезъ С. А. Ронжина устраняю, что возможно, но, кажется, и тутъ безъ Петровской дубинки не обойтись. Великій Князь страшно тронутъ Вашимъ личнымъ участіемъ въ ускореніи доставки войскъ. Бью челомъ помочь усилить ряды, подготовить формированіе 2 хъ новыхъ корпусовъ: XIII и XV. Нѣмцы плѣнные держатъ себя вызывающе, требуютъ вина и пива, ругаютъ солдатъ ferflüchte Russen и т. д. Думаю, что для примѣра надо будетъ парочку на обоихъ фронтахъ разстрѣлять и оповѣстить ихъ новые транспорты. Поразительно наши солдаты незлобливы и добродушны. Офицеры (раненые) подтверждаютъ, что нашихъ добиваютъ не только солдаты, *но даже* офицеры. Величку командировали *безъ вѣдома*. Очень нужно подогнать изготовленіе снарядовъ. Раненые съ любовью и слезами говорятъ о своей спасительницѣ, нашей артиллеріи. Стрѣляетъ она великолѣпно.

Покорно прошу вѣрить моему искреннему уваженію и благодарности

Н. Янушкевичъ.

Ваше Высокопревосходительство
Глубокопочитаемый
Владиміръ Александровичъ.

Про сраженіе у Таненбергъ-Ортельсб. точно сказать что-либо не смѣю, т. к. до сихъ поръ донесеній нѣтъ. Видѣлъ раненыхъ оттуда

и про XIII корп. ничего не знаютъ. Точно въ воду канулъ. Поймали на лѣвомъ берегу Вислы шофера, который возилъ австрійскаго командира корпуса и его нач. дивизіи. Находу старшій прочиталъ будто телеграмму изъ подъ Кенигсберга, что разбита II русская армія, и взято въ плѣнъ 18 т. чел. Нарвались де русскіе на фугасы и попали подъ тяжелую артиллерію. Шейдеманъ приводитъ II армію въ порядокъ. Настроеніе въ I-ой наступательное. Есть свѣдѣнія о значит. силахъ герм., направляемыхъ къ Бресл(авлю).

Принимаемъ мѣры. Что будетъ черезъ 7—10 дней или вѣрнѣе, что удастся сдѣлать—сказать трудно.

Летчики жалуются, что у нихъ нѣтъ рѣзкихъ отличій на аэропланахъ и по нимъ часто стрѣляютъ свои же.

Нѣмцы, кружась надъ нами, пускаютъ для сигнализаціи шарики, которые, разрываясь при паденіи, даютъ три цвѣта густого дыма: для артиллеріи красный, для пѣхоты бѣлый и для конницы черный. Это облегчаетъ сильно пристрѣлку нѣмцевъ. Нельзя ли и намъ помочь? Нѣтъ все еще бомбочекъ для летчиковъ. Просятъ снабдить.

Сильно хромаетъ эвакуація—доктора не справляются. Чудные спасители страждущихъ, но плохіе администраторы. Это общій голосъ изъ арміи, Ронжина и старшихъ начальниковъ.

Извиняюсь за постоянное выпрашиваніе чего-нибудь. Надѣюсь, у Екатерины Викторовны дѣло идетъ сверхъ ожиданій хорошо. Покорно прошу передать ей низкій поклонъ.

Глубоко Васъ уважающій и искренно за все благодарный

Н. Янушкевичъ.

Петроградъ.
24/8—14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Богъ дастъ, все образуется. Государь твердъ и спокоенъ. Ѣхать къ арміи не совѣтую,—пока Верх. Главн-щій не заявитъ самъ и не укажетъ куда.

Для налаженія всякихъ дѣлъ въ тылу—командировалъ Шуваева [53]) и Евдокимова [54]). Мнѣ кажется, что дѣло не въ однихъ докторахъ, а и въ нераспорядительности прежде всего завѣд. снабженіемъ тыла и разныхъ уполномоченныхъ, которые только констатируютъ факты непорядковъ и не дѣлаютъ сами ничего. Забѣлинъ, напр., отличился требованіемъ высылки изъ Петрограда того, что у него же имѣется самого и на что требуется именно его личное распоряженіе, г.г. же уполномоченные и мѣстные гражданскіе власти точно присутствуютъ на представленіи въ театрѣ, а не участники на театрѣ военныхъ дѣйствій. Упорядоченіе же тыла—самое трудное дѣло всегда было и, очевидно, всегда и будетъ. Для Петрограда же крупные бои являются

совершенно неожиданными, и какія бы мѣры ни принимались отсюда,— онѣ всегда запоздаютъ, а часто никакихъ мѣръ и принять невозможно.

Въ курсѣ дѣла этого Центръ не бываетъ и не долженъ быть, чтобы противникъ не узналъ обо всемъ раньше всѣхъ, какъ то было въ Японскую кампанію. Все, что только мнѣ по силамъ, я дѣлаю. Сегодня производимъ въ офицеры около 350 юнкеровъ Мих. и Конст. Арт. училищъ. 1-го октября выпустили около 2500 подпоруч.; 1-го дек. 4000 прапорщиковъ, 99 офицер. Инжен. уч. и 455—Артил. уч.

Изъ штабовъ и управленій не задерживали мало мальски пригодныхъ для строя. Для работы у насъ остается самое минимальное количество.

Маршевыя части не задерживаемъ, — на артиллер. вѣдомство нажимаю изо всѣхъ силъ. Ради Бога только распорядитесь принятіемъ мѣръ къ сбору ружей,—сербамъ мы послали 150 т., и запасы наши истощаются, — а производительность заводовъ слабая.

Ну—храни Васъ Господь. Какъ Ваши глаза?

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

25/VIII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Получилъ Ваше письмо отъ 24. Глубокопризнателенъ за командированіе въ тылъ Д. С. Ш. (Шуваева) и А. Я. Е. (Евдокимова), увѣренъ, что они помогутъ разобраться. Поневолѣ бьешь челомъ, когда изъ отдѣльной, вѣрнѣе, частной арміи раздаются крики отчаянія [вотъ сегодня отъ А. Е. Эв. (Эверта), что нѣтъ того или иного].

Не знаю почему, но Кр. Кр. (Красный Крестъ) ополчился на А. Я. Е. (Евдокимова) и, имѣя своего защитника въ лицѣ личнаго друга В.К. (Вел. Князя), „стонетъ", а Н.Н. (Николай Николаевичъ), видимо, давно настроенъ противъ Е. (Евдокимова) и на мою откровенную защиту въ первый разъ взволновался и запретилъ напоминать ему о немъ.

Post factum узналъ о личной телеграфной перепискѣ Великаго Князя съ М. Ѳ. (Императ. Маріей Ѳеодоровной) и Г. И. (Государемъ Императоромъ) о назначеніи въ помощь кн. Вас. (Васильчикову) [55]) и пресловутаго Вельям. (Вельяминова).

Ждемъ удара отъ Кениг. (Кенигсберга) и Бреславля. Готовимся встрѣтить эти 8 корпусовъ съ Рейна. Не откажите урегулировать неловкости съ Яп. (Японіей). По дошедшимъ слухамъ Яп. прав. (Японское правительство), охотно шедшее на помощь и предложившее намъ и морскія мины разныя и Артурскія (портъ-артурскія) орудія, *послѣ согласія* получило отказъ. Боюсь, что это охладитъ отношенія. Думаю, что въ нашихъ интересахъ ихъ теперь не обижать, и не смотрѣть на нихъ, какъ на quantité négligeable. Лучше взять лишнее негодное. Помогите въ этомъ смыслѣ. К.-Кар. (Кузьминъ-Караваевъ) и Русинъ[56]) должны) знать подробности. О почтѣ еще 10 дней назадъ ген. Рон. (Ронжинъ

доложилъ, что письма идутъ великолѣпно. За офицеровъ низко кланяюсь. Прикажите имъ имѣть сук. погоны со звѣздочками и смазать чѣмъ-либо лезвіе шашекъ, чтобы не блестѣли на солнцѣ, а то бьютъ на выборъ. Винтовки спасаемъ. Низко кланяюсь и прошу вѣрить глубокому уваженію и преданности благодарнаго Вамъ

Н. Янушкевича.

Петроградъ.
26/8—14

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Богъ дастъ все образуется, была бы лишь твердая воля довести дѣло до конца.

Вопросъ о новыхъ формированіяхъ насъ очень заботитъ, т. к. это дѣло нелегкое, разъ все почти отправляется въ дѣйствующую армію. Съ Мих. Алекс. (Бѣляевымъ) ломаемъ головы и придумываемъ, что дѣлать. Между прочимъ думаемъ батальонъ офицерской стрѣлк. школы не отправлять въ Варшаву, а развернуть его въ полкъ и создать практическую школу для подготовки молодежи къ исполненію офицерскихъ обязанностей въ арміи.

То же самое сдѣлать и съ батареей офицерск. артилл. школы.

Видимо можно ожидать десанта на Балтійскомъ побережьи. Надо только удивляться, какъ это у Вильгельма хватаетъ матеріала на Францію, на Россію и еще десанты задумываетъ.

Все это превращается въ какой-то бронированный пузырь. Неужели онъ не лопнетъ?

Министерство путей сообщенія жалуется, что наши зря иногда портятъ жел. дороги и мосты, которые потомъ намъ самимъ нужны и трудно затѣмъ возстанавливать.

Ну помогай и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Жена благодаритъ Васъ за память и шлетъ горячій привѣтъ.

27/VIII

Ваше Высокопревосходительство
Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень Вамъ признателенъ за письмо отъ 26/VIII. Сегодня опять переживаемъ, да уже и вчера съ вечера начали переживать, тревожныя минуты. С.-З. фронтъ совершенно не желаетъ „управлять", и приходится неподлежаще „предлагать на всякій случай" или „напоминать" даже мелочи. Съ разгромомъ II арміи и до сформированія X положеніе на лѣвомъ флангѣ I-ой стало очень серьезнымъ. Вчера могли имѣть подъ рукой 56 бат. 22 и 3 Сиб. корп. Это вѣдь сила....

Оказывается, 22 (корпусъ) самовольно высадился пакетами въ 3-хъ пунктахъ, а 3-й—въ двухъ. Управленіе не было объединено даже въ рукахъ корпусныхъ командировъ. Я до того уже по прямому проводу „просилъ" не рисковать пакетами и вести „развѣдку", отнявъ часть безполезно массируемой конницы Рен. (Ренненкампфа) и подѣлившись съ X корпусомъ, не сдѣлали. Я. Г. (Жилинскій) вчера вечеромъ сказалъ, что противъ X въ лѣвый флангъ I идетъ небольшая колонна. А сегодня оказывается эта небольшая колонна обратилась въ корпусъ, который „видимо" разбилъ по частямъ въ первомъ же бою 22-й (корпусъ) Бринк. (Бринкена) [57]), отмахнулъ на 40 верстъ назадъ, обнажилъ лѣв. флангъ Рен. (Ренненкампфа) и категорически отказался переходить въ наступленіе въ виду разстройства корпуса. Положеніе у Р. (Ренненкампфа) тяжелое, хотя онъ и бодрится. Дай Богъ миновать новую катастрофу; II-ю Шейдемана разбросили на 70 в. [это все потрепанныя части] и вдругъ приказали наступать. Я говорю сегодня по проводу, что лично не понимаю цѣли такого движенія разрозненныхъ и еще непополненныхъ частей и не могу объяснить себѣ бездѣйствіе 3-хъ кавалерійскихъ дивизій. Отвѣтъ такой: эти части уже 9—10 дней отдыхали, а *кавалеріи сейчасъ* будетъ послано приказаніе произвести усиленную развѣдку въ тылу [прошедшихъ фланговымъ маршемъ мимо II арміи] частей противника. Я не знаю, кто правъ и кто виноватъ. Рѣшилъ, что я, просилъ *отчислить*, но мнѣ отказали. За что же безполезно гибнутъ тысячи? Боясь нашей артиллеріи, австрійцы стали предпринимать ночныя нападенія, а наши не охраняютъ и не развѣдываютъ. [3-я Донская дивизія свиты г.-м. Евреинова [58]), посланная съ приказаніемъ занять деревню, не *дойдя на пушечный выстрѣлъ*, повернула безъ выстрѣла назадъ, онъ отчисленъ, теперь молимъ о паркахъ (продвинуть готовые) и пополненіяхъ запасн. [и маршев. команд.] людьми убыль. Она колоссальная... Просимъ изъ легко раненыхъ оф. и нижн. чиновъ составить кадры для возстановленія полковъ XV и XIII корпусовъ. К. (Клюевъ [59]), *по разсказамъ, но не донесеніямъ, позорно* лично сдался. Его войска стояли будто бы [больно говорить и писать] *на колѣняхъ*... а ружья были воткнуты штыками въ землю. Неужели, если это подтвердится, и онъ вернется въ Россію, то его помилуютъ и *не повѣсятъ*.... Я потребовалъ произвести разслѣдованіе. Очень было бы хорошо поручить разобрать все это ген. адъютанту, напримѣръ, Пантелееву со Звонниковымъ [60]). Я. Г. Ж. (Жилинскій) какъ будто не договариваетъ или вѣрнѣе на словахъ даетъ больше матеріала. Н. В. Рузскій проситъ произвести Бончъ-Бруевича [61]) [своего ген.-квар.] въ генералы. Я бью челомъ. Нельзя ли снабдить *дикую дивизію* конной артиллеріей, пулеметами, мотоциклетками, словомъ, укрѣпить ее, а то пропадетъ даромъ. Вы сто разъ правы: нужно упорство до конца. Простите за неровности письма. Глубоко васъ уважающій и благодарный

Н. Янушкевичъ.

28 авг. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Предъявитель этого письма галичанинъ Дудыкевичъ, котораго я Вамъ посылаю по указанію Его Величества.

Будьте добры доложить о немъ Великому Князю Верховному Главнокомандующему,—онъ доложитъ Его Высочеству то, что Великому Князю не безполезно будетъ знать.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

28/8—14 Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Вел(икаго) Кн(язя) противъ Евд. (Евдокимова) возстановили: Имп(ератрица) М(арія) Ф(еодоровна), подъ вліяніемъ негодяя Вельям(инова), и Двукраева.

Перваго давно надо бы уничтожить,—вѣдь что онъ мнѣ натворилъ съ Военно-Медицинской Академіей. Вотъ кого слѣдовало бы предать военно-полевому суду,—эту косую каналью....

А Двукраевъ, можетъ быть, хорошій врачъ, но никуда не годный администраторъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ спроектировалъ уничтоженіе всѣхъ госпиталей въ Петроградѣ и постройку ихъ внѣ городской черты.

Вел. Кн. помимо меня доложилъ это Государю Императору и проектъ получилъ одобреніе.

На такой абсурдъ я согласиться не могъ, и чепуха эта провалилась по моему докладу.

Все это приписывается Евд. (Евдокимову), и питерскими интригами, очевидно А. Я. Евдокимова травятъ.—Такъ нельзя поступать въ это тяжелое для всѣхъ время,—а загрязнять дѣйствующую армію Вельяминовыми и Гучковыми—прямо преступно.

Относительно Япон. (Японіи) мы не отказались, пріемщики уже выѣхали; справлюсь, въ чемъ дѣло.

Несмотря на то, что оба начальника снабженій армій фронта, казалось бы, опытные люди,—но ожиданій моихъ они не оправдываютъ. Кажется, права ихъ большія, а запросы, которые я отъ нихъ получаю,—прямо сердятъ меня. Нельзя же все дѣлать только изъ Центра.

Чуть ли не первая телеграмма отъ А. Ф. Заб. (Забѣлина) была: высылайте полушубки, валенки (?), папахи.

Когда телеграмма эта была у меня въ рукахъ, отъ жары въ Петроградѣ съ меня лилъ потъ.

Ну, да пошлетъ Вамъ Господь успѣха,—думаю, что съ австрійцами справимся.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Какъ громомъ поразила насъ всѣхъ телеграмма Государя Императора изъ Осовца. Берегли, не пускали Его въ Холмъ, а изволите ли видѣть, что вышло. Слава Богу, что сошло все хорошо и, конечно, произведетъ эффектъ среди войскъ.

Повидимому, и въ Вильнѣ все хорошо обошлось.

Смущаетъ насъ упорство Фрицевъ на Сувалкскомъ театрѣ. Ихъ явно немного, а упорство и нахальство невѣроятныя. Очевидно, опасаются переброски силъ къ Варшавѣ.

Позвольте бить челомъ. Не откажите помочь кавалеріи и артиллеріи совмѣстной покупкой и подъемомъ по военно-конской повинности лошадей. На южномъ фронтѣ еще полусносно, но на сѣверномъ бѣда. На ходу въ „дѣйствующихъ полкахъ“, даже гвардейскихъ, падаютъ. Увѣренъ, что при Вашей любви къ конницѣ Вы поможете, направляя совмѣстно всѣ усилія ремонтированія и государственнаго коннозаводства. И тамъ и тутъ есть хорошіе работники, а добрѣйшему Николаю Александровичу (Винтулову) [62]) послѣ его болѣзни, если не отдохнетъ мѣсяцъ—полтора, не справиться съ этой работой. Вѣдь въ перспективѣ чудится не 5—10—15 тысячъ, а 50—100... Надо, по моему, мобилизовать всѣ силы. Лошади в 10—12 лѣтъ годны къ работѣ, и, если нельзя ихъ брать въ мирное время, то на 6—8 мѣсяцевъ войны нельзя пренебрегать и 15 лѣтн. Теперь все нужно. Простите за многоглаголаніе, но картины, о конскомъ составѣ изъ армій приходящія, просто нагоняютъ ужасъ.

Надѣюсь, что застали глубокоуважаемую Екатерину Викторовну совершенно здоровой и бодрой.

Смѣю просить приказать подумать устроить „полевыя прачешныя“, чтобы изъ армій вывозили грязное жертвуемое бѣлье (какъ достояніе арміи, а не лица), дезенфицировали, мыли и возвращали. Тогда 3—4 комплекта пойдутъ за 10. Здѣсь нѣтъ средствъ ихъ учредить. Люди грязнѣютъ и бѣлье быстро изнашивается, а скоро трудно будетъ шить. Нужны набрюшники, фуфайки, шлемы и теплые носки. Радъ былъ видѣть Васъ и возстановить живое общеніе. Низко кланяюсь. Искренно преданный и благодарный

Н. Янушкевичъ.

---

29 авг. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Посылаю Вамъ справку, которая дастъ Вамъ понятіе о положеніи дѣла по снабженію артиллерійскими припасами.

Нажимаю во всю, но Вы сами понимаете, насколько это трудное дѣло. У Японцевъ купили то, что они желали.—Вашъ взглядъ я вполнѣ раздѣляю.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

---

29 авг. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Была у меня А. Н. Добрышина,—въ полномъ отчаяніи: говоритъ, что ея мужа отставили отъ ком. дивизіей. Знаю его хорошо и увѣренъ, что ни на что дурное онъ не способенъ,—а несчастіе какое-нибудь можетъ со всякимъ случиться.

Будьте добры посодѣйствуйте, чтобы его дѣло разобралъ генералъ Алексѣевъ,—нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія.

Ужасно тяжелое впечатлѣніе производитъ эта неудача бѣднаго Филиппа Николаевича (Добрышина) [63]).

Все ждемъ Вашей телеграммы, что съ австрійцами покончили.

Автомобильныя роты формируемъ, сегодня высылаемъ еще одну, на дняхъ отправимъ мотоциклетную батарею полковника Добржанскаго на бронированныхъ автомобиляхъ.

Устанавливаемъ 37 мм. орудія на брон. автомобили, и надѣюсь скоро ихъ отправить.

Скверно обстоитъ дѣло с эвакуаціей благодаря тому, что много разныхъ вѣдомствъ распоряжается и всѣ только и дѣлаютъ, что другъ на друга жалуются. Надо назначить одного крупнаго и дѣятельнаго хозяина, который взялъ бы въ свои руки представителей этихъ вѣдомствъ и распорядился единой головой. Предложу это сегодня Совѣту Министровъ.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Прилагаемое письмо прикажите направить по принадлежности.

29/VIII.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше получилъ. О назначеніи В—ва (Вельяминова) уже докладывалъ Вамъ. Постараюсь всячески нейтрализовать его здѣсь. Писалъ подробно А. Я. Евдокимову и сообщилъ все, что мнѣ извѣстно. Вопросъ о раненыхъ или вѣрнѣе объ ихъ эвакуаціи и вопросъ о патронахъ для артиллеріи—два ужасныхъ кошмара. Одинъ стараются раздуть, а другой самъ собою раздувается до ужасающихъ размѣровъ. Особенно голодъ въ пушечныхъ патронахъ великъ въ Ю.-З. фронтѣ.

Вчера въ Бѣлостокѣ выяснилось, что офицеры и нижніе чины XV и XIII корпусовъ, приходящіе группами и по одиночкѣ, являются всѣ достойными поощренія. Поэтому генер. Ж. (Жилинскій) просилъ назначить ихъ соотвѣтственно на формированіе вновь возрождающихся частей. Увѣряютъ, что всѣ или большинство знаменъ спасены и могли попасть въ руки германцевъ только древки.

По винѣ XXII корпуса обходъ Рен. (Ренненкампфа) принялъ очень серьезные размѣры. Ген. Ж. (Жилинскій) хотѣлъ сегодня побывать самъ у Бринкена и сдѣлать ему серьезное внушеніе. Но это теперь дѣла не спасетъ,

В. К. (Великий Князь) сдерживается и для большинства кажется почти беззаботнымъ. Но я, бесѣдуя съ нимъ, знаю, какой неимовѣрной цѣной работы надъ собой ему это достается.

Я вынесъ впечатлѣніе, что Я. Г. Ж. (Жилинскій) и его нач. штаба не представляютъ себѣ всей тяжести обстановки и „не вѣдаютъ, что творятъ".

О назначеніи разслѣдованія погибели XV и XIII корпусовъ я уже просилъ.

Представили къ Георгію Драгомирова [64]) и въ генералы Бончъ-Бруевича, въ надеждѣ, что Вы изволите поддержать.

Выяснилась громадная убыль старшихъ начальниковъ. Черпаемъ всѣ источники. Для корпуса и дивизіи нужны „упрямые кремни". Просится Скугаревскій. Какое Ваше мнѣніе? Допускаете возбуждать ходатайство на корпусъ?

Простите, что утруждаю каждый разъ,

Покорно прошу передать записку Екатеринѣ Викторовнѣ и вѣрить моему глубокому уваженію и преданности искренно Вамъ признательнаго

Н. Янушкевича.

Я. Г. Ж. (Жилинскій) выразилъ желаніе имѣть во главѣ 4 дивизіи вмѣсто устраненнаго Комарова [65])—генерала Добророльскаго [66]).

Въ виду настойчивыхъ просьбъ Д. (Добророльскаго) о предоставленіи ему мѣста въ строю, я долженъ буду сдѣлать представленіе, но въ виду серьезности вопроса о пополненіяхъ, наборѣ и формированіяхъ ополченскихъ частей, не знаю, какъ Вы взглянете на это.

Не протелеграфируете ли Вы мнѣ Ваше рѣшеніе о Скуг. (Скугаревскомъ) и Добр. (Добророльскомъ) до представленія или угодно чтобы я представилъ, и тогда Вы уже рѣшите вопросъ.

Ваше Высокопревосходительство
Глубокопочитаемый
Владиміръ Александровичъ.

Глубоко признателенъ Вамъ за Ваше письмо. Былъ здѣсь Великій Князь А. Вл. (Андрей Владиміровичъ) и подготовилъ къ мысли о возможности скораго пріѣзда (Императора.) Какъ это ни радостно, но думаю, что безъ приглашенія и челобитной отсюда было бы неосторожно. Будемъ внимательно слѣдить, и чуть представится возможность, не затягивая и 1 дня, протелеграфируемъ и, если угодно, то и я Вамъ дамъ условную депешу въ родѣ: „перемѣщеніе желательно". Было бы лестно, если бы „Георгій" былъ принятъ (Императоромъ) по челобитной Верховнаго отъ лица армій, но какъ къ этому отнесутся? Мое начальство очень осторожно.

Простите за вчерашній набросокъ на *лоскуткѣ*: оборвалъ его, отрывая и торопясь, не успѣлъ закончить.

Главное то, что теперь два кулака:

1) У Варшавы—XVII, I и II Сиб., I арм. II арм. IV арм., XXIII и 50 див. Подходятъ два корпуса V арміи: XIX и V, т. к. XVII задержанъ у Ивангорода, гдѣ теперь III Кавк., XVII, подходятъ гренад. к XVI, дальше идетъ IX армія, XIV, гв., XVIII съ XXV корп. до Сандомира. Съ подходомъ г. Плеве къ Варшавѣ ему добавятъ 2 корпуса изъ группы Шейдем. (Шейдемана). Въ Пример. группѣ гарн. Новг. (Новогеоргіевска) (1 корп.), VI, I Турк. и изъ Гродны 59 див. Въ раіонѣ Августовъ—Сувалки—Владиславовъ остался 6 корпусъ (считая второочер. див.). Пятаго, быть можетъ, начнется шевеленіе.

За лошадей низко бью челомъ. Идею объ офицерахъ доложилъ. Встрѣчено очень сочувственно и приказано немедленно преподать ее.

За прачешныя теперь спокоенъ. Лучшаго выбора, какъ передать въ опытныя руки женскія, нельзя было сдѣлать. Увѣренъ, что закипитъ теперь. Про Н. А. Д. (Данилова) думаю преувеличиваютъ. Есть 2—3 типа, которыхъ онъ давно уже корилъ за равнодушіе. Дѣло нервное, если выругалъ, то, право, нельзя винить.

Думаю, что мало кто сохранитъ хладнокровіе, когда рвутъ на части. 12 управленій и никто не беретъ на себя рѣшенія. Позволю себѣ поэтому просить Васъ выждать Вашимъ рѣшеніемъ, а меня извинить за вмѣшательство не въ свое дѣло. Сердечно тронутъ любезнымъ привѣтомъ глубокоуважаемой Екатерины Викторовны и прошу передать низкій поклонъ. Какъ ея здоровье?

О Немѣшаевѣ [67]) уже все пущено въ ходъ. С. А. Ронж. (Ронжинъ) передалъ о необходимости наладить дѣло въ Петроградѣ. Покорно прошу принять увѣреніе неизмѣнно глубокаго уваженія и сердечной за все признательности.

Н. Янушкевичъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше получилъ. Относительно Г. (Гучкова) доложу Верховному, дабы выяснить, что онъ занимается не своимъ дѣломъ. Не дай Богъ, если извѣстія о снарядахъ станутъ доходить до врага. Не знаю, что и дѣлать съ этими разнообразными сверхъ-попечителями. Спѣшимъ закончить перегруппировку до подхода врага къ Вислѣ.

Бѣда сейчасъ съ дорогами: размякли отъ дождей. Съ 30/VIII льетъ почти непрерывно. Въ одномъ мѣстѣ это было даже временно хорошо, а теперь не особенно. Артиллерію тащутъ люди на рукахъ.

Очень стали чувствительны холода. Нужны фуфайки. Моск. округъ (вѣрнѣе, кажется) Моск(овск.) у(ѣздн.) в(оинск.) нач(альникъ) сталъ отправлять запасныхъ, раздѣвая ихъ на 1/2 послѣ посадки въ вагоны. Люди стали прибывать или безъ шинелей или въ собственномъ одѣяніи подъ солдатской шинелью.

Будьте милостивы помочь намъ.

Покорно прошу передать почтительный привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и вѣрить искреннему уваженію и сердечной признательности

Н. Янушкевича.

Ваше Высокопревосходительство.

Спѣшно пишу 2 слова. Фельдъегерь с нетерпѣніемъ ждетъ, а я только что вернулся изъ Ковны, отъ Рен. (Ренненкампфа), куда меня командировалъ Великій Князь послѣ панической телеграммы Я. Г. Ж. (Жилинскаго). Съ I арміей, повидимому, неладно, хотя никакой паники я не нашелъ въ Ковнѣ и въ самомъ Р. (Ренненкампфѣ). Онъ увѣряетъ, что корпуса отходятъ въ порядкѣ, кромѣ 11, втянувшагося въ кровопролитный бой. Утверждаетъ, что имѣетъ съ корпусами связь черезъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба и что намѣренъ задержать нѣмцевъ до Нѣмана.

Я готовлюсь къ тому, что I арміи нѣтъ и прилагаю всѣ усилія выйти болѣе или менѣе благополучно при этихъ условіяхъ. Тогда будетъ легко справиться при лучшихъ.

Я. Г. (Жилинскій) донесъ, что Р. (Ренненкампфъ) *бѣжалъ въ паникѣ.* Этого никто не подтверждаетъ. Въ Ковнѣ комендантъ доложилъ, что крѣпость готова, но лишь гарнизонъ слабоватъ (I второочередная див.) При этихъ условіяхъ и въ виду подтвердившагося систематическаго отсутствія опредѣленныхъ приказаній и руководствъ изъ штаба фронта, Е. В. призналъ, что назначать Р. (Ренненкампфа) на фронтъ *нельзя*, а остановился на Н. В. Рузскомъ, оставивъ Р. (Ренненкампфа) въ арміи. Въ ней вѣрятъ Р.; многіе младшіе жалуются на фронтъ.

Съ Д. (Добрынинымъ) постараюсь разобраться. Говорятъ, что дивизія отхлынула, и руководства ею не было. Про Д. лично дурного не слышалъ. Попрошу А. (Алексѣева) разобрать и доложу.

Низко кланяюсь Вамъ и Екатеринѣ Викторовнѣ. На Ю.-З. фронтѣ идетъ, повидимому, къ цѣли.

Вашъ глубоко преданный

Н. Янушкевичъ.

Большое, большое спасибо за бронирован. автомобили (кошмаръ нашихъ I и II армій).

Государь объединилъ эвакуацію въ рукахъ Принца Ольд. (Ольденбургскаго). До того за два дня Великій Князь сдѣлалъ это по фронтамъ у Трепова и Рейнбота, но съ подчиненіемъ Заб. и Дан. (Забѣлина и Данилова).

Н. Я.

31 августа 1914.
Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Камень тяжелый съ сердца свалился, когда я получилъ вчера извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ на Галиційскомъ театрѣ войны противникамъ нашимъ. Вмѣстѣ съ удачными дѣйствіями французовъ—это уже крупная штука, въ особенности при томъ несомнѣнномъ утомленіи, которое начинаетъ обнаруживаться у нѣмцевъ.

Конечно, они пойдутъ, тѣмъ не менѣе, впередъ,—но со слабыми шансами на успѣхъ.

7-ю автомобильную роту я вамъ отправилъ и удалось послать съ нею первый бронированный автомобиль.

Во вторникъ 2-го сент. отправлю 8-ю роту.

Чтобы имѣть возможность формировать еще новыя автомобильныя части, я командировалъ за ними полк. Секретева съ небольшой комиссіей, гдѣ мы заказали грузовики. У себя дома мы забрали все, что только можно было.

Что касается формированія XIII и XV корпусовъ,—то М. А. Бѣляевъ Вамъ подробно пишетъ, какія встрѣчаются къ тому непреодолимыя препятствія, въ особенности въ отношеніи матеріальной части артиллеріи. Какая бѣда, что мы не имѣемъ своего Круппа. Какой грѣхъ на душѣ тѣхъ, кто систематически тормозилъ возникновеніе завода въ Царицынѣ, который сталъ возникать только на одномъ заказѣ морского вѣдомства. Попробуйте теперь получить хоть одну пушку отъ Шнейдера-Крезо.

Доложите Верховному Главнокомандующему мое вѣрноподданнѣйшее поздравленіе и самыя горячія пожеланія дальнѣйшаго успѣха.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

1 сент. 1914.
Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Только что телеграфировалъ Вамъ, что Скуг. (Скугаревскаго) не совѣтую брать; какъ воинъ, онъ ничего не стоитъ, а разводить всякую кляузу и подвохи большой мастеръ. Съ Военнымъ Совѣтомъ онъ разстался не чисто, не порядочно.

Что касается Добр. (Добророльскаго), то на немъ вѣдь только и держится мобилизаціон. отдѣлъ. Какъ его при такихъ условіяхъ отпускать?

Здѣсь всѣмъ тяжело оставаться,—всѣ просятся въ армію. Лукомскій [68]), напр., все время ноетъ и просится. Если только я отпущу Добр. (Добророльскаго),—то Лук. (Лукомскій) прямо сбѣжитъ, и

мы съ Вернанд. (Вернандеромъ [69]) останемся въ одиночествѣ, а тогда оружія слагать не можемъ, ну а перья придется сложить и бѣжать самимъ.

Работать и сейчасъ прямо уже не по силамъ,—а что же тогда будетъ.

Персоналъ С.-З. арміи намъ здѣсь рисуется слабымъ,—какой-то разбойно-гражданскій колоритъ, а не осмысленныя военныя дѣйствія. Такое впечатлѣніе, что хорошо бы всѣхъ и все убрать и начать все сначала совершенно въ другомъ тонѣ.

На другомъ фронтѣ все иначе и къ допингу воспріимчивы, въ которомъ (впрочемъ) большинство генераловъ и не нуждается.

Былъ у меня вчера генер. Шатиловъ (членъ Госуд. Сов.), тоже просится. Это честный солдатъ, можно рекомендовать для округа.

Жена страшно тронута Вашимъ пожертвованіемъ и проситъ очень, очень Васъ благодарить.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Вчера вечеромъ пантофельная почта распустила у насъ слухъ, что Сувалки заняты нѣмцами и что 60/т. десантъ прибылъ въ Мемель.

Кн. Енгалычевъ спрашивалъ (вчера же вечеромъ), правда ли это. А я задалъ ему тотъ же вопросъ.

Бар. ф. д. Бр. (Бринкенъ) надѣлаетъ Вамъ много хлопотъ, ту пой, упрямый и безтолковый человѣкъ.

---

2 сент. 1914
Петроградъ.

Дорогой
Николай Николаевичъ.

Считаю долгомъ сообщить Вамъ, что изъ 1-й арміи идутъ сюда самые неблагопріятные отзывы о Ренненкампфѣ. Мнѣ очень непріятно говорить объ этомъ, т.-к. Вы знаете мое мнѣніе о немъ до его назначенія въ Вильно, и выходитъ, точно я радуюсь, что мое мнѣніе оправдывается. „Метался по всѣмъ направленіямъ въ автомобилѣ, опасаясь участи Самсонова,—бросилъ свою армію и удралъ въ Ковно“—пишетъ одинъ генералъ и не мнѣ, конечно.

Не дай Богъ намъ быть битымъ на этомъ фронтѣ по частямъ.

Вамъ тамъ на мѣстѣ виднѣе, конечно, но благодаря моему предубѣжденію противъ этого „лихача“, какъ его называютъ,—я, можетъ быть, и заблуждаюсь.

Съ непорядками по эвакуаціи боремся изъ всѣхъ силъ и, можетъ быть, теперь Е. И. В. Принцъ Ольденбургскій—ставшій во главѣ этого дѣла—примиритъ цѣлую компанію постороннихъ вѣдомствъ,—только враждующихъ между собою и настоящаго дѣла не дѣлающихъ.

Храни Васъ Господь и помоги въ нелегкомъ дѣлѣ, выпавшемъ на Вашу долю.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

3/IX

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Все свершилось. Перемѣны состоялись съ молніеносной быстротой. Н. В. Р. (Рузскій) начинился разными данными и съ двумя предписаніями отправился въ Бѣл. (Бѣлостокъ), куда прибудетъ завтра въ 8 утра. Не завидую ему и Я. Г. Ж. (Жилинскому); обстановка для Н. В. (Рузскаго) очень невыгодная: ощипанная I-ая (армія) отошла подъ Ковну-Олиту, а X-ая уже получила щелчокъ, такъ какъ не заняла выходовъ изъ Авг. лѣсовъ и теперь будетъ дѣйствовать въ темную. Раздраженіе было огромное и съ трудомъ удалось смягчить и придать ему болѣе спокойную форму.

Всѣ 3 Ваши письма получилъ. О дѣйствіяхъ П. А. П. (Плеве) получились очень благопріятныя свѣдѣнія и мнѣ приказано запросить подтвержденіе отъ Н. І. (Иванова) и тогда будетъ представленіе къ Г. 4 ст.

О XIII и XV пока не получилъ отвѣта отъ М. А. Б. (Бѣляева). Во всякомъ случаѣ, это была лишь идея, а не настойчивая просьба. Конечно, многіе офицеры предпочтутъ вернуться въ родные полки. Съ нижними чинами будетъ проще. За бронир. автомобили низко кланяюсь. Конечно, съ матер. частью очень туго. Приказано выяснить пригодность и размѣръ австр. добычи.

О Ск. (Скугаревскомъ) забудемъ, а Добр. (Добророльскаго), я понимаю, отпустить трудно, но онъ меня бомбардируетъ и плачется, и я обязанъ былъ Вамъ доложить. Я. Г. Ж. (Жилинскій) намѣчалъ его на 4 див.

У Рен. (Ренненкампфа) одинъ огромный плюсъ—ему вѣрятъ войска и очевидно у него есть „счастье“. Потому что выйти изъ его ловушки цѣлымъ, это было чудо. Про его дефекты „этическіе“ много разговоровъ и этому способствуетъ его entourage не изъ блестящихъ.

Про его „бѣгство“ доложилъ Вамъ и начальству по совѣсти: я признаковъ его уже не засталъ, а *опросы* не подтвердили. Правда войскъ на позиціяхъ я не опрашивалъ.

Дай Богъ выйти изъ этого кошмара. Куда легче было бы пойти съ ротой. Все равно былъ бы конецъ скорый, а такъ сердцу дается непосильная работа и получается впечатлѣніе какой-то душевной игры на биржѣ.

Прошу передать мой почтительнѣйшій поклонъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и вѣрить моему искреннему и сердечному уваженію и преданности

благодарнаго Вамъ

Н. Янушкевича.

3 сент. 1914.
Петроградъ. Дорогой

Николай Николаевичъ.

Назначенія сегодня состоялись: Я. Г. Ж. (Жилинскій)—въ мое распоряженіе,—Н. В. Р. (Рузскій)—на его мѣсто и Р. Дм. (Радко-Дмитріевъ [70]) на мѣсто послѣдняго, съ производствомъ. Думаю, что Ф. Н. Добр. (Добрышинъ) будетъ реабилитированъ,—судя по тѣмъ слухамъ, которые сюда доходятъ.

Нѣмцы должно быть сильно себя ослабили на Западномъ фронтѣ,—французы энергично подвигаются, забирая артиллерію у германцевъ, лошади у нихъ, говорятъ, сильно отощали.

Вчера ушла 8-я автомобильная рота; сегодня буду смотрѣть бронированные автомобили, которые стараюсь Вамъ наладить.

Къ упорядоченію эвакуаціи принимаются самыя энергическія мѣры и по послѣднимъ донесеніямъ вижу, что и тутъ паника нашла себѣ благодарную почву: дѣйствительно до крайности трудное дѣло раздуто невѣроятно и все по слухамъ; какъ только начнешь добираться, видѣлъ ли человѣкъ самъ то, о чемъ говоритъ—большею частью слышалъ отъ другого,—а если видѣлъ, то совсѣмъ не то, о чемъ говоритъ и не тѣ краски на самомъ дѣлѣ.

Прилагаю Вамъ письмо анонимное о Мартыновѣ,—которое только что получилъ; написано толково.

Телеграфировалъ Вамъ вчера о легко раненыхъ, ихъ не стоитъ посылать такъ далеко и заполнять ими койки. Вчера былъ у меня Самаринъ [71]) и разсказывалъ, какъ на одной изъ остановокъ во внутренней губерніи изъ санитарнаго поѣзда всѣ легко раненые разбѣжались по окрестностямъ.

85% оказывается легко раненыхъ, которыхъ можно было бы или вѣрнѣе слѣдовало бы,—распоряженіями тыловыхъ учрежденій,—устраивать казарменнымъ порядкомъ, въ видѣ слабосильныхъ командъ.

Жена Вамъ шлетъ сердечный привѣтъ; часто говоримъ о Васъ. Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

5/IX

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Позволяю себѣ приложить эти 2 письма. Онѣ не единственныя. Уже были у меня два другихъ, но я ихъ уничтожилъ. Повторность, очевидно, не случайность и, очевидно, рѣшеніе объ Я. Г. Ж. (Жилинскомъ) должно успокоить отчасти умы. Что касается О. (Орановскаго [72]), то я передалъ о немъ Н. В. Р. (Рузскому), что штабъ былъ безъ авторитета и не умѣлъ или не хотѣлъ руководить. Теперь будетъ Б. Бр.

(Бончъ-Бруевичъ), которому Н. В. Р. (Рузскій) видимо довѣряетъ, и тотъ работаетъ не покладая рукъ, а въ С.-З. фронтѣ были бѣлоручки. Г-кв. Леонт. (Леонтьевъ), извиняюсь за выраженіе, „баба", безъ иниціативы и воли. Можетъ быть, теперь пойдетъ лучше. Теперь мои взоры съ тревогой глядятъ на Шейд. и Фл. (Шейдемана и Флуга [73]), чтобы ихъ конница во время предупредила объ опасности. Думаю, что нѣмцы попробуютъ устроить хулиганскій набѣгъ черезъ Нѣманъ (Тильзитъ) на Шавли, чтобы взбудоражить Петроградъ и Ригу или свернуть черезъ Млаву къ Варшавѣ.

Если Н. В. Р. (Рузскій) будетъ „маневрировать" согласно арміями и будетъ давать *твердыя задачи*, то Богъ дастъ, можетъ быть, выкарабкаемся.

Появился тутъ Вельям. (Вельяминовъ). Я ему *твердо* внушилъ: смотрите, но не отдавайте никому *ни единаго* распоряженія и всѣ пожеланія ведите черезъ меня. Обѣщалъ. Буду слѣдить.

Говорятъ о пріѣздѣ 7—10 к намъ Г. (Государя)...

Получено извѣщеніе о командированіи г-а Пантелеева. Дай Богъ ему возстановить истину.

Ждемъ „дикую" дивизію сюда до боевъ, для 5—7-дневнаго околачиванія.

Прошу передать почтительный поклонъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и, если можно, поцѣловать за меня ручку.

Искренне вамъ преданный и благодарный

Н. Янушкевичъ.

Переписку о М. (Мартыновѣ) возвращаю, раненъ, былъ въ плѣну (добровольномъ??? *), исчезъ пока.

Приложеніе I.

Ваше Императорское Высочество.

Группа русскихъ людей, горячо любящихъ Царя, родину и Васъ обращается къ Вамъ съ горячей мольбою: пожалѣйте арміи сѣверныя, которыя губятъ печальной памяти герои штабовъ Японской войны, вѣдь ни генералъ Жилинскій, ни генералъ Орановскій въ бояхъ не бывали, сидѣли въ тылу и привели къ разгрому насъ, ихъ винить нельзя, разъ бездарные, ничего не подѣлаешь, но оставлять ихъ теперь, когда Россія должна побѣдить, нельзя, эти люди, какъ ни будутъ стараться, побѣды не дадутъ. Въ Сѣверной арміи всѣ офицеры недовольны порядками, нѣтъ связи между отрядами, почему въ Южной арміи порядокъ, а тутъ Самсоновъ погибъ (застрѣлился), Ренненкампфъ тоже едва выскочилъ; все это показываетъ, что нѣтъ связи, а ее долженъ былъ создать Жилинскій съ Орановскимъ, но они не годятся; неужели нѣтъ достойныхъ героевъ изъ молодыхъ, не выскочекъ вродѣ Артамонова и Кондратовича, а истинно русскихъ честныхъ воиновъ.

Спасайте Россію, мы всѣ ляжемъ за нее въ бою, но подъ командою героевъ.

---

*) Знаки вопроса в подлиннике.

Ваше Превосходительство!

Помогите, пока не поздно, доложите Его Императорскому Высочеству вѣроятно просьбу всей Россіи, любящей Царя, избавить арміи отъ приносящихъ ей несчастіе людей.

Группа.

Фамилій нашихъ Вамъ не надо, такъ вѣроятно подписалась бы вся Россія.

Приложеніе 2.

Петроградъ 1914 г. 31 авг.

По имѣющимся свѣдѣніямъ господинъ Мартыновъ, лишенный по суду чина генералъ-лейтенанта и мундира, вопреки волѣ Верховнаго Главнокомандующаго,—не стѣсняясь средствами, работаетъ теперь повсюду для полученія дивизіи въ дѣйствующей арміи. Хитросплетенная интрига, очевидно, близка къ успѣху, такъ какъ, по словамъ его довѣреннаго лица, г-нъ Мартыновъ утверждаетъ, что „генералъ Ивановъ обѣщалъ ему дивизію, и тогда онъ поправитъ наше дѣло". Авантюристъ до мозга костей, творецъ памфлетовъ и пасквилей, ядовитой критикой начальства деморализующій армію, вредный въ политической жизни страны своимъ заигрываніемъ съ крайними лѣвыми во время революціи, самовлюбленный искатель дешевой популярности, г-нъ Мартыновъ, опасный для арміи и въ мирное время, не только въ военное,— какъ человѣкъ и какъ военный—заслуживаетъ полнаго презрѣнія.

Его нравственный обликъ выяснился уже давно—съ предательскаго пользованія именемъ генерала Леера, обрисовался далѣе двойной продажей себя: первой—когда ожидаемая сумма сорвалась и когда, послѣ шантажа и инсинуацій первой жены, онъ бросилъ ее съ семьей для второй болѣе выгодной сдѣлки. Окончательно эта грязная натура оказалась шантажемъ Суворина, дошедшимъ до нападенія на послѣдняго изъ-за угла, кулачной расправы и бѣгства Мартынова по черной лѣстницѣ, спасаясь отъ отвѣтнаго дѣйствія. Этотъ подвигъ, облетѣвшій всѣ газеты Россіи, былъ совершенъ Мартыновымъ еще въ мундирѣ, до суда.

Какъ военный, г-нъ Мартыновъ любезенъ лишь отрицательнымъ элементамъ арміи,—какъ онъ пріятенъ лѣвымъ партіямъ общества, это—военная парія, не щадящая никого, ради самовосхваленія и преслѣдованія узкихъ своихъ личныхъ цѣлей. Его пасквили въ печати въ корнѣ подрываютъ дисциплину и чинопочитаніе. Въ исканіи дешевой популярности онъ примкнулъ къ партіи соціалъ-демократовъ, издавалъ газету „Русь",—но перецѣнилъ событія—революція рухнула, надежда всплыть на ея волнѣ рухнула, какъ сорвался денежный расчетъ въ первомъ бракѣ. Наконецъ, за разглашеніе въ печати секретныхъ свѣдѣній, военный судъ снялъ съ г-на Мартынова генеральскія эполеты. Наконецъ-то у змѣи вырвали ядовитый зубъ, наконецъ-то недостойнаго генерала лишили мундира, прикрываясь которымъ, онъ творилъ свои грязныя дѣлишки. Неужели же теперь, охраняя честь и кристальную чистоту нашей арміи, допустятъ Мартынова, какъ онъ

говоритъ, „поправлять наши дѣла", вопреки широкой огласки его вопіющаго прошлаго,—общественному мнѣнію и приговору суда. Если для пріема въ части незапятнаннаго офицера требуется согласіе общества, неужели для разжалованнаго, даже хуже, лишеннаго судомъ воинскаго званія генерала, при его изворотливости, все возможно.

Къ чему тогда аттестаціи, кандидатскіе списки, когда въ настоящія святыя минуты будутъ всплывать темныя личности, занимать высшія должности и продвигаться впередъ, оттѣсняя достойнѣйшихъ, безупречныхъ генераловъ. Г-нъ Мартыновъ, снова проползши въ армію, снова возьмется за прежнее оружіе—и сложитъ снова памфлетъ, не щадя никого, снова начнетъ писать пасквили ради рукоплесканія лѣвыхъ, ради дешевой популярности,—дайте только матерьялъ.

Не хочется вѣрить, чтобы наша славная армія, когда она бьется съ врагомъ,—могла служить мѣстомъ для отброса господъ Мартыновыхъ, признанныхъ въ мирное время судомъ и обществомъ вредными и въ военномъ званіи нетерпимыми *).

---

5 сент. 1914 г.
Петроградъ.

Дорогой
Николай Николаевичъ.

Получилъ письмо отъ ген. Никитина [74]), который скорбитъ о томъ, что онъ остался въ Одессѣ съ одной 63-ей второочередной дивизіей и ополченцами. Спрашиваетъ, на случай появленія турокъ, на какое усиленіе можетъ разсчитывать VIII армія и въ чемъ будетъ ея задача. „Неужели мнѣ не прійдется участвовать въ нынѣшней отечественной войнѣ? Это было бы мнѣ очень больно и обидно",—заканчиваетъ онъ свое письмо.

Назначеніе Принца А(лександра) П(етровича) Ольденб. (Ольденбургскаго) произвело здѣсь очень тягостное впечатлѣніе рѣшительно на всѣхъ: находятъ, что теперь все окончательно въ тылу перепутается и пойдутъ катастрофы. Такъ мрачно я на это не смотрю, но работать будетъ несомнѣнно труднѣе: уже по одному тому видно, какъ энергично онъ добивается, чтобы въ Его распоряженіи былъ постоянный экстренный поѣздъ, въ которомъ онъ будетъ свершать набѣги. Министръ путей сообщенія въ ужасъ пришелъ. Я на это никакъ согласиться не могу, а Принцъ рветъ и мечетъ. Вотъ ужъ можно сказать: былъ конь, но изъѣздился. Онъ самъ мнѣ вчера сказалъ: „Я старъ, и память у меня плоха". Бѣдный Мих. Алек. Бѣл. (Бѣляевъ) долженъ былъ съ $8^1/_2$ утра до $11^1/_2$ выслушивать положительно бредъ какой-то. Сколько только можно будетъ, мы съ Бѣл. (Бѣляевымъ) постараемся предупреждать и сглаживать всякіе эксцессы, но какъ онъ начнетъ разгонять нашихъ сотрудниковъ—прійдется тогда уйти вмѣстѣ съ ними.

---

*) Это анонимное письмо, вышедшее, очевидно, из самых правых кругов офицерства, любопытно по силе своей вражды к либеральному генералу,—не стеснялись никакими средствами, лишь бы не допустить его снова в армию.

Съ бронированными автомобилями я очень тороплю, дѣло идетъ успѣшно, но въ 2-3 дня этого не сдѣлаешь. Надо только, чтобы личный составъ попрактиковался на мѣстѣ въ маневрированіи, на что здѣсь времени не будетъ, разъ надо скорѣе доставить ихъ въ армію.

Подошелъ 50-й день мобилизаціи, а Нѣмцы въ Парижъ не попали и повернули домой.

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

7/IX.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Вчера съѣздили въ Бѣл. (Бѣлостокъ) къ Н. В. Р. (Рузскому). Обсудили совмѣстно положеніе и задачи С.-З. (Сѣверо-Западн.) фронта. Положеніе не важное, т. к. I армія не боеспособна. Есть дивизіи съ составомъ въ $3^1/_2$ т. чел.!! при 18 ор. (орудіяхъ)!! Несмотря на всѣ усилія есть еще невыясненные IV и XXVI корпуса. Говоря, что на лицо и то не полно, Р. (Ренненкампфъ) отмалчивается о потеряхъ. Куда пропали люди? Въ плѣнъ или сложили головы??? В(еликій) К(нязь) этимъ крайне огорченъ и разрѣшилъ мнѣ написать Р. (Ренненкампфу) очень кислое письмо съ указаніемъ, что онъ даетъ Верх. (Верховному Главнок.) непровѣренныя, явно ошибочныя данныя, могущія вовлечь въ авантюры. В(еликій) К(нязь) отчиталъ вчера и Ор. (Орановскаго).

Авось всѣ эти гг. не пожелаютъ больше испытывать долготерпѣніе В. К., который не постѣснится ихъ убрать. Посылается одновременно соотвѣтствующее письмо отъ Н. Н. къ Г. И. (Вел. Кн. Николая Николаевича къ Государю Императору).

Повидимому, назначеніе Р. (Рузскаго) встрѣчено хорошо. Прибылъ ген.-адют. Пант. (Пантелеевъ). Завтра приступаетъ къ своей миссіи. Спѣшное возстановленіе I ар. является теперь первѣйшей задачей. Что кас. Ник. (Никитина), то предполагалось поручить ему операцію подъ Перемышлемъ. Впрочемъ, съ его упорствомъ и знаніемъ артиллеріи тутъ былъ бы хорошъ В. Т. Чернявскій [73]).

Насъ предупредили о скоромъ пріѣздѣ на 2—3 дня Г. (Государя).

Бога ради простите за назойливость съ патронами и автомобилями. Я передаю Вамъ лишь $^1/_{10}$ воспринимаемаго импульса. Бываютъ дни, когда 2—3 раза въ сутки требуютъ одно и то же. Объяснялъ, но это не помогаетъ. Просилъ М. А. Б. (Бѣляева) выяснить Вашъ взглядъ на использованіе Ф. Н. Д. (Добрышина) a la Рейнботъ.

Покорно прошу передать мой почтительный привѣтъ глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ, доброй и заботливой попечительницѣ о нашихъ раненыхъ. Прошу вѣрить искреннему моему уваженію и признательности.

Н. Янушкевичъ.

9 сент. 1914 г.
Петроградъ.

Дорогой
Николай Николаевичъ.

Только что былъ у меня членъ Государств. Думы помѣщикъ Ковенск. губ. Дымша и разсказалъ мнѣ о томъ, что произошло въ Тильзитѣ.

Оказывается, нашъ отрядъ оттуда выбитъ съ громаднымъ урономъ противникомъ, появившимся изъ Мемеля. Благодаря этому нѣмцы господствуютъ теперь и хозяйничаютъ въ богатомъ хлѣбномъ раіонѣ, на автомобиляхъ пріѣзжаютъ въ Шавли. Впечатлѣніе, понятно, какое производитъ это на край. Какъ съ этимъ быть, Вамъ, конечно, лучше знать. Мое же мнѣніе таково, что въ Восточную Пруссію наступательныхъ дѣйствій предпринимать не слѣдуетъ, очень ужъ неблагопріятны тамъ для насъ условія; но выгнать противника изъ Ковенской губерніи было бы необходимо, тѣмъ болѣе, что, повидимому, тамъ только разбойничьи ихъ набѣги, а не серьёзное движеніе.

Обѣщалъ Дымшѣ, что сообщу Вамъ все это.

Сердечно Вашъ
В. Сухомлиновъ.

---

9 сент. 1914.

Дорогой
Николай Николаевичъ.

Съ двумя задачами трудности у насъ неимовѣрныя: ускорить перевозку войскъ, благодаря размыву путей, очень и очень трудно; что только возможно, все дѣлается, и противъ экстренныхъ, отдѣльныхъ поѣздовъ Принца Ольденбургскаго надо бороться всѣми силами, ибо онъ этого не понимаетъ и находитъ, что все можно сдѣлать, при желаніи, „въ одинъ часъ". Нервируетъ онъ здѣсь насъ всѣхъ ужасно и могу себѣ представить, что творится по пути его слѣдованія. Потребовалъ помимо меня генерала бар. Роппа [76]) и приказалъ ему строить на Уралѣ заводъ для постройки бронированныхъ автомобилей. Налаживающуюся эвакуацію онъ намъ опять разстроилъ, и, не желая подвергаться разносу и оскорбленіямъ, частныя организаціи прекратятъ свою дѣятельность, идущую сейчасъ намъ навстрѣчу.

Вторая бѣда—артилл. патроны. Расходъ громадный, невѣроятный, а производительность нашихъ горныхъ заводовъ слабая. Они удвоили свое производство, но это капля въ морѣ, сравнительно съ расходами. Неужели вездѣ во всѣхъ частяхъ одинаковый и такой неимовѣрный расходъ, и нельзя уровнять и принять мѣры къ бережливому расходу? Все, что только можно, мы дѣлаемъ, сегодня созываются рѣшительно всѣ заводчики, которые могли бы намъ въ этомъ помочь, но Вы сами знаете, какъ слабо оборудованы наши заводы и какъ мы все время, несмотря на мои протесты, базировались на иностранцахъ. Вел.

Кн. Сергѣй Мих. очень болѣлъ и не поправляется, онъ плохо владѣетъ лѣвой рукой и ногой, до сихъ поръ не переѣхалъ изъ Михайловскаго, а погода у насъ уже скверная.

Былъ у меня одинъ летчикъ Воеводскій. Хорошо было бы, если бы Вы могли его выслушать. Самая большая для нихъ бѣда, это то, что наши же ихъ разстрѣливаютъ. Единственное средство, по его словамъ, запретить стрѣлять по нимъ, безъ разрѣшенія начальниковъ частей, которые могутъ точнѣе разобраться, возвращается ли свой или наступаетъ врагъ. Повидимому, враги наши устали, вѣдь два мѣсяца идетъ самая отчаянная „тамаша", выражаясь по-кавказски. Боюсь я, войска Вел. Кн. Михаила Александровича (дикая дивизія) будутъ грабить своихъ, а отъ противника пойдутъ на утекъ. Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

О поѣздкѣ Его Величества еще ничего не слышно, я совѣтовалъ ждать указаній Вел. Кн. Николая Николаевича.

9/IX.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Сегодня были въ Холму, куда съѣхались оба гл. фр. (главнокомандующихъ фронтами). Сообща рѣшили дальнѣйшія мѣры и взаимно оріентировались оба фронта. Въ это время была получена депеша, что надъ Яр. (Ярославомъ) взвился русскій флагъ.

Опять получилъ частное письмо отъ А. Н. К. (Куропаткина), проситъ вывести его изъ заколдованнаго круга невозможности сложить голову.

Н. І. (Ивановъ) усиленно проситъ за него и категорически отказался отъ Н. (Никитина). Былъ у насъ [по возвращеніи сюда] Дж. (Джунковскій)[77]. Обсуждали „польскій" вопросъ. Онъ въ курсѣ дѣла и предположеній, если угодно знать—благоволите его спросить.

Каждый день даетъ все большія основанія считать Р. (Ренненкампфа) тоже виновнымъ хотя бы въ „корнетской утайкѣ дѣйствительной обстановки послѣ боевъ". Думаю, что отдыхъ ему необходимъ. Пока у него сильныя подпорки.

Генералы Плеве, Эвертъ *представлены* Верховнымъ къ Георгію 4 (степени), Брусиловъ за геройское мужество и твердость (не могу держаться больше противъ атакъ противника и потому самъ перехожу въ наступленіе), къ Георгію 3 (степени).

Прочіе пойдутъ черезъ Думу. За парки низко кланяемся. У Сев.-Зап. фр. (фронта) положеніе лучше. Есть свѣдѣнія, что на исходѣ у Д. С. Шуваева сапоги, бѣлье и снаряженіе. Скоро будемъ просить доставку *фуфаекъ*, а потомъ и прочаго теплаго добра.

Не соблаговолите ли передать Дж. (Джунковскому) или Н. А. Маклакову [78]), что лучше бы Шепетицкаго (уніатскаго митрополита) убрать изъ гостин. Континенталь въ Кіевѣ въ Казань или Самару, а то сбѣжитъ. Я уже получилъ *косвенное* порицаніе за желаніе круто его убрать изъ Львова со всей его руссофобской перепиской.

В. Кн. проситъ переслать Черногорцамъ 30 т. берданокъ или австр. ружей съ 500 патр. Все австр(ійское, т.-е. всю военную добычу, взятую въ галиційскихъ бояхъ) приказано привести въ извѣстность, но это дѣло не легкое.

Нужны *очень* дезинф(екціонные) отряды на линіяхъ магистралей и особенно на путяхъ изъ Львова, откуда везутъ не мало дезинтериковъ австрійцевъ. Боюсь эпидеміи. Средствъ у насъ нѣтъ.

Доходитъ ропотъ, что тяжело раненые или вообще отпускаемые на родину перевозятся на *собственный*, а не на казенный счетъ. Докладываю на Ваше рѣшеніе. Простите великодушно за постоянное попрошайничество.

Покорно прошу вѣрить неизмѣнно глубокому уваженію и сердечной за все признательности

преданного

Н. Янушкевича.

---

11 сент. 1914 г.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Сейчасъ получилъ отвѣтъ Вашъ, что Верховный Главнокомандующій высказывается рѣшительно противъ назначенія Маниковскаго [79]) Нач. Гл. Артиллер. Управленія.

Что же дѣлать, — а это единственный выходъ былъ для меня заставить это вѣдомство работать во всю. Какъ Вы знаете, Вел. Кн. Сергѣй Михайловичъ опасно боленъ и двѣ недѣли никого не принимаетъ; Кузьминъ-Караваевъ потерялъ, что называется, сердце и твердитъ только одно: „надо заключать миръ“. Что же я могу сдѣлать въ отношеніи этого ужаснаго вѣдомства, съ которымъ борюсь съ самаго начала моего назначенія Военнымъ Министромъ? Маниковскій энергиченъ, знаетъ дѣло и болѣе подходящаго человѣка я не знаю,—онъ сильно помогъ бы улучшить артиллерійское снабженіе дѣйствующей арміи.

Ну да на нѣтъ и суда нѣтъ. Я потому надѣялся на согласіе Вел. Князя, что есть ген. Николенко [80]), который Кронштадтъ знаетъ тоже хорошо. Затѣмъ въ отношеніи обороны Петрограда со стороны моря трудно что-либо ожидать, т. к. нѣмецкіе изувѣры наставили тамъ достаточно минъ и едва ли рискнутъ сами на нихъ пострадать. Что же касается операціи, то мы такъ слабы, что сопротивляться въ этомъ направленіи будетъ трудно, и Маниковскій не поможетъ, оставаясь въ Кронштадтѣ.

Вотъ мои скромныя соображенія, которыя легли въ основаніе желанія—улучшить артиллерійскую часть. Изъ того же, что осталось, здѣсь рѣшительно не на комъ остановиться.

Такъ какъ неудача Реннен-фа была затушевана, а истинное положеніе дѣла стало выясняться въ публикѣ,—то въ обществѣ получилось разочарованіе и сильное негодованіе. Припутываютъ почему-то кн. Бѣлосельскаго и со всѣхъ сторонъ меня спрашиваютъ, убрали ли Рен. (Ренненкампфа)? Неблагопріятное впечатлѣніе производитъ и шествіе еписк. Евлогія за войсками въ Галицію. О теплыхъ вещахъ и всемъ остальномъ прилагаю усердіе изо всѣхъ силъ. Сербамъ необходимо помочь за счетъ австрійскаго имущества, в особенности, надо дать имъ пушки. Австрійское обмундированіе намъ использовать для своихъ неудобно.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Мой запросъ Н. В. Р. (Рузскому) о соотвѣтствіи Ренненкампфа еще не разрѣшился ничѣмъ. Ему, очевидно, ворожатъ черезъ Бѣл. Бѣл. (Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго), [81])—Орловыхъ и наличіе Вел. Кн. въ его кавалеріи.

Потери I арміи вообще громадны, а въ частности изъ Тильзита вмѣсто полка ушло *что-то*.

Все вниманіе направлено на Сув. губ. (Сувалкскую губ.) и, вѣроятно, когда вы получите это письмо, будутъ назрѣвать тутъ новыя событія.

Благодаря небоеспособности I арміи (дней на 5—6 еще) она можетъ лишь отражать удары. Но если бы намъ не везло, то, конечно, поставлено задачей скорѣйшее очищеніе отъ нѣмцевъ Сув. губ.

Сейчасъ извѣстно, что тамъ въ двухъ группахъ—(Кальварія—Маріамполь 1 к., Сувалки-Августовъ $1^1/_2$ к., всего $2^1/_2$ корп. и $1^1/_2$ кавалер. див. Посмотримъ, какъ дѣло пойдетъ у Н. В. (Рузскаго), будетъ ли онъ тѣмъ необходимымъ счастливцемъ, безъ котораго война—не война?

Пр. (?) мы не просили. Не просили и его 2-хъ помощниковъ. Получили post factum, что будетъ, не знаю. О постройкѣ завода слышу въ 1 разъ. Мнѣ ничего не сказали объ Уралѣ.

Пѣхота наша почти не стрѣляетъ и все больше выѣзжаетъ на плечахъ артиллеріи. Послѣдняя вначалѣ стрѣляла немилосердно по разъѣздамъ и одиночнымъ людямъ. Теперь строго предписано беречь патроны и развивать руж. стрѣльбу. Наши просьбы, мольбы о патронахъ для орудій—это уже результатъ подсчета всего и уравновѣшенія запасовъ. На всѣ требованія сократить расходъ патроновъ—отвѣтъ одинъ: тогда не будутъ наступать.

Глубоко жаль С. М. (Вел. Кн. Сергѣя Михайловича), онъ былъ бы очень полезенъ. Угодно ли Вамъ было одобрить мое предложеніе ген. Бѣляеву о командир. подп. Лонткевича въ К. (Кіевъ) и Львовъ, чтобы ускорить передачу австрійскихъ патроновъ, ружей и обмундированія.

О прекращеніи стрѣльбы были уже въ $^1/_2$ VIII (т. е. августа) отданы приказанія отъ меня обоимъ фронтамъ, но нѣмцы бомбометами съ аэропланов навели положительно панику и поэтому нѣтъ удержу— обстрѣливаютъ вопреки всему. Благоволите прислать Воеводскаго.

Прошу передать почтительный поклонъ Екатеринѣ Викторовнѣ.

Низко Вамъ кланяюсь и покорно прошу не гнѣваться за назойливость.

Преданный и благодарный

Н. Янушкевичъ.

---

14 сент. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Прилагаемое письмо я обѣщалъ кн. Шаховской доставить Вамъ, т. к. исполненіе ея желанія отъ меня не зависитъ.

Что же касается моего личнаго мнѣнія относительно этой авантюры, то я откровенно ей высказалъ, что считаю дѣло это неосуществимымъ.

Сейчасъ былъ у меня Треповъ, котораго Е. И. В. Принцъ Ольденбургскій привезъ сюда съ собой.

Онъ передалъ мнѣ, что Принцъ будетъ просить Государя о подчиненіи ему Главн. Военно-Санит. Инспектора. А такъ какъ Его И. Высоч. начинаетъ распоряжаться помимо меня въ моемъ вѣдомствѣ,— то, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ я буду лишнимъ человѣкомъ, и всѣ мои обязанности переданы будутъ Принцу Алекс. Петровичу.

Можетъ быть, меня и отпустятъ тогда съ миромъ на покой.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

15 сент. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Одинъ изъ членовъ Госуд. Думы сообщилъ мнѣ, что А. И. Гучковъ распространяетъ слухи о недостаткѣ снарядовъ въ арміи, имѣя конечно въ виду причинить этимъ мнѣ вредъ. Какой это негодяй, не считающійся съ тѣмъ, что подобное свѣдѣніе, дошедшее до противника нашего, можетъ быть для насъ гибельнымъ.

Я считаю это положительно равносильнымъ измѣнѣ и не даромъ опасался появленія его въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. Онъ и разслѣдованіе какое-то о Самсоновѣ, судя по газетамъ, производилъ,—а скоро и пропагандой займется. Могу себѣ представить, съ какимъ авторитетомъ онъ выступитъ со своей критикой послѣ войны...

Порадовался сообщеніямъ, что отъ Друскеникъ нѣмца отпихнули,— жаль, что не взяли цѣликомъ въ полонъ.

Жена моя шлетъ Вамъ сердечный привѣтъ.

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

15/IX.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Прилагаю телеграмму о вручении письма генер. Добрышину. Разыскали его съ трудомъ. Обвиненіе серьезное, но не знаю, достаточно ли обоснованное.

О Маник. (Маниковскомъ) докладывалъ. Верховный считаетъ его выше Николенки и поэтому не соглашается его отдать. Съ своей стороны, если позволите, совершенно откровенно скажу, что Маник. (Маниковскій) [знаю его съ артилл. училища] съ большими плюсами *штукмейстеръ* и, быть можетъ, нашумѣвши очень много, дастъ меньше. Знаю, что среди артиллеристовъ немалымъ авторитетомъ пользуется генер. Краевскій [82]), нач. арт. Петрогр. округа. Лично его не только не знаю, но даже не видѣлъ, а слышать пришлось часто.

Появленіе въ окрестностяхъ Кракова и Ченстох. большихъ силъ германцевъ съ угрозой уже начавшимъ втягиваться въ чулокъ арміямъ г. г. Лечицкаго и Эверта, побудило остановить дальнѣйшее движеніе на Краковъ, т. к. безъ обезпеченія отъ Ивангор. это было бы опасной авантюрой. Наша громоздкость въ маневрированіи уже не разъ была причиной неудачъ. Съ болью въ сердцѣ, но пошли на это. Протянется это дней 7—10. За это время Н. В. Р. (Рузскій) обѣщаетъ выправить свое положеніе и перейти въ наступленіе, сбить нѣмцевъ изъ Сув. губ. и пойти частью силъ на Варшаву, дабы образовать на лѣв. берегу въ общемъ маневренную группу въ 10—12 корпусовъ съ девизомъ: „Бреславль—Познань". Позволяю себѣ Вамъ все это докладывать, чтобы Вы были заблаговременно въ курсѣ для парированія возгласовъ въ публикѣ Петрограда. Н. В. Р. (Рузскій), признавая Рен. (Ренненкампфа), на поставленный ему вчера вопросъ, просилъ его *пока не* удалять. Состояніе арміи Р. (Ренненкампфа) оказалось съ 10/IX [до пополненій] 145 т. (тысячъ человѣкъ)+750 орудій. Много отсталыхъ приползло.

Не знаю, что дѣлать, но всѣ въ одинъ голосъ клянутъ порядки госпиталей и эвакуац. пунктовъ по сравненіи съ Кр. Кр. (Краснымъ Крестомъ) и частными организаціями. Не столько жалуются на плохое [бѣдное] оборудованіе, какъ на явную инертность, неумѣлость врачей, а мѣстами преступную небрежность. [Вотъ примѣръ. Въ Пинскѣ 58 нижнихъ чин. 2 дня были безъ перевязокъ, безъ пищи, подъ открытымъ небомъ, а въ двухъ шагахъ неразвернутый одинъ и незаполненный другой госпиталя в. вѣд. (военнаго вѣдомства). При этомъ удостовѣрено, что умершіе въ этомъ госпиталѣ 1 оф(ицеръ), 1 магом(ета-

нинъ), 4 староб(рядцевъ) и 10 прав(ославн.) ниж. чин. похоронены на город. свалкѣ у дороги..... Это подтвердилъ отецъ протопресвитеръ, котораго привели въ это ужасное мѣсто]. Конечно, 1—2 такихъ случаевъ довольно, чтобы разгорѣлся костеръ, который потушить мнѣ не подъ силу. „Добрые люди" передаютъ, что будто Я. Г. Ж. (Жилинскій) считаетъ меня виновникомъ его личной и боевой неудачи, въ виду *непрестаннаго мелочного* вмѣшательства. Это мнѣ кажется столь мало вѣроятнымъ, что даже не считаю возможнымъ отнимать время для реабилитаціи. Дѣлопроизводство въ ген.—квар. части въ полномъ порядкѣ и поэтому всегда можно удостовѣриться. Никогда не претендовалъ на право занимать столь высокое и сугубо отвѣтственное положеніе. Знаю, что десятки генер(аловъ) генер.-штаба достойнѣе меня по талантамъ. Смѣю лишь сказать, что никому никогда не рылъ яму, чтобы сводить личные счеты, а съ Я. Г. ихъ у меня не было и нѣтъ. Простите за примѣшиваніе личныхъ вопросовъ къ болѣе серьезнымъ вопросамъ общаго характера.

Сербъ уже удесятерилъ свои аппетиты, но я его охладилъ. Будетъ лишнее, дадимъ безъ счета, а пока—что можно. Если сейчасъ у Н. В. Р. (Рузскаго) будетъ благополучно, то *пріѣздъ* вполнѣ будетъ возможенъ.

Вотъ пока всѣ мои скудныя новости.

Покорно прошу вѣрить неизмѣнно искреннему глубокому уваженію и преданности

неизмѣнно благодарнаго

Н. Янушкевича.

16/IX.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Письмо Ваше получилъ и совершенно пріуныл отъ Вашей мысли. Не осудите меня за смѣлость, но позвольте думать, что Вы, какъ всегда, поставите интересы родины выше всего и въ столь тяжелое время поборете то, что было бы такъ понятно при мирной обстановкѣ. У Принца полное желаніе добра, но его окружили какіе-то авантюристы изъ породы „и мы пахали" a la Кочергинъ, гр. Сюзоръ [83]) и К-о. О Кочергинѣ я уже докладывалъ Е. В. и предупреждалъ. Думаю, можетъ быть, ошибочно, что и Ф. Ф. Т. (Треповъ) подливаетъ масла въ огонь. Нѣтъ, Ваше Высокопревосходительство, несите крестъ до конца. У Васъ такой союзникъ, какъ глубокоуважаемая Екатерина Викторовна. Съ ней Вамъ и не то будетъ легко перенести. Простите за это указаніе.

Про кн. Шаховскую сказано, что врядъ ли она принесетъ такую пользу, какъ разсчитываетъ. Вся бѣда, что наши войска точно въ паникѣ усердно разстрѣливаютъ именно своихъ летчиковъ. Алекс. Мих. (Велик.

Князь Александръ Михайловичъ) предполагаетъ очень скоро внести большой плюсъ въ дѣло авіаціи. Пусть немного обождетъ, а пока что не направите ли ее къ В. Кн. А. М. Пока спишутся, пройдетъ время.

Прошу прощенія за это письмо.

Глубоко Васъ уважающій и сердечно Вамъ благодарный

Н. Янушкевичъ.

19/IX.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Получена сегодня депеша о визитѣ на воскресенье (т.-е. о поѣздкѣ Императора въ армію). Не знаю, будете ли и Вы сопровождать. Все идетъ полнымъ ходомъ для противодѣйствія удару нѣмцевъ на Вислу. Господинъ Ф. (Флугъ?) оказался съ винтикомъ и испортилъ идеальную обстановку. Опять упустили Ульмъ. Н. Вл. (Рузскій) въ отчаяніи. Завтра ѣдемъ на расправу. Точно рокъ тяготѣетъ надъ С.-З. фр. Надѣюсь, Вы не очень на меня сѣтуете за мое послѣднее письмо.

Относительно Г. (Гучкова) сдѣлано распоряженіе притянуть его къ отвѣту за болтающійся языкъ.

Мылилъ ему голову Н. А. Дан. (Даниловъ) за Кр. Кр. (Красный Крестъ).

Думаю, что предстоящая операція будетъ очень серьезной и возможно рѣшающей судьбу кампаніи. Дай-то Богъ выйти съ честью!

Почтительно цѣлую ручку глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ и прошу вѣрить неизмѣнно глубокому уваженію и преданности искренне благодарнаго

Н. Янушкевича.

23/9—14.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Только что получилъ письмо отъ члена Госуд. Думы Звегинцева [84]). Посылаю его Вамъ на Ваше благоусмотрѣніе.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

1 окт. 1914.
Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Поѣздка въ Осовецъ оказалась очень удачной и весьма своевременной,—когда будетъ еще такой случай, а какъ это важно.

Царь очень доволенъ и, по моему, заслуживаетъ Георгія.

Относительно лошадей дѣлаю все, что только можно—напрягаемъ всѣ усилія.

Что касается полевыхъ прачешенъ,—то, когда я доложилъ объ этомъ Государю, Его Величество сказалъ: „Надо поручить это Вашей женѣ—при ея энергіи она и это устроитъ". Такое Высочайшее повелѣніе мною Екатеринѣ Викторовнѣ передано, и она уже хлопочетъ. Изъ разговоровъ съ ранеными офицерами я пришелъ къ убѣжденію, что громадная убыль офицеровъ получается потому, что они всѣ одновременно находятся подъ огнемъ. Казалось бы, что устройство „боевыхъ дежурствъ" было бы недурно. Въ боевыхъ линіяхъ по одному офицеру на роту было бы вполнѣ достаточно. Тогда, положимъ, въ ротѣ три офицера и зачастую всѣ три выбываютъ изъ строя, а если установить очередь, то этого уже не будетъ и надо три боя, чтобы, при несчастіи, всѣ трое выбыли.

Сегодня болѣе 2/т. молодыхъ офицеровъ выпускаемъ. Спеціалистовъ выпустимъ немного позже, а 1 дек. постараемся дать 4/т. еще.

Былъ у меня К. С. Немѣшаевъ, который готовится въ начальники Прикарпатскихъ желѣзныхъ дорогъ. Привезъ мнѣ проектъ „положенія", который Его Величество приказалъ мнѣ препроводить Вамъ.

Съ удовольствіемъ узналъ сегодня изъ Варшавы, по прямому проводу, что наши перешли въ наступленіе и отбросили противника отъ Вислы.

Нехорошіе отзывы получаются со всѣхъ сторонъ о дѣятельности Н. А. Данилова: грубъ, деспотиченъ и распоряженія возмутительно неосновательныя. Не ожидалъ этого отъ него, ибо считалъ умнымъ человѣкомъ. При такомъ поведеніи его буду радъ вмѣстѣ съ нимъ больше не служить.

Жена моя проситъ передать Вамъ самый искренній привѣтъ.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

---

3 окт. 1914 года.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Свиты Его Величества кн. Трубецкой [85]) рвется въ армію, и больше всего его устроило бы назначеніе начальникомъ кавалерійской дивизіи (только не второочередной).

Поправляется Ханъ-Нахичеванскій [86]) и тоже собирается ѣхать на театръ войны.

Но дѣло въ томъ, что его отношеніе къ Ренненкампфу таковое,—что совмѣстная ихъ служба, по моему, невозможна. Нельзя ли его назначить на Варшавскій фронтъ и, присоединивъ „дикую" Кавк. дивизію къ какой-нибудь регулярной, дать ему кавалерійскій корпусъ. Кабардинскій полкъ уже выступилъ, и дикая дивизія начнетъ скоро собираться,—а элементъ ея хорошо знакомъ Нахичеванскому по Японской кампаніи, а это облегчило бы Великаго Кн. Мих. Александровича.

Всѣ эти мои соображенія сообщаю Вамъ на Ваше усмотрѣніе.

Жена энергично взялась за прачешныя, и проектъ намѣченъ; вѣроятно, на дняхъ я Вамъ сообщу подробности.

Атакуетъ меня (адмиральша Макарова*) по поводу своего брата, котораго Реннен. предалъ суду, и увѣряетъ, что самъ бѣжалъ, бросивъ армію, а обвиняетъ въ томъ же командира полка, который этого не дѣлалъ. Она увѣряетъ, что потому-то онъ и преданъ суду другого корпуса, чтобы этого нельзя было выяснить.

Какъ я ей ни объяснялъ, что ничего не могу сдѣлать, она моихъ резоновъ не принимаетъ.

Кто-то прислалъ мнѣ прилагаемую справку—на всякій случай передаю ее Вамъ.

Будьте же здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

5/X.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Благодарю Васъ за письмо. Мысль о Ханѣ (Нахичеванскомъ) воспринята съ удовольствіемъ. Онъ будетъ назначенъ команд. корпусомъ изъ дикой дивизіи и дивизіи Стаховича или Фисенки на крайнемъ лѣвомъ флангѣ въ направленіи къ Карпатамъ. Что же касается Тр. (Трубецкого), то тутъ не выходитъ, и ему согласны дать 3-ю донск. казачью въ Ю.-З. фронтѣ. Признаютъ его для регулярной (кавалеріи) не вполнѣ авторитетнымъ.

Рен. (Ренненкампфа) довели теперь до 2-хъ корпусовъ. Пока еще не обидѣлся.

Нельзя ли усиленно заказать подковы? Большой недостатокъ. Скоро будетъ гололедица.

За прачешныя почтительно цѣлую, съ Вашего разрѣшенія, ручки у добрѣйшей и глубокоуважаемой Екатерины Викторовны. Доброе и большое дѣло, это вѣдь $^1/_2$ здоровья нижнихъ чиновъ, а то начнутся чесотки, и пойдетъ косить.

По Ю.-З. фронту до 20 сент. эвакуировано въ тылъ 145/т. раненыхъ и больныхъ, считая и 14/т. плѣнныхъ раненыхъ.

Событія медленно развиваются. Дороги задержали П. А. Плеве. Убираемъ на дняхъ Рауха [87]).

Лейбъ-казаковъ смѣняемъ на ставкѣ на 4—6 недѣль лейбъ-гусарами. У нихъ осталось ходо-способныхъ 350 коней.

Вотъ пока всѣ новости. О Пустовойтенко сейчасъ пишу гр. Бобр. (гр. Бобринскому).

Прошу вѣрить глубокому уваженію и преданности сердечно Вамъ благодарнаго

Н. Янушкевича.

---

*) Вдова известного адмирала Макарова, погибшего в Русско-Японскую войну на броненосце „Петропавловск". Пр. ред.

7 окт. 1914.
Петроградъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Графъ Фредериксъ передалъ мнѣ прилагаемую записку, составленную въ Капитулѣ Орденовъ (рѣчь идетъ о поднесеніи ордена св. Георгія Императору).

Такъ какъ взгляда Его Величества никто изъ насъ, по этому дѣлу, не знаетъ,—то вопросъ проектируется „вниманію" только Думы, а не рѣшенію. Если выяснится, что Дума того мнѣнія, что по статуту дѣло могло бы рѣшиться въ положительномъ смыслѣ,—то объ этомъ Верховному Главнокомандующему слѣдовало бы сообщить совершенно конфиденціально графу Фредериксу, или мнѣ, а тогда же явилась бы возможность узнать, какъ на это посмотритъ Государь, и вырѣшить затѣмъ это дѣло въ томъ или другомъ смыслѣ.

Его И. В. Принцъ Ольденбургскій исполнилъ наконецъ свою миссію полностью: „объединилъ всѣхъ" противъ себя. Дѣло запутывается все больше и больше,—а я вынужденъ былъ просить, чтобы изъ Гл. Управл. Генер. Штаба изъяли эвакуаціонную часть и передали ее Принцу. Рухловъ, вѣроятно, скоро попроситъ, чтобы все его вѣдомство передали тоже ему, ибо онъ уже на одной станціи нашелъ, что водоснабженіе не на своемъ мѣстѣ и приказалъ, говорятъ, перенести башню на другое мѣсто.

Жена моя шлетъ Вамъ душевный привѣтъ, а я дружески жму Вашу руку.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Ѣздилъ въ Москву и Тулу, чтобы подогнать изготовленіе оружія, снарядовъ, обмундированія и пр. При всемъ нажимѣ всѣ три завода изготовляютъ всего по 45/т. винтовокъ въ мѣсяцъ, 200/т. берданокъ приводятся въ порядокъ на Тульскомъ.

Съ фронтовъ очень мало поступаетъ для починки, а тамъ ихъ, говорятъ, масса.

Теплая одежда и сапоги успѣшно изготовляются и высылаются на фронты, лишь бы только доставка была налажена къ войскамъ, а то поѣзда заклиниваются на извѣстныхъ пунктахъ и разыскать ихъ иногда невозможно, 1.056.600 подковъ изъ Москвы назначено въ базисные пункты и заказано заводамъ $4^1/_2$ милліона.

Слава Богу, что Р. (Рауха) убрали, славу о немъ разнесли по всей Россіи, и комментировалось это очень нежелательно съ чисто нравственной стороны.

Мое мнѣніе, что въ тѣхъ же видахъ надо скорѣе избавиться и отъ другого Р. (Ренненкампфа), едва ли онъ самъ „обидится"—не изъ такихъ, а слава его похуже перваго неизмѣримо *).

Настроеніе у насъ вездѣ прямо удивительное—всѣ раненые рвутся обратно „на позицію", какъ они говорятъ.

О „поѣздкѣ" уже думаютъ,—на одномъ фронтѣ намѣчается Вар. (Варшава), на другомъ—неопредѣленно.

Поимка оберъ шталмейстера Саксонскаго очень всѣхъ забавляетъ, говорятъ, что это Саксонскій Гринвальдъ попался.

Государь еще не рѣшилъ, куда его отправить.

Прачешныя изготовляются въ мастерскихъ С.-Зап. дорогъ, но съ закрытіемъ границъ это не легкое дело, такъ какъ всѣ машины дѣлались не у насъ и производства этого здѣсь не существуетъ.

Будьте же здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Кн. Трубецкой ѣдетъ въ „ставку" самъ, съ письмомъ отъ Государя къ Его Имп. Высочеству.

Дивизію 2-й очереди онъ брать не рискуетъ, не надѣясь на то, что онъ съ нею справится, какъ человѣкъ, мало знакомый съ донцами.

Радуемся попятному движенію нѣмцевъ и опасаемся только, не кончится ли это тѣмъ, что они очутятся тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, если этимъ негодяямъ удастся отойти быстро и въ порядкѣ—только не въ такомъ, въ какомъ отходилъ г. Ренненкампфъ.

Не можете себѣ представить до чего становится здѣсь ненавистно это имя. Пріѣзжаютъ изъ I арміи за теплыми вещами и привозятъ такіе разсказы сюда о подвигахъ командующаго арміей, что прямо вѣрить не хочется.

Молодецъ Брусиловъ,—всѣ увѣрены, что съ натискомъ австрійцевъ онъ справится, а когда они ему надоѣдятъ, онъ самъ перейдетъ въ наступленіе.

Лошадей набираемъ, но, къ сожалѣнію, по качеству это не совсѣмъ то, что нужно, а количество большое. Не понимаю, какъ съ этимъ справляются нѣмцы и, должно быть, берегутъ этотъ родъ оружія, столь необходимый къ концу войны и столь хрупкій.

Измышляемъ всѣ способы для пополненія арміи боевымъ матеріаломъ, но страна до того не подготовлена къ массовому изготовленію, и мы такъ много брали внѣ Россіи, что теперь приходится тяжело.

Жена шлетъ Вамъ душевный привѣтъ; работаетъ удивительно и съ большимъ успѣхомъ, настолько, что вызываетъ зависть и всякаго рода „шпильки".

Храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ *В. Сухомлиновъ.*

---

*) Въ „Frankfurt Zeitung"—напечатано, что его сестра живетъ въ Дрезденѣ въ гостиницѣ Weisser Hirsch на полной свободѣ.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Думаю, что мы наканунѣ рѣшительной минуты: настроеніе напряженное. Враги дѣлаютъ все, чтобы сломить насъ, и наскребли всѣ силы. Надо и намъ сдѣлать то же, чтобы не быть, какъ подъ Ляояномъ, гдѣ не хватило энергіи на часъ-два. Не удалось прорвать—они рѣшили оттянуть, чтобы, преслѣдуя, мы оголили наши фланги, т.-е. Ахиллесову пяту. Дай Богъ имъ ошибиться этотъ разъ.

Если Богъ дастъ получать по 45 т. винтовокъ, начиная съ октября, то и то будетъ утѣшеніе. Фронты нажимаютъ. Обѣщаны населенію деньги за нихъ. Повторяю телеграммами распоряженіе все собранное отослать срочно. За подковы низко Вамъ кланяюсь. Очень нужны. Конскій составъ ужасный. Пришли на отдыхъ л. (лейбъ)—гусары, а отпускаемъ казаковъ (лейбъ-казачій полкъ). Больно смотрѣть на лошадокъ. А у кирасиръ Его Вел. по донесенію на лицо 103 лошади....

Нѣкоторые полки продѣлали за $2^1/_2$ мѣс. по 1500 в., а есть и по 2 т. У л.—гусаръ 2-й эск. имѣлъ за 75 дней 3 дневки....

Но главный, гигантскій, скажу, кошмаръ это пушечные патроны. Просто „жрутъ“ ихъ. Ругался, умолялъ, пугалъ—ни по чемъ. Я уже перешелъ на другое. Съ доклада предложилъ перейти немедленно на 6 ор. батареи: сбережемъ на черный день часть орудій. уменьшимъ на 25% потребность въ лошадяхъ, уменьшимъ на 25% потребность въ патронахъ и облегчимъ некомплектъ офицеровъ. На безрыбьи.....
.....или голь на выдумки....

Ждемъ возвращенія раненыхъ офицеровъ. У Брусилова въ 60 дивизіи почти не осталось мл. оф. Тогда изъ бездѣйствующей 9 кав. див сами вызвались отправиться туда 14 оф. на время этой операціи.

При наличіи „нарыва“ подъ Варшавой я думаю, что поѣздку (Императора) пока лучше задержать. Какъ только будетъ возможность, доложу Вамъ немедленно. Об. штал. (Саксонскій) сейчасъ въ Б. Лит. (Брестъ-Литовскомъ) госпиталѣ. Его полоснули изрядно „казачки“. Онъ при ихъ упоминаніи хватается за щеку и вопитъ: „Oh die Kosaken Kosaken!!“. Но уходомъ доволенъ и хвалитъ обращеніе въ письмахъ на родину. Съ крестомъ (орденъ св. Георгія царю) хотятъ рѣшить *къ пріѣзду*. За прачешныя земно кланяюсь благодѣтельницѣ и доброй феѣ Екатеринѣ Викторовнѣ. Потерпимъ.

Удачно работаютъ Литовцы. Взяли Ловичъ штыками. Лихой командиръ самъ впереди, и чаще всего съ винтовкой въ рукахъ. Его и принимаютъ за „сѣраго“. Прошу извиненія за послѣднія письма. Мы вернулись поздно, а были 2 дня подъ рядъ въ пути для „лѣченія“ фронтовъ.

Прошу вѣрить неизмѣнно глубокому уваженію и искренней признательности.

Н. Янушкевичъ.

15/X.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Очень благодаренъ за Ваше письмо, переданное мнѣ кн. Трубецкимъ. Дѣлаю Вамъ представленіе о назначеніи его начальникомъ 2-й кав. дивизіи съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Онъ видимо доволенъ.

Волосы становятся дыбомъ отъ прожорливости Ю.-З. фронта, особенно Брусиловъ. Что ни пишемъ—не помогаетъ. Только присылаютъ истерическія телеграммы. Уже обездолили С.-З. фронтъ. В. К. послалъ Ив. (Иванову) грозную телеграмму, что надо по одежкѣ протягивать ножки. Просто ужасъ!

Сегодня съѣхались съ разныхъ сторонъ по всѣмъ дѣламъ. Голова начала затуманиваться отъ 2—3 часовыхъ разговоровъ. Пріѣхалъ Немѣшаевъ. Мы его удовлетворили вполнѣ.

Глубокоуважаемой и добрѣйшей Екатеринѣ Викторовнѣ низко кланяюсь за привѣтъ и съ Вашего разрѣшенія почтительно цѣлую ручку.

Письмо обѣщаетъ скорый пріѣздъ (царя къ арміи). Дай-то Богъ, чтобы совпалъ съ хорошими минутами.

Сдвигъ колбасниковъ достигнутъ съ большой кровью. Потери большія. Они вездѣ дерутся съ отчаяніемъ. Есть полки [у Брусилова], выдержавшіе до 30 атакъ за эти дни.

Молодцы—чудо богатыри....

Будемъ ждать Васъ. Добро пожаловать.

Прошу принять мой почтительнѣйшій привѣтъ и наилучшія пожеланія, отъ искренне признательнаго

Н. Янушкевича.

---

16 окт. 1914.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Переходъ къ 6 оруд. батареямъ, по моему, тоже безусловно необходимъ,—вѣдь мы же и то „по большой программѣ“ должны были это сдѣлать.

Англійскій военный министръ умоляетъ прислать имъ казаковъ. Государю это нравится и Совѣтъ министровъ одобряетъ. Англичане пришлютъ для этого цѣлую эскадру въ Архангельскъ. Послать же можно одинъ изъ Сибирскихъ полковъ, я думаю 3-й. Конечно, надо снарядить его отмѣнно, назначить нѣсколько офицеровъ, знающихъ англійскій и французскій языки.

Надѣюсь, Верховный Главнокомандующій не будетъ ничего имѣть противъ этого, а объ этомъ въ Лондонѣ до того мечтаютъ, что давно уже видятъ казаковъ на улицахъ у себя. Англичане формируютъ громадную армію, сейчасъ уже до 1200.000, и появленія казаковъ имъ нужно для чисто психологическаго воздѣйствія на массы и привлеченія въ ряды волонтеровъ. Офицеръ, прибывшій ко мнѣ съ этимъ порученіемъ отъ англ. военнаго вѣдомства, разсказывалъ мнѣ, какія титаническія мѣры они принимаютъ для основательнаго разгрома Германіи.

Слава Богу, что подъ Варшавой свершился поворотъ въ нашу пользу,—этого здѣсь всѣ ждали съ нетерпѣніемъ.

Прачешныя въ полномъ ходу по оборудованію и помощь онѣ окажутъ несомнѣнную,—а организацію я Вамъ лично объясню при свиданіи.

Не пошлете ли Вы кого-нибудь [Ронжина] въ Ковель, разобрать, что тамъ дѣлается по эвакуаціи. Повидимому, тамъ никуда негодный воинскій начальникъ Тучковъ, какая-то грубая, безтолковая скотина. Больше мѣсяца тамъ стоятъ два отличныхъ санитарныхъ поѣзда №№ 2210 и 2211, а раненыхъ тащатъ въ простыхъ товарныхъ вагонахъ.

Будьте здоровы и храни Васъ Господь.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

18/X.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокопочитаемый

Владиміръ Александровичъ.

Спѣшу доложить Вамъ, что Великій Князь полагаетъ, что 3 очередной Сибирскій полкъ, можетъ быть, не дастъ того, что можно было бы получить съ Дона. Генералъ Покотилло только что мнѣ сообщилъ, что у него 42 сотни вполнѣ готовы, рвутся въ бой, хорошія лошади. Есть и офицеры крѣпкіе для боя. Верховный думаетъ, что при этихъ условіяхъ изъ 42 сотень можно будетъ достать на 4 сотни еще лучшій элементъ, чѣмъ изъ Сибиряковъ. Нужны только пики [ихъ вообще не хватаетъ около 12/т.]. Если бы Вы признали это предложеніе болѣе отвѣчающимъ, то можно достигнуть слѣдующаго: 1) представители самаго стараго войска, 2) наиболѣе извѣстные и страхъ наводящіе на Европу, 3) выборъ болѣе обезпеченъ, 4) скоро найдутся офицеры изъ ех-гвардейцевъ, знающіе языки, 5) пожалуй легче снарядить, и Покотилло распластается, чтобы не ударили лицомъ въ грязь.

Ждемъ съ радостью. Далъ бы Богъ съ удачей. Какіе подлецы турки и какія шляпы моряки. Простите за этотъ жаргонъ, но, право, обидно. Всегда проспятъ и въ усъ не дуютъ, точно это нормально.

Верховный Главнокомандующій послалъ грозную телеграмму о патронахъ Ив. (Иванову). Въ Кіевѣ у Бухгольца [88]) все не налаживается порядокъ, а онъ ершится и обижается, да и ладить съ создавшейся „обстановкой" не умѣетъ.

Нельзя ли перенести формированіе XIII корпуса Флуга въ Петроградъ. Казармы есть кругомъ. Средства легче получить и постепенное нарастаніе корпуса будетъ морально хорошо дѣйствовать.

Низко кланяюсь глубокоуважаемой Екатеринѣ Викторовнѣ. Прошу не гнѣваться на надоѣдливаго, но глубоко и искренне уважающаго и признательнаго

Н. Янушкевича.

Дорогой

Николай Николаевичъ.

Въ Совѣтѣ министровъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ заявилъ, что дать персоналъ для устройства гражданскаго управленія въ занимаемыхъ нами областяхъ—онъ не можетъ въ тѣхъ размѣрахъ, которые желательны Верховному Главнокомандующему.

Между тѣмъ наши поляки, такіе, какъ Велепольскій, Радзивиллъ и др., могли бы быть въ этомъ дѣлѣ полезны.

Прилагаю при семъ письмо Велепольскаго на тотъ случай, если Вы найдете нужнымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и доложить Верховному Главнокомандующему.

Въ армію пристроился А. И. Гучковъ, а гр. Толстой начинаетъ его уже рекламировать,—онъ оказывается спасителемъ среди всякихъ неустройствъ,—благодѣтель солдатъ и офицеровъ. Надѣюсь видѣть его скоро въ спискѣ забракованныхъ генераловъ.

Будьте же здоровы и Богомъ хранимы.

Сердечно Вашъ

В. Сухомлиновъ.

4/XI.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый

Владиміръ Александровичъ

Произведенное дознаніе выяснило, что Хлестаковъ, именовавшій себя бар. Остенъ-Сакеномъ,—бѣглый матросъ, кутила, уже не разъ осужденный за мошенничество. Жилъ въ Кіевѣ, но по фортамъ или вблизи ихъ не разъѣзжалъ. Въ составѣ штаба Р. [Рузскаго] не состоялъ, конечно, а дѣйствительно называлъ себя таковымъ, и ему было поручено отвозить подарки на боевыя линіи, а онъ ихъ сдавалъ въ штабы полковъ. Офицерство и дамы принимали его за лейтенанта кутилу. Онъ въ тюрьмѣ и будетъ преданъ суду за свои похожденія.

Назрѣваютъ новыя событія въ раіонѣ Лодзь—Плоцкъ и у Ченстохова.

В. М. Драгомировъ [89]) просится нач. дивизіи, ему хотятъ дать 2 гв. пѣх. див., а дивизію Добрышина—Киселевскому [90]).

Получилъ отчаянное письмо отъ Добрышиной; въ мѣрѣ силъ постараюсь ей помочь въ смыслѣ ускоренія его дѣла, но все рѣшеніе въ арміи, а противъ него былъ сильно вооруженъ П. А. Плеве.

Судя по телеграммамъ поѣздкой въ Ив. (Ивангородъ) о ч е н ь довольны (рѣчь идетъ о поѣздкѣ царя). Слава Богу!

Надѣюсь Екатерина Викторовна безъ Васъ здорова и продолжаетъ свое большое дѣло. Дай Богъ ей здоровья и силъ.

Прошу принять увѣренія глубокого уваженія и сердечной за все признательности.

Н. Янушкевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Примечания.

1) **Янушкевич, Николай Николаевич**, род. в 1868 г. мая 1. Получил образование в Михайловском артиллерийском училище, Николаевской Академии Генерального Штаба. В офицеры произведен в 1888 году.

По окончании Академии поступил на службу в штаб Виленского военного округа, откуда в 1898 году переведен в Главный Штаб; затем последовательно занимал должности в Кодификац. отделе при военном совете, в канц. военного министра, где состоял до 1913 г., занимая последние 2 года должность помощ. нач. канцелярии. С 1910 по 1914 г. был экстраордин. и ординарным профессором в Академии Генер. Штаба. В 1913 году назначен начальником Академии, а в марте 1914 г. получил назначение на пост начальника Генерального Штаба. С об'явлением войны Германии был назначен начальником штаба верховного главнокомандующего. На этом посту оставался до смены верховного командования, когда был назначен помощником наместника на Кавказе и гл. начальником снабжения Кавказского фронта. В 1917 г. уволен в отставку. После октябрьской революции был арестован и по дороге в Петроград был убит конвоирами.

2) **Сухомлинов, Владимир Александрович**, род. 4 августа 1848 г. Получил образование: I кад. корп.; Ник. уч. гв. юнк.; Ник. Акад. Ген. Шт. Произведен в корнеты л.-гв. Уланского Его В. п. в 1867 г.

С 1874 года старший ад'ютант штаба I гв. кав. див.; с 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего действ. армии, в каковой должности провел всю кампанию 1877—1878 гг.; с 1878 г.—правитель дел Ник. Акад. Ген. Шт. В 1884—86 командовал 6 л.-драг. Павлоградск. полком. С 1886 по 1897 г. был начальником офиц. кавал. школы. В 1890 г. произведен в генералы, в 1897—1899 командовал 10 кавал. дивиз. В 1898 г. произведен в ген.-лейт. С 1899 по 1902 г. был начальником штаба Киевского военного округа; с 1902 по 1904—помощ. командующ. войсками, а с 1904 по 1908—командующим войсками Киевского военного округа и Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. В 1906 году произведен в генерал-от-кавалерии. В 1908—1909 году был начальником Генерального Штаба и 11 марта 1909 года назначен военным министром. В 1911 году назначен членом Госуд. Совета, с оставлением в должности военного министра, а в 1912 г. назначен ген.-ад'ютантом. В июне 1915 г. по настоянию Госуд. Думы был уволен от должности военного министра. После февральской революции был предан суду за недостаточную подготовку армии к войне и приговорен к заключению в крепости. После октябрьской революции был освобожден из заключения.

3) **Беляев, Мих. Алекс.**, род. в 1863 г., 3 спб. клас. гимн., Мих. арт. уч. и Ак. Ген. Шт. Во время Японской войны был в полевом штабе наместника. По окончании войны последовательно проходил должности в Главном и Генеральном штабе. С началом войны с Германией—назначен начальником Генерального Штаба, а в январе 1917 г. занял пост военного министра, в каковом оставался до февральской революции, когда был арестован и находился под следствием в связи с выяснившимися недостатками боевой подготовки армии. После октябрьской революции был освобожден.

4) **Кн. Енгалычев, Пав. Ник.**, род. в 1864 г., Пажеск. корп.; Ак. Ген. Шт. Служил в Кавалергардском полку; по окончании Академии—в штабах и военным агентом в Берлине. Командовал л.-гв. Гусарским полком, после чего отчислен в Свиту, испра-

вял должность дворцового коменданта. В 1914 году назначен начальником Академии Ген. Штаба. В 1914 году назначен Варшавским генерал-губернатором.

5) **Курлов, Павел Григорьевич**, род. 5 марта 1860 г., образование получил в Николаевском кавалерийском училище и Александровской военно-юридической Академии; судебную службу начал кандидатом на военно-суд. должности при прокуроре Москов. военно-окружного суда (1889 г.), до 1903 г. занимал должности по судебному ведомству: был прокурором Вологодского окр. суда, товарищем прокурора Московск. Суд. Палаты, в 1903 году назначен Курским вице-губернатором, в 1905 г.—Минским губернатором, в 1906 г. членом совета м-ва внутр. дел, в 1907 г.—начальником главного тюремного управления, а в 1909 г. занял должности: командующего отдельным корпусом жандармов и товарища мин. внутр. дел. В 1911 г. произведен в ген.-лейтен., после убийства Столыпина уволен от службы.

6) **Величко, К. И.**, род. в 1856 г. Преподаватель и профессор в военно-инженерном Училище и Академии. Во время войны с Германией—полевой инспектор Юго-Западного фронта, а затем инспектор инженерной части при Главковерхе. После октябрьской революции Величко принял участие в разработке многих вопросов, касавшихся Красной армии.

7) **Берхман, Г. Э.**, род. в 1854 г. Молодым артиллеристом участвовал в кампании 1877—1878 гг. По окончании Академии служил в штабах, командовал полками, а затем последовательно проходил штабные должности до нач. шт. Кавк. воен. округа включительно. На войну с Германией выступил к-ром I кавк. арм. корпуса, но затем без достаточной причины был замещен в должности Юденичем.

8) **Мищенко, Пав. Иван.**, род. в 1853 г. Всю службу провел в строю, участвовал в кампаниях 1873 г., 1877—1878 гг., 1900—1901 и 1904—1905 гг. В последнюю был к-ром сводно-казачьего корпуса. По окончании Русско-Японской войны был последовательно Туркестанским ген.-губ. и к-щим войсками Турк. воен. округа и наказн. атаманом войска Донского. Отличился во время Русско-Японской войны в роли начальника конницы, но в течение великой европейской войны ничем выдающимся себя не проявил.

9) **Иванов, Н. И.**, род. в 1851 г., принимал участие в кампании 1877—1878 гг. и 1904—1905 гг. Об'явление войны Германии застало Иванова в должности командующего войсками Киевского военного округа. Он был назначен главнокомандующим Ю.-Зап. фронтом. В 1915 году назначен состоять при б. царе Николае Романове. Во время февральской революции по распоряжению царя был двинут с войсками на Петроград. но никакой роли не сыграл, был арестован и затем выпущен на свободу Керенским. После октябрьской революции удалился в Новочеркасск, где находился на стороне белых, а затем от полученной раны умер.

10) **Эверт, Алекс. Ермолаев.**, род. в 1857 г. Офицером л.-гв. Волынского полка участвовал в кампании 1877–1878 гг. По окончании Академии служил в штабах, командовал пехотным полком и был начальником штабов корпусов. В Русско-Японск. войну был начальником полевого штаба I-й Манчжурской армии. В 1912 г. был назначен командующим войсками Иркутского военного округа, а во время империалистской войны был командующим X армией, а затем главнокомандующим Западным фронтом. После февральской революции был отстранен от должности и проживал в Смоленске, где после октябрьской революции был расстрелян.

11) **Жилинский, Яков Григорьевич**, род. в 1853 г. С 1885 г. начал службу по Генеральному Штабу. В 1911—1914 гг. был Варшавским генерал-губернатором и к-щим войсками Варшавского округа. С об'явлением войны назначен главнокомандующим Сев.-Западным фронтом. После неудачных действий в Восточной Пруссии сменен и назначен в распоряжение в-го м-ра. Затем был представителем ставки при главном командовании англо-французских армий.

12) **Самсонов, Александр Васильевич**, род. в 1859 г. Выпущен в офицеры в 12 гус. полк в 1877 г. и принял участие в кампании 1877—1878 гг. С 1884 г. начал службу как офицер Генерального Штаба. В 1909 г. назначен Туркестанским ген.-губ., к-щим войсками Турк. воен. окр. и войсковым атаманом Семиреченского казачьего войска.

С об'явлением войны назначен командующим II армией, с которой и погиб на Мазурских озерах в сражении при Танненсберге (застрелился после окружения его войск германцами).

13) **Данилов, Ник. Алдр.**, род. в 1867 г. Всю службу провел в штабах и канцелярии воен. м-ра. Назначенный с об'явлением войны главным начальником снабжения Западного фронта он последовательно занимал должности к-ра 10 арм. корпуса и командующего II армией. В настоящее время—профессор Красной Военной Академии.

14) **Данилов, Георг. Никифоров.**, род. в 1866 г. По окончании Академии служил в штабе округа и в Главном Штабе. Начало войны с Германией застало его в должности ген.-квартирм. Ген. Штаба и председателя крепостной комиссии. Был начальником 45 пех. дивизии, командиром 25 арм. корпуса и командующим V армией. После октябрьской революции проживал в Петрограде. Принимал участие в мирных переговорах в Брест-Литовске в качестве военного эксперта.

15) **Марков, Серг. Дмитр.**, род. в 1862 г. По окончании Академии служил в штабах крепостн. и кавалер. дивизий.

В кампании 1904—1905 гг. командовал пех. полком, бригадой и был нач. штаба корпуса. Война с Германией застала его нач. 1 Сиб. стр. дивизии. По принятии в командование армии ген. Эвертом был назначен начальником штаба армии, а затем и фронта.

16) **Рузский, Никол. Владимир.**, род. 1854 г. Молодым офицером л.-гв. Гренадерского полка принимал участие в кампании 1877—1878 гг., где был ранен. По окончании Академии служил в штабах. Был последовательно генер.-кварт. штаба Киевского в. округа и нач. шт. Вилен. в. окр. В кампании 1904—1905 гг. был начальником полевого штаба II Манчж. армии. После того был к-ром 21 арм. корп. и членом Военного Совета. С начала войны с Германией принял командование III армией, а затем главнокомандующим Сев. фронтом.

После февральской революции содействовал отречению царя Николая от престола, а затем проживал в Кисловодске, где после октябрьской революции был убит.

17) **Гулевич, Арсений Анатольевич**, род. 1866 г. Произведен в офицеры в 1885 г. С 1894 г. начал службу офицера Ген. Штаба. До 1905 г. служил в канцелярии воен. м-ва. В 1905—1908 гг. был начальником канц. Совета госуд. обороны. С началом войны с Германией был нач. штаба VI армии, нач. шт. IX армии, нач. шт. Сев.-Зап. фронта и командовал корпусом.

После октябрьской революции удалился в Финляндию.

18) **Фон Ренненкампф, Павел Карлович**, род. в 1854 г. До 1890 служил в штабах: корпуса, округа и войска Донского, после чего был начальником штаба Осовецкой крепости и 14 кавалерийской дивизии. Был начальником штаба войск Забайкальской области. В январе 1906 г. прославился в карательной экспедиции по Сибирской ж. д.

В 1911 г. назначен к-щим Виленским воен. округом с оставлением ген.-ад'ютантом. С начала кампании 1914 г. назначен командующим 1-й армией.

19) **Лечицкий, Платон Алексеевич**, род. в 1856 г. Всю службу с 1877 г. проводил в строю; в кампании 1900—1901 гг. и 1904—1905 гг. участвовал в должности к-ра полка. В кампании 1914 г. был командующим IX армией. После октябрьской революции одно время состоял на службе в Петрограде, но затем был арестован.

20) **Рейнбот, А. А.**, род. в 1868 г. В 1901 г. из военного ведомства перешел на службу в гражданское ведомство. В 1906 г. был назначен московским градоначальником, состоял в свите, но в 1907 г. был уволен в отставку и предан суду. В 1914 г. назначен в распоряжение воен. м-ра. Во время войны с Германией был назначен генералом для поручений при главн. нач. снабж. Западн. фронта, был начальником санитарной части, а затем перешел в действующие войска и был командующим дивизией. Во время войны переменил свою фамилию и именовался Резвой. Из начальников дивизии был отчислен в рез. чинов Одесск. в. округа.

21. **Барон Зальца, А. Е.**, род. 1843 г., произведен в офицеры в 1862 г. Принимал участие в кампании 1877—1878 гг. На войну с Германией выступил во главе IV армии. После неудачных действий на Ю.-З. фронте был заменен ген. Эвертом и назначен комендантом Петропавловской крепости в Петрограде, на каковой должности и умер.

22) **Алексеев, Михаил Васильевич**, род. в 1857 г. Образование получил в Тверск. гимназии, Московск. пехотном юнкерском училище. Начав службу в офицерских чинах в 1876 г. участвовал в рядах 64 пех. полка в кампании 1877—1878 гг. По окончании войны поступил в Академию, по окончании коей начал службу по Генеральному

Штабу в Главном Штабе, в в.-учен. комитете и одновременно был профессором в Академии. В кампании 1904—1905 гг. (в генеральском чине) был ген.-кварт. III Манчжур. армии. С об'явлением войны 1914 г. был назначен нач-ом штаба Ю.-Зап. фронта, заместил ген. Рузского в должности главнокомандующего Западным фронтом. С переменой верховного командования, был назначен начальником Штаба верховного главнокомандующего, а затем, после февральской революции, был недолго верховным главнокомандующим. После этого до октябрьской революции проживал в Смоленске, откуда перебрался на Дон, где стал во главе белых и вскоре там же умер.

23) **Клембовский, Владислав Николаевич**, род. 1860 г. Службу начал л.-гв. в Измайловском полку, с 1886 г. перешел на должность офицера Ген. Шт., в кампании 1904—1905 гг. принимал участие в должности начальника штаба 4 арм. корп., два раза ранен и контужен. С об'явлением войны Германией назначен пом. нач. штаба верховного главнокомандующего, в 1916 г. вступил в командование XI армией, а в 1917—Северным фронтом.

После октябрьской революции был постоянным членом Военно-Законодательного совещания при РВСР и членом особого совещания при Главкоме. В 1920 г. был арестован и умер осенью 1921 г.

24) **Гутор, Алексей Евгеньевич**, род. в 1868 г. В 1889 г. выпущен в офицеры принимал участие в кампании 1904—1905 гг., был ранен. С об'явлением войны Германии получил назначение на должность начальника штаба IV армии. Среди войны получил в командование 6 арм. корп., с которым удачно действовал и был ранен.

В 1917 г. получил в командование XI армию и вскоре был назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом. В конце войны был отчислен в распоряжение главнокомандующего. В 1920 г., с началом войны с Польшей, был назначен членом особого совещания при Главкоме.

25) **Барон Каульбарс, А. В.**, род. 1844 г. С 1869 г. начал штабную службу, как офицер Генерального Штаба. В 1901 г. в чине ген.-от-кавал. назначен помощ. командующего III Манчжурской армией, с которой провел всю кампанию 1904—1905 гг., после чего принял должность к-щего войсками Одесск. в. округа. В 1909 г. назначен членом Военного Совета.

26) **Куропаткин, Алексей Николаевич**, род. в 1848 г. Получил образование в 1 кад. к., Павл. воен. уч. и Академии Генер. Штаба. На службу по Ген. Штабу назначен в 1875 г., в кампании 1876 г. был ранен. В кампании 1877—1878 гг. был ранен и контужен. С 1883—1890 гг. был в числе генералов при Гл. Штабе, после чего назначен нач. Закаспийской области и к-щим в ней войсками. В 1898 г. назначен военным м-ром, в 1904—1905 гг. был к-щим Манчжурской армией и главнокомандующим всеми силами, действовавшими против Японии. Во время войны с Германией, по его усиленным просьбам, был назначен к—ром Гренадерского корпуса и после того получил назначение на пост главнокомандующего Северным фронтом, после чего назначен членом Александровского Комитета о раненых и командовал войсками Туркестанского в. округа, откуда после февральской революции, арестованный, был привезен в Петроград, но вскоре был освобожден и поселился в своем бывшем имении, в Псковской губернии, где состоял сельским учителем.

27) **Данилов, Владимир Николаевич**, род. в 1852 г. Принимал участие в кампании 1877—1878 гг., где был ранен. Кампанию 1904—1905 гг. провел во главе 6 В.-Сиб. стр. дивизии. Действиями своими с вышеуказанной частью заслужил всевозможные награды, был ранен. В самом начале войны с Германией получил в командование 23 арм. корп., но вскоре на фронте умер.

28) **Кн. Туманов, Георгий Александрович**, род. в 1856 г. Выпущен в Нижегородский драгунск. полк в 1877 г., сразу принял участие в кампании 1877—1878 гг. С 1885 г. начал службу по Генеральному Штабу. В 1913 г. назначен начальником 13 кавал. дивизии, с которой и выступил на войну с Германией. Впоследствии командовал кавалерийским корпусом.

29) **Рухлов, Сергей Васильевич**, службу начал 20 декабря 1873 г., в 1905 г. назначен членом Государств. Совета, в 1909 г —министром путей сообщения.

30) **Артамонов, Леонид Константинович** род. в 1859 г. По окончании Акад. Ген. Штаба служил в штабах: 1 Каз. каз. дивизии и Кав. воен. округа, Закасп. в. окр., Приамурского в. окр., Закасп. обл., участвовал в кампаниях 1900—1901 и 1904—1905 г.г. в должности начальника дивизии, в 1908 году был назначен гл. н-ком Кронштадта, а затем оставался комендантом Кронштадтской крепости. В 1911 году принял сначала 16, а затем 1 корпус, с последним и вышел на войну с Германией. После крайне неудачных действий в Восточной Пруссии был смещен с должности к-ра корпуса, был в резерве чинов, откуда был командирован в Галицию, где одно время был комендантом Перемышля. Затем в конце кампании был назначен начальником дивизии и в 1917 г. уволен в отставку.

31) **Мрозовский, Иосиф Иванович** род. в 1857 г. Принимал участие в кампаниях 1877—1878 гг. и 1900—1901 гг. В кампании 1904—1905 гг. был командиром 9 Сиб. стр. бриг. В 1912 г. назначен к-ром Гренадерского корпуса, с которым и выступил на войну с Германией. В 1915 г. был назначен гл. нач. Моск. воен. округа, в 1917 г. был смещен с этой должности февральской революцией. После октябрьской революции выслан за границу.

32) **Забелин, Александр Федорович** род. в 1856 г. Принимал участие в камп. 1877—1878 гг., где был ранен и контужен. В кампании 1904—1905 гг. был нач. воен. сооб. 1 Манчжур. армии. С об'явлением войны с Германией был назначен гл. нач. снабжения Ю.-З. фронта.

33) **Кузьмин-Караваев, Дмитрий Дмитриевич** род. в 1856 г. Выпущен в 1875 г. в гв. конно-арт. бригаду, принимал с нею участие в кампании 1877—1878 гг. В 1904—1905 гг. был нач. артил. войска Донского. В 1909 г. назначен нач. гл. артил. упр.

Последним назначением было—членом Военного Совета.

34) **Дорошевский Н.Ф.** род. в 1855 г. Принимал участие в кампании 1877—78 гг., после чего окончил военно-юридическую Академию и дальнейшую службу прошел по в. судеб. ведомству. В 1909 г. назначен постоянным членом гл. военного суда.

35) **Трепов, Федор Федорович** род. в 1854 г.—Пажеский корп. Выпущен в л.-гв. Конный полк в 1873 г. В 1877 г. назначен ад'ютантом при командующем войсками Оренбургского в. окр., принимал участие в кампании 1877—1878 гг. С 1881 г. перешел на службу административную, последовательно пройдя должности чиновника особых поручений при ген.-губ., вице-губернатора Уральской области, Вятского губернатора, Волынского губ., Киевского губ. В кампанию 1904—905 гг. был главноуполномоченным Росс. О-ва Кр. Кр. В 1903 г. назначен сенатором, в 1905—членом Гос. Сов., а в 1908—Киевским, Подольским и Волынским ген.-губернатором. Во время Европейской войны был сначала помощником принца А. П. Ольденбургского по санитарной части, а затем после вторичного завоевания русскими войсками Галиции был назначен генерал-губернатором и оставался в этой дожности до февральской революции, после чего по болезни уехал в Крым.

36) **Благовещенский А.А.** род. в 1854 г. После кампании 1877—1878 гг., в которой принимал участие, был на штабных должностях по Ген. Штабу. В кампании 1904—1905 гг. был в должности дежурного генерала Манчжурской армии. В 1912 г. командиром 6 арм. корпуса, с каковым и выступил на войну с Германией. После неудачных операций в Восточной Пруссии был отрешен от командования корпусом и в 1915 г. уволен в отставку.

37) **Вельяминов, Николай Александрович**, доктор медицины, службу начал 13 марта 1877 г., в 1915 г.—академик, лейб-хирург Высочайшего двора, инспектор придворной медицинской части м-ва императ. двора, затем—член Александровского главного Комитета, сверхштатный врач императорской главной квартиры.

38) **Гучков, Александр Иванович**, известный политический деятель, родился в 1862 г., во время армянской резни ездил в Малую Азию, сражался с англичанами в рядах буров в Южной Африке, ездил в Македонию во время восстания; в 1904—1905 гг., в качестве уполномоченного Общества Красного Креста, находился на театре военных действий с японцами; долгое время был гласным Московской Городской Думы; один из главных организаторов Союза 17 октября. Был членом I, III и IV Госуд. Думы и в 1910 г. избран в председатели ее. В 1914 г. был гласным СПБ. городской Думы,

и членом главного управления Красного Креста. В 1917 г.—военный министр в составе временного правительства.

39) **Дашков Д. Я.** род. в 1853 г. С 1874 г. по 1897 г. служил в Кавалергардском полку, с 1897 г. по 1909 г. состоял при в.. кн. Михаиле Александровиче, а в 1909 г. отчислен в свиту.

40) **Гр. Бобринский Г. А.** род. в 1863 г. По выдержании экзамена при 2 воен. Константиновском училище поступил на службу в л.-гв. Гусарский полк, откуда вскоре был назначен ад'ютантом к воен. м-ру.

В кампанию 1904—1905 гг. был генералом для поручений при главнокомандующем и затем состоял в распоряжении к-щего I Манчжурской армией. С 1905 г. состоял по военному м-ству, а с 1910 в распоряжении воен. м-ра. В 1915 г. назначен времен. ген.-губернатором Галиции в чине ген.-лейт. и ген. ад'ютанта.

41) **Леонтьев В. Г.** род. в 1866 г. Начав службу в 1885 г. в л.-гв. Литовском полку, с 1891 г. перешел на штабные должности по Ген. Штабу, где до 1907 г. прошел все назначения до начальника штаба I гв. кав. див. включительно. Во время войны с Германией сперва был генер.-кварт. Северного фронта, затем принял 77 п дивизию, а потом был в резерве чинов. Киевск. в. округа.

42) **Шейдеман, Сергей Михайлович** род. в 1857 г. Произведен в офицеры в 1877 г. в 3 гв. и грен. арт. бриг., принял с ней участие в кампании 1877—1878 гг. С 1883 г. по 1901 г. прошел все штабные должности до нач. штаба 4 кав. див. включительно. В 1912 г. назначен к-ром 2 арм. корпуса, с которым и вышел на войну с Германией. После пленения и смерти генерала Самсонова в 1914 г. принял командование II-й армией. Пробыв не очень долго в резерве чинов, снова был назначен к-ром 1 Турк. корп. и опять был отчислен в резерв чинов Киевск. в. окр.

43) **Душкевич А. А.** род. в 1853 г. Выпущен в офицеры в 1875 г. В кампанию 1904—1905 гг. командовал 9 п. Сибир. Тобольским полком, был ранен два раза. В 1912 г. получил назначение начальником 32 пех. дивизии, с которой и выступил на войну с Германией. После неудачи 1 арм. корпуса под Сольдау и отрешения генерала Абрамова был назначен к-ром 1 арм. корпуса, который оставил по болезни, будучи отчислен в резерв чинов.

44) **Кондратович, Киприан Антонович** род. в 1859 г. Произведен в офицеры в 1878 г. в л.-гв. Измайловский полк, с которым и принимал участие в кампании 1877—1878 гг. С 1884 г. нес штабную службу. В кампании 1904—1905 гг. командовал 9 В. Сибир. стр. дивизией (был ранен). С 1913 г. был к-ром 23 арм. корп., с которым и выступил на войну. Смещенный за крайне неудачные действия в Восточной Пруссии, долго был в резерве чинов, в 1915 г. уволен в отставку, но вскоре вернулся на службу и получил в командование 75 пех. дивизию.

45) **Мартос, Николай Николаевич** род. в 1858 г. Выпущен в л.-гв. Волынский полк, в 1877 г. принял участие в кампании 1877—1878 гг. С 1883 до 1900 г. прошел все штабные должности до начальника штаба дивизии включительно. В кампанию 1900—1901 гг. был нач. штаба десантного арм. корпуса. В кампании 1904—1905 гг. состоял в расп. командующего II Манчжурской армией. Выступив на войну во главе 15 арм. корпуса, он принимал участие в неудачном продвижении II армии в Восточную Пруссию, где попал в плен.

46) **Плеве, Павел Адамович** род. в 1850 г. Выпущен в 1870 г. в л.-гв. Уланский Его в. полк, кампанию 1877—1878 гг. уже совершал в чине капитана. На войну с Германией выступил командующим V армией, впоследствии был главнокомандующим Сев. армией и в 1916 г. умер.

47) **Брусилов, Алексей Алексеевич** род. в 1853 г. Получ. образование в Пажеском корпусе. Произведен в офицеры в 15 др. Тверской п., принимал участие в кампании 1877—1878 гг., затем служил в офицерской кавалерийской школе, проходя все должности до начальника школы включительно. В 1906 г. принял командован. 2 гв. кав. дивиз. С 1909 до 1912 г. был к-ром 14 арм. корп., в 1912—1913 г. помощ. командующего войсками Варшавского военного округа, в 1913 г. назначен к-ром 12 арм. корп. С началом войны 1914 г. был назначен командующим VIII армией, затем главнокомандующим Юг.-Запад. фронтом и после ухода ген. Алексеева был верховным главно-

командующим. Ген. от кавал., ген. ад'ютант. Во время октябрьской революции был тяжело ранен в правую ногу у себя на квартире влетевшим в окно снарядом. В 1920 г., с началом польской войны, был назначен председателем особого совещания при Главкоме. В настоящее время состоит главным инспектором государственного Конноводства.

48) **Гейсман П. А.** род. в 1853 г. По окончании академии с 1881 г. служил на штабных должностях до 1892 г., когда перешел на професс. деятельность в Академию; в 1901 г. командовал бригадою пех. дивиз., а с 1907 по 1912 г. дивизией. В 1911 г. принял командование 16 арм. корп., с которым и вышел на войну с Германией. После отчисления от командования корпусом был назначен гл. начальником Казан. воен. окр., а затем членом Военного Совета.

49) **Эбергардт А. А.**, адмирал, командующий флотом Черного моря до 1916 г. когда был заменен адмиралом Колчаком.

50) **Щепкин Н. Н.** род. в мае 1854 г., был товарищем Московского Городского Головы и Членом Государственной Думы.

51) **Пантелеев А. И.** род. в 1838 г. Принимал участие в кампании 1861 г. В 1877—1882 гг., командовал 17 Архангелгородским п., с которым принимал участие в Русско-Турецкой войне. В 1897—1900 гг. помощ. шефа жандармов, в 1898—1900 гг. к-ром Отд. корп. жандармов, в 1900—1903 гг. Иркутск. воен. генерал-губ. В 1903 г. назначен членом Гос. Сов. Неоднократно назначался для расследования дел щекотливого свойства.

52) **Ронжин С. А.** род. в 1869 г. Начав службу в 7-м Саперном батал., в 1898 г. перешел на штабные должности по Ген. Шт. и в 1914 г. был назначен нач. отд. воен. сооб. гл. упр. Ген. Шт. На войну с Германией выступил начал. воен. сообщ. театра военных действий.

53) **Шуваев, Дмитрий Савельевич** род. 1854 г. По окончании Академии Ген. Штаба занимал штабные должности и был преподавателем воен. наук. В 1905—1908 гг. командовал 2 Кавказск. армейск. корпусом. С 1909 начальн. главн. Инт. управл. В 1916 г. назначен военным министром, а затем членом Военного Государственного Совета.

54) **Евдонимов А. Я.**, доктор медицины; службу начал 15 декабря 1875 г., в 1906 г. пожалован в почетные лейб-медики, в 1915 г. главный военный санитарный инспектор.

55) **Кн. Васильчиков Б. А.**, службу начал 28 мая 1881 г., в 1906 г. назначен членом Госуд. Совета, в 1907 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием. В последней должности находился до 1908 г. Шталмейстер высочайшего двора.

56) **Русин А. И.** Вице-адмирал, начальник морского Генерального Штаба, находился в ставке.

57) **Барон-фон-ден Бринкен А. Ф.** род. в 1859 г. Службу начал в л.-гв. Гренадерском полку. С 1886 г. занимал должности в штабах Виленского и Омского воен. окр. В кампании 1904—1905 гг. состоял в распор. нач. штаба Манчжурск. армии и нач. штаба 1 Сибирского корпуса. На войну с Германией выступил командиром 22 арм. корпуса. Умер в 1917 г.

58) **Евреинов С. В.** род. в 1858 г. Произведенный в офицеры в л.-гв. Казачий п. в 1879 г. прослужил до 1904 г. в этом же полку. Принимал участие в кампании 1904—1905 гг. комендантом воен. санитарного поезда. На войне с Германией командовал 13 Донской каз. дивизией, в сентябре 1914 г. умер.

59) **Клюев Н. А.** род. в 1859 г. В 1879 г. произведен в офицеры в л.-гв. Волынский полк. В 1902 г. назначен к-ром 132 пех. рез. полка. На войну с Германией выступил к-ром 13 арм. корп. и в 1914 г. попал в плен при Сольдау.

60) **Звонников А. И.** Всю службу проходил по военно-судебному ведомству; в 1912 г. назначен начальником Алекс. воен. Юрид. Акад.

61) **Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич.** Акад. Ген. Штаба, произведенный в ген.-м. в сентябре 1914 г. был назначен ген.-кварт. Сев.-Запад. фронта; с образованием отдельного Северного фронта получил назначение на должность начальника штаба фронта, в 1917 г. был недолго главнокомандующим того же фронта, а затем после октябрьской революции исполнял обязанности нач-ка штаба верховного г-щего. В 1918 г. после февральского наступления на Петроград был назначен военным

руководителем Высшего Военного Совета, в каковой должности оставлен до образования Р. В. С. Р. (2 ноября 1918 г.).

62) **Вонтулов Н. А.** род. в 1845 г. Служил в л.-гв. Кирасирском полку, командовал драгунск. полком, бригадами в Кавказ. дивизиях, а с 1893 г. перешел на службу по ремонтированию кавалерии. Генерал от кавалерии.

63) **Добрышин Ф. Н.** род. в 1855 г. Служил преимущественно по передвижению войск. В 1914 г. назначен начальником 3 дивизии, с которой и выступил на войну с Германией. Отчисленный от командования, был в резерве, но вскоре опять получил дивизию, после которой был назначен нач. штаба Казанск. воен. округа, с каковой должности уволен в резерв чинов Московск. воен. округа. После октябрьской революции некоторое время находился на службе в центральном управлении снабжений. Умер в 1921 г.

64) **Драгомиров, Абрам Михайлович** род. в 1870 г. Пажеский корп., Акад. Ген. Шт. Произведен в офицеры в л.-гв. Семеновский полк в 1887 г. В 1912 г. был начальником 2 отд. кав. бриг. Во время войны с Германией прошел все высшие строевые должности: начальника дивизии, к-ра 9 арм. корпуса., У армии и главнокомандующего Север. фронтом (1917 г.), после чего отчислен в распоряжение воен. м-ра.—После октябрьской революции находился некоторое время на Украйне, а затем эвакуировался с белыми за границу.

65) **Комаров, Николай Николаевич** род. в 1855 г. Выпущенный в офицеры в л.-гв. Семеновский полк в 1877 г. принял участие в кампании 1877—1878 гг. В 1904—1912 гг. был начальником шт. 7 арм. корп., а в 1912 г. назначен начальником 4 п. див., с которой и выступил на войну с Германией. Отчисленный от командования, находился в рез. чинов, до увольнения в 1915 г. в отставку.

66) **Добророльский, Сергей Константинович** род. в 1867 г. Начал службу в 6 сап. бат.; с 1895 состоял на штабных должностях в дивизии, корпусе и округе. Кампанию 1904—1905 гг. провел в должн. шт. оф. для особ. поручен. при управл. ген.-кварт. II Манчж. армии. В 1913 г. получил должность Начальника мобилизационного отдела, каковую занимал и в начале войны с Германией. Затем, принимал участие в военных действиях на должностях начальника дивизии и к-ра 10 арм. корпуса (1917 г.).

67) **Немешаев, Клавдий Семенович**, инженер путей сообщения, службу начал в июне 1871 г., в 1905 г. назначен министром путей сообщения, в 1912 г. членом государственного Совета. В 1916 г. был помощником верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Одно время был начальником Юго-западных железных дорог.

68) **Лукомский, Александр Сергеевич** род. в 1868 г. С 1902 г. начал службу по Ген. Штабу и в 1907—1909 гг. был начальником штаба дивизии, затем последовательно проходил должности: нач. мобил. отд. Гл. Шт., постоян. члена гл. креп. комитета и нач. мобил. отдела гл. упр. Ген. Шт. В 1913 г. назначен помощ. нач. канц. воен. м-ва. Во время войны с Германией был назначен ген.-кварт. верховного главнокомандующего и в 1917 г. был начальником штаба верховного главнокомандующего.

69) **Вернандер Александр Петрович** род. в 1844 г. Произведен в офицеры в 1863 г., принимал участие в камп. 1863 г. По окончании инженерной Академии служил в окруж. инж. упр., а с 1870 г. был репетитором и преподавателем в Ник. Инж. Акад. и училище. В 1883—1890 гг. строил Варшав. укрепления. В 1905—1907 гг. был постоян. членом Совета Государств. Обороны. В 1912 г. назначен помощн. воен. мин-ра.

70) **Радко-Димитриев** окончил Ак. Ген. Шт. Генерал болгарской армии, отличившийся в войне с турками в 1912—13 гг. После этой войны был назначен болгарским посланником в Петроград, а с началом империалистской войны в чине ген.-лейт. принял командование 8 арм. корпусом, в 1914 году назначен командующим III армией. Командовал 7 сиб. корпусом и XII армией. В конце войны уволен в резерв чинов Петр. в. окр. и проживал в Кисловодске, где после октябрьской революции был арестован, а затем убит.

71) **Самарин Александр Дмитриевич**, службу начал 12 декабря 1891 г., в 1912 г. был пожалован в должность егермейстера высоч. двора и в члены Государственного Совета, в 1915 г.—и. д. Обер-Прокурора Синода.

72) **Орановский В. А.** род. в 1866 г. Пажеский корп., Ак. Ген. Шт. Выпущен в офицеры л.-гв. драг. полка, пробыл в строю до поступления в Академию. С 1892 г.

начинается его штабная служба, во время которой принимал участие в кампании 1900—1901 гг. В 1913 г. был назначен нач. штаба Варш. в. округа. С началом войны с Германией был назначен нач. штаба Сев.-Зап. фронта, после чего получил в командование Новгородский корпус. В 1917 г., после командования 42 корпусом был назначен в резерв. чинов Петр. в. окр. и во время революции убит в Финляндии.

73) **Флуг, Василий Егорович** род. в 1860 г. Произведен в офицеры в 1880 г. в 7 конно-арт. батарею. С 1890 г. нес службу оф. Ген. Штаба. В 1904 г. был нач. вр. штаба наместника на Дальнем Востоке, затем последовательно: ген.-кварт. пол. шт. наместника, ген.—кварт. II Манчж. арм. и воен. губернат. Приморской области. Во время войны командовал X армией и после того 2 арм. корп.

74) **Никитин, Владимир Николаевич** род. в 1848 г. Произведенный в офицеры в 1868 г. в 39 арт. бриг. всю службу провел в строю артиллерии. В 1911—1912 гг. был ком-щим войск. Иркутского в. окр.; с 1912 г. к-щим войсками Одесского военного округа. Во время войны с Германией был командующим VII армией, после чего назначен членом Военного Совета и состоял комендантом Петрограда; в 1917 г. уволен в отставку.

75) **Черняевский В. Т.** род. в 1850 г. Начал службу в 1870 г. в Кавк. грен. арт. бриг. Всю службу после кампании 1877—1878 гг. провел в Мих. арт. уч., преподавая, кроме того, и в Инж. уч. в 1894—1903 гг., был начальн. Константиновского артиллерийского училища. С 1914 г. член Военного Совета.

76) **Барон фон-дер Ропп, Евгений Эдуардович** род. в 1867 г. По окончании Ник. Инженерной Академии служил на Закасп. жел. дор., в кампании 1900—1901 гг. командовал 1 Уссурийским жел.-дор. батал. В 1913 г. был назначен нач. гл. в. техн. управления.

77)) **Джунковский, Владимир Федорович** род. в 1865 г. Выпущенный в 1884 году, в л.-гв. Преображенский полк, в 1901 году был назначен ад'ютантом к Москов. ген. губернатору, в каковой должности оставался до назначения в 1905 году Москов ким вице-губернатором и вскоре губернатором. В 1913 году получил назначение на должности товарища м-ра внут. дел. и к-щего Отд. корп. жандармов. В самом начале войны с Германией Джунковский получил назначение на должность бригадного к-ра в действ. армии, скоро получил в командование дивизию и в 1917 году назначен командиром 3 Сибирского армейского корпуса.

78) **Маклаков, Николай Алексеевич**, род. 9 сентября 1871 г., службу начал 22 февраля 1894 г., с 7 июня 1909 г. по декабрь 1912 г.—Черниговский губернатор, затем министр внутр. дел; в 1915 г. назначен членом Государственного Совета.

79) **Маниковский, Алексей Алексеевич**, род. в 1865 г. Произведен в офицеры в 1884 г.; 1893—1895 гг служил на Ижевском заводе.—Заведывал практич. занятиями Усть-Двинской и Либавской крепостной артиллерии. В 1908—1914 гг. нач. артиллерии Кронштг. крепости. С 1914 г. комендант Кронштад. креп. и главн. руковод. оборон. работ. в Кронштг. Во время войны с Германией был назн. нач. Гл. Арт. Упр., а потом помощ. воен. м-ра, в каковой должности оставался и после октябрьской революции до конца ноября 1917 г. Затем после непродолжительного ареста был освобожден и назначен (в 1918 г.) сначала начальником Главного Артиллер. Управления, а затем начальником центрального управления снабжений, откуда в конце 1918 г. зачислен постоянным членом в состав Военно-Законодательного Совета. В 1919 г., во время командировки в Туркест. край для поднятия промышленности, погиб при крушении поезда.

80) **Николенко, Николай Михайлович**, род. в 1855 г. Ник. Инж. Уч. Произведен в офицеры в 4 сап. батал. Принимал участие в кампании 1877—1878 гг. Комендант Кронштадтской крепости в 1911—1914 гг. и С.-Петербургский комендант в 1914 г. В 1917 г. уволен в отставку.

81) **Князь Белосельский Белозерский С. К.**—род. в 1867 г. Из Пажеского Корпуса выпущен в л.-гв. Конный полк в 1888 г., был ад'ютантом вел. кн. Владимира Александровича, затем командовал 3 драг. Новорос. полком. Во время войны с Германией командовал кавалер. дивизией.

Благодаря близости ко двору, способствовал продвижению Ренненкампфа по службе.

82) **Краевский М. М.**, род. в 1854 г. Всю службу провел в строевых артилл. частях, принимал участие в кампании 1904—1905 гг. в должности помощн. инсп. артилл. I Маньчж. армии. В 1906 г. был недолго комендантом Усть-Двинской крепости. В 1908 г. назначен нач. артиллерии Петербургского военного округа.

83) **Сюзор Г. П.**, правовед, в 1914 г.—чиновник особых поручений при главноуправляющем земледелием и землеустройством.

84) **Звегинцев А. И.**, член Государственной Думы от Воронежской губернии.

85) **Князь Трубецкой Г. И.**, род. в 1866 г.—Пажеский корпус. С 1888 до 1904 г. служил в л.-гв. Конном полку, пройдя все должности, в кампанию 1904—1905 гг. был в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке. Во время войны с Германией был начальником кавалер. дивизии, от каковой должности отчислен в резерв чинов.

86) **Хан Гуссейн-Нахичеванский**, род. в 1863 г. Пажеский корпус. Произведен в корнеты в 1883 году в л.-гв. Конный полк. В 1912 г. был назначен нач. 1 отд. кав. бриг., а в 1914 нач. 2 гв кавалер. дивизии, с которой и выступил на войну с Германией. Во время войны был назначен командиром гвард. кавалер. корпуса и ген. ад'ютантом. В конце войны был отчислен в рез. чинов. Умер в 1919 г.

87) **Раух Г. О.**, род. в 1860 г. Произведен в корнеты Кавалергардского полка в 1881 г., службу по ген. Шт. начал с 1889 г. Во время войны с Германией командовал 1 и 2 гвардейскими корпусами, а затем в 1917 г. был отчислен в рез. чинов Киев. военного округа.

88) **Бугольц, Владимир Егорович**, род. в 1850 г. Начав службу в л.-гв. Финляндском полку, в кампании 77—78 гг., принимал участие уже в качестве офицера Ген. Штаба. Во время войны с Германией был командующим войсками Иркутского и Киевского воен. округов.

89) **Драгомиров, Владимир Михайлович**, род. в 1867 г. Пажеский корп. Ак. Ген. Штаба. Начав службу в л.-гв. Семеновском полку в 1886 г., с 1892 года перешел на службу офицера Ген. Шт. и в 190 г. был уже нач. шт. див., а в 1904 нач. шт. корпуса, в 1905 г. командовал полком, и в этих последних должностях принимал участие в кампании 1904—1905 гг. На войну с Германией выступил в должности начальника штаба III армии.

После ген. Алексеева, был назначен нач. штаба Юго-Зап. фронта, а затем принял в командование 8 арм. корпус. Будучи, по болезни, отчислен в рез. чинов, в 1917 г. вышел в отставку.

90) **Киселевский Н. М.**, род. в 1866 г. Службу по Ген. Шт. начал в 1893 и в 1904 году был начальником штаба дивизии. В 1913 г. назначен к-ром 1 бр. 2 гв. пех. див., с которой и вышел на войну с Германией. Был гл. нач. Минского воен. круга, откуда назначен в резерв чинов.

П. Г. Зайчневский.

Имя Петра Григорьевича Зайчневского тесно связано с революционным движением 60-х годов в России. Активный работник, энтузиаст, горячо преданный делу, он оставил заметный и прочный след в этом движении. Но личность его до сих пор мало останавливала на себе внимание исследователей русской революции, и в литературе революционного движения фигура его по настоящее время остается не вполне очерченной. Между тем Зайчневский—не заурядный человек. В образовавшемся в 60-х годах в Москве революционном кружке студентов с целью распространения в обществе запрещенных изданий, главным образом, сочинений Герцена и книг по социализму и материализму, он на ряду с П. Э. Аргиропуло являлся руководителем и главой организации. Одновременно с этим он находился в сношениях с другими революционными организациями того времени, в частности, с возникшей тогда первой «Землей и Волей». Наконец, имел прикосновение к прокламации «Молодая Россия». Мытарства по тюрьмам, начавшиеся для Зайчневского после разгрома названного выше кружка и предания суду его соучастников в 1861 г., каторга, ссылки умерили его пыл, темперамент, прервали его революционную работу, но все же до конца жизни, по свидетельству современников, он остался революционером и оказывал могущественное влияние на людей, соприкасавшихся с ним, в особенности на молодежь. В Зайчневском подкупала и располагала в его пользу удивительная искренность и прямота. При всех положениях, во все моменты своей жизни, со всеми людьми, с которыми ему приходилось сталкиваться, он всегда оставался самим собой, открыто высказывал свои убеждения.

Этой чертой, мне кажется, и надо прежде всего объяснять влияние Зайчневского на других. Это злияние сказывалось не только в разгар революционной деятельности Зайчневского, но и на склоне его жизни.

По словам В. Фигнер, член партии «Народной Воли» М. И. Ашанина (Оловенникова) «получила свое революционное крещение в Орле. Ее учителем в этом отношении был человек далеко не малого масштаба, старый революционер, якобинец Зайчневский, побывавший в 60-х годах на каторге и живший в Орле под надзором полиции. В течение ряда лет он был магнитом, который привлекал учащуюся молодежь» (Запечатленный труд).

Аналогичные отзывы делают о Зайчневском и другие его современники. Например, С. И. Мицкевич имел случай несколько раз встречаться с Зайчневским по возвращении его из ссылки и тоже говорит об обаянии личности Зайчневского. «На всех нас,—рассказывает автор «Странички воспоминаний»,—он произвел огромное впечатление». Перед аудиторией, состоявшей из студентов, собравшихся в частной квартире в Москве в 1889 г. послушать старого революционера, Зайчневский, как в былое время, с жаром и верой в

торжество революции, призывал слушателей к организации революционных кружков, уверял их в том,что они скоро опять будут свидетелями серьезного подъема революционного движения». «Среди серых, вялых, размагниченных интеллигентов того времени» Зайчневский резко выделялся своим чисто юношеским пылом и даже по внешности своим «живым, молодым лицом» [1]).

Однако все почти имеющиеся воспоминания о Зайчневском ограничиваются именно передачей непосредственных впечатлений от его личности.

Сведения же фактического характера отсутствуют, и материал для биографии этого деятеля остается, как мы уже заметили, скудным.

Сейчас интерес к личности Зайчневского увеличивается. Появляются новые сведения о нем. В том же № 1 «Истр.-Рев. Бюллетеня» помещена еще заметка Б. Козьмина «К биографии П. Г. Зайчневского». Учитывая все эти обстоятельства и желая несколько пополнить биографические сведения о Зайчневском, мы предлагаем читателям три письма его. Письма относятся к началу революционной деятельности Зайчневского: два из них адресованы его сотоварищу по кружку Аргиропуло, а третье—к брату Николаю.

Письма извлечены из дела о кружке Аргиропуло и Зайчневского (б. архив министерства юстиции. I отделение 6-го департамента Правительствующего Сената. Приложение).

Сообщил *В. Алексеев.*

---

[1]) «Историко-Революционный Бюллетень» 1922 г., январь. № 1. О П. Г. Зайчневском, стр. 19—20.

Письма П. Г. Зайчневского.

1. К П. Э. Аргиропуло.

Пол. 19/I 1861 г.
Отв. 23/V 1861 г.

Наконец, Грек [1]), и я после довольно долгого молчания пишу к тебе. Доехал я благополучно, не скучно, хотя, конечно, мне было не так весело, как Барбару [2]), наслаждавшемуся целую дорогу зрелищем сна нового Самсона, успокоившегося на коленях у новой прелестницы Далилы, ни даже так, как Покровскому [3]), рассуждавшему о «слезе», выкатившейся при разлуке его с одной многообещающей девицей и доказавшей ему, что «он был понят», ни, наконец, так, как кацапу [4]), которому, по мере приближения к своей Хохландии, всей выпачканной дегтем и салом, грезится стол, уставленный мисками со сметаной, варениками, пампушками и др. снадобьями. Счастье кацапа было бы полное, если бы к подобным блюдам прибавилось бы несколько бутылок наливки, да сверх того возле него сидела бы та черноокая девица, которая «хотя не красива собой, но привлекательна» и которой он «проповедывал», а она бы ему не возражала и не спорила, как и следует благовоспитанной девушке. Тут со мной случается скандал за скандалом. По приезде в Орел один из моих спутников Шеренвальд объявляет, что он считает своею обязанностью донести на меня: во-первых, предводителю дворянства, а во-вторых, ген. Толю, присланному из Петербурга, за то, что «я проповедывал в Подольске собравшимся крестьянам о том, что земля их, и что они не должны слушаться царя, а что у них есть мир, есть община, которая и должна управлять всем. По всей дороге он спорил со мной о законности владения одним лицом землею, о правлении и т. п. Наконец, на вопрос его—«неужели я подобные мнения стану проводить, все это и крестьянам». На мой ответ, что проведение этих истин я считаю за задачу моей жизни и что проповедывать я их буду не только в деревне, но везде, где только можно, он ничего не сказал. Обо всем этом он хотел составить рапорт, но вскоре уехал в Харьков, и история кончилась ничем. Вторая история случилась в одном увеселительном заведении (не подумай, что в доме гетер), а просто в винном магазине. Два господина дали друг другу тыка, и когда мы (я и Слепушкин) их розняли, то они сначала разошлись,

---

[1]) Так Зайчневский называет Аргиропуло.

[2]) Неизвестно, к кому относится это прозвище.

[3]) Член кружка Аргиропуло и Зайчневского, автор статьи о воскресных школах (в деле кружка).

[4]) Член того же кружка Новиков, как и упоминаемый ниже Понятовский.

а на другой день вызвали друг друга на дуэль, и меня один из них пригласил в секунданты. Чтоб их побрал чорт обоих! Еще случилось несколько скандалов в моих препираниях с помещиками. Один из них остался недоволен Наташей и сказал, что таких типов бездна и что весь Кузнецкий Мост переполнен ими. Я вышел из себя и, признаюсь, немного погорячился. Я ему прочел молитву и, наконец, перешел к ругательству и начал представлять ему типы различных женщин, упрекать самих мужчин в необразовании и крайней отсталости мнений. «Впрочем,—добавил я,—и сами-то мужчины каковы?». Тут я перешел к характеристике дворян и перебрал их поодиночке. Он ничего не возражал, только побледнел. За ужином он обратился ко мне со стаканом шампанского и предложил тост (спросивши прежде у меня) за коммунизм. Я выпил. Тут еще одного чорт дернул начать возражения против социализма и сказать, что в 1848 г. социалисты прилагали свои теории к практике и доказали всю несостоятельность их. Я ему начал отвечать теми словами, что «говорить можно о том, что знаешь, а чего сам не знаешь, о том лучше молчать». Рассказав историю 48 года, я перешел к положению крестьян в России, и, наконец, воздал хвалу Антону Петрову. Благородное дворянство переглянулось и встало. Ни один не стал возражать. Я, посмотрев на них, захохотал во все горло и ушел.

Одним словом, скандалов столько, что и не перечесть. А я еще ничего не говорю о скандалах с маменьками и тятеньками, у которых есть дочки. На описание всего этого недостанет денег, а я приготовляю к личному нашему свиданию.

Молодежь, однако, слушает с восторгом речи об эмансипации женщин.

Что ты поделываешь? Часто ли бываешь у политического революционера [1]), и что поделывает Над. Ст. [2])? Засвидетельствуй ей мое нижайшее почтение и скажи, что по приезде расскажу ей много историй о здешней жизни молодежи.

Как идет типография? Мне сдается, и я в этом даже уверен, что если ты уедешь из Москвы, то печатать ничего не будут. Как идет перевод Прудона? Я перевожу из Прудона этюды «Les biens et l'éducation» и скоро вышлю их. Что же, Евреинов хотел выслать мне половину «Qu'est ce que la propriété» [3]) да и не думает высылать. Мне хотелось бы начать переводить то, что скоро будет печататься, и потому пришли мне, если можешь, такую вещь в Орел, а я в наискорейшем времени переведу и пришлю тебе. Сюда недавно приехал студент Харьковского университета Зиновьев, брат московского студента,

---

[1]) Славутинский, член кружка.

[2]) Это имя не раз встречается в письмах. Указаний же на принадлежность к кружку Н. С. нигде нет. Возможно, что это—сочувствующее работе кружка лицо, как, и другие лица, упоминаемые в письмах к Аргиропуло захваченных при обыске (Н. Н., Пассек.) Несомненно, кружок имел в Москве несколько домов, им сочувствовавших, где они часто бывали.

[3]) Имеется в виду печатание запрещенных книг, предпринятое кружком, и переводы их, взятые членами при разъезде из Москвы на лето.

и рассказывал, что попечитель, увидя страшное распространение запрещенных сочинений в последнее время в Харькове, поднял всю полицию на ноги и стал разыскивать виновников литографий. При отъезде его из Харькова уже было сделано несколько обысков. Представь себе положение кацапа. Если он по известной всем ловкости и политичности продавал сочинения в Харькове так же, как ты или я в Москве, то его, по всей вероятности, схватят, и придется ему запеть: «Чем тебя я огорчила», и прощай галушки и вареники, пампушки, прощай черноокая девица Транклер, все прощай, и он «в пустыню удалился из прекрасных здешних мест».

Хотел написать тебе большое письмо, да на первый раз довольно и этого. Смотри, Грек, исполняй свои обещания, пиши ко мне и изложи все новости московской жизни, а то тут скука такая, что представить трудно. Жму крепко твою руку и остаюсь твой

П. Зайчневский.

Здесь проезжал полковой командир Казанского полка, ходившего на усмирение крестьян в Пензу, и рассказывал, что там взбунтовалось тысяч до тридцати, но которые были разъединены. Над первой толпой, встретившей их и состоявшей, по крайней мере, тысяч из 12, развевалось красное знамя. В день восстания несколько мужиков ехали на телеге и везли красное знамя и говорили собравшемуся народу, чтобы он шел в заранее назначенную деревню. Три раза стреляли и ни один из них не двинулся с места.

Вот оно, красное знамя начинает развеваться и у нас и осенять собой толпы собравшихся, хотя и не вооруженных, но все-таки на защиту великого дела социализма—общинного владения землей!!!

Положение крестьян в Орле и отношение к ним помещиков опишу в следующем письме. У них у всех господствует полная уверенность, что земля их.

Кланяйся всем нашим, кого увидишь и попроси их написать ко мне, адресуя прямо в Орел П. Г. Зайчневскому. Я бы и сам первый написал, да не знаю их адресов. Покровский и Понятовский не отвечали, вероятно, потому, что не всем нравится выслушивать горькие истины. Напиши мне их адреса. Да, что они тебе ничего не писали о моих письмах? Скажи, пожалуйста, брату, если ты его увидишь, чтобы он взял из маленького стола два письма ко мне: одно от Покровского, другое от Понятовского. Не забудь, пожалуйста, этого. Еще раз жму тебе руку и прошу ответить.

2. К П. Э. Аргиропуло.

27 июня 1861 г.
Ога è sempre!

Ога è sempre! девиз Мадзини и всей «Юной Италии». Ога è sempre! не должен ли быть и нашим девизом. Мы, социалисты (я осмеливаюсь так называть из нашего общества тебя и себя), не обязаны ли в е з д е и в с е г д а проводить те идеи, которые и в настоящее время соста-

вляют достояние весьма, весьма немногих людей. Ты говоришь, Грек, что мы «обязаны проповедывать»..., а я прибавляю, что мы обязаны везде и всегда—и перед дворянами в клубах, на дому у них, и перед мужиками, и вообще везде, где есть общество (не т а й н о е , а обыкновенное). Я не стану спорить наедине с человеком, которого я не уважаю, но когда кто-нибудь начинает возражать против истин, составляющих мое достояние, при собрании нескольких зрителей, то я начну спорить, потому что знаю, что эти-то посторонние зрители симпатизируют ему, что они считают свое мнение непогрешительным, а на прочих людей, у в л е к а ю щ и х с я р а з л и ч н ы м и т е о р и я м и , смотрят, как на погибших и ослепленных. Пора! Настало время показать этим господам, что истина не на их стороне, что скоро, скоро рухнет окончательно (строй), к которому они принадлежат. Они чувствуют это хорошо сами, но, как умирающим христианам (в особенности первых веков) грезились страшные картины ада, так им теперь в тумане является новая жизнь, основания которой мало-по-малу выясняются, и жутко им становится и за себя и за детей, воспитанных в их вере. Некоторые колеблются и хочется им пристать к товарищам, да и понять-то всего не могут, да и не знают многого, а тут, как пудовые гири тянут их прежние убеждения. Как же перед этими людьми не говорить, как же перед ними опускать (sic) представителям старины, закоснелым собственникам и семьянинам.

«...Проповедывать—не значит бунтовать». Это весьма верно, но в отношении к каким проповедям? Ученым. Когда, например, в университете проф. полит. экон. Ив. К. Бабст проповедует с кафедры достоверность закона Мальтуса, а Пер. Эм. Аргиропуло, встретясь с одним из слушателей этого достопочтенного джентльмена, начинает проповедывать о всей безнравственности, противоестественности сего закона, то на это не нужно возмущаться, но представим 1848 год. Л. Блан с кафедры Люксембур (sic) проповедует необходимость ограничения конкуренции [1]...

3. К Н. Г. Зайчневскому [2].

Мой милый друг Коля! Доехал я благополучно и даже нигде не думал зябнуть, но зато дорога была полна происшествиями. В Подольске собрались депутаты (по два от деревни) имений кн. Оболенского, и сам его сиятельство рекомендовал им мировых посредников так: «Прежде я был вашим отцом и благодетелем, теперь—они. Во мне вы прежде находили барина и защитника, теперь это найдете в них». Как только он кончил, вышел я и стал говорить про волю. Мужики окружили меня с радостью и слушали. Я им говорил о том, что земля их, и что если помещики не согласятся, то они могут принудить их к этому силой, что все пойдет хорошо, если только они перестанут надеяться на государя, давшего им такую гадкую волю, и тут же рас-

[1]) Письмо не имеет конца.
[2]) Брату, члену того же кружка.

сказал им об Антоне Петрове. Один дворовый, стоявший тут, на вопрос мой, что же он будет делать без земли, отвечал, показывая на руки: «Добудем от помещика, ведь я не один, у нас сила». Ехал с нами один помещик и слышал этот разговор и, выдерживая споры о том, кому принадлежит земля, и видя, что я на первый план ставил насильственный переворот, по приезде в Орел объявил своим знакомым, что он будет жаловаться на меня Апраксину и гр. Толю, прося их, чтоб они сделали это известным Артишевскому (начальнику жандармов). «Он,—говорил офицер,—говорил речь в Подольске, которую с удовольствием слушали мужики, он ставил им вооруженное восстание на первый план и пр.»

Вот видишь, и благородное дворянство поступило в шпионы. Не знаю еще, исполнил он свое желание или нет.

На другой день по приезде в деревню Надежда выходила замуж, и меня пригласили на свадьбу. Мужики встретили меня с удовольствием. Я выпил за здоровье новобрачных, за здоровье хозяйки, поднял рюмку за волю и произнес речь. Мужики окружили меня, и когда я кончил, старики стали обнимать и все наперерыв звать к себе. Целые послеобеда я принужден был переходить из дома в дом, где мужики пили за мое здоровье и мой приезд. Наконец в заключение спектакля, они сказали, что готовы отдать мне последнюю курицу. Был я у Руцена [1]) и признаюсь по совести, что такого консерватора, такой гамазейной крысы... (не разобрано), такой экономической дряни и гнили я еще не видал. Агр. Ав. много о себе думает. Ничего не зная, она толкует о многом, при чем говорит словами Николая Карл. Странно и смешно, что когда поговоришь с Н. К. о каком-нибудь предмете и потом заговоришь с А. А. о том же, то услышишь повторение того же самого выражения, в тех же словах. Впро... [2])

---

[1]) Общий знакомый Зайчневских.

[2]) Письмо без конца.

Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.

В архиве б. московской судебной палаты, находящемся в настоящее время в III отделении Государственного Архива Р. С. Ф. С. Р., сохранилась любопытная переписка прокурора палаты «по делу об убийстве слушателя Петровской земледельческой академии Иванова» (секретное дело 70—69 и 31—69). В числе документов, имеющихся в этом деле, останавливает на себе внимание протокол об исполнении обряда публичной казни над С. Г. Нечаевым. О самом факте совершения этого «обряда» над Нечаевым до сих пор в печати не сообщалось.

После приговора прокурор палаты запросил министра юстиции о дальнейшей судьбе Нечаева. На свой запрос 20 января 1873 г. прокурор судебной палаты получил из министерства юстиции уведомление, что «исполнение публичной казни над преступником Сергеем Нечаевым должно быть совершено с соблюдением всех установленных на этот предмет правил». «Что же касается до отправления Нечаева в каторжные работы,—говорится далее в этом уведомлении,—то распоряжение это принадлежит московскому губернскому управлению, коему и должно быть сообщено о времени, с которого вступит в окончательную силу приговор. Затем никаких исключительных распоряжений по этому предмету со стороны прокурорского надзора делаемо быть не может, так как принятие всех мер предосторожности и наблюдение за преступником возложено на чинов жандармского управления, действующих на основании особой инструкции».

27 января 1873 года прокурор московского окружного суда представил прокурору судебной палаты копию с протокола исполнения над Нечаевым обряда публичной казни. В сопроводительной бумаге прокурор окружного суда указывает, что в протокол внесены выражения Нечаева, «заключающие в себе признаки государственного преступления». «Вместе с сим,—пишет прокурор,—я считаю своим долгом присовокупить, что, согласно представления товарища прокурора Демидова, в толпе народа, присутствовавшего при исполнении казни, было замечено сильное раздражение против преступника, а, по словесному сообщению мне майора Реймера, раздражение это распространилось и на конвой, при чем солдаты просили разрешения принять преступника на штыки».

Далее приводится протокол казни.

Копия

Протокол

исполнения обряда публичной казни над преступником мещанином г. Шуи, носящим звание домашнего учителя, Сергеем Геннадиевичем Нечаевым. 1873 года января 25 дня.

Сего числа согласно 963 ст. уст. угол. судопр. мещанин г. Шуи, носящий звание домашнего учителя, Сергей Геннадиевич Нечаев, осужденный за убийство к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на 20 лет, препровожден был из Серпуховской части на Конную площадь города Москвы в арестантском платье с подписью на груди: «За убийство», на возвышенных черных дрогах, окруженных воинскою стражею, и сопровождаемый священником московского тюремного замка.

Во время этого пути преступник Нечаев, невзирая на бившие все время барабаны, несколько раз обращался к сопровождавшим позорную колесницу толпам народа с возгласами: «Долой царя, вы свободный русский народ, вы рабы деспота, пора вам освободиться от ига под названием благочестивого царствования Александра второго». В ответ на это в народе слышались слова: «За это его надобно расстрелять!».

По доставлении Сергея Нечаева на место казни ровно в 7 часов 45 минут утра, он был сведен с дрог и поставлен перед эшафотом. Тогда товарищ прокурора московского окружного суда П. А. Демидов, распоряжавшийся исполнением приговора, поручил сопровождавшему его помощнику секретаря В. П. Ленгольдту прочесть приговор во всеуслышание. По прочтении приговора товарищ прокурора обратился к осужденному с вопросом: желает ли он получить напутствие от священника, на что осужденный дал отрицательный ответ. Затем преступник Сергей Нечаев выставлен был на эшафоте к позорному черному столбу и оставлен в таком положении в течение десяти минут. У позорного столба Нечаев, обращаясь к исполнявшим приговор, сказал, что «не пройдет трех лет, как головы их всех на этом самом месте будут отрублены первой русской гильотиной». Преступник продолжал кричать еще, но бой барабанов не давал возможности разбирать его слов. По истечении десяти минут преступник Нечаев был сведен с эшафота, посажен в карету вместе с жандармским штаб-офицером майором Реймером и отправлен в Сущевский частный дом.

Обряд исполнения приговора окончен в 8 часов 10 минут утра.

О чем, на основании 964 ст. уст. угол. суд., и составлен настоящий протокол.

Подлинный подписали: товарищ прокурора Демидов и помощник секретаря Ленгольдт.

С подлинным верно: секретарь (подпись).

Сообщил *В. М.*

К истории партии Народного Права.

21 апреля 1894 г. в Москве была разгромлена организация партии Народного Права. В числе 39 обысканных и арестованных в этот день был студент Московского университета Виктор Михайлович Чернов, по жандармским сведениям игравший довольно заметную роль в организации. У него было найдено огромное количество нелегальной литературы, рукописных программ революционных организаций и проч. Находясь под арестом, Виктор Михайлович Чернов, по предложению начальника охранного отделения, написал свою биографию, которую и переслал московскому обер-полицеймейстеру. Копия этой автобиографии сохранилась в деле б. московского охранного отделения № 162 1894 года

Приводим эту автобиографию:

Его прев-ству госп. московскому обер-полицеймейстеру

содержащегося в Пречист. пол. доме
студента Виктора Чернова.

Заявление.

Имею честь изложить, согласно предложению г. нач-ка охр. отд., свою биографию, начиная с момента, когда из детства я перешел к юности.

Первоначальное образование получил я в Саратовской гимназии (с приготовительного до 7-го класса), а окончил курс в Дерптской. За это время я ни в каких кружках саморазвития участия не принимал. Интересовался я за самые последние годы (седьмой—восьмой классы) вопросами нравственности и философии, что можно видеть из той массы выписок, конспектов и рефератов, которые должны находиться в моих бумагах (не знаю, взяты ли они при обыске, так как последний производился в моем отсутствии—я был на даче). В гимназии с товарищами я вообще не сходился, так как ни у кого не замечал присутствия широкого умственного интереса и стремления к знанию, которые у меня всегда играли очень сильную роль. К этому времени относится мое знакомство с большинством тех лиц, о которых меня спрашивал г. начальник охр. отд., как-то: Келлером, Лейхтгаммером, Епифановым и Яковлевым [1]). Относительно этих лиц могу высказать следующее:

---

[1]) Келлер, Лейхтгаммер, Епифанов и Яковлев были арестованы вместе с Виктором Черновым по делу партии народного права. *Ред.*

Келлер и Епифанов—самые молодые из всех—оба очень симпатичные юноши—в гимназии были еще совсем детьми и вряд ли читали что-нибудь, кроме беллетристики и критики. Теперь во всяком случае не могут участвовать ни в каком деле, имеющем политич. характер. Первый очень способный и очень прилежный студент, мечтает о карьере ученого; второй женится, и семейные заботы должны всецело поглотить его внимание. Лейхтгаммер—очень молчаливый, флегматичный и неподвижный парень—всегда производил на меня впечатление человека, уткнувшегося в свое естествознание и не обладающего достаточной смелостью мысли не только для того, чтобы пуститься в серьезную критику общественных форм, но вообще для обобщений. Яковлева я знаю немного по Саратову; тогда он, кажется, довольно многим интересовался и читал. В Москве первый год мы жили в одном доме. Впрочем, об этом после.

По приезде своем в Москву я перешел от занятия философскими вопросами к изучению наук экономических и политических. Минуя популярные журнальные статьи, я обратился к «Капиталу» и прочим сочинениям Маркса («Нищета философии», «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»), усвоил себе теоретическое положение научного социализма и стал крайне интересоваться приложением этих общих начал к России, а также и вообще социально-политическим положением России. Для выяснения моего отношения к изданиям группы народовольцев, которые найдены у меня при обыске, а также относительно тех разговоров, в которые я вступал на различных студенческих вечеринках,—мне придется сделать некоторое отступление и разъяснить мою общую точку зрения на социально-политическое положение России.

Россия—страна земледельческая, находящаяся в периоде натурального, т.-е. мелкого хозяйства, следовательно, страна бедная. Между тем международные условия заставляют ее, в качестве первоклассной державы, содержать сложный государственный механизм, на европейский образец, большую армию и флот. Для того, чтобы страна могла удовлетворять финансовым нуждам государства, необходим был переход от мелкого производства к крупному. Общинные и артельные начала, свойственные русскому народу, делали возможным для России мирным и постепенным путем, минуя кризисы перехода натурального хозяйства в капиталистическое и перехода от частно-правового хозяйства в общественно-правовое,—кризисы, сопряженные с бедностью, голодовками, бунтами, нарождением пролетариата и правовыми революциями—мирным и постепенным путем развивать крупную промышленность в народной форме, прививая к общине и артели результаты научного знания и техники. Тем самым увеличивалась бы платежная сила населения, и существующая правительственная организация оказывалась бы соответствующей тем экономическим задачам, которые выдвигаются экономической эволюцией, а в этом соответствии, как прекрасно выяснено Марксом, лежит единственный залог прочности каждого данного политического строя.

Такова точка зрения, из которой я исходил в своих разговорах на всех упомянутых вечеринках и в кружках саморазвития, которые я посещал в Москве.

Но,—представлялось мне,—хотя Россия, по слабому развитию в ней различных сословий и большой силе правительственной власти, и есть единственная в своем роде страна, где даже наличный неограниченно-монархический строй мог бы разрешить социальный вопрос перехода от мелкого производства к крупному, общественному, игнорируя сословные и классовые поползновения различных привилегированных групп,—дело пошло в ней иначе. Ослепленное расцветом капитализма на Западе, правительство принялось систематически развивать капиталистическую, а не народную форму крупной промышленности, что было совсем не в его интересах. Эта роковая ошибка и создала все те кризисы социальные и политические, которые переживала и переживает Россия со времени крестьянской реформы.

Как доказано уже русской литературой,—достаточно указать книги Воронцова и Даниэльсона,—капитализм в России играл всегда и будет играть более разлагающую, чем творческую роль. Платежная сила крестьянства разрушается, нового платежного источника не создано. Отсюда, все те бедствия народа, отсюда и появление острой критики внутренней политики правительства, отсюда оппозиционное движение.

Весь характер русского революционого движения определяется двумя основными свойствами капитализма на русской почве: 1) малое творческое влияние капитализма; отсюда малочисленность фабричного пролетариата и невозможность классового социал-демократического движения вроде германского и стихийные бунты, вроде холерных беспорядков, в корне которых лежат социальные причины; 2) преобладание постоянного капитала над переменным, которое постепенно пробивается всюду, а у нас проявилось сразу в резкой форме,—отсюда иное численное отношение мыслящего пролетариата к пролетариату фабричному. Особенно важно это последнее обстоятельство. Благодаря ему у нас имеется, сравнительно с другими общественными группами, более сильная интеллигенция, чем на Западе.

Она проникнута демократическим духом, и поскольку правительственная политика направлялась на покровительство капитализму, постольку исторически неизбежно возникало оппозиционное и революционное брожение в этой интеллигенции.

С этой-то точки зрения я и критиковал всевозможные направления как на вечеринках, так и в кружках саморазвития. Везде я старался проводить эту основную идею. Особенно резко я нападал на «социал-демократов» или «марксистов» (т.-е. собственно более марксистов, чем сам Маркс), я находил, во-первых, крайне анти-народными их нападки на общину и химеричными их надежды на классовое движение рабочего сословия. Вероятно, благодаря этим нападкам, я и прослыл за «народовольца».

Относительно «народовольчества» я высказывал следующие взгляды. Несомненно, что террор не есть средство к достижению чего-

либо практического. Но с точки зрения историка террор есть фатальный факт; к нему история с силою необходимости пригнала русское революционное движение. Потерпев неудачу в крестьянстве, не имея в городе под руками большого рабочего класса, не имея, на что опереться, русская революционная интеллигенция вступила на путь конспирации. Но что же может сделать изолированный, конспиративный кружок? Или ждать у моря погоды, подвергаясь ежечасно опасности быть изловленным, или с лихорадочною поспешностью пускать в ход всевозможные средства.

Террор и конспирация—свидетельство изолированности. Поэтому я находил неосновательными многие нападки на «народовольцев». Они сделали все, что могли сделать. «Захвата власти», о котором они говорили, они не произвели, но его они не могли произвести; это утопия. «Народовольчество» нельзя критиковать с точки зрения задач, которые ставили себе «народовольцы»; их идею надо рассматривать с исторической точки зрения.

Не стану скрывать, что с этической точки «народовольчество» было мне симпатично. Все эти люди, которые действовали, высоконравственные натуры; побуждения их были чисты. Конечно, все их старания были напрасны, такова неумолимая логика истории. Результаты их деятельности были даже таковы, каких было трудно ожидать; это надо отнести на счет личной титанической энергии отдельных героических натур.

Народничество я считал явлением отжившим, с которым теперь уже и считаться не приходится. Что же касается разных новоиспеченных программ («Земля и Воля», «Прогресс соединенных групп»), то я не находил в них самого главного — связующей общей идеи, каковой может явиться только основная идея научного социализма о тенденции народного хозяйства к общественному производству и о первенствующем влиянии вопросов, выдвигаемых экономической эволюцией, для всей исторической жизни. Программа кружка «Земля и Воля» написана с претензией на «практичность» и потому без всякого идейного содержания; программа «соединенных групп» напоминает скорее министерский проект, подлежащий немедленному подписанию и введению в действие.

Тем не менее я не был пессимистом и не мог быть им, потому что для меня, как человека, проникнутого основной идеей научного социализма, важно не временное настроение и направление радикальной «улицы».

Для меня была важна только экономическая эволюция, а она представлялась мне таковой. Переход к общественному («обобществленному», «обмирщенному») хозяйству неизбежен; для России он не может совершиться через капитализм по причинам, достаточно выясненным в русской литературе; итак, если только Россия пойдет к неполному экономическому разложению и смерти, что трудно предположить для свежей, здоровой громадной страны,—а к развитию, то будут развиваться общинные и артельные начала. Что же касается политического строя, то он будет таков, какой необходим

для этого развития. Если монархизм сумеет способствовать переходу от натурального хозяйства к крупному народному—он сохранится надолго, — на такое же долгое время, на какое он будет итти не в разрез этой необходимой эволюции; если же не сумеет, то погибнет в силу неумолимой исторической логики, так как лишь тот политический порядок прочен, который соответствует уровню исторических задач, выдвигаемых всесильной экономической эволюцией. Как и отчего он может погибнуть? Это может совершиться самыми различными путями. Он может даже добровольно капитулировать перед массой затруднений, с которыми будет невозможно справиться: финансовое банкротство, стихийные восстания, всеобщее недовольство и недоброжелательство... Да, очень много может быть причин, которых при современном состоянии исторической науки теперь и предвидеть невозможно.

Что же касается участия во всем этом историческом процессе интеллигенции, то я думал так. Поскольку правительство будет способствовать обобществлению труда, развитию общинного и артельного начала, постольку интеллигенция будет охотно итти быть проводниками в жизнь соответствующих мероприятий; поскольку же оно будет тормозить его, постольку необходимо будет возбуждаться в ней брожение и даже революционные попытки. Теперь, после того, что выяснилось для меня из разговоров в охр. отделении, к этому у меня прибавилось еще то убеждение, что, при современном состоянии государственной полиции, повторение эпохи народовольчества, в его прежнем титаническом, хотя, в последнем счете, безрезультатном виде, безусловно невозможно.

Таково мое теоретическое отношение к различным революционным направлениям, практического же отношения ни к одной из революционных групп я не имел.

Кружки саморазвития в Москве я посещал, но остался крайне недоволен поверхностностью их. Они как будто нарочно созданы для того, чтобы обо всем понемногу знать, не работая серьезно ни по какому вопросу.

Большинство кружков занято так называемой «русской действительностью», т.-е. крестьянской реформой, капитализмом, общиной и кустарной промышленностью и земством. Некоторые заняты политической экономией; историей же не занят ни один кружок из тех, на которых я бывал или о которых слышал. Сам я пытался устраивать чтение «Капитала» Маркса человек из трех-четырех; но народ обыкновенно разбегался, не осилив первых двух глав.

Из учеников Земледельческой школы знаком с Лебедевым, Самоцветовым и Куманиным; познакомился с ними в д. Назарова, по Чухинскому тупику, когда там жили наверху—брат, Яковлев и Лебедева, а внизу—Самоцветов и Лебедев. Из них больше всего знаю Куманина, которым интересовался, как «толстовцем», или, как он себя называл, «общинником», затем Лебедева; Самоцветова знаю очень мало. Это все народ крайне молодой, еще совершенно несложившийся. Разговоры я с ними имел, старался разбудить в них

критическую мысль и выбить из головы у них веяния нелепости вроде «толстовства»; но никакого организованного кружка, а тем паче какой-то «организации» (о которой заключают по спискам, найденным при обыске у Куманина) между ними я не составлял, да и не понимаю, какая может быть «организация» среди такого народа, как Куманин, Лебедев и Самоцветов.

С Яковлевым я в прошлом году жил в одной квартире, так что знакомство имело чисто-домашний характер. На меня он производил впечатление человека, застывшего в своем развитии, в общем симпатичного, но несколько неуживчивого и притом неглубокого. С братом моим он сначала был в довольно хороших отношениях, но в нынешнем году, как мне казалось, они несколько разошлись по причинам чисто личного характера. Ни о каких революционных предприятиях Яковлев мне не говорил, да и вообще вряд ли он в прошлом году принимал участие в чем-либо. Что касается до нынешнего года, то я образа жизни его не знаю, потому что к нему почти совсем не заглядывал. Он у нас в нашей квартире на Патриарших прудах бывал, но сидел обыкновенно с барышнями—Духаниной и ее гимназической подругой Рыжковой, которые между собой большие приятельницы.

Брат мой человек вообще замкнутого, необщительного характера. Мне казалось, что он безвыездно жил в Москве, и я никак не подозревал, чтобы он мог заниматься конспирациями и иметь такие большие революционные связи, как думают в охр. отделении. Я считал его человеком умным, но который всю жизнь свою проживет в своей скорлупе.

Надежду Никол. Лебедеву знаю в лицо (видел вместе с сестрой), но знаком с ней, собственно говоря, не был. Ее сестра Любовь жила на одной квартире с Яковлевым, братом и Рыжковой; особа довольно нервная, припадочная. Рыжкова же совсем больной, ненормальный человек, эпилептичка; доктора решительно предсказывают ей сумасшествие, и в очень недалеком будущем. Она, по моему мнению, безусловно ни в каких конспирациях участия принимать не могла и даже ничего о них не могла знать. Думаю, что почти то же самое можно сказать и про Лебедеву.

Духанина, как и Рыжкова, только что окончила курс гимназии, они во всяком случае ничего не понимают в социально-политических вопросах.

Вообще говоря, мое глубокое убеждение таково, что все перечисленные лица гораздо менее виновны, чем о них думают. Я никак не могу допустить, чтобы они могли участвовать в серьезном политическом деле, каковым является, по данным полиции, дело партии Народного Права. Сам я это название услышал впервые в охр. отделении.

Недели за полторы до последних обысков было несколько арестов. После этого один студент, вероятно, опасаясь обыска, просил меня, как человека, ни в чем не замешанного, чистого, избавить его от беспокойства, взяв на сохранение сверток, в котором, как сказали мне в охр. отделении, оказалась навощенная бумага и несколько экзем-

пляров брошюры «От мертвых к живым». Для чего служит навощенная бумага, я совершенно не знаю; что же касается брошюры «От мертвых к живым», то, кажется, она раздавалась вместе с «воззванием Красного Креста»; по крайней мере экземпляр, который находится в моей коллекции, мною получен вместе с «воззванием Красного Креста» в виде приложения. Что же касается имени лица, принесшего мне этот сверток, то я не желал бы его открывать, так как смотрю на дело следующим образом: раз я взял на сохранение запретную вещь, я тем самым взял на себя и ответственность обратившегося ко мне с нею, и с моей стороны было бы нечестно взваливать на последнего главную часть, вместе нарушая к тому же оказанное мне доверие.

Я готов понести наказание, заслуженное мною по закону. Единственное мое желание—это поскорее отбыть его и кончить курс университета. К этому меня прежде всего обязывают семейные обстоятельства (у отца на плечах огромное семейство), да, наконец, и мой собственный интерес.

Копия заверена: Помощн. делопроизводителя
охр. отделения *Беневоленский*.

Сообщил *В. М.*

Новое о зубатовщине.

Рабочее движение конца девяностых годов сильно беспокоило правительство. Число стачек и стачечников резко поднялось за пятилетие 1895 — 1900 г.г. Вместе с тем повысились энергия и упорство бастующих. Стачки становятся продолжительнее.

Г О Д Ы.	Число стачек.	Число участников.	Средн. колич. потер. раб. дней на одного рабочего.
1895	68	3119	5,0
1896	118	2952	6,4
1897	145	59870	5,3
1898	215	43150	3,7
1899	189	57498	4,6

Как видно из этой таблицы, количество стачек и их интенсивность были весьма значительны. Экономический кризис начала девятисотых годов значительно понизил число стачек, но как только промышленность стала медленно выходить из кризиса, стачечная волна, следуя за ней, поднялась, и в 1903 г. мы имеем 550 стачек с 86.832 участниками. Повысилось и упорство стачечников. Среднее количество потерянных рабочих дней на одного стачечника достигло в 1903 г. 5,1 и в 1904 г., несмотря на падение числа стачек и количества участников—7,4. Рабочее движение крепло.

Руководители департамента полиции в 90-х годах отлично отдавали себе отчет в том, какую мощь и силу представляет из себя рабочий класс. В статье, опубликованной лишь в 1917 г. в «Былом», Зубатов, объясняя тактику московской охранки девяностых и девятисотых годов, вдохновителем которой он являлся, писал: «рабочий класс—коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства, революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты массовых студенческих выступлений... Будучи разъярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в направлении уничтожения государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо мог оказаться серьезнейшей угрозой существующего порядка вещей». Исходя из этой мысли, Зубатов и охранное отделение решили взять в свои руки рабочее движение, направить его по тому руслу, какое было выгодно и желательно для департамента полиции.

Как известно, дело было организовано в широком масштабе.

Зубатов создал в Москве ряд рабочих обществ, руководителями которых были рабочие, продавшие себя охранке. Работа в этих организациях шла под непосредственным руководством охранки. В Минске среди еврейского пролетариата Зубатову удалось создать даже целую «еврейскую независимую рабочую партию». Зубатовские организации

существовали в Одессе и Харькове. Деятельностью Зубатова и созданных им организаций живо интересовался департамент полиции, и Зубатов подробно осведомлял его руководителей о деятельности своих как московских, так и минских организаций.

С руководителями минской еврейской независимой рабочей партии у Зубатова шла деятельная переписка, копии писем независимцев Зубатов пересылал в департамент полиции.

В архиве московской охранки, хранящемся сейчас в III отд. Госуд. архива Р. С. Ф. С. Р., деятельность Зубатова не оставила больших следов, но все же кое-что интересное имеется.

По требованию департамента полиции Зубатовым были составлены две докладных записки: о профессиональном рабочем движении в Москве и о профессиональном рабочем движении в Минске. Обе были пересланы Зубатовым в конце ноября 1901 г. в департамент полиции Л. А. Ратаеву. Записки о профессиональном рабочем движении в Москве в архиве московской охранки не оказалось, а между тем для истории московских зубатовских организаций она должна играть первостепенную роль, так как департамент полиции предварительно сам поставил Зубатову вопросы, на которые желал получить ответ. Между прочим он спрашивал, как были привлечены профессора к участию в зубатовских организациях. Записка о рабочем движении в Минске нашлась в копии; для истории еврейской независимой рабочей партии она имеет интерес, хотя нельзя не отметить, что содержание ее поверхностно и о многом, что касается рабочего движения в Минске, она не говорит.

Гораздо богаче по содержанию копии с переписки руководителей независимой еврейской рабочей партии с Зубатовым, которые он пересылал в департамент полиции Ратаеву. Письма эти относятся к октябрю 1901 г. и тянутся до августа 1902 г. Они с одной стороны дополняют докладную записку Зубатова, с другой—подробно освещают деятельность независимцев.

Эта интимная переписка Зубатова с независимцами имеет огромный исторический интерес. Ценность ее усиливается еще тем, что, сообщая полученные письма в департамент полиции, Зубатов делал свои приписки и комментарии; из них ясно видно, чего хотел и к чему стремился ловкий охранник.

Письма эти вскрывают повседневную деятельность независимцев, вводят в самый центр ожесточенной борьбы, которая происходила на рабочих собраниях в Минске и Вильне между независимцами и Бундом. В них иногда дословно, передаются целые речи отдельных ораторов; письма отмечают и выясняют позицию сионистских организаций по отношению к независимцам, устанавливают их связь между собой. Письма принадлежат крупнейшим руководителям еврейской независимой рабочей партии: Марии Вильбушевич, Волину, Чемерискому и др. (Письма извлечены из III отд. Госархива Р. С. Ф. С. Р., дел. охр. № 1004 1902 г.).

На ряду с этими письмами существовали повидимому и письма Зубатова к независимцам. Среди груды просмотренных дел мне удалось найти лишь отрывок из одного письма Зубатова к Гольдбергу от 23 VIII 1902 г. (III отд. Госархива. Д. охр. № 1090, л. 3, за 1902 г.). Отрывок этот представляет интерес тем, что в нем Зубатов объясняет путь, на который стал он в Москве по отношению к стачкам. Это письмо бросает некоторый свет больше на самую зубаторщину и на Зубатова, чем на независимцев.

Гораздо богаче материал, даваемый III отд. Госархива, относительно деятельности созданных Зубатовым рабочих организаций Москвы, хотя и тут исчерпывающей картины и исчерпывающих данных найти нельзя. Зубатов, повидимому, заботился о том, чтобы в архиве охранки осталось не слишком много следов об его деятельности. Все же, на основании материалов архива, можно представить себе, как создавались зубатовские

организации, сколько в них было членов, какими суммами располагали организации, чем занимались рабочие на районных собраниях и как старалось занять их правительство. Отрывочные данные охранки указывают на то, что московские предприниматели относились к зубатовским организациям далеко не сочувственно, хотя и не были чужды мысли использовать их в своих целях. На собраниях заводчиков присутствовали и агенты охранки.

Зубатову и его организации в целях привлечения рабочих на свою сторону пришлось добиться ряда уступок со стороны предпринимателей. Это вызвало целую бурю, и Зубатову пришлось писать в Петербург обширный доклад для защиты своих организаций и своей тактики от предпринимателей. Доклад этот, печатаемый ниже, представляет большой интерес для истории зубатовщины.

Интересные данные дает архив по вопросу об отношении к зубатовщине с.-д.; имеется целый ряд не изданных еще прокламаций московской организации, выпущенных против Зубатова.

Зубатовские организации, вернее находившиеся на службе охранки рабочие, последний раз дали о себе знать 6 июля 1905 г., подав прошение на имя Трепова, где довольно ясно указано, сколько стоило правительству независимое рабочее движение в Москве.

«Ваше Высокопревосходительство,—говорится в этом прошении,—сами изволите прекрасно знать, как успех руководимого Вами рабочего движения перепугал и взволновал врагов власти и порядка, справедливо поняв, что рабочие уходят из-под влияния, и как после Вашего отбытия из первопрестольной столицы они энергично набросились на нашу организацию, не останавливаясь для сокращения ее ни перед какими средствами. Собрания наши ныне почти прекратились из-за скандальной обструкции всевозможных видов оппозиции, мы, вожаки, не гарантированы уже от опасных оскорблений, не только на улице или общественных собраниях, но даже и у себя на квартирах, и в довершение всего нам почти официально объявлено о прекращении казенной субсидии с сентября сего года, а со следующего месяца об уменьшении месячного содержания». «До настоящего времени месячная субсидия выражалась на всех в 400 руб., а в отдельности по следующему расчету: М. Афанасьев 85 руб., Н. Красовский 100 руб., И. Соколов 70 руб., И. Советов 30 руб., Б. Игнатов 30 руб., К. Коавелье 25 руб., И. Белов 20 руб., И. Платов 20 руб. и Г. Чепурин 20 р., а всего в год 4.800 руб. Возлагаемые на нас охранн. отд., в некоторых случаях после отъезда Вашего Высокопрев., чисто агентурные поручения нам не по силам, и мы не в состоянии выполнять их в будущем...» На это прошение последовала резолюция Трепова (на имя начальника московского охранного отделения) «не прекращать и не уменьшать содержания перечисленным в прошении лицам и не прерывать с ними сношений» (Дел. охр. № 1090 1901 г. л. 5).

Попытка «правительства» взять в свои руки руководство рабочим движением кончилась крахом повсюду—в Минске, Одессе, Москве. Интересно отметить, что группы сознательного пролетариата вели с зубатовцами ожесточенную борьбу. Существовавший в Москве в 1902—1903 г.г. нелегальный союз печатников вел с зубатовскими организациями энергичную борьбу. Малосознательная же масса, как было в Одессе, хотя и прислушивалась к голосу правительственных организаций, но все же использовать себя им никогда не давала. Борьба рабочего класса с капиталом требовала ясного присоединения к той или другой борющейся стороне. Зубатовские организации пытались на словах стать посередине и быстро исчезали, так как промышленникам нужна была не разбирающая их тяжбы с рабочими полиция, а полиция, усмиряющая рабочих.

I.

Профессиональное рабочее движение в Минске.

(Подлинник этой записки, составленной С. В. Зубатовым, послан в департамент полиции 28 ноября 1901 г. Приводим записку целиком.)

«Ликвидация в Северо-Западном крае в 1898 году, давшая в итоге четыре еврейские типографии и почти всех главарей сильного, хорошо законспирированного еврейского «Бунда» (центральная организация) невольно заставила заинтересоваться внутренней стороной еврейского движения и его особенностями, тем более, что при следствии обнаружились беспримерная озлобленность, недоверчивость и упрямство привлеченных, перед которыми опускались руки у следователей и прокуратуры. Еврейское движение производило впечатление чего-то грандиозного, почти недоступного воздействию.

Весной 1900 г. была произведена вторичная ликвидация в центре еврейского революционного движения в городе Минске, при чем для изучения самого движения и психологии его деятелей было первоначально возбуждено расследование по охране. В числе арестованных оказались лица, тождественные по своему складу и характеру со взятыми в 1898 году, но и очень много таких, которые ничем не отличались от обычно привлекаемых по политическим делам. Обстоятельство это явилось уже некоим успокоением в отношении движения, впечатление несокрушимости которого осталось после первого процесса. Ближайшее затем знакомство с привлеченными все более и более заставляло убеждаться, что в еврейском движении принимает, главным образом, участие зеленая молодежь, часто весьма симпатичная, мягкая и отзывчивая, формулирующая свои взгляды на литературе 60-х годов и повторяющая революционные зады, при чем, будучи до крайности мало осведомлена в политических теориях, будирует и шумит, ссылаясь на беспросветность положения обширнейших кругов беднейших слоев населения и бесправность более состоятельного и образованного высшего слоя, усугубляемых нравами и привычками провинциальных должностных лиц. Беседы о светлом идеале христианской монархии, о разнице между верховной властью и правительственной, между центральными органами и провинциальными представителями администрации, о разнородности понятий мирного рабочего движения и революционного, о противоположности интересов членов первого с интересами агитаторов, доходящей в силу разности стремлений до эксплоатации последними рабочей массы, о неумении крайних элементов воспользоваться в интересах этих масс даже прямыми требованиями закона, вроде установления 12-часового рабочего дня для

ремесленных заведений, наконец, ознакомление по подлинным документам с практикой московской полиции по отношении рабочих, в духе принципов, изложенных в записке московского обер-полицеймейстера на имя Его Императорского Высочества московского генерал-губернатора от 1898 года, оказали ошеломляющее влияние на арестованных, как факты и соображения, совершенно противоречащие их представлению и понятиям, и среди них оказались лица, решившие твердо вступить на новый путь деятельности. Самодержавный идеал оказался им понятным; так как и самая еврейская религия учит верить в пришествие Мессии и восстановление еврейского государства с воцарением на престоле рода Давида, демократическо же политический идеал является совершенно чуждым национальной политической мысли еврейства. Искренность своего впечатления указанные лица доказали откровенными признаниями своей прошлой преступной деятельности, прося лишь о снисхождении к своим прошлым заблуждениям. Отправившись по освобождении к местам своего жительства, они повели деятельную контр-пропаганду и, ввиду ее успешности, настолько перепугали Бунд, что тот немедленно выпустил от Ц. К. прокламацию (август 1900 г.), грозя признать провокатором всякого, кто будет распространять вышеприведенные идеи. Влияние прокламаций оказалось весьма неблагоприятным для новаторов, и лишь только благодаря их особой энергии и решительности дело не было смято. Помимо малой освоенности профессионалов с техникой легальной деятельности, серьезным препятствием на их пути являлось отсутствие связи с представителями правительственной власти, направить к которой распропагандированных соплеменников представляло труднейшую задачу, не говоря уже о том, что такой образ действий грозил вызвать еще бо́льшее гонение со стороны революционеров. Задачу эту разрешил начальник минского губернского жандармского управления полковник Васильев. Воспользовавшись случаем ближайшей забастовки, он потребовал для объяснечия с собой представителей от забастовщиков, вызвал затем хозяев и привел стороны к соглашению, выгодному для рабочих. Взяв себе за образец московское ведение дела, он стал под благовидным предлогом сноситься с более энергичными из поборников мирной программы, установил с ними добрые отношения и таким образом явился руководителем профессионального движения. Разрешение собраний сначала столярам, и потом и другим цехам, допущение в качестве руководителей к беседам на жаргоне учителей казенных учебных заведений, устройство литературно-вокальных утр с хорами из рабочих встретили горячее сочувствие в массе и, несмотря на противодействие революционеров, не погнушавшихся даже физического насилия над представительницей движения—женщиной, мирная группа стала завоевывать себе все более и более членов, число которых в настоящее время уже превышает 1.500 человек. Революционная пресса не преминула отметить это обстоятельство, при чем в статье под заглавием «Новый курс», помещенной в № 6-м газеты «Искра», признает, что тактика Васильева встретила в мелкой буржуазно-настроенной массе приказчиков полное сочувствие и признание. Аги-

таторы, только недавно начавшие оказывать на нее влияние, совершенно оставлены, отношение к ним резко враждебное.

Среди рабочих ходит в большом количестве легальная литература по проф. рабочему движению, делаются попытки к переводу ее на жаргон и все более начинает ощущаться настоятельная необходимость в легальной жаргонной газете, без которой масса может узнавать новости только из нелегальной бундовской прессы. Выработан и послан на утверждение устав чайной-клуба и с нетерпением ожидается результат этого ходатайства.

За отсутствием больших интеллигентных сил в городе движение поневоле должно носить более мелкий характер, чем в Москве, но зато идет более оригинальным ходом. Вместе с кружковыми профессионалами полковник Васильев рассчитывает сломать преобладающее значение агитаторов в течение одного двух лет, действуя в помощь контр-пропаганды, изъятием из обращения наиболее видных революционно-настроенных лиц. Последнее полковник Васильев предлагает осуществить не ранее начала будущего года, когда новое течение успеет окрепнуть и будет в состоянии вынести бурный натиск революционеров за потерю ими своих товарищей.

Совершенно секретно.

Его В-дию Л. А. Ратаеву.

Милостивый Государь
Леонид Александрович!

Из Минска мне сообщают: «У нас все так наладилось и так далеко пошло, что во мне, пожалуй, уже и надобности нет. Собрания столяров сходят прекрасно. Интеллигентные силы получились. Люди положительно заинтересовались и начали работать. Получено разрешение собираться всем ремесленникам гор. Минска на частных квартирах, только каждый раз нужно заявить в участке за несколько часов, что в таком-то месте будет собрание. В субботу 20-го октября разрешен литературный вечер для рабочих в зале «Париж», на котором ожидается присутствие 1000 рабочих. Программа интересная, с речами и хором рабочих, кроме того, комиссии из рабочих поручено следить за соблюдением 12-часового рабочего дня и, в случае его нарушения, дать знать полиции для составления протокола. Полковник Васильев превосходит сам себя. Я его не узнаю. Он удивительно схватил дух движения и чрезвычайно последователен. Словом, самый нужный и дельный человек. Публика так воспиталась, что отбросила все предрассудки, самым мирным образом сговаривается с властями и совсем забыла о своем еще очень недавнем отвращении к правительству. Отношение к нашей группе сильно переменилось. Криков «долой» уж не слышно. Каменщики почти все наши, переплетчики тоже. Слесаря всей душой. Столяров половина, приказчиков половина, жестянники почти все. Мы ожидали, что компания перебродит, поволнуется, погогочет и—вернется, но вернется совсем уже наша. Так и случилось. С независимой рабочей партией теперь уже считаются как с силой.

По всему Северо-Западному краю ходят чудовищные легенды. Многие приезжают сюда, чтобы удостовериться, при чем некоторые уезжают со скрежетом зубовным, а некоторые с целым морем зародившихся сомнений. Бунд работает очень усердно. Откуда-то прибыли новые силы и прежде молчавшие заговорили. Демократическая интеллигенция полна злобы, но для нашего движения это теперь вещь почти безвредная, и все мы относимся к этому весьма хладнокровно. Наши силы теперь только в легализации и в печати. Не скрою, что одно время здесь было такое тяжелое мучительное состояние у нас у всех, что часто мы в душе проклинали начатое дело, это было время ужасных раздоров внутри самих же ремесел, как «их», так и «наших». Доходили до бешенства и подчас вступали в кулачный бой. Брат восставал против брата и со слепым неистовством отравляли друг другу жизнь. Со стороны Бунда развилось страшное шпионство, чтобы выведывать, что у нас делается, и дело дошло до провокатуры. Словом, такая грязная помойная яма вместо идеи, такая ненависть вместо мира и любви, такая спутанность и хаос мыслей вместо ясности их, что для моих чутких нервов это было ужасной отравой. Но теперь улеглось. Уразумели— и «взбаломученное море» успокоилось».

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности Вашего покорнейшего слуги С. Зубатова.

№ 13266. 18 октября 1901 г.

II.

Совершенно секретно.

Его Высокородию Л. А. Ратаеву.

Милостивый Государь
Леонид Александрович!

Из Минска мне сообщают: «В субботу 20-го октября состоялся ранее мною упомянутый рабочий вечер, т.-е. праздник нашей независимой партии. Впечатление получилось сильнейшее и идея легализации зажгла много умов. А «бундовцы» очутились в ужасно неприятном положении. Они целую неделю перед праздником агитировали против этого вечера. Некоторые доходили до такого фанатизма, что тайно собирались в квартирах и торжественно сжигали купленные на вечер билеты, некоторые скупали билеты, и в чайных публично разрывали их. Комитет нарочно назначил в этот вечер сходки и собрания во всех своих ремеслах. В массе распространяли слух, что пятачки, которые взимались с билетов, поступят в распоряжение полковника Васильева. Организованные рабочие горели жаждой мести к этим «легализаторам и разрушителям». На меня снова устроили нападение, да неудачно. Хотели поколотить двух девиц—«бундовок», которые участвовали у нас в хоре. Словом, делали все возможное и невозможное, чтобы удержать народ—и ничего не помогло. У двери были ужасные скандалы. Несчастные городовые изнемогали под напором публики, ко-

торая во что бы то ни стало хотела ворваться. Тысячная толпа стояла у двери в надежде, что авось как-нибудь ей удастся проникнуть. Присутствовавшие на вечере чувствовали себя свободно и держали себя свободно и, несмотря на это, никто не вышел из рамок дозволенного. Говорились хорошие речи и в итоге всего получилось полное торжество легализации. В середине вечера прискакали полковник Васильев с полицеймейстером, но были настолько тактичны, что в зал не зашли, а говорили только со мной в уборной, просили, чтобы хорошо держались и приказали приставам не заглядывать в середину.

Праздник этот имел громадное агитационное значение, которое даже трудно было ожидать. В будущую субботу 27-го октября открываются собрания и собеседования всех ремесл. Прочтите в последнем номере «Будущности» статейку о клубе столяров—очень любопытна. Если только правительство не испугается и не возьмет данного назад, то оно сделает громаднейший переворот во всей России. По-моему теперь необходим съезд жандармских чинов, где бы они получили надлежащую инструкцию, как держать себя по отношению экономического движения, а в особенности во время стачек».

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности Вашего покорнейшего слуги С. Зубатова.

№ 13461. 24 октября 1901 г.

Совершенно секретно.

Его Высокородию Л. А. Ратаеву.

Милостивый Государь
Леонид Александрович!

Вернувшись из командировки в Петербург, я нашел у себя следующую корреспонденцию из Минска:

«Поздравьте меня с большой победой, которой мне не думалось так скоро дождаться. Конгресс сионистов решил бороться с «Бундом». Речь одного сиониста А... [1]), бывшего члена заграничного Комитета «Бунда», речь полная, блестящая филиппика против «Бунда», в корне его подрывающая, будет отпечатана по-русски и еврейски в 35.000 экземплярах и затем бесплатно будет распространена по всем еврейским городам. Это решение вызвало демонстрацию со стороны бундовцев, приехавших на конгресс. Они все как один человек покинули залу для того, чтобы уже более никогда не вступать в нее. Наконец-то отделились плевелы от пшеницы; наконец-то сионисты, вечно пресмыкающиеся, вечно лебезящие перед Бундом, трепетно стоящие перед ним с руками по швам, наконец-то они гордо объявили ему борьбу. И это сделали рабочие сионисты. Но каких громадных усилий мне стоило все это провести. Опыт привел меня к заключению, что мирным рабочим профессионалам бороться с Бундом нельзя, ибо мы нейтральны, а бороться с ним необходимо. Мой выбор пал на сионистов, которые

[1]) Фамилия написана неразборчиво.

во что бы то ни стало должны были это сделать. Путем страшной энергии удалось добиться своего, и съезд всех рабочих сионистских кружков России, бывший в Минске шесть недель тому назад, постановил: во-первых, бороться с Бундом путем устной и письменной пропаганды, подрывая его теоретический и практический смысл для еврейства; во-вторых, вступать членами в независимую рабочую партию в тех городах, где она имеется, распространяя ее идеи и основывая там, где ее еще нет. Это решение грандиозно и чревато богатым последствием. Но здесь нужна большая осторожность, такт и предусмотрительность. Теперь все сионисты стали нашими помощниками: нужно только умело воспользоваться их услугами.

Размышляя над полученными известиями, я прихожу к заключению, что исторически умное еврейство поняло из примера независимой рабочей партии полную совместимость обще-человеческого прогресса с началами православного самодержавия. В революционном отношении всегдашними запевалами в русском противоправительственном движении являлись евреи. С другой стороны, еврейская нация, расплодившись среди народа, являлась постоянной угнетательницей его. Против первого зла, как видно из вышеизложенного, вырисовывается и противоядие ему; относительно же второго у меня является сомнение, не слишком ли огульно оно констатировано. Допуская верность этой обрисовки относительно высших, более образованных и обеспеченных слоев еврейства, затрудняюсь распространить ее на еврейскую массу, до крайности бедную и почти нищую. Если последнее верно, то очевидно, что некоторый подъем материальных средств массы, не причиняя особого вреда коренному населению, уровень материального благосостояния коего представлялось также бы крайне желательно соответственно поднять, — вполне бы гармонировал и не противоречил бы нашим политическим интересам от покровительственного отношения правительства к сионистам. Мне думается, что чисто-политические выгоды от сионизма вполне возможно практически совместить с безвредностью его для народной жизни».

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности. В. пок. сл. С. Зубатова.

№ 80. 5 января 1902 года.

К делу.
Совершенно секретно.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве.

По возвращении из Петербурга в Минск Марии Вильбушевич, последняя остановилась в Вильне, чтобы видеться с Александром Чемериским, и присутствовала 27 июня на собрании, устроенном «группой независимых». На собрании присутствовали лучшие из сионистов и несколько «бундовцев», из числа принадлежащих к «высшим рангам». Оказавшийся случайно в Вильне независимец Юрий Во-

лин прочел свой реферат о легализации, не вызвавший почти никаких возражений, и речь его произвела очень сильное впечатление; тем не менее несколько бундовцев поднялось со своих мест, плюнули, презрительно кинули «провокатор» и ушли. Затем поднялся молодой человек и горячо стал говорить присутствовавшим о розгах, о фон-Але, о дивной смерти Леккерта и с дрожью и слезами в голосе спрашивал присутствовавших, как они могут иметь дело с правительством, которое дает повышение за розги и ордена, за повешенных. Теоретически «независимцы» правы: самодержавие в принципе не обязано мучить и душить людей, но на практике делается именно это, жизнь сильнее всяких принципов и теорий, почему, кроме насилий, мы ничего не видим кругом и, конечно, не увидим. Время холопства и лакейства прошло, евреям все равно терять нечего, так не лучше ли погибнуть хоть с честью, чем с позором. Независимцы—червь революции, они существуют только потому, что с нами нужно бороться, с независимцами считаются только потому, что нужно подстроить контр-мину для «нас». Я не говорю, что они провокаторы, я не имею права их так называть, потому что я не знаю их лично, но я знаю только одно, что со временем они поймут свою ошибку и тогда, может быть, найдется среди них какой-нибудь Леккерт, и смоет тот позор, который они добровольно и так охотно возложили на свою голову. Я только хочу, чтобы скорее настало это время, чтобы кончился этот ужас раздора, который с каждым днем усиливается все более в виленской массе. «Мы, бундовцы, будем держать высоко свое знамя, знамя, обагренное кровью засеченных людей и кровью повешенного мученика».—Его искренние, пламенные слова очаровали всех, и все ушли с раздвоенным впечатлением от холодной логики Волина и горячего призыва бундовцев. Вильбушевич в своем письме добавляет: «Я всматривалась в лица слушающих, вдумывалась в разговоры, которые потом начались, и для меня еще яснее обрисовалась старая истина, что все революционное настроение держится исключительно «чувством», которому репрессии все больше и больше поддают жару, подкладывая новое прекрасное топливо, умные же революционеры умеют ловко раздуть огонь, а честная юная сила самоотверженно поддерживает его. Работать теперь в Вильне до крайности трудно и я только удивляюсь Александру Чемерискому. Агитация в Вильне возможна только общая и широкая, почему необходимо начать с массовых собраний, дабы сразу заставить бундовцев считаться с совершившимся фактом, а не с пустыми словами и посулами, ничего существенного не дающими. Нужно создать небольшой центр, который бы вел широкую агитацию. Сознательные же партийные люди выработаются потом».

Вслед за сим Чемериский сообщил из Вильны: «Я узнал одну конспирацию Бунда: существует проект объявить свои экономические организации независимыми от своих же политических; экономические организации будут управляться через посредство особых сходок и будут принимать к себе людей, различных мнений и направлений. А люди политически развитые будут организовываться особо в самостоятельную политическую организацию. Этой мерой Бунд думает

окончательно побить независимцев. Объявив свои организации будто бы независимыми, он затуманит глаза массе, которая будет говорить: мы-де независимы, только те провокаторы, а мы нет. Если Бунд проведет эту хитроумную интригу, то на некоторое время, он, несомненно, затуманит массе глаза». В противовес этому Чемериский предлагает: во-первых, возможно чаще упоминать в литературе независимцев, что если бы даже Бунд объявил свои экономические организации независимыми от политических, то это с его стороны лишь только маневр, во-вторых, ему необходимо разрешить перейти на массовые собрания. Последнее очень важно, так как в силу крайнего недоверия, масса стала недоступной. До момента общего собрания он предполагает устраивать маленькие агитационные собрания и через то скомплектовать достаточное число людей для поддержания порядка. Программу собрания должна выработать особая сходка из 6-ти человек. За разрешением таковых собраний он намерен обратиться к генералу Черкасову. По словам Чемериского, комитет сионистов решил выпустить прокламацию против Бунда, т. к. бундовцы рвут сионистскую литературу, и в прокламации этой дать критику того воспитания, которое Бунд дает массе. За напечатанием этой прокламации сионисты думают обратиться к независимцам».

В случае обращения генерала Черкасова в д-т полиции за разрешением дозволения таких собраний представлялось бы крайне желательным решить сей вопрос в положительном смысле.

Начальник отделения Зубатов.

№ 71. 6 июля 1902 года.

М. В. Д. *Совершенно секретно.*

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве.

Александр Чемериский из Вильны сообщает своим товарищам в Минск:

«Работать в Вильне нет почти никакой возможности: сильнейший бойкот. Массы в глаза не видим. Сколько ни пробуем таскать людей на агитацию,—не идут. А если кого-нибудь и удается залучить, так в другой раз не приходят: бундовцы не пускают и запугивают. Они стерегут мою квартиру и тех, кто в нее входит. Положение тут ужасно. Темнота непросветная. Некоторые рвут наши прокламации, даже не читая их. Большинство читает, разделяясь на две категории: одни по прочтении приходят в ярость, глаза у них наливаются кровью, и они приговаривают: «так их и надо, пусть бойкотируют», другие, посерьезнее, прочитав, задумываются и в недоумении разводят руками: очевидно, не того ожидали. В массе страшно запугивают один другого: «не ходи к нему, нельзя, говорят, даже так написано». Бунд работает ужасно, массу терроризируют, людей бьют немилосердно; на-днях одному чужому, не виленскому еврею, слесарю нанесли три страшные

раны в голову и перебили правую руку за то, что последний, ничего не зная и не будучи никем предупрежден, работал несколько более положенного. Таких фактов не оберешься. Рабочие тут настоящие рабы: Бунд решительно закрепил их. Только живя здесь, я понял, какой громадный сноп света вносит в массу наша партия. Живя тут, проникаешься страшной ненавистью, страшной жаждой мести к этим развратителям еврейской массы. Здесь бундовцы настоящие антисемиты. Ох, как хочется мстить за эту слепую массу!

Наше положение безусловно критическое, никакого доступа к бундовцам, никакой возможности вести среди них устную агитацию. Между тем Бунд устраивает сходку за сходкой, собрание за собранием, на которых интеллигенты формулируют бойкот таким образом: «кто хочет итти слушать его, тому мы рекомендуем не отвечать ни одного слова». Ввиду невозможности вести среди бундовцев устную агитацию, мы решили заменить ее письменной. Мы должны засыпать массу литературой. Мы должны в литературе отвечать безусловно на все вопросы, возбуждаемые в массе, ни один вопрос не должен остаться без ответа, ни один факт без освещения. Мы не должны останавливаться ни перед чем. Мы должны раз навсегда понять, что мы имеем дело не с противником, а с врагом. При посредстве литературы мы должны разрушить веру массы в Бунд, при посредстве литературы мы должны себя популяризировать. Мы решили выпустить целый ряд брошюр: программную, об экономической и практической нашей работе, об организации нашей партии и др. Прежде же всего необходима популярная брошюрка, излагающая нашу программу, наши взгляды, но непременно в такой самой форме, в какой мы агитируем устно. Это должна быть самая горячая агитация. Такую брошюрку сумеет написать Волин. В самом конце следует объяснить причины, почему мы работаем в тех городах, где рабочие уже организованы, а не в местечках и городишках, где они еще не организованы. Без этой брошюрки нам здесь делать нечего. Надо отпечатать тысячи две экземпляров, не жалея труда, он окупится.

Минский социал-демократический комитет выпустил к виленским рабочим прокламацию о нас. Ее распространили так, что ни мы, ни сионисты не можем достать ее. Те, которые ее читали, рассказывают, что там говорятся о нас невероятные вещи. Мне ее обещали достать и как только вам ее пришлю, немедленно приготовьте ответ, самый резкий и самый ругательный. Повторяю еще раз: ни одного факта мы не должны оставлять без освещения, ни одной вылазки без ответа. Тут, например, распространяют «Бюллетени» заграничного Комитета Бунда, которые сильно влияют на массу, каждое слово коих почитается святыней, а мы молчим... Сидя в Минске, вы не можете иметь даже приблизительного понятия о том, как необходима такая работа. Я знаю, вы против обличительной литературы, вы не хотите грязи, но тогда вы со своей сентиментальной политикой замалчивания ничего не поделаете. В Вильне у вас нет таких людей, как я, которые вышли бы из самого сердца Бунда и пользовались бы нравственным влиянием в массе. Тут приходится решаться на осаду и на штурм».

Веря в свой безусловный успех в Вильне, минчане относятся критически к словам Чемериского и отправили туда Гольдберга, чтобы проверить положение дел и изыскать средства к его исправлению. Во всяком случае, в наискорейшем времени желательны какие-либо существенные доказательства со стороны правительства всей целесообразности и реальности надежд и упований «группы независимых».

№ 8046. 14 июля 1902 года.

Начальник отделения Зубатов.

Совершенно секретно.

№ 8412. 28 июля 1902 г.

Независимец Юлий Самойлович Волин сообщает из Одессы своим товарищам в Минск:

«Рассказывать Вам подробно положение дел в Одессе вещь—трудная. Простите, если в настоящем письме полной картины Вам не дам. В Одессе собственно рабочего движения социал-демократического нет; здесь не имеют понятия о кассах и организациях, стачек бывает много, но чисто стихийных. Правда, есть комитет социал-демократической партии, но участие его в стачках ограничивается мизерной денежной помощью. Революционизированных, но не связанных в одну организацию рабочих как социал-демократический комитет, так и южнорусская группа имеют приблизительно по 1.500 человек—процент в отношении общей рабочей массы весьма незначительный.

Большинство революционных рабочих принадлежит к ремесленным подмастерьям. Вся же рабочая масса ищет организации чисто-экономической. Кажется, прекрасная почва для нашего движения, кажется, с каким-нибудь десятком энергичных и развитых парней мы могли бы создать целый ряд феррейнов, собраний, могли бы кажется вербовать в этой многотысячной толпе и партийных людей.

Между тем, Мейер с самого начала бросился в борьбу с революцией. Понятно, сейчас же начался гвалт, бойкот и колотушки. Вначале это, пожалуй, нужно было, но теперь дело обстоит так: у нас есть человек 20 вполне партийных хлопцев из революционеров, но без практической деятельности их не удержишь, вечные споры, дебаты, частые дрязги до того всем приелись, что даже самые преданные люди начинают подозревать, что мы приехали только смуту сеять, а не дело делать. Мейер с первого дня начал меня таскать на «агитацию». Он думал, что я займу такое же положение, как и он, т.-е. буду бегать вспотевший и запыхавшийся, с шапкой на затылке из одного трактира в другой, чтобы там увидеться с «личностью», а здесь потолковать с «девицей». Я, конечно, сейчас же стал его приудерживать. К счастью, к нам пристал один очень интеллигентный рабочий Зиська. Этот парень оказывается еще раньше настаивал на том, что довольно безалаберной и бессистемной агитации, что нужна пропаганда, организация и практическая деятельность, —

словом, что-нибудь фактическое. Мы решили немедленно организовать независимую рабочую группу. Группа принимает нашу программу целиком. Большие осложнения у нас с национальным вопросом (это для Одессы роковой вопрос: наша партия еврейская национальная, хотя и не националистическая, а здесь чисто еврейского движения вести нельзя), мы его еще не разобрали хорошенько, и потому напишу в другой раз. Группа будет иметь кассу (кассу партийную, составляющуюся из процентных взносов экономических касс, которыми она руководит), дискуссию, занятия, библиотеку по рабочему движению и т. д. Затем мы решили начать в самых широких размерах легализацию. Широкое рабочее движение здесь возможно только легальное. Одесса вовсе не похожа на Минск и здесь нелегально организовать профессиональный феррейн невозможно. При разрешенных собраниях на полулегальных основаниях, это сделать можно.

Итак, мы начинаем легализацию и начнем ее с самого начала очень шумно. Я не ошибся в своих расчетах. Одесса самый богатый в культурном отношении город. Мы будем иметь интеллигенцию самую избранную, до профессоров включительно. Мы будем иметь свою газету «Южное Обозрение»,—газету чисто рабочую, издающуюся на заграничный манер. Это большая газета, продается она по 2 копейки, а расходится на фабриках и заводах почти в 30 тыс. экземпляров. Я рассчитал, что здесь в течение полутора месяца можно будет организовать рабочий совет и совет руководителей. Что касается партии, то она будет прогрессировать при двух условиях: при широко поставленной легализации и при хорошей русской литературе.

Как я и рассчитывал, молодой Шерман пристал к нам. Умнейшие люди местной еврейской интеллигенции (Ахад-Гоом и Дубнов) прекрасно поняли наше дело и очень ему сочувствуют. У Ахад-Гоома я бываю каждое утро. Мы беседуем около часа, и я ухожу ежедневно им очарованный. У нас будут деньги, интеллигенция,—словом, все,—необходимо лишь содействие с в ы ш е . У генерала Безсонова я вчера был. Оказывается, он не получил относительно нас каких-либо инструкций, но тем не менее принял меня весьма любезно. Это старый и гордый генерал, производящий впечатление человека неглупого и хитрого. Мы беседовали полтора часа, к концу разговора он мне сказал: «Всего, всего вам лучшего, дай Бог вам успеха. Что касается меня, то давление, которое я могу оказать на градоначальника, я окажу». Он советовал лично обратиться к и. д. градоначальника Старикову. К сожалению, сей последний очень мало понимает в такого рода делах, и притом он человек канцелярский, почему, без надлежащей бумаги с в ы ш е , едва ли пожелает что-либо сделать, а собрания нам будут необходимы в самом скором времени. Наши адреса, т.-е. мой и партийной квартиры, которую наняли Абрам Киля и Шейн Хая, в компании с группой, генерал Безсонов передал полиции и просил нас не тревожить. Тем не менее на днях я попытаюсь быть у Старикова и объяснить ему суть нашего дела. Обо мне ужасно много говорят, и все интересуются моей особой: «это вы тот самый Волин, который и т. д.»;

это для нас теперь очень выгодно. Важные письма посылайте заказным и адресуйте: Тираспольская, дом 6, кв. 31, мне».

В пояснение этого письма, необходимо добавить следующее. Дискуссия—группа искуса: члены ее тогда становятся действительными, когда они окончательно пообещают отдаться делу. Установлена она на основании того принципа, что всякому движению, особенно молодому, нужен свой монашеский орден, как эмблема единства. Ахад-Гоом (псевдоним) — глава современной еврейской литературы, человек безграничной популярности. Он в еврейской литературе занимает почти такое же положение, как гр. Толстой в русской. Дубнов лучший знаток истории евреев в России, талантливый публицист, националист, одинаково далекий, как от революционеров, так и от сионистов. Независимцы уверены, что эти люди, стоящие выше всяких партийных дрязг, поймут, какое большое национальное значение может иметь их дело и как много значит для всего еврейского народа оздоровление его рабочего класса. По их убеждению, рабочий вопрос сам по себе ничто, но он почти все для национального дела евреев.

29 июля 1902 г. № 8423.

Его Пр-ву г. д-ру д-та п-ии.

Совершенно секретно.

Независимец Иосиф Гольдберг, как то известно из предыдущей записки, выезжал из Минска в Вильну, чтобы там разобраться в положении дел; там и выяснил их действительное состояние. Ныне он сообщает:

«Я пробыл в Вильне всего один субботний день. Я успел переговорить приватно с десятком лиц, был на собрании, на котором присутствовали как знающие наше дело, так и полные в нем профаны. Собрание это было устроено ради меня. Затем я был на сходке наших, где были приняты некоторые решения на счет работы в Вильне. Присутствовал на собрании сионистов,—словом, старался присмотреться к виленцам. Александра Чемерискаго я нашел поуспокоившимся и имеющим вид человека, втянувшегося в работу. Что касается до других членов нашего отряда—одного каменщика и одного прикэзчика, то у них настроение оказалось удовлетворительным. Вся эта компания очень много работает, но, к сожалению, слишком редко обедает, так как все, кроме Александра Чемерискаго, находятся без заработка.

У Чемерискаго уже положен первый камень создающейся организации, а это шаг громадный: у него есть сходка (нечто вроде совета). Сходка эта пока еще не велика и состоит всего из 6-ти человек (из них трое коренных виленцев). Имеется и дискуссия из 7-ми человек, а, следовательно, всего 10 человек, ему уже доверяющих и за ним идущих. Люди дискуссии постепенно войдут в сходку и притом только тогда, когда они пообещают окончательно отдаться делу. Происходит нечто вроде монашеского пострига, даже не без некоторой торжественности: зачисляемый в сходку дает клятву. Вхо-

дящие в состав сходки и дискуссии—все народ рослый и бойкий (настоящий тип виленских «бегунов»); каждый из них в полсутки сумеет распространить не менее тысячи прокламаций, обежать пять раз Вильну, перевидаться на бирже с несметным количеством, поссориться с сотней бундовцев,—словом, тип довольно известный и преимущественно виленский. Такого рода люди для движения просто клад, нужна для них лишь твердая рука, чтобы они не забежали, куда не следует, в дебатах не впали бы в ересь. На собрании, на котором я присутствовал, были «заготовщики» «старшие» сионисты.

Заготовщиков в Вильне около 200, кроме учеников. Рабочий день нормален, заработная плата высокая, культурный уровень ниже среднего. Цех—много переживший, долго боровшийся, давший много арестованных, народ привыкший к организации и дисциплине. Несколько лет тому назад после «провала» «лучшие люди» решили, что нечего больше возиться с экономической организацией и образовали «политическую сходку», которая взяла на себя раздачу нелегальной литературы, собирание на Красный Крест и только. Экономическая организация была совершенно оставлена. Причины тому следующие: во-первых, «лучшие люди» находили (и совершенно справедливо), что в течение нескольких лет нельзя уже будет улучшать экономические условия, ввиду того, что от хозяев, являющихся в большинстве случаев посредниками от магазина, взято все, что можно было взять; во-вторых, вся масса сделалась достаточно культурной, привыкла к дружным действиям и к известному штандарту, почему у хозяина, который нарушил бы штандарт, можно всегда поставить стачку без каких-либо касс и организаций: в нужный момент деньги будут собраны, по мастерским: если бы кто-либо из рабочих нарушил штандарт, то его всегда можно принудить силой (виленское движение на весь наш край славится своей драчливостью); в-третьих, это избавит деятелей от провалов по мелочам. Но год кризиса пошатнул штандарт, и несколько лиц рядом с политической сходкой и совершенно независимо от нее образовали экономическую сходку. Обычно сходка в феррейнах выбирается всей массой; но тут, ввиду полицейских условий, сходка как бы назначила сама себя: по всем мастерским было заявлено, чтобы платили пятачки в неделю, и вся масса стала платить. Сделаны были некоторые усилия, и штандарт был удержан. С этого времени экономическая сходка не распускалась, но она стала чувствовать себя несколько сиротливо, ибо сношений с комитетом у нее не было: виленскому социал-демократическому комитету не резон связываться с чисто экономической организацией. В силу сказанного экономическая сходка вступила в переговоры с политической, имевшей всяческие связи. Согласились на том, чтобы некоторые члены политической сходки вошли в экономическую, установили всякие сношения, за что в пользу их организации должно было отчислять 30%. Но вот несколько экономистов перешли в сионизм, приехал Чемерискій, и члены экономической сходки стали задумываться: имеют ли право они отдавать 30% из тех денег, которые взяты на нужды экономической

организации. Вот почему почти вся экономическая сходка заготовщиков находится накануне перехода к нам.

Перехожу к «старшим». На том же собрании меня поразило большое количество, сравнительно с Минском, бородатых рабочих, находящихся в движении и интересующихся им. Оказалось, что это зависит от того, что в Вильне промышленность крупнее и движение старше. Виленский «бородач» не принимает активного участия в движении, но решительно им интересуется. Он отличный пассивный член, он дает свою квартиру для нелегальных сходок, а по нелегальной литературе, кажется, учит читать своего сына. Они недовольны Бундом, а потому являются усерднейшими лейтенантами Чемериского. Им не нравится вся система бундовского воспитания массы, того воспитания, которое заставляет смотреть на хозяина не просто как на контр-агента, соперника, с которым нужно старательно торговаться, но зато и вести себя по-джентльменски, а как на пожирателя сверх-труда, против которого всякое деяние благо. «Старший» начинает любить свое дело, свою фабрику, свою работу; ему досадно, если портят материал, если работа не тщательна, точно так же, как мне досадно, если прокламация выйдет плоха. У него уже другое отношение к хозяину: более примирительное. Я понял, что ему нужно другое экономическое движение, не бундовское, не движение, которое провозглашает своим принципом войну, войну без конца, ожесточенно, а движение, обещающее социальный мир, на почетных для рабочего условиях, при человеческих отношениях с обеих сторон, и этого-то он ждет от нас.

Что касается сионистов, то они некоторым образом противно действуют нам в силу того, что мы являемся имеющественными конкурентами, отвлекаем у них силы в виде агитаторов и организаторов.

Окончательное мое мнение о Вильне таково; во-первых, почва там имеется и почва очень богатая; во-вторых, затруднения для работы в Вильне очень велики; приходится считаться с консерватизмом, бойкотом, с общественным мнением, но опасности в прямом смысле нет. Теперь достоверно известно, что бундовский комитет после нашей прокламации сам охраняет Чемериского; в-третьих, система вербовки человека за человеком усвоена правильно. Желание иметь целый поток из чисто экономической литературы вызывается обстоятельствами и является необходимым».

Его Превосходительству г. директору д-та полиции.

Совершенно секретно.

Недели три тому назад в Минске начался съезд бундовцев. Их Центральный Комитет послал для переговоров с независимцами одного из своих членов. В начале делегат был недоверчив и колок, но потом стал мягок и дружелюбен. Беседа с ним отличалась крайней продолжительностью. От имени Центрального Комитета он предложил независимцам мир на следующих условиях: независимая партия должна превратиться в профессиональный союз, прекратить всякую полемику

с Бундом, относиться вполне нейтрально к революционному движению и порвать всякие сношения с жандармским управлением. При соблюдении этих условий Бунд снимет с независимцев бойкот, члены его войдут в феррейн независимцев на началах равноправия, а вся экономическая работа будет передана Бундом в руки независимцев. Соглашение не могло состояться из-за пункта о жандармах и в силу заявления Гольдберга, что независимцы не могут быть партией экономически революционно-протестующей, а желают быть только экономически-легализаторской. Что съезд постановил предпринять против независимцев, пока неизвестно.

Сей случай независимцы считают для себя весьма знаменательным, полагая, что бундовцы теперь поняли, как трудно замять их движение, чтобы избавиться от него, и сделали попытку хоть как-нибудь поладить с независимцами, чтобы таким образом получить к массе какой-либо доступ. Ныне независимцы горды своим решением, так как брани, бойкота и преследований бундовцев они не боятся, а дружба с ними для них могла оказаться роковой.

Готовящиеся к съезду сионисты якобы проявляют до приторности свою деятельность.

Начальник отделения С. Зубатов.

№ 8821. 12 августа 1902 года.

Секретно.

При сем представляется воззвание «Независимой рабочей группы гор. Одессы», от 10-го сего августа. «Ко всем одесским работникам и работницам». В Одессе основан феррейн маляров и подготовляется феррейн модисток, а также коробочных фабрик.

В группу вошли четыре очень хороших интеллигента. Для характеристики психологии «независимца» представляется в переводе с еврейского письмо каменщика Шмуэля, посланного из Минска в Вильну на помощь Чемерискому, в качестве прекрасного массового оратора.

«Снова Вильна... Снова оторван от тех, с которыми так связан душою, умом, к которым так рвется сердце. Снова Вильна... Знаешь ты, что это значит. Снова без друзей, без ласки, без родного слова, без того духа, который царит в Минске, который так зажигает и воодушевляет... Как в тумане таскались мы первый день, как вернулись, по улицам Вильны и тянуло, мучительно тянуло назад к вам... Никогда еще так скверно на душе не было. Снова эта холодная работа, кропотливая работа, работа, требующая величайшего хладнокровия, величайшего самоуничижения и умения задавить в себе всякий больной крик жгучей обиды. Но страшное что-то со мной сделалось тогда. Ты знаешь, ведь я не понимаю, откуда взялось у меня это новое чувство, вера, большая вера в свои силы, в то, что создам, за что раз взялся.

Я чувствую, что с каждым днем характер мой меняется, он делается с каждым днем мужественнее, более железным. Личная жизнь

теряет все больше смысла в моих глазах, я умею теперь задавить в себе все, что было для меня немыслимо раньше. Я умею ради партии нашей задушить в себе всякий порыв, мешающий работе, тормозящий ее, я чувствую, что партия начинает заполнять весь мой ум, мою душу, помыслы, порывы, желания. Ранее меня мучили все какие-то сомнения, меня мутило, в голову лезло постороннее, а теперь все это кончено, все у меня ясно и твердо... И я счастлив теперь, я могу отдаться работе всей душой, всей жизнью. Итак, к отчету.

На другой день по приезде из Минска, мы собрали у себя на квартире человек 35, чтобы рассказать им, как мы праздновали годовщину нашей партии. Было среди них человек 15 бундовцев. Я открыл собрание и стал давать отчет. Никогда еще я так хорошо не говорил. Бундовцы начали делать иронические замечания. Я их обрезал. Мой рассказ произвел сильное впечатление, несмотря на то, что бундовцы мешали. Потом они стали задавать вопросы, и дебаты затянулись до 12-ти часов ночи. Еще не разошлись, как один бундовец, находившийся ранее в минской разборке, окружив себя своими единомышленниками, стал горячо доказывать, что все эти разговоры и рассказы одно провокаторство. Чемериский побледнел, но молчал. Бундовец продолжал в том же духе, и вдруг заявил, что он может доказать, что Вильбушевич и Чемериский — провокаторы. Мне не передать, что при этих словах произошло, только тут в первый раз мы увидели, что у нас есть люди, беззаветно, беспредельно преданные делу; в эту минуту они сказались. С сжатыми кулаками и с дрожащим от ненависти голосом, они потребовали, чтобы слова эти были взяты назад. Член виленской разборки официальным тоном заявил, что сказанные минчаниным слова—ложь. Но тот от этого замечания еще более только разъярился и заявил, что он докажет сказанное фактами. Тут Чемериский не выдержал, выхватил кинжал, бросился к нему и крикнул: «если ты не докажешь своих слов, этот нож будет у тебя в груди». Минчанин струсил и объявил, что через неделю докажет. Как-то все это было очень дико и страшно. Не сердитесь за этот поступок на Чемерискаго,—ведь не всегда можно тжить только рассудком, нервы и кровь говорят свое. Ушли все взволнованные, негодующие, наэлектризованные, крепко и дружески пожимая нам руки. Человек шесть наших остались, и мы просидели до утра, рассуждая о случившемся и о последствиях всего этого. Сегодня должно быть снова собрание и с агитационными целями. Минчанин уехал в Минск, остаться здесь видимо, побоялся».

Против независимцев выпущена в Вильне жгучая прокламация, в которой спрашивают, как они могут работать на свежей могиле Леккерта и как они могут толковать об экономическом движении в дни царства голода. Гольдберг готовит ответ.

Начальник отделения Зубатов.

№ 8912. 14-го августа 1902 года.

III.

Отрывок письма Зубатова к Гольдбергу [1]).

«Стачки—прием военный, и безобидным для всех и каждого он оказаться не может. Борются две стороны, но борются не в воздушном пространстве, а в обществе, т.-е. среди других лиц и классов. При развитой общественности, прием этот не может не касаться «третьих лиц» и не только не касается в материальном отношении, но и в других (наприм., в нравственном). Борющиеся воображают, что интересующий их вопрос универсален и всем одинаково дорог. При вере в диктатуру пролетариата и его царствование в недалеком будущем сия вера еще понятна. А если я в это не верю, то раепря эта меня раздражает, отрывает невольно от дел, и я говорю, «чего смотрит начальство?» (и «государство» имеет ближайшей целью—своим третейским вмешательством прекращать и предупреждать столкновения различных социальных расслоений). Отсюда выражение «свобода стачек» само по себе нечто неестественное, как признание анархии за нечто естественное. Вы укажете на смягчающие вину обстоятельства. Мы, третьи лица, потерпеть готовы, но с тем, чтобы вы поскорее изыскали способ сводить Ваши счеты, не беспокоя нас. Ну-ка ухитритесь! Вы говорите, что довольны стачкой у Подольского. А позвольте Вас спросить, по какому праву Вы позволили себе колотить лиц посторонних? Это понятно, раз Вы подвергаете взысканию провинившихся лиц из Вашей же организации. Но раз они не входят в состав ее, значит они входят в общую государственную организацию, а в праве ли оно разрешать Вам колотить своих членов? Вы снасильничали, а полиция смолчала—и Вы выиграли свое дело. Как-ни-как, Вы с своей партийной точки зрения довольны. А мы, третьи лица, вообще недовольны: Вы нас вынуждаете на пожертвования в пользу Вас. Вы забастовали, мы остались без угля, без передвижения и проч.; у меня заболели члены семьи, я упустил выгодную сделку и т. д. Но ведь я не хозяин и не рабочий, а потому буду клясть Вас за эксплоатацию, соединенную с неуменьем вести свое дело без вреда для меня. По социалистической идее пролетариату все можно, ибо сама цель будущего счастья оправдывает это. А вне этого такое поведение становится назойливым, скучным и досадным. Наш класс и совокупность наших классов нисколько не хуже Ваших классов, и мы изображать из себя плевательницу для Вас вовсе не намерены и, при нахальстве и притязательности, будем защищаться от Вашего класса или жаловаться государству. Все законодательства, допуская стачки, в то же время зло карают за насилие. Но что же, в последнем случае, останется в действительности-то от Вашего «права стачки». Если при архаическом состоянии в Минске хозяйской организации, Вы взяли все кулаком, то при правильной-то ее постановке Вы можете рассчитывать на успех разве

[1]) Иосиф Гольдберг—один из основателей еврейской независимой рабочей партии. Отрывок извлечен издела № 1090 л. 3—Отд. по охр. общ. безоп. и порядка в Москве за 1903 год. «О Московском обществе вспомоществования рабочих в механическом производстве».

только при динамите или ноже. Поэтому и возник у Вас вопрос о возможности стачки «без грабежа». Из сказанного явствует, что Зеландия не идеал, а самая практическая вещь. Не смотрите на рабочих, как на Богом избранный класс, а поставьте его на одну доску с другими и действуйте на общем основании. Для нашего брата «средняка» и хозяева и рабочие—оба прохвосты порядочные: один жулик и подлец, а другой невежа, пьяница и нахал. Для одних сношения с историческими классами имеют облагораживающее значение. Вот и приглашайте другие классы к общению с ними для цивилизаторских и культурных целей. Пусть в тех же целях работает и законодательный аппарат совместно с администрацией. Тогда другое дело. На этот путь и стала Москва. А как же «стачка», скажете Вы. Отнимите у нее кульминационное значение и поставьте ее в пределы целесообразности и безвыходности из положения и не более того. Но помните, что это зло и несправедливость в отношении других классов. Сеять культуру есть другие средства, помимо стачки. Наверное, Вы против розги, а это одно и то же. Стачка выросла на революционной идеологии, с нею же должна и скончаться. Сказанное мною—не измышление в кабинете. Прислушайтесь и вникните, почему среди обывателей не симпатизируют стачке, которая шокирует их, и Вы поймете меня. В либеральной постановке—вопрос о стачке—ложь и лицемерие. Мирная стачка—хитрая вещь, требующая очень совершенной организации и, самое важное, организации, превышающей своими качествами хозяйскую организацию. Раз у рабочих нет веры в победу, а Вы рекомендуете стачку,—насилие станет обязательным фактом и вызовет репрессию. Понимать это и говорить «о мирной стачке» (без насилия) в будущем, значит подло лицемерить и лукавить». На полях карандашом: «Из письма С. В. к Гольдбергу 23/VIII 1902 года».

IV.

Деятельность зубатовцев в Москве [1]).

Совершенно секретно.

Его Высокородию Л. А. Ратаеву.

Милостивый Государь
Леонид Александрович!

Вследствие письма от 28 мин. марта за № 2190, имею честь уведомить Ваше Высокородие, что сведения о поездках в село Щелково членов Совета Рабочих—Красивского и Жилкина в целях преступной агитации лишены всякого фактического основания и свидетельствуют лишь о полном непонимании существа мирного рабочего движения лицом, сообщившим их.

В последние дни по особому отделу прошла огромная переписка г. министра с Его Императорским Высочеством Великим Князем Сер-

[1]) Дело № 1090 за 1902 г. Арх. охран.

гием Александровичем по московскому рабочему движению, закончившаяся просьбой о временной приостановке деятельности Совета Рабочих. Между тем приостановка всякой деятельности Совета Рабочих хотя бы и на время представляется ныне крайне нежелательной, несвоевременной и опасной. Производимый в г. Москве опыт легализации рабочего движения является предметом жадного внимания рабочего и интеллигентного слоя всей России, и около него сосредоточена борьба всевозможных мнений и направлений, при чем число сторонников идеи легализации быстро возрастает, а противники ее в силу обстоятельств начинают успокаиваться. Такая крутая мера, как парализация деятельности Совета, вместо ожидавшегося узаконения ее правительством, внесет большую сумятицу в умы, вновь разгорячит страсти, вызовет снова тенденциозную клевету и умышленное извращение фактов, а все это, вместе взятое, легко может закончиться при возрождающейся ныне идее политического террора и испытанном бессилии пути массовой борьбы с правительством—фабричным террором.

Действительно, скрыть того обстоятельства, что прекращение деятельности Совета Рабочих и закрытие связанных с нею рабочих собраний, последовало в силу нареканий со стороны фабрикантов—не представится никакой возможности, к тому же занятое некоторыми из них боевое положение в отношении стремлений рабочих ясно последним до очевидности. Между тем факт этот, будучи оглашен, явится наглядным засвидетельствованием правильности мнений и поведения всех революционных и оппозиционных элементов, утверждавших, что монархическое правительство не может быть в действительности абсолютным и является всегда слугой главенствующего в данный момент класса, почему легальное рабочее движение есть, по существу своему, явление невозможное, фальсификация же сего в Москве представляет собою утонченный и замаскированный политический розыск.

Очевидно, что репрессии со стороны правительства против Совета Рабочих вызовут радость в противоправительственных рядах и окрыленная сей мерой идея революции найдет себе новое и широкое применение.

С другой стороны, с большим трудом созданное в Москве вполне благодушное искреннее и приверженное настроение рабочих в отношении правительственной власти будет подрезано в самом своем основании, так как власть в глазах последних будет представляться не устоявшей против соблазна капитала и тем самым не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд. Настроение рабочих из мирного превратится в боевое, а власть из попечительного союзника во врага, защиту от коего можно найти лишь в союзе с революционерами.

Наконец, и вызвавшая к жизни Совет Рабочих, сама власть станет при таком обороте дела в крайне затруднительное положение: Совет был создан ею для того, чтобы иметь возможность через него руководить событиями в рабочей среде, а не находиться в их власти, подвергаясь от того всем капризам случайности. Практика дала в этом отношении прекрасные результаты и отказаться от соединенной с деятельностью Совета пользой—для столичной администрации, будет крайне невыгодно К тому же осуществление временной приостановки

Совета Рабочих может быть сделано лишь формально, так как без удаления из столицы сделавшихся-авторитетными среди местных рабочих наиболее популярных членов Совета рабочая масса будет попрежнему обращаться к последним и пользоваться их советом и указаниями.

Но помимо вышеприведенных соображений, ко временной приостановке всякой деятельности Совета Рабочих не имеется достаточных фактических оснований за ее безвредностью. Мнение, что деятельность Совета направлена исключительно к выяснению и урегулированию отношений рабочих к фабрикантам, чем создается вмешательство в сферу ведения фабричной инспекции, является крайне односторонним, ибо Совет, представляя собой голову рабочей массы, обсуждает с каждым ее членом все те вопросы его личной и профессиональной жизни, на которые он ищет авторитетного ответа и которые он несет на предварительное совещание в Совет прежде, чем представить их на разрешение подлежащей власти, или предпринять по ним какое-либо практическое решение. Следовательно, касательство членов Совета Рабочих до фабрично-заводских отношений является не специальной отраслью его деятельности, а представляет собою одну из многих его обязанностей. Словом, как и во всех остальных отношениях, значение Совета ограничивается для рабочих чисто совещательной ролью, независимо от того, будут ли эти отношения касаться фабричной инспекции, полиции, хозяев, суда общественных или иных учреждений.

Что касается вопроса о нареканиях со стороны фабрикантов, то явление это отнюдь не носит всеобщего характера, впечатление же обратного создается искусственной агитацией; во главе его стоит фабрикант и заводовладелец Юлий Гужон, созывавший с указанной целью специальные собрания фабрикантов в помещении Биржевого Комитета и, несмотря на наличность раскола среди заседавших, позволявший себе посылать г. министру финансов заявления вообще от имени промышленников города Москвы (приложение за № 1 к отношению г. министра внутренних дел на имя Его Императорского Высочества московского генерал-губернатора от 27 минувшего марта за № 3941). На самом же деле, как и всякая коллективная единица, московские фабриканты делятся на несколько групп: во-первых, на более порядочных и дальновидных, которые проявляют живое сочувствие к деятельности московской администрации в рабочем вопросе; во-вторых, на безразлично к сему относящихся и, в-третьих, на составляющих боевую группу в отношении рабочих во главе с г. Гужоном, считающим себя в праве игнорировать требования справедливости и оказывать активное противодействие столичной власти, опираясь на свое выдающееся материальное положение и на широкие связи в высших кругах. Вышеупомянутое заявление промышленников города Москвы составлено под сильным его влиянием, что и явствует из самого содержания заявления, в коем общая часть написана исключительно для того, чтобы выставить инцидент на фабрике товарищества шелковой мануфактуры специально, как результат тактики московской администрации в рабочем вопросе, при чем, для большей доказательности, факты передаются в извращенном виде и ложном освещении, а единичному частному случаю придается

характер грозного общественного явления. А именно 1) разбор на рабочем совещании в целях опровержения и успокоения масс по принятому порядку выпущенной московскими революционерами перед 9-м февраля прокламации: «К народу», в коей, между прочим, со слов нелегальной газеты «Искры» тенденциозно трактовалась государственная роспись,—передается в заявлении в такой форме: «рабочие не ограничиваются на своих собраниях обсуждением вопросов, касающихся их быта, а идут гораздо далее: для собрания, происходившего в одном из помещений 17 февраля, ими был назначен разбор государственной росписи нынешнего года». 2) Народная манифестация 19 февраля, явившаяся непосредственным результатом распространения в массе рабочих идей мирного движения, а равно по мысли и инициативе самих рабочих,—в заявлении получает следующее толкование: «рабочими высказывалось, что празднование это было разрешено при условии, если они не примкнут к студенческим беспорядкам, и при этом было обещано предоставление им различных льгот и облегчений». Приводя в заявлении такое толкование, якобы, рабочих, а стало быть и разделяя его, фабриканты тем самым силятся доказать, что празднование 19 февраля не есть последствие вполне сознанного рабочими мирного движения, а является лишь уловкой администрации отвлечь рабочих от врожденной будто бы им страсти к беспорядкам. Мнение, совершенно не соответствующее истине. 3) Заняв в отношении рабочих и в противоположность им чисто боевую позицию, заявители утверждают, что «объединение разнородных рабочих является крайне опасным в особенности при том настроении, когда они, как выше объяснено, задаются разбором вопросов характера государственного», и к этому присовокупляют, что «допущение организаций рабочих ввиду отвлечения от участия в противоправительственной политической деятельности к деятельности антикапиталистической оказывается не менее опасным. Так как заключение о боевом настроении рабочих выводится из неверно понятого и изложенного факта, то ложность его является тем самым очевидной. Утверждение же, что профессиональное рабочее движение задается антикапиталистическими тенденциями, свидетельствует лишь о полном незнании существа этого мирного движения, которое тем и отличается от рабочего движения революционного, что надеется на улучшение быта рабочих не через осуществление социализма, а опираясь на правительство и правильно понимаемые основы капиталистического строя». 4) Из приведенных посылок заявители делают следующий вывод: «результат вышеизложенного не замедлил выразиться тотчас же на деле: 21 февраля прекращена работа ткачами на фабрике товарищества шелковой мануфактуры (Гужон, Мусси)... Поводом к остановке послужило по инициативе главарей—представителей общества механического производства, не имеющих с товариществом шелковой мануфактуры ничего общего, требование об увеличении платы, т.-е. изменение договорных отношений. Фабричная инспекция оказалась в этом деле совершенно бессильной... Не подлежит сомнению, что при успешности в легком изменении договорных отношений, обнаружившемся даже в такое время, как великий пост,

течение это распространяется по всему внутреннему фабричному округу. Положение чрезвычайно опасное».

Действительно, положение было бы таковым, если бы среди рабочих царило боевое настроение, все они были заражены духом социализма, занимались разбором государственных вопросов в силу исповедуемых ими либерально-демократических идей, приостанавливали работу на фабриках и заводах до истечения договорных условий и все это делали под руководством противоправительственных тайных или явных организаций. К счастью, ни одного из этих условий в наличности не оказывается и покровительственное отношение власти к рабочим организациям обусловливается в Москве не враждебностью к капиталистам и пристрастием к рабочим, а вызывается служебным долгом, обязывающим в православно-самодержавном государстве относиться равно справедливо и вполне беспристрастно к рабочим и хозяевам, к бедным и богатым. Производимым в настоящее время расследованием в порядке положения о государственной охране, по поводу недоразумений на фабрике Гужона и Мусси выяснены более близкие и конкретные причины, побудившие ткачей к расторжению в законном порядке договора, чем политико-философские рассуждения заявителей на имя г. министра финансов. А именно, умышленное и притом тайное увеличение размера принятой на фабрике единицы измерения вырабатываемых тканей и достигаемого при помощи сего обмера, уменьшение к выгоде хозяина платы рабочим за вырабатываемый ими товар, скрытно пониженные расценки, злоупотребления правом расторгать договор с предупреждением за две недели, преследование за жалобы по начальству, антисанитарные условия, давление фабричной администрации при выборе артельных старост, извращенное толкование поведения выборных от ткачей для переговоров с начальством, рабочих, как подстрекателей к беспорядкам, открытое противодействие со стороны хозяев власти, не согласившейся с таким толкованием, агрессивные действия в отношении местной власти при дальнейшем ходе событий и т. п. Утверждение заявителей, что прекращение 21-го февраля работы ткачами на фабрике Гужон и Мусси произошло по инициативе враждебно настроенных фабрике членов Рабочего Совета—совершенно опровергается данными официального расследования, так как виновным в агитации по расторжению договора, заявленного ткачами 7-го февраля является ткач этой фабрики Павел Васильев Соловьев, который не только не состоит в числе членов Совета, а, наоборот, является ярым противником всего легального движения и личным врагом руководителей его. Для противодействия влиянию названного Соловьева и явились после 7-го февраля на фабрику Мусси члены Рабочего Совета. Благодаря указанному влиянию фабричная инспекция оказалась бессильной воздействовать на рабочих в смысле отказа с их стороны от некоторых трудно выполнимых просьб, с момента же вмешательства в дело членов Рабочего Совета, они шли с фабричной инспекцией рука об руку, что устанавливается и официальным расследованием.

Первый случай в летописях русского рабочего движения, когда тысяча ткачей не могли притти к определенному соглашению с фабри-

кантом по условиям найма, а столичная администрация оказалась бессильной нравственно воздействовать на хозяина—завершился приостановкой почти всех отделений фабрики на значительный период времени. Случай этот не может не вызвать особых опасений, так как он воочию доказал хозяевам и рабочим всю невозможность частого повторения на практике осложнений, как сопряженных с крайними лишениями для обеих сторон. Рабочие при этом воочию убедились в почти фактической невозможности для себя за крайней трудностью организовать материальную помощь в потребных размерах для оставшихся без заработка; хозяев же этот случай заставил более внимательно относиться к просьбам рабочих, как представителей весьма существенной и в то же время весьма опасной силы для сохранности их капитала. Обе стороны узнали ныне ближе друг друга, и, несомненно, в будущем взаимные отношения их станут более осторожными, внимательными и уступчивыми, что значительно облегчит впоследствии деятельность фабричной инспекции и московской администрации. Уже в настоящее время менее значительные, чем Гужон, по капиталу фабриканты стараются по собственной инициативе установить полюбовные отношения с рабочими и не спорят с последними, если настояния их действительно верны и справедливы. Новость положения вещей и возникшая при этом уверенность у рабочих в возможность всегда получить свое, без какого-либо покушения на чужое, создали длинный ряд исков рабочих к хозяевам, что некоторыми губернскими властями сочтено за брожение с преступными целями, при чем всякие воздействия более развитых на своих товарищей в направлении возбуждения исков к фабрикантам—признаны за вредную агитацию и отнесены к категории преступных. Недоразумение это проистекает от неумения отличить р е в о л ю ц и о н н о г о рабочего движения от м и р н о г о и способны, конечно, на практике вызвать не упорядочение отношений между хозяевами и рабочими, а достичь результатов прямо противоположных. Само по себе такое« брожение»—явление вполне здоровое и желательное, постепенно исцеляющее застарелые язвы фабрично-заводского быта и застраховывающее последний от неожиданных взрывов и потрясений. Оно крайне обременительно и беспокойно для начальствующих лиц, но по существу своему очень благодетельно для государственных интересов и вполне безопасно.

К сему обязуюсь присовокупить, что в газете «Московские Ведомости» за нынешний год помещены две превосходные статьи, являющиеся теоретическим обоснованием русского рабочего промыслового движения: Воронова «Свергнутый кумир» (Карл Маркс) и Л. Тихомирова—«Рабочий вопрос и русские идеалы», пользующиеся особым успехом среди московских организованных рабочих.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности

Вашего покорнейшего слуги С. Зубатова.

№ 4121. 2 апреля 1902 года.

Сообщил *С. Пионтковский*.

Воспоминания о „еврейской независимой рабочей партии“ [1]).

Ввиду спешности работы я не имел возможности ни просмотреть старые материалы, чтоб освежить в памяти события, ни познакомиться с появившимся с тех пор материалом. Ввиду этого мои воспоминания не могут претендовать ни на полноту, ни даже на полную точность дат и хронологического порядка событий. Многие моменты совершенно изгладились из памяти. Я пишу, давая свободу перу, предполагая впоследствии по ознакомлении с необходимыми материалами внести поправки и дополнения.

В 1898—1899 г.г. я работал ретушером в фотографии Мирянского в Минске. Зарабатывал для того времени максимум возможного—40 р. в месяц. Для моего возраста (19 л.) это было много, и я кутил. О рабочем движении понятия не имел, почитывал только «беллетристику». Недоразумения с хозяином разрешал просто: дрался стулом, благо, я ему нужен был, а мирились в общем кутеже.

Совершенно случайно познакомился с девушкой Снельцовской, Полиной Борисовной, гимназисткой. У нее встретился с Рабиновичем, от которого впервые услыхал о рабочем движении. Получил «Дух и материю», потом «Кто чем живет?». Потом стал посещать кружок старого народника Гальперина и обучаться общим предметам у вернувшегося из тюрьмы тов. Левина (сейчас в Ревеле). Приобщение к движению выразилось в членском взносе и в собирании денег для забастовавших гильзовщиц (первое пожертвование потребовал у хозяина—50 к.). Учился и занимался с большим увлечением, но, насколько помню, брошюры Дикштейна все же тогда я не понял. На биржу явился в светло-голубой рубашке—был заметен. На квартире у меня, очень удобной комнате, устроили накануне 1-го мая гектограф и печатали.

1 мая 1900 г. меня арестовали на «бирже» по Губернаторской улице. Привели прямо на квартиру, а там застали Ю. Волина и Р. Брохес. При осмотре гектографа и составлении протокола я выругал чрезвычайно резко жанд. офицера Герарди за то, что он высмеивал мои объяснения по поводу гектографа (был противень без массы и губка от гектографских чернил).

Пробыл в участке, кажется, пару дней,—отвезли в Борисовскую тюрьму. Там я был единственным политическим—в вечной войне с начальником за окно, в каковой войне потерял матрац, больше терять было нечего.

Герарди при попытке дать мне руку в присутствии всей администрации встретил резкий отпор: «вы жандарм, а я арестованный, и у нас нет ничего общего». Распоряжение наказать лишением всего не могло быть выполнено—у меня ничего не было. На следующий день допрос. Через несколько дней меня два жандарма отвезли в Москву.

Привезли в Пречистенский участок,—отдельная камера. После голодовки охотно поел в участке. Через день-два меня повезли. Я был уверен, что на допрос. Привезли. Заходит ресторанный лакей и спрашивает, что я заказываю на обед. Я не понял, в чем дело. Сказал, чтоб дал кусок хлеба, а он говорит, что я могу заказать все, что угодно. Я

---

[1]) *От редакции*: Желая возможно полнее осветить историю возникновения «еврейской независимой рабочей партии», редакция «Красного Архива» дает место письмам непосредственных участников еврейского рабочего движения того времени.

отделался, сказав, чтоб дал что-нибудь. Принесли самый настоящий ресторанный обед. Когда я спохватился—а как же деньги? у меня нет! мне ответили: «это казенный обед». Затем повели наверх в кабинет. Я мысленно готовился к допросу, вспоминал, что я показывал при аресте и в Борисове. Вместо жандарма сидел человек в штатском. Руки он, кажется, мне не протянул (он потом спрашивал, почему я оскорбил Герарди нежеланием подать руку). Я спросил, кто со мной разговаривает? Он ответил, что начальник охранного отделения Зубатов (это имя я слышал раньше, не помню до ареста или от жандармов в пути, которых я очень энергично агитировал). Вместо того, чтоб ставить вопросы (как это делал Герарди на допросе), он просто начал говорить о рабочем движении, о стачках. Я не помню разговора, помню только, что, в конце концов, я очень разгорячился, стал говорить о тяжелом положении работниц и рабочих (насколько знал), о преследовании и бесправии евреев, и о том, что надо силой бороться с хозяевами и властью. Так как я был очень зелен, то, вероятно, кроме горячего темперамента ничего не проявил. Он тут же разрешил мне написать в Минск письмо. Я написал к Снельцовской, как к предполагаемой невесте, и написал все, что мне мог подсказать очень горячий темперамент и желание продемонстрировать революционность. Зубатов прочел, сказал, что такие письма нельзя писать, но, так и быть, он пропустит без помарок, заклеил маркой и отправил. Меня отпустили без протокола. В тюрьме по стуку узнал, что в соседней камере сидит Волин (азбуку я, видимо, узнал от т. Левина). Состукивались; но скоро Волина увели в другую камеру. В тюрьму мне привезли книги из охранного отделения: Вебба (I-й т.), Геркнера, Поля-де-Рузье и еще что-то. Никогда ничего подобного я не видел и не слышал. То, что в этих книгах рассказывалось о рабочих союзах, было для меня полным откровением. Получились вещи из Минска: белье (с ареста не менял белья) и учебники; арифметика, алгебра, грамматика немецк. и др. И я с утра до ночи, за исключением короткой прогулки, зубрил. Во время прогулок—агитировал околоточного надзирателя.

Потом под видом освобождения—меня перевели в Якиманский участок. Раз во время усиленной зубрежки мне показалось, что я перестал слышать звуки своих шагов. Я проверил—да, не слышу. Я решил, что это от утомления. Лег спать. На следующее утро—ничего не слышу. Поднимаю стук, требую врача. Вместо этого за мной приехали повести на допрос. Ввели в кабинет,—сидит жандармский офицер (мне кажется, что это был Спиридович). Я был страшно взволнован. Он стал мне говорить, я ничего не слышал. Я сел в кресло, он стал подле меня и кричал в самое ухо—я с трудом что-то улавливал. Меня это так взволновало, что я вскочил и стал кричать и громить все, что стояло на столе. Не помню, записывал ли какие показания, подписывал ли протокол, но меня вскоре отвели в участок. Пришел врач и дал... борную кислоту и вату...

А еще через полчаса сообщили об освобождении.

Как только приехал на вокзал (не помню, сам ли ехал, или отвезли), глухоту как рукой сняло, и если бы кто наблюдал за мной, обязательно сказал бы, что это была симуляция. С тех пор при всех многочисленных, почти беспрерывных путешествиях по тюрьмам у меня происходило ухудшение слуха, но никогда в такой степени и форме.

Просидел я всего 10 недель, следовательно, вернулся в Минск приблизительно во второй половине июля. Встретили чрезвычайно хорошо: оказалось, что не только получили мое письмо, но и знали, как я жил, держал себя. Тут я узнал, что других арестованных много раз звали к Зубатову, что он очень много с ними разговаривал. У меня от разговора с Зубатовым не осталось никакого яркого впечатления, а тут другие рассказывали или о них рассказывали чрезвычайно много. Много было разговоров о легализации,—а у меня об этом моменте не было никаких впечатлений. Помню группу людей: Оре и Моте—

щетинщики, Гриша Шахнович—это к ним относилась августовская прокламация 1900 г., о которой упоминается в печатаемых документах. Помню, как в одном разговоре, Гриша Шахнович (кажется, он теперь в Америке) рассказывал, что обо мне Зубатов говорил, как об очень зеленом и экзальтированном человеке. Меня стали привлекать к работе в фаховых кассах. Помню, как возник вопрос об артели у шапочников, который разбирался потом, кажется, в разборке с Медемом. Движение в это время оживилось. Сейчас у меня нет в памяти представления о том, что я в это время делал. Ярко помню только большое собрание в лесу—поминка по Либкнехте-отце. Поминка превратилась в большой праздник со знаменем и песнями. На этом собрании проявилась какая-то оппозиция, кажется со стороны столяров, и я принял сторону этой оппозиции. Кажется, что это было на почве отсутствия демократизма, пренебрежения верхов к массам и к экономической борьбе, и в этом споре, вероятно, сказалось то впечатление, которое я вынес от чтения Геркнера, Вебба и др.,—единственно, что я читал и знал. После этого собрания все шло по-прежнему.

Марию Вильбушевич я, кажется, тогда еще не знал, хотя и слышал о ней, с одной стороны, как об очень хорошем человеке, а с другой—что с ней больше всего говорил Зубатов. Когда и как я с ней познакомился,—абсолютно не помню. Не могу также припомнить всех обстоятельств возникновения самой мысли о создании организации. Как здесь очутился Гольдберг—поалей-ционист, кажется, и Волин, бывший в организации глубже и больше—не помню. Помню только, что, когда Гольдберг писал программу, он приспособлялся ко мне и, кажется, ничего не говорил о легализации (или мало говорил—не помню, так как с тех пор программы не видел), а говорил о независимости экономического движения. Легализация меня не интересовала: если можно устраивать легально, ладно. К писанию программы был притянут и Самуил Гуревич, который, хотя и не примкнул, но, кажется, участвовал в редактировании программы. Так родилась, так называемая, еврейская независимая рабочая партия.

В моем представлении не было связи с тем, что делалось в Москве: в первое время знакомства с Вильбушевич, когда однажды я дома у ее брата увидел устав общества рабочих в Москве, я совсем не понял, в чем дело. Я, считая себя знатоком дела (читал такие книги), относился отрицательно, хотя меня брат Вильбушевич (Моисей Владим.) уверял, что это вполне соответствует европейскому образцу, но я остался при своем отрицательном отношении. Поэтому именно мне не ясно, как возникла идея организации, но во всяком случае у меня вне связи с Москвой. О легализации больше говорила Вильбушевич. Легализовать квартиру должна была она. Решено было устроить нелегальную типографию. Не помню, как достали типографские принадлежности; несколько столяров (Нахмен, Иосиф, Гилель, Боня) нашли квартиру, устроили. Впоследствии М. Вильбушевич рассказала, что ей сказал Васильев или его помощник Хрипов из жандармского управления, что их люди все время наблюдали за тем, как наши столяры строили типографию, думая, что никто не видит и не знает. Таким образом оказалось, что типография, которую мы строили нелегально, была известна в жандармском управлении. Кажется, что работавшие в типографии столяры первое время не знали об этом.

Я пользовался известным моральным авторитетом среди рабочих в отличие от всех других. Волина мало уважали. Гольдберг был оратор и литератор, но чужой. Руководство эконом. кассами, стачками было в руках рабочего центра, из представителей всех цехов. Мне же принадлежит идея выпуска периодического листка «Рабочий рынок», где отмечались цены на рабочие руки и спрос и предложение труда. Что М. Вильбушевич переписывается с Зубатовым—было известно. Но того характера переписки, как он отражается в письмах, опубликованных в «Былом» за 1917 г., я не предполагал; думаю, что и другие не подозревали. Между прочим, для характеристики настроения в рядах новой органи-

зации следует указать на участие всех членов в организованной Бундом демонстрации возле тюрьмы (не помню, по какому поводу), при чем Вильбушевич была, кажется, избита шашкой.

Это настроение сказалось и в том, что когда решили меня отправить в Вильну, то на вокзале устроили тоже бурную манифестацию, к которой я с площадки что-то такое сказал о независимом рабочем движении. Из крупных явлений этого периода надо отметить сионистский съезд в Минске. Организация в целом была враждебна к сионистам. Вильбушевич, сама не сионистка, оказывала им всевозможные услуги, легализовала их и, кажется, выхлопотала разрешение на их съезд; кажется, что для этого она ездила на свидание к Плеве. Мотивировались эти услуги сионизму тем, что, при отсутствии каких бы то ни было легальных проявлений общественности, невозможно существование никакого движения. Общепринятой идеологией было: во что бы то ни стало создать массовую экономическую рабочую организацию, охватывающую всех рабочих. Непременно в с е х; поэтому мы ходили даже по синагогам и молельням отдельных цехов, чтоб вовлечь в свои феррейны существующие там организации религиозных рабочих и чтоб отрывать их от общих по молельне организаций с хозяевами цеха. Считалось, что главное— это создать факт массовой организации, а затем она уже будет существовать. Так же относились и к факту изданий на евр. языке. И когда мы узнавали, что в административных верхах есть колебания, сначала при Сипягине, потом при Плеве, то говорили: это потому, что мы еще не сильны, еще не все организованы. Московским движением мы не интересовались, точнее, относились пренебрежительно и сдержанно—особенно к таким проявлениям, как выступление 19 февраля. Идеализации самодержавия не было, как в Москве, но говорили: дело не в политическом режиме, а в организованности. При этом прибавлялось, что в России парламентаризм привел бы к необычайному усилению буржуазии, между тем при самодержавии мыслимо и влияние рабочего класса, нужна лишь организованность. Я припоминаю, что этот последний мотив особенно выпукло был выражен в одном листке в Одессе (написан Шаевичем). Там приблизительно говорилось следующее: если такие-то капиталисты имеют влияние в государственных учреждениях, комиссиях Государственного Совета и т. д., то почему рабочий класс не может точно также добиться политического влияния. Нужна только массовая организованность, которая должна давить на власть и противодействовать одностороннему влиянию капиталистов.

Пункту о «независимости» давалось синдикалистско-тред-юнионистское объяснение: сначала не закон, а организация: без политической борьбы организация может создаться, станет фактом, а потом она будет подтверждена законом.

Обвинения «независимой партии» в зависимости от полиции приводили всех в бешенство и воспринимались как личное оскорбление. Все члены партии были уверены, что не власть их, а они используют власть. Борьба была полна драматизма. Братья и сестры, мужья и жены, близкие друзья не разговаривали друг с другом. Мне было особенно тяжело: люди, которых я любил и которые меня любили, прекращали со мной общение. Тов. Мери (она в Америке) вернула мне свою карточку с большим черным крестом, что должно было обозначать мою моральную смерть. Все это ожесточало и сплачивало массу, тем более, что масса видела, как энергично ведется борьба с хозяевами, как послушно хозяева являлись по первому зову феррейна, как в борьбе с хозяевами мы ни перед чем не останавливались. Сплачивалось огромное ядро до экзальтации преданных рабочих, исключительно рабочих. Не было того, что у Бунда называлось полуинтеллигентами. Мы даже бравировали этим: интеллигентами были Вильбушевич, Гольдберг, Волин; меня все знали, как рабочего; больше, кажется, никого, разве только поалей-ционистка Хая Каган.

С этим настроением меня провожали на вокзал для поездки в Вильну.

В и л ь н а. Уехал после манифестации на вокзале. Манифестация взбудоражила всех стражей порядка. Недалеко от станции Столбцы меня из вагона вытащил жандарм. На вагонной площадке он дал мне несколько затрещин, избил до крови. Прождали на станции ночь, и он повез меня в Минск, привел в жандармское управление. Кажется, в тот же день я опять уехал в Вильну. Идя с вокзала, я разговорился с первым попавшимся мне навстречу рабочим, и первое, что я от него услыхал: «у нас повесили рабочего». Я имел письмо к руководителю т. наз. демократической фракции сионизма или, может быть, поалей-цион (точно не помню) Кунину и уполномоченному сионистского акт. комитета И. Гольдбергу (Виленскому). Первое собрание устроил мне Кунин; было довольно большое собрание, аудитория полурабочая, полумещанская. Вопросы и дебаты затянулись на 2—3 собрания. Совершенно не осталось никаких воспоминаний о том, как я легализовал движение. Вероятнее всего, я был у Черкаского раз, во всяком случае практически легализовать нужно было в жандармском управлении. Тут легализация какими-то моментами переплетается с легализацией сионизма Гольдбергом (Виленским). Помню, что на какой-то квартире арестовали какую-то нашу сходку. Это было вечером; я пошел в участок к приставу (кажется, это был Снитко), сказал ему, чтобы он позвонил в жандармское управление, и их действительно освободили.

Достали квартиру, приехал Шмуль Муляр (каменщик). Собрания происходили по вечерам, а по утрам мы бывали на бирже строительных рабочих. Огромной победой считали переход на нашу сторону заготовщика «Алтера рыжего». Других крупных рабочих-интеллигентов не припомню. Работа была бесплодна, отсутствовало непосредственное руководство экономической борьбой. Мы вдвоем невероятно голодали и страшно опустились. Я жил на одну коп. в день; одно время достал в фотографии поштучную работу, но, кажется, через неделю потерял ее.

О д е с с а. Во время сионистского съезда в Минске Вильбушевич привлекла к работе одного из делегатов, Шаевича. Он в Одессе начал работу. Туда поехало несколько работниц и рабочих, среди них Гилель, столяр из Минска. Когда я приехал в Одессу, я узнал, что существуют две районных квартиры: одна на Разумовской в городе, а другая на Пересыпи. Мне рассказывали, что рабочие из Пересыпи встречали Шаевича с хлебом и солью, служили молебны и т. п. Я застал союз металлистов, каретников и деревообделочников, медно-котельщиков, жестянников и довольно крупный союз пекарей. Характерно было вот что: необычайно трудно было работать среди еврейских рабочих. Целиком там удалось завоевать их лишь у медно-котельщиков и жестянников (и, кажется, частью водопроводчиков), где весь цех и союз был в наших руках, и тут мы на-подобие Минска руководили всей экономической работой, распределяли рабочую силу и т. д. Союзную работу проводили по трактирам. У деревообделочников в союзе были исключительно русские рабочие, если не считать цех обойщиков-шмуклеров, который к тому же был полон сутенеров (евр. деревообделочники не шли). Массовый характер носил союз каретников—тут мы подняли действительно совершенно серую массу русских рабочих. Массовый характер носила организация у металлистов; но в отличие от других цехов-союзов тут были и сознательные рабочие, рабочие-интеллигенты, посещавшие школы, курсы, лекции в Народной аудитории. Во всех этих союзах действовали делегатские собрания. Самым ужасным и трудным делом было организовать пекарей; каждый день заливали они квартиру на Разумовской; тут был вечный шум, тут вечно разбирались дела с отдельными хозяевами, конфликты, стачки. Была поднята огромная серая масса русских рабочих, до того не знавшая, что такое организация. И нужно сказать, что борьба и противодействие со стороны соц.-демократов, достаточно сильная среди еврейских рабочих и на

устраивавшихся нами часто политических и лекционных собраниях, тут в этой массовой организации чрезвычайно слабо ощущалась. Позже мы начали организовывать матросов наконец, портовых рабочих и пекарей. Потрясающее впечатление производили собрания портовых рабочих, впрочем, как и пекарей: приходили прямо с работы, с тряпьем и хлебом под мышкой, с бутылкой в кармане, многие—нетрезвые. Собрания бывали огромные, затяжные. В этих массах вырастала органическая потребность к организации, они наивно тянулись к ней, они были полны благодарности.

В апреле м-це разразился Кишиневский погром. При первых же слухах о погроме, настроение в Одессе стало, в свою очередь, очень тревожным. Мы с Шаевичем решили принять меры. Мы отправились к н-ку охранного отделения, кажется Васильеву (он жил в гостинице «Пассаж»). Он, оказывается успел, уже послать своего помощника в Кишинев, который только что вернулся и сейчас сделает доклад. Когда я зашел, он меня сразу спросил: не выброшу ли его в окно по поводу погрома. Повидимому, такова была информация обо мне. По докладу помощника получилось почти полное впечатление о том, что произошло. Не вполне освещенным осталась в докладе лишь роль администрации, хотя он отзывался о ней очень резко и плохо. Впечатление было самое ужасное.

Потом стали обсуждать положение в Одессе. Оказалось, что он знает и даже кое-что предпринимает. В порту готовилось празднование 25-летия Добровольного флота. Предполагалось на праздник допустить только матросов, и то, кажется, не всех: портовых же рабочих совершенно не приглашали. Последние грозили, что они придут и потопят празднующих. Было опасение, что такое столкновение и побоище легко может превратиться в погром—сначала в порту, а потом во всем городе. Васильев обещал принять меры к тому, чтобы или праздник был отменен, или чтобы были допущены все. Затем он обещал поставить войсковые части в порту, так и в других местах. Мы ему сообщили, что собираемся организовать оборону.

Мы выпустили листок о самообороне,—содержания не помню. Были выпущены листки Бундом, С.-Дем. Ком. и Поалей-Цион. Самый яркий был листок Бунда,—по крайней мере, таково мое впечатление. Там прямо указывалось, что погром организован правительством. Мы принялись организовывать самооборону. Вели переговоры и с Бундом и с С.-Дем. Ком. об общей самообороне,—не помню, чем кончилось. В наших отделах подготовляли массу. В Пересыпском отделе настроение было совсем прочное, на Разумовской у пекарей—неопределенное.

Установили массовые дежурства. В комитет самообороны входили какие-то общественные элементы, сионисты и либералы. Приходил и Жаботинский, тогда, кажется, не сионист. О настроении в городе, о появлявшихся подозрительных лицах и симптомах нас информировал Васильев. Как он устроился с праздником флота,—не помню. Больше я Васильева не видал, кажется, — говорю: кажется, потому что не помню всех подробностей во время забастовки Рестеля.

После тревожных погромных дней работа пошла в прежнем духе, все более разростаясь.

Тут движение было бесконечно мощнее Минского, хотя и более аморфно-организованное, масса была рыхлее, хотя с огромным запасом стихийных сил. Забастовки проводились дружно, собрания всегда были полны, а кассы как-то сами собой наполнялись взносами.

Я и Гилель столяр жили на квартире на Разумовской. Там после собраний мы на тех же скамьях ложились спать. У нас не было ни тюфяков, ни белья. Голодал я почище, чем в Вильне. По двое суток ничего не ел. А когда ночью у меня украли и костюм и башмаки (во дворе была почлежка), я просидел в комнате, пока мне достали во что

одеться. Работали до упаду. В 4—5 часов утра мы уже бывали в трактирах-биржах разных цехов. Идеология была такая же, как в Минске. В листках, как уже упомянуто было выше, ставился вопрос о политическом весе и влиянии, которые можно приобрести только фактической массовой организованностью. С московским движением не имели ни связи, ни общего. О Питере доходили сведения, что там читали некоторые одесские листки, которые случайно туда попали, и как будто ближе к нам, «минчанам», чем к Москве. Связь с администрацией держал Шаевич. А в среде администрации отношения были довольно запутаны. Жандармский генерал и прокурор были ярыми врагами всех этих новшеств, всего движения, стачек, союзов. Через них орудовал союз заводчиков. В Петербург летели телеграммы с требованием закрыть, ликвидировать, уничтожить. Генерал и прокурор ездили, кажется, лично в Питер. Плеве колебался. Градоначальник был с генералом и прокурором, но боялся н-ка охранного отделения, который энергично отстаивал независимщину со всеми забастовками.

Была масса забастовок, сопровождавшихся насилиями над штрейкбрехерами; во всем этом я принимал личное участие, и при забастовке кроватчиков был арестован на «месте преступления» и, конечно, избит. Наконец, активная борьба должна была захватить и металлистов. Не помню, вокруг каких требований мы организовали забастовку на заводе Рестеля. Забастовали все как один. Листок горячий, пламенный был написан мной. Кажется, листок начинался так: «Остановились железные машины, умер завод»... Борьба сразу приняла ожесточенный характер. Заводчики и фабриканты, жандармский генерал и прокурор—все они решили на этом дать бой. Стали вербовать штрейкбрехеров. Забастовщики окружали завод, но штрейкбрехеры, раз пробравшись туда, не выходили. Наконец, они вышли все вместе, гурьбой. И вот вся масса забастовщиков бросается в погоню за штрейкбрехерами. Дикая погоня идет с Пересыпи почти до Дерибасовской. Много избитых, окровавленных. Жандармский генерал и прокурор подбирают несколько избитых, составляют протокол, давят на Питер. Фабриканты шлют депутации, ставят ультиматум—борьба расширяется. Мы на собраниях и в листках призываем к упорству. Не помню, рассказывали ли массам о закулисной борьбе, делегатскому собранию рассказывали, кажется, о заводчиках и фабрикантах, а не об администрации. Во время этой борьбы пришлось поехать в Минск на совещание. Не помню, поехал я вместе с Шаевичем или отдельно я раньше, и не помню, в каком положении оставили Рестеля. Чувство у меня было такое, что мы в Минске все ликвидируем.

Не успел приехать в Минск—одна за другой телеграммы: забастовали матросы в порту, забастовал порт, и еще, и еще. Требовали возвращения Шаевича. Не помню, был ли он на совещании решивших ликвидироваться, или нет, вероятно, был.

Совещание было непродолжительное. Присутствовала вся центральная сходка, с представителями всех союзов, цехов, Волина не могло быть, задолго до этого он был нами отстранен (не помню за что). Гольдберг был, хотя и последнее время не был активен, остыл. Всех обстоятельств, приведших к единогласному решению ликвидироваться,—не припомню.

Ликвидацию решили произвести торжественно на собрании всей организации. Были речи, истерика, плач. Кончили. У всех чесались руки поджечь дом.

После ликвидации узнали о могучей забастовочной волне в Одессе, об аресте и ссылке Шаевича. Я поехал чернорабочим на бумажную фабрику в Борисов. Зарабатывал 50 коп. в день. Потом вернулся в Минск, вновь получил работу в фотографии, стал учиться. Вильбушевич уехала в Палестину. Я много учился и читал. Мало с кем встречался. В каком-то ответном письме Шаевичу в Вологду я очень скоро писал: нет других путей, кроме революции.

В 1904 г. я возобновил связь с бундовцами и открыто стал говорить об ошибках и просить о приеме. Не помню, кто ответил мне, что для меня есть только веревка. Но я стал бывать на собраниях, ко мне относились хорошо, энергично выступал на крупной демонстрации-похоронах, выступал в подобных случаях самочинно.

Группа товарищей бундовцев предложила, пока тут в центре решится вопрос о приеме меня в Бунд—поехать с ними в губернию. Я поехал в Пуховичи. Пуховичи стали моей резиденцией. Конечно, я работал среди евр. рабочих, но все силы отдавал на работу среди крестьян. Создал соц.-демокр. крестьянский союз, это в районе имения Бонч-Осмоловского, старого гнезда народников, куда часто заглядывали Брешковская и Гершуни. Работал во всем уезде. Сам писал, сам гектографировал, сам разносил прокламации по деревням. Крестьяне относились прекрасно, устраивал большие собрания. При получении известий о 9-м января, поехал в город, был на собрании в городской Думе, был арестован с револьвером. Пришел в участок Хрипов, я сказал ему, что я пошел в Революцию и из нее не уйду, что меня еще Бунд не принял, но сделаю все, чтобы быть принятым. Он ушел. Потом ночью он мне при странной и фантастической обстановке устроил в канцелярии участка очную ставку с какой-то замаскированной в черное женщиной, которая на все вопросы отвечала отрицательным покачиванием головы. На следующий день я был освобожден. Я поспешил в свою деревню. Впечатление от моего рассказа о питерских событиях 9-го января было потрясающее. Когда я рисовал поход с хоругвями, иконами и портретами, во главе с священником и—расстрел,—многие крестились, женщины плакали, все были потрясены. Призыв к борьбе ощущался как сам собой разумеющийся.

В Минске готовилась демонстрация—я послал туда крестьян,—первый раз в истории Минска; к сожалению, они опоздали. Приблизительно в это время приехал представитель Центрального Комитета Бунда сообщить мне, что я принят в организацию. В район приехал отряд кавалерии разыскивать меня. В М-ке по всем домам ходили, искали. Я со своим гектографом переходил из дома в дом, писал и печатал, и каждый день новый листок появлялся. Офицеры были в бешенстве. На улицах дети показывали друг другу, как я печатаю, а тут я неуловим. По деревням ходили по хатам спрашивать, не видали ли Сендера (они решили, что Александр по евр. Сендер). Крестьяне смеялись. Надо было уезжать. Решил устроить прощальное собрание. Сообщили в ближайшие деревни. В пятницу ночью сорвали замок в женской синагоге (драгуны были расставлены по всем домам), собрались все из М-ка и деревень. В абсолютной темноте никто из нас никого не видал. Собрание произвело на крестьян потрясающее впечатление—это мне передавали долго спустя. Из Минска я был направлен Центральным К-том в Лодзь.

А. И. Чемерискій.

По поводу опубликованных выше документов.

I.

Опубликовав записку Зубатова о «Минском профессиональном движении» и переписку его же с Маней Вильбушевич [1]), тов. Пионтковский приоткрыл еще один уголок подлинно-полицейского излома рабочего движения периода 1901—1903 годов.

В истории департамента полиции это—неудачная попытка подкупом одной и обманом другой части рабочих совлечь рабочее движение на путь «легального», мирящегося с царизмом, профессионализма.

Но было бы жестокой ошибкой только с этой точки зрения подходить к этому движению. Как раз то, что сообщает Маня Вильбушевич в своих письмах к Зубатову о тогдашнем Александре Чемериском и каменщике-Шмуэле, свидетельствует о фантастической экзальтированной преданности определенной идее:

«Только живя здесь, я понял, какой громадный сноп света вносит в массу н а ш а п а р т и я... Ох, как хочется мстить за эту массу». (Из письма Чемериского к минским независимцам.)

«Я умею теперь задавить в себе все, что было для меня немыслимо раньше. Я умею р а д и п а р т и и н а ш е й задушить в себе всякий порыв. Партия начинает заполнять весь мой ум, мою душу, помыслы, порывы, желания». (Из письма Шмуэля-каменщика к независимцам.)

И это пишут люди, воспитанные рабочим движением, пишут о партии, которая з а в е д о м о д л я н и х—это бесспорно!—находилась под явной защитой ненавистных всем жандармов. И это они пишут и з В и л ь н ы, где камни вопили о злодействе губернатора фон-Валя и где только что в мае 1902 года погиб на виселице еврейский рабочий, герой-сапожник Гирш Леккерт, стрелявший в фон-Валя за телесное наказание (розги) 28 демонстрантов-рабочих. Очевидно, для психики деятелей этого движения (я не говорю обо всех и меньше всего о Мане Вильбушевич, которая рекомендовала Зубатову п о л и ц е й с к у ю р а с п р а в у с бундистами [2]),—для психики части деятелей связь «независимой евр. рабочей партии» с жандармами не играла существенной роли; они, эти «деятели», и шедшая за ними масса боролись за «независимость рабочего движения от революционной идеи, «за независимость» от революционной борьбы, от революционной партии. Здесь мы имели перед собой извращенный синдикализм... и поэтому борьба между «Бундом» и «независимой евр. рабочей партией», поддерживаемой еврейскими сионистами (вплоть до возникавших тогда первых групп рабочих-сионистов) и евр. либералами, эта борьба была б о р ь б о й д в у х н а п р а в л е н и й в рабочем движении в критический для него период. Именно последнее обстоятельство осложняло борьбу и ликвидацию «независимых». Мне не пришлось в тот период лично столкнуться на собраниях с «независимыми». Но я прекрасно помню, как волновал рабочих вопрос: действительно ли они имеют дело только с «провокаторами» или с заблуждающимися.

Минский бундовец пытается этим аргументом сразить лидеров «независимых» (см. последнее письмо). Бурная реакция со стороны тогдашнего Чемериского, в искреннем

[1]) Все письма, очевидно, принадлежат одной ей—она цитирует других.

[2]) См. ее письмо к Зубатову, опубликованное Д. О. Заславским в «Былом».

негодовании бросающегося с кинжалом на этого бундовца, вызывает на этом собрании сочувствие рабочих, и представитель виленского комитета Бунда вынужден резко отмежеваться от бестактности слишком горячего минского товарища и вернуть снова вопрос в плоскость идейного спора, столь нужного рабочим, пытавшимся избегнуть тяжелой борьбы с царизмом и еще не изжившим иллюзии «независимости» профдвижения.

Пусть «независимцы» преувеличивают свои успехи в Минске, но бесспорно, что в течение полутора лет они все же были серьезным фактором в минском еврейском рабочем движении и идейно развращали его изнутри. Их успех может быть поэтому понятен только в связи с предыдущим периодом движения. «Экономизм» с его тред-юнионистской политикой был особенно силен в еврейском рабочем движении, создавшем за 8—10 лет сплоченные подпольные экономические кассы с членскими взносами, постоянными собраниями, уличными биржами, выборными, сходками. В движение была втянута вся масса, она была уже организована, но ни масса, ни даже весь авангард не были на высоте задач момента, не доросли до понимания революционной классовой политики пролетариата. Бунд того времени (1900 г.) в массе своей был больше союзом еврейских рабочих, борющихся с хозяевами и сталкивающихся с правительством, чем революционной соц.-демократической партией. В агитации его было, конечно, много политических моментов, они все больше расли, но вся масса даже этого еще не успела воспринять. В ней нарастала оппозиция против «политики» у верхов.

Экономическая борьба между тем уперлась в тупик. Еврейские рабочие мелкого ремесла достигли уже максимума возможного в той ситуации. IV съезд Бунда (апрель 1901 г.) констатирует это обстоятельство и призывает ограничиться лишь оборонительными экономическими стачками. Но кризис подходит и с другой стороны: в стране назревает массовая революционная борьба, правительственные репрессии усиливаются. В авангарде пролетариата назревают и оформляются два направления: консервативно-реформистское и революционно-боевое—«экономизм» и «Искра». В русском движении предыдущий период «экономизма» не оставил глубоких корней, не оставил крепких организаций, и «Искре» удается быстро вытеснить это направление из рядов организованного рабочего движения. Московские «зубатовцы»—нарыв, мыльный пузырь, подлинно-полицейская отрыжка «экономизма».

В обособленно развивающемся евр. рабочем движении с его ремесленным характером переходный момент—1901-1902 г. сопровождается подлинным кризисом, в этой части заканчивающимся лишь в 1903 году, на V съезде Бунда. Возникновение «независимой» партии и ее подлинный рабочий состав и широкое влияние—один момент этого идейного кризиса. Террористические настроения, выразившиеся на пятой конференции (август 1902 г.) Бунда, в резолюции за «организованную месть», как единственно-достойный ответ на телесное наказание—другое проявление того же кризиса.

В том же III отд. Госархива Р. С. Ф. С. Р. среди 15 томов дела «о тайных еврейских организациях Западного края», в томе по городу Минску (дело № 355 Моск. окр. охр. отд. за 1900 год) мы находим переписку за 1901 год о группе интеллигентов-бундистов, среди которых—и Чемериский и Волин, будущие организаторы «независимой евр. рабочей партии», тогда очень активные деятели Бунда. Но, просматривая их программу занятий с рабочими кружками, утвержденную и комитетом Бунда, можно в ней найти всю сущность той политики, которую тов. Ленин в известной брошюре того времени «Что делать» обозначил именем «тред-юнионистской» политики.

«Нужно устранить,—говорится в этой программе,—самодержавие, как препятствие экономической борьбы рабочих против

хозяев»... Ну, а если это самодержавие, по слухам, перестает быть препятствием, соглашается на легализацию, тогда «ни одна идея не может быть так значительна, чтобы в жертву ей приносить насущные нужды рабочего класса»—таков первый пункт программы зубатовской «независимой евр. рабочей партии». «Независимцы» базируют в прошлом «экономизме», как это тогда же было отмечено революционной печатью (см. ст. «Искры» № 9: «Политический разврат и экономическое тупоумие» — посвящено минским зубатовцам и их программе).

В 1902 году, к которому относится выше приведенная переписка, «независимые» в Вильне, деятели Бунда—прекрасно понимают эту идейную сторону кризиса, породившего влияние «зубатовщины». И «независимцы» совершенно неправильно рисуют организационную линию Бунда. Ложно не только сообщение о «переговорах» между Ц. К. Бунда и «независимыми», ложно самое представление, будто Бунд мог согласиться «передать» «независимым» экономическое движение, хотя бы и после их разрыва с жандармами, если бы это было возможно. Я в течение первой половины 1902 года участвовал в виленском движении, а лето работал среди тех самых заготовщиков, о которых пишет тогдашний Чемериский. Я помню, какой переполох вызвало известие, что «Алтер рыжий», бывший ранее одним из руководителей этого цеха, в июле 1902 года отправился к виленскому полицеймейстеру за разрешением на устройство рабочего собрания в связи с намеченной стачкой. Это и было первое выступление «независимцев» в Вильне. И реакцией на их появление в Вильне было не обособление профессиональной кассы от политической организации, как это рисует тогдашний Чемериский, а, наоборот, восстановление связи.

В это лето виленский комитет Бунда целиком находился уже во власти организационных идей брошюры Н. Ленина «Что делать». Ее штудировали, излагали ее содержание на докладах в группе пропагандистов. Все лето прошло в организационной перестройке. Исходили из идеи, что рабочие одного цеха, наприм., сапожники, предоставленные самим себе и организованные в рамках цеха, объективно не могут натолкнуться на соц.-демократическую политику и осуждены вести линию тред-юнионизма. Исходили из прямолинейного отрицания предыдущей эпохи «экономизма», строившей всю организацию на экономической кассе. Виленский комитет бросился в противоположную крайность: экономическая организация была просто сломана.

Авангард, политически более развитый, был оторван от экономически организованной рабочей массы и подвергнут искусственной перегруппировке. Те 600—700 евр. рабочих, которые составляли собственно бундовскую, тесную политическую организацию, были разбиты на группы, независимо от профессии или точнее вопреки профессии: в одной и той же группе должны были обязательно быть разные цехи: и сапожники, и столяры, и портные. А те же портные должны были быть поделены между разными группами. «Экономические» же кассы были предоставлены не «независимым», а просто самим себе.

Когда же сказалось первое последствие этого разрыва связей между авангардом и массой, когда случилось это выступление «Алтера рыжего», комитет спохватился и в спешном порядке в течение того же лета произвел реорганизацию, более теоретического типа. Внизу осталась «экономическая касса» с выборной сходкой, в которую выбирали тех же бундовцев, опытных руководителей экономической борьбой. И в том же цехе образована политическая группа. Эта политическая сходка одновременно имела задачей вести политическую агитацию и пропаганду и быть фактическим руководителем выборной экономической сходки, воздействия на нее через отдельных членов, входивших в обе сходки, и путем агитации среди рабочей массы.

Необходимо также отметить, что Гольдберг (посланный в Вильну на «ревизию» успехов) преувеличивает таковые: «независимым» в Вильне не повезло. Фон-Валь был слишком крутой политик и своей деятельностью достаточно политически вспахал почву: гнилые семена «независимой» агитации не дали всходов. Это недолго спустя признали и сами «независимцы» в своем злополучном листке, который они выпустили, покидая «неблагодарную Вильну».

Оставляя до другого раза воспроизведение и разбор некоторых документов и литературы, посвященной «независимым», считаю своим долгом в заключение остановиться особо на тов. Черемиском Александре Ильиче. Его политическая деятельность и заблуждения молодости уже принадлежат истории. Это было одной из ошибок отсталого периода движения рабочих.

Но никто никогда за весь период в 15 лет после его возвращения в Бунд ни разу не выразил сомнения в революционной честности тов. Чемериского, известного еврейским рабочим Белостока, Гродны, Лодзи по партийной кличке «Алекс» или просто «Саша». Тов. Фрумкина ниже сообщает подробности об обратном вступлении тов. Чемериского в Бунд в 1904 году. Прошлое было предано забвению, к нему ни разу не возвращались в течение всего дореволюционного периода. Тов. Алекс работал без всякого перерыва от 1904 года до самого момента революции, которая застигла его в ссылке[1]). Он занимал в Бунде ответственные посты в подпольной организации, а с момента революции до раскола Бунда состоял членом его Центрального Комитета, избранный в его состав на X конференции, и VIII съезде в 1917 году.

Сейчас тов «Алекс»—секретарь Ц. Б. еврейских Секций при Ц. К. Р. К. П. и пользуется всеобщим уважением всех видящих его на коммунистической работе товарищей. «Зубатовский» период его политической деятельности принадлежит уже истории.

М. Рафес.

20 Марта 1920 года.

---

[1]) Он был арестован в 1907 г. и сослан в Вологодскую губ.; затем в 1912 г.—б. сослан на Печеру (затем заграницу); затем в 1914 г.—б. сослан в Нарымский край.

II.

Ознакомившись с материалами и заметками тов. Пионтковского о зубатовщине, считаю не лишним сделать к ним несколько замечаний.

1) Еврейская независимая рабочая партия для всех нас, современников, близко наблюдавших и переживавших то, что совершалось тогда в евр. пролетариате—была несомненно м а с с о в ы м движением отсталых слоев евр. пролетариата. Переход Бунда к чисто политической борьбе, перестройка организации с устранением выборности и усилением централизма создавали недовольство массовых членов организации. В экономической борьбе наступал кризис. Были достигнуты большие завоевания. Итти дальше тогда можно было только путем экономического террора. Бунд начинает осторожнее относиться к стачкам, рекомендует оборонительные стачки. Отсталым элементам, а также выдвинутым массой части руководителей экономического движения казалось, что Бунд во имя чистоты с.-д. принципов приносит в жертву насущные интересы рабочих: новый материал для оппозиционных настроений внутри и вне партии. Рабочий сионизм, сочетавший политический нигилизм с стремлением к улучшению экономического положения; демократические оттенки в сионизме, пробавлявшиеся теориями об артелях взаимопомощи и т. п. Все это вливалось в тот же общий поток. К недовольным бундовским полутред-юнионистам и полусиндикалистам, имевшим влияние в массе, прибавились и исключенные к тому же времени из экономической организации Бунда сионисты. В Минске кое-кто из них пользовался относительным влиянием среди рабочих. Из их среды вышел один из лидеров независимцев Иосиф Гольдберг. Таким образом обработанные Зубатовым адепты нашли широко подготовленную почву.

2) Утверждение корреспондента Зубатова об имевших будто бы место летом 1902 г. переговорах Ц. К. Бунда с независимцами представляет собой, повидимому, простой вымысел. Никакого съезда Бунда в Минске в 1902 году не было. Независимцев тогда бойкотировал не только Бунд, но и вся прогрессивная интеллигенция, открыто заявившая об этом, даже некоторые сионисты. Такие переговоры не могли иметь места без ведома Минского комитета. Наиболее активные члены тогдашнего комитета (Либер, Ленский) категорически заявляют, что им о таких переговорах ничего неизвестно и что они считают все это сообщение сплошным вымыслом.

3) Что в корреспонденции либо корреспонденты, либо сам Зубатов вносили всякий вздор, явствует хотя бы из совершенно нелепого изложения событий на сионистском конгрессе в связи с речью бывш. бундовца А. (Аберсона), изложения, из которого не искушенный читатель может, пожалуй, заключить, что среди делегатов конгресса были бундовцы, что бундовцы до этого момента составляли часть сионистской организации, что они выступили из сионистского лагеря только на этом конгрессе и что все это вдобавок дело рук корреспондентки Зубатова. В основе всей этой ерунды лежит только тот факт, что бундовская молодежь, сидевшая в публике на конгрессе, устроила враждебную сионистам демонстрацию.

4) Несколько слов о Чемериском. Было ясно, что это фанатик «нейтрализма», один из возмущенных «диктатурой партии» и умалением демократизма в Бунде, полусиндикалист, полу-тредюнионист. Несмотря на всю обостренную атмосферу, на необходимость внушать рабочим отвращение и ужас перед людьми, пользовавшимися услугами жандар-

мов, на объявленный независимцам бойкот, все-таки было внутреннее убеждение, что это просто заблуждающиеся люди, которые воображают, что они «используют» жандармов, а на самом деле являются орудием в их руках.

После ликвидации независимой партии Чемериский очутился в м. Пуховичи Игуменского уезда, где организовал с.-дем. крестьянский союз, вызвал большое аграрное движение и даже послал крестьян к нам в Минск на вооруженную демонстрацию. В начале 1905 г. член минского комитета Бунда Вульф Драпкин (Борух) ездил в район (чуть ли не по делам той же демонстрации). Потом он имел со мной разговор о Чемериском, который требует обратного принятия в Бунд и заявляет, что если и на этот раз ему откажут, он покончит с собой. «Борух» спрашивал, какого я мнения об этом. Я с полным убеждением ответила, что его непременно надо принять, что он был просто еще мальчик и достаточно искупил свою вину, что он может очень многое дать революции. Вскоре я узнала, что он обратно принят в партию. С тех пор прошло больше 17 лет. Я никогда ни на одну минуту не раскаивалась в том, что способствовала его возвращению в ряды революционных борцов. Его, не колеблясь, выдвигали на самые ответственные посты и избрали в 1917 году в Ц. К. Бунда.

М. Фрумкина (Эстер).

К истории карательных экспедиций в Сибири.

Революционные события в Сибири 1905 г. еще ждут своего исследователя. То немногое, что имеется по этому поводу в специальной исторической и общей печати, по большей части основано или на газетном материале, или на личных воспоминаниях. Только после революции 1917 года в «Былом» [1]) появилось несколько документов, характеризующих «деятельность» одного из сибирских палачей пятого года—Меллер-Закомельского. Самая организация карательных экспедиций в Сибири (их было две: ген. Ренненкампфа и Меллер-Закомельского)—была тщательно законспирирована. Известно только, что оба генерала действовали «по высочайшему повелению», что оба они имели «широкие полномочия». В настоящее время представилась возможность по секретным бумагам, находящимся в распоряжении Государственного Архива Р. С. Ф. С. Р., восстановить целиком картину организации этих карательных экспедиций.

Документы, публикуемые нами, взяты из секретного дела архива Главного Штаба военного министерства № 76 под названием «О восстановлении порядка на Сибирской и Самаро-Златоустовской ж. дорогах. Командирования генералов Ренненкампфа и бар. Меллер-Закомельского с отрядом войск».

Как и следовало ожидать, истинным вдохновителем расправы над сибирскими рабочими был сам Николай Романов. Ближайшим его соучастником в этом кровавом предприятии был С. Ю. Витте. Чрезвычайно характерно, что даже всесильный П. Н. Дурново, тогдашний министр внутренних дел—не был посвящен в секрет «миссии Ренненкампфа»—как именовал Витте карательную командировку Ренненкампфа. Дурново узнал об экспедиции только 20 декабря, ровно через неделю после того, как Ренненкампфу было послано «высочайшее повеление» «сломить дух сопротивления и мятежа» в Сибири. Повеление это по телеграфу было сделано 13 декабря.

Предложение С. Ю. Витте посвятить в миссию Ренненкампфа командующего Сибирским военным округом ген. Сухотина и привлечь его к этому делу было также отвергнуто царем. В конечном итоге оба генерала действовали, опираясь на «высочайшее повеление», не считаясь ни с гражданскими, ни с военными сибирскими властями. Кончилось это столкновением обоих генералов между собой из-за «сферы влияния», а затем столкновением их с Сухотиным. Впрочем, борьба генералов между собой началась тогда, когда «миссия» была уже в значительной своей части выполнена: десятки людей по линии Сибирской и Забайкальской ж. д. были расстреляны, повешены, сотни выпороты, тысячи брошены в тюрьмы и т. д. Генералам уже нечего было делать на «покоренной» окраине и их« отозвали» из Сибири.

---

[1]) «Былое» № 3 (25), сентябрь 1917, стр. 134.

В декабре Сибирь фактически была отрезана от Европейской России. Правительственный телеграф бездействовал, железнодорожный находился в руках стачечных комитетов. Железнодорожное движение было под надзором рабочих организаций, при чем последними пропускались в Европейскую Россию почти исключительно поезда с демобилизуемыми солдатами. Между тем в центре России самодержавное правительство к этому времени стало чувствовать более твердую почву под ногами. Темным пятном было московское вооруженное восстание, но значительные воинские силы, брошенные в Москву, давали Романову и его присным уверенность в близкой победе над восставшими рабочими. В этой обстановке зародилась и окрепла мысль о карательных экспедициях в Сибирь.

13 декабря была отправлена шифрованная телеграмма в Нагасаки ген. Данилову для «незамедлительной» передачи главнокомандующему генерал-адъютанту Линевичу следующего содержания:

«Главнокомандующему генерал-адъютанту Линевичу.

Продолжающаяся смута и сопротивление законным властям служащих на Сибирской магистрали ставят армию и государство в ненормальное положение и задерживают эвакуацию войск.

В устранение столь исключительных обстоятельств повелеваю: безотлагательно возложить на генерала-лейтенанта Ренненкампфа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей. Для достижения этого применить все меры, которые генерал Ренненкампф найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности.

Мятежный дух среди части телеграфно и железнодорожных служащих, необходимость обеспечить и вывести армию из ее тяжелого положения побудят доверенного мною генерала не останавливаться ни перед какими затруднениями, чтобы сломить дух сопротивления и мятежа.

Повелеваю вам выделить в распоряжение генерала Ренненкампфа необходимую ему надежную, вооруженную силу, в размере по его усмотрению. В его же распоряжение назначьте инженера и офицера генерального штаба и лиц по его выбору.

Деятельность генерала Ренненкампфа, направленная главным образом к железнодорожным служащим, должна быть согласована с деятельностью в этом направлении начальника тыла армии и главного начальника Сибирского военного округа; в случаях, не терпящих отлагательства, действия по восстановлению законного порядка на линии и подчинения их требованиям властей, должны быть им принимаемы вполне самостоятельно, руководствуясь стремлением обеспечить армии и правительству беспрепятственное пользование железною дорогою и телеграфом.

Всякое вмешательство постороннего и законом не установленного влияния на железнодорожных служащих и телеграфистов должно быть устраняемо быстро и с беспощадной строгостью, всяческими мерами.

Передайте Ренненкампфу, что я и Россия ожидаем от его энергичной деятельности быстрого и окончательного выхода из тяжелого и ненормального положения, в котором находится в настоящее время эта важнейшая государственная линия, благодаря смуте железнодорожных служащих и подстрекательств извне. М о и повеления приведите в исполнение безотлагательно.

Николай.»

16 декабря С. Ю. Витте обращается к ген. Редигеру с письмом, подлинник которого хранится в деле (л. 8).

Из этого письма явствует, что С. Ю. Витте был прекрасно осведомлен о миссии Ренненкампфа. Больше того—в этом письме брошена мысль, которая через несколько дней была осуществлена также по «высочайшему повелению», мысль о посылке навстречу Ренненкампфу другого генерала. Приводим письмо Витте целиком:

«Многоуважаемый Александр Федорович!

Необходимо Сухотина посвятить в миссию Ренненкампфа—и предложить оказать последнему всякое содействие.

Кроме того, Ренненкампфу придется долго возиться, покуда установит порядок до Ч е л я б и н с к а—и потому, если у Сухотина есть нужные средства, то не следует ли Сухотину дать те же полномочия, как Ренненкампфу, предложив ему начать дело с Челябинска и ехать навстречу Ренненкампфу—и лишь после встречи с Ренненкампфом или сложить с себя эти полномочия, передав все дела Ренненкампфу—или, если Ренненкампф п р и з н а е т н у ж н ы м, то разделить дорогу между собою.

Меня Сибирь крайне беспокоит:—ведь уже несколько недель оттуда нет сведений и странно, что вместе с тем оттуда приходят поезда.

Благоволите обсудить изложенное с Федором Федоровичем Палицыным и в случае, если Вы разделите мои мысли, то благоволите безотлагательно доложить Государю Императору и дать инструкцию Сухотину.

Не откажите прислать мне копию телеграммы, данной Ренненкампфу, а равно копию инструкции Сухотину, если таковая последует.

Совершенно Вам преданный граф *Витте.*»

На письме рукой Редигера наложена резолюция:

«Д о л о ж е н о Е г о В е л и ч е с т в у. П р и з н а н о н е в ы п о л н и м ы м п о н е д о с т а т к у с и л у г е н е р а л а С у х о т и н а».

19 декабря управляющий министерством внутренних дел П. Н. Дурново пишет «доверительно» А. Ф. Редигеру:

«Милостивый Государь Александр Федорович!

Министр путей сообщения, в письме от 16 сего декабря за № 491, сообщает мне, что на Сибирской дороге, от Красноярска до Иркутска,

действуют революционные комитеты, захватившие в свои руки телеграф и распоряжение восточным участком дороги, и что без устранения вышеупомянутых комитетов не представляется возможным восстановить деятельность дороги и обеспечить эвакуацию армии; устранение же комитетов путем ареста их представителей вряд ли может встретить затруднения, так как комитеты эти действуют, не скрываясь. Вследствие сего тайный советник Немешаев просит распоряжений моих о скорейшем прекращении действий означенных комитетов и о сообщении ему о последующем.

Принимая во внимание, что Сибирский железнодорожный путь находится на военном положении, я об изложенном считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству и просить уведомить меня, какие меры принимаются со стороны военного министерства для восстановления движения по Сибирской железной дороге.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Дурново.»

Как видно из этого письма, м-во внутренних дел было совершенно неосведомлено о «миссии» Ренненкампфа. Это обстоятельство удивило даже Редигера, который на письме делает отметку: «Разве не сообщено м-ру в. д. о задаче ген. Ренненкампфа. Если нет—надо известить.»

На следующий день Редигер ставит в известность Дурново о миссии Ренненкампфа:

«Милостивый Государь Петр Николаевич.

По Высочайшему Государя Императора повелению, восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей возложено на генерал-лейтенанта Ренненкампфа. Для достижения этого главным образом Ренненкампфу Высочайше предоставлено применить все меры, которые он найдет необходимым для исполнения поставленной ему обязанности.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.»

Предложение С. Ю. Витте—послать навстречу Ренненкампфу с такими же полномочиями ген. Сухотина—сочувствия не встретило. Повидимому, на счет Сухотина были какие-то сомнения. Решено было взамен Сухотина двинуть Меллер-Закомельского. По этому поводу имеется доклад начальника генерального штаба на имя военного министра. Приводим этот доклад целиком:

«20 сего декабря Высочайше повелено командировать командира XII армейского корпуса в Москву и далее на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую ж. д. для восстановления на них законного порядка и подчинения властям и уничтожения сопротивления ж.-д. служащих.

Означенное Высочайшее поручение могло бы быть исполнено следующим образом:

1. Выдачею генерал-лейтенанту барону Меллер-Закомельскому Высочайших полномочий на принятие по железной дороге мер, которые будут им признаны необходимыми для восстановления порядка как по отношению к ж.-д. служащим, так и к возвращающимся с Дальнего Востока войсковым эшелонам.

2. Назначением в Москве особого поезда лично для генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского с отрядом в составе 2 рот, 2 пулеметов с обученною командою, 6 конн. ординарцев и 6 полевых жандармов, с правом усиливать этот отряд на известных участках из состава войск, расположенных на Самаро-Златоустовской и Сибирской ж. д.

3. В состав этого отряда, по заявлению генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского, необходимо назначить из Самары 2 горных орудия с командою и сверх сего придать, на случай необходимости, 2 ж.-д. бригады и несколько нижних чинов ж. д. войск при унтер-офицере.

4. Генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский ходатайствует о назначении в его распоряжение состоявшего при войсках Кавказского в. о. сверх штата полковника Тарановского, живущего в Петербурге по Литейному проспекту, д. № 15, одного офицера в.-суд. ведомства и жандармского офицера.

5. На время следования по участку в его распоряжении должны находиться как начальник железной дороги, так и чины военной ж.-д. службы, т.-е. заведывающие передвижением войск, комендапты и наблюдающие за перевозкою и местное жандармское начальство.

6. Генерал-лейтенанту барону Меллер-Закомельскому должна быть выдана известная сумма на экстренные расходы, сверх того довольствие, которое Высочайше ему и чинам будет определено.

Считаю долгом сообщить, что генерал-лейтенанту барону Меллер-Закомельскому, как вызванному по Высочайшему повелению из Варшавы, надлежит выдать двойные прогонные деньги от Варшавы и до Петербурга.

7. Генерал-лейтенант барон Меллер-Закомельский должен быть снабжен секретными ключами—военным и полицейским (губернаторским).

8. Московскому начальству надлежит нарядить 2 роты, в общем не менее 100 чел., пулеметы и 6 конн. ординарцев, а Петербургскому в. о.—6 полевых гвардейских жандармов.

9 Люди должны быть снабжены патронами в значительном количестве, теплыми вещами, продовольствием и фуражем и сверх сего походною кухнею, а также деньгами. Необходимо определить размер довольствия для нижн. чинов.

10. Назначение следования поезда от Сызрани должно быть сделано по сношению полковника Милеанта с заведывающим передвижением войск по Самаро-Златоустовской ж. д. полковником Новиковым, по требованию генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского.

11. О командировке генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского надлежит поставить в известность (в. секретно) министров: пу-

тей сообщения, внутренних дел и юстиции, а равно командующих войсками: Московского, Казанского и Сибирского в. о.

12. Все дальнейшие действия по Сибирскому участку к Востоку от Омска генерал-лейтенанту барону Меллер-Закомельскому надлежит исполнить по взаимному согласию с генерал-лейтенантом Сухотиным.

Сообщая о вышеизложенном на зависящее распоряжение, присовокупляю, что генерал-лейтенант барон Меллер—Закомельский до отправления технической службы и движения железных дорог касаться не должен.

Означенный генерал прибыл сегодня в Петербург и остановился в гост. «Франция».

Начальник генерального штаба, генерал-лейтенант». (подпись неразборчива)

На следующий день военное министерство ставит в известность об экспедиции Меллер-Закомельского командующего войсками Московского военного округа:

«По Высочайшему повелению для восстановления на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах законного порядка и подчинения власти и уничтожения сопротивления железно-дорожных служащих командируется генерал-лейтенант Меллер-Закомельский, который отправляется из Москвы с отрядом в особом поезде. В состав отряда назначено две роты, не менее 100 человек в обеих ротах, два пулемета с обученною командою и шесть конных ординарцев. Из Петербурга прибудут шесть полевых жандармов. Люди должны быть снабжены патронами в значительном количестве, продовольствием, теплыми вещами, походною кухнею.

О денежном довольствии за время командировки будет сообщено дополнительно.

Телеграфируйте, какие части будут назначены.

Генерал *Поливанов.*»

Аналогичные телеграммы были посланы в Казань и Омск, при чем в телеграмме на имя командующего Казанским округом было указано, что «в состав отряда в Самаре должны войти два горных орудия с командою».

2 января Меллер-Закомельский был в Сызрани. Отсюда он дает следующую телеграмму на имя военного министра:

«В Пензе нет войск, разосланы губернатором по деревням, станции железнодорожного узла не имеют охраны, комендант и жандармы бессильны остановить буйства запасных, недавно убили вахмистра, сорвали погоны с подполковника. Необходимо составить из одного из эшелонов, едущих с востока, 2—3 роты для охраны станции. Запасный 308 Астраханского Лимонов, ослушавшийся и нанесший удар часовому, ранен. Приятное исключение—эшелоны запасных 4-го Сибирского корпуса, едущие в полном порядке и вполне дисциплинированные.

Меллер-Закомельский.»

3 января Меллер-Закомельский телеграфирует начальнику генерального штаба:

«3 сего дня буду в Самаре; дальнейший маршрут сообщу. Эшелоны запасных следуют в полном беспорядке, буйствуют; приходилось прибегать к довольно крупным мерам. Для водворения порядка в Сызрани генерал Косов и полковник Милеант не действуют достаточно энергично; эшелоны задерживаются, производят беспорядки. Предлагал действовать решительнее; желательно подтверждение о том же из Петербурга.

Меллер-Закомельский.»

4 января Меллер-Закомельский шлет телеграмму на имя царя:

«Прискорбен военному сердцу вид большинства эшелонов запасных, утративших всякий воинский вид. Водворяю по возможности порядок. Самаро-Златоустовская дорога наружно в полном порядке. Движение в обе стороны беспрепятственно; телеграф действует. Комитеты управлений дорог приносят пользу. Сожалею, что не был послан двадцатью днями раньше, мог бы устранить много.

Меллер-Закомельский.»

Ген. Ренненкампф выехал с Дальнего Востока почти одновременно с Меллер-Закомельским. 2 января Линевич сообщает по телеграфу на имя Николая II:

«Телеграмма от 14 декабря относительно командирования генерала Ренненкампфа мною получена. Вместе с сим мною предписано генералу Ренненкампфу отправиться в командировку для исполнения в точности повеления, возложенного Вашей телеграммой. Из Харбина генерал Ренненкампф предполагает выехать 6; Главному Начальнику тыла мною предписано оказывать всеми средствами полное содействие генералу Ренненкампфу; равно сообщено о том же генералу Сухотину.

Главнокомандующий генерал-адъютант *Линевич.*»

8 января Ренненкампф телеграфирует царю:

«Доношу—повеление получил. Выезжаю из Харбина в Манчьжурию 9 января. Приложу все силы, чтобы выполнить священную волю Вашего Императорского Величества.

Ренненкамф.»

10 января Линевич сообщает царю:

«Генерал Ренненкампф 9 выехал из Харбина на запад, имея при себе два поезда; в первом поезде рота пехоты, чины железнодорожных баталионов и телеграфа, запасы материалов для быстрого восстановления железнодорожного пути и телеграфа на случай их порчи; во втором поезде—три роты пехоты, два горных орудия, четыре пулемета. 9 января никаких манифестаций в Харбине благодаря принятым мерам не было; донесений из других пунктов пока не поступало. Повеление Вашего Величества о посадке и отправлении 37-й и 3-й дивизий тремя эшелонами ежедневно приводится в исполнение. Высокомилостивая телеграмма Вашего Величества к войскам манчжурских армий

и морякам Дальнего Востока объявлена и была ими восторженно приветствована. Об изложенном доношу Вашему Императорскому Величеству.

Линевич.»

Положение вещей в Сибири к моменту посылки экспедиции Ренненкампфа рисуется из следующего доклада П. Н. Дурново, сделанного им царю:

«Командующий войсками Сибирского военного округа телеграммою из Омска от 17 сего декабря сообщил, что единственным способом посылки служебных бумаг в его округе являются нарочные. Из Иркутска генерал-лейтенант Сухотин имеет от военных властей крайне необстоятельные донесения от 5 декабря, из коих, однако, видно, что спокойствие в городе восстановлено. По донесениям военных властей из города Красноярска от 17 декабря в названном городе господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верными долгу присяги остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков. Действия мятежников выражаются, между прочим, в том, что они оказывают в желательном для них смысле давление на выборы думских гласных. До прибытия Красноярского пехотного полка, по мнению генерал-лейтенанта Сухотина, не предвидится никаких средств для подавления мятежа; но за полным отсутствием сведений из действующей армии остается неизвестным, когда упомянутый полк прибудет.

Совершенной неожиданностью для командующего войсками Сибирского военного округа было прибытие в город Омск Тобольского полка. От чинов этого полка, а также от проезжающих с востока частных лиц командующим войсками получены сведения, что местности по линиям Забайкальской и Маньчжурской железных дорог тоже находятся в состоянии мятежа. К западу от Красноярска, на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управления дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и согласно этим постановлениям не принимаются, например, шифрованные телеграммы и исключаются из расписаний скорые, почтовые и пассажирские поезда.

О подавлении военного мятежа в пределах Сибирского военного округа самыми решительными мерами, с применением военной силы, без всякой пощады и колебаний и об арестах всех руководителей и подстрекателей железнодорожной и почтово-телеграфной забастовок я просил по телеграфу командующего войсками округа генерал-лейтената Сухотина.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить Вашему Императорскому Величеству.

Подписал: Управляющий министерством *П. Дурново.*»

Доклад П. Н. Дурново дополняет телеграмма ген. Сухотина на имя военного министра от 29 декабря. Телеграмма предназначается «для всеподданнейшего доклада Его Императорскому Величеству».

Восточная часть Сибирской дороги, пролегающая через Иркутское генерал-губернаторство, а также и часть ее, пролегающая через губернию Томскую, до 23 декабря находилась вне всякого моего влияния, за исключением того, что я мог по предоставленным мне правам обеспечить порядок и спокойствие на двадцатисаженной полосе отчуждения. О ненормальном положении такого порядка, когда жизнь вверенной мне узкой полосы была в тесной связи с жизнью главных центров Сибири в течение уже почти двух лет, я неоднократно заявлял, ходатайствуя о расширении этой полосы до пределов объявления на военном положении всех уездов, пролегающих в этой узкой полосе. На все ходатайства получал только или категорический отказ или же они замалчивались. На все мои просьбы, обращенные к главнокомандующему выдвинуть вперед из армии наш четвертый корпус, который стал бы охраной железной дороги и порядка в сибирских центрах, эта просьба выполняется только теперь. Уже прибыли Иркутский, Енисейский полки в Иркутск, Тобольский и Омский двигаются по пути, Семипалатинский, Барнаульский и по сегодня полученному донесению пошли к Красноярску четыре эшелона Красноярского полка. С 23 декабря согласно извещения министра внутренних дел, в силу Высочайше оказанного мне доверия, я в силу Высочайшего указа об объявлении уездов на военном положении, а также с прибытием доблестных сибирских полков с их главными начальниками становлюсь хозяином положения дела. Уже только появление первых эшелонов Иркутского полка в Иркутске 2 декабря прервало вооруженный солдатский бунт запасного батальона, конвойной команды, двух сотен иркутских казаков, свергших своих начальников, а также начальника гарнизона и избравших себе в начальники прапорщиков запаса. В этом бунте участвовала вся многочисленная партия, создавшаяся и окрепшая во время пребывания в городе графа Кутаисова и его ближайшего сотрудника управляющего канцелярией камергера Гондати. В эти три дня бунта только одно юнкерское училище, состоявшее убежищем долгу и присяге [1]).

Оно поклялось у только что пожалованного ему знамени отстоять и защитить всех, кто нашел у него убежище, где, между прочим, на площадке охраняла прибывшую в передовом эшелоне пулеметную роту, которую, как видно из сообщений из Иркутска, мятежники думали сманить и даже захватить. В Красноярске дело осложнилось тем, что две роты второго железнодорожного батальона, оставленные там на случай забастовок в полном составе, свергли свое начальство, избрав начальником прапорщика запаса Кузьмина, перешли на сторону революционеров, железнодорожных служащих; совместно с городскими революционерами захватили губернскую типографию, обезоружили жандармов и полицию, арестовали коменданта станции, вступили в управление городом и, несмотря на отданное приказание—две

[1]) Повидимому ген. Сухотин хотел указать на то, что юнкерское училище осталось верным «долгу и присяге». Как известно, юнкерское училище к «бунту» не примкнуло и юнкера были почти единственной опорой начальника гарнизона ген. Ласточкина. *В. М.*

недели назад уезжать в Россию, отказались, до тех пор пока они не проведут в городе выборы в думу по самоновейшей революционной системе. Как действовать, мною посланы подробные указания губернатору и генералу Редько по сборе полка и рекомендованы меры решительные и беспощадные, благодаря праву, полученному 23 декабря. В прочих центрах к западу от Красноярска, собственно, анархии нет, кроме одного обстоятельства—совершенной бездеятельности Томского Управления железной дороги, благодаря тому, что там же находящийся центральный стачечный комитет и местные в разных участках его отделы действуют, совершенно игнорируя главное начальство дороги. На посланнную мною депешу и указания местный вице-губернатор, исполняющий должность губернатора, ответил, что при наличных силах гарнизона он не может привести мои указания в исполнение. Должен признать его правым. Надеюсь, что через три-пять дней туда прибудет Томский полк и тогда дело кончится с другими пунктами. Обо всех происшедших беспорядках мною указано повсюду произвести следствия, а в Красноярск командирован временный военный суд, для немедленного открытия действий. До сих пор бывшие у меня исключительно запасные войска, таявшие не по дням, а по часам, постепенно за увольнением разных сроков, а равно до них дружинники честно исполняли свой долг и охраняли до последней минуты все ценное на пути, но бороться с мятежем не могли. Превыше всего служили службу жандармский надзор с выдающимся из ряда начальником, помощником Сыропятовым. Более всего нам повредили части деморализованного тринадцатого, за исключением некоторых рот и команд Звенигородского полка; в данную минуту, к счастью, прибыла смена наших полков, и я приказал поспешно удалиться им из пределов округа. К сказанному (добавлю), что в течение двух недель железнодорожный телеграф, находившийся в руках стачечников, принимавший эти депеши,—на самом деле, не доставлял по назначению, когда обратился к способу посылки с нарочными, их стали перехватывать и отбирать почту. Войска, Управления и Учреждения Красноярска и далее к востоку до сих пор не получают денег, некоторые два и три месяца. Как иллюстрацию, прибавлю: вернувшиеся с Дальнего Востока говорят только одно, что здесь в округе мир и тишина по сравнению с тем, что творится на пути от Харбина в присутствии полумиллионной армии. В недавно полученном от Куропаткина письме он пишет, что никогда не мог себе представить, чтобы полумиллионная армия могла быть отрезана от родины управлениями собственного своего тыла. В действительности, там продвижение войск регулируется и организуется местными стачечными комитетами, с которыми считается сам главнокомандующий, а генералы Холщевников, Надаров, Казбек, повидимому, совершенно лишены власти этими комитетами. Таково положение дел. Ввиду сего не ожидаю, чтобы помощь Ренненкампфа, а поскольку мне известно по отношению Самаро-Златоустовской линии помощь Меллер-Закомельского—могли прибыть сюда скоро, но во всяком случае она не будет излишнею, так как и по роспуске запасных наш корпус до прихода стрелковой дивизии, ввиду ожидающегося при-

бытия новобранцев после подавления мятежа, будет едва достаточен для охранения дороги и порядка, если только что состоявшееся объявление на военном положении не искоренит нестерпимое положение. Закончив эту депешу, только что получил из Красноярска депешу вице-губернатора, что он получил мои указания, объявил на военном положении и что 28 декабря прибыли пять эшелонов красноярцев с генералом Левестамом, который приступил к подавлению мятежа, окружив мастерские, в коих собрались железнодорожный баталион и вооруженные рабочие. О результатах будет доложено. Прочие причины будто бы бездействия мною неоднократно с полною откровенностью выяснились в ряде депеш, содержание которых, полагаю, удостоивались счастия быть всеподданнейше докладываемыми.

Генерал-лейтенант *Сухотин*».

В деле имеется две телеграммы начальника Сибирской ж. д., рисующие положение дел в Красноярске в момент ликвидации там вооруженной попытки рабочих депо оказать противодействие сорганизовавшейся контр-революции. Телеграмма из Красноярска послана 6 января:

«Сегодня утром прибыл на ст. Красноярск и подробно осмотрел территорию мастерских депо и главного склада. Мастерские во многих местах забаррикадированы, много поломок, расхищено много инструмента, но крупных разрушений нет. Контора цехов и мастерских совершенно разгромлена, масса бумаг, книг и документов уничтожены, денежные сундуки и шкаф разломан; та же участь постигла школу, общежитие, театр мастерских; кто произвел эти разрушения — революционеры или солдаты,—трудно добиться. Депо работает, а в мастерских идет уборка, отогревание замороженного водопровода, котлов и проч. Все можно привести в порядок не ранее двух недель. Мятежники сдались около часу дня 4 января, при чем арестовано 470 человек вольных и солдат, в числе их наших мастерских до 200; имел беседу с временным красноярским генерал-губернатором Редько. Начальник края генерал Сухотин удалил от должности начальника участка пути Красноярск инженера Бюберга и врача ст. Татарская Бердникова; я нашел нужным уволить от службы своею властью начальника ст. Красноярск Панкратьева, врача Пальмова и 2 телеграфистов. Во время четырехдневной осады было охлаждено 20 паровозов, из коих 5 уже отогреты. После осмотра ст. имел беседу с начальствующими, коим в энергичной речи выразил требование состоять в строгом подчинении долгу службы, что разъяснить подчиненным. Навстречу генералу Закомельскому выслал помощника.

Ивановский».

Телеграмма со ст. Иланской послана 8 января:

«Сегодня прибыл на ст. Иланскую,—второй революционный очаг, после Красноярска. Здесь была главная закупорка

движения; подробно осмотрено депо и лично наблюдено за подачей паровозов под воинские поезда; найдено 39 охлажденных паровозов по неимению угля и сделано указание по восстановлению порядка в депо; имел обычную беседу с местным начальством и начальником края; организован летучий отряд—поезд для усмирения бастующих запасных и арестования железнодорожных агитаторов; сегодня в Иланской арестовано 15 мастеровых и машинистов и 3 телеграфиста; отряд двинулся дальше до Иркутска; налаживаем доставку угля на восточный участок и движение груженных на восток; покупаю партию угля в новом пункте у ст. Заозерная.

После удаления агитаторов предъявляю ультиматум по всей линии о 9-часовом рабочем дне в мастерских и депо; еду далее до Иркутска.

Ивановский».

Любопытна посланная одновременно с вышеприведенными телеграммами Ивановского депеша Меллер-Закомельского на имя м-ра внутренних дел:

«Вновь назначенный начальник Сибирской дороги позволял себе заявлять служащим, что он никого увольнять не будет, хотя бы о том просило их ближайшее начальство. Его деятельность, как начальника Екатерининской и Закавказской дороги, достаточно известна с отрицательной стороны. Желательно немедленное его увольнение. Сибирская дорога в беспорядке, рабочие в Челябинске ввели самовольно 8-часовой день; рядом самаро-златоустовские работают девять часов. Необходимо уволить начальника участка тяги Сибирской Крупышева. Желательно увольнение служащих в районе Челябинского отделения, агитаторов забастовок: Кронида Тульникова, Федора Егорова, Фому Поплавского, Семена Осокина, Романа Пивкина, Ивана Роголева, Федора Дубовицкого; арестование Моисея Ицковича, студента практиканта Леонида Селихова, Виктора Пороховщикова, Михаила Янина и его жены, Ивана Машинского, Лаврентия Белышева, Петра Князева, Владимира Маржиевского, Александра Шулова, Степана Струнина, Виктора Ломовского, Александра Агаркова, Петра Монкевича, Федора Журина, Александра Воровских, Михаила Калинина, Павла Вержбицкого, Василия Пермякова, Федора Дубовицкого, Станислава Соболевского, Ольги Гирш. Особый железнодорожный комитет на Сибирской дороге не установлен».

14 января «доложена его величеству» следующая телеграмма Ренненкампфа военному министру:

«Прибыл на станцию Маньчжурия, приступил к исполнению возложенной обязанности.

Ренненкампф».

О действиях М.-Закомельского в Сибири сведений в деле почти не имеется. Есть только победная телеграмма его на имя царя от 22 января о взятии Читы:

«Чита сдалась без боя. Еду обратно.

Генерал *Меллер-Закомельский».*

Ренненкампф «усмирял» Сибирь с Дальнего Востока, Меллер-Закомельский — от Челябинска, а в центральной Сибири власть оставалась в руках командующего войсками Сибирского военного округа ген. Сухотина. Столкновение между этими генералами было неизбежно. Приводим документы, рисующие это столкновение.

26 января ген. Сухотин телеграфирует о действиях Ренненкампфа и Меллер-Закомельского военному министру для доклада царю следующее:

«Считаю долгом сообщить копию депеши, которую я вынужден был послать Ренненкампфу, помимо меня своими распоряжениями от 12 января внесшего невероятную смуту в устанавливающийся порядок, не будучи ориентирован в крутой перемене обстановки и находясь за несколько тысяч верст. К сожалению, такое же нарушение порядка службы дозволяет себе барон Меллер-Закомельский, не посвящающий в свою деятельность.

Текст депеши:

«Чита, генералу Ренненкампфу. В депеше от 14 декабря от Высочайшего Имени о возложенной на Вас высокой задаче, переданной через меня, посланной с нарочным, было определенно указано, что Ваша деятельность должна быть согласована с деятельностью главного начальника Сибирского военного округа. А с того времени был принят ряд важных мер: вся культурная часть Сибири, прорезываемая железною дорогою, объявлена на военном положении и в развитие и дополнение указов 12 февраля 1904 года, предоставлявших командующему войсками Сибирского округа права командующего армией, в частности права отмены распоряжений временных генерал-губернаторов. Новое положение дел, прибытие четвертого Сибирского корпуса на охрану порядка в стране дали мне возможность в начале января привести Сибирь—пока хотя внешним образом—в порядок и водворить спокойствие, арестовавши все стачечные комитеты и восстановивши функционирование правительственных властей. Не получая никаких сообщений от Вас, я не мог вступить в сношение с Вами. Наконец, получивши депешу № 4 с просьбою о присылке суда в Читу, депешей 23 января, № 132, я Вам подробно обрисовал истинное положение дел к этому времени, из коего Вы могли заключить, что в непосредственной Вашей помощи, пока Вы, водворяя порядок в Забайкалье, не приблизитесь к пределам округа, Сибирь не нуждается. Между тем Вы, не снесясь предварительно со мною, как то указано в Высочайшем повелении от 14 декабря депешами 12 января, 22 января, помимо меня, разослали по Сибири ряд приказаний, указаний, по существу составляющих анахронизм, ибо многое, если не все, давно приведено в исполнение в силу 23 декабря объявленного военного положения и Высочайшего доверия ко мне. Предоставляю Вам судить, какое впечатление все это произвело во всем крае, тем более, что край знал, что я—Государем поставленный здесь ответственный начальник. Сообщая Вашему Превосходительству о вышеизложенном, присовокупляю, что я по Сибирскому округу распоряжения Ваши об отчетности перед Вами, а равно и несоответственные моим приказаниям при-

остановил в исполнении, напомнив, что в Сибирском округе по закону и Государем мне предоставленными полномочиями никто не может быть начальником, кроме меня одного, а на будущее время прошу Вас об одном: установить связь только со мной одним и помимо меня не сноситься ни с одним из мне подчиненных органов, не исключая временных генерал-губернаторов. Очень сожалею, что первою депешею Вашею из Маньчжурии от 12 января была не депеша ко мне о Вашей готовности начать действия по решению важной задачи, а приказ № 1 от 7 января из Харбина, помимо меня по всей Сибири, смутивший моих подчиненных и край и поставивший всех в недоумение, так как к этому времени ликвидация беспорядка, внесенного изменой и одиночными явлениями мятежа, уже была закончена».

В деле имеется и ответ Ренненкампфа на эту телеграмму:

«Войти в связь с Вами представилось возможным лишь двенадцатого января. До того, как Вам известно, телеграф бездействовал. Никаких сведений о Ваших полномочиях и распоряжениях я не знал и знать не мог... Вот причина, по которой отдал свой приказ, а передачей приказов фактически было открыто телеграфное действие по правительственному телеграфу с Читой и далее на Западе и по железнодорожному по всему Забайкалью. Что Вы уже справились во вверенных Вам губерниях с революционным движением, совершенно не знал, слухи были обратные. С Вами снестись условиться предполагаю по приближении к Вашему району, да и проще было уведомить меня о сделанных Вами распоряжениях, чем ожидать моих, тем более о моем назначении Вы знали раньше меня, узнавшего 29 декабря по телеграмме через Шанхай. Мои распоряжения касаются только всего находящегося на линии железной дороги, а эта область, насколько я понимаю возложенное на меня поручение, подчиняется мне. Сожалею более, чем Вы, что мои приказы могли вызвать недоразумения Ваших подчиненных. Во всяком случае далек был от желания подорвать Ваш авторитет или умалить власть, стремлюсь к совершенно обратному. Без разграничения сфер нашей деятельности неминуемо будем сталкиваться, будут происходить недоразумения, что не желательно, для дела более, чем вредно. Судя по тону Вашей телеграммы, Вы усматриваете с моей стороны действия, нарушающие Ваши права, мешающие Вашим действиям. Если это не так, то до выяснения возникших недоразумений не было надобности беспокоить Его Величество докладом о случайно возникших недоразумениях, легко устранимых и вообще легко возникающих в таком большом, страшно сложном деле. Прошу уведомить, какая программа выработана Вами для совместных действий с генералом Меллером. Появление его для меня также вполне неожиданно, полномочия и взаимоотношения до сих пор не выяснены. Генерал Палицин уведомил меня, что Меллер уже отозван в Челябинск. Настоящую телеграмму сообщаю генералам Палицину и Редигеру. Наднях буду в Иркутске».

Ренненкампф.

В телеграмме уже сообщается об отозвании Меллер-Закомельского.

На телеграмме имеется надпись Редигера:

«Доложено Его Величеству. Ген. Ренненкампфу повелено ограничиться районом восточнее Байкала 28 января 1906 г. Повеление это сообщено для передачи ген.-лейт. Палицину.

Редигер».

В заключение приводим один документ: шифрованную телеграмму Меллер-Закомельского на имя царя о «восстановлении порядка на Сибирской и Забайкальской ж. д.

Телеграмма отправлена с походного телеграфа Меллер-Закомельского 31 января:

«3 февраля прибуду в Челябинск. Испрашиваю разрешения Вашего Величества вернуться в Петербург. На Сибирской и Забайкальской дорогах до Читы восстановлен порядок; грузы, теплушки начали двигаться на восток. Паровозы отогреваются и исправляются, уголь подвозиться. Революционные элементы дороги устраняются, арестуются, увольняются, часть бежала. Дорога охраняется надежными войсками 4-го Сибирского корпуса. Желательно скорейшее прибытие из армии еще одной дивизии для усиления гарнизонов Иркутска, Красноярска и Томска, где много революционеров. Вверенный мне отряд просит всеподданнейше ходатайствовать иметь счастие представиться Вашему Величеству в Царском Селе. Осчастливьте разрешением проехать из Москвы в Варшаву через Петербург.

Меллер-Закомельский».

На телеграмме имеется справка:

«Отряду генерала бар. Меллера-Закомельского Высочайше разрешено прибыть в Царское Село и представиться Его Императорскому Величеству. Отряд прибывает в Царское Село сегодня 6-го февраля. Смотр назначен 9-го февраля, в четверг, вместе с л.-гв. Павловским полком».

Генерал-майор *Марков*. 6 февраля 1906 года.

Сообщил *В. М.*

Из переписки лейтенанта Шмидта.

В настоящее время подготовляется к печати переписка лейтенанта Шмидта, сыгравшего значительную роль в революционном движении 1905 г. на юге России и трагически закончившего свою непродолжительную революционную деятельность на острове Березань в марте 1906 г. По приговору военно-морского суда, его расстреляли вместе с тремя матросами, участниками восстания на «Очакове».

Подготовляемые к печати письма адресованы З. И. Р., почти единственному человеку, с которым Шмидт переписывался в последний период своей жизни, начиная с июня 1905 г., кончая днем конфирмации смертного приговора. З. И. Р. в виде исключения были разрешены свидания с Шмидтом во время заключения его в каземате Очаковской крепости и в дни суда. В своих письмах Шмидт говорит обо всем: о своих политических взглядах, своем образе жизни, прошлом, отношении к людям, семье, событиям текущего дня. Интимный характер переписки заставляет особенно внимательно и бережно отнестись к этому чрезвычайно ценному человеческому документу.

Пользуясь любезным разрешением З. И. Р., мы в «Красном Архиве» публикуем несколько отрывков из этой переписки, главным образом, относящихся непосредственно к революционным событиям октябрьских и ноябрьских дней 1905 г. Приводимые нами отрывки особенно интересны для характеристики политических взглядов их автора. В одном месте он выступает в качестве социал-революционера, в другом—клянется в своей преданности интересам рабочего класса, в третьем—мечтает о свидании с Милюковым. Его известная телеграмма к царю [1]) в момент восстания носит определенно монархический характер. Все это на фоне потрясающих, трагических событий, в центре которых был Шмидт, дает чрезвычайно интересный, своеобразный в психологическом отношении материал для биографа.

Первое письмо, от 5 октября, приводимое нами, написано перед октябрьской забастовкой. Оно рисует отношение Шмидта к земцам (С. Трубецкому) и социалистам-революционерам. Второе письмо написано 19 октября, непосредственно под впечатлением октябрьских событий. В этом письме Шмидт высказывает опасения, что будет арестован. Следующие два письма без дат написаны уже после первого ареста 20 октября. Последние три письма, первое из которых помечено «Очаковская крепость», написаны в каземате крепости, куда Шмидт был заключен после восстания на «Очакове». 11 ноября Шмидт был освобожден после первого ареста, а уже 15 ноября он принял командование восставшим Черноморским флотом. Письмо от 30 ноября написано на сером клочке бумаги, карандашом, нервным почерком, носит все следы тюремного происхождения. В дальнейшем письма имеют обычный вид—стража разрешила Шмидту иметь письменные принадлежности. Из писем мы опускаем все, имеющее личный, интимный характер.

---

[1]) Телеграмма царю гласит: «Славный Черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует от вас, Государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и не повинуется больше Вашим министрам».

5 октября.

Только что оделся, теперь $5^1/_2$ ч. утра, светает. Открыл окно, тихо, свежо. Пишу при лампе. Доброго утра, З. И...

...Перейдем теперь к неличным разговорам. Смерть Куперника[1]), смерть Трубецкого[2]). Горе большое, народное.

Жизнь Куперника забудется, как забывается жизнь всех крупных работников, если волна истории не выносит их случайно на высокий свой гребень, откуда их видит весь народ.

Трубецкой был вынесен такой волной, и народ его увидел. История поэтому не забудет его. Работа того и другого была очень нужна и плодотворна, но движение не создается отдельными центральными личностями. Личности создаются движением. Волна катится могучая и, если сорвано ветром несколько алмазных капель с гребня ее, от этого ее бег не приостанавливается и не замедляется. Для настоящего момента смерть их—народное горе, но горе это не может затормозить бега истории н и н а с д и н м о м е н т [3]). Экономические, политические и психические факторы создают революции, и непобедимо их взаимодействие, когда они достигли высокого напряжения, нет им преград, нет возможности учитывать значение той или другой личности, так мало оно. Горе большое—значение его ничтожно.

Вот мое мнение. Но как бы мало ни было значение единичных работников, если мы рассматриваем их по отношению к коллективным народным силам, мы все-таки можем и должны пристально всматриваться в их работу, потому что самые стихийные силы есть суммированные силы отдельных лиц. С этой стороны я склонен думать, что деятельность Трубецкого и его партии (земск. и гор. деят.) сыграла всю свою роль и теперь осталась позади движения. «Все, что мог, то уже совершил» Трубецкой. Его партия, сыгравшая один момент роль лидера движения, должна сойти с круга, так как близок момент, когда координирование социалистических партий с конституционными станет ненужным и невозможным. Социалисты скоро встретят в земской партии одну из самых сильных преград. Роль земцев приходит к концу, и смерть Трубецкого пришла во-время, она освободила его от душевных мук сознания, что ты, шедший впереди, остался позади движения. Смерть Куперника в этом смысле есть бо̀льшая потеря. Его работа была нужна все время, и он оставался бы впереди движения еще долго. Трудно мне в размере письма доказать вам, как обоснован этот мой взгляд. Он исходит из всего моего политического «credo».

Я не могу, я не хочу работать без вас. Поймите, что мне нужно перед вами одной за всю мою жизнь высказать все мои мысли, всю мою программу общественной работы той партии, которую должен был создать я, если бы не уродство моей жизни. Я верю в себя, верю в способность свою к правильному пониманию группировки общественных сил, к отвлеченному решению социологических проблемм, сам Михайловский утвердил меня в этом, признав за мной в нашей переписке и остроту анализа, и широту обобщения. Я всю жизнь, оставаясь социалистом, не мог присоединиться всецело ни к одной партии, видя,

что в лучшем случае (партия социалист.-революционеров), при правильной программе, агитация ведется п р е с т у п н о , неправильно. Я страдал, я видел ясно лишнюю, ненужную кровь, которая льется от идиотских приемов пропаганды.

И я остался один, без партии, как остался Гапон [4]). Я работал один среди моряков-матросов, сеял то, во что верил. Сам писал, печатал, сам распространял. Я не мог участвовать в органах мне чуждых. Я написал несколько статей в «Революц. России» [5]), но потом не мог, гадко, нечестно, потому только, что неправильно поняты рациональные пути к перевороту.

Теперь, когда народные массы начинают высказываться (крестьянский союз), теперь я вижу, как безошибочно прав был я, как вкривь и вкось работали наши социалисты и как непоправимы ошибки их работы.

Теперь я ничего не пишу и не делаю (лекции—не дело) потому, что не могу работать в темную... Мечтаю... съездить в Москву. Переговорить надо с Милюковым. Писать не могу. Понамарев [6]) пишет, что мои статьи редакционные невозможно стало помещать, что я не хочу ни с чем считаться, а я не могу считаться и бросил «Сын Отечества»: очень уж они стали осторожны, не по нас.

Жму вашу руку. Надо отправлять письмо, поздно.

Ваш *Шмидт.*

---

19 октября, ночью.

... Здравствуйте, свободная гражданка. Я жил эти дни так, как не удается жить никому, никогда. Горел, состарелся на 5 лет за эти 5 дней, но я сдвинул ту гору, которую вы говорили—мне не сдвинуть никогда. Я сделал большое дело... Известность моя в Севастополе была завоевана мною в 4 дня. И сегодня Дума постановила меня чествовать, «ура» от населения в конце своего заседания. Когда я еду по городу, то мне там и сям кучки народа кричат: «Да здравствует Шмидт»...

С 15 числа, когда я перестал писать вам, я остановил пароходное движение только силой несчетного количества писем, которые отправлял в Одессу. Весь ум, весь талант, вся сила слова, порожденная важностью минуты, ушли на эти письма к матросам, и они забастовали. Это увеличило страшный паралич охватившей Россию революции—забастовки.

Накануне дарованной свободы я устроил первый в Севастополе митинг, где изложил местной интеллигенции значение и исход «великой российской забастовки», как назвал я ее. Успех имел мой доклад дружный.

В день телеграммы о свободе мною был назначен 2-й митинг, где я должен был говорить об избират. праве, приготовился.

Телеграмма пришла в 5 вечера, и вместо приготовленного доклада мне пришлось говорить на многотысячном митинге для народа. Я

говорил о том, кто и как завоевал свободу и кто и как может ею воспользоваться, если мы, рабочие, не доведем своих требований до конца.

Вечером в тот же день говорил на митинге для интеллигенции. Ночь провел с народом у здания тюрьмы, требуя освободить политических и останавливая народ от разрушения тюрьмы. Мне обещали освободить через $^1/_2$ часа и вместо освобождения дали в нас залп. Убитых 3, тяжел. ранен. 18, до 40 легко. В нас стреляли в день свободы без предупреждения. В ту же ночь я собрал экстренное заседание гласных. Редактировал телеграммы с протестами от разных слоев населения. Заседал в Думе на правах гласного 18 часов под-ряд и превратил этих толстопузых флегматиков в протестующих борцов. На другое утро на митинге народном я был выбран в числе других представителем от народа для участия в работах Думы. За эти дни сделано все: город освобожден от войск (я потребовал, чтобы вся Дума полным составом шла за мной к коменданту крепости ставить ему требования), вместо войск ходят по городу патрули из рабочих (народная охрана), казака ни одного. На стенах Думы, этой смиренной рабыни, по моему требованию, поддержанному всем народом, будет повешен на вечные времена пергамент с надписью, гласящей, что такие-то начальствующие лица совершили гнусное убийство свободных граждан, и что Дума постановила оставить потомкам их деяние, чтобы заклеймить на вечные времена имена убийц и показать, как карают свободные граждане тех, кто посягает на их неприкосновенность. Истребовано освобождение матросов «Потемкина» [7]), удаление полицеймейстера, постановлен бойкот директора гимназии. Ко мне ходят соединенные депутации всех учебных заведений для подачи своих петиций. Поднимался вопрос выбрать меня временным представителем города. Я отказался и просил прежнего голову продолжать работать со мною. Все знания и подготовка многих лет выливаются теперь в силе убежденного слова, и я прослыл за любимого оратора в городе...

... Если я не буду предан военному суду за политические убеждения, явно мною выражаемые и подрывающие невольно доверие народа к моему прямому военному начальству, то, конечно, после всего пережитого приеду к вам...

...Думаю, что ошеломленное начальство побоиться арестовать меня, так как слишком велика власть народа в эти дни и велика моя популярность в городе. Если и это был фейерверк, то он принес много пользы. Если же арестуют на долго, то приезжайте вы. Не спал 3 дня. Устал.

Целую вашу руку.

Ваш *Шмидт.*

Письмо без даты.

По газетам я узнал, что теперь вышел из печати 2-й том сочин. Лассаля. Я еще его не покупал. Если у вас есть деньги то купите, а если денег нет, то возьмите в книжн. магазине сестры в долг, а потом мы заплатим, и переплетите его тоже.

Знаете, кто я теперь такой? Я—пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. «Пожизненный». Этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю до гроба. Вот какую великую честь они сделали мне. Я должен это ценить вдвое, потому что что̀ может быть более чуждым, как офицер для рабочих? А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга и носителя их нужд на всю жизнь. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете.

Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих.

О, я сумею умереть за них. Сумею душу свою положить за них. И ни один из них никогда, ни они, ни их дети не пожалеют, что дали мне это звание.

Я просил Женю тогда же телеграфировать вам об этом, я знал, что вы поймете мою великую счастливую радость.

Как это вышло странно; первые дни относительной свободы как переменили группировку лиц.

Думал ли кто-нибудь из севастопольского «общества», что между ними ходит офицер—депутат рабочих. Выборы меня в это звание произошли торжественно на общем народном митинге на нашем нарядном бульваре.

Вообразите ужас моих адмиралов. Между ними в морском собрании жил офицер, который оказался самым сердцем крамолы, самым лютым агитатором. Его знали много тысяч рабочих, но не знали только адмиралы и жандармы. Понятно теперь их желание казнить меня. Бессильная злоба. За всю прошлую пропаганду я не подсуден—амнистия. Мне и весело, и торжествую я, и смешна мне их жалкая бессильная злоба. И я до сих пор не мог выйти на эстраду (у нас ораторы говорят с эстрады оркестра), чтобы благодарить своих друзей-рабочих. Скорей свободы, дайте мне свободы. Как много мне надо сказать рабочим неотложного, нужного.

Письмо без даты и без начала.

...Обидно... быть оторванным от жизни в тот момент, когда она забила могучим ключом. Ничего, наверстаю. Еще к вам в Киев приеду читать для рабочих на каком-нибудь митинге. Здесь уж я назначил митинг на завтра в Народном доме. Должен был читать о том, «как стали мы свободны» и «как свободу можно теперь отнять у нас». Потом второй раз хотел читать, «как рабочий для других бастовал, если не добьется всеобщего избирательного права». Тем у меня сколько угодно,

и с ними легко, готовиться не приходится. Говорить приходится все такие простые истины, а эти-то простые истины нужней всего теперь рабочим знать. А теперь вместо митинга сижу и свищу в кулак.— Боюсь, что в городе без меня начнутся погромы евреев. Наша полиция употребляет к тому все усилия, чтобы доказать, что город не может существовать без войск ни минуты. Они теперь выписали босяков из Симферополя, но сильна партия сознательных рабочих у нас в городе и громить не дадут, пока праздники и пока рабочие сами охраняют спокойствие. Вот, когда начнутся работы и рабочие будут заняты, тогда положение опасней.—Странное чувство—итти по улице с ружейным конвоем, особенно офицеру. Знаете, мне было даже очень весело, точно орден получил, как подумал, сколько людей ходило под конвоем, да таких людей, которым я не достоин ремня на ногах подвязать. Шел пустынным местом, встречных было мало, но кто встречался, изумленно открывал глаза, осматривал меня, точно убийцу. Еще одно новое ощущение неиспытанное: солдатики как-то жались от меня конфузливо, чуткие души. Целую вашу руку...

Ваш *Шмидт.*

---

21 октября.

Не странно ли, дорогая, что я, всю свою жизнь ни от кого не скрывавший своих политических убеждений и старавшийся всеми силами распространять их, как мог и умел, оставался целым в долгие годы, когда личность русского человека была прикосновенна для кого угодно, а теперь, когда объявлена «действительная неприкосновенность личности», я арестован, схвачен, заманен обманом в штаб флота, без допроса, без следствия, без объявления мне, за что меня арестуют, заманен невинной бумагой, по которой меня приглашают немедленно явиться, затем уловлен под конвой и под конвоем, как вор или мошенник, отправлен для содержания под стражей на броненосец «Три Святителя», где и обитаю теперь. Мне ничего неизвестно, за что и надолго ли. Думаю, что за мое надгробное слово при похоронах убитых, о которых я вам писал. Не знаю, появится ли это мое «слово» в печати, но в жизни города оно действительно было очень заметным явлением. На братской могиле я, под влиянием непоправимого несчастия смерти ни в чем неповинных людей, взял многотысячную толпу словом и привел ее к клятве быть верной тем ближайшим задачам, которые стоят теперь, по моим убеждениям, первыми и неотложными в жизни России. На могиле был весь город (кроме военных) не менее 40.000 людей. Первым говорил прекрасно городской голова, вторым я. Это был экстаз вдохновения. Я сам не узнавал своего голоса, он стал каким-то твердым и не моим. Когда я кончил, и народ повторял за мной, как загипнотизированный, свое могучее народное «клянусь», меня обнимали и целовали совершенно незнакомые люди, интеллигенты и рабочие. Один адвокат сказал мне: «Вы трибун, за вами пойдут сотни тысяч людей». А теперь этот «трибун» сидит в железной коробке совершенно без окон и стекол, круглые сутки с электричеством. Меня прямо сме-

шит мое положение, ведь, право, курьезное. По моей коробке, в которой сижу, можно сделать только два шага. Чтобы не задохнуться, воздуха мне накачивается через трубу. Есть койка, стол и умывальник. Позволили послать за вещами, и сынишка по моему списку самых необходимых вещей прислал мне ваш портрет. Я с вами. Писать могу, а отправлять надо через цензуру, сначала читают, а потом посылают. Дойдет ли, не знаю.

Очаковская крепость. 30 ноября.

...Сегодня прошло 2 недели, как я нахожусь под стражей и я не имел за все это время ни одного известия о вас. Здоровы ли вы. Я успел уже два раза через добрых людей сообщить вам, что я жив, а теперь и совершенно здоров и счастлив. Счастлив, как никогда в жизни, потому что только теперь могу умереть с глубоким сознанием исполненного долга. Мне часто думается, что Россия не позволит меня предать смертной казни, но, право, я думаю, что моя смертная казнь была бы полезней для погибающего народа, чем моя жизнь. Моя смерть подняла бы десятки тысяч новых борцов, тоже готовых отдать с восторгом свою жизнь за освобождение замученного народа; может быть, моя смерть подняла бы новую небывалую волну народного негодования и явилась бы причиной окончательной победы народа над гнетом преступных опричников. Эти мысли постоянно занимают меня, и я пойду на смерть спокойно и радостно, как спокойно и радостно стоял на «Очакове» под этим небывалым в истории войн градом артиллерийского огня. Я покинул «Очаков» тогда, когда его охватил пожар, и на нем уже нечего было делать, некого было удерживать от панического страха, некого было успокаивать. Странные люди! Как они все боялись смерти. Я много говорил им, что нам смерть не страшна потому, что с нами «правда», но они не чувствовали этого так глубоко, как я, а потому и дали овладеть собою животному страху смерти, а ведь это были очень смелые люди. Я понял только теперь, что истинная храбрость может явиться только от глубокой веры в правду дела, которое защищаешь. Эта вера сделала меня неустрашимым, а все эти испуганные люди с обезображенными от ужаса лицами казались мне просто детьми. Не верьте официальным донесениям, что я бежал в матросском платье [8]). Это ложь. Я бросился в воду голый тогда, когда «Очаков» горел и когда нечего на нем было делать. Переплыл на миноносец, где был Женя [9]), но миноносец тоже подбили артиллерией, и нас взяли в плен, тогда на мое голое тело накинул кто-то матросскую шинель, но я не унизился бы до маскарада...

...Здесь помещение хорошее, кормят хорошо, только не дают переписываться ни с кем. Нашу переписку устроил один добрый человек. Пишите мне немедленно о своем здоровье и о том, что вы любите меня, письмо от вас мне очень и очень нужно. На конверте пишите следующий адрес: г. Очаков. Г-ну Гороховскому для передачи Алейникову, и больше на конверте ни одного слова, тогда письмо передадут мне.

Когда Женя выйдет на свободу, то он начнет хлопотать через К. Р. [10]) о том, чтобы вас допустили видеть меня. У К. Р. большие связи с властями в Одессе. Женя вам тогда напишет. Разрешить видеть меня может только команд. войсками барон Каульбарс, а он хорош с К. Р., пока же и ее не допускают...

П. Шмидт.

23-го декабря.

...Третьего дня у меня была следственная комиссия и объявила мне, что следствие по моему делу окончено уже. Видишь, как меня торопят, мое дело нарочно выделили из общего дела, чтобы ускорить. Вероятно, из Петербурга приказано повесить меня скорее, чтобы другим не было повадно. Я стоял во главе движения целого флота, и нужно было бы опросить массу лиц, а они выделяют меня в дело «Очакова»,—крейсера, на котором я был, и теперь уж приступлено к составлению обвинительного акта. Прокурор, который будет составлять акт, обещал мне допустить тебя до свидания со мною, и я мечтаю все о том, что ты приедешь в «Очаков» и, поселившись здесь на несколько дней, облегчишь мне последние дни [11]).

Мне будет поставлено обвинение по 100-й и 109-й статьям [12]); по каждой в отдельности полагается смертная казнь, итого: они мечтают меня повесить два раза в назидание потомству. Такое двукратное вешание было бы очень достойно правительства Витте и Дурново; ординарные казни не погасили революции, не помогут ли двойные?

Вешать и глупо и бесчеловечно, кто выдумал такую операцию? Что может быть более позорного, конечно, не для того, кого вешают, а для того, кто вешает? Свою смерть считаю очень плодотворной в смысле революционирования России. Верю в то, что моя казнь вызовет лишнюю волну народного протеста в его конвульсивной, кровавой борьбе с преступной властью. Знаю, что умереть сумею, не смалодушничаю. Буду думать в минуты казни о Жене и о тебе...

...Я первое время твердо решил отказаться от защиты и защищаться сам. Прокурор третьего дня привез мне письмо от Аси [13]), где она пишет, что союз адвокатов предложил защищать меня, приедут такие звезды первой величины, как Грузенберг и Зарудный [14]); приедут и другие для собирания материалов. Из этого я заключил, что велика общественная симпатия ко мне и что «союз» хочет двинуть всю свою тяжелую артиллерию для того, чтобы вырвать меня из пасти крокодила. Я принял защиту с благодарностью и вот почему раздумал. Ведь со мной на скамье подсудимых будет много скромных героев народного дела, матросов: защищая меня, эти таланты адвокатуры станут невольно защитниками моих товарищей-матросов, а этих несчастных я не имею права лишать такой сильной защиты. Надежды на их защиту в смысле успеха у меня нет никакой. Помнишь, сколько раз эти страстные усилия наших честнейших, талантливейших юристов разбивались о холод гуттаперчевых сердец и тупых мыслей военного суда, а с военно-морским судом еще безнадежнее стоит дело. Тут ведь

будут судить меня враги, фактические враги по бою 15-го ноября [15],— враги, которые уж доказали мне, как много в них низменной мстительности, доказали мне, как они жестоки, когда я был у них в руках, почти без сознания, от долгого пребывания в ледяной воде и раненый. Эти офицеры флота никогда моим уважением не пользовались, но после их истязаний (потому, что их обращение со мной было равносильно истязанию) я глубоко презираю их. И они-то будут судить меня. О, суд скорый и неправый! когда же русский народ сотрет тебя с лица нашей истощенной земли? Скоро, скоро, молодая, сильная, счастливая Россия вздохнет свободно и не забудет всех нас, отдавших ей свои жизни.

Я не даром прожил, Зина, я тоже внес свою лепту в народное дело. Я дал лишнюю волну протеста, осмыслил его своим руководством, хотя сознавал его несвоевременность, но это не от меня зависело. В руках у меня оказалась стихийная сила, и я оказался не в силах сдержать ее, хотя употреблял к тому все усилия, а если не удалось сдержать ее, то моей обязанностью было дать этой силе направление на пользу общему делу. Сегодня кончаю писать, устал, отвык писать много. Завтра буду писать опять.

Зиночка, я сегодня сильно просил жандарм. офицера Полянского [16] отправить тебе телеграмму (на 100 слов ответ), может быть, он сделает это, тогда я получу от тебя завтра ответ. Это будет великим счастьем для меня и настоящим святым рождественским подарком...

Шмидт.

---

24 декабря. Сочельник.

...Сегодня мысли о тебе смешались с мыслями о далеком детстве, о сочельниках, которые мы с мамочкой проводили детьми. И любовь к тебе, и детские сочельники, это все смешивалось в одно детское чистое чувство; к этому присоединялось еще что-то новое, что поселилось у меня в душе и чего я не могу объяснить тебе, это новое—это какое-то проникшее все мое существо сознание, что я исполнил долг свой, тоже отдал душу свою за други своя. Это сознание как-то успокоило и устранило мои прежние муки за народ; оно внесло какое-то спокойствие, и нет теперь в моей душе прежней бури негодования, а, напротив, полное примирение с тем, что этими народными муками покупается счастье грядущих поколений. Веры в победу революции во мне всегда было много, но теперь эта вера как-то особенно тверда во мне и спокойна. Пусть идут и умирают другие, «пусть преступная власть уничтожит пол нашего поколения», «это только упрочит то счастье России, которое будет завоевано». «Чем тяжелее народу достаются его священные права, тем лучше. Он сумеет сохранить их навсегда и не позволит преступной власти посягать на них. Да здравствует же грядущая, молодая, свободная, счастливая, социалистическая Россия. Да здравствует Учредительное Собрание! Оно одно выльет в свободное русло законодательства те наболевшие нужды, которые имеют святое право на удовлетворение, оно одно, как неж-

ная мать, подойдет к истекающему кровью измученному народу и залечит его вековые раны. Оно одно откроет пути счастья изнемогающему пролетариату всего культурного мира. Да здравствует же тяжелая борьба трудового люда за право на жизнь, свободу и счастье, да здравствует великая русская социалистическая революция». Этими приблизительно словами я закончил свою длинную речь на последнем митинге 13 ноября в Севастополе. Знаешь, Зина, меня чуть не разорвала толпа от восторга; мне кто-то из рабочих целовал руки, и я обнимал их всех. Я говорил на этом митинге очень долго, нарисовал рабочим всю историю нашей русской борьбы за народное счастье, умолял, заклинал, громил их за малодушие и доказал им необходимость бросить все экономические требования и перейти к исключительно политическим забастовкам с требованием Учредительного Собрания, при чем, конечно, соединить свои действия с центральными советами рабочих в столицах и со стачечными комитетами железных дорог. Я этою речью прощался со своими севастопольскими рабочими, чтобы уехать на другой день с тою же пропагандою в Одессу к коммерческим матросам, а оттуда к тебе, отдохнуть около тебя. Я мечтал после Киева объехать и другие фабричные районы. И вот в тот же день пришли матросы флота с решением, что они выбрали меня своим вожаком. Я измучился в усильях доказать им несвоевременность такого, не связанного со всей Россией матросского мятежа, но они, как стихия, как толпа, не могли уже отступать, так как много уже беды натворили под влиянием социал-демократов, бессмысленно поднявших их на преждевременную, неорганизованную стачку. Бросить этих несчастных матросов я не мог, и я согласился руководить ими только в том случае, если они отбросят все требования, кроме Учредительного Собрания. Поддержать их могла только эскадра, а эскадра далеко еще не была готова к этому. Решено было подождать несколько дней. Но вот 14-го ко мне прибегает депутат матросов и еще разные лица с известием, что Чухнин разоружил броненосцы и что казармы, где собралась мятежная команда, окружают артиллерией, чтобы завтра, 15-го, начать бойню. Тогда я, совершенно сознавая, что все погибло, решил ехать на «Очаков»: открыто поднять эскадру в защиту казарм. В 2 часа дня 14-го я переехал на «Очаков», а к 3 часам дня 15-го уже 10 судов присоединились ко мне и подняли красное знамя свободы, тогда я послал телеграмму Государю и считал, что если теперь и погибнем, то дело сделано, движению мною дан смысл и значение. Потом началась бойня, о которой ты уже, конечно, знаешь из газет. Вот общая картина происшедшего, все это свалилось на меня совершенно негадано, и вот вместо того, чтобы быть около тебя или с тобой в Москве, я сижу в каземате и жду суда с предрешенной смертной казнью. Отчего меня судьба пощадила на «Очакове»? Отчего я не был убит там этим градом артиллерийского огня и пулеметов? Неужели для того, чтобы быть казненным? Это глубоко безобразно. Я знаю, Зина, что я мог принести гораздо больше существенной пользы революции, если бы бросил матросов и уехал, как предпо-

лагал, по фабрикам, но все-таки я ни минуты не сожалею о случившемся. Если каждый из нас будет отворачиваться от дела, думая, что оно недостаточно велико для него, то никто не будет ничего делать. Это самая опасная для дела точка зрения. Знаешь, Зина, если бы меня не торопились бы так быстро судить, если бы суд надо мной состоялся не через месяц, а через 3—4 месяца, у меня была бы бо́льшая надежда на то, что успехи народного движения завоюют к тому времени отмену смертной казни, а, может быть, даже и амнистию, но эта быстрота следствия, это желание торопиться осудить меня отнимают у меня всякую надежду...

П. Шмидт.

Примечания.

[1]) Л. А. Куперник—присяжный поверенный, известный защитник по политическим процессам, выступавший по делу о восстании на судне «Прут». По этому делу из 42-х подсудимых—четверо матросов—Петров, Титов, Черенчи, Бондаренко—были приговорены к смертной казни. Дело рассматривалось в Севастополе, где Шмидт и познакомился с Куперником.

[2]) С. Н. Трубецкой—бывший ректор Московского Университета, один из видных деятелей «Союза Освобождения», участник съездов земских и городских деятелей, член делегации съезда к царю 6 июня 1905 г.

[3]) Подчеркнуто Шмидтом.

[4]) Георгий Гапон—инициатор шествия рабочих 9-го января 1905 г., казненный рабочими в 1906 г., когда был установлен факт сношений Гапона с «охранкой».

[5]) «Революционная Россия»—центральный орган партии социалистов-революционеров.

[6]) Понамарев—повидимому, заведующий провинциальным отделом газеты «Сын Отечества», выходившей в 1905 году.

[7]) «Потемкин»—броненосец, на котором в июле 1905 г. вспыхнуло восстание матросов.

[8]) По официальным сообщениям печати—Шмидт бежал с «Очакова», переодетый в матросское платье.

[9]) Евгений Шмидт—17-летний сын П. П. Шмидта, бывший вместе с отцом в момент восстания и заключенный вместе с ним в каземат Очаковской крепости. Был освобожден в декабре. В 1917 г. Евгений Шмидт участвовал в торжественном перенесении тела казненного Шмидта с острова Березань в Севастополь.

[10]) К. Р.—родственница Шмидта.

[11]) Свидания П. П. Шмидта с З. И. Р. были разрешены 7 января 1906 г. и продолжались до покушения в Севастополе на адмирала Чухнина, после чего Шмидта изолировали от внешнего мира до суда.

[12]) П. П. Шмидту, механику Частнику и матросам Антоненко и Гладкому было предъявлено обвинение по 100 и 109 ст.ст. Уг. Ул.

[13]) Анна Петровна Избаш—сестра Шмидта.

[14]) Защитниками по делу Шмидта выступали Зарудный, Врублевский, Винберг, Балавинский, Александров; прис. пов. Грузенберг приехать не мог.

[15]) 15 ноября—день восстания на «Очакове».

[16]) Полянский был прикомандирован к Шмидту во время его ареста в «Очакове», через него велись сношения Шмидта с внешним миром.

Сообщил *В. М.*

Н. А. Некрасов и цензура.

Официальная переписка по поводу первого издания стихотворений Н. А. Некрасова.

1. Письмо М. Н. Мусина-Пушкина. 2. Секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній.

1.

Съ разрѣшенія цензора С.-Петербургскаго Комитета, Статскаго Совѣтника Бекетова, напечатана нынѣ въ Москвѣ книга «Стихотворенія Н. Некрасова». Многія изъ этихъ стихотвореній, особенно если разсматривать ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ совокупности, обнаруживаютъ предосудительное направленіе мыслей автора, которое не могло не отозваться и въ самомъ дѣлѣ отозвалось, судя по многимъ указаніямъ, въ общественномъ мнѣніи и возбудило удивленіе и неблагопріятные толки. Выборъ содержанія, форма и выраженіе, въ которыя облечены сочувствія и мысли автора, не дозволяютъ причислить этихъ стихотвореній къ разряду литературной сатиры, которая задѣваетъ заблужденія и погрѣшности общества и предаетъ ихъ осмѣянію или добросовѣстной укоризнѣ. Это болѣе грубый, озлобленный и раздражающій, политическій, стихотворный памфлетъ на цѣлое коренное устройство общества и на такія стороны общественнаго быта, которыя въ существующемъ и законномъ нашемъ Государственномъ порядкѣ не подлежатъ литературному обсужденію, а особенно съ тою рѣзкостію и цинизмомъ выраженій, какими запечатлены многіе стихи. Тутъ явно, или въ самыхъ прозрачныхъ намекахъ, лица, принадлежащія къ высшему и зажиточному сословію предаются грубому порицанію и приносятся на жертву сословію бѣдному и низшему: это, такъ сказать, вызовъ къ борьбѣ между различными сторонами общества, возбужденіе страстей, неудовольствія и волненія въ тѣхъ, которые по рожденію своему, по обстоятельствамъ и по общему порядку, вездѣ и во всѣхъ государствахъ существующему, остаются въ нѣкоторыхъ предѣлахъ гражданскаго раздѣленія сословій. Стихотворенія Некрасова, хотя писаны въ формѣ простонародной, но на дѣлѣ совершенно чужды русскому духу: въ нихъ нѣтъ ни теплаго чувства любви, ни доброжелательства, а есть одно сухое и холодное ожесточеніе и

язвительное порицаніе. Они ничто иное, какъ дикіе отголоски чуждаго намъ направленія и особенно той французской литературы, которая свирѣпствовала въ теченіе многихъ лѣтъ и была плодомъ прежнихъ политическихъ и общественныхъ смутъ во Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зародышемъ и задаткомъ новыхъ, которыхъ были мы свидѣтелями. Но теперь и тамъ эта литература пережила свое время и уступила мѣсто другой литературѣ, болѣе стройной и благоразумной въ своихъ началахъ и въ своихъ явленіяхъ. Подражаніе заднимъ числомъ этой литературѣ, уже отжившей, и перенесеніе ее на нашу почву, есть во всякомъ случаѣ дѣло безумія, если не злонамѣренности. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, цензура не должна ей потворствовать и прикрывать уклоненія ея своимъ снисходительнымъ или безсознательнымъ разрѣшеніемъ. Отъ цензуры, конечно, не требуется, чтобы она вездѣ и всегда усиливалась отыскивать предосудительный смыслъ, или во всѣхъ общихъ выраженіяхъ пріискивала предосудительное и обвинительное примѣненіе укореній къ существующему порядку; но между тѣмъ цензура должна быть предусмотрительна, проницательна и догадлива. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Гражданинъ и поэтъ», если не явно и не буквально выражены мысли и желанія предосудительныя, то стихи, каковы, между прочимъ, слѣдующіе, не могутъ казаться даже двусмысленными:

I.

«Въ ночи, которую теперь
Міръ доживаетъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо—
Ты твердо свѣточь свой держалъ;
Но небу было не угодно,
Чтобъ онъ подъ бурей запылалъ,
Путь освѣщая всенародно».

II.

«Иди въ огонь за честь отчизны,
За убѣжденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно—
Умрешь не даромъ, дѣло прочно,
Когда подъ нимъ струится кровь».

И по всему ходу стихотворенія и по самымъ выраженіямъ выписанныхъ здѣсь мѣстъ, явствуетъ, что тутъ идетъ рѣчь не о нравственной борьбѣ, а о политической; что здѣсь говорится не о тѣхъ жертвахъ, которыя каждый гражданинъ обязанъ принести отечеству, а говорится о тѣхъ жертвахъ и опасностяхъ, которыя угрожаютъ гражданину, когда онъ возстаетъ противъ существующаго порядка и готовъ пролить кровь свою въ междуусобной борьбѣ или подъ карою закона.

Между тѣмъ въ сочиненіяхъ Г. Некрасова встрѣчаются такія стихотворенія и такіе стихи, надъ которыми не нужно и призадуматься, чтобы опредѣлить и оцѣнить ихъ точное значеніе. Стоитъ только ихъ прочесть, чтобы убѣдиться, что допускать ихъ до печати не слѣдовало. Таково, между прочимъ, стихотвореніе «К о л ы б е л ь н а я п ѣ с н я», которое уже подвергало цензора выговору за его напечатаніе въ первый разъ [1]), и слѣдовательно не должно было быть перепечатано безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства. Сюда относятся III строфа стихотворенія «Нравственный человѣкъ» или стихи:

«Есть русскихъ множество семей,
Они какъ будто добры,
Но имъ у крѣпостныхъ людей
Считать не стыдно ребра».

Или:

«И въ ряд ли мужиков трактуютъ, какъ свиней».

Не исчисляя всѣ подобныя мѣста, встрѣчающіяся въ сей книгѣ, довольно и приведенныхъ здѣсь, чтобы опредѣлить значеніе и цѣль собранія сихъ стихотвореній.

Считая долгомъ сообщить Вашему Сіятельству о всемъ вышеизложенномъ, присовокупляю, что Цензоръ С. С. Бекетовъ [2]), сдѣлавшій такое важное упущеніе, при одобреніи къ печати сей книги и, къ тому еще, выписокъ изъ нихъ въ «Современникѣ» какъ будто на образецъ, оказывается цензоромъ не благонадежнымъ и подлежалъ бы увольненію отъ сей должности. Но какъ В-е С-во, зная ближе способности Г. Бекетова, находите возможнымъ оказать ему на этотъ только разъ снисхожденіе, то я соглашаюсь не иначе на это, какъ при полномъ Вашемъ ручательствѣ за его дѣйствія на будущее время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ сдѣлать ему за настоящее упущеніе строжайшій выговоръ, въ присутствіи Комитета и устранить его отъ цензированія «Современника», поручивъ разсмотрѣніе онаго другому цензору.

При семъ нужнымъ нахожу просить Васъ, М-й Г-рь, сдѣлать Цензорамъ надлежащее наставленіе въ строгомъ исполненіи ихъ обязанностей и руководить ихъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Я увѣренъ, что при просвѣщенномъ вниманіи Вашемъ къ дѣйствіямъ С.-Петербур-го Ценс-го Комитета будутъ устранены на будущее время послабленія и промахи, подобные настоящему.

Редактору журнала «Современникъ» Кол. Секр. Панаеву я уже лично сдѣлалъ строжайшій выговоръ за неумѣстное и неприличное перепечатаніе стихотвореній Г. Некрасова въ «Современникѣ», съ объявленіемъ, что издаваемый имъ журналъ при первомъ подобномъ случаѣ будетъ прекращенъ.

---

[1]) Стихотворение впервые было напечатано в 1846 г. в «Петерб. Сборн.,» изд. Н. Некрасовым, СПБ., стр. 510.

[2]) С. С. Бекетов надо читать Статский Советник Бекетов; имя Бекетова (Владимир Николаевич) Мусин-Пушкин, несомненно, знал, так как Бекетов был женат на его племяннице.

2.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ.

Отдѣленіе II.

Столъ 2.

19 Декабря 1856.

№ 231.

О неперепечатываніи стихотвореній Н. Некрасова.

Секретно.

Циркулярно.

Господину Начальнику Губерніи.

Министръ Нар. Просвѣщенія увѣдомилъ меня, что имъ сдѣлано по цензурѣ распоряженіе, чтобы отпечатанная недавно въ Москвѣ книга, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Н. Некрасова», не была дозволяема къ новому изданію, и чтобы не разрѣшались къ печати ни статьи, касающіяся сей книги, ни въ особенности выписки изъ оной.

Имѣю честь сообщить о семъ Вашему Превосходительству для свѣденія.

Подписалъ: Министръ Внутрен. Дѣлъ С. Ланской.

Скрѣпилъ: Директоръ С. Ждановъ.

Вѣрно: Исправляющій должность Начальника Отдѣленія
М. Страховскій.

Печатаемые документы о Н. А. Некрасове взяты из дела б. канцелярии М. в. генерал-губернатора по секретной части за 1856 г. № 2 под названием «О неперепечатывании стихотворений Н. Некрасова. Начато дело 5 января 1857 года.» Отзыв и циркуляр имеют в виду первое издание стихотворений поэта, выпущенное в свет в виде отдельной книги в 1856 году издательством К. Солдатенкова и Н. Щепкина (типограф. А. Семена) в одном томе двоякого формата: в малую четверку (206+III стр.) и большую четверку (XVI+206 стр.).

На обороте титульного листа на обычном месте разрешение цензуры: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в Цензурный Комитет указанное число экземпляров. Санкт-Петербург мая 14 дня, 1856 года. Цензор В. Бекетов».

Циркуляр—печатный бланк в обычный лист и, видимо, по подписании был разослан всем начальникам губерний. Появление его, несомненно, было связано с подобными отзывами о книге стихотворений Некрасова таких лиц, как Мусин-Пушкин (1795—1862 гг.), игравших в свое время большую роль в цензуре и тем определивших строгое и придирчивое отношение цензуры к Некрасову. Мусину-Пушкину, занимавшему с 1845 г. по 1856 г. пост попечителя Петербургского учебного округа и председателя Цензурного Комитета, принадлежит этот отзыв, находящийся в деле в копии, не имеющей ни номера, ни подписей. Имеются все основания думать, что этот отзыв, обращенный к тогдашнему тов. министра народного просвещения кн. П. А. Вяземскому (1792—1878 г.г.), не был прислан официально, а попал случайно, м. б., для удовлетворения любопытства не менее строгого блюстителя нравов, чем Мусин-Пушкин, Моск. военн. генерал-губернатора А. А. Закревского. По времени письмо Мусина-Пушкина следует относить к 1856 году, поэтому оно, хотя и не имеет точной даты, поставлено раньше секретного циркуляра 1857 года.

Муза Некрасова—«многослитный возглас боли и негодования» (Бальмонт)—прошла длинный тернистый и многострадальный путь цензурных мытарств. «Суровый неуклюжий стих» Некрасова, звавший

«На бой, на труд
За обойденного,
За угнетенного...»

звучал дальше призывом:

«Иди и гибни безупречно
Умрешь недаром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь...»

Этот призыв к борьбе, к творчеству, не во имя своего я, а во имя масс, человечества (поэт хотел «напомнить, что бедствует народ... К народу возбуждать вниманье сильных мира». «Я лиру посвятил народу своему»)... призыв этот, как яркое знамя, особенно в те дни, должен был непременно найти и сочувствующих и врагов. Молодое поколение, искавшее в литературе ответа на свои общественно-идеалистические мечты и порывы, встретило первое издание стихотворений с восторгом (ср. А. Н. Пыпин «Н. А. Некрасов», СПБ. 1905, стр. 235). «Известиями об успехе первого издания своих стихотворений Некрасов поделился с И. С. Тургеневым в письме из Рима 18 дек. 1856 г.: «О книге моей пишут чудеса—голова могла бы закружиться. Когда я писал к тебе, я имел известие только от Вульфа и Чернышевского,—чего только не было там,—я даже рассердился,—но пришло письмо Панаева (к Авд. Яковл.) и в нем то же. Неслыханная популярность, успех, какого не имел и Гоголь, приличный Панаев, дозволивший себе такие выражения, заслуживал хоть в половину доверия, и я порадовался». Тургенев, скептически настроенный в отношении поэзии Некрасова, должен был признать ее действительно могучее воздействие на читателя, именно, как поэзии, как художественной стихии. В своем отзыве (в декабре 1856 г.) об этом сборнике стихотворений поэта он так метко характеризует их: «а Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, ж г у т с я». Цензурой же был предпринят поход против этой книжечки стихотворений. Цензурная буря повлияла и на настроение Некрасова, и он так писал И. С. Тургеневу 30 дек. 1856 г. из Рима: «Писать буду, хоть, кажется, мне грозит что-то не совсем хорошее по возвращении в Россию. Напиши—не знаешь ли ты,—откуда вышла буря: от министерства? [1]) или докладывалось выше? А может быть, и так пронесет. Мы видывали цензурные бури и пострашнее

[1]) Просвещения, в котором тогда была цензура. *И. Б.*

при... [1]) да пережили...» Наши документы иллюстрируют приемы борьбы цензуры с книгой и говорят о вдохновителях этого гонения. Цензурная травля, предпринятая в связи с первым изданием стихотворений Некрасова (1856 г.), вынудила Герцена вступиться за него на страницах «Колокола» (подробн. см. В. Евгеньев «Цензурные мытарства Н. А. Некрасова»—«Р. Богатство» 1913, № 8, стр. 205). «Воры и укрыватели воров большой руки,—говорит корреспондент Герцена,—восстали сначала против статей «Русского Вестника», которые знакомили публику с типами губернских воров средней руки, а затем пошли жаловаться на книжку стихотворений, где ничего нет, кроме участия к бедности и ненависти к притеснениям. Аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, изволите видеть, боится стихов:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь,
Иди и гибни безупречно—
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Это сочли чуть не адской машиной и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками. Какое жалкое ребячество!...» («Колокол»).

Н. Бельчиков.

---

[2]) Николае I *Н. Б.*

Доклад цензора Ратнинского по поводу некролога о Н. А. Некрасове, предназначаемого для 2-й книги „Русской Старины“ 1878 г. [1]).

«В этой книге должна вызвать цензурные распоряжения статья под заглавием: «Николай Алексеевич Некрасов». В ней говорится о гражданском значении Некрасова в России—и ему вменяется в величайшую заслугу то, что он, воспитанный в сфере «полнейшего крепостничества, с детства прислушивавшийся к свисту помещичьих розог, к воплям истязуемых», воспел страдания русского крестьянина, его терновый венец. Он первый начал своими произведениями такое направление в нашей литературе, и потому Некрасов «занимает видное место в ряду сподвижников Верховного вождя, поднявшего хоругвь освобождения и указавшего народу на его высокий жребий в будущем». Говоря о сочувствии к крестьянству, вызванном в обществе стихами Некрасова, автор статьи выражается таким образом: «Муза Некрасова повела даже и наших борцов и золотых юношей в курную избу, на пашню, орошаемую потом тружеников, на жатву, в которой младенцы помогают отцам и матерям, на берега Волги, где бурлаки, впрягшиеся в лямки, выбиваются из последних сил»...

«Се человек», сказал Некрасов, преклоняясь перед загорелым изнуренным ликом крестьянина, надламывая плетень сословных предрассудков, отделявших народ от «чистой публики».

«Такое выделение публики из народа и взаимное противоположение их, отнесение Некрасова к числу сподвижников государя императора в деле освобождения крестьян, которое вызвано будто бы его сочинениями, вообще неумеренный тон похвал, расточаемый Некрасову, как гражданину и историческому деятелю, кажется совершенно неприличным в цензурном отношении, вследствие чего цензор считает долгом представить начальству о необходимости исключить из «Русской Старины» этот некролог или изменить его редакцию».

Некролог был напечатан с изменениями отмеченных цензором мест [2]).

Сообщил *С. Переселенков.*

---

[1]) I-е Отделение IV Секции Единого Государственного архивного фонда. Дело С.-Петербургского Цензурного Комитета 1869 г., № 65, гл. 140—141.

[2]) «Русская Старина» 1878 г., № 2, стр. 357—361.

Из неизданной переписки Н. А. Некрасова.

Письма Н. А. Некрасова к Ф. М. Достоевскому.

1.

Я поставилъ себя въ неловкое положеніе, изъ котораго можетъ вывести меня только Ваша деликатность, глубокоуважаемый Федоръ Михайловичъ. Я обѣщалъ Вамъ стихотв. и не отказываюсь отъ моего обѣщанія, обѣщаю Вамъ ихъ и болѣе, но теперь мнѣ неудобно появиться съ моимъ именемъ въ чужомъ журналѣ. Про меня здѣсь распустили слухи, что я отступился отъ прежнихъ сотрудниковъ, набираю новыхъ, измѣняю направленіе журнала, все это завершается прибавленіемъ, что я предалъ Чернышевскаго и гуляю по Петербургу, дошло уже и до Москвы, какъ мнѣ пишутъ, дойдетъ, конечно, и до провинціи. Въ виду всего этого мнѣ покуда необходимо не подавать новыхъ поводовъ къ двусмысленнымъ толкамъ. Начнетъ выходить «Современникъ», дѣло разъяснится для публики, и тогда я исполню мое обѣщаніе. А покуда простите и подождите. Самая опрометчивость, съ которою я далъ Вамъ мое обѣщаніе, не сообразивъ настоящихъ обстоятельствъ, можетъ служить Вамъ порукою моей всегдашней готовности быть полезнымъ Вамъ и Вашему журналу, на сколько могу, при лучшихъ обстоятельствахъ я это докажу на дѣлѣ. Извините меня передъ Михаиломъ Михайловичемъ и не сердитесь сами.

Душевно преданный Вамъ *Н. Некрасовъ*.

3 ноября [1862 г.] [1]).

2.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ.

При всемъ желаніи сдѣлать угодное Вамъ, я долженъ отказаться отъ Вашего предложенія. Главное, у меня нѣтъ денегъ.

Не знаю, успѣю ли сегодня, но завтра непремѣнно у васъ буду, ибо желалъ бы кое что сказать Вамъ для соображенія. Напримѣръ, по увѣренію Звонарева, 9 лѣтъ занимающегося конторой «Современника»,

[1]) Даты в квадратных скобках принадлежать редакции; в подлиннике их нет.

Вы не достигнете цѣли, если даже устроитесь съ кѣмъ-нибудь, какъ предлагали мнѣ. Ибо—говоритъ Звонаревъ—у васъ непремѣнно съ каждымъ изъ журналовъ п о л о в и н а подписчиковъ однихъ и тѣхъ же. Стало быть, если это такъ, то они потребуютъ другого вознагражденія. А коли для половины, такъ уже лучше разомъ для всѣхъ придумать таковое. Впрочемъ, поговоримъ.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ.*

7-го апрѣля [1864 г.]

3.

12 октября 1874. СПБ.

Я очень радъ, что Вы откликнулись, глубокоуважаемый мною Ѳедоръ Михайловичъ. Послѣ лѣтняго кочевья, недавно я осѣдло водворился въ Петербургѣ и подумывалъ уже отправиться въ домъ С..., какъ пришло Ваше письмо. Теперь все ясно. Очень радъ, что мы можемъ смѣло расчитывать на Вашъ романъ с 1 № От. З. [1]) 1875 включительно, какъ и расчитывали. До свиданія, въ началѣ декабря; а если не пріѣдете сами, то пришлите рукопись—корректуры могутъ быть посланы к Вамъ.

Съ 1-го № 1875 года будутъ высылаться Вамъ О. З., а если хотите имѣть и этотъ годъ, то напишите только.

Добраго Вамъ здоровья и добраго настроенія.

Пред. Вамъ *Н. Некрасовъ*

4.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ.

Вашъ романъ набирается, корректура будетъ у Васъ на дняхъ, прочту въ корректурѣ и тогда вамъ напишу.

Весь Вашъ *Н. Некрасов.*

18 дек. 1874.

5.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, сегодня наша 1-ая книга поступила въ ценсуру, въ среду она появится въ свѣтъ и въ тотъ же день будетъ послана къ Вамъ. Намъ необходимо поскорѣе продолженіе; если бъ оно было у насъ, то въ эти четыре дня уже было бы набрано. Пожалуйста, пришлите или увѣдомьте, на какое число ожидать рукописи. А сами Вы пріѣдете сюда въ этомъ мѣсяцѣ?

Весь Вашъ *Н. Некрасов*

18 янв. 1875.

[1]) «Отечественные Записки».

6.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ,

Послѣ завтра выйдетъ наша 3-ья книга. Нуженъ оригиналъ на 4-ую. Увѣдомьте тотчасъ къ какому дню вышлете. Обсудите вообще, будете ли в состояніи написать на 4 и 5 кн. вторую часть такъ, чтобы насъ не задерживать, т.-е. чтобъ доставить оригинал на 4 кн. 25—26 марта, а на 5-ую—25 апрѣля? Если бъ въ томъ возникло у васъ хотя малое сомнѣніе, то не лучше ли продлить перерывъ еще на мѣсяцъ? Или вторую часть разбить, буде позволитъ содержаніе на 3 №№ журнала, съ строгимъ соблюденіемъ вышеписанныхъ сроковъ въ доставкѣ оригинала? То и другое возможно. Отнеситесь къ симъ вопросамъ серьезно.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ*.

19 марта 1875.

7.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, мы очень рады, что романъ будетъ на 4 кн., ждемъ до 29 или 30-го и даже 1-го; долго-то ждать нельзя, потому что 13-го Святая и наканунѣ надо представить книгу въ ценсуру.

Я послалъ Вамъ телеграмму. Сроки-то, по правдѣ сказать, я означилъ крайніе, и надѣюсь, что Вы придержитесь ихъ въ апрѣлѣ. Будьте здоровы. Салтыковъ на столько поправился, что въ сію минуту пришелъ ко мнѣ и велитъ Вамъ кланяться.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ*.

24 марта 1875 г.

8.

30 апр. 1875. СПБ.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ,

Вместо рукописи, получилъ вчера Ваше письмо. До 2-го можно, конечно, ждать, но не болѣе. Мы не гонимся за особенною аккуратностію, но неаккуратность должна, такъ сказать, имѣть свой предѣлъ. № 4 вышелъ 25 (вмѣсто 15-го), этотъ № 5 надо выпустить, по крайней мѣрѣ, не позже, а лучше бы поранѣе, ибо на іюнь и іюль я уѣду и боюсь, что безъ меня выходъ книгъ перейдетъ уже въ другой мѣсяцъ. Напишите мнѣ, какъ вы думаете съ третьей частью, имѣйте въ виду, что я въ концѣ мая уѣду и, значитъ, свидѣться или списаться нужно ранѣе. Присылайте, не сердитесь за ворчанье—старость подходитъ.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ*.

9.

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ,

Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ конторѣ письмо мнѣ и Вамъ изъ Карабихи, писанное въ отвѣтъ на Ваше изъ Эмса. Оно пришло позднѣе, чѣмъ Вы были въ Петербургѣ. Разумѣется, я не имѣю никакой претензіи, что продолженіе романа оттянулось на лишній мѣсяцъ и согласенъ съ Вами, что прежде всего надо дать автору возможность сдѣлать вещь свою возможно лучше.

На 9-й №, навѣрно, рассчитываемъ на Васъ и ждемъ со дня на день рукописи. Пора. Я теперь почти постоянно буду въ Петербургѣ.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ.*

2 августа 1875.

Письмо Н. А. Некрасова к М. М. Достоевскому [1]).

Милостивый Государь
Михаилъ Михайловичъ.

Письмо Ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Я всегда уважалъ и никогда не переставалъ любить Вашего брата—печатать его произведенія въ моемъ журналѣ мнѣ будетъ особенно пріятно. Увѣренъ, что въ условіяхъ мы сойдемся легко. Я буду завтра до 11-ти часовъ утромъ дома. Если Вамъ нельзя, то извѣстите, я пріѣду къ Вамъ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи.

Н. Некрасовъ.

26 августа 1859. СПБ.

Письмо Н. А. Некрасова к А. Н. Якоби [2]).

25 февр.

Милостивый Государь
Александръ Николаевичъ.

Дѣло надо сдѣлать не кое какъ. Я нашелъ мое стихотвореніе, но оно въ этомъ видѣ вовсе не годится въ дѣтскій сборникъ. Я или напишу другое или передѣлаю это. Черезъ недѣлю непремѣнно его получите, а можетъ быть и ранѣе. В немъ 3 страницы, и мнѣ все равно, куда оно попадетъ, въ начало или въ конецъ.

Искренно желающій Вамъ услужить

Н. Некрасовъ.

---

[1]) На обороте адреса: Его Высокоблагородію Михаилу Михаиловичу Достоевскому. От Некрасова. — Мих. Мих. Достоевскій (1820 — 1864 г.г.)—брат Фед. М. Достоевского,—журналист.

[2]) А. Н. Якоби (1819—1882) издательница детских книг и журналов.

Большая часть писем Н. А. Некрасова к Ф. М. Достоевскому относится к концу 1874 и началу 1875 г.г., к тому времени, когда Ф. М., живя в Старой Руссе (Новгород. губ. [1]), писал роман «Подросток», печатавшийся Н. А. в «Отечественных Записках». Письма эти имеют прямую связь с двумя являющимися ответными [2]) письмами Ф. М. к Н. А., напечатанными в «Некрасовском Сборнике», изд. под редакцией В. Е. Евгеньева—Максимова и Н. К. Пиксанова (Петроград, 1918 г., стр. 96—97). По этим письмам Федора Михайловича к Н. А. «можно судить, как говорит редакция «Некрасовского Сборника», о процессе и ходе работы над «Подростком» и о необычайно заботливом отношении Достоевского к своему детищу (см. предисл. стр. 93, там же),—печатаемые с подлинников письма Николая Алексеевича говорят о неустанной работе Н. А., как редактора журнала и друга того писателя, произведение которого он печатает в своем журнале. Редакция «Некрасовского Сборника» почему-то нашла в опубликованных ею двух письмах обнаруживаемый Д-м интерес к «поэзии Некрасова»,—тогда как в письмах нет и намека на это. Письма Ф. М. и Н. А., в действительности, дружеские по тону, отличаются чисто деловым, практическим характером: оба писателя сухо обсуждают сроки и высчитывают дни и числа сдачи материала в редакцию для помещения его в текущей книге журнала.

1-е письмо не имеет года, но его, несомненно, надо относить к 1862 году. В этом году «Современник» был приостановлен на 8 месяцев, и в ноябре Некрасов, естественно, мог говорить об ожидаемом вскоре выходе январской книги журнала. Затем упоминание об аресте Н. Г. Чернышевского, происшедшем 7 июля 1862 года, позволяет отнести письмо также к 1862 году; судя по тону, несомненно, все письмо с его известием о Чернышевском, о толках в Москве написано в момент всех событий, под свежим впечатлением дошедших вестей о печальных слухах. Такие слухи, действительно, были: Н. К. Михайловский, рассказывая о своих колебаниях примкнуть к «Отечественным Запискам», добавляет, что колебания эти были вызваны между прочим арестом Чернышевского и слухами о неблаговидном поведении Некрасова в 1862 г. Причиной, породившей такие слухи, была неожиданность и некоторая загадочность ареста Н. Г. Чернышевского 7-го июля 1862 г. Арест был, как теперь, спустя 50 лет, знаем, действительно неожиданный и без причины; именно Н. Г. был подвергнут обыску, аресту и проч. из-за одного упоминания А. И. Герценом его имени в письме к Серно-Соловьевичу [3]). То же подтверждает в своих воспоминаниях М. А. Антонович, случившийся в момент ареста у Н. Г. в квартире вместе с доктором Быковым [4]). Ясно, что и тени участия в этом Н. А. не было.

2-е письмо также не датировано; по содержанию возможно отнести его к 1864 г., когда издание журнала «Эпоха» шло у Достоевских неудачно; была задержка в выходе книг, и даже временная приостановка за смертию М. М. Достоевского. В этот момент, видимо, перед Ф. М. стала дилемма: продолжать журнал или приостановить. За советом в эту минуту Ф. М. и обращается к Н. А.; Ф. М. решил продолжать. Но дело было уже сильно попорчено, требовалось выпросить цензурное разрешение издавать журнал. «Дело затянулось так,—рассказывает Ф. М.,—что только в конце августа могла появиться июньская книжка. Подписчики, которым ни до чего дела нет, стали негодовать».

Подлинники писем Некрасова находятся в личном архиве Ф. М. Достоевского, хранящемся в Центрархиве в Москве. Переписка в целом подготовляется к печати в виде особого тома под редакцией Н. К. Пиксанова.

Н. Бельчиков.

---

[1]) Письмо от 20 августа 1875 г. сохранилось в конверте с адресом на Старую Руссу и печатью «Главная контора журнала Отечественные Записки» и двумя почтовыми штемпелями: 1) СПБ., 21 авг., 1875 г., 1-я эксп.; 2) «Старая Русса», 22 августа 1875 г.

[2]) 1-е письмо Ф. М. 20 октября 1874 г., ответ на письмо Н. А. от 12 окт. 1874 г. (см. № 3), 2-е письмо Ф. М. (от 26 марта 1875 г.) ответ Н. А. на письмо от 19 марта 1875 г. (см. № 6).

[3]) См. «Былое», 1906 г., № 1, январь, стр. 229—232. Здесь опубликовано письмо Герцена М. К. Лемке.

[4]) См. «Былое», 1906 г., № 3, март, стр. 90—94.

Достоевский о Пушкинских торжествах в 1880 г.

Письма Ф. М. Достоевского о Пушкинских торжествах 1880 г. в Москве, когда он, как представитель Славянского Благотворительного Общества, произнес 8 июня свою знаменитую речь, печатаются с подлинников, находящихся среди серии писем Ф. М. к Анне Григорьевне Достоевской, полученных Центрархивом из Гохрана вместе с другими документами и материалами о творчестве Ф. М. в ноябре 1921 г. (Описание этих материалов дано в книге «Ф. М. Достоевский», в. I. «Документы по истории литературы и общественности», см. предисловие, стр. I—VIII: «Новые записные тетради Достоевского»— М. 1922 г. Изд. Центрархива).

Письма Ф. М. к Анне Григорьевне хранились ею в особой клеенчатой сумке в нескольких (всего 11) бумажных пакетах среднего размера. Письма о Пушкинских торжествах занимают особый—11-й пакет,—на лицевой стороне которого дан рукой Анны Григорьевны перечень писем с указанием дат.

В записной тетради (№ 5,—187 нум. стр.) самой Анны Григорьевны, озаглавленной ею «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевскою на случай ее смерти или тяжкой болезни, в марте 1902 года, и в последующие годы» (на переплете надпись: «En cas de ma mort ou une maladie grave».—«В случае моей смерти или тяжелой болезни») на стр. 23—24, в отделе «Письма покойного Федора Михайловича ко мне за время с 1867—1880 г.г. «А. Г. высказала такое пожелание: «Письма Федора Михайловича ко мне, как представляющие собою чрезвычайный литературный и общественный интерес, могут быть напечатаны после моей смерти в каком-либо журнале или отдельною книгою... Если нельзя напечатать целиком, то можно бы было напечатать лишь письма, относящиеся к Пушкинскому празднику».

Значение этих писем Анной Григорьевной определено, безусловно, верно. В письмах Ф. М. ярко отражена картина тех дней, когда люди разных мировоззрений сошлись около памятника Пушкина, чтобы продумать до конца, что такое Пушкин, и высказать свое искреннее убежденное слово.

Ф. М. в печатаемых ныне письмах раскрывает картину борьбы двух непримиримых направлений общественной мысли того времени и отмечает свое участие в этом и значение своего голоса. Живая и нетерпеливая односторонность современников сказалась и в письмах Ф. М. —Он пишет 28-29 мая Анне Григорьевне: «Остаться здесь я должен и решил, что остаюсь... Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни любители Р. Словесности, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина, как выразителя русской народности, отрицая самую народность». А дальше о себе, о том, почему он значителен, как представитель: «Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Сергеевич Аксаков (Юрьев и проч. не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала,

но мною только и интересуются. Мой голос будет иметь вес, а стало-быть и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Когда Катков сказал: «Вам нельзя уезжать, Вы не можете уехать»—человек вообще не славянофил,—то уж, конечно, мне нельзя уехать».

Об умалении значения Пушкина, конечно, никто и не думал. Это ложная предубежденность, плод партийного пристрастия Ф. М., верившего, что подлинная правда только в устах и сознании человека своей группы. Еще не видя ни Тургенева, ни других инакомыслящих, Ф. М. уже жил этой мыслью. Предугадывая это расхождение взглядов, Ф. М. перед поездкой в Москву писал К. П. Победоносцеву 19 мая так: «Должен ехать в Москву на открытие памятника Пушкина. И оказывается, как я уже и предчувствовал, что не на удовольствие поеду и даже, может-быть, прямо на неприятности. Ибо дело идет о самых дорогих и основных убеждениях. Я уже и в Петербурге мельком слышал, что там в Москве свирепствует некая клика, старающаяся недопустить иных слов на торжестве открытия и что опасаются они некоторых ретроградных слов» [1])...

В письме 5 июня к Анне Григорьевне Ф. М. отмечает раскол партий, как факт, угрожающий, по его мнению, раздором: «Подходил ко мне Островский—здешний Юпитер. Любезно подбежал Тургенев. Другие партии либеральные, между ними Плещеев и даже хромой Языков, относятся сдержанно и как бы высокомерно: дескать, ты ретроград, а мы-то либералы. И вообще здесь уже начинается полный раздор. Боюсь, что из-за направлений во все эти дни, пожалуй, передерутся».

На фоне изображаемой Ф. М. борьбы этих общественных групп и идейных направлений проступает заинтересованность самолюбивого Достоевского в своем успехе. В письме 27-28 мая он пишет: «Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало-быть, в России) буду впредь более известен, как писатель, т.-е. в смысле уже завоеванного Тургеневым и Толстым величия» [2]).

Речь Ф. М. имела необычайный успех. Ей одинаково рукоплескали в тот день, как Аксаков, считаемый главою славянофилов, так и глава западников—Тургенев.

Я. П. Полонский на другой же день после речи послал такое письмо в стихах [3]) Ф. М., где выразил свое впечатление от его вдохновенной речи:

«Ѳедору Михайловичу
Достоевскому».
Сметенный, я тебѣ внималъ,
И плакалъ мой восторгъ и весь я трепеталъ.

---

[1]) П. Бартенев сохранил такой любопытный штрих в своих воспоминаниях: хотя «содержание речи Ф. М. никому не было известно до ее произнесения, однако в одном из заседаний приготовительной комиссии едва было не постановили не допускать Д. к чтению чего-либо на Пушкинском празднике. Некоторые члены комиссии настаивали на таком недопущении, потому что Д. якобы нанес Тургеневу обиду, спросив его прямо и во всеуслышание, на одном из Петербургских общественных обедов, чего именно хочет он от наших студентов, и тем приведя знаменитого друга молодежи в неловкое положение и смущение. На этот раз, большинство членов комиссии не допустило такого остракизма; но прения были горячие. («Р. Архив», 1891 г., кн. 2, стр. 97, примечание).

[2]) Иначе смотрел на вещи, напр., И. С. Аксаков, если только нельзя заподозривать искренность тона его письма к жене, А. Г., урожденной Тютчевой: «Ты с трудом поверишь,—писал он 14 июня 1880 г.,—что собственно я несравненно сильнее интересуюсь о б щ и м значением этих пережитых дней, чем тою ролью, которая выпала мне лично на долю...» («Р. Архив», 1891 г., кн. 2-я, стр. 90).

[3]) Автограф находится среди писем Я. П. Полонского к Ф. М. Д., имеющих быть изданными Центрархивом, под редакцией Н. К. Пиксанова, в отдельном томе.

Когда ты праздникъ нашъ ѣнчалъ
Своею рѣчью величавой,
И намъ сѣялъ народной славой
Тобою вызванный изъ мрака идеалъ,
Когда ты ключъ любви христовой превращалъ
Въ ключъ вдохновляющей свободы.
. . . . . .

1880 г. 8 июня. *Я. Полонский.*
Москва.

Написал что написалось — пришли и помешали досказаться».

Иван Сергеевич Аксаков в письме к жене 14 июня 1880 г. из Троекурова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину свое впечатление от пламенного слова Достоевского так передал: «На другой день, 8-го июня, должен был читать Д. (мы, было, так и разделились, зная сходство наших направлений); но, видя его (Д.) нервное беспокойство, я предложил ему читать первому. Он прочел, прочел мастерски, такую превосходную, оригинальную вещь, еще шире и глубже захватывающую вопрос о народности, чем моя статья, при чем не в форме логического изложения, а в живых, реальных образах, с искусством романиста, и впечатление было поистине потрясающее. Я никогда ничего подобного не видел. Оно охватило всех, как публику, так и нас, сидевших на эстраде, даже отчасти и Тургенева (они друг друга терпеть не могут). Успех Достоевского—истинное, многознаменательное событие. Он совершенно потопил Тургенева и всех представителей его направления. До сих пор Тургенев был идолом молодежи, и во всех речах его публичных были всегда тонкие намеки либерально-неопределенного смысла, вызывавшие фурор. Он всегда тонко льстил молодежи; да и накануне еще, говоря о Пушкине, воздавал хвалу Белинскому, дал понять, что он и Некрасова очень любит, и т. д. Достоевский же пошел прямо наперекор, представил, что Белинский ничего не понял в Татьяне, ткнул пальцем прямо в социализм, преподал молодежи целое поучение: «смирись, гордый человек, перестань быть скитальцем в чужой земле, поищи правду в себе, не какую-либо внешнюю» и т. д. Татьяну, которую Белинский, а за ним и все молодые поколения, называли «нравственным эмбрионом» за соблюдение долга верности,— Достоевский, напротив, возвеличил и прямо поставил публике нравственный вопрос: можно ли созидать счастие личное на несчастии другого?!.

Важно именно то, как отнеслись к этому молодые же люди, которых, может-быть, до тысячи было в зале. Все пришло в такой экстаз, что один юноша ринулся к Достоевскому на эстраду, упал в нервный обморок. Тут были «курсистки» курса Герье (крайнего западника), еще в прошлом году делавшие овации Тургеневу. Бог знает где, тут же в собрании, добыли они лавровый венок и поднесли его, при общих кликах, Достоевскому, за что им, вероятно, достанется...

Надобно притом заметить, что Достоевский имеет репутацию «мистика», т.-е. не позитивиста, а верующего человека; да он и тут помянул о Христе. Одним словом, торжество нашего направления в лице Достоевского было полное, и все речи людей так называемых 40-х годов показались дребеденью. Волнение было так сильно, что нужно было сделать длинный перерыв» («Русский Архив», 1891 г., кн. 2, стр. 96—97).

Исчерпывающей сводки всех воспоминаний и оценок речи Ф. М. мы не намерены давать здесь; интересующиеся указания на литературу могут найти, во-первых, в «Библиографическом указателе сочинений и произведений искусства, относящ. к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собр. в Музее памяти Ф. М. Достоевского» в М. Исто-

рическом Музее (1846—1903), сост. А. Достоевской (П. 1906 г.), см. Отд. У, стр. 82—94; во-вторых, в книге В. П. Межева «Puschkiniana»—Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочин. и пр. П. 1886. См. Отд. 5-й, стр. 74—75 и др.

Из неуказанного там надо отметить воспоминания очевидца А. Ф. Кони «На жизненном пути», т. 2-й, стр. 88—95. П. 1912 г., а также рассказ очевидца Н. Н. Страхова в сб. «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» П. 1883, стр. 304—313, в приложении стр. 343. Сводку газетных откликов на Пушкинские торжества и отзывы о речи Д.—можно прочесть в книге «Венок на памятник Пушкина» СПБ. 1880, гл. VI: «Наша печать по поводу открытия памятника Пушкину» (стр. 107—148).

К юбилею Д. (1921 г.) переизданы отзывы о речи Д. (в отрывках) Гл. Ив. Успенского и К. Н. Леонтьева в книге «Достоевский и Пушкин». Ред. А. Л. Волынского. П. 1921 г.

Сам. Ф. М., под неостывшим впечатлением от того восторга, какой вызвало его пламенное слово в присутствующих, верил в великое действие речи: «это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений... Полная, полнейшая победа!» (письмо к Анне Григорьевне 8-го июня).

Действительно, был неподдельный восторг, был порыв, и в непосредственном порыве, мы видим, слились люди разных «вер»: всех охватило одно чувство: и умного Тургенева, и уравновешенного Анненкова, и спокойного Аксакова. Но примирения полного, скрещения путей, слияния идейного, конечно, не было: победа была, но временная. Трудно было слить столь различные по существу такие общественные струи, представителями которых были сам Достоевский и Тургенев, и эти небывалые дни единодушного увлечения—были кратковременны. Прав был «Вестник Европы», не слишком доверявший приподнятому примирительному настроению и заявивший по поводу торжества и речи Д-го, что «значение Пушкина ценилось (тогда) не столько со спокойною исторической критикой, сколько с восторженным чувством поклонения, отвечавшим настроению минуты. Достоевский сказал даже, что Пушкин—пророк, а его поэзия—преобразование будущего России, когда русский народ возвестит истину всему человечеству. У нас, как известно, все общественные увлечения совершаются порывами, которые быстро проходят, оставляя иногда замечательно слабое впечатление» [1]). Все слились, но не объединились в порыве увлечения мощью и широтой речи Достоевского, который выдвинул ту широту взгляда, какая не достигнута была Тургеневым. Речь Достоевского была «событием», как это заявил Аксаков, но цементом для оформления жизни она не была.

Либеральная пресса вскоре после появления в печати речи Д. отнеслась к ней критически; и Ф. М. не далее, как через месяц, должен был пережить чувство разочарования в современниках. «Вестник Европы», когда еще не смолкли восторги, возбужденные речью Д., уже не разделяет общего ликования и холодно замечает: «мы полагаем, что тема Д. о будущем или даже о настоящем первенстве русского народа над всеми остальными, имеет уже тот недостаток, что представляет не новый пример национального самопрославления». Еще строже относятся к речи «Отечественные Записки». Глеб Ив. Успенский, спешно дававший для них отчет о своих впечатлениях с праздника, что «тотчас по окончании речи г. Достоевский удостоился не то чтобы овации, а прямо идолопоклонения» закончил статью свою таким осторожным сомнением: «Мудрено понимать человека, примиряющего в себе самом такие противоречия, и нет ничего невероятного, что речь его, появясь в печати и внимательно прочитанная, произведет совсем другое впечатление». Так и случилось. Сам Г. И. Успенский, прочтя речь, ответил на нее в 4-й главе «На другой день» (той же статьи—«Отеч. Зап.»—июнь) более решительно: «несомненна, по словам Д.,

---

[1]) См. подр. «Венок на памятник Пушкина», СПБ. 1880 г., стр. 143 и др.

неразрывная связь скитальца с народом, его чисто народные черты; в нем все народно, все исторически неизбежно, законно. Вот, основываясь на этих-то уверениях, я и передал речь г. Достоевского в том смысле, как она напечатана в п и с ь м е и з М о с к в ы, радуясь не тому всемирному журавлю, которого г. Достоевский сулит русскому человеку в будущем, а тому только, что некоторые явления русской жизни начинают выясняться в человеческом смысле, объясняются «по человечеству», не со злорадством, как было до сих пор, а с некоторою внимательностью, чего до сих пор не было. Но у г. Достоевского, оказывается, был умысел другой. Уж и в тех выписках из его речи, которые приведены, читатель может видеть местами нечто всезаячье. Там воткнуто, как бы нечаянно, слово «может-быть», там поставлено, тоже как бы случайно, рядом «постоянно» и «надолго», там ввернуты слова «фантастический» и д е л а н и е, то-есть выдумка, хотя немедленно же и заглушены уверением совершенно противоположного свойства: необходимостью, которая не дает возможности продешевить, и т. д. Такие заячьи прыжки дают автору возможность превратить мало-по-малу все свое «фантастическое делание» в самую ординарную проповедь полнейшего мертвения. Помаленьку, с кочки на кочку, прыг да прыг, всезаяц мало-по-малу допрыгивает до непроходимой дебри, в которой не видать уже его заячьего хвоста. Тут оказалось, как-то незаметно для читателя, что Алеко, который, как известно, тип вполне народный, изгоняется народом именно потому, что не народен. Точно так же народный тип скитальца, Онегин, получает отставку от Татьяны тоже потому, что ненароден. Как-то оказывается, что все эти скитальчески-человеческие народные черты—черты отрицательные. Еще прыжок, и «всечеловек» превращается «в былинку, носимую ветром», в человека фантазера б е з п о ч в ы. «Смирись,—вопит грозный глас:— с ч а с т ь е н е з а м о р я м и». Что же это такое? Что же остается от всемирного журавля? Остается Татьяна, ключ и разгадка всего этого «фантастического делания». Татьяна, как оказывается, и есть то самое пророчество, из-за которого весь сыр-бор загорелся. Она потому пророчество, что, прогнавши от себя всечеловека, потому что он без почвы (хотя ему и нельзя взять дешевле), предает себя на съедение старцу генералу (ибо не может основать личного счастья на несчастии другого), хотя в то же время любит скитальца. Отлично: она жертвует собою. Но увы!—тут же оказывается, что жертва эта не добровольная: «я другому о т д а н а»! Нанялся—продался. Оказывается, что мать насильно выдала ее за старца, а старец, который женился на молоденькой, не желавшей итти за него замуж (этого старец не мог не знать), именуется в той же речи «честным человеком». Неизвестно—что представляет собою мать. Вероятно, тоже что-нибудь всемирное. Итак, вот к какой проповеди тупого, подневольного, грубого жертвоприношения привело автора обилие заячьих идей» [1])...

«Слово» еще беспощаднее. «Всего удивительнее в речи Д. то, что, сбив с толку свою аудиторию этою всечеловечностью и всемирностью русского человека, стяжав за этот непонятный в первую минуту магический фокус горячие аплодисменты, он (Д.) в сущности грубо и резко осмеял этого русского всечеловека. Мы полагаем, что Д. не станет отрицать того, что он вызвал фурор, главным образом, тем, что аудитории его чрезвычайно приятно показалось носить в груди идеал всемирности и всечеловечности, как свою специальную и особую сущность. По нашему мнению, и тут мало похвального со стороны публики и со стороны Д., присвоить себе исключительно такое крупное свойство, которое присуще всем европейским народам, и несправедливо и чересчур эгоистично, так же эгоистично, как, например, отрицание во время крепостного права человеческих свойств

[1]) Ф. Достоевский и Пушкин. Под ред. А. Л. Волынского. «Парфенон», П. 1921 г., стр. 13—14.

у крестьян. Крепостники пресерьезно лишали своих крестьян многих свойств человека, вообще, или же умаляли эти свойства до последнего предела. И Д., как казалось с первого раза, учит русское общество думать о других народах, как думали наши помещики о своих крестьянах. На самом же деле оказывается, что Д. смеялся над всемирными стремлениями русского человека»...

Даже консервативный, как он сам себя называет в предисловии к отдельному изданию статьи «О всемирной любви»,—охранитель К. Н. Леонтьев, откликнувшийся на речь Достоевского большой статьей, напечатанной в «Варшавском Дневнике» за июль и август, также не согласился с Д. «По моему мнению, речь Достоевского,—писал Леонтьев,—речь пламенная, вдохновенная, красная, так сказать, но в основании своем совершенно ложная, ибо нельзя же смешивать так опрометчиво и грубо, как сделал Достоевский, объективную любовь поэта, любовь изящного вкуса, требующего пестроты, разнообразия, антитезы и даже трагической борьбы, с любовью моральной, с чувством милосердия и со стремлением к поголовной, однообразной кротости» [1]...

Наиболее существенной критике подверг положения речи Д. известный профессор Петерб. Университета—государствовед и публицист, постоянный сотрудник «Голоса»—Ал. Дм. Градовский (1841—1889) в статье «Мечта и Действительность», напечат. в фельетоне «Голоса» за 25 июня 1880 г. № 174 (перепеч. в «Собр. соч.», т. 6-й, П. 1901, стр. 375—383). В серьезной и увлекательной статье он разбивает все положения Ф. М., развивая в противовес речи Д. свое целостное понимание типа «скитальца», создавшегося в атмосфере общественных отношений.

«Нам представляется,—писал Градовский,—прежде всего, недоказанным, что «скитальцы» отрешались от самого существа русского народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящего времени нисколько не определены пределы их отрицания, не указан его объект, так сказать. А пока не определено это, мы не в праве произнести о них окончательное суждение.

«Тем более в праве мы определять их, как «гордых» людей, и видеть источник их отчуждения в этом сатанинском грехе.

«Достоевский выразил «святая святых» своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора Братьев Карамазовых. В этих словах заключен великий религиозный идеал, мощная проповедь личной нравственности, но нет и намека на идеалы общественные» [2].

Суждения Градовского были резки и неотразимы, и понятно, почему именно статья Градовского производит такое сильное впечатление на Ф. М., что он пишет «ответ Градовскому»,—о чем и сообщает Пуцыковичу 18 июля из Старой Руссы: «20 мая отправился в Москву на праздник Пушкина,—и вдруг последовала кончина Императрицы. Затем праздник все откладывали, и так дошло до 6-го июня, а в Москве мне не давали даже выспаться,—так я беспрерывно был занят и окружен новыми лицами. Затем последовали праздники и затем, буквально измученный, воротился в Старую Руссу. Здесь тотчас же засел за Карамазовых, написал три листа, отослал и затем тотчас же, не отдохнув, написал один № «Дневника Писателя» (в который войдет моя речь), чтоб издать его отдельно, как единственный № в этом году. В нем и ответы критикам, преимущественно Градовскому. Дело уже идет не о самолюбии, а об идее. Новый неожиданный момент, проявившийся в нашем обществе на празднике Пушкина (и после моей речи), они бросились записывать и затирать, испугавшись нового настроения в обществе, в высшей сте-

[1] Там же, стр. 16, 19.
[2] Соч. т. 6-й, П. 1901, стр. 378 — 379.

пени ретроградного, по их понятиям. Надо было восстановить дело, и я написал статью, до того ожесточенную, до того разрывающую с ними все связи, что они теперь меня проклянут на семи соборах». «Таким образом,—заключает Достоевский,—в месяц по возвращении из Москвы я написал всего буквально шесть листов печати. Теперь разломан и почти болен» («Московский Сборник», под ред. Сергея Шарапова, М. 1887 г., стр. 14—15).

Накануне, 17 июля, Достоевский писал Елене Александровне Штакеншнейдер следующие любопытные строки: «11-го июня я возвратился из Москвы в Руссу, ужасно усталый, но тотчас же сел за Карамазовых и залпом написал три листа. Затем, отправив, принялся перечитывать все написанное обо мне и моей московской речи в газетах (чего до сих пор не читал, занятый работой) и решил отвечать Градовскому, т.-е. не столько Градовскому, сколько написать в е с ь н а ш profession de foi на всю Россию: ибо знаменательный и прекрасный, совсем новый момент в жизни нашего общества, проявившийся на празднике Пушкина, был злонамеренно затерт и искажен. В прессе нашей, особенно петербургской, буквально испугались чего-то с о в с е м н о в о г о, ни на что прежде не похожего, объявившегося на Москве; значит, не хочет общество одного подхихикивания над Россией и одного оплевания ее, как доселе: значит настойчиво захотело иного. Надо это затереть, уничтожить, осмеять, исказить и всех разуверить: «ничего де такого нового не было, а было лишь благодушие после московских обедов. Слишком де уже много кушали»... «Я еще в Москве решил, напечатав мою речь в «Московских Ведомостях», сейчас же издать в Петербурге один № «Дневник Писателя»—единственный номер на этот год, и в нем напечатать мою речь и н е к о т о р о е к ней предисловие, пришедшее мне в голову буквально в ту минуту на эстраде, сейчас после моей речи, когда, вместе с Аксаковым и всеми, Тургенев и Анненков тоже бросились лобызать меня и, пожимая мне руки, настойчиво говорили мне, что я написал вещь гениальную. Увы! так ли они теперь думают о ней. И вот мысль о том, как они подумывают о ней сейчас, как опомнились от восторга, и составляет тему моего предисловия. Это предисловие и речь я отправил в Петербург, в типографию, и уже и корректуру получил, как вдруг я решил написать и еще новую главу в «Дневнике», profession de foi, с обращением к Градовскому: вышло два печатных листа, написал—всю душу положил и сегодня, всего только сегодня, отослал ее в Москву в типографию («Русск. Архив», 1891 г., кн. III, стр. 307—308).

Еще более горькое признание по поводу критической оценки его речи современниками вырвалось у Ф. М. в письме к О. Ф. Миллеру от 26 августа 1880 г.: «за мое слово в Москве, видите, как мне досталось от нашей прессы почти сплошь: точно я совершил воровство—мошенничество или подлог в каком-нибудь банке. Даже Юханцев [1]) не был облит такими помоями, как я. (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, стр. 343, СПБ. 1883 г.)

Письмо Ф. М. Достоевского к К. П. Победоносцеву сохранилось в числе других его писем, которые К. П. Победоносцев, по смерти писателя, возвратил Анне Григорьевне при письме ей такого содержания:

«Спешу послать вам, милая Анна Григорьевна, отысканные мною письма Федора Михайловича. Им место у вас в общем собрании его писем, из которых со временем можно будет извлечь нечто цельное. Здравствуйте.

Душевно преданный *К. Победоносцев*.

12 мая 1885 г.

---

[1]) К. Н. Юханцев был судим 22—25 января 1879 г. в СПБ. в окружном суде за растрату крупной суммы О-ва Взаимного Поземельного Кредита (подр. см. А. Ф. Кони «Судебные речи 1868—1888 г.г.». II. 1897 г., стр. 447—465).

Писем Ф. М. к К. П. Победоносцеву имеется несколько—за 1880 г. (2), 1879 (3) и т. д.

Печатаемые письма писались Ф. М. большею частью наспех, в нервном возбуждении, потому-то местами речь его отступает от обычных приемов согласования и расстановки слов. Знаки препинания часто опущены; иногда после запятой или двоеточия ставится заглавная буква; твердые знаки и окончания слов также нередко отсутствуют. При печатании все эти особенности письма Ф. М. по техническим соображениям не соблюдены: введена современная пунктуация и т. п. В скобки взяты окончания недописанных Ф. М. слов—«Катков» Ѳ. М. часто пишет, как «Котков»; мы решили сохранить всюду принятое позднее чтение «Катков», хотя во время Достоевского равноправным было чтение и «Котков».

Примечания к письмам помещены после текста писем.

Письмо к К. П. Победоносцеву.

Старая Русса. 19 мая 80.

Глубокоуважаемый
Константинъ Петровичъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ не могу и на этотъ разъ пропустить 21-е число, чтобъ пожелать Вамъ, искренно и отъ всего сердца, всего самого лучшаго и чего желаете сами въ день Вашего Ангела. Дай Вамъ Богъ прежде всего здоровья, а потомъ всякаго великолѣпнаго успѣха въ новыхъ трудахъ Вашихъ. Адресую Вамъ мое посланіе на старую Вашу квартиру, надѣюсь, что почтамту извѣстно Ваше новое помѣщеніе. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга (ровно недѣлю назадъ) положилъ было непремѣнно побывать у Васъ, чтобъ проститься на все лѣто и испросить у Васъ напутственное слово, въ которомъ, по одному особому случаю, очень нуждался. Но суета и хлопоты отъѣзда рѣшили иначе, и быть у Васъ не могъ. Пріѣхалъ же сюда въ Руссу не на отдыхъ и не на покой: долженъ ѣхать въ Москву на открытіе памятника Пушкина, да притомъ еще въ качествѣ депутата отъ Славянского Благотворительнаго Общества. И оказывается, какъ я уже и предчувствовалъ, что не на удовольствіе поѣду, а даже, можетъ быть, прямо на непріятности. Ибо дѣло идетъ о самыхъ дорогихъ и основныхъ убѣжденіяхъ. Я уже и въ Петербургѣ мелькомъ слышалъ, что тамъ въ Москвѣ свирѣпствуетъ нѣкая клика, старающаяся не допустить иныхъ словъ на торжествѣ открытія, и что опасаются они нѣкоторыхъ р е т р о г р а д н ы х ъ словъ, которые могли бы быть и н ы м и сказаны въ засѣданіяхъ Люб. Россійской Словесности, взявшихъ на себя все устройство праздника. Меня же именно приглашалъ Предсѣдатель Общества [1]), и само Общество (офиціальной бумагою) г о в о р и т ъ на открытіи. Даже въ газетахъ уже напечатано про слухи

[1]) Юрьев, С. А. (см. дальше).

о нѣкоторыхъ интригахъ. Мою рѣчь о Пушкинѣ я приготовилъ и какъ разъ, въ самомъ крайнемъ духѣ моихъ (нашихъ, то-есть, осмѣлюсь такъ выразиться) убѣжденій, а потому и жду, можетъ быть, нѣкоего поношенія. Но не хочу смущаться и не боюсь, а своему дѣлу послужить надо и буду говорить небоязненно. Профессора ухаживаютъ тамъ за Тургеневымъ [1]), который рѣшительно обращается въ какого-то личнаго мнѣ врага. (Въ «Вѣстникѣ Европы» пустилъ обо мнѣ мелкую сплетню о небываломъ одномъ происшествіи 35 лѣтъ тому назадъ) [2]). Но славить Пушкина и проповѣдывать «Вѣрочку» я не могу [3]). Впрочемъ, что Васъ утруждать мелкими сплетнями! Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ не одни только сплетни, а дѣло общественное и большое, ибо Пушкинъ именно выражаетъ идею, которой мы всѣ (малая кучка пока еще) служимъ, и это надо отмѣтить и выразить: это-то вотъ имъ и ненавистно. Впрочемъ, можетъ-быть, просто не дадутъ говорить. Тогда мою рѣчь напечатаю.

Крѣпко жму Вашу руку, Глубокоуважаемый Константинъ Петровичъ. Возвратясь примусь кончать Карамазовыхъ, все лѣто въ трудѣ. Но не жалуюсь, а люблю этотъ трудъ. Съ будущаго же года, уже рѣшилъ теперь, непремѣнно возобновлю «Дневникъ Писателя». Тогда опять прибѣгну къ Вамъ (какъ прибѣгалъ и въ оны дни) за указаніями, въ коихъ, вѣрю горячо, мнѣ не откажете.

А пока примите увѣреніе въ моей горячей преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга *Ф. Достоевскій.*

Жена поздравляетъ Васъ и меня попрекнула сейчасъ, что объ ней забылъ написать.

Письма к женѣ, Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской.

1.

Москва. 23-24 мая 80.

Милый другъ мой Аня, ты представить не можешь, какъ меня разстроило дорогой извѣстіе о кончинѣ Императрицы [4]). Миръ ея душѣ, помолись за нее. Услышалъ я про это въ вагонѣ, только что выѣхали изъ Новгорода, отъ пассажировъ. Сейчасъ у меня явилась мысль, что празднества Пушкину состояться не могутъ. Думалъ даже вернуться изъ Чудова, но удержался отъ невѣденія: «Если празднествъ, дескать—не будетъ, то могутъ открыть памятникъ безъ празднествъ, съ одними литературными засѣданіями и рѣчами». И вотъ только 23, уже выѣхавъ изъ Твери, купилъ Москов. Вѣдомости, и въ нихъ прочелъ извѣщеніе отъ Генералъ-Губернатора Долгорукаго, что Государь повелѣлъ отложить открытіе памятника до другого времени. Такимъ образомъ пріѣхалъ въ Москву уже совсѣмъ безъ цѣли. Думаю выѣхать во вторникъ 28 утромъ въ 9 часовъ. До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ,

воспользуюсь случаемъ, что попалъ въ Москву и кое-что узнаю, повидаю Любимова [5]) и переговорю о капитальномъ, тоже Каткова [6]), обойду книгопродавцевъ и проч. Только бы успѣть. Узнаю, наконецъ, и объ литературныхъ интригахъ подноготную. Съ Анной Николаевной разстались въ Чудовѣ, задушевно облобызавшись. Обѣщала воротиться, если только будетъ какая возможность. День былъ жаркій. Я буквально ничего не спалъ и, усталый и совершенно изломанный, добрался въ Москву къ 10 часамъ по Московскому. Въ вокзалѣ ждали меня съ торжествомъ Юрьевъ [7]), Лавровъ [8]), вся редакція и сотрудники Русской Мысли (Николай Аксаковъ [9]), Барсовъ [10]), человѣкъ 10 другихъ). Перезнакомились. Тотчасъ же стали звать къ Лаврову на нарочно приготовленный ужинъ. Но я такъ былъ измученъ дорогой, до того немытъ, въ грязномъ бѣльѣ и проч., что отказался. Завтра, 24-го, поѣду къ Юрьеву во 2-мъ часу. Лавровъ сказалъ, что самая лучшая и комфортная гостиница въ Москвѣ Л о с к у т н а я (на Тверской, сейчасъ близь площади, гдѣ Иверская Божія Матерь), и тотчасъ же побѣжалъ и привелъ кучера, сказавъ, что это извозчикъ, но онъ, кажется, былъ не извозчикъ, а лихачь, или его кучеръ. Привезя въ гостиницу, денегъ не хотѣлъ брать, но я ему далъ насильно 70 коп. Въ Лоскутной все занято, но мнѣ отыскали № въ 3 р., очень порядочно меблированный, но окнами выходящій во дворъ и въ стѣну, такъ что думаю, что завтра будетъ темно.—Предвижу, что статья моя до времени напечатана не будетъ, ибо странно ее печатать теперь. Такимъ образомъ, поѣздка до времени не окупится. Теперь уже часъ ночи. Очень тяжело безъ васъ троихъ, безъ тебя и безъ милыхъ дѣтокъ.

Цалую всѣхъ васъ крѣпко, тебя первую, а затѣмъ Лилю и Федю [11]). Поцалуй ихъ за меня покрѣпче и скажи, что я ихъ ужасно люблю. Съ книгопродавцевъ, вѣроятно, н е у с п е ю ничего получить, ибо въ 2 дня они не справятся. Ну, до свиданія. Не знаю, получу ли отъ тебя письмецо. Пиши на имя Елены Павловны [12]). Полагаю, однако, что тебѣ отвѣчать на это письмо мнѣ нельзя, ибо получу не раньше 29, а 29 я хочу быть уже въ Руссѣ. Вотъ если ты бы сама догадалась написать Еленѣ Павловнѣ, было бы прекрасно. Если случится (Боже сохрани) какое несчастье, то телеграфируй мнѣ уже въ Гостиницу Лоскутную, на Тверской, Ѳ. М. Достоевскому, занимаю № 32.

Еще разъ обнимаю всѣхъ трехъ и крѣпко цалую.

Твой *Ѳ. Достоевскій.*

2.

Лоскутная Гостиница на Тверской.

М о с к в а. Воскресеніе, 25 мая 80.

Милый другъ мой Аня, вчера утромъ посѣтили меня въ торжественномъ визитѣ Лавровъ, Ник. Аксаковъ и одинъ доцентъ университета Звѣревъ [13]), пришли заявить почтеніе. Долженъ былъ въ то же утро отдавать всѣмъ троимъ визиты. Взяло много времени и разъѣздовъ.

Затѣмъ отправился къ Юрьеву. Встрѣча восторженная съ лобызаніями. Узналъ, что они хотятъ просить, чтобъ дозволили открыть памятникъ осенью, въ октябрѣ, а не въ іюнѣ и въ іюлѣ, какъ, кажется, наклонно сдѣлать начальство; но тогда открытіе будетъ эскамотировано, ибо никто не пріѣдетъ. О ходѣ дѣлъ отъ Юрьева не могъ добиться толку, человѣкъ безпорядочный, въ новомъ видѣ Репетиловъ. Однако же съ хитростью. (Интриги однако были несомнѣнныя.) Между прочимъ, я заговорилъ о статьѣ моей, и вдругъ Юрьевъ мнѣ говоритъ: «я у васъ статью не просилъ» (т.-е. для журнала!). Тогда какъ я помню въ письмахъ его именно просилъ. Штука въ томъ, что Репетиловъ хитеръ: ему не хочется брать теперь статью и платить за нее. «Но на осень, на осень Вы намъ дайте; никому какъ намъ, мы просимъ первые, слышите, а къ тому времени вы ее тщательнѣе отдѣлаете» (т.-е. точно ужъ ему извѣстно, что она теперь нетщательно отдѣлана). Я, разумѣется, тотчасъ же прекратилъ о статьѣ и обѣщаніе на осень далъ лишь вообще. Не понравилось мнѣ это ужасно.—Затѣмъ поѣхалъ къ Новиковой [14]), былъ встрѣченъ очень любезно. Затѣмъ визиты, затѣмъ къ Каткову: не засталъ дома ни Каткова, ни Любимова. Отправился по книгопродавцамъ. Двое (Кашкинъ) перемѣнили квартиры. Всѣ обѣщали что-нибудь дать въ понедѣльникъ. Не знаю, дадутъ ли. Поѣду, однако, въ понедѣльникъ и постараюсь записать новыя квартиры. Затѣмъ заѣхалъ къ Ив. С. Аксакову [15]). Онъ еще въ городѣ, но дома не засталъ, въ банкѣ. Затѣмъ, воротясь домой, обѣдалъ. Затѣмъ въ 7 часовъ поѣхалъ къ Каткову: засталъ и Каткова и Любимова, былъ встрѣченъ очень, очень радушно, и переговорилъ съ Любимовымъ на счетъ доставки Карамазовыхъ. Очень настаиваютъ, чтобъ на іюнь. (Воротясь придется чертовски работать.) Затѣмъ упомянулъ о статьѣ, и Катковъ настоятельно сталъ просить ее себѣ, т.-е. все-таки на осень. Взбѣшенный на Юрьева, я почти обѣщалъ. Такъ что теперь, если «Русская Мысль» захочетъ статью, то сдеру непомѣрно, иначе Каткову. (Статью къ тому же времени можно еще распространить.)

У Каткова *) (у котораго опрокинулъ чашку съ чаемъ и весь замочился)—отправился къ Варѣ [16]). Засталъ, и хоть было уже около 10 часовъ, но мы поѣхали съ ней къ Еленѣ Павловнѣ. Варя только что получила письмо отъ брата Андрея [17]) (на счетъ дворянскихъ документовъ) для передачи мнѣ. Письмо взялъ себѣ **). Елена Павловна, оказалось, переѣхала на другую квартиру и содержать номера бросила. Отправились на другую квартиру и застали у ней въ гостяхъ Машу и Нину Ивановыхъ [18]) (съ которыми Елена Павловна помирилась) и Хмырова [19]). Ивановы отправляются дня черезъ три въ «Доровое», тоже и Хмыровъ, ибо тамъ тоже гоститъ его жена у Вѣры Михайловны [20]). Посидѣли съ часъ. Воротясь домой, нашелъ письмо, занесенное лично Ник. Аксаковымъ и Лавровымъ: зовутъ 25-го (т.-е. сегодня) на обѣдъ и явятся за мной въ 5 часовъ. Устраиваютъ сотрудники Русской

*) Вм. «От Каткова».

**) Первоначально было: «получилъ»; затем зачеркнуто и сверху написано: «взялъ себѣ».

Мысли, но будутъ и другіе. Я думаю, будетъ человѣкъ отъ 15 до 30, по намекамъ Юрьева (еще когда былъ у него). Кажется, обѣдъ дѣлается по поводу моего пріѣзда, т.-е. въ честь меня, будетъ же гдѣ-нибудь, вѣрно, въ ресторанѣ. (Эти всѣ московскіе молодые литераторы восторженно хотятъ со мной познакомиться.) Теперь третій часъ. Черезъ 2 часа они придутъ. Не знаю только, въ сюртукѣ ли быть или во фракѣ. Но вотъ и весь мой бюллетень. Денегъ у Каткова не спрашивалъ, но сказалъ Любимову, что можетъ быть лѣтомъ понадобится. Тогда Любимовъ отвѣтилъ, что по первому востребованію вышлетъ, куда я прикажу. Завтра надо объѣхать книгопродавцевъ. Заѣхать къ Еленѣ Павловнѣ: нѣтъ ли отъ тебя письма, быть у Машеньки, которая ужасно просила меня и проч. Послѣ завтра, во вторникъ, 27-го, выѣду въ Руссу, но не знаю еще, съ утреннимъ или съ полуденнымъ поѣздомъ. Боюсь, что завтра мнѣ не дадутъ дѣла дѣлать: Юрьевъ все кричалъ, что ему «надо со мной бесѣдовать, бесѣдовать» и проч. Очень мнѣ вообще скучно, и нервы разстроены. Болѣе, я думаю, тебѣ не напишу, развѣ въ случаѣ чего-нибудь очень характернаго. До свиданія, голубчикъ. Цалую тебя крѣпко и дѣтокъ. Очень поцалуй Лилю и Федю. Очень Васъ люблю.

Твой *Θ. Достоевскій.*

Post-Scriptum.

25 мая, 2 часа пополудни.

Милая Аня, распечаталъ вчера еще запечатанный къ тебѣ конвертъ, чтобъ сдѣлать приписку. Сегодня утромъ, пришелъ ко мнѣ Иванъ Серг. Аксаковъ съ тѣмъ, чтобъ настоятельнѣйшимъ образомъ просить меня остаться на открытіе, такъ какъ оно произойдетъ, какъ всѣ ожидаютъ, до 5-го. Онъ говоритъ, что мнѣ нельзя уѣхать, что я не имѣю п р а в а на то, что я имѣю вліяніе на Москву, и главное на студентовъ и молодежь вообще, что это повредитъ торжеству нашихъ убѣжденій *), что слышалъ вчера за обѣдомъ конспектъ моей рѣчи, онъ проникся убѣжденіемъ, что я долженъ говорить, и проч. проч. Съ другой стороны объявилъ мнѣ, что я какъ депутатъ отъ Слав. Благотв. Общества и не могу уѣхать, ибо всѣ депутаты, въ виду слуха о близкомъ открытіи, остались ждать. Онъ ушелъ, и тотчасъ пришелъ Юрьевъ (у котораго я сегодня обѣдаю), говорилъ то же самое. Долгорукій **) сегодня (25-го) уѣхалъ въ Петербургъ и далъ слово прислать телеграмму изъ Петербурга о точномъ днѣ открытія памятника. Телеграмму ждутъ не позже среды, 28, а м о ж е т ъ б ы т ь и з а в т р а. Я рѣшилъ такъ: остаться ждать телеграммы о днѣ открытія и если дѣйствительно открытіе назначено между 1-мъ и 5-мъ іюня, то остаться. Если же позже, то уѣхать въ Руссу 28-го или 29, объ этомъ и сообщилъ Юрьеву. Главное, я все не могу узнать, гдѣ Золотаревъ [21]). Юрьевъ далъ слово, что сегодня узнаетъ и пріѣдетъ мнѣ скажетъ.

**) Зачеркнуто «коренныхъ».

*) Вм. Долгоруковъ (ген.-губернаторъ Москвы).

Тогда я могу уѣхать даже и какъ депутатъ Слав. Благот. Общества, возложивъ присутствовать на торжествѣ на одного Золотарева. (Кстати; вѣнки на памятникъ заготовляются на свой счетъ, а вѣнокъ стоитъ 50 руб. (!). *Далее зачеркнуто четыре строчки.)* Затѣмъ Юрьевъ началъ приставать, чтобъ статья была напечатана въ Русской Мысли. Тутъ я высказалъ ему все, т.-е. что почти обѣщалъ Каткову. Онъ страшно взволновался и огорчился, извинялся, утверждалъ, что я его не такъ понялъ, что вышло qui pro quo, и когда я намекнулъ, что беру за мою работу деньги, то закричалъ, что Лавровъ опредѣлилъ мнѣ заплатить за работу мою все, что я спрошу, т.-е. даже 400 или 500 руб.,—я и сказалъ Юрьеву, что я почти обѣщалъ статью Каткову, именно имѣлъ въ виду просить отсрочку Карамазовыхъ, именно по поводу того (передъ публикой), что вмѣсто Карамазовыхъ явится статья о Пушкинѣ. Теперь же, если я отдамъ въ Р. Мысль, то выходитъ, что я выпрошу у Каткова отсрочку именно съ цѣлью воспользоваться этой отсрочкой, чтобъ работать на врага его Юрьева (Представь, такимъ образомъ, въ какомъ я положеніи! но Юрьевъ самъ виноватъ). Катковъ обидится. Правда, Катковъ 400 руб., напримѣръ, не дастъ (да и 300 руб. даетъ лишь за Карамазовыхъ, а за статью, пожалуй, и не дадутъ 300 р.), такъ что лишнія сотни полторы отъ Юрьева окупили бы мое здѣсь промедленіе до открытія памятника. Однимъ словомъ, хлопотъ и затрудненій бездна. Какъ и что будетъ, не знаю, но рѣшилъ пока остаться до 28. Такимъ образомъ, если не назначатъ открытія памятника до 5-го, то 29-го или 30-го ворочусь въ Руссу (постаравшись гдѣ нибудь помѣстить статью.—Ты же мнѣ хоть что-нибудь напиши немедленно опять повторяю просьбу). Неужели же я такъ ни строчки отъ тебя не получу? Пиши непремѣнно по тѣмъ адресамъ, которые я вчера въ письмѣ (которое вмѣстѣ съ Postscriptum получишь) назначилъ. Если хочешь, телеграфируй. Юрьевъ разсказалъ, что сегодня множество лицъ приходили къ нему ругаться: зачѣмъ онъ скрылъ отъ нихъ вчерашній обѣдъ? Приходили даже 4 студента просить мѣста на обѣдъ. Между прочими приходили Сухомлиновъ [22]), который здѣсь, Гатцукъ [23]), Висковатовъ [24]) и другіе.—Сейчасъ поѣду по книгопродавцамъ. До свиданія. Еще разъ цѣлую васъ всѣхъ.

Твой *Ѳ. Достоевскій.*

Юрьевъ имѣлъ уже статью Ив. Аксакова о Пушкинѣ. Вотъ почему, вѣроятно, 3-го дня и отвиливали. Услышавъ же то, что я вчера на обѣдѣ говорилъ о Пушкинѣ, вѣроятно, рѣшилъ, что и моя статья необходима. Тургеневъ тоже написалъ статью о Пушкинѣ [25]).

3.

Гостиница Лоскутная на Тверской.
(№ занимаю 33-й).

Москва, 25-26 мая 80.

Милый другъ мой Аня, вотъ и еще тебѣ письмо (пишу во 2-мъ часу ночи). Можетъ-быть, придетъ къ тебѣ послѣ моего пріѣзда (ибо все-таки намѣренъ выѣхать во вторникъ 27-го), но пишу тебѣ на всякъ-

кій случай, ибо обстоятельства такъ складываются, что, можетъ быть, я и еще на нѣкоторое время останусь. Но по порядку. Сегодня, 25-го, въ 5 часовъ пріѣхали за мной Лавровъ и Ник. Аксаковъ и повезли меня въ собственной коляскѣ въ Эрмитажъ. Они были въ сюртукахъ и я поѣхалъ въ сюртукѣ, хотя обѣдъ, какъ оказалось, былъ именно устроенъ въ честь меня. Въ Эрмитажѣ уже ждали насъ литераторы, профессора и ученые, всего 22 человѣка. Юрьевъ съ 1-го слова заявилъ мнѣ, въ торжественной встрѣчѣ, что на обѣдъ рвались многіе и что если бъ только былъ данъ сроку еще всего одинъ день, то собрались бы сотни гостей, но устроили они слишкомъ поспѣшно, а потому и боятся, что когда узнаютъ многіе другіе, то станутъ ихъ упрекать, что ихъ не позвали. Было 4 профессора университета, одинъ директоръ гимназіи Поливановъ [26]) (другъ фамиліи Пушкиныхъ), Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, Николай Аксаковъ, Николай Рубинштейнъ [27]) (московскій) и проч. и проч. Обѣдъ былъ устроенъ чрезвычайно роскошно. Занята цѣлая зала (что стоило не мало денегъ). Утонченность обѣда до того дошла, что послѣ обѣда, за кофеемъ и ликеромъ, явились двѣ сотни великолѣпныхъ и дорогихъ сигаръ. Не по-петербургски «устраиваютъ»! балыки, осетры въ $1^1/_2$ аршина, полутораршинная разварная стерлядь, черепашій супъ, земляника, перепела, удивительная спаржа, мороженое, изысканнѣйшія вина и шампанское рѣкой. Сказано было мнѣ (съ вставаніемъ съ мѣстъ) 6 рѣчей, иныя очень длинныя. Говорили Юрьевъ, оба Аксаковы, 3 профессора, Николай Рубинштейнъ. За обѣдомъ получены были двѣ привѣтственныя телеграммы, одна отъ одного самого уважаемаго профессора, выѣхавшаго внезапно изъ Москвы. Говорилось о моемъ «великомъ» значеніи, какъ художника «всемірно-отзывчиваго», какъ публициста и русскаго человѣка. Затѣмъ безконечное число тостовъ, при чемъ всѣ вставали и подходили со мной чокаться. Дальнѣйшія подробности при свиданіи. Всѣ были въ восторженномъ состояніи. Я отвѣчалъ всѣмъ весьма удавшеюся рѣчью, произведшею большой эффектъ, при чемъ свелъ рѣчь на Пушкина. Произвело сильное впечатлѣніе.

Теперь одно пренесносное и затруднительнѣйшее дѣло: депутація отъ Любителей Р. Словесности была сегодня у кн. Долгорукаго, и онъ объявилъ, что открытіе памятника послѣдуетъ между 1-мъ и 5-мъ числомъ іюня. Точнаго, однако, числа не обозначилъ. И вотъ всѣ они въ восторгѣ. Литераторы, дескать, и нѣкоторыя депутаціи не разъѣдутся и хоть не будетъ музыки и театральныхъ представленій, то все же будутъ засѣданія Словесности, рѣчи и обѣды. Когда же я объявилъ, что уѣзжаю 27-го, то поднялся рѣшительный гамъ: «не пустимъ!». Поливановъ (состоящій въ Комиссіи по открытію памятника), Юрьевъ и Аксаковъ объявили вслухъ, что вся Москва беретъ билеты на засѣданія и всѣ берущіе билеты (на заседанія Люб. Р. Словесности) берутъ, спрашивая (и посылая по нѣскольку разъ справляться): будетъ ли читать Достоевскій? И такъ какъ они не могли всѣмъ отвѣтить, въ какомъ именно засѣданіи буду я говорить, въ первомъ или во 2-мъ, — то всѣ стали брать на оба засѣданія. «Вся Москва будетъ въ огорченіи и негодованіи на насъ, если

вы уѣдете», говорили они мнѣ всѣ. Я отговаривался, что мнѣ надо писать Карамазовыхъ; они серьезно стали кричать о депутаціи къ Каткову просить отложить мнѣ срокъ. Я сталъ говорить, что ты и дѣти будутъ безпокоиться, если я такъ надолго останусь, и вотъ (совсѣмъ не въ шутку) не только предложили послать къ тебѣ телеграмму, но даже и депутацію въ Старую Руссу къ тебѣ, просить тебя, чтобъ я остался. Я отвѣчалъ, что завтра, т.-е. въ понедѣльникъ, 26-го, рѣшу.

Сижу теперь въ страшномъ затрудненіи и безпокойствѣ: съ одной стороны упроченіе вліянія моего не въ одномъ Петербургѣ, а и въ Москвѣ, что много значитъ, съ другой—разлука съ вами, затрудненія по Карамазовымъ, расходы и проч. Наконецъ, хоть «Слово» мое о Пушкинѣ теперь уже непремѣнно будетъ напечатано, но гдѣ,—вѣдь я почти что, въ субботу, обѣщалъ ее Каткову. А стало-быть «Любители» и Юрьевъ будутъ въ горѣ. А отдать имъ, разсердится Катковъ. Думаю пока непремѣнно уѣхать, если не 27-го, то 28-го или 29-го, когда отъ Долгорукаго полученъ уже будетъ точный срокъ открытія. Можетъ-быть, до этого полученія отвѣта придется выждать. Съ другой же стороны, опять таки, Долгорукій говоритъ еще самъ отъ себя, изъ Петербурга же точнаго срока пока не получилъ (да и самъ, кажется, на нѣсколько дней ѣдетъ въ Петербургъ), такъ что я, положимъ, что остался бы до 5-го іюня, а вдругъ получится повелѣніе отложить еще до 10-го, или до 15-го, тогда все мнѣ ждать? Завтра скажу Юрьеву, что уѣду 27-го, но если останусь, то въ случаѣ какихъ-нибудь точныхъ и серьезныхъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, теперь въ ужасномъ безпокойствѣ. Послѣ обѣда заѣзжалъ къ Еленѣ Павловнѣ, но отъ тебя—не нашелъ. Конечно, еще рано изъ Руссы, но неужели и завтра не получу? Съ Еленой Павловной доѣхалъ къ Машенькѣ Ивановой и разсказалъ ей, что обѣдалъ съ Рубинштейномъ, была восхищена. Во всякомъ случаѣ, какъ получишь это письмо мое, непремѣнно мнѣ отвѣть: все равно, если я выѣду, то Елена Павловна перешлетъ письмо, нераспечатывая, въ Руссу. И потому непремѣнно и сейчасъ же отвѣть. Адресъ самый точный Елены Павловны: На Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенья, что на Остоженкѣ, домъ Дмитревской, съ передачею Ѳ. М. Дос[тоевско]му. Если же захочешь телеграфировать, то телеграфируй или къ Еленѣ Павловнѣ, или прямо ко мнѣ, въ гостиницу Лоскутную, на Тверской,—также вѣрно получу. (Письма же лучше адресуй на Елену Павловну.)

Я выбранъ въ члены Общества Люб. Россійской Словесности еще годъ назадъ, но прежній секретарь Безсоновъ [28]) по небрежности не увѣдомилъ меня о выборѣ, въ чемъ мнѣ и принесли извиненіе. Обнимаю тебя, дорогая моя, крѣпко, дѣтокъ цалую, вижу странные и знаменательные сны по ночамъ.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій.*

P. S. Думаю все-таки настоять и выѣхать 27-го, правда, тогда, пожалуй, рѣчь не придется напечатать, ибо будетъ имѣть значеніе не какъ рѣчь, а какъ статья. Это надо обдѣлать.

(На полях приписка: «А рѣчь я сказалъ хорошо. Еще разъ обнимаю тебя. Дѣтокъ расцалуй, разскажи имъ о папѣ.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій»)*.

4.

Гостиница Лоскутная, в № 33.

Москва. 27 мая 80. 3 часа пополудни.

Милый другъ мой Аня, опять новости. Когда я пріѣхалъ, меня тогда Юрьевъ и Лавровъ препроводили въ гостиницу Лоскутную, и я тогда занялъ 32-й № за 3 руб. На другое утро явился ко мнѣ управляющій гостиницей (еще молодой человѣкъ, имѣющій видъ образованнаго господина) и нѣжнымъ голосомъ предложилъ мнѣ перебраться въ другой № напротивъ, 33-й. Такъ какъ № 33-й былъ несравненно лучше моего 32-го, то я тотчасъ же согласился и перебрался. Подивился только про себя, какъ такой хорошій № ходитъ по той же цѣнѣ, т.-е. по три рубля; но такъ какъ управляющій ничего не говорилъ о цѣнѣ №, а просто просилъ перебраться, то я и заключилъ, что тоже въ три рубля. Вчера, 26-го, я обѣдалъ у Юрьева, и вотъ Юрьевъ вдругъ говоритъ, что въ Думѣ я записанъ въ Лоскутной гостиницѣ № 33-й. Я удивился и спросилъ: почему знаетъ Дума?—Да вѣдь вы же стоите на счетъ Думы, отвѣтилъ Юрьевъ. Я закричалъ, Юрьевъ началъ твердо возражать, что я не могу иначе поступить, какъ принявъ отъ Думы помѣщеніе, что всѣ гости стоятъ на счетъ Думы, что дѣти даже Пушкина [29]), племянникъ Пушкина Павлищевъ [30]), стоитъ въ нашей гостиницѣ, всѣ на счетъ Думы, что, отказавшись принять гостепріимство Думы, я оскорблю и что это надѣлаетъ скандалу, что Дума гордится, считая въ числѣ гостей своихъ людей, какъ я, и проч. и проч. Я рѣшилъ, наконецъ, что если и приму отъ Думы квартиру, то не приму ни за что содержанія. Когда я воротился домой, то управляющій опять ко мнѣ зашелъ спросить: всѣмъ ли я доволенъ, не надо ли мнѣ чего-нибудь, покойно ли мнѣ — все это съ самою подобострастною вѣжливостью. Я тотчасъ же спросилъ его: правда ли, что я стою на счетъ Думы?—Точно такъ-съ.—А содержаніе?—И все содержаніе ваше тоже-съ отъ Думы.—Да я этого не хочу!—Въ такомъ случаѣ вы оскорбите не только Думу, но весь городъ Москву. Дума гордится, имѣя такихъ гостей, и проч.—Что мнѣ теперь, Аня, дѣлать? Не принять нельзя, разнесется, войдетъ въ анекдотъ, въ скандалъ, что не захотелъ, дескать, принять гостепріимство всего города Москвы и проч. Потомъ вечеромъ я спрашивалъ Лаврова и Юрьева,—и всѣ удивляются моей щепетильности и прямо говорятъ, что я оскорблю всю Москву, что это запомнится, что объ этомъ толки будутъ. Такимъ образомъ, рѣшительно вижу, что надо принять полное гостепріимство. Но за то как же это меня стѣснитъ! Теперь буду нарочно ходить обѣдать въ ресторанъ, чтобъ по возможности убавить счетъ, который будетъ представленъ гостиницей Думѣ. А я то два раза уже былъ недоволенъ

кофеемъ и отсылалъ его переварить погуще: въ ресторанѣ скажутъ: ишь на даровомъ-то хлѣбѣ важничаетъ. Два раза спросилъ въ конторѣ почтовыя марки: когда представятъ потомъ счетъ Думѣ, скажутъ: ишь обрадовался, даже марки на казенный счетъ бралъ! Такъ что я стѣсненъ и иные расходы непремѣнно возьму на себя, что, кажется, можно устроить. Въ результатѣ: сколько бы я ни прожилъ въ Москвѣ, непремѣнно не очень проживусь.

(NB. Получилъ вчера съ Соловьева, съ Кишкина и съ Прѣснова [31]) всего в сложности до 170 руб., счета увидишь сама, какъ пріѣду. Изъ Центральнаго Маг[азина] и отъ Морозовыхъ еще не получилъ.)

Вчера въ четыре часа по полудни всѣмъ стало извѣстно со словъ Долгорукаго (твердыхъ словъ), что открытіе памятника послѣдуетъ 4-го іюня и что такъ настоятельно хотятъ въ Петербургѣ. Окончательная телеграмма отъ Долгорукаго о точномъ днѣ открытія придетъ лишь завтра, но всѣ здѣсь твердо увѣрены, что открытіе будетъ 4-го, получены, кромѣ того, объ этомъ же письма изъ Петербурга. Депутаціи (множество) отъ разныхъ городовъ и учрежденій ждутъ и не разъѣзжаются. Господствуетъ сильнѣйшее оживленіе. Меня рѣшительно не пускаютъ. Рѣшилъ теперь, что, кажется, непремѣнно останусь и если открытіе произойдетъ 4-го, то выѣду отсюда въ Руссу,—стало-быть, 8-го и 9-го буду у Васъ. Сейчасъ утромъ приходилъ Григоровичъ [32]) и приходилъ Юрьевъ, кричатъ: что отсутствіе мое почтется всей Москвой за странность, что всѣ удивятся, что вся Москва только и спрашиваетъ: буду ли я, что о моемъ отъѣздѣ пойдутъ анекдоты, скажутъ, что у меня не хватило настолько гражданскаго чувства, чтобъ пренебречь своими дѣлами для такой высшей цѣли, ибо въ возстановленіи значенія Пушкина по всей Россіи всѣ видятъ средство къ новому повороту убѣжденій, умовъ, направленій. 2 причины стоятъ у меня препятствіемъ и мучают мою душу: 1-я «Русскій Вѣстникъ» и принятая еще мѣсяцъ назадъ обязанность доставить Карамазовыхъ на іюньскій №. Воротясь 10 іюня, что я напишу въ какіе-нибудь 10 дней? Любимовъ же 4-го дня отвѣтилъ, что отсрочка дальнѣйшая, на іюль, зависитъ отъ Маркевича [33]), если онъ что-нибудь доставитъ изъ своего романа, то можно отсрочить, а то такъ нѣтъ. Отвѣтъ же отъ Маркевича получится не ранѣе 10 іюня. Такимъ образомъ, я въ неизвѣстности и въ безпокойствѣ. Думалъ бы начать здѣсь Карамазовыхъ, но въ виду безпрерывной суетни, посѣщеній и приглашеній почти невозможно. 2-я причина, меня мучащая, это тоска по васъ: ни одной-то строчки до сихъ поръ не получилъ отъ тебя, а вѣдь уговорились, что ты будешь писать на адресъ Елены Павловны! Что съ тобой дѣлается, скажи ради Бога, почему не пишешь, здорова ли ты, цѣлы ли, здоровы ли дѣти? Если бъ ты что написала мнѣ по поводу того: ждать или не ждать мнѣ здѣсь открытія, я бы былъ спокоенъ. Вѣдь по газетамъ узнала же ты, что скончалась императрица, какъ бы тутъ-то не написать, предвидя, что я непремѣнно долженъ находиться въ затрудненіи. Каждый день, вчера въ дождь, ѣзжу въ ужасную даль къ Еленѣ Павловнѣ справляться: нѣтъ ли письма? Туда и назадъ рубль извозчику.—Напиши, напиши непремѣнно.

Но, кажется, рѣшусь остаться навѣрно.

Вотъ хоть бы узнать навѣрно число, а то что если опять отложатъ! Вчера, по настоятельному приглашенію, былъ на вечерѣ у Лаврова. Лавровъ—это мой страстный, изступленный почитатель, питающійся моими сочиненіями уже многіе годы. Онъ издатель и капиталистъ Русской Мысли. Самъ онъ очень богатый неторгующій купецъ. Два брата его купцы, торгуютъ хлѣбомъ, онъ же выдѣлился и живетъ своимъ капиталомъ. 33 года, симпатичнѣйшая и задушевная фигура, преданъ искусству и поэзіи. На вечерѣ у не[го] было человѣкъ 15 здѣшнихъ ученыхъ и литераторовъ, тоже нѣкоторые изъ Петербурга. Появленіе мое вчера у него произвело восторгъ. Не хотѣлъ было оставаться на ужинъ, но, видя, что огорчу смертельно всѣхъ,—остался. Ужинъ былъ, какъ большой обѣдъ, утонченно приготовленный, съ шампанскимъ. Послѣ ужина шампанское и сигары въ 75 руб. сотня. (Обѣдъ 3-го дня былъ по общей подпискѣ, весьма скромный, не свыше 3-хъ руб. с персоны, но всю роскошь, цвѣты, черепашій супъ, сигары, залу,—все это Лавровъ прибавилъ уже отъ себя.) Воротился домой въ 4-мъ часу. Сегодня Григоровичъ сообщилъ, что Тургеневъ, воротившійся отъ Льва Толстого, боленъ, а Толстой почти съ ума сошелъ, и даже можетъ быть совсѣмъ сошелъ [34]). Пріѣхалъ и Анненковъ [35]), то-то будетъ наша встрѣча.—Надо мнѣ опять повидать Каткова и Любимова, чтобъ еще уговориться, Юрьевъ же пріѣзжалъ сейчасъ за статьей, умоляя непремѣнно ее въ Русскую Мысль. Золотаревъ пріѣдетъ (получено извѣстіе). Отъ васъ только однихъ не получаю извѣстія. Аня, ради Христа, напиши, по адресамъ, какіе я далъ. Всѣ ли письма отъ меня получила? До сихъ поръ писалъ каждый день. Ты, Аня, любишь говорить, люблю ли я тебя? А у самой обо мнѣ тоски никакой, а я объ тебѣ тоскую. Что дѣтки? Хоть бы капельку объ нихъ услышать. Шутка ли, почти еще двѣ недѣли разлуки. До свиданья, голубчикъ мой, цалую тебя крѣпко, дѣтишекъ цалую и благословляю. Если будетъ что особенное, напишу и завтра.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій.*

P. S. Въ нашей гостиницѣ, кромѣ меня, стоятъ отъ Думы еще трое: два профессора изъ Казани и изъ Варшавы и Павлищевъ, родной племянникъ Пушкина. Кланяйся батюшкѣ.

5.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

Москва 27-28. 2 часа пополуночи.

Милый другъ мой Аня, наконецъ-то получилъ отъ тебя, сегодня вечеромъ, 5 строкъ, карандашемъ отъ 24 числа. И вотъ я получаю только 27-го вечеромъ! Долго же идетъ письмо. Ужасно обрадовался, да и огорчился, ибо всего только 5 строкъ, да и то съ «милымъ Ѳедоръ Михайловичемъ». Ну, да Богъ съ тобой! Надѣюсь получить впредь получше. Ты теперь уже все знаешь по моимъ письмамъ: кажется, при-

дется непремѣнно остаться на открытіе памятника. Вечеромъ былъ у Каткова. Выслушавъ все (онъ уже и отъ другихъ слышалъ, какъ меня ждетъ «Москва»), онъ твердо сказалъ, что мнѣ нельзя уѣзжать. Завтра будетъ телеграмма отъ Долгорукаго и будетъ назначенъ точный день открытія. Но всѣ говорятъ про 4-е число. Если 4-го будетъ открытіе, то выѣду, вѣроятно, 8-го (если даже не 7-го) и 9-го буду въ Руссѣ. Къ Каткову я заѣхалъ съ цѣлью получить отсрочку на Карамазовыхъ до іюльской книжки. Онъ выслушалъ все очень дружественно (и вообще былъ до нельзя ласковъ и предупредителенъ, какъ никогда со мной прежде), но объ отсрочкѣ не сказалъ ничего точнаго. Все зависитъ отъ Маркевича, т.-е. пришлетъ ли онъ продолженіе своего романа. Я разсказалъ Каткову о знакомствѣ моемъ съ высокой особой у графини Менгденъ [36]) и потомъ у К. К. [37]). Былъ пріятно пораженъ, совсѣмъ лицо измѣнилось. Въ этотъ разъ я у него чаю не пролилъ, зато подчивалъ дорогими сигарами. Провожать меня вышелъ въ переднюю и тѣмъ изумилъ всю редакцію, которая изъ другой комнаты все видѣла, ибо Катковъ никогда не выходитъ никого провожать. Вообще думаю, что съ «Р. Вѣстникомъ» дѣло какъ-нибудь уладится. О статьѣ же о Пушкинѣ я не упомянулъ ни слова. Авось, забудутъ, такъ что можно будетъ передать Юрьеву, съ котораго, навѣрно, получу денегъ больше. Мечтаю даже найти до 8-го числа капельку времени и приняться здѣсь за Карамазовыхъ на всякій случай, только врядъ ли это возможно.—Если будетъ успѣхъ моей рѣчи въ торжественномъ собраніи, то въ Москвѣ (а стало-быть, и въ Россіи) буду впредь болѣе извѣстенъ какъ писатель (т.-е. въ смыслѣ уже завоеваннаго Тургеневымъ и Толстымъ величія, Гончарова, напримѣръ, который не выѣзжаетъ изъ Петербурга, здѣсь хоть и знаютъ, но отдаленно и х о л о д н о).—Но какъ я проживу безъ тебя и безъ дѣтокъ это время? Шутка ли цѣлыхъ 12 дней, о дѣткахъ сижу и мечтаю, и все мнѣ грустно. Воротилась ли бабушка? Какъ ты одна сидишь, не боишься ли чего, не тревожишься ли? Ради Бога, пиши почаще и, если Боже сохрани, что случится, тотчасъ же телеграфируй. Кстати (и обрати вниманіе): впредь адресуй мнѣ всѣ письма прямо ко мнѣ въ Гостиницу Лоскутную, на Тверской, Москва, Ѳ. М. Достоевскому, въ № 33-мъ. А то, что мнѣ каждый-то день по вечерамъ ѣздить къ Еленѣ Павловнѣ за твоими письмами? Во-первыхъ, очень отъ меня далеко, а во-вторыхъ—теряю время, такъ что, если бъ случилось чѣмъ заняться (Карамазовыми), то совсѣмъ некогда. Да и надоѣлъ тамъ. Сегодня ѣздилъ къ ней отъ Каткова, получилъ твое письмо и засталъ у ней Ивановыхъ, Машенька играла Бетховена очень хорошо. У насъ дождички пополамъ съ солнцемъ, и довольно вѣтрено и свѣжо. Машенька ѣдетъ съ Наташей [38]) послѣзавтра въ «Доровое», а Ниночка остается. Ниночка дика и неразговорчива, ничего изъ нея не вытащишь, точно конфузится. Всѣ живутъ подлѣ Елены Павловны. Ну, до свиданія. Кажется, все написалъ, что надо. Если завтра будетъ что новаго, напишу и завтра, а если нѣтъ, то послѣ завтра. О Львѣ Толстомъ и Катковъ подтвердилъ, что, слышно, онъ совсѣмъ помѣшался [34]). Юрьевъ подбивалъ меня съѣздить къ нему въ Ясную Поляну: всего туда, тамъ и обратно, менѣе двухъ сутокъ. Но я не поѣду, хотя очень бы

любопытно было. Сегодня обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ нарочно, чтобъ уменьшить счетъ въ Лоскутной. Но разсудилъ, что Лоскутная, пожалуй, все-таки проставитъ въ счетъ Думѣ, что я каждодневно обѣдалъ. Въ Лоскутной утонченно вѣжливы, ни одно письмо твое не пропадетъ, и такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ теперь уже не перемѣню гостиницу, то ты смѣло можешь мнѣ посылать письма, адресуя прямо въ Лоскутную. До свиданія, цалую васъ «милая Анна Григорьевна». Обними покрѣпче и погорячѣе дѣтокъ, скажи, что такъ папа велѣлъ.

Твой весь. *Ѳ. Достоевскій.*

Дѣти Елены Павловны при ней и очень милыя.

6.

Гостиница Лоскутная въ № 33.

Москва. 28-29 мая. 2 часа пополуночи.

Милая моя Аня, новаго только то, что пришла отъ Долгорукова сегодня телеграмма объ открытіи памятника 4-го числа. Это уже твердо. Такимъ образомъ, я могу выѣхать 8-го или даже 7-го изъ Москвы и ужъ, разумѣется, поспѣшу. Но остаться здѣсь я д о л ж е н ъ и рѣшилъ, что остаюсь. Дѣло главное въ томъ, что во мнѣ нуждаются не одни любители Р. Словесности, а вся наша партія, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лѣтъ, ибо враждебная партія (Тургеневъ, Ковалевскій [39]) и почти весь университетъ) рѣшительно хочетъ умалить значеніе Пушкина, какъ выразителя русской народности, отрицая самую народность. Оппонентами же имъ, съ нашей стороны, лишь Иванъ Серг. Аксаковъ (Юрьевъ и прочіе не имѣютъ вѣсу), но Иванъ Аксаковъ и устарѣлъ и пріѣлся Москвѣ. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуются. Мой голосъ будетъ имѣть вѣсъ, а стало быть и наша сторона восторжествуетъ. Я всю жизнь за это ратовалъ, не могу теперь бѣжать съ поля битвы. Ужъ когда Катковъ сказалъ: «Вамъ нельзя уѣзжать, вы не можете уѣхать»—человѣкъ вообще не славянофилъ—то ужъ, конечно, мнѣ н е л ь з я ѣхать.

Сегодня утромъ, въ 12 часовъ, когда я еще спалъ, пріѣхалъ ко мнѣ съ этой телеграммой Юрьевъ. Я при немъ сталъ одѣваться. Въ это время вдругъ докладываютъ, что пріѣхали двѣ дамы. Я былъ не одѣтъ и послалъ спросить: кто такія? Человѣкъ воротился съ запиской, что какая-то Г-жа Илина хочетъ просить у меня позволенія выбрать изъ всѣхъ моихъ сочиненій мѣста, подходящія къ дѣтскому возрасту, и издать такую книжку для дѣтскаго чтенія. Каково! Да вѣдь эту мысль мы давно бы должны были съ тобой сами исполнить и издать такую книжку для д ѣ т е й, которая непремѣнно пойдетъ и дастъ, можетъ быть, 2000 р. выгоды. Подари ей 2000 рублей—вотъ дерзость! Юрьевъ тотчасъ же пошелъ (такъ какъ онъ же, по вѣтренности своей, и направилъ ее ко мнѣ) объяснить ей, что отнюдь я не согласенъ, принять же ее не могу. Онъ ушелъ, и вдругъ пріѣхала Варвара Михай-

ловна и не успѣла войти, какъ вошелъ Висковатовъ,—узнавъ, что у меня гости, Варя тотчасъ убѣжала. Воротился Юрьевъ и объявилъ, что другая посѣтившая дама была сама по себѣ, фамилью не сказала, а объявила только, что пришла заявить свое безпредѣльное уваженіе, удивленіе, благодарность за все, что я ей доставилъ моими сочиненіями, и проч. Съ тѣмъ, однако, и ушла, я ее не видалъ. Я посадилъ гостей за чай, и вдругъ вошелъ Григоровичъ. Всѣ они просидѣли часа два и когда Юрьевъ и Висковатовъ ушли, Григоровичъ остался, не намѣреваясь уходить. Началъ мнѣ разсказывать разные разности за всѣ тридцать лѣтъ, вспоминать старое и проч. Наполовину, конечно, вралъ, но было и любопытно. Затѣмъ въ пятомъ часу объявилъ, что разлучаться со мною не хочетъ и сталъ упрашивать меня вмѣстѣ итти обѣдать. Мы пошли опять въ Московскій трактиръ, гдѣ обѣдали долго, а онъ все говорилъ. Вдругъ пришли Аверкіевъ [40]) и его супруга. Аверкіевъ подсѣлъ къ намъ, а Дона Анна объявила, что зайдетъ ко мнѣ (очень мнѣ ее надо!). Оказалось, что подлѣ насъ обѣдаютъ родственники Пушкина, два племянника его, Павлищевъ и Пушкинъ [41]), и еще одинъ какой-то. Павлищевъ тоже подошелъ и объявилъ, что тоже ко мнѣ придетъ. Однимъ словомъ, мнѣ какъ и въ Петербургѣ, не даютъ покоя. Послѣ обѣда Григоровичъ сталъ упрашивать меня ѣхать съ нимъ въ паркъ «подышать чистымъ воздухомъ», но я отказался, разстался съ нимъ, воротился домой пѣшкомъ и черезъ 10 минутъ отправился къ Еленѣ Павловнѣ за письмомъ. Но письма у ней не оказалось, а встрѣтилъ только Ивановыхъ. Машенька завтра уѣзжаетъ. Просидѣлъ до 11 часовъ и воротился домой пить чай и писать тебѣ письмо. Вотъ весь мой бюллетень.

Главное скверно, что письма наши ходятъ по три и по четыре дня. Увѣдомленная мною, что я возвращусь, ты, конечно, перестанешь писать ко мнѣ, ожидая меня 28-го, и когда-то еще дойдетъ до тебя вчерашнее и сегодняшнее письмо мое о новомъ рѣшеніи! Боюсь, что ты будешь въ недоумѣніи и безпокоиться. Но нечего дѣлать. Худо только то, что отъ тебя, можетъ быть, не получу 2 дня писемъ, а я по васъ изнылъ. Грустно мнѣ здѣсь, несмотря на гостей и обѣды. Ахъ, Аня, какъ жаль, что не могла ты устроиться (конечно, никакъ), чтобъ и ты со мной пріѣхала. Даже Майковъ [42]), говорятъ, измѣнилъ рѣшеніе и пріѣдетъ. Будетъ много хлопотъ, надо являться въ Думу въ качествѣ депутата (еще не знаю, когда) для полученія билета на церемонію. Окна домовъ, окружающихъ площадь, отдаются въ наемъ по 50 рублей за окно. Кругомъ устраиваются деревянныя эстрады для публики тоже за непомѣрную цѣну. Боюсь тоже дождливаго дня, чтобъ не простудиться. На обѣдѣ въ день открытія говорить не буду. Въ засѣданіи же «Любителей», кажется, буду говорить на 2-й день. Кромѣ того, взамѣнъ театральнаго представленія, думаютъ устроить чтеніе извѣстными литераторами (Тургеневъ, я, Юрьевъ) произведеній Пушкина по выбору (меня просятъ прочесть сцену инока-лѣтописца и изъ Скупого рыцаря, монологъ скупого). Кромѣ того, Юрьевъ, я и Висковатовъ прочтемъ по стихотворенію на смерть Пушкина, Юрьевъ—Губера, Висковатовъ—Лермонтова, а я—Тютчева.

Время идетъ, а мнѣ мѣшаютъ. До сихъ поръ не заѣхалъ за деньгами въ Центр. Магазинъ и къ Морозовымъ. Не былъ у Чаева [43]), надо заѣхать къ Варѣ, хотѣлъ бы тоже познакомиться съ архіереями, Николаемъ Японскимъ [44]), и здѣшнимъ викаріемъ Алексѣемъ [45])— очень любопытными людьми. Сплю не хорошо, во снѣ вижу только кошмары. Боюсь въ день открытія простудиться и кашлять на чтеніи.

Со страшнымъ нетерпѣніемъ буду ждать отъ тебя письмеца. Что-то дѣтки, Господи, какъ мнѣ хочется ихъ увидѣть! Здорова ли ты, весела ли, иль сердишься? Тяжело мнѣ безъ васъ. Ну, до свиданія. Завтра къ Ел. Павловнѣ не поѣду, обѣщалась сама прислать письмо, если будетъ. Обнимаю васъ всѣхъ крѣпко, дѣтокъ благословляю.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій.*

P. S. Если что случится, телеграфируй въ Лоскутную. Письма пиши въ Лоскутную. Вѣрно ли доходятъ мои письма? Вотъ бѣда, если какое-нибудь пропадетъ!

7.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

Москва. 30 мая 80.

Пишу тебѣ, хоть письмо пойдетъ лишь завтра, милая Аня. Новаго почти ничего. Предстоитъ только очень много хлопотъ и разныхъ чиновничьихъ церемоній: являться въ Думу, выхлопатывать билеты, гдѣ стоять и сидѣть въ празднествѣ и проч. А главное вѣнки: ихъ надо два, говорятъ, ихъ Дума же и выдаетъ—за 30 р. оба. Глупо. А Золотаревъ не ѣдетъ, но пріѣдетъ, и я всю церемонію у памятника взвалю на него: въ одномъ фракѣ и безъ шляпы можно простудиться.— Вчера утромъ были Аверкіевы, и приходили племянники Пушкина,— Павлищевъ и Пушкинъ, познакомиться. Затѣмъ ѣздилъ къ Юрьеву (на счетъ всѣхъ этихъ билетовъ и церемоній), не засталъ дома. Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда пришелъ Висковатовъ, изъяснялся въ любви, спрашивалъ, отчего я его не люблю? и проч. Все-таки былъ лучше, чѣмъ всегда. (Кстати: передалъ мнѣ, что Сабуровъ [46]) (министръ Просвѣщенія) его родственникъ, читалъ нѣкоторыя мѣста Карамазовыхъ буквально плача отъ восторга). Въ девять часовъ мы отправились къ Юрьеву, опять не застали. Висковатовъ вдругъ припомнилъ, что здѣсь Анна Николаевна Энгельгардтъ [47]), и предложилъ къ ней заѣхать. Мы поѣхали и прибыли въ 10 часовъ въ гостиницу Дюсо. Она уже спала, но была очень рада, и мы просидѣли часъ, говорили о прекрасномъ и высокомъ. Она пріѣхала не на памятникъ, а для свиданія съ какими-то родственницами, а теперь больна: у ней распухла нога. Сегодня утромъ, когда я спалъ, былъ у меня Ив. Сергѣевичъ Аксаковъ и не приказалъ будить. Затѣмъ ѣздилъ къ Поливанову (секретарю общества, директору Гимназіи). Поливановъ объяснилъ мнѣ всѣ ш а г и въ Думѣ и билеты, и откомандировалъ молодого человѣка мнѣ помогать. Познакомилъ меня съ семействомъ, сошлась цѣлая ватага учи-

телей и гимназистовъ, и мы пошли (въ томъ же зданіи) разсматривать вещи и портреты Пушкина, которые пока хранятся въ этой гимназіи. Затѣмъ, прійдя домой, засталъ записку Григоровича, приглашающаго къ 6-ти часамъ обѣдать у Тѣстова. Не знаю, пойду ли? Покамѣстъ сѣлъ написать тебѣ мой бюллетень. Въ 8-мъ часу потянусь къ Еленѣ Павловнѣ за твоимъ письмомъ. (Вчера, 29-го, получилъ). Затѣмъ домой, и сяду за мою статью, которую надо поддѣлать. Вообще житье гадкое, погода здѣсь прекрасная. Всѣ-то здѣшніе у себя дома, а я одинъ въ гостяхъ. Вечеромъ еще припишу.

30-31 мая часъ ночи.

Въ трактирѣ у Тѣстова Григоровича не нашелъ, воротился домой и обѣдалъ дома. Потомъ поѣхалъ къ Еленѣ Павловнѣ; ее дома не засталъ, а дѣти ея сказали мнѣ, что письма отъ тебя не было.—Разсчитываю, что, можетъ-быть, завтра будетъ отъ тебя письмо навѣрно. Сообразивъ теперь, понимаю, что по всѣмъ прежнимъ письмамъ моимъ ты все заключала, что я пріѣду 28-го. Но теперь ужъ, вѣрно, ты получила и тѣ письма, гдѣ я колебался: остаться или нѣтъ, стало-быть, ужъ теперь отвѣтишь. Дурно то, что уѣзжая мы какъ-то не договорились, ибо ты могла бы мнѣ все-таки, хотя и разсчитывая, что я ворочусь, писать на имя Елены Павловны, на всякій случай, чтобы не оставить меня въ невѣденіи о тебѣ и о дѣтяхъ. Разсчитываю тоже, что ко 2-му числу получу отъ тебя письмо уже прямо въ Лоскутную. Письма же на имя Елены Павловны, т.-е. прежнія, ты, конечно, и прежде могла бы писать безбоязненно, ибо хоть я бы и уѣхалъ, все же бы ихъ никто не распечаталъ, и она переслала бы ихъ обратно въ Руссу. Въ Лоскутную же адресовать ко мнѣ для меня будетъ гораздо выгоднѣе, чтобъ не ѣздить къ Еленѣ Павловнѣ, потому что теперь скоро (со 2-го числа) наступитъ большая возня, надо будетъ рано вставать и весь день маяться, такъ что ѣздить къ Еленѣ Павловнѣ даже и не нашелъ бы вовсе времени. Да и къ тебѣ перестану писать подробные бюллетени, какъ теперь: не будетъ совсѣмъ времени. 3-го числа будетъ Дума принимать гостей, рѣчи, фраки, клаки и бѣлые галстухи. А тамъ открытіе, думскій обѣдъ, затѣмъ 5-го и 6-го по утрамъ засѣданія, а вечеромъ литературныя чтенія. Да 2-го вечернее засѣданіе «Любителей», гдѣ рѣшатъ, кому въ какое время читать. Я, кажется, буду читать уже во 2-й день, т.-е. 6-го. Ѣздилъ къ Морозову и въ Центральный магазинъ. Отъ Морозова получилъ всего 14 рубл., а въ Центральномъ, хоть и сказали мнѣ, что ты писала къ нимъ, чтобъ мнѣ выдали 50 руб., но просятъ отсрочки до 6-го или 7-го числа. Такъ какъ 7-го надо, сверхъ того, сдѣлать прощальные визиты, а ихъ много, то выѣду развѣ только 8-го, съ какимъ поѣздомъ, увѣдомлю потомъ. Но 8-го постараюсь выѣхать навѣрно. Заѣзжалъ къ Варѣ. Много мнѣ разсказывала про своихъ внуковъ и спрашивала совѣта. Умная она и хорошая женщина.—Вечеромъ кой-что успѣлъ просмотрѣть въ рукописи. Что дѣтки? Очень тоскливо по нихъ, не слышно ихъ голосочковъ. И все думаю, не слу-

чилось ли у васъ чего? Если что, Боже сохрани, случится, непремѣнно телеграфируй. До свиданія, голубчикъ. Ахъ, кабы получить отъ тебя хоть что-нибудь завтра! Обнимаю тебя и дѣтокъ и крѣпко васъ всѣхъ цалую. А Карамазовы-то, Карамазовы! Эхъ, въ какую суетню въѣхалъ! Но теперь все-таки озабоченъ открытіемъ: партія у нихъ сильная. Обнимаю тебя опять и опять.

Твой *Ѳ. Достоевскій.*

Вчера сломалась днемъ моя золотая рукавная запонка, которую чинили, одна половина осталась въ рукавѣ рубашки, а другая, должнобыть, гдѣ-нибудь вылетѣла на улицѣ.

8.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

Москва. 31 мая 80. 1 часъ пополуночи.

Милая Аня, хотѣлъ было сегодня тебѣ не писать, потому что почти не объ чемъ, но такъ какъ получилъ, наконецъ, твое письмецо (отъ 29-го) и такъ какъ, дѣйствительно, предстоятъ скоро дни, что за суетой ничего тебѣ писать не буду, или много что по двѣ строчки, то и рѣшился написать теперь. Очень радъ, что вы всѣ здоровы, радъ за дѣтокъ и за тебя, и какъ будто тоска свалилась съ сердца, хотя все-таки скучно. Непріятно мнѣ, что бабушка не подождетъ до моего пріѣзда. Автографъ Гоголя Аксаковъ мнѣ обѣщалъ, хотя не знаю, успѣю ли теперь взять у него [48]). Къ тому же я перезабылъ и смѣшалъ въ головѣ всѣ адреса, такъ что надо опять справиться у Юрьева, гдѣ кто живетъ. Сегодня заходилъ ко мнѣ какой-то (забылъ фамилію) математикъ и долго сидѣлъ въ ресторанѣ въ читальной, ожидая, когда я проснусь. Когда я проснулся, онъ вошелъ и пробылъ ровно 3 минуты, и даже не сѣлъ: зашелъ объявить о своемъ глубокомъ уваженіи, удивленіи къ таланту, преданности, благодарности, высказалъ горячо и ушелъ. Сѣдоватый человѣкъ, пресимпатичное лицо. Затѣмъ посѣтилъ меня Лопатинъ [49]), тотъ молодой человѣкъ, на котораго возложилъ Поливановъ хлопотать о моихъ билетахъ въ Думѣ, о доставленіи мнѣ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и проч. Я съ нимъ разговорился и, къ пріятному удивленію моему, нашелъ въ немъ человѣка чрезвычайно умнаго, весьма мыслящаго, чрезвычайно порядочнаго и въ высшей степени моихъ убѣжденій. Однимъ словомъ, весьма пріятная встрѣча. Затѣмъ былъ Григоровичъ, много вралъ и злословилъ. Тамъ, кажется, дѣйствительно приготовляются что-то сказать намъ въ пику въ засѣданіяхъ и на обѣдахъ. Григоровичъ тоже депутатомъ отъ Литер. Фонда, въ числѣ четырехъ: Тургенева, Гаевскаго [50]), Краевскаго [51]). Всѣмъ выдалъ фондъ по 150 р. на расходы. Наше только Славянское Общество не выдало ничего, да и не могло. Григоровичъ жалуется, что 150 р. мало. Дѣйствительно, такъ здѣсь деньги идутъ и хоть я и мало здѣсь заплачу въ го-

стиницѣ, но проживусь все-таки крѣпко: извозчики, табакъ, особые расходы, покупка вѣнковъ и проч. Кстати 2 о б я з а т е л ь н ы е вѣнка приготовляетъ Дума за 30 р. съ депутата за оба. Если Золотаревъ не пріѣдетъ, то уже, конечно, я заплачу. Надо тоже купить запонки. Обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ. Затѣмъ былъ у Елены Павловны и получилъ твое письмецо. Маня ея премилая дѣвушка 20 лѣтъ, и въ гостяхъ у нихъ я замѣтилъ одного молодого доктора, интересовавшагося очень Маней. Затѣмъ съ Висковатовымъ отправились къ Ан. Ник. Энгельгардтъ, которая все сидитъ дома съ больной ногой, и застали у ней доктора, который говоритъ, что болѣзнь довольно серьезна, если чуть-чуть пренебречь. Затѣмъ воротились съ Висковатовымъ домой пѣшкомъ. Утромъ были двѣ грозы и ливень, а теперь ночь прелестная. Ну, вотъ и всѣ пока мои похожденія. Какъ-то я прочту мою рѣчь? Аксаковъ объявилъ, что у него то же самое, что у меня. Это дурно, если мы такъ уже буквально сойдемся въ мысляхъ. Какъ-то прочту потомъ на вечернихъ литературныхъ чтеніяхъ сцену Пимена и Скупого Рыцаря и тоже (главное) на смерть Пушкина Тютчева? Любопытно, какъ встрѣчусь съ Анненковымъ? Неужели протянетъ руку? Не хотѣлъ бы столкновеній. Ну, до свиданія, голубчикъ Аня. Расцалуй дѣтокъ крѣпко, напомни имъ обо мнѣ. Кланяйся Аннѣ Николаевнѣ, что она, хорошо ли съѣздила? Я-то неудачно. Надо бы зайти къ Каткову. Прощай, обнимаю тебя крѣпко.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій.*

Дѣтокъ благословляю.

P. S. (*Первое слово зачеркнуто*) подлѣ тетеньки играетъ съ ней въ карточки, гдѣ ему сюда.

9.

Гостиница Лоскутная, въ № 33.

Москва. 2-3 іюня 80 г. 2 часа ночи.

Милый дружочекъ мой Анечка, вчера вечеромъ ѣздилъ къ Еленѣ Павловнѣ за твоимъ письмомъ и ничего не получилъ, а сегодня пришло отъ тебя въ Лоскутную 2 письма, одно въ 4 часа пополудни, а другое вечеромъ. Однимъ словомъ, въ Лоскутную, повидимому, скорѣе доходитъ, чѣмъ къ Еленѣ Павловнѣ. Какъ я радъ, что Вы всѣ здоровы и меня помните. Дѣтишекъ крѣпко поцалуй за ихъ славныя приписки и непремѣнно купи имъ гостинцевъ, слышишь, Аня. Дѣтямъ и медицина предписываетъ сладкое.—Про замѣчаніе твое, что я тебя мало люблю, скажу, что оно глуписсимо. Я только о тебѣ и думаю, да еще о дѣткахъ. И во снѣ тебя вижу.—Здѣсь у насъ опять была кутерьма. Вчера вдругъ отложили опять празднество, но теперь уже твердо извѣстно, что открытіе будетъ 6-го. Вѣнки изготовляетъ Дума по 8 за вѣнокъ, надо 2, закажу завтра. Золотарева нѣтъ. Поѣздъ изъ Петер-

бурга съ разными депутатами на празднества пріѣдетъ только послѣ завтра.—Теперь дальше: 3-го дня вечеромъ было совѣщаніе у Тургенева почти всѣхъ участвующихъ (я исключенъ), что именно читать, какъ будетъ устроенъ праздникъ и проч. Мнѣ говорятъ, что у Тургенева будто бы сошлись нечаянно. Это мнѣ Григоровичъ говорилъ какъ бы въ утѣшеніе. Конечно, я бы и самъ не пошелъ къ Тургеневу безъ офиціальнаго отъ него приглашенія; но простофиля Юрьевъ, котораго я вотъ уже 4 сутокъ не вижу, еще 4 дня назадъ проговорился мнѣ, что соберутся у Тургенева. Висковатовъ же прямо сказалъ, что уже три дня тому получилъ приглашеніе. Стало быть, меня прямо обошли. (Конечно, не Юрьевъ, это дѣло Тургенева и Ковалевскаго, тотъ только спрятался и вотъ почему, должно-быть, и не кажетъ глазъ). И вотъ вчера утромъ, только что я проснулся, приходятъ Григоровичъ и Висковатовъ и извѣщаютъ меня, что у Тургенева составилась полная программа праздниковъ и чтеній вечернихъ. И такъ какъ-де позволена музыка и представленіе «Скупого рыцаря» (актеръ Самаринъ [52]), то чтеніе Скупого рыцаря у меня взято, тоже и чтеніе стиховъ на смерть Пушкина (а я именно эти-то стихи и желалъ прочесть). Взамѣнъ того мнѣ опредѣлено прочесть стихотвореніе Пушкина «Пророкъ». Отъ «Пророка» я, пожалуй, не откажусь, но какъ же не увѣдомить меня офиціально? Затѣмъ Григоровичъ объявилъ мнѣ, что меня просятъ прибыть завтра въ Залу Благороднаго Собранія (подлѣ меня), гдѣ будетъ окончательно все регламентировано. Они ушли, и приходитъ Лопатинъ, молодой человѣкъ, прикомандированный отъ Поливанова (предсѣдателя Комиссіи) руководить меня. Тотъ объявляетъ, напротивъ, что уже все регламентировано (значитъ, моего мнѣнія не спрашивали), меня же просятъ прибыть въ Благородное Собраніе уже на генеральную репетицію, съ публикой, и главное съ воспитанниками гимназій (безплатными), и репетиція, главное, устраивается для нихъ, чтобъ и они могли слышать. Такимъ образомъ, я поставленъ въ прещекотливое положеніе: решено безъ меня, моего согласія на чтеніе назначенныхъ мнѣ сочиненій не спрашивали, а между тѣмъ нельзя не быть на репетиціи и не прочесть для молодежи; скажутъ, Достоевскій не хотѣлъ читать для молодежи. Наконецъ, совсѣмъ неизвѣстно, въ чемъ прибыть завтра: во фракѣ ли, такъ, какъ публика, или въ сертукѣ. Я былъ очень вчера недоволенъ. Обѣдалъ одинъ, вечеромъ заѣхалъ къ Аннѣ Николаевнѣ, у ней сидѣлъ докторъ (ея знакомый и даже родственникъ), я посидѣлъ полчаса, и они оба меня проводили до Гостиницы. Сегодня утромъ опять зашли Григоровичъ и Висковатовъ, и Григоровичъ сталъ приставать обѣдать всѣмъ троимъ вмѣстѣ въ Эрмитажѣ, а потомъ идти въ садъ Эрмитажа провести вечеръ. Они ушли, и я поѣхалъ къ Каткову, у котораго дня три не былъ. У него какъ разъ засталъ Любимова, только что получившаго письмо отъ Маркевича, который и обѣщаетъ доставить романъ за іюнь! Такъ что я съ этой стороны могу быть спокоенъ. Это очень хорошо. У Каткова засталъ новости: онъ только что получилъ офиціальное письмо отъ Юрьева, какъ предсѣдателя Общ. Люб. Рос. Словесности (и котораго Катковъ съ незапамятныхъ годовъ членомъ).

Юрьевъ увѣдомляетъ, что билетъ пригласительный на празднества былъ посланъ въ Московскіе вѣдомости ошибочно и что совѣтъ «Любителей» по устройству празднествъ отмѣнилъ это приглашеніе, какъ несогласное съ рѣшеніемъ совѣта, такъ что приглашеніе надо считать не бывшимъ. Форма письма самая сухая и грубая. Меня увѣрялъ Григоровичъ, что Юрьева заставили это подписать, главное, Ковалевскій, но, конечно, и Тургеневъ. Катковъ былъ, видимо, раздраженъ. «Я бы и безъ нихъ не поѣхалъ», сказалъ онъ мнѣ, показавъ письмо. Хочетъ все напечатать въ Вѣдомостяхъ. Это ужъ, разумѣется, просто свинство, да и главное, что и права они не имѣли такъ поступать. Мерзость, и еслибъ только я не ввязался такъ въ эти празднества, то, можетъ-быть, прервалъ бы съ ними сношенія.—Рѣзко выскажу все это Юрьеву.—Затѣмъ спросилъ у Каткова: кто здѣсь лучшій зубной врачъ, и онъ мнѣ назвалъ Адельгейма на Кузнецкомъ Мосту, сказавъ, чтобъ я объявилъ Адельгейму, что прислалъ меня онъ, Катковъ. Пружинка моя совсѣмъ уже сломалась и держалась на ниточкѣ. Съѣздилъ къ Адельгейму, и тотъ вставилъ мнѣ новую за 5 руб. Отъ него пріѣхалъ домой и съ Григоровичемъ и Висковатовымъ поѣхали въ Эрмитажъ, обѣдали по рублю. Между тѣмъ начался дождь. Чуть утихло, мы вышли и усѣлись на одного извощика втроемъ до саду Эрмитажа. Дорогой поднялся дождикъ. Пріѣхали въ садъ мокрые и спросили въ ресторанѣ чаю. Билеты же взяли рублевые съ правомъ входа въ театръ Эрмитажа. Дождь не унимался. Григоровичъ вралъ разные разсказы, затѣмъ пошли въ театръ уже на 2-й актъ: шла опера Paul и Virginia, театръ, оркестръ, пѣвцы—все недурно, только музыка плоха (въ Парижѣ выдержала нѣсколько сотъ представленій). Прелестная декорація третьяго акта. Не дослушавъ, вышли и отправились по домамъ. Я у себя въ Лоскутной засталъ твое 2-е письмо. Чрезвычайно волнуетъ меня завтрашняя репитиція. Григоровичъ обѣщалъ за мной зайти, чтобъ ѣхать вмѣстѣ. Немного промокъ. Я еще прежде съ дороги простудилъ немного лѣвую руку, и она мозжитъ. Вчера утромъ заѣзжалъ къ Архіерею викарію Алексѣю и къ Николаю (Японскому). Очень пріятно было съ ними познакомиться. Сидѣлъ около часу, пріѣхала какая-то графиня, и я ушелъ. Оба по душѣ со мной говорили. Изъяснились, что я посѣщеніемъ сдѣлалъ имъ большую честь и счастье. Сочиненія мои читали. Цѣнятъ, стало-быть, кто стоитъ за Бога. Алексѣй глубоко благословилъ меня. Далъ вынутую просвирку. До свиданія, голубчикъ, если можно будетъ, то напишу и завтра. Очень люблю тебя. Дѣтокъ крѣпко цалую. Аннѣ Николаевнѣ глубокій мой поклонъ, и сверхъ того поцалуй у ней за меня ручку. Твой весь безъ раздѣла.

Ѳ. Достоевскій.

(На первой страницѣ приписка): «Но ты ошибаешься. Сны пресквернные. Слушай: ты все пишешь о запискѣ въ дворянство. Во-1-хъ, еслибъ и можно было, то мнѣ некогда, а, главное, это дѣло надо дѣлать изъ Петербурга, черезъ людей. Лично все объясню тебѣ.

Непремѣнно сдѣлаю въ Петербургѣ. Здѣсь же всѣ хлопоты ни къ чему не послужатъ: я знаю, твердо убѣжденъ [53]).

(На второй страницѣ приписка): «Былъ у Ивана Аксакова—на дачѣ.—Чаевъ тоже на дачѣ. Къ Муравьеву съѣзжу, если найду время. Еще разъ весь твой тебя любящій.

10.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

Москва. 3-4 іюня, вторникъ, 2 часа пополуночи.

Милый мой голубчикъ Анечка, сегодня опять получилъ дорогое твое письмецо и очень тебѣ благодаренъ, что не забываешь своего Федичку. Со времени частыхъ твоихъ писемъ я рѣшительно сталъ за васъ спокойнѣе и благополучнѣе. Радъ и за дѣтишекъ. Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ Лопатинъ и принесъ расписаніе дней и церемоній. Выдалъ ему 17 руб. заказать вѣнки въ Думѣ (2 вѣнка). Золотарева нѣтъ. Затѣмъ приходилъ одинъ присяжный повѣренный Соловьевъ [54]) отрекомендоваться, человѣкъ ученый, и явился лишь говорить о мистически религіозныхъ вопросахъ. (Новое повѣтріе). Затѣмъ пришли Григоровичъ и Висковатовъ, а затѣмъ и Юрьевъ. Мы страшно всѣ напали на Юрьева за письмо его къ Каткову и распекли его ужасно. Затѣмъ обѣдалъ въ Московскомъ трактирѣ съ Григоровичемъ и Висковатовымъ и тамъ познакомился съ актеромъ Самаринымъ; старикашка 64 лѣтъ, все говорилъ мнѣ рѣчи. Онъ будетъ играть на празднествѣ въ честь Пушкина Скупого рыцаря въ костюмѣ (отбилъ у меня). Въ Москов. трактирѣ всегда очень полно и рѣдко кто не оглядывается и не смотритъ на меня: всѣ знаютъ, что это я. Самаринъ разсказывалъ много анекдотовъ о Московской артистической жизни. Затѣмъ, прямо съ обѣда, поѣхали въ общее засѣданіе Комиссіи «Любителей» для устройства окончательной программы утреннихъ засѣданій и вечернихъ празднествъ. Были Тургеневъ, Ковалевскій, Чаевъ, Гротъ [55]), Бартеневъ [56]), Юрьевъ, Поливановъ, Калачевъ [57]) и проч. Все устроили къ общему согласію. Тургеневъ со мною былъ довольно милъ, а Ковалевскій (большая толстая туша и врагъ нашему направленію) все пристально смотрѣлъ на меня. Я читаю на второй день утреннихъ засѣданій 8-го іюня, а 6-го іюня вечеромъ читаю на празднествѣ (разрѣшена музыка) сцену Пимена изъ Б. Годунова. Многіе читаютъ, почти всѣ, Тургеневъ, Григоровичъ, Писемскій [58]) и проч. На 2-й же вечеръ 8-го прочту 3 стихотв. Пушкина (2 изъ Западн. Славянъ и «Медвѣдицу») и въ финалѣ, для *заключенія* празднества «Пророкъ» Пушкина,—маленькое, страшно трудное для чтенія стихотвореніе; меня назначили нарочно въ финалѣ, чтобъ произвести эффектъ—не знаю произведу-ли? Ровно въ 10 часовъ воротился домой и засталъ у себя 2 карточки Суворина [59]) съ надписанными строчками, что придетъ въ 10 часовъ. 2 карточки были ошибкой (склеились), и я, подумавъ, что онъ былъ уже и во второй разъ, но меня не засталъ, поѣхалъ въ

Славянскій Базаръ (очень недалеко отъ меня), гдѣ онъ стоитъ и засталъ его съ женою за чаемъ. Ужасно былъ радъ. Онъ у «Любителей» за статьи свои на фербелтѣ, какъ и Катковъ. Ему даже не дали билетъ на утреннія засѣданія. У меня же былъ одинъ билетъ (Варинъ), отъ котораго она отказалась, и я предложилъ ему. Очень былъ радъ. Ужъ дастъ онъ имъ знать потомъ. Сказалъ, что здѣсь и Буренинъ [60]). Завтра условились быть у Чаева [61]) въ Оружейной Палатѣ, гдѣ онъ намъ все покажетъ, въ 1 часъ пополудни. Хотѣли прійти Григоровичъ и Висковатовъ. Не знаю, придутъ ли въ Оружейную. Съ засѣданія же они, въ 10-мъ часу, укатили въ Эрмитажъ и ужасно просили, чтобъ и я пріѣхалъ, но я пошелъ къ Суворину. Суворинъ, узнавъ, что мы завтра въ Оружейную, упросилъ, чтобъ и его съ женой взяли, а затѣмъ сталъ просить, чтобъ обѣдать вмѣстѣ въ Москов. Трактирѣ, онъ съ женой, я, Григоровичъ и Висковатовъ, а затѣмъ чтобъ поѣхать въ Эрмитажъ. Онъ, кажется, бѣдный съ женою скучаетъ. На вечернихъ чтеніяхъ, гдѣ билеты за деньги, онъ, конечно, будетъ. Репетиція чтеній для воспитанниковъ заведеній отмѣнена. Послѣ завтра, 5-го начинаются мытарства; надо всѣмъ депутатамъ во фракахъ являться въ Думу и, боюсь, времени не будетъ тебѣ писать. Завтра же въ нашу Лоскутную прибудетъ поѣздъ Петербургскихъ депутатовъ. 8-го все кончится, 9-го, стало-быть, сдѣлаю визиты, а 10-го выѣду—въ которомъ часу, напишу потомъ. Майковъ телеграфировалъ, что пріѣдетъ. Полонскій [62]) тоже. Ну, вотъ и все, моя радость. Такимъ образомъ жди меня 11-го числа, и это, кажется, уже навѣрно. Суворинъ проситъ мою статью. Рѣшительно не знаю, кому дать и какъ это устроить. А вотъ пусть послушаетъ меня на чтеніи.

Крѣпко обнимаю тебя, моя Анька. Крѣпко цалую тебя за очень-очень и очень. Дѣтишекъ цалую и благословляю. Ты пишешь, что видишь сны, а что я тебя не люблю. А я все вижу прескверные сны, кошмары каждую ночь, о томъ, что ты мнѣ измѣняешь съ другими. Ей Богу. Страшно мучаюсь. Цалую тебя тысячу разъ.

Твой весь *Ѳ. Достоевскій.*

Поцалуй дѣтокъ.

11.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

5 іюня, 80 год. Москва. 8 часовъ пополудни.

Милая моя Анютка, милое письмецо твое отъ 3-го іюня получилъ сейчасъ и спѣшу написать тебѣ поскорѣе, сколько успѣю. Нѣтъ, голубчикъ, не требуй теперь длинныхъ писемъ, потому что и просто-то письма теперь будетъ врядъ ли можно будетъ писать. Буквально, все время, всѣ м и н у т ы теперь будутъ заняты, да и не достанетъ ихъ, это навѣрно, на здѣшнее даже, не то что на письма. По порядку. Вчера утромъ я, Суворинъ, его жена, Буренинъ и Григоровичъ были въ Кремлѣ, въ Оружейной Палатѣ, осматривали всѣ древности, пока-

зывалъ смотритель Ор(ужейной) Палаты Чаевъ. Затѣмъ ходили въ Патріаршую ризницу. Все осмотрѣвъ, зашли въ трактиръ Тѣстова закусить и остались обѣдать. Затѣмъ былъ на минутку у Анны Ник. Энгельгардтъ и разъѣзжалъ по мелкимъ покупкамъ. Затѣмъ по условію отправились въ садъ Эрмитажа. Тамъ уже были Суворины, Григоровичъ и проч. Въ саду же встрѣтилъ почти всѣхъ, прибывшихъ въ эти дни изъ Петербурга депутатовъ. Множество всякихъ лицъ подходили ко мнѣ и не запомню кто: Гаевскій, Лентовскій [63]), пѣвецъ Мельниковъ [64]) и проч. Сидѣлъ и все время пилъ чай съ Суворинымъ и съ Буренинымъ и изрѣдка съ Григоровичемъ, который то подходилъ, то уходилъ, и вдругъ разнеслась вѣсть, что праздникъ отложенъ. Распустилъ слухъ Мельниковъ. Было 11 часовъ, и я поѣхалъ къ Юрьеву. Его не засталъ, но засталъ его сына, и тотъ меня разувѣрилъ, что вздоръ. (Такъ и оказалось). Пріѣхавъ домой, принялся готовиться къ чтенію 6-го числа вечеромъ. Это, Аня, дѣло бѣдовое. Представь себѣ, что открытіе памятника будетъ 6-го числа, съ 8 часовъ утра я на ногахъ. Въ два часа кончится церемонія, и начнется актъ въ Университетѣ (но, ей Богу, не буду). Затѣмъ обѣдъ въ Думѣ, и въ тотъ же день, вечеромъ въ 9 часовъ, я, усталый, измученный, наѣвшійся, напившійся, долженъ читать монологъ Лѣтописца—самый трудный къ чтенію, требующій спокойствія и обладанія сюжетомъ. Чувствую, что я еще не готовъ. Сверхъ того я почти начинаю вечеръ—самое неудобнѣйшее положеніе. Досидѣлъ до 4-хъ часовъ утра, и вдругъ, сегодня въ 10-мъ часу разбудилъ меня Золотаревъ, наконецъ, прибывшій. Спалъ я всего $5^1/_2$ часовъ. За нимъ Федоръ Петровичъ Корниловъ [65]), за ними Лопатинъ съ вѣнками (вѣнки стоятъ 14, а не 17 рублей, но безъ лентъ). Ленты я навязалъ Золотареву, равно и завтрашніе хлопоты. Такимъ образомъ за вѣнки 14 рублей, выходитъ, заплачу одинъ я. Правда, Золотареву будутъ не меньше стоить дальнѣйшіе аксессуары. Въ 2 часа поѣхали въ Думу, всѣ депутаціи (депутацій до 100 [66]) явились къ Ольденбургскому [67]), и проч. Церемоніалъ, суетня, беспорядокъ—не описываю, слишкомъ невозможно описать. Видѣлъ и даже говорилъ съ дочерью Пушкина [68]) (Нассаусской). Подходилъ ко мнѣ Островскій [69]), здѣшній Юпитеръ. Любезно подбѣжалъ Тургеневъ. Другія партіи либеральныя, между ними Плещеевъ [70]) и даже хромой Языковъ [71]), относятся сдержанно и какъ бы высокомѣрно: дескать, ты ретроградъ, а мы-то либералы. И вообще здѣсь уже начинается полный раздоръ. Боюсь, что изъ-за направленій во всѣ эти дни, пожалуй, передерутся. Исторія исключенія Каткова изъ празднествъ возмущаетъ ужасно многихъ. Пришелъ домой и обѣдалъ дома въ надеждѣ получить отъ тебя письмецо, отвѣтить тебѣ, затѣмъ просмотрѣть Пимена и мою статью, затѣмъ приготовить рубашку, фракъ къ завтрему, а затѣмъ пораньше лечь спать. Но пришелъ Гайдебуровъ [72]) и вдругъ затѣмъ Майковъ, а затѣмъ Висковатовъ. Майковъ пріѣхалъ читать свои стихи. Ничего, милъ, и обнюхиваетъ воздухъ. Я съ ними поговорилъ, но однако ихъ выпроводилъ. Дописываю тебѣ эти строки. Золотаревъ не приходитъ, а эти вѣнки у меня еще не прибранные. Утромъ давеча былъ у Вари. Завтра весь день до ночи занятъ. Послѣ завтра

засѣданіе «Любителей», но въ этомъ засѣданіи я не читаю, и потому обѣдъ человѣкъ въ 500 съ рѣчами, а можетъ-быть, и съ дракой. Затѣмъ 8-го утромъ моя рѣчь въ Засѣданіи Любителей, а вечеромъ на 2-мъ праздникѣ «Любителей», между другими я читаю нѣсколько стихотвореній Пушкина, а заканчиваю «Пророкомъ». Ты пишешь, чтобъ я выѣжалъ 8-го, а я только 9-го примусь дѣлать визиты. Выѣду 10-го и прибуду 11-го, да и то, если не задержатъ на лишній день, а это очень возможно. Но я тогда увѣдомлю. Выѣзжать же мнѣ гораздо выгоднѣе съ поѣздомъ въ 1 часъ пополудни, чѣмъ съ утрешнимъ, ибо тутъ только одна ночь не спать, а съ утрешнимъ двѣ, потому что ночь наканунѣ я не буду спать или просыпаться въ 6 часовъ. Письма же собственно о моихъ торжествахъ и писать нечего, ибо мой день 8-го числа, а 6-го я только «Пимена» прочту. Подумай, надо будетъ статью помѣстить. Хоть три претендента, но Юрьевъ что-то опять отлыниваетъ, Катковъ послѣ своей исторіи, станетъ, пожалуй, совсѣмъ равнодушнымъ ко всему дѣлу открытія, а Суворинъ, пожалуй что, и не повторитъ желанія. Тогда плохо. А потому очень могу опоздать день. Давеча отъ Александрова получилъ 18-75 к. Заѣзжалъ къ Варѣ и, кажется, совсѣмъ простился. Она уѣзжаетъ къ дочери на дачу. — До свиданія, голубчикъ, разумѣется, 1000 вещей не успѣть написать, что упишешь въ письмѣ? Но теперь писемъ совсѣмъ, совсѣмъ писать некогда! Да и въ эту минуту истощенъ и обезсиленъ весь. А еще долго надо сидѣть. А когда выспаться? Обнимаю тебя крѣпко на крѣпко, дѣтишекъ цалую ужасно и благословляю.

Вашъ весь *Ѳ. Достоевскій.*

О любви писать не хочу, ибо любовь не на словахъ, а на дѣлѣ. Когда то доберусь до дѣла? Давно пора.

Но хоть по нѣскольку строкъ все таки буду писать.

12.

Гостиница Лоскутная въ № 33-мъ.

Москва, іюня 7-го. 80 г. Полночь.

Милый мой дорогой голубчикъ Аня, пишу тебѣ наскоро. Открытіе монумента произошло вчера, гдѣ же описывать? Тутъ и 20 листковъ не опишешь, да и времени ни минуты. Вотъ уже 3-ю ночь сплю только по пяти часовъ, да и эту ночь тоже. — Затѣмъ былъ обѣдъ съ рѣчами [73]). Затѣмъ чтеніе на вечернемъ литературномъ празднествѣ въ благородномъ собраніи съ музыкою. Я читалъ сцену Пимена. Несмотря на невозможность этого выбора (ибо Пименъ не можетъ же кричать на всю залу) и чтеніе въ самой глухой изъ залъ, я, говорятъ, прочелъ превосходно, но мнѣ говорятъ, что мало было слышно. Приняли меня прекрасно, долго не давали читать, все вызывали, послѣ чтенія же вызывали 3 раза. Но Тургенева, который прескверно прочелъ, вызывали больше меня. За кулисами (огромное мѣсто въ темнотѣ) я замѣтилъ до сотни молодыхъ людей, оравшихъ въ изступленіи, когда выходилъ

Тургеневъ. Мнѣ сейчасъ подумалось, что это клакеры claque, посаженные Ковалевскимъ. Такъ и вышло: сегодня въ виду этой клаки, на утреннемъ чтеніи рѣчей Иванъ Аксаковъ отказался читать свою рѣчь послѣ Тургенева (въ которой тотъ унизилъ Пушкина, отнявъ у него названіе національнаго поэта), объяснивъ мнѣ, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно Ковалевскимъ (всѣ его студенты и всѣ западники), чтобы выставить Тургенева, какъ шефа ихъ направленія, а насъ унизить, если мы противъ нихъ пойдемъ. Тѣмъ не менѣе пріемъ, мнѣ оказанный вчера, былъ изъ удивительныхъ, хотя хлопала одна лишь публика, сидѣвшая въ креслахъ. Кромѣ того: толпами мужчины и дамы приходили ко мнѣ за кулисы жать мнѣ руку. Въ антрактѣ прошелъ по залѣ, и бездна людей, молодежи, и сѣдыхъ, и дамъ, бросались ко мнѣ, говоря: вы нашъ пророкъ, вы насъ сдѣлали лучшими, когда мы прочли Карамазовыхъ.(Однимъ словомъ, я убѣдился, что Карамазовы имѣютъ колоссальное значеніе). Сегодня, выходя изъ утренняго засѣданія, въ которомъ я не говорилъ, случилось тоже. На лѣстницѣ и при разборѣ платьевъ меня останавливали мужчины, дамы и прочіе. За вчерашнимъ обѣдомъ двѣ дамы принесли мнѣ цвѣтовъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я узналъ по фамиліи: Третьякова [74]), Голохвастова [75]), Мошнина и другія Къ Третьяковой поѣду послѣ завтра съ визитомъ (жена имѣющаго картинную галлерею). Сегодня былъ второй обѣдъ. Литературный, сотни двѣ народу. Молодежь встрѣтила меня по пріѣздѣ, подчивала, ухаживала за мной, говорили мнѣ изступленныя рѣчи—и это еще до обѣда. За обѣдомъ многіе говорили и провозглашали тосты. Я не хотѣлъ говорить, но подъ конецъ обѣда вскочили изъ за стола и заставили меня говорить. Я сказалъ лишь нѣсколько словъ,—ревъ энтузіазма, буквально ревъ. Затѣмъ уже въ другой залѣ обсѣли меня густой толпой—много и горячо говорили (за кофеемъ и сигарами). Когда же въ $^1/_2$ 10-го я поднялся домой (еще 2 трети гостей оставалось), то прокричали мнѣ ура, въ которомъ должны были участвовать по-неволѣ и несочувствующіе. Затѣмъ вся эта толпа бросилась со мной по лѣстницѣ и безъ платьевъ, безъ ш л я п ъ, вышли за мной на улицу и усадили меня на извощика. И вдругъ бросились цѣловать мнѣ руки и не одинъ, а десятки людей, и не молодежь лишь, а сѣдые старики. Нѣтъ, у Тургенева лишь клакеры, а у моихъ истинный энтузіазмъ. Майковъ здѣсь и былъ всему свидѣтелемъ, должно-быть, удивился. Нѣсколько незнакомыхъ людей подошли ко мнѣ и шепнули, что завтра, на утреннемъ чтеніи на меня и на Аксакова цѣлая кабала. Завтра, 8-го мой самый роковой день: утромъ читаю статью, а вечеромъ читаю 2 раза, «Медвѣдицу» и «Пророка». «Пророка» намѣренъ прочесть хорошо. Пожелай мнѣ. Здѣсь сильное движеніе и возбужденіе. Вчера на Думскомъ обѣдѣ Катковъ рискнулъ сказать длинную рѣчь и произвелъ—таки эффектъ, по крайней мѣрѣ, въ части публики. Ковалевскій наружно очень со мной любезенъ и въ одномъ тостѣ, въ числѣ другихъ, провозгласилъ мое имя, Тургеневъ тоже. Анненковъ льнулъ, было, ко мнѣ, но я отворотился. Видишь, Аня, пишу тебѣ, а еще рѣчь не просмотрѣна окончательно. 9-го визиты, и надо окончательно рѣшиться кому отдать рѣчь. Все зависитъ отъ произве-

деннаго эффекта. Долго жилъ, денегъ вышло довольно, но зато заложеженъ фундаментъ будущаго. Надо еще рѣчь исправить, бѣлье къ завтрому приготовить.—Завтра мой главный дебютъ. Боюсь, что не высплюсь. Боюсь припадка.—Центральный магазинъ не платитъ, хоть ты что. До свиданія, голубчикъ, обнимаю тебя, цалуй дѣтокъ. 10-го, вѣроятно, выѣду, и пріѣду 11-го къ ночи. Готовься. Крѣпко васъ всѣхъ обнимаю и благословляю.

Твой вѣчный и неизмѣнный *Ѳ. Достоевскій.*

3. Письмо это, должно быть, будетъ послѣднимъ.

13.

Гостиница Лоскутная въ номерѣ 33-мъ.

Москва, 8-го іюня. 80.8 часовъ пополудни.

Дорогая моя Аня, я сегодня послалъ тебѣ вчерашнее письмо, отъ 7-го, но теперь не могу не послать тебѣ и этихъ немногихъ строкъ, хоть ужасно измученъ нравственно и физически, такъ что это письмо ты получишь, можетъ-быть, вмѣстѣ съ первымъ. Утромъ сегодня было чтеніе моей рѣчи въ «Любителяхъ». Зала была набита биткомъ. Нѣтъ, Аня, нѣтъ, никогда ты не можешь представить себѣ и вообразить того эффекта, какой произвела она! Что петербургскіе успѣхи мои! ничто, н у л ь, сравнительно съ этимъ! Когда я в ы ш е л ъ, зала загремѣла рукоплесканіями, и мнѣ долго, очень долго не давали читать. Я раскланивался, дѣлалъ жесты, прося дать мнѣ читать—ничто не помогало: восторгъ, энтузіазмъ (все отъ Карамазовыхъ!). Наконецъ, я началъ читать: прерывали рѣшительно на каждой страницѣ, а иногда и на каждой фразѣ, громомъ рукоплесканій. Я читалъ громко, съ огнемъ. Все, что я написалъ о Татьянѣ, было принято съ энтузіазмомъ. (Это великая побѣда н а ш е й идеи надъ 25-лѣтіемъ заблужденій!). Когда же я провозгласилъ въ концѣ о в с е м і р н о м ъ е д и н е н і и людей, то зала была какъ въ истерикѣ, когда я закончилъ,—я не скажу тебѣ про ревъ, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали другъ друга и к л я л и с ь д р у г ъ д р у г у б ы т ь л у ч ш и м и, н е н е н а в и д ѣ т ь в п р е д ь д р у г ъ д р у г а, а л ю б и т ь. Порядокъ засѣданія нарушился: все ринулось ко мнѣ на эстраду: Грандъ-дамы, студенты, Государственные Секретари, студенты—все это обнимало, цаловало меня. Всѣ члены нашего общества, бывшіе на эстрадѣ, обнимали меня, и цѣловали, всѣ, буквально всѣ плакали отъ восторга. Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдругъ, напримѣръ, останавливаютъ меня два незнакомые старика: «Мы были врагами другъ друга 20 лѣтъ, не говорили другъ съ другомъ, а теперь мы обнялись и помирились. Это Вы насъ помирили. Вы нашъ святой, вы нашъ пророкъ!» «Пророкъ, пророкъ!», кричали въ толпѣ [76]). Тургеневъ, про котораго я ввернулъ доброе слово въ моей рѣчи, бросился меня обнимать со слезами. Анненковъ подбѣжалъ жать мою руку и цѣловать меня въ плечо. «Вы,

геній, Вы болѣе, чѣмъ геній!» говорили они мнѣ оба. Аксаковъ (Иванъ) вбѣжалъ на эстраду и объявилъ публикѣ, что рѣчь моя—есть н е п р о с т о р ѣ ч ь, а и с т о р и ч е с к о е с о б ы т і е! Туча облегала горизонтъ и вотъ, слово Достоевскаго, какъ появившееся солнце, все разсѣяло, все освѣтило. Съ этой поры наступаетъ братство и не будетъ недоумѣній. Да, да! закричали всѣ и вновь обнимались, вновь слезы. Засѣданіе закрылось. Я бросился спастись за кулисы, но туда вломились изъ залы всѣ, а главное женщины. Цѣловали мнѣ руки, мучили меня. Прибѣжали студенты. Одинъ изъ нихъ, въ слезахъ, упалъ передо мной въ истерикѣ на полъ и лишился чувствъ. Полная полнѣйшая побѣда! Юрьевъ (предсѣдатель) зазвонилъ въ колокольчикъ и объявилъ, что Общество Люб. Рос. Словесности единогласно избираетъ меня своимъ п о ч е т н ы м ъ членомъ. Опять вопли и крики. Послѣ часу почти перерыва стали продолжать засѣданіе. Всѣ, было, не хотѣли читать. Аксаковъ вошелъ и объявилъ, что своей рѣчи читать не будетъ, потому что все сказано и все разрѣшило великое слово нашего генія—Достоевскаго. Однако, мы всѣ его заставили читать. Чтеніе стало продолжаться, а между тѣмъ составили заговоръ. Я ослабѣлъ и хотѣлъ было уѣхать, но меня удержали силой. Въ этотъ часъ времени успѣли купить богатѣйшій, въ 2 аршина въ діаметрѣ, лавровый вѣнокъ, и въ концѣ засѣданія множество дамъ (болѣе ста) ворвались на эстраду и увѣнчали меня при всей залѣ вѣнкомъ: «За русскую женщину, о которой вы столько сказали хорошего!» Всѣ плакали, опять энтузіазмъ. Городской голова Третьяковъ [77]) благодарилъ меня отъ имени города Москвы.—Согласись, Аня, что для этого можно было остаться: это залогъ будущаго, залоги в с е г о, если я даже умру.—Прійдя домой, получилъ твое письмо о жеребенкѣ, но ты пишешь такъ не ласково о томъ, что я засидѣлся. Черезъ часъ пойду читать на 2-мъ литературномъ празднествѣ. Прочту Пророка. Завтра визиты. Послѣ завтра, 10-го поѣду. 11-го пріѣду—если, что о ч е н ь в а ж н о е не задержитъ. Надо помѣстить статью, но кому, всѣ рвутъ! Ужасъ. До свиданія, моя дорогая, желанная и безцѣнная, цалую твои ножки. Обнимаю дѣтей, цалую,—благословляю. Цалую жеребеночка. Всѣхъ васъ благословляю. Голова не въ порядкѣ, руки, ноги дрожатъ. До свиданія, до близкаго.

Твой весь наивесь *(Достоевскій)*.

Примечания.

[1]) Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883 г.), знаменитый писатель, был депутатом Литературного Фонда на Пушкинских торжествах. В Москву И. С. приехал из Петербурга 18 апреля того же 1880 года, на некоторое время—с начала мая до 24 числа—уезжал в Спасское. 23 апреля Московскими учеными и литераторами в честь И. С. был устроен обед в зале Эрмитажа («С.-Петерб. Ведом.» 1880 г., № 117).—Вот на этот факт, как на «ухаживание профессоров» за И. С., и указывает Достоевский.

[2]) В «Вестнике Европы» за 1880 год напечатано только в февральской книжке известное письмо И. С. к редактору, ответ на одну из корреспонденций Б. М. Маркевича, в которой Маркевич, за подписью «Иногороднего обывателя», в виду оваций, выпавших на долю Тургенева в 1879 г., обвинял великого романиста в «кувыркании» перед молодежью. В письме к редактору И. С. дал отповедь Маркевичу и характеристику «Иногор. обывателя»: «И как подумаешь, из чьих уст исходят эти клеветы, эти обвинения!? Из уст человека, с младых ногтей—заслужившего репутацию виртуоза в деле низкопоклонства и «кувыркания», сперва добровольного, а, наконец, даже невольного»... (Подр. см. С. Венгеров, Энц. слов. Брокгауза., Биогр. Маркевича, стр. 648—649; а также Тургеневский Сборник, под ред. Кони, СПБ. 1921, стр. 45 и т. п.) Кроме этого письма в «Вест. Европы», чего-либо связанного с Достоевским и исходящего от Тургенева нет; очевидно, по своей подозрительности, Ф. М. именно названное письмо отнес к себе и все намеки на «факт»—также связал с чем-то бывшим в его жизни 35 лет тому назад.

[3]) Язвительное замечание «славить Верочку» имеет следующий смысл. 17 января 1879 года на сцене Александринского театра, в бенефис Марии Гавриловны Савиной, была поставлена комедия Тургенева «Месяц в деревне», написан. им в 1850 г., где М. Г. Савина блестяще выступила в роли Верочки. Талант Савиной к концу семидесятых годов уже успел вполне расправить свои широкие крылья, и Тургенев, когда впервые увидел на сцене, что создала из этого, едва намеченного писателем, образа Савина, пристально вглядываясь в лицо артистки в ее театральной уборной, воскликнул: «Верочка... неужели эту Верочку я написал!!!» На другой день после бенефиса М. Г. пришлось вместе с И. С. читать на вечере, устроенном в пользу Литературного Фонда, диалог графа Любина и Дарьи Ивановны Ступендьевой из комедии Тургенева «Провинциалка». Достоевский был на вечере и сказал М. Г. в этот вечер: «У вас каждое слово отточено, как из слоновой кости»,—прибавив, не без яду: «а старичок-то (т.-е. Тургенев) пришепетывает (см. «Тургенев и Савина», под ред. А. Ф. Кони, Петр., 1918, стр. XXV—XXVII). Успех Савиной—Верочки был шумный и длительный. Тургенев же, несмотря на свои шестьдесят семь слишком лет, был сильно увлечен артисткой (см. там же, ст. XXVIII и др. Здесь рассказана А. Ф. Кони подробная история этого романа Тургенева). Вот на это-то увлечение и намекает Достоевский, не пропускавший вообще случая съязвить над Тургеневым.

[4]) Мария Александровна, жена Александра II, умерла 22 мая 1880 г.

[5]) Любимов, Николай Алексеевич (1880—1897), физик и публицист, профессор Московского университета, сотрудник Каткова по изданию журнала «Русский Вестник».

[6]) Катков, Михаил Никифорович (1818—1887), известный публицист, издатель журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости».

[7]) Юрьев, Сергей Андреевич (1821—1888), литератор, переводчик испанских драматургов и Шекспира, в 1878—1884 гг. председатель Общества любителей российской словесности, в 1880—1885 г.г. редактор издававшегося В. М. Лавровым журнала «Русская Мысль».

[8]) Лавров, Вукол Михайлович (1852—1912), издатель и переводчик, с 1880 г. издававший журнал «Русская Мысль». Характеристику его дает сам Ф. М. в письме 27 мая, см. выше, стр. 384.

[9]) Аксаков, Николай Петрович (1848—1909), доктор философии Гессенского университета, писатель по церковно-философским вопросам и поэт, в 1878—1880 г.г. секретарь Об. Л. Р. Сл.

[10]) Барсов—может-быть, Елпидифор Васильевич (1837—1919 г.), этнограф и археолог, собиратель древних рукописей, член Общества любителей российской словесности, в 1880 г. бывший библиотекарем Чертковской городской библиотеки.

[11]) Лиля и Федя—дети Ф. М. Достоевского, Любовь (р. 1869) и Федор (р. 1871 г.).

[12]) Елена Павловна—вероятно, сестра зятя Достоевского, А. П. Иванова.

[13]) Зверев, Николай Андреевич (1850—1911), профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права, впоследствии сенатор и член Гос. Совета.

[14]) Новикова, Ольга Алексеевна (1840—1921), рожденная Киреева, публицистка славянофильского направления, писавшая, главным образом, об англо-русских отношениях и подписывавшая свои статьи инициалами О. К.

[15]) Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886), известный публицист-славянофил.

[16]) Варя—сестра Достоевского, Варвара Михайловна (р. 1822 г.).

[17]) Брат Андрей—Андрей Михайлович Достоевский (1825—1897), гражданский инженер. Достоевские были внесены в 3-ю часть родословной книги Московской губернии по службе отца, штаб-лекаря Михаила Андреевича (в 1828 г.).

[18]) Маша и Нина Ивановы—племянницы Федора Михайловича, дочери его сестры Веры Михайловны Ивановой, Мария (р. 1848 г.) и Нина (р. 1857 г.) Александровны.

[19]) Хмыров, Дмитрий Николаевич (р. 1847 г.), учитель математики, муж племянницы Достоевского, Софии Александровны Ивановой (р. 1847 г.).

[20]) Вера Михайловна—сестра Достоевского, В. М. Иванова (р. 1829 г.) жена врача Константиновского Межевого института, Александра Павловича Иванова (1813—1868).

[21]) Золотарев, И. Ф., один из старейших членов Славянского благотворительного общества, второй депутат общества на торжествах. В «Венке на памятник Пушкину» ошибочно назван Золотаренко, так же и в газете «Русские Ведомости» 1880 г. № 144 назван д. Тайн. Сов. Золотаренко.

[22]) Сухомлинов, Михаил Иванович (1828—1901), академик, историк литературы.

[23]) Гатцук, Алексей Алексеевич (1832—1891), археолог, издатель газ. Гатцука и календаря.

[24]) Висковатов, Павел Александрович (р. 1842 г.), профессор Дерптского университета по кафедре русской словесности, депутат от этого университета на открытии памятника Пушкину.

[25]) Речь И. С. Тургенева произнесена была в торжественном заседании Общества любителей российской словесности 7 июня; напечатана в «Вестнике Европы» за 1880 г. № 7.

[26]) Поливанов, Лев Иванович (1853—1899), педагог, директор частной гимназии, в 1878—1880 гг. временный секретарь Общества любителей российской словесности, член комитета, учрежденного для открытия памятника Пушкину.

[27]) Рубинштейн, Николай Григорьевич (1835—1881), директор Моск. Консерватории.

[28]) Безсонов, Петр Алексеевич (1828—1898), библиотекарь Московского университета, был секретарем Об. Л. Р. Сл., потом профессор Харьковск. университета по кафедре славян. наречий.

[29]) На Пушкинских торжествах присутствовали все дети Пушкина: сыновья Александр и Григорий Александрович и дочери Мария А. Гартунг и графиня Наталья А. Меренберг.

[30]) Павлищев, Лев Николаевич (р. 1834), сын сестры Пушкина, автор воспоминаний о дяде, служил в Главном Интендантском управлении.

[31]) Соловьев, Кашкин, Преснов и Морозов—московские книгопродавцы. Владимир Дмитриевич Кашкин имел частную библиотеку в Камергерском переулке.

[32]) Григорович, Дмитрий Васильевич (1822—1899), известный писатель, депутат от Литературного Фонда на Пушкинских торжествах.

[33]) Маркевич, Болеслав Михайлович (1822—1884), романист, напечатал в «Русском Вестнике» за 1880 г. вторую часть своей трилогии, роман «Перелом».

[34]) «Сумашествием» Толстого, очевидно, называли увлечение его религиозно-философскими вопросами и отказ от художественной деятельности. Как раз в то время, в 1880 г., Толстой выпустил «Критику догматического богословия», в 1880 г. писал в и 1881 г. издал «Краткое изложение Евангелия» и другие свои религиозно-философские произведения.

[35]) Анненков, Павел Васильевич (1812—1887), литературный критик, издатель первого по времени собрания сочинений Пушкина, друг И. С. Тургенева.

[36]) Графиня Менгден—может-быть, жена бригадного командира 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-майора свиты Е. В. графа Георгия Федоровича Менгден, Зинаида Николаевна, рожденная Бурцева.

37) К. К.—может-быть, великий князь Константин Константинович.

38) Наташа—племянница Достоевского Наталья Александровна Иванова (р. 1867 г.), младшая дочь его сестры Веры Михайловны.

39) Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916), известный историк права и социолог, в 1877—1887 гг. профессор Московского университета по кафедре государственного права.

40) Аверкиев, Дмитрий Васильевич (1836—1905), писатель драматург.

41) Пушкин, племянник А. С. Пушкина — Анатолий Львович, сын его брата Льва Сергеевича.

42) Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897), известный поэт.

43) Чаев, Николай Александрович (1824—1914), драматург, в 1878—1884 г.г. временный председатель Общества любителей российской словесности.

44) Николай Японский—Николай Касаткин (1836 — 1912), епископ Ревельский, начальник русской православной миссии в Японии, впоследствии архиепископ Японский.

45) Викарий Алексей—Алексей Лавров-Платонов (1829—1890), епископ Можайский, 2-й викарий московский, впоследствии архиепископ виленский и литовский.

46) Сабуров, Андрей Александрович (1837—1916), министр нар. просвещения, после графа Д. А. Толстого.

47) Энгельгардт, Анна Николаевна (1835—1903), переводчица, дочь известного составителя словарей Н. П. Макарова, жена публициста и образцового сельского хозяина Александра Николаевича Энгельгардта.

48) В личном архиве Ф. М. сохранился единственный автограф Н. В. Гоголя—письмо его к К. С. Аксакову из Рима, март 1841 г.; очевидно, Ф. М. в бытность на торжествах в Москве не получил его, и И. С. Аксаков позднее прислал его в своем письме на имя Ф. М., от 3 сент. 1880 г.; таковые сведения дает Анна Григорьевна в надписи на конверте к этому письму Гоголя

49) Лопатин—вероятно Лев Михайлович (1855—1920), впоследствии профессор Московского университета, философ спиритуалистического направления.

50) Гаевский, Виктор Павлович (1826—1888), присяжный поверенный в Петербурге, один из основателей и главных деятелей Литературного Фонда, пушкинист, депутат от Петербургского отделения Рос. музыкального Общества Петербургской Консерватории и Литературного Фонда.

51) Краевский, Андрей Александрович (1810—1889), известный журналист, издатель «Отечественных Записок» и «Голоса», депутат от Пет. гор. общества и Лит. Фонда на Пушкинских торжествах.

52) Самарин, Иван Васильевич (1817—1885), знаменитый артист Моск. Малого театра.

53) Какого содержания записку подал Ф. М.,—неизвестно. Дворянства Ф. М. был лишен в 1849 г., как государственный преступник, осужденный на каторгу по делу Петрашевцев, и в 1858 г. после ссылки, ему возвращено было право на потомственное дворянство. В архиве б. Московского Депутатского Собрания сохранились документы по вопросу об исключении Ф. М. из дворянского сословия М. в особом деле (Дело Архива М. Депутатского Собрания о государственных преступниках Плещееве и Достоевском за 1850 г. № 62. Началось июля 12 дня 1850 г. Кончилось сентября 1 дня 1850 г. На 12 л.). В деле интересны для нас два документа: первый документ—копия с предписания б. министра Внутренних Дел Моск. Гражд. Губернатора о Высочайшем повелении о лишении всех прав состояния Плещеева и Достоевского, как государственных преступников, с изложением сущности преступления и меры наказания; второй—сопроводительное отношение Начальника Московской губернии на имя Мих. Фед. Голицына. М. Ф. Голицын—князь (1800—1873 г.г.) в 1848—1861 гг. состоял Звенигородским уездным предводителем дворянства, с 1859 г.—главным директором Голицынской больницы. Петр Петрович Новосильцев (1797—1869) моск. вице-губернатор в 1831—1851 гг., потом Рязанский губернатор.

Напомним кратко биографические сведения об Алексее Николаевиче Плещееве. Он родился в Костроме, где в это время была проездом его мать, 22 ноября 1825 года, но числился он дворянином Московской губернии, как и Федор Михайлович Достоевский, родившийся 30 октября 1821 г. в Москве, в Марьинской больнице для бедных, где отец его, Михаил Андреевич, женатый на дочери купца, Марье Федоровне Нечаевой, занимал место штаб-лекаря (см. А. Бороздин, Биогр. очерк, в Р. Б. Словаре, СПБ. 1905, стр. 608 и сл.).—О А. Н. Плещееве, кроме этого дела, где он упомянут совместно с Ф. М., имеется в том же архиве особое дело (Дело М. Двор. Депутат. Собрания о государствен. преступнике Плещееве, лишенном всех прав состояния и определением рядовым в один из Оренбургских линейных батальонов. По реестру № 20. Нач. марта 9 дня 1850 г. Конч. марта 24 дня 1850 г.). Документы о Ф. М. Достоевском приводим полностью.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

НАЧАЛЬНИКЪ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ПО КАНЦЕЛЯРІИ.

№ 11176.
Іюля 6 дня 1850 года.
МОСКВА.
О государственныхъ преступникахъ.

Получено Іюля 12.

Милостивый Государь,
Князь Михаилъ Федоровичъ.

Копію съ предписанія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15-го Іюня за № 254, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія о государственныхъ преступникахъ Плещеевѣ и Достоевскомъ, я считаю нужнымъ, въ дополненіе отношенія къ Г. Губернскому Предводителю отъ 27 февраля за № 3708, препроводить къ Вашему Сіятельству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Н. Новосильцевъ.

Его Сия...ву М. Ф. Голицыну.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
Полиціи Исполнительной.

Отдѣленіе II.
Столъ 2.

15 Іюля 1850 года.
№ 254.
По Высочайшему повелѣнію о государственн. преступникахъ.

Господину Московскому
Гражданскому Губернатору.

Изъ предписанія моего отъ 15-го прошлаго февраля за № 102, Вашему Превосходительству извѣстно, что Правительствующій Сенатъ по выслушаніи рапорта Г. Военнаго Министра отъ 23 декабря прошлаго года съ изложеніемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи о лицахъ, осужденныхъ военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію за преступные замыслы противъ Правительства, Указомъ отъ 30 того же декабря поручилъ мнѣ, независимо отъ сдѣланнаго распоряженія о пропечатаніи упомянутаго Высочайшаго повелѣнія въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, поставить объ ономъ въ извѣстность тѣхъ начальниковъ губерній, въ сословіи дворянства коихъ числились означенные преступники.

Въ числѣ сихъ были суждены: неслужившій дворянинъ Алексѣй Плещеевъ и отставной инспекторъ поручикъ Федоръ Достоевскій, которые присуждены Генералъ—Аудиторомъ къ смертной казни разстрѣляніемъ, но Государь Императоръ въ 19 день декабря 1849 г. Высочайше повелѣть соизволилъ: вмѣсто смертной казни Плещеева, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить на службу рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны, а Достоевскаго, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, а потомъ опредѣлить на службу рядовымъ.

Устанавливая изъ собранныхъ ввѣреннымъ мнѣ Министерствомъ свѣдѣній, что Плещеевъ и Достоевскій числились дворянами Московской губерніи, я имѣю честь увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство для зависящаго распоряженія, въ исполненіе помянутаго указа Правительствующаго Сената. Подлинное подписали: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Перовскій, скрѣпилъ Вице-Директоръ В. Сафоновичъ.

Вѣрно: Старшій помощникъ правителя Канцеляріи Рудневъ.

54) Соловьев, присяжный поверенный. В Москве в это время было двое присяжных поверенных: 1) Филипп Гаврилович (1834—1888), депутат на Пушкинских торжествах от совета присяжных поверенных, и 2) Михаил Петрович.

55) Грот, Яков Карлович (1812—1893), академик, лингвист, историк русской литературы и издатель русских писателей XVIII и XIX вв., член комитета по сооружению памятника Пушкину.

56) Бартенев, Петр Иванович (1829—1912), издатель «Русского Архива», знаток Пушкина.

57) Калачов, Николай Васильевич (1819—1885), историк—юрист, сенатор и управляющий Московским Архивом Министерства Юстиции.

58) Писемский, Алексей Феофилактович (1820—1881), известный писатель.

59) Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912), известный журналист, издатель «Нового Времени».

60) Буренин, Виктор Петрович (р. 1841), поэт и журналист, литературный критик «Нового Времени».

61) Чаев (см. о нем выше) был в 1880 г. хранителем Оружейной Палаты.

62) Полонский, Яков Петрович (1820—1898), известный поэт.

63) Лентовский, Михаил Валентинович (1906), театральный антрепренер.

64) Мельников, Иван Александрович (1831—1906), известный певец—баритон, артист Петербургского Мариинского театра.

65) Корнилов, Федор Петрович (1809—1895), член и управляющий делами Комитета по сооружению памятника Пушкину, в день открытия передавший его городу, член Государственного Совета, статс-секретарь.

66) Всех депутаций на открытии памятника было 106.

67) Принц Ольденбургский, Петр Георгиевич (1812—1881), председатель Комитета по сооружению памятника Пушкину.

68) Дочь Пушкина Нассауская—графиня Наталья Александровна Меренберг (1836—1913), морганатическая жена принца Николая Нассауского.

69) Островский, Александр Николаевич (1823—1886), знаменитый драматург.

70) Плещеев, Алексей Николаевич (1825—1893), известный поэт, депутат от газеты «Молва» на Пушкинских торжествах.

71) Языков, друг Тургенева, Михаил Александрович (1811—1885), управляющий Новгородским акцизным управлением.

72) Гайдебуров, Павел Александрович (1841—1893), журналист, издатель «Недели».

73) 6 июня Московское городское общество дало в зале Благородного собрания обед депутациям, приехавшим на открытие памятника. В тот же день Общество любителей российской словесности устроило литературно-музыкальный вечер. Тургенев прочел на нем стихотворение Пушкина «Туча».

7 июня было первое торжественное заседание Общества любителей российской словесности, а затем обед по подписке от того же Общества.

74) Третьякова, жена Павла Михайловича (1832—1898), основателя картинной галлереи, Вера Михайловна, рожденная Мамонтова (1844—1899).

75) Голохвастова—вероятно, Ольга Андреевна, рожденная Андреевская, писательница, жена Павла Дмитриевича, писателя и общественного деятеля.

76) В письме к гр. С. А. Толстой (вдове поэта графа А. К. Толстого) 13 июня 1880 г., на другой день по возвращении из Москвы, Ф. М. сообщает аналогичные любопытные подробности о впечатлении от его вдохновенной речи: «Верите ли..., что в публике после речи моей, множество людей, плача, обнимали друг друга и клялись друг другу быть впредь лучшими, и это не единичный факт,—я слышал множество рассказов от лиц совсем мне незнакомых даже, которые стеснились кругом меня и говорили мне исступленными словами (буквально) о том, какое впечатление произвела на них моя речь. Два седых старика подошли ко мне, и один из них сказал: «Мы двадцать лет были друг другу врагами и двадцать лет делали друг другу зло: после Вашей речи, мы теперь, сейчас помирились, и пришли Вам это заявить». Это были люди мне незнакомые. Таких заявлений было множество, а я был так потрясен и измучен, что сам был готов упасть в обморок, как тот студент, которого привели ко мне в ту минуту студенты—товарищи и который упал передо мной на пол в обмороке от восторга... А сколько женщин приходило ко мне в Лоскутную гостиницу (иные не называя себя) с тем только, чтоб, оставшись со мной, припасть и целовать мне руки.» («Вести. Европы», 1908 г., кн. I-ая, стр. 215—218).

77) Городской голова Третьяков, Сергей Михайлович (1834—1892), брат Павла Михайловича.

8 июня происходило в зале Благородного Собрания второе торжественное заседание Общества любителей российской словесности. Знаменитая речь Достоевского, произнесенная на нем, была напечатана не в «Русской Мысли» и «Русском Вестнике», о чем вел переговоры Ф. М. с Катковым и Юрьевым, как видно из писем, а первоначально в газете «Московские Ведомости» № 162, а затем в единственном выпуске «Дневника Писателя» Достоевского за 1880 г.

Н. Бельчиков.

Задержанные цензурой стихотворения П. М. Розенгейма и А. А. Голенищева-Кутузова.

I.

Цензурная история М. П. Розенгейма (1820—1887 г.г.), одного из первых певцов гражданской скорби, могла бы составить любопытную страничку вообще в истории русской цензуры. Человек, не имевший никаких связей с передовыми кругами русского общества, своими произведениями, по собственному выражению «попал в жилку» и стал одним из самых популярных поэтов-обличителей и скорбников. Его стихотворения печатались в журналах разных направлений («Русский Вестник», «Отечественные Записки», «Русское Слово», «Библиотека для чтения», «Заря», «Русь», «Дело» и др.). Далеко не все они могли попасть в печать, и некоторые из них распространялись среди широких слоев русских читателей в многочисленных списках.

Конечно, не эстетическими достоинствами поэзии Розенгейма, а совпадением с новыми веяниями объясняется ее популярность. Цензура сразу почувствовала этот дух, и Розенгейму пришлось претерпеть от нее большие мытарства: очень часто запрещались отдельные стихотворения, не дозволялись к печати и сборники их. Журналы, со своей стороны, часто и настойчиво пытались провести на своих страницах те или иные его стихотворения.

Одной из таких попыток является стремление радикального журнала «Дело» отпечатать у себя два стихотворения М. П. Розенгейма: Монологи («Хаты из мрака едва выступают») и «Недавно стояло тут старое здание».

Следы этих попыток остались в делах Спб. Цензурного Комитета. Сохранились два корректурных листа этих стихотворений, которые посылались на просмотр в Цензурный Комитет: два раза обращалась редакция за разрешением и оба раза получила отказ.

Суждение и определение Ценз. К-та о судьбе этих стихотворений записано в журналах заседаний Комитета 16 марта 1877 г. и 8 июля 1877 г.

В первый раз стихотворения были запрещены на основании следующего доклада и. д. цензора Юферова:

1. Монологи на мотивы дня. Герой стихотворения истомился грустью, истомился тоскою и решился умереть, так как силы разбиты, надежды упали, светоча на пути нет, то счастье, которое сказывалось и обещалось в колыбельной песни,—не оправдалось. Героя снова пробуждает к жизни шум проснувшегося к работе народа, и он просит света и знанья, уверенный, что народ найдет могилы тех, кто погиб в непосильной работе.

2. Стихотворение без заглавия М. Розенгейма—небольшое, в котором поэт желает обрисовать, повидимому, внутреннее нынешнее положение России. Старое здание рухнуло, но обломки его, мусор не убирается и на развалинах этих процветают только одни кабаки.

По мнению цензора, оба стихотворения по тенденциозности (столь явно видной из приведенного содержания) [1]) не могут быть дозволены к печати. Определено: согласно с мнением цензора стихотворения к печатанию не дозволять [2]).»

Во второй раз стихотворения запрещены на основании доклада цензора Смирнова, который свое мнение выразил гораздо более кратко, чем предыдущий цензор.

«Для цензирования представлено в цензуру два стихотворения тенденциозного содержания: 1) «Монологи на мотивы дня» и 2) стихотворение Розенгейма, начинающееся словами: «Недавно стояло тут старое здание»; первое преисполнено гражданской скорбью, а второе доказывает, что в России, на развалинах старого здания, процветают только кабаки. Цензор считает стихотворения неудобными к дозволению.

Справка: оба стихотворения эти, по тенденциозности содержания были уже запрещены к печати, определением Комитета 6 марта 1877 г.

Определено: на основании состоявшегося уже определения К-та и согласно мнению цензора, стихотворения к печатанию не дозволять.»

Второе из этих стихотворений «Недавно стояло тут старое здание» с небольшими изменениями (напр., вместо тут—здесь) было внесено в собрание стихотворений М. П. Розенгейма (в 5-ом изд. Спб. 1896, на стр. 414). Первое же стихотворение: «Монологи на мотивы дня» не попало в печать и дается здесь по корректурному листу.

МОНОЛОГИ НА МОТИВЫ ДНЯ.

По поводу новыхъ некрологовъ.

Братья-писатели, въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое.

Хаты изъ мрака едва выступаютъ,
Волны тумана съ рѣки поползли,
Звѣзды высоко трепещутъ вдали,
Мирно село почиваетъ.
Ночка! хоть ты мою скорбь утоли!

Нѣтъ, не смолкаетъ! Змѣей подколодной
Сердце мое изсосала тоска...
Время покончить расчеты:—рѣка
Плещет во мракѣ струею холодной
Въ гибкихъ стебляхъ тростника...

---

[1]) Слова, поставленные в скобки, зачеркнуты.

[2]) Дело Спб. Цензурного Комитета № 76/а по изданию штабс-капитаном Шульгиным ежемесячного журнала «Дело» т. VI; началось 23 января 1876 г.—закончилось 9 ноября 1877 г., лис. 55. (I отд. IV секции Е. Госуд. Арх. Фонда).

Силы разбиты, угасли надежды,
Дальше нѣтъ воли безплодно идти:
Свѣточа нѣтъ на тернистомъ пути,
Время смежить утомленныя вѣжды!
Родина, мать-дорогая, прости!

Неба и звѣздъ не увижу я снова.
Муки, надежды, любовь, красота,
Жизни удары, людей пустота
Не потревожатъ сознанья нѣмого...
Міръ поглотитъ темнота...

Но отчего же вдругъ жалко невольно
Стало чего-то? Всплываютъ со дна
Памяти образы дѣтства... Она,
Мать моя, вспомнилась... Въ сердцѣ такъ больно!..
Чу! вдалекѣ чья-то пѣсня слышна.

Въ хатѣ далекой заплакалъ ребенокъ.
Мать надъ ребенкомъ тихонько поетъ.
Что это? слезы? За сердце беретъ
Дѣтства знакомая пѣсня съ пеленокъ.

О, для чего ты мнѣ счастье сулила,
Пѣсенка дѣтства! Не ждать бы ужъ мнѣ
Свѣта, какъ всѣмъ, кто родной сторонѣ
Въ даръ безкорыстный снесъ душу и силы.
Видно не надобны были онѣ!

Топчетъ ихъ пошлость съ насмѣшкой тупою;
Сотнями сходятъ въ могилы пѣвцы.
И, пробѣгая въ газетахъ столбцы
Ихъ некрологовъ, ликуютъ герои
Наглой наживы, мамона жрецы.

Родина! долго ли мракомъ могилы,
Лютою мукой, проклятьемъ судьбѣ
Будетъ кончать въ непосильной борьбѣ
Сынъ твой, несущій всю душу, всѣ силы,
Жизнь и любовь на служенье тебѣ?

Нѣту отвѣта! Змѣей подколодной
Грудь изсосала тоска.
Пѣсня замолкла... и ищетъ рука
Ощупью ножикъ холодный...
Вотъ онъ! Могила близка...

Небо надъ лѣсомъ свѣтлѣетъ. Высоко
Облачко вспыхнуло, ярко блестя.
Перепелъ крикнулъ во ржи, у куста.
И, по зарѣ раздаваясь далеко,
Въ ближней деревнѣ скрипятъ ворота.

Трудъ пробуждается. Дивные звуки!
Легче тоска моя, слезы—опять!
Вѣрится въ пѣсню, что пѣла мнѣ мать.
Прочь же безсилье и скорбные муки!
Прочь уходите: не время рыдать.
Свѣта и знанья, и мощью обильный,
Гяжкимъ трудомъ укрѣпленный, народъ
Встанетъ для мысли, великій и сильный,
И дорогія могилы найдетъ
Всѣхъ, кто въ работѣ погибъ непосильной.
Небо свѣтлѣетъ и солнце идетъ!

М. Розенгеймъ.

II.

«Буддийские настроения в поэзии»—так озаглавил Вл. Соловьев [1]) свою статью о поэтическом творчестве гр. А. А. Голенищева-Кутузова (1849—1913). «Изящная, спокойная, незнающая мятежных исканий, муза Голенищева-Кутузова,—говорит С. А. Венгеров, —до такой степени чужда злобы дня, что без биографических дат трудно было бы определить, к какому времени относится его деятельность. Он—поэт интимных настроений по преимуществу, певец красоты природы и стремления к беспечальному успокоению» [2]). В эпоху наибольшей популярности гражданских мотивов в поэзии Голенищев-Кутузов в своих стихотворениях воспевал не протест и борьбу, а проповедывал христианское смирение. Для него стремление к свободе—«обман и тщета»—«то лести звук пустой, то праздных слов игра, то призрак лишь свободы; настоящая свобода—в петле, а истина—Христос» [3]).

В другом стихотворении поэт говорит:

«Пред гордостью—свою смиряй гордыню,
Пред злобою—любви познай святыню».

и дальше:

«Смирись душой—и мощь свою постигнешь,
Поверь любви—и горы ты подвинешь» [4]).

Даже патриотические и воинственные настроения 1876—1878 г.г., глубоко захватившие близкие поэту круги русского общества, не нашли отклика в его творчестве. В отделе «Буря» сборника стихотворений «Затишье и Буря» (Спб. 1878), посвященном впечатлениям от войны, автор больше вглядывается в свое внутреннее «душевное смятенье», прислушиваясь к воплям и стонам, которые доносятся до него с полей сражений.

При таком мировоззрении и таких настроениях, кажется, трудно ожидать от поэта откликов на злобу дня в духе гражданской поэзии 60—70 годов. А между тем и он воспевал свободу и борьбу за нее, и он был уличен цензурой в тенденциозности: запре-

[1]) Собр. сочин. Т. VI, стр. 432.
[2]) Очерки по ист. русской литер. Спб. 1907 г., стр. 142.
[3]) Гр. А. А. Голенищев-Кутузов. Стихотворения. Спб. 1884 г., стр. 49—50.
[4]) Там же, стр. 63.

щенное стихотворение «Франция», найденное в делах Спб. Цензурного Комитета, является данью поэта господствующим веяниям и злобе дня.

Стихотворение это не было включено автором ни в одно из собраний его сочинений, начиная с книжки его «Затишье и Буря» (Спб. 1878), «Стихотворений», изд. 1884 г. и кончая «Собранием сочинений», изданных в четырех томах в 1914 г.

«Франция» предназначалась для радикального журнала «Дело», в котором Голенищев-Кутузов начал свою литературную карьеру поэмой «Гашиш». Редакция «Дела» как журнала, выходящего с предварительного разрешения цензуры, препроводила стихотворение на просмотр в Спб. Цензурный Комитет. Оно было запрещено, и корректурный оттиск его был подшит к делу, в котором и сохранился, как приложение к журналу заседания Комитета 8 марта 1878 г.

И. д. цензора Юферов, как видно из указанного журнала, в таких словах определяет назначенье и краткое содержание стихотворения: «Автор, как можно понять, сближает два события: освобождение Россией славян от мусульманского ига и торжество республики во Франции над монархией: два венца победные стяжали эти государства с надписью «свобода!»

«Цензор, принимая во внимание тенденции, проводимые журналом «Дело», считает это стихотворение не лишенным тоже известной тенденции, почему и полагает стихотворение неудобным к дозволению».

Цензурный Комитет определил: «стихотворение, согласно мнению цензора, к печатанию не дозволять» [1]).

Все, запрещенное цензурой, должно было сохраняться в соответствующих делах. Сохранился и корректурный оттиск стихотворения «Франция».

ФРАНЦІЯ.

(14 октября 1877 года).

Негодованія великаго полна,
Угрозы слушая съ спокойствіемъ презрѣнья,
Она боролася безъ помощи, одна,
Какъ дѣва честная въ вертепѣ преступленья.
Не воинъ доблестный въ одеждѣ боевой,
Не сила грозная при свѣтѣ въ полѣ чистомъ,
Не сильная вражда... нѣтъ!—воръ во тьмѣ ночной,
Созвавъ товарищей условнымъ, робкимъ свистомъ,
Въ засадѣ ждалъ ее и, оглядясь вокругъ,
Опасности себѣ не видя ни откуда,
Къ ней тихо подошелъ съ лобзаньемъ нашъ Іуда,
Чтобъ петлю крѣпкую на шею кинуть вдругъ.
Она боролася безмолвно, безпощадно,
Во всеоружіи добра и чистоты
Одна въ толпѣ убійцъ, безсмысленной и жадной,
Ее настигнувшей подъ кровомъ темноты.
И бой тотъ страшенъ былъ, и бой тотъ долго длился.

[1]) Дело Спб. Цензурного Комитета 1866 г. № 76/е, по изданию штабс-капитаном Шульгиным ежемесячного журнала «Дело», л. 243—244. (I отдел. IV секции Госуд. Арх. Фонда). По этому оттиску стихотворение воспроизводится здесь.

Межъ тѣмъ нашъ занятъ міръ былъ распрею иной:
Востокъ пылалъ въ огнѣ и смерти духъ носился—
Въ поляхъ, гдѣ божій крестъ воздвигнулъ братъ съ луной;
Тамъ кровь лилась рѣкой, тамъ шума было много,
Тамъ слышались мольбы, проклятія и стонъ,
Пророка бранный кликъ и громъ отвѣтный Бога,
Побѣды, празднества и колокольный звонъ.
Туда устремлены вселенной были очи...
Она жъ, забытая всѣмъ міромъ, въ сторонѣ,
Безъ грома и огня, во тьмѣ глубокой ночи,
Свершала подвигъ свой въ смиренной тишинѣ.
Но утра часъ насталъ, и выглянувъ изъ тучи,
Побѣдныхъ два вѣнца лучъ солнца озарилъ:
Одинъ стяжала Русь десницею могучей,
Другой твою главу, о, Франція, покрылъ!
И надпись общая въ обоихъ ярко блещетъ;
Въ ней слово лишь одно: с в о б о д а!—но предъ ней
Насилья древній мракъ, нашъ воръ въ ночи, трепещетъ
И спѣшно прочь бѣжитъ, страшась ея лучей!

А. А. Голенищев-Кутузовъ.

Сообщил *А. С. Николаев.*

Цензура и Л. Н. Толстой.

(Из захеток архивиста).

Мелочи, связанные с великими именами прошлого, всегда будут имѣть несомненное значение, хотя бы в качестве материала для исследователя. Поэтому нам кажется нелишним опубликование всего относящегося к цензурной истории текстов Л. Н. Толстого, даже в виде нижепомещенных незначительных в отдельности, но ценных в общей перспективе фактов.

Статье Л. Н. Толстого «Суратская Кофейня», впервые помещенной в январской книжке «Северного Вестника» за 1893 г., предшествовала переписка между рукодителями ценаурного ведомства, лишний раз показывающая, как устрашающе действовало на цензора самое имя Льва Толстого.

Начальник Главного Управления по делам печати Е.М. Феоктистов пишет Председательствующему в СПБ. Цензурномъ Комитетѣ Е. А. Кожухову:

25 ноября 1892.

Многоуважаемый
Евгеній Алексѣевичъ!

Вчера В. С. Адикаевскій прислалъ мнѣ прилагаемую статью графа Л. Толстого безъ всякихъ объясненій, а отъ одного изъ нашихъ чиновниковъ, приходившаго ко мнѣ, я узналъ, будто она предназначалась для «Сѣвернаго Вѣстника» и запрещена цензурой. Прочиталъ я ее и изумился: нѣтъ въ этой статьѣ ни единаго слова, которое могло бы показаться предосудительнымъ. Вообще статья прекрасная.

Въ недоумѣніи моемъ—неужели отъ меня ускользаетъ затаенный ея смыслъ—обратился я къ К. П. Побѣдоносцеву. Онъ пишетъ мнѣ: «поистинѣ Вамъ скажу, что не вижу ни малѣйшаго повода препятствовать напечатанію статьи графа Толстого».

Неужели въ самомъ дѣлѣ цензоръ запретилъ ее? Что же онъ усмотрѣлъ въ ней? Развѣ подпись автора?

Если запрещеніе дѣйствительно послѣдовало, покорнѣйше прошу Васъ отмѣнить его и безотлагательно, чтобы не задерживать печатанія книжки «Сѣвернаго Вѣстника».

Это журналъ нехорошій, но если бы въ немъ печатались только статьи, въ родѣ той, о которой идетъ рѣчь, то конечно онъ не возбуждалъ бы нареканій.

Преданный Вамъ *Е. Феоктистовъ* [1]).

Результатом письма является нижеследующая записка Е. А. Кожухова к цензору:

---

[1]) Дело Спб. Цензурного Комитета № 43, ч. I, за 1885 г., л. 133.

«Потрудитесь разрѣшить прилагаемую статью немедленно, а записку Его Превосходительства Евгенія Михайловича приложить къ дѣламъ Комитета.

Искренно преданный *Евгеній Кожуховъ*.

25 декабря 1892 года [1])».

Доклад цензора Елагина, вызвавшій затрудненія и имеющійся въ деле в несколько смягченной, повидимому, форме, резюмируя содержание «Суратской Кофейни», заключается следующим образом:

«Не находя въ означенной статьѣ ничего вреднаго, тѣмъ не менѣе, затрудняюсь пропускомъ оной, ибо она принадлежитъ перу Льва Толстого и касается религіозныхъ вопросовъ, чемъ и можетъ возбудить превратныя толкованія» [2]).

Любопытны мотивы, по каким иногда разрешалось цензурой напечатание произведений Л. Н. Толстого.

В докладе С. П. Б. Цензурного Комитета от 26 августа 1893 года (№ 1532) сказано:

Въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Для ежемѣсячнаго подцензурнаго журнала «Сѣверный Вѣстникъ» назначена статья графа Льва Толстого подъ заглавіемъ: «Не дѣланіе. Рѣчь Золя и письмо Дюма».

Въ статьѣ этой разбирается содержаніе и смыслъ недавно произнесенной рѣчи Золя и письма Дюма.

По своему обыкновенію графъ и въ данномъ случаѣ рѣзко порицаетъ занятія вообще наукой и теоріею религіозныхъ воззрѣній. Усматривая въ содержаніи напечатаннаго письма Дюма какъ бы пророчество о томъ, что близится моментъ, когда все человѣчество будетъ внезапно «охвачено безумнымъ бѣшенствомъ любить другъ друга», Толстой старается развить брошенную французскимъ писателемъ невзначай фразу въ болѣе или менѣе стройное ученіе о непротивленіи злу.

Въ упоминаемой статьѣ ученіе-утопія проводится тономъ спокойнымъ и сдержаннымъ. Лишь изрѣдка прорываются горячія тирады, направленныя противъ несостоятельности современнаго общественнаго строя и разныхъ суевѣрій, порождаемыхъ вѣрой.

Вообще проповѣдываемая уже давно графомъ утопія о непротивленіи злу никоимъ образомъ неприложима на практикѣ и немогущая поэтому пустить корней въ массахъ народныхъ, есть, собственно говоря, довольно невинное самоуслажденіе маститаго беллетриста. Со своимъ новымъ словомъ носится онъ и старается выкрикнуть его при всякомъ подходящемъ случаѣ. Препятствовать графу въ настоящемъ случаѣ было бы, по мнѣнію цензора, ошибкой, ибо, какъ извѣстно изъ прежней практики, все запрещаемое въ подобномъ родѣ этому писателю, легко распространяется инымъ путемъ и расходится

[1]) Там же, л. 134.

[2]) Дело Спб. Цензурного К-та, № 43, ч. I, за 1885 г., л. 135

обыкновенно въ видѣ литографированныхъ листовъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ среди интеллигентной публики.

Притомъ настоящая статья «Не дѣланіе» есть самый слабый, блѣдный оттискъ его утопическихъ соціальныхъ воззрѣній, съ которыми русская публика слишкомъ хорошо знакома по множеству произведеній, вошедшихъ въ послѣдній томъ собранія сочиненій этого писателя, продаваемый и отдѣльно.

С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ цензора о возможности дозволенія настоящей статьи графа Толстого, имѣетъ честь о семъ представить на усмотрѣніе Главнаго Управленія по дѣламъ печати на основаніи предписанія отъ 20 августа 1887 года за № 3119.

Предсѣдательствующій Членъ Совѣта Главнаго Управленія
по дѣламъ печати *Кожуховъ*.
За секретаря *Н. Пантелѣевъ*.

Резолюція Начальника Главного Управленія гласит:

«Согласно мнѣнію Комитета дозволить къ напечатанію эту статью графа Толстого.
28 августа 1893.

Е. Феоктистовъ».

К тому же 1893 году относится переписка о рассказе Л. Л. Толстого «Совершеннолетие», встретившем особенное внимание цензуры из-за допущенного первоначально смешения имени автора с ненавистным цензуре именем его великого отца.

Цензор А. А. Пеликан пишет:

Многоуважаемый
Николай Ивановичъ!

Прилагая при этомъ новый разсказъ графа Толстого для «Сѣвернаго Вѣстника», прошу разсказъ этотъ по минованіи надобности возвратить мнѣ съ извѣщеніемъ, можетъ ли онъ быть пропущенъ мною помимо Главнаго Управленія. По моему мнѣнію, къ пропуску этого разсказа, написаннаго на тему—чувственность вредна и смотрѣть на женщину съ похотливостью не слѣдуетъ—не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и т. д. [1])

Тем временем однако рассказ задержан, и редактор-издательница «Северного Вестника» пишет цензору:

«Спб. 1893 года, ноября 16 дня.

Милостивый Государь
Александръ Александровичъ!

Я спрашивала въ типографіи, почему они не верстали повѣсти Л. Л. Толстого, и мнѣ отвѣтили, что Вы задержали повѣсть до доклада на томъ основаніи, что сомнѣваетесь, не принадлежитъ ли повѣсть гр. Льву Николаевичу Толстому. Спѣшу увѣдомить Васъ, что под-

[1]) Sic! Дело Спб. Цензурного Комитета, № 43, ч. I, за 1885 г., л. 149.

пись Л. Л. Толстой удостовѣряетъ вполнѣ точно, что повѣсть не принадлежитъ извѣстному писателю, нелюбимому цензурою,—редакція никогда не позволила бы себѣ подобнаго подлога съ какими бы то ни было цѣлями.

Не скрываю при этомъ, что Л. Л. Толстой, членъ семейства Л. Н. Толстого, молодой еще человѣкъ. Послѣднее, впрочемъ, замѣтно въ неровности его произведенія. Въ виду того, что повѣсть, какъ Вы это сами, конечно, замѣтили, не представляетъ никакихъ тенденцій, нежелательныхъ въ цензурномъ отношеніи, а также въ виду необходимости какъ можно скорѣе пустить въ книгу набранную уже вещь, не найдете ли Вы возможнымъ подписать повѣсть теперь же. Доказательство того, что повѣсть не принадлежитъ Л. Н. Толстому, я могу представить во всякое время.

Съ истиннымъ уваженіемъ *Л. Гуревичъ* [1])».

Содержаніе разсказа сводится к изображенію борьбы между упорным целомудрием достигшего совершеннолетия студента и искусными приемами опытной обольстительницы.

Борьба оканчивается победой целомудрия, что и дает возможность цензуре с вѣдома и согласия Начальника Гл. Упр. разрешить рассказ. На докладе цензора—надпись:

«Статью эту, принадлежащую перу не графа Льва Толстого, извѣстнаго писателя, а одного из членов его семейства, признано в озможным дозволить к печати...» [2]).

Своеобразна судьба статьи Л. Н. Толстого «Религия и нравственность».

Осенью 1894 года она была представлена в Спб. Цензурный Комитет, как назначенная к напечатанию в подцензурном журнале «Северный Вестник».

Доклад Комитета Главному Управлению от 17 сентября 1894 года (№ 1647), изложив со слов цензора содержание статьи, констатирует, что:

«Цензоръ не усмотрѣлъ препятствій къ появленію статьи этой подъ предварительной цензурой. Значительная же часть членовъ Комитета, совмѣстно съ Предсѣдательствующимъ, полагаетъ, что это новое религіозное поученіе графа Льва Толстого не можетъ удовлетворить цензурнымъ требованіямъ. Этотъ извѣстный авторъ, взявшійся за религіозную проповѣдь на закатѣ своей жизни, вездѣ умалчиваетъ объ откровенной религіи, о тѣхъ ученіяхъ христіанства, въ которыхъ воспитывались и живутъ наши поколѣнія. Его одинаково удовлетворяетъ и мораль первобытныхъ язычниковъ и та мораль, которую онъ, сколько желаетъ, воспринялъ отъ христіанства; одинаково хороша нравственность, лишь бы она вытекала изъ религіозныхъ вѣрованій какихъ бы то ни было.

Таковые взгляды, проводимые въ простодушныхъ разсужденіяхъ, легко спутываютъ умъ неглубокаго читателя и даютъ поводъ къ обобщеніямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ господствующимъ ученіемъ нашей христіанской религіи...

На этихъ основаніяхъ Спб. Цензурный Комитетъ опредѣлилъ статью эту не дозволять...»

---

[1]) Там же л. 150.

[2]) Дело Спб. Цензурного Комитета № 43 за 1885 г., ч. I, л. 155.

Тут же резолюция Начальника Главного Управления:

«Статья графа Льва Толстого, о которой говорится въ этомъ докладѣ, должна быть запрещена къ печати.

19 сентября 1894 года.

Е. Феоктистовъ. [1])»

Через три месяца Е. М. Феоктистов пишет Председательствующему в Спб. Цензурном Комитете:

«Многоуважаемый
Евгеній Алексѣевичъ!

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» г-жи Гуревичъ появится статья графа Льва Толстого «Противорѣчія эмпирической нравственности». Такъ какъ въ статьѣ этой трактуется вопросъ о религіи, то я просилъ К. П. Побѣдоносцева просмотрѣть ее—и оказалось, что къ напечатанію ея не встрѣчается препятствій. Объ этомъ считаю долгомъ увѣдомить Васъ и послалъ такое же увѣдомленіе г-жѣ Гуревичъ...

Искренно преданный *Е. Феоктистовъ*». [2])

28 дек. 94.

При сравнении двух упоминаемых вещей по содержанию легко убедиться, что это—одна и та же только что запрещенная статья «Религия и нравственность», но под иным лишь заглавием и с ничтожными измененіями текста [3]).

Статья «Противоречия эмпирической нравственности» напечатана въ январской книжке «Северная Вестника» за 1895 годъ. Вслед за тем, в том же 1895 году в XIV томе московского издания «Собрания сочинений Л. Н. Толстого» появляется впервые и «Религия и нравственность».

Сообщил *А. Аннинский.*

---

[1]) Дело I отд. Канц. Гл. Упр. по деламъ печ. № 12, 1884 г., лл. 118 и слл.

[2]) Дело Спб. Ц. К. № 43, 1885 г., ч. 1, л. 166.

[3]) Выше указанное позволяет с достаточной определенностью установить дату написания статьи «Религия и нравственность», каковую пришлось бы считать колеблющейся, если иметь в виду противоречие издания С. А. Толстой, относящего ее к 1894 году, и издания Сытина 1913 года, где во всех упоминаниях она отнесена къ 1898 году.

Александр III о Льве Толстом.

В Государственном архиве Р. С. Ф. С. Р. среди бумаг генерал—адъютанта Черевина, вывезенных из Аничковского дворца, имеется собственноручная записка Александра III, характеризующая отношение этого царя к Л. Н. Толстому. К записке приложен оттиск рецензии Ив. Палимпсестова о «Власти тьмы» Толстого в № 10 «Москов. Церковных Ведомостей» за 1886 г. Это рецензия, повидимому, и вызвала указанную записку, по всем признакам, адресованную Александром III Черевину.

Приводим дословно текст этой записки:

«Я переговорю съ вами объ этомъ при первомъ докладѣ. Надо было бы положить конецъ этому безобразію Л. Толстого, онъ чисто нигилистъ и безбожникъ. Не дурно было бы запретить теперь продажу его драмы «Власть тьмы», довольно онъ уже успѣлъ продать этой мерзости и распространить ея въ народѣ.—А».

Сообщилъ *Н. Л.*

К биографии В. Г. Короленко.

(Из заметок архивиста).

В начале 1896 года издатели журнала «Русское Богатство» В. Г. Короленко и Н. В. Михайловская возбудили перед Главным Управлением по делам печати ходатайство—об освобождении журнала от предварительной цензуры, об утверждении в звании ответственного редактора В. Г. Короленко и о некоторых изменениях в программе его.

На обычный запрос Главного Управления департамент полиции ответил «секретно» обширной справкой о В. Г. Короленко, решившей дело в отрицательном смысле, хотя при этом и сообщалось, что «со стороны Д-та препятствий не встречается» к удовлетворению ходатайства.

Позволим себе привести in extenso эту полицейскую биографию недавно умершего писателя.

«К о р о л е н к о, Владиміръ Галактіоновъ, происходитъ изъ дворянъ Волынской губерніи; въ 1876 г., находясь въ числѣ студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи, принималъ участіе въ студенческихъ безпорядкахъ за что и былъ высланъ изъ Москвы, но въ томъ же году получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ и поступилъ въ Горный Институтъ.

Въ маѣ 1879 г., въ виду полученныхъ указаній на сношенія Короленко съ революціонными дѣятелями того времени, онъ, по распоряженію бывшаго временнаго С.-Петербургскаго Генералъ-Губернатора генералъ-адъютанта Гурко, былъ высланъ изъ столицы и затѣмъ, въ маѣ того же года, водворенъ подъ надзоръ полиціи въ Вятскую губернію.

Въ январѣ 1880 г. Короленко самовольно отлучился изъ Вятской губерніи, за что былъ предназначенъ къ высылкѣ въ Восточную Сибирь, но послѣдовавшее о семъ распоряженіе было замѣнено Главнымъ Начальникомъ Верховной Распорядительной Комиссіи высылкою Короленко въ Пермскую губернію.

Проживая въ Перми, въ 1881 г. Короленко отказался принять вѣрноподданническую присягу. Порицая при этомъ распоряженія административной власти относительно высылки его въ Вятскую и Пермскую губерніи, Короленко заявилъ, что «законнымъ властямъ дано опасное право, право произвола, и жизнь доказала массою ужасающихъ фактовъ, насколько это право злоупотребляется: произволъ порождаетъ разладъ между законнымъ требованіемъ и требованіемъ совѣсти, почему, руководствуясь въ данномъ случаѣ указаніями совѣсти, онъ отказывается отъ принятія присяги въ существующей формѣ».

Вслѣдствіе сего въ іюлѣ мѣсяцѣ 1881 г. Короленко былъ высланъ въ Восточную Сибирь и поселенъ подъ надзоромъ полиціи въ Якутскомъ округѣ. По окончаніи срока надзора, въ 1884 г. Короленко полу-

чилъ право возвратиться въ Европейскую Россію, съ воспрещеніемъ проживать въ столицахъ и мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положені усиленной охраны.

Въ послѣдующіе года неблагопріятныхъ свѣдѣній о Короленко не получалось, и потому Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало возможнымъ разрѣшить ему кратковременное пребываніе въ Петербургѣ два раза въ 1887 г. и одинъ разъ въ началѣ 1888 г. Къ концу же 1887 г. Короленко дозволено проживать въ столицахъ, съ оставленіемъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи.

Въ послѣднее время Владиміръ Короленко проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и занимался литературнымъ трудомъ, который доставляетъ ему средства къ существованію. Литературныя произведенія Короленко помѣщались, главнымъ образомъ, въ журналѣ «Русская Мысль», а также въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ «Free Russia» и «Прогрессѣ». Сочиненія Короленко пользуются большой извѣстностью въ обществѣ и охотно принимаются всѣми періодическими изданіями.

Въ 1893 г. Короленко ѣздилъ въ Сѣверную Америку и вскорѣ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ «The New Jork Times» отъ 17 августа новаго стиля, 1893 г., появилась статья, озаглавленная «Одна из жертвъ Царя». Писатель Короленко разсказываетъ объ испытанныхъ имъ жестокихъ преслѣдованіяхъ».

Чиновникъ особыхъ порученій
при Департаментѣ Полиціи *Лемтюжниковъ*. [1])

Начальник Главного Управления по делам печати Е. М. Феоктистов нашел, что «эта справка интересна», и положил ее в основу своего доклада министру Внутренних Дел несколько утрируя, может быть, и бессознательно, сведения справки в конце ее.

Он пишет:

«... *Короленко позволилъ себѣ во время поѣздки своей въ 1893 году въ Сѣверную Америку напечатать въ одной изъ мѣстныхъ газетъ* «The New Jork Times» *статью своего сочиненія, подъ заглавіемъ «Одна изъ жертвъ Царя», гдѣ авторъ разсказываетъ объ испытанныхъ имъ жестокихъ преслѣдованіяхъ*» [2]).

О результате доклада сообщает надпись на полях его:

«Г. Министръ не изъявилъ согласія ни на освобожденіе этого журнала от предварительной цензуры, ни на утвержденіе г. Короленко въ званіи редактора «Русскаго Богатства». [3])

Е. Феоктистовъ.

18 марта 1896 года».

9 мая 1900 года, по вторичному ходатайству, В. Г. Короленко и Н. К. Михайловский утверждены Гл. Управлением в звании редакторов. Такое же ходатайство о снятии предварительной цензуры, поданное 1 ноября 1904 года, отклонено 4 июня 1905 г. (Дело I Отделения Канцелярии Гл. Упр. по делам печати—1871 г. № 103, ч. II, листы 32, 73 и 81.)

Сообщил *С. Аннинскій.*

---

[1]) Дело Канцеляріи Гл. Упр. по д. печ. № 103, ч. 1, л. 274.

[2]) Там же, л. 276. Курсив наш.

[3]) Там же, л. 275.

Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко [1]).

В ноябре 1886 года в Московский Цензурный Комитет был представлен сборник «Очерки и рассказы» В. Г. Короленко, вышедший без предварительной цензуры в издании журнала «Русская Мысль». Вошедшие в сборник очерки и рассказы были напечатаны в разное время в «Русской Мысли» и в подцензурном журнале «Северный Вестник». Тем не менее, рассматривавший сборник цензор Назаревский дал о нем следующий отзыв:

«Представляя собой мрачные и раздражающие картины из быта острожников, бродяг, каторжников и подобных озлобленных элементов общественных, очерки эти проникнуты не состраданием только к ним, но тенденциозным пристрастием, доходящим до антипатии к тем элементам, кои отвергли все это общественное отребье. Автор этих рассказов, владеющий легким и занимательным пером, очевидно, может легко внушать те же чувства и своим читателям. Наиболее характерным, по отношению к такому направлению автора, рассказом является последний очерк: «Соколинец». В нем автор в уста сибирского бродяги влагает рассказ о том, как партия каторжников, обвиняемых в убийстве, уже во время транспортировки на крейсере «Нижний-Новгород» на остров Сахалин, спасается оттуда. Короленко не щадит литературных приемов, для того чтобы возбудить в читателе сочувствие к беглецам, как героям, и чувство антипатии к тем, кто им мешает в этом предприятии. Автору самому в своем очерке чудится поэзия вольной волюшки и даже героическая поэма вроде Одиссеи, а между тем рассказываются явления в существе отвратительные. Убиение на крейсере нескольких арестантов своими товарищами по ссылке называется «казнью, которую совершило серое кандальное общество над своими отступниками». Особенно освещающей весь рассказ фальшью дышит описание того, как каторжники перерезали отряд кордонных солдат с их начальником. Примечательно, что автор ни одним словом не выразил несочувствия к беглым, а напротив того, не только в отмеченных мною местах, но и во всем рассказе пробуждает сочувствие к героям новой Одиссеи. Такими же мрачностью и тенденциозными сочувствиями отличается очерк: «В подследственном отделении», где привлекается сочувствие читателя и идеализация автора направляется к содержимому в одиночном заключении Яшке, как страстотерпцу и подвижнику, хотя этот сумасшедший ничего не делает другого, как

---

[1]) Дело I-го Отделения Канцелярии Главного Управления по делам печати, № 19, 1900 года.

только солит тюремному начальству. В том же отрицательном духе написаны и рассказы: «Сон Макара» и «Лес шумит». В первом рассказывается, как бедный якут Макар держит ответ за свои грехи на суде Божием, а во втором—как дворовые охотники и лесник убили своего помещика»...

В заключение цензор находил:

«Что такого рода тенденции и раздражающие картины способствуют извращению понятий в читающей публике...»

Председатель Цензурного Комитета в своем представлении Главному Управлению по делам печати указал, что Комитет:

«Единогласно признал, что, будучи собраны в одну книгу, рассказы и очерки по своей тенденциозности могут принести значительную долю вреда в среде читающей публики»...

Главное Управление оказалось, однако, снисходительнее Московской цензуры и разрешило выпуск «Очерков и рассказов».

Сообщил *А. С. Николаев.*

Библиография.

Архивные курсы. Лекции, читанные в 1918 году. И. Л. Маяковский. Исторический очерк архивного дела в России. Петроград, 1920. 2+176 стр.

Пред нами очень полезная книга, составленная с любовью и с знанием дела. Не давая нового документального материала, автор очень умело оперирует теми данными, которые можно найти в трудах сотрудников Московского Архива Юстиции, в изданиях Археографической Комиссии и пр. В первой главе автор излагает, как он понимает задачи читанного им в Петроградском Археологическом Институте курса. Надо сказать, что эта глава—самая слабая часть книги. На первых строках автор ставит вопрос, стоит ли заниматься историей архивного дела в России, как рядом явлений, не имеющих общественного значения, если признать, что в прошлом наших архивов одно пустое место и ничего поучительного и полезного. Для историка такой вопрос кажется излишним, и подобная презумпция не заслуживающей опровержения, тем более, что автор еще не выяснил, можно ли найти что-либо поучительное в истории русских архивов. Далее, на двух страницах мы читаем выдержку из очерка В. Г. Короленко «История моего современника», где выводится тип уездного архивариуса, мало пригодного к архивной деятельности (автор называет такой прием подходом с литературно-художественной стороны), и затем еще несколько страниц посвящены ряду печальных фактов уничтожения архивных сокровищ. Подобными сведениями пестрит вся книга, и первая глава предвосхищает дальнейшие изложение, но эти сведения нужны автору для того, чтобы указать первую задачу своего курса — вызвать «святое беспокойство» за участь наших архивов.

За печальной картиной прошлого архивов следуют рассуждения автора, на тему, чем можно объяснить архивное нестроение, т.-е. как бы подведение итогов до подробного изложения фактов. Первую причину нестроения автор видит в отсутствии подготовленных архивистов, а подготовить их было трудно, так как существовала разноголосица относительно того, чего надо требовать от архивиста. И. Л. Маяковский находит возможным разрешить эту разноголосицу развитием двух положений, из которых первое выражено так неудачно: 1) архивное д е л о есть наука и 2) эта наука имеет самодовлеющее значение. Поставив таким образом вопрос о подготовке архивистов, автор формулирует вторую задачу своего курса, как научный учет положительного и отрицательного опыта в прошлом архивного дела и, снова предвосхищая содержание дальнейших лекций, смягчает мрачную картину архивного нестроения более светлыми тонами: «Необходимо показать, что у нас были архивы, которыми можно было гордиться перед целом светом, как, напр., Московский Архив Иностранных дел, что у нас были настоящие подвижники архивного дела, как Строев, Калайдович, Бантыш-Каменский, Малиновский, Калачев и др., наконец, что наше архивное прошлое не чуждо было реформационных стремлений и даже до некоторой степени предвосхищения той реорганизации архивного дела, которая осуществляется только теперь» (стр. 14).

Указанные две задачи автор выполнил, можно сказать, блестяще. Читателя под-

купает та любовь к архивному делу, которая сквозит в каждой строке и может вызвать «святое беспокойство» за участь наших архивов; опыт прошлого учтен с достаточной подробностью и ясностью. Но автор поставил себе еще две задачи: произвести подсчет архивного материала, который уцелел от расхищения и расточения, и «строго-рационально, а не искусственно установить эту архивную сферу и те объекты, над которыми архивные деятели должны трудиться не как чиновники, но как ученые работники» (стр. 20). Эти задачи не разрешены в курсе: нет никакого п о д с ч е т а уцелевшего архивного материала, а только есть указания на участь некоторых важнейших архивов; вопрос о сфере деятельности архивистов замирает на вводной главе о задачах курса.

В дальнейшем изложении автор дает сведения о литературе по истории архивного дела в России, об архивах до-Московской Руси, Московского государства; эпохи коллегий, эпохи министерств и, наконец, о попытках реформ архивного дела, кончая известным проектом Московского Археологического Общества. Обстоятельный рассказ на эти темы требует только немногих замечаний. На стр. 55 идет речь о копировке судных дел, не решенных в городах и переданных на рассмотрение в Москву; обзор многих подобных дел приводит к заключению, что в Москву пересылались подлинные документы, а не копии. Недоразумение вышло с термином, означающим составные части столпов или, правильнее, места склейки отдельных листов в столпах, т.-е. «составы». Пометы и подписи часто помещались по склейкам—«по составам», но И. Л. Маяковский предлог с существительным принял за одно слово и потому допустил такую фразу: «Составные части столпа назывались «составами» или «поставами» (стр. 64). Затем, можно указать, что Сибирский приказ никогда не подлежал ведомству Посольского приказа, как утверждается на стр. 123; что в конце XVII века шкапы в приказной практике получили широкое применение, «чтобы от мышей книгам и делам повреждений не было»; что некоторые страницы книги автор испестрил иностранными словами. Но все эти замечания не умаляют крупного значения книги, имеющей сугубую ценность в виду крайнего недостатка в пособиях, необходимых для подготовки архивных работников.

С. Богоявленский.

Архивные курсы. Т. I. История архивного дела классической древности, в Зап. Европе и в мусульм. Востоке. Лекции, читанные в 1918 г. Птг. 1920; стр. VI—387; цена не обозначена.

Читатель, как и рецензент, прежде всего должен считаться с одним чрезвычайной важности обстоятельством—безусловной новизной темы. Действительно, трудами по истории архивного дела на Западе мы пока были более, чем бедны, ибо не имеем никаких руководящих работ, т.-е. другими словами... весь колоссальный опыт Запада не был уяснен в более широком и доступном масштабе, а посему и не мог учитываться более широкими слоями. Впрочем, негодовать на нашу обычную «отсталость» не приходится: на самом Западе нет общих удовлетворительных работ, нет даже зачастую специальных исследований по интересующему нас вопросу. Об архивах и архивном деле не мало говорили и даже судачили, но архивная теория и практика далеко не всегда занимали подобающее им место.

Нельзя поэтому не приветствовать рассматриваемой книги, тем более, что она представляет часть задуманной и почти осуществленной (нет пока IV тома) небольшой «энциклопедии» по архивному делу, т.-е. появляется не случайно, а в добром окружении. Но, с другой стороны, уже a priori нельзя не высказать ряда опасений, что новизна предприятия должна была отразиться не совсем благоприятно. Притом, не только новизна, но и спешность (ибо книга должна была поспеть в качестве пособия за краткосрочностью самих курсов), и не только спешность, но и разный приступ к делу.

Вот несколько примеров. Чем, по мнению авторов, должна была быть книга? Конспектом ли лекций, или более распространенным «учебником», или первой, хотя бы и торопливыми мазками набросанной картиной для более широкой публики? Против весьма естественного, чисто учебного задания говорит невыдержанность общего плана,

где зачастую наиболее ценные указания (хотя бы поучительнейшие вопросы об ошибках, или, наоборот, исключительно удачных приемах) оставлены совсем в тени, где во имя литературности и изобразительности нередко жертвовали полнотой и насыщенностью содержания. Наиболее неуловимо, напр., назначение краткого очерка (стр. 203—216) о знаменитой Школе Хартий. Мы узнаем, что автор пробыл в ней же три года, но... от самой статьи не веет шартизмом. Нет ни той строгой деловитости и завидной сосредоточенности, какой обладают обыкновенно ученики Школы, ни того понятного увлечения, красивого и заразительного, с каким они обыкновенно повествуют о «своей школе», которая, как известно, является действительно образцовой. Нет ни Марфы, ни Марии; не получается представления о мировом значении Школы, ни конкретного впечатления об обычном там трудовом дне. Боюсь, что у слушателя не забьется сердце при этом сообщении, и читатель тоже останется холодным, разве что к Школе привлекут его несколько прочувствованных и сильных строк, снизанных попутно проф. О. А. Добиаш-Рождественской в ее превосходной статье по «Истории архивов романской Европы при старом порядке».

Или другой образчик. В одной из статей (Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем) с довольно частым заунывным указанием, что пособий нечего отмечать, ибо они все равно (стр. 232) отсутствуют в Петрограде, и в России, между прочим мы легко видим обычный прием курсового лектора, но для печатной книги, нужно сознаться, такое заверение более, чем странно: кто знает, а вдруг читатель да и выпишет эту далекую, страшно «ученую», английскую книгу! Да и вообще статью при 2-ом, надеюсь, не далеком издании придется сильно пересмотреть; склонность автора к «занимательности» рассказа приводит его к лишним увлечениям, и несомненно, ему придется отказаться от целого ряда сообщений,—вроде добрых привычек и чудачеств Принна, злоключений и изречений Коттона, Карл I и библиотекарь-адамант и т. д., переработать нужно будет также немало неопределенных фраз, туманных объяснений, мало мотивированных переходов и примеров (стр. 238, 248 и т. д.), словом, все то, что относится к области ненужной и несерьезной causerie, которой так изобилует данная статья и которой, к счастью, и в помине нет в других частях книги.

Некоторая спешка, наконец, сказалась даже и на наиболее солидных статьях, и не только в мелочах (ссылка проф. Е. В. Тарле на стр. 156 так и повисла в воздухе; очерк его «Национальный Архив в Париже» написан, конечно, с присущими автору экспрессий и тонким знанием, тем более, что он один из на редкость удачных и настойчивых использователей Архива), но и в общем настроении. Несомненно, следовало подвергнуть более тщательному рассмотрению, напр., крупное архитектоническое несоответствие отдельных частей. Вопрос тут, разумеется, не только эстетический, но и по существу: для читателя размеры статьи невольно знаменуют сравнительную значительность самых тем. А посему чрезвычайная краткость статей проф. М. А. Полиевктова—и ведь они трактуют об архивах Германии Австрии, Италии,—является прямо-таки досадной. Правда, автор сделал все, чтоб при малых размерах дать максимально возможное; его статьи исключительно насыщенны, а кроме того, он прибег еще к схематизации (опять вопрос—желательно ли на п е р в ы х порах), к типологии и другим упрощающим приемам, не говоря уже о присущей ему точности и сжатости изложения—и все-таки хотелось бы видеть безусловное расширение этих скромных и скудных пределов. Иначе ведь получается своеобразная, хотя и нередкая картина: античная древность (великолепная статья проф. Г. Р. Церетелли), Средние века, Старая Европа—представлены более значительно, нежели архивный опыт Европы новой.

Словом, над книгой придется еще много поработать, превращая ее из курса лекций в книгу. Необходимость этой предстоящей настойчивой работы вытекает, конечно, не из тех или иных недохватов (при новизне дела они были неизбежны), а из важного значения самой темы. Архивное дело именно у нас, в России, нужно особенно укреплять и популяризировать, ибо нигде уже невозможны более такие грехи и ошибки, как именно у нас.

Д. Егоров.

Материалы по истории С.-Петербургского университета. Том I. 1819—1835 г. Под ред. проф. С. В. Рождественского собрали и издали И. Л. Маяковский и А. С. Николаев. Птг. 1915 г. Цена не обозначена.

Ко дню своего столетнего юбилея, исполнившегося 8 февраля 1919 г., Петроградский университет предполагал выпустить в свет ряд юбилейных изданий по обширному плану, в который входили: очерк истории университета, биографический словарь профессоров, история кафедр, факультетов, вспомогательных учреждений и т. д. Война и революция помешали осуществлению этого плана, и выпустить удалось лишь первый том материалов по истории университета, включив в этот том статьи по истории университета и университетских зданий, предполагавшиеся к выпуску отдельными брошюрами.

Документы, входящие в настоящий том, извлечены известными петроградскими архивистами А. С. Николаевым и И. Л. Маяковским преимущественно из дел б. архива Мин. Нар. Просв., а отчасти из университетского архива и освещают исключительно первый период истории университета с 8 февраля 1819 г. до издания устава 25 июля 1835 г., группируясь вокруг следующих моментов: 1) образования университета по учредительному акту 8 февраля 1819 г., 2) обсуждения уваровского проекта универс. устава, 3) суда над профессорами и разбора студентов, произведенного Руничем в 1821 году, и 4) восстановления «нормального» порядка в университете после его разгрома. Материалам предшествует большая статья редактора издания проф. С. В. Рождественского «Первоначальное образование Спб. университета 8 февр. 1819 г. и его ближайшая судьба»; далее идут: статья П. Н. Столпянского «К истории зданий Спб. университета», библиографический указатель к истории последнего за 1819—1835 гг. Р. Н. Геппенера и обширный список портретов деятелей по созданию Спб. университета за те же годы, составленный В. Я. Адарюковым.

В своей статье проф. С. В. Рождественский живо рисует историю постепенного создания Спб. университета из учительской гимназии, возрожденной в 1804 году с чертами высшей школы и переименованной в Педагогический институт, а затем Главный Педагогический институт, имевший заданием—служить рассадником профессоров и учителей для всех школ Империи. В 1919 году это высшее учебное заведение, имевшее, в сущности, узкий характер специально педагогической школы, преобразуется, по инициативе С. С. Уварова, в Спб. университет. Изложив сущность одобренного Александром I уваровского проекта «первоначального образования» ун-та,— С. В. Рождественский рисует картину первых шагов по организации новой высшей школы: подбор профессуры, прием студентов, выработку учебных планов, создание библиотеки, кабинетов и т. д. Далее идет яркое изложение истории выработки устава ун-та, в основу коего положен был проект Уварова, стремившегося поставить ун-т «на началах основательного классического образования». Очень любопытны критические замечания на этот проект архиеп. Филарета (знаменитого впоследствии митр-та московск.), восставшего против рекомендуемого проектом деления ун-та на факультеты, против служебных привиллегий окончившим ун-т, привлечения в последний способнейших семинаристов и т. п., а также нападки на проект мракобеса Магницкого, воспользовавшегося случаем отомстить Уварову за противодействие затеянному им разрушению Казанского ун-та. В третьей, наиболее интересной, главе излагается история отставки Уварова, которого сменил на попечительском посту подражатель Магницкого Д. П. Рунич, хвастовшийся тем, что в известном деле о книге проф. Куницына ему удалось «вырвать одно перо из черного крыла противника Христова», а затем очень подробно описывается драматичная расправа Рунича с профессурой и «разбор» студентов университета, объявленного «очагом гибельного и безбожного учения». Последняя глава посвящена вопросам ун-ской жизни с 1822 г. до введения устава 1835 г., т.-е. тех годов, когда министрами нар. просв. были—враг французского новомыслия А. С. Шишков, относившийся, впрочем, к ун-ту довольно благожелательно, кн. К. А. Ливен, при котором шла подготовка нового устава русских университетов, и

гр. С. С. Уваров, создатель Спб. ун-та. Это уже эпоха Николая I, отрицательно относившегося к «облеченному в силу и власть суеверию» Рунича, Магницкого и т. п., но вместе с тем поощрявшего стеснение доступа в ун-т лицам несвободных состояний, подчинение студентов ведению общегородской полиции, введение строгой дисциплины на военный лад и т. п. Это были также годы залечивания ран, нанесенных ун-ту рукой Рунича, в смысле подбора профессуры и организации научно-преподавательского дела. Но к 1835 г. кончился период «первоначального образования» Спб. ун-та, полный тревог и ломки, и «уцелевшее от погрома 1821 — 1822 г.г. поколение ун-ских деятелей, постепенно обновляемое свежими силами, успело сохранить преемственность научной работы и бережно донесло непогасающую искру свободной научной мысли до лучшей поры».

Статья проф. С. В. Рождественского, имея совершенно самостоятельное значение, является вместе с тем обстоятельным введением к 214 документам, занимающим целых 720 страниц, но далеко не исчерпывает полностью их содержания. Эта тщательно и умело подобранная коллекция документов дает богатейший материал для изучения всех сторон жизни Спб. ун-та за указанные годы, а также ценнейшие данные для биографических характеристик таких лиц как А. И. Галич, К. Ф. Герман, кн. А. Н. Голицын, Дегуров, Д. А. Кавелин, Н. И. Крылов, А. П. Куницын, П. Д. Лодий, Я. Л. Магницкий, К. А. Неволин, А. В. Никитенко, П. А. Плетнев, Э. В. Раупах, Д. П. Рунич, О. И. Сенковский, М. М. Сперанский, С. С. Уваров, Н. Г. Устрялов, митр. Филарет и мн. др. Материал дает возможность проследить шаг за шагом организацию учебно-научной и финансово - админ. жизни ун-та, отношение к нему высших сфер, состояние преподавательского дела, результаты действия разных уставов, работу ун-ских конференций, все подробности гнусной расправы Рунича с Галичем и др. профессорами, учебные успехи студентов, жизнь благородного пансиона при ун-те, работы М. М. Сперанского по подготовке профессоров законоведения и т. д. Обзор всего этого материала весьма облегчается составленным С. М. Данини личным указателем.

К книге, как уже упомянуто выше, приложены добросовестно составленный Р. Н. Геппенером библиографический указатель к истории Спб. ун-та за 1819 — 1835 г.г., а также весьма ценный обширный список портретов деятелей, принимавших участие в создании ун-та, составленный В. Я. Адарюковым. Список этот следует пополнить указанием на принадлежащие известному московскому архивисту С. К. Богоявленскому портрет и силуэт митр. Филарета. Портрет написан масляными красками, и это, кажется, единственное изображение митр. Филарета в молодости. Клобук был впоследствии на портрете перекрашен, а также пририсован орден Андрея Первозванного. Бронзовый силуэт на бархате, изображающий митр. Филарета в облачении, замечателен живо схваченной характерной позой знаменитого владыки.

В заключение остается пожелать скорейшего выхода в свет следующих томов этого ценного издания, за научную добросовестность выполнения коего ручаются имена составителей и редактора.

А. А. Сергеев.

Архив истории труда в России, выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России при Петроградском Губернском Совете Профессиональных союзов. Кн. I, 1921 г. Петроград. Гос. Издат. 152 стр. Цена не обозначена.

Культурно - просветительному отделу Петроградского Губернского Совета Профессиональных союзов пришла в голову очень счастливая мысль, объединить ученые силы для исследования истории труда в России. Результат налицо. Перед нами первая книга «Архива истории труда» и объявлено уже о содержании следующей («Летопись Петроградск. Дома Литераторов» № 3).

В конце книги приложен как бы официальный отдел под общим заглавием «К сведению и руководству сотрудников». Здесь черезчур много спорного. Прежде всего программа поражает какой-то несогласованностью частей. По отношению

к изучению крестьянского труда она более детализирована и более выдержана хронологически. В отношении же фабрично-заводского труда и ремесленного она неясна прежде всего с той стороны, что нельзя уловить ее хронологических граней. Местами она перебивается общими вопросами, и местами эти вопросы в одном случае есть, а в другом отсутствуют. Разве ремесленники и «мастеровщина» не принимали участия в общем рабочем движении? Почему-то программа изучения крестьянского труда разбита хронологически на 2 части — до 1861 г. и после. Ремесленный же труд предлагается изучать без хронологических или логических отделов.

Архивные карточные каталоги еще более вызывают недоуменных вопросов. Тут что ни положение, то спорный вопрос. Очевидно, в организационной части работа налажена не вполне правильно.

Центральное место в первой книге занимают статьи теоретического характера. В короткой статье пр. Тарле знакомит с историей труда. Непонятно лишь, почему статья озаглавлена «История труда и его значение», когда значение труда ясно всякому и без доказательств. Нет ли здесь опечатки — «история труда и *ее* значение»? Наиболее обширная статья профессора Кулишера под заглавием «Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе» — подводит итоги тому, что сделано в изучении этого вопроса в нашей исторической и экономической науке. При этом совершенно правильно поставлены основные вопросы изучения о формах промышленности, а также и те условия, при которых наша промышленность возникла при Петре. Только здесь почтенный экономист напрасно поставил работы Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского на последнее место. Нам думается, пора признать, что работы историков марксистов в указанных вопросах дали если не первый, то очень сильный толчок. Ведь и Туган-Барановский писал свою «Русскую фабрику» в период увлечения марксизмом. А у М. Н. Покровского, кроме очерков есть русская история, где эти вопросы поставлены яснее. Основная же точка зрения на экономическое состояние Московского государства, согласно с мнением Туган-Барановского и Рожкова, была высказана М. Н. Покровским значительно раньше, хотя бы в сборнике «Мелкая Земская Единица», изданном кн. П. Д. Долгоруким и кн. Д. И. Шаховским (стр. 256—257). Наши историки и экономисты начинают теоретически признавать первоочередную важность изучения ранней поры русской промышленности, а на деле изучение мало подвигается и ограничивается лишь рамками государственного хозяйства, оставляя как-то в тени изучение народного хозяйства. Очень любопытные статьи пр. А. Е. Преснякова о судьбах крестьянства в русской историографии и задачи их изучения подводят итоги тому, что до сих пор сделано по изучению крестьянского вопроса. К сожалению, автор как-то не высказывает определенно своего взгляда на такой важный вопрос, как «прикрепление крестьян», который остается открытым и после указанной статьи. Попытка повернуть объяснение о прикреплении к старому взгляду, что прикрепление—это государственное установление, еще не решает вопроса. Несомненно, здесь нужен дополнительный архивный материал. Наиболее ценный отдел журнала это архивные материалы. Здесь помещены: 1) Волнения среди фабрично-заводских рабочих с 1824 по 60 г. по данным архива III Отделения, 2) Выдержки из записки обер-секретаря сената В. И. Крамаренкова о положении рабочих в горной промышленности и 3) против забастовок морского ведомства. Опубликование этих материалов, несомненно, очень важно. Оно, дает возможность углубить изучение истории нашей промышленности.

Наконец, чрезвычайно важно обследование фабрично-заводских архивов, представленное в обозрении А. А. Блека и в выдержках из докладов сотрудников Комиссии О. Е. Корнилович и Н. С. Платоновой. Произведенная работа очень полезна для выяснения того, в каком положении находятся фабрично-заводские архивы.

А. Изюмов.

Архив истории труда в России, выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России при Петроградском Губернском Совете профессиональных союзов. Кн. 2. 158 стр. Птр. 1921.

Петроградская Комиссия по исследованию истории труда в России, повидимому, стоит на прочном основании и очень энергично развивает свою деятельность. Книжки выходят почти с регулярным месячным промежутком,—едва ли не единственное явление в нашей научно-журнальной литературе.

Со стороны содержания вторая книжка выигрывает своею фактичностью. В ней нет теоретических построений, за исключением одной краткой статьи академика Платонова, зато нет и спорных положений. Даже статья С. Ф. Платонова,—«Был ли первоначально русский Север крестьянским?»—теоретическая по своей теме и мастерская по изложению, для всякого мало-мальски знакомого с историей русского Севера, бесспорна. Все же остальные статьи второй книги Архива истории труда — великолепный подбор фактического материала, слегка обработанный умелой рукой. Эти статьи дают совершенно свежий материал для истории рабочих и крестьян, мимо которого не пройдет ни один исследователь. Для краткой рецензии нет необходимости указывать мелкие пробелы. Достаточно указать на заглавия статей, чтобы каждый, кто не держал в руках второй книги, знал, какие материалы в ней находятся.

1. На Московско-Новгородской парусной фабрике (1696—1772—1829 гг. М. Мурзановой.

2. Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре (волнения рабочих в 1872 году). С. П. Фарфаровского.

3. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажиткова.

4. Бурлаки в первой половине XIX в. Ю. Гессена.

5. Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского.

6. Морозовская стачка 1885 г. Р. Кантора.

7. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковского.

8. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. А. Блека.

9. Из истории производств в С.-Петербурге за XVIII век и первую половину XIX века. П. Столпянского.

10. Цехи «вольных матросов» в Новороссийском крае в 1830—53 гг. А. Путилова.

11. Первые шаги легализованного профессионального движения в России (официальная записка о профессиональном движении в Империи, составленная в министерстве внутренних дел в начале 1908 г.). Сообщ. Р. Кантор.

12. Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах XIX в. Сообщ. В. Колпенский.

13. Пилипоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова.

14. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. К. Пажиткова.

15. Крестьяне-самоучки. Н. Платоновой.

16. Факты и цифры. Заметки архивистов.

В конце книги приложено: 1) Положение об Ученой Комиссии по исследованию истории труда в России, утвержденное президиумом Петроградского Совета Профессиональных союзов и зарегистрированное Петроградским отделением управления научными учреждениями Акцентра, и 2) Сообщение—«К сведению и руководству сотрудников». Из «Положения» видно, что Петроградский Совет Профессиональных союзов правильно взглянул на работу Комиссии, предоставив ей широкую самодеятельность. В научных вопросах Комиссия автономна и сама из своей среды избирает председателя, членов редакционной комиссии и новых членов. Совет не взял на себя излишней опеки в том деле, которое должны выполнять лица, имеющие известные знания. В этом—главный успех работ Комиссии.

В первой рецензии мы указывали на неудачную классификацию для карточного каталога. Практика, видимо, подтвердила наши опасения, и комиссия вполне правильно поступает, приглашая сотрудников свои силы с каталогов перебросить «на изучение самих архивных материалов».

А. И.

«Дела и Дни». Исторический журнал. 1920. Книги первая и вторая. Петербург. Стр. 650+240.

Во вступительной статье «от редакционного комитета» издание исторического журнала «Дела и Дни» мотивируется двумя, главным образом, соображениями. С одной стороны, «историческая наука всегда была одной из тех областей знания, живой интерес к которой проявляли не только ученые-специалисты, но и широкие круги приобщенных к культуре читателей, причем в наше время, когда на очередь поставлены широкие планы культурно-просветительной работы, ряды этих читателей «безмерно увеличились», а с другой,—«как раз в области истории события последних лет сделали доступным для научного освещения богатый материал, бывший долгие годы запретным», в частности материал «по истории общественных и революционных движений в России», материал, ждущий «подлинной научной разработки». Соответственно с этими соображениями содержание журнала состоит, во-первых, из исследований, среди которых обращает на себя внимание заметка С. Платонова о гипотезе Шахматова о варяжском центре на южном берегу Ильменя, исследование Рожкова о народном хозяйстве Московской Руси во второй половине XVI в. и др., и во-вторых, из: а) воспоминаний, мемуаров, дневников, переписок, б) исторических материалов и в) заметок под заглавиями «Из записной книжки архивиста». Между тем как напечатанные в первом отделе исследования носят характер академический и подчас для рядового и в особенности для нового читателя—характер несколько слишком специальный, материалы, воспроизведенные в последующих трех отделах, не лишены интереса момента, интереса все еще как бы живой действительности. Здесь в виде мемуаров, материалов, документов отражена великая историческая драма падения царизма, подточенного и ниспровергнутого, в конце-концов, революцией. С одной стороны, перед нами ряд разнообразного типа документов, рисующих «строительство» царской власти, в разных областях жизни, будь то обуздание штыками и охранкой польского националистического движения 1862—1863 г. (в переписке Александра II и вел. князя Константина Николаевича), или своеобразная «реформа» школы, задуманная такими знатоками школьного дела, как Николай II, Плеве и Глазов (в дневнике Глазова),—«строительство», завершившееся империалистической войной, отраженной в дневнике ген. Сухомлинова, с одинаковым воодушевлением повествующего о перепетиях мировой бойни и о том, как он—уже в отставке—вытащил сига в $1^3/_4$ ф. и харюза в 3 ф. В письмах вел. князя Константина к Александру II на каждой странице так и веет страхом перед «красной революцией» и восторгом, когда или ему или брату удастся «словить» какого-нибудь «красного» (напр.: «Как я рад известью об арестовании Серно-Соловьевича и особенно Чернышевского»). В первой книге журнала «Дела и Дни» имеется не мало нового материала, дорисовывающего разнообразными подробностями историю этой вековой схватки между царизмом и «красной» революцией. Довольно много новых данных,—хотя и второстепенных для истории декабристов («К истории декабристов после амнистии 1856 г.»), новые данные о декабристе Фролове, заставляющие внести поправку в идеализированный его портрет, сделанный Головачевым в книге «Декабристы» (1906 г., изд. Зензинова), «Тайное Общество военных друзей», очевидно, связанное с тайными обществами декабристов, и, наконец, «Семеновская история 1820 г.», воспоминания офицера полка, в котором служили и несколько декабристов, а также данные о дяде Пушкина, Павле Исаковиче Ганнибале (сосланном за выраженное в разговоре с провокатором сочувствие казненным декабристам), затем два документа по делу «Каракозова», угроза Муравьеву со стороны «революционного комитета» и письмо царю неизвестного монархиста, старающегося открыть глаза его на то, что на Шипке далеко не все благополучно, и, наконец, любопытный документ о бунте-стачке работных людей второй половины XVIII в.—об одном из ранних эпизодов пролога великой пролетарской революции; далее идет несколько документов, рисующих мероприятия царизма, направленные к ограждению умов от влияния тлетворных революционных идей, шедших «с того

берега», от указа Павла I о запрете ввоза книг, пропагандирующих идеи Великой Французской революции, и до организованного похода царских цензоров на сочинения Маркса. В статье А. Е. Приселкова «Обзоры пережитого» вековая революция доведена до победы пролетариата, в истолковании ее с одной стороны, тов. Лениным и Розой Люксембург, а с другой—Милюковым, нелепая точка зрения которого по достоинству оценена автором. Любитель юмористики прочтет не без удовольствия резолюцию Николая I с запрещением академику Гамелю, командируемому за границу, «употреблять в пищу человеческое мясо», в чем почтенный академик и дал «собственноручную подписку».

Совершенно выделяется своим особым настроением статья Радлова «Голоса из невидимых стран». Это, конечно, не фантастическая утопия в уэльсовом стиле, а просто воспоминания философа о покойных Вл. Соловьеве, С. Н. и Е. Н. Трубецких (преимущественно о С. Н. Трубецком). Здесь все необычайно любопытно, начиная с того, что обычно С. Н. Трубецкой титулуется просто «князь» (князь сказал, князь подумал и т. п.) и кончая такими перлами (по поводу юмористических стихотворений С. Н. Трубецкого): «Теперь, когда сама жизнь стала кошмаром, вряд ли кому-нибудь придет на ум предаться подобному занятию», или (по поводу полемики С. Н. Трубецкого с Ренаном, просмотревшим в образе Калибана при наличии в нем «антикультурной, революционной разрушительности» его идеал всеобщей правды и справедливости») «он (Ренан) увидал бы, как этот дикарь... вырабатывает концепцию всемирной истории—теорию экономического материализма, быть-может ложную, односторонюю, вполне достойную грубости Калибана» (слова не автора, а С. Н. Трубецкого). В высшей степени любопытно и описание философских симпозионов в память Вл. Соловьева в ресторане Донона, когда члены философского кружка, плотно пообедав и выпив, принимались разводить свою религиозно-философскую канитель, выдумывая бога по тем же соображениям, по которым рекомендовал его выдумать, в случае его несуществования, мудрый Вольтер..э, и когда этот выдуманный после обедов у Донона бог оказался все-таки недостаточной «уздой» (frein—по Вольтеру) для Калибана, то, как известно, Е. Н. Трубецкой двинул против него в союзе с царскими генералами англо-французские танки и добровольческую армию—«блистательный и симпатичный человек»,—как квалифицирует его философ Радлов.

Воспоминания эти, предназначавшиеся, очевидно, для какого-нибудь зарубежного сборника, попали в наш исторический журнал, вероятно, по недоразумению.

Кроме указанных выше отделов, в «Делах и Днях» имеется отдел рецензий, довольно многочисленных, и обстоятельная хроника-обзор всех проявлений ученой и учебной работы в области исторического знания, всех культурно-просветительных начинаний в этой области и в областях, с нею смежных.

Во второй книге, куда, по заявлению редакции, вошла за недостатком бумаги только часть приготовленного к печати материала—из раньше неизвестных документов напечатаны письма Грибоедова, адресованные «дражайшему» и «безценнейшему благодетелю» и «покровителю» И. Ф. Паскевичу - Эриванскому, рисующие автора «Горе оть ума» не только как дипломата, но и как верноподданного; продолжение переписки Александра II с вел. кн. Константином Николаевичем, где царь торопит наместника царства Польского поскорее казнить двух польских террористов во имя устрашения революционеров и где встречается славное имя Домбровского (будущего коммунара), арестованного по делу организации в Петербурге тайного общества с целью подготовления восстания в Западном крае, и, наконец, чрезвычайно интересные письма Плеханова к Лаврову (1880—83 г.г.), освещающие его отношения к «Вестнику Народной Воли», его отказ от редакторства, а затем и от сотрудничества после «истории» с письмами к Л. Дейчу сидевшего в тюрьме Стефановича, перехваченными Тихомировым и Ашаниной,—«истории», отнявшей у Плеханова «всякое уважение не к партии, а к людям, ее за границей представлявшим» и побудившей его поспешить с организацией «Группы освобождения труда». Кроме указанного

архивного материала, во II книге помещены исследования Садикова об опричнине и М. Богословского о пребывании Петра I в Вене, воспоминания Платонова о его пребывании в университете (1878—82 г.г.) и статья Тхоржевского о Ключевском, как социологе и политическом мыслителе. Из статьи убедительно явствует, что В. О. Ключевский марксистом не был (что, впрочем, и так очевидно) и что в истории политической мысли и политического движения в России он существенной роли не играл.

Вызывает недоумение, что петербургское отделение Госиздата нашло возможным поставить свою марку и на эту статью, автор которой объясняет чуждость В. О. Ключевского революционному народничеству «широтою его ума и мягкостью его натуры», словно революционные народники были тупицы и изверги, отвергая в вопросе о взаимоотношениях «сознания» и «бытия» марксистскую концепцию, и называет почему-то нашу первую революцию 1905 г. неизменно «смутой».

В. Фриче.

„Воронежский Историко-Археологический Вестник". Выпуск I. 1921 г. Стр. 58.

Первый выпуск «Воронежского Историко-Археологического Вестника» заключает в себе труды членов Воронежского Отдела «Общества по исследованию памятников древности имени А. И. Успенского» и позволяет судить о научной физиономии вышеназванного общества. Областное изучение прошлого в настоящее время становится очередной задачей исторического знания, и провинциальным высшим учебным заведениям суждено стать центром, вокруг которого будут возникать научные общества по изучению местного края, продуктивная деятельность которых может проявляться только при наличии возможности публикации своих научных трудов и изданий. Всякое местное общество ставит прежде всего своей задачей обслуживание местных ученых нужд, потребностей и задач. Поэтому и труды такого общества должны непременно быть посвящены изучению местного края, так как только при соблюдении того методологического соображения труды местных обществ могут иметь право на их публикацию. С указанной точки зрения, опубликованный Вестник вызывает много против себя возражений. Он характеризует научно - исследовательскую мысль членов общества, хотя бы последняя не имела прямого отношения к изучению Воронежского края. Статья В. Гайна о старинной архитектуре Воронежа и Воронежской губернии по существу может быть рассматриваема как краткая характеристика наблюдений самого автора в этой области. С этой стороны, она весьма примечательна, но отсутствие въ ней конкретности и чрезмерная схематичность уменьшают ее научную ценность. Статья А. Путинцева о малороссийском поэте Е. П. Гребенко—случайного характера и неимеющая отношения к местной истории, но интересная, как показатель научных интересов самого автора. О Гребенке, как писателе, существует небольшая научная литература. Его сочинения, написанные как на русском, так и на украинском языках, изданы еще в 1862 г.; написанные на украинском языке были переизданы в 1906 г. в Киеве под заглавием «Українські твори». Автор оставляет в стороне характеристику творчества Е. П. Гребенки, как русского писателя, и интересуется им, как украинским поэтом. Статья А. Путинцева очень элементарна и не дает никакого материала для выводов автора о характере творчества украинского поэта. Взятая отдельно сама по себе, она не дает читателю никакого объективного материала для определения места, которое Е. П. Гребенко занимает в украинской литературе. Перу того же автора принадлежит небольшая статья «о собрании произведений устного словесного творчества». Появление последней вполне своевременно, так как дает для любителей устной словесности необходимые методологические и практические указания. Е. Горкова посвящает талантливо написанную статью В. И. Далю, как беллетристу. Литература о Дале относительно незначительна, и появление новой работы о Дале, как беллетристе, следует признать совершенно своевременным. Автор прав, характеризуя Даля, как писателя «не могучего и не эфектного по своему таланту», но в то же время имевшего свое

литературное место, хотя и скоро забытого потомками. К. Н. Венцель поместил свою переписку с В. Г. Короленко по поводу теории нравственности Гюйо, очень интересную для характеристики личности писателя. Проф. Д. М. Кудрявцев поместил свой перевод идиллии Феокрита «Полифем». Е. Архангельская напечатала свои заметки к вопросу о тексте «Дневник семинариста» И. С. Никитина, рукопись которого находится в Воронежском музее. Еще следует упомянуть об интересных замечаниях Е. Замятина по поводу археологической карты Воронежской губернии.

В общем содержание Вестника, довольно случайно и в малой степени имеет отношение к краеведению. История Воронежского края совсем не представлена в Вестнике, а между тем воронежские архивные материалы так богаты и давно ждут научного исследователя.

В. Пичета.

Материалы по истории революционного движения, т. II. Под редакц. В. Т. Илларионова. Комисс. по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии. Гос. Изд. Нижний - Новгород 1922 г. 195 стр.

Это—объемистый том; изданный нижегородским бюро Истпарта. Весь он состоит из почти сырых материалов, т. к. имеющиеся в нем три—четыре статьи скорей систематизируют материалы, чем носят характер самостоятельных исследований.

Распадается весь том на три неравномерные части. Первая часть—воспоминания и статьи. Воспоминаний очень много. Все воспоминания посвящены непосредственно работе в Нижнем и охватывают период от 90 года и вплоть до Европейской войны. Историческая ценность их, как вообще для истории, так и для истории местной — неодинакова. Некоторые, как, например, воспоминания Савельевой «Как я была наборщицей» имеют минимальный исторический интерес; другие особенно воспоминания рабочих очень интересны и ценны. Из статей, помещенных в этом отделе, очень интересно сообщение Чернявской: «Максим Горький по делам Нижегор. Губ. Жандарм. Управления»; в этой статье интересен ряд писем к Горькому других писателей. Очень интересна и богата содержанием статья Мельникова «1904—1905 г. К истории революционного движения в Нижегородском крае». Автор пользуется неизданными материалами; очень интересны приводимые в статье письма нижегородцев о нижегородских и обще-российских событиях, извлеченные из жандармского архива. Статья Илларионова, «Литература подполья», несмотря на ряд очень интересных сведений и цитат из литературных произведений нижегородского подполья производит впечатление незаконченности. Местами это просто опись архивного материала с более или менее обширными выписками, местами принимает характер статьи. Нет никаких примечаний. Даже как на сводку выдержек из ряда документов на эту статью нельзя особенно полагаться, т. к. неизвестно, чем руководился автор, выбирая ту или другую цитату.

Вторая часть сборника, озаглавленная «В царских застенках», содержит в себе описание архивных документов. Часть эта интересна исторически и очень хороша с архивной точки зрения. В этом отношении обращает на себя внимание составленная Мельниковым «Опись делам Нижегородского историко-революционного архива». Опись дает вполне определенное представление о «деле», об его содержании и исторической ценности; в описи приводится много выдержек и цитат, дающих возможность пользоваться ею не только для ориентации в содержимом Нижегородского архива, но и для самостоятельных работ. Пока начато печатаньем только начало описи, охватывающее период с 1839—96 гг., т. - е. опись еще только в последних своих строках подошла к периоду, интересному как для истории местного края, так и для истории вообще. Нельзя не отметить, что за тот период, который охватывает печатаемая опись, дел сохранилось чрезвычайно мало. Интересен сообщаемый Илларионовым «обзор общественно-политической жизни Сормовской местности за время войны». Большое и вполне заслуженное место в этом отделе занимает «Дело Кузнецкого кружка», дающее богатейший исторический материал по истории раб.

движения и с.-д. мысли в провинции в 90-х годах.

Третья часть сборника посвящена февральско-октябрьскому периоду революции. В этой части всего две статьи. Статья Илларионова «Революция 1917—18 гг. в Нижегородской губернии» и Пандина «Юношеское движение в Нижегородской губернии».

Статья Илларионова в этом отделе имеет еще больше недостатков, чем его же статья, помещенная в первой части книги. В небольшом предисловии к статье Илларионов указывает, что «систематических сведений» о ходе революции в Нижегородской губернии он не дает, т. к. не удалось собрать архивных данных,— но дать хронику событий, хронологию и небольшое описание их на основании газетного материала можно, а статья не дает и этого. Автор редко не отделяет один вопрос от другого, не указывает, откуда взяты им те или другие цитаты, а цитат приведено очень много, и в этом заключается единственная ценность статьи. Автор даже не достаточно использовал печатный материал; так об Октябрьской революции в Нижнем он говорит буквально следующее. «Октябрьские дни в Нижнем-Новгороде начались довольно тихо. Никаких организованных, вооруженных выступлений, громоподобных политических актов—не было» (стр. 175) и только, а между тем выпущенный Нижегородским губ. ком. «Юбилейный сборник» дает очень интересный материал о том, как шли события в Нижнем: в нем имеется статья т. Писарева, специально посвященная Октябрьской революции в Нижнем. Не всегда даже ясно, что собственно хочет сказать автор. Например, свою статью он начинает так: «Революция развертывалась не по одному общему плану. Ее успехам и достижениям сопутствовали и культурное и классовое состояние масс». Что это значит? Дальше идут пояснения автора, свидетельствующие лишь об его полном непонимании хода революционного процесса, желаний и стремлений отдельных классов. Заканчивается статья в стилистическом отношении как-то неладно. «Но рабочая Советская, даже беспартийная Советская сила крепла...» (стр. 187).

Гораздо лучшее впечатление производит статья Пандина «о юношеском движении в Нижегородской губернии». Легко и просто написанная, она не загромождена сырым материалом цитат, дает очень связный, ясный и последовательный очерк истории юношеского движения Нижегородской губ.

В общем вышедший том «Материалов» содержит в себе очень много интересного и ценного. Сырого материала в нем дается очень много. Нельзя не пожелать, однако, чтобы редакция «Материалов» меньше увлекалась воспоминаниями, т.к. исторические воспоминания — очень сомнительный источник, и больше приводила полностью документов и материалов, не портя их в не совсем удачных статьях.

Нельзя не отметить, что в предисловии к этому тому материалов вкралась некоторое преувеличение. Так, здесь сообщается, что в Нижнем имеется большое количество архивных дел и, между прочим, много по истории крепостного права «в нашей стране из эпохи, так слабо представленной в исторической литературе».

С. Пионтковский.

Д. Сверчков. На заре революции. Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической партии. Госиздат. 1922. 312 стр. Цена 60 коп. золотом.

Книга Сверчкова—не история пролетарской революции. Это лишь, «мемуары», и автор повествует только о тех событиях, в которых он лично участвовал—все остальное вне его поля зрения и вне его повествования. Так как автор—петербуржец, то перед читателем проходит наша первая революция (от демонстрации 3 марта 1902 г. до разгрома Петербургского Совета Рабочих Депутатов) лишь поскольку она происходила в Петербурге,—Москва, провинция, Сибирь и даже петербургские события, в которых он не участвовал, напр., деятельность революционных партий—все это осталось в тени. Новых фактов существенного значения в «мемуарах» Сверчкова нет. Раскрыты лишь некоторые псевдонимы и анонимы, напр., Горький—автор прокламации «Кровью спасенные братья», Троцкий—автор всех (почти) резолюций Совета Рабочих Депутатов, Вейнштейн-Звездин — оратор,

произнесший речь к солдатам в момент ареста Исполнительного Комитета, и т. д. В центре воспоминаний Сверчкова—Петербургский Совет. История его изложена не так подробно, как в «Истории», написанной членами Совета в тюрьме и изданной в свое время Глаголевым. Некоторые места производят ктому же впечатление не «воспоминаний», а заимствований из упомянутой «Истории». Например, *Сверчков, стр. 161* «1 дек. Николаем II была принята в Царском Селе депутация от «союза русского народа», от «монархической партии» и от «общества хоругвеносцев и добровольной охраны». В ответ на просьбу этих организаций об отмене манифеста 17 октября они получили от царя наименование «истинных сынов России» и им было сказано, что они «должны дружным содействием помочь властям водворить спокойствие и порядок»—*«История Совета»*, стр. 191.: «1 дек. Абсолютизм демонстрировал свою враждебность всему народу и свою приязнь погромщикам. Принятые в Царском Селе депутации от «союза русских людей», от «монархической партии», от «общества хоругвеносцев и добровольной охраны» и т. п. организаций черносотенцев получили на свои просьбы о государственном перевороте лестное наименование «истинных сынов России»; им было сказано, что они «должны дружным содействием» «помочь властям» «водворить спокойствие и порядок». Или: речь Звездина в момент ареста Исполкома изложена в «Истории» (199) не буквально, а только приблизительно, и также изложена она у Сверчкова (165), хотя, правда, здесь в конце имеется несколько фраз, которых нет в «Истории» и это тем более странно, что статья в «Истории» написана как раз автором, произнесшим эту речь, очевидно, помнившим ее, лучше Сверчкова, который едва ли мог ее запомнить в такой острый момент, как арест членов Исполкома. Но, разумеется, «воспоминаний», в книге Сверчкова неизмеримо больше, нежели таких «заимствований». Несколько иначе, чем в «Истории», рассказана сцена ареста Исполкома, а тюремное заключение, суд, ссылка и т. д.,—все это, конечно, «воспоминания». Если книга Сверчкова для истории нашей пролетарской революции существенно новых фактов не дает, то читается она с большим интересом—не только потому, что интересны сообщаемые в общем хотя и известные факты, но и потому, что у автора есть несомненная литературная жилка. На фоне событий выделяются силуэты знакомых лиц—Ленина, Плеханова, Чичерина, Раковского и в особенности Троцкого, вдохновителя, а потом—после ареста Хрусталева—председателя Петербургского Совета и, конечно, самого автора, но уж это неизбежно, когда речь идет о мемуарах.

В. Фриче.

Из эпохи «Звезды» и «Правды» 1911—1914 г., выпуск II. Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. Гос. Изд. 1921 г. 252 стр.

Второй выпуск сборника из эпохи «Звезды» и «Правды» интересен и довольно богат содержанием. Центральную часть сборника составляют две статьи В. Невского: «Партийная организация в Харькове в 1912 году и «Рабочее движение в Харькове в 1912 году» и приложение к ним. Статьи Невского очень интересны, особенно первая, в них дается много еще неизвестного и не изданного до сих пор архивного материала. Но они интересны не только тем, что сообщают сырой материал, интересны они всем своим содержанием. Статья первая «Партийная организация в Харькове в 1912 году» распадается на пять глав. В первой главе—«Харьков во время реакции в 1912 году».—Невский на основании архивных данных, главным образом писем, попавших в руки жандармов, рисует картину упадка и разложения, охватившего в годы реакции партийную интеллигенцию, демократию и часть рабочего класса, но на ряду с развалом были струнки, были попытки противодействовать этому развалу, были попытки собрать и сорганизовать расстроенные ряды; вторая глава—«Рабочие организаторы»—посвящена обрисовке личностей, пытавшихся стать ко главе движения, обрисовке людей, не павших духом, не склонивших старого партийного знамени. Глава эта несколько растянута и суха, автор сообщает чисто внешний биографический материал. Три

последние главы посвящены работе харьковской организации и выяснению той роли, какую играла «Правда» в рабочем движении Харькова. Они так и озаглавлены: «Правда» и забастовочное движение в Харькове 1912 г. (гл. III), «Правда» и избирательная кампания в Государственную Думу в Харькове (гл. IV) и «Увеличение влияния «Правды» в связи с выборами» (гл. V). Главы эти очень интересны и дают чрезвычайно много нового. Они вскрывают как ту огромную организующую роль, какая выпала на долю «Правды», так и то, как жадно тянулся и рвался рабочий класс к организации, как быстро восстановлялись его ряды, восстановлялись готовыми к новому бою.

Интересна статья Невского и со стороны методологической—берет он маленький по объему вопрос—работу партийной организации лишь за один год и в одном городе, но так всесторонне и детально его прорабатывает, что дает массу ценного не только для истории местной организации, но и вообще для истории с.-д. в России. Вторая статья Невского такого же типа, но несколько бледнее.

Из приложений к статьям Невского следует отметить приложение второе—отчет об избирательной кампании по рабочей курии г. Харькова, перепечатанный из «Социал-Демократа» за 1913 год, и сообщение жандарма в департамент полиции.

Полу-воспоминанием, полу-исследованием является статья Иванова—«Звезда» и «Правда» и рабочее движение 1908—1913 годов; сам автор в одном месте называет свою работу «очерком».

Статью эту признать удачной нельзя. Написать «очерк»—лишь на основании личных воспоминаний да комплекта «Звезды» и «Правды», конечно, нельзя, да еще на такую тему, какую поставил себе Иванов; тут надо итти таким путем, каким пошел Невский—скрупулезного исследования, восходя от выяснения и обрисовки рабочего движения в отдельные моменты и в отдельных областях к общему, к общей характеристике движения.

Очень интересны и ценны для истории проф. движения среди приказчиков воспоминания Я. Курова: «Движение среди приказчиков»; историки проф. движения в России пока еще только-только приступают к систематической сборке материала; воспоминания Курова дают очень много, они местами прямо типичны, например, рассказ об издании «Вестника приказчика» приложим к очень многим проф. изданиям дореволюционной поры: отсутствие денег, беззаветная преданность делу и геройские усилия сознательной кучки создать свой пролетарский орган, поднять свое знамя, быстрая группировка, тяга к этому знамени, поддержка его пролетариатом всей России, из всех забытых Богом углов, это картинка типичная, это вместе с тем яркая страница в истории профессиональной борьбы торгово-промышленных служащих. Лишней кажется глава VIII, посвященная персональной характеристике деятелей проф. движения и торгово-промышленных служащих,—не для всех из них еще настала «история». Из всех этих характеристик следовало бы напечатать воспоминания лишь об основателе и «главном участнике» движения, как называет его Куров, воспоминания о Михаиле Сейфер; в историю проф. движения торгово-промышленных служащих Сейфер внес много-много и долго самоотверженно работал он над созданием центра приказчичьего движения. Он погиб, как и многие другие пролетарии в минувшей Европейской войне, погиб за чуждое для пролетариата дело, всю враждебность которого интересам рабочего класса он знал и понимал.

Из других воспоминаний, помещенных в книге, недурны и интересны сообщения Рябкова (Пчелы)—Книжный склад «Правда». Тепло написаны воспоминания Шидловского о К. Н. Самойловой.

В общем II вып. сборника из эпохи «Звезды» и «Правды» следует признать удавшимся, а статья Невского и воспоминания Курова определенно имеют большой исторический интерес.

С. Пионтковский.

Творчество Достоевского 1821—1881—1921 г. Сборник статей и материалов под редакцией Л. П. Гроссмана. Всеукраинское Государственное Издательство. Одесса. 1921. 150 стр.

Редактор сборника справедливо поставил на первое место задачу книги—«облегчить будущим исследователям со-

бирание материалов для полного собрания сочинений Достоевского, пополняя новыми текстами обычный «канон» существующих изданий». Без научного описания рукописей Достоевского, его черновых набросков, записных книжек, дневников нельзя приступать к исследованию творчества автора «Бесов», «Братьев Карамазовых»; неполные собрания сочинений, частью по вине издателей, частью по забвению печатных текстов Достоевского самими исследователями, во многом лишают лик писателя характерности, своеобразных штрихов, дополняющих традиционное представление о нем. Л. П. Гроссман в этом сборнике впервые опубликовал огромной важности материалы, извлеченные им из рукописного наследия Достоевского и из старых журналов, где анонимно печатался ныне чествуемый нами писатель. Из журнала «Время» 1861, август, извлечена статья «Не тронь меня», любопытная и психологическими экскурсами и страницами живого бытового диалога, и воспоминаниями Достоевского о Белинском.

Из неизданных рукописей находим: план романа «Житие великого грешника»; эпизод из «Подростка», выброшенный Достоевским из IX главы 1 части печатного текста; вариант к отрывку из «Бесов» (ч. III, гл. 6), многочисленные отрывки из записных книжек Достоевского к этому роману и т. д. Печатание вне Москвы сильно сказалось на точности воспроизведенных текстов. Исследователь прав по-своему, беря те или иные куски из рукописей писателя, и потому нельзя поставить в вину отсутствие в «Житии великого грешника» всего плана II части (в монастыре), но ничем нельзя оправдать, когда исследователь нарушает порядок следования текста, данный самим писателем, или печатает отрывок, разбивая его целостность случайно выхваченными строками. Так, строки на стр. 9 сборника—«Он сильно развит и много кое-чего знает. Гоголя знает и Пушкина. Всю Библию знал»—в подлинной рукописи размещены в обратном порядке (лист 15) и, помимо ряда важнейших биографических деталей в истории главного персонажа романа, дают еще несколько фактов его умственного развития: «О чтениях Карамзина, сказок и прочее ей говорил. По-французски и по-немецки учила молодая, старушка и проч. Ходили учиться к другим детям (там над ним смеялись). Что хроменькая не воспламенялась Карамзиным — он ее бил. Всемирная история—из географии плохо». Напечатанное на 9 стр. сборника—«35 лет назад, родился в 1835 году, после этого история со срамом Кати...» (и т. д.)—в рукописи размещено на разных страницах: первое предложение на 12 листке, второе на 11-м и между тем и другим множество всяческих подробностей, совершенно опущенных в рецензируемой книге. Строчка на той же 9-й стр.—«Самка и сатана. Подвиги»—совершенно не понятна; тогда как текст, воспроизведенный полностью, дает ценнейшее показание для определения всех пяти частей проекта романа: в рукописи на 12 листке читаем — *Задача* memento. 1-й акт. Первое детство. Старик и старуха. 2-й. Семейство, Сушар, бегство и Куликов, 3) Чермак—экзамен, 4) Деревня и Катя, разгул с Albert'ом. Найти общий пропорционал.

20 детство
20 монастырь
40 до ссылки
20 Самка и сатана
40 подвиги.—

Я не указываю, какие подробности выпущены из «Жития великого грешника», но должен сказать, что конечная строка (на 11 стр.)—«сформировать как можно сокращеннее план рассказа»—у Достоевского относится не к «Житию», а к роману «Бесы» (см. в рукописи 27 стр.), а выражение—«Сухость рассказа иногда до Жиль-Блаза» (тон)—в рукописи не повторяется дважды, как это читатель находит на 9 стр. одесского сборника, но в первом случае обозначено характерно-гордым заявлением Достоевского: «Чтоб в каждой строчке было слышно: я знаю, что я пишу и не напрасно пишу». Отмечу несколько неточностей в печатном тексте сравнительно с рукописью Достоевского: вместо — «один ко всему приготовляется»—надо читать: «один ко всему приготовиться»; вм.: «Тибо» — надо «Шибо»; вм.: «он бросается» —«он бросает все». Не сохранена пунктуация подлинника: напр., напечатано — «Куликов с ними»; в рукописи — «Куликов, с ним» (и проч.).

Та же неточность и некая случайность в выборе текстов, ничем необъяснимый прием не допечатывать авторского текста в его целостном законченном виде бросаются в глаза при чтении отрывков из «записных книжек», относящихся к роману «Бесы». На стр. 14 дано: «овладейте собой, силой и упорством приготовьтесь»; в рукописи—«овладейте собой, силу упорством приобретите, приготовьтесь»; на той же стр. читаем: «архиерей не добивает князя обязанностью самовоскресения, самообработания»; в рукописи—«архиерей же добивает князя обязанностью самовоскресения, самообработки»; на стр. 16 напечатано: «При этом неверие и мука. Рост веры. Подвиг осиливает»; у Достоевского: «При этом неверие и—мука от веры, подвиг осиливает»; на стр. 17 вм. «атеизм самый полный более всех может быть к вере стоит»—надо читать: «атеизм самый полный ближе всех, может-быть, к вере стоит». После отрывка на 48 стр. рукописи напечатан отрывок из 41 стр. (см. в сборнике 17 стр.)—«Самое главное у Тихона—Тихон. Я представляю...» Последний отрывок начинается в рукописи замечательным выражением, опущенным в сборнике: «Я мечтатель». Перед напечатанным на 15 стр. отрывком—«Князь ищет подвига» (и т. д.) в рукописи дана хронологическая дата, определяющая время его написания—«Фантастическая страница (для 2 и 3 части) 23 июня 70». Против отрывка, кончающегося на 15 стр. словами: «многие и не замечают своих пакостей и считают себя честными»—у Достоевского сбоку была приписка, проливающая яркий свет на значение этих слов: «будущие судьи мои». На стр. 18 отрывок, начинающийся словами: «Князь понимает» (и т. д.), представлял конспект речи Ставрогина Тихону, как свидетельствует в рукописи приписка сбоку: «это Тихону говорил», также пропущенная в сборнике. Некоторые отрывки, цельные у Достоевского, даны здесь с значительными сокращениями. Укажу на один из многих известных мнѣ фактов: на 26 стр. отрывок—«Главная же идея—(т.-е. пафос романа) это князь и воспитанница, *новые люди*, выдержавшие искушение и решающиеся начать новую обновленную жизнь»—заканчивался в рукописи такими подробностями: «Князь объясняется об этом с Ш. перед самою его смертью. Высказывается в этом смысле перед воспитанницей, княгиней и Гр-ым. Князь хочет трудиться (князь—гордец!) и убивает мать свою. Гр-й воспитатель князя и воспитал его в *этих* началах; а теперь по просьбе матери сам его отговаривает; mais distinguons. У князя сильный характер и упорный характер, но впечатлительная, грустная, застенчивая душа. Княгиня понимает его, Гр-й же нет. Княгиня и Гр-й разговаривают вдвоем о князе и не согласны». Несохранение авторской пунктуации иногда меняет смысл текста,—так на стр. 26 отрывок:—«Ш. беспокойный продукт книги, столкнувшийся с действительностью»,—написанный у Достоевского с иной расстановкой знаков препинания, дает более сложное понимание типа Шатова: «Ш. беспокойный, продукт книги столкнувшийся с действительностью», т.-е. вначале дано указание на характер этого персонажа, одного из «ищущих», долго не могшего установиться на чем-либо определенном, а потом подчеркнуто идеологическое противоречие, разрыв книжных впечатлений с реальным опытом. Подготовляемое мной к печати издание всех рукописных материалов к роману «Бесы» наглядно вскроет исключительную важность изучения и ознакомления с черновыми набросками в их полном и точном виде.

В отрывке из «Подростка» (стр. 21) необходимо исправить две неточности: вм. «из древесной кожи» надо читать «из древесной коры»; чтение «нагольном» (капотике) не соответствует рукописному тексту—слово, надо признать, написано слишком неразборчиво, но все же вм. «нагольном» необходимо читать «нанковом».

Помимо указанных материалов Л. П. Гроссман напечатал любопытнейшие примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. Достоевского, сделанные ею на полях «Юбилейного» издания сочинений 1906 года. Здесь находим фактические подтверждения, как Достоевский смело вбрасывал в свои романы куски реальной жизни—личной или чужой, и как они переплавливались с его творческими видениями в целостный фантастически—жизненный мир.

Л. П. Гроссман воспроизвел только «главные маргиналии» А. Г. Достоевской.

Нельзя не пожалеть, что читатель не получил к юбилейным дням полного (и точного) воспроизведения этих примечаний: среди них остались очень важные для обрисовки личности Достоевского и его манеры письма, неизмеримо ценнее, чем извлеченные редактором одесского сборника сведения о Тучковом мосте, о Шармере и проч. В другом месте эти «примечания», обогащенные новыми находками в архиве А. Г. Достоевской, будут воспроизведены мною полностью.

Ю. Г. Оксман извлек из Одесского и Петроградского архивных фондов документы, касающиеся «слежки» за Достоевским «голубых мундиров» и его мытарств в качестве редактора «Гражданина».

В сборнике имеются помимо «материалов» две статьи—М. П. Алексеева «О драматических опытах Достоевского» и Л. П. Гроссмана «Путь Достоевского». Оба автора талантливо, свежо и фактически насыщенно трактуют свои темы: первый, вскрывая постоянный интерес Достоевского к театру, его стремление проявить себя драматически, устанавливает влияние на технику романа Достоевского различных драматических образцов (в частности Мольера и повести «Село Степанчиково»); второй, внимательно следя за борьбой в душе Достоевского двух устремлений—бунтарского индивидуализма и коллективизма, связывает философские движения мысли писателя с формальными особенностями его художественного творчества, утверждая, что роману-мистерии, «душевным надрывам, исповедям и катастрофам романических композиций» Достоевского вполне соответствует идеологический путь писателя. Не лишне отметить, что после разысканий В. И. Семевского о Петрашевском считать Кириллова псевдонимом Петрашевского (см. в Сборнике стр. 93) не приходится.

В приложениях к Одесскому сборнику даны два указателя—библиография писем Достоевского и библиография воспоминаний о Достоевском, составленные группой слушательниц бывш. Одесских высших курсов—участниц Семинария по новой русской литературе, руководимого Л. П. Гроссманом. Нечего говорить о важности такого «приложения». Признавая исключительные трудности при собирании библиографических данных, полагаю для себя обязательным облегчить этот труд занимающимся творчеством Достоевского, указав на несколько пропусков в обоих указателях. Среди воспоминаний не указаны: 1) П. Л. Семенов-Тяньшанский. Мемуары. Т. I, 1917 г.; 2) И. Ф. Анненский. Достоевский. Казань, 1906. 3) А. А. Александров. Ф. М. Достоевский (Страничка из воспоминаний) «Светоч и дневник писателя» 1913 года» VII, стр. 53—56; и др. Необходимо пересмотреть газеты за 1881 год: после смерти Достоевского появилось много «воспоминаний», среди «вымысла» в них было много и важного: так, из «Нового Времени» были перепечатаны в «Новостях и Биржевой Газете» 1881 г. № 374, феврал ценные показания А. М. Достоевского, брата Ф. М. Достоевского. Кроме того, следовало бы отметить материалы, приведенные Б. Герасимовым в Сибирских газетах и журналах—«Русская Речь», «Сибирский Архив», «Сибирская Летопись» 1913—1916 г. г. В отделе писем я не нашел указаний на письма Достоевского к А. К. Коломийцевой 16 авг. 1861 г. («Исторический Вестник» 1909, май) и к А. И. Уманец. 24 марта 1878 («Нева» 1906 № 7).

В указателе воспоминаний о Достоевском бросились в глаза две неточности: № 16 и № 46 даны—первый без обозначения статьи («Литературный силуэт Достоевского»), второй с неправильным воспроизведением журнального текста. Все эти «маленькие недостатки» легко устранимы из сборника. Ценность книги по материалам, имеющимся в ней, столь бесспорна, что можно только пожелать скорейшего ее переиздания и самого широкого распространения среди читателей—благоговейных чтителей Достоевского. Имя талантливого редактора одесского сборника, одного из лучших исследователей творчества Достоевского, служит прочной гарантией, что второе издание выйдет в свет переработанным и дополненным согласно первоначальному замыслу редактора, потерпевшему крушение по «техническим условиям»...

Ник. Бродский.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственный редактор Вяч. Полонский.

Приложения.

Le Comte Andrassy m'a lu le projet d'arrangement

[illegible] qu'il a soumis hier à Votre Majesté. L'idée me

[illegible] paraît bonne. Je l'ai toutefois prié de m'envoyer ce

matin son projet, afin que je puisse peser quelques

nuances de rédaction et les introduire s'il y a lieu.

je l'avais prié Quand le travail sera fait je demanderai la

de faire. permission de le soumettre à Votre Majesté.

Andrassy s'est annoncé chez moi cet après-midi pour

prendre connaissance de la rédaction modifiée et

pour porter son projet et le nôtre à l'Empereur

François Joseph qui jusqu'ici ignorait encore même

le texte d'Andrassy.

25 Mai 187[illegible]

Gortchacow

См. выше, стр. 26.

THIS CHART WILL BE
APPEARING AT THE

THIS CHART W
SECOND CHAR
AT THE END O

THIS CHART W
THIRD CHART
AT THE END O

THIS CHART W
FOURTH CHAR
AT THE END O

L BE THE FIRST CHART
HE END OF THIS FILM.

T WILL BE THE
IART APPEARING
ID OF THIS FILM.

T WILL BE THE
ART APPEARING
ID OF THIS FILM.

T WILL BE THE
HART APPEARING
ND OF THIS FILM.

ce jour à Berlin et aura même force et valeur.

En foi de quoi, les Plénipotentiaires respectifs l'ont signé et y ont apposé le sceau de leurs armes.

Fait à Berlin, le dix-huitième jour du mois de Juin mil huit cent quatre-vingt-sept.

Comte Paul Schouvaloff

Comte Bismarck

См. выше стр. 150.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ВТОРОЙ ТОМ

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

под общей редакцией **В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета, М. Н. Покровского, В. П. Полонского и В. М. Фриче.**

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

В. В. Адоратский, В. П. Алексеев, С. А. Аннинский, С. К. Богоявленский, И. А. Блинов, Ю. М. Бочаров, Н. Л. Бродский, Н. Ф. Бельчиков, В. П. Викторов, М. С. Вишневский, И. И. Гливенко, Л. Г. Дейч, В. И. Дзюбинский, Д. Н. Егоров, А. Ф. Изюмов, Р. М. Кантор, Ф. В. Кельин, С. А. Котляревский, Б. П. Козьмин, Ш. А. Левин, В. В. Максаков, А. М. Миловидов, В. Н. Нечаев, В. И. Невский, А. С. Николаев, А. С. Орлов, В. Ф. Переверзев, С. А. Переселенков, В. И. Пичета, С. А. Пионтковский, В. П. Полонский, М. Н. Покровский, М. С. Потапов, И. В. Пузино, М. І. Рафес, С. В. Рождественский, А. Н. Савин, А. А. Сергеев, В. М. Фриче, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский, А. А. Шилов, П. Е. Щеголев и др.

Содержание 2-го тома.

Франко-Русский союз. Переписка Сухомлинова с Янушкевичем. Переписка Александра III с Вильгельмом. Из семейной переписки Романовых.

Рабочее движение в первой половине XIX века. Рабочая и социалистическая печать во время войны. Контр-революция в Сибири.

Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма Гончарова к Достоевскому. Замыслы Достоевского.

Библиография.

Ответственный редактор ***В. П. Полонский.***

АДРЕС РЕДАНЦИИ: *Москва, Ваганьковский пер., д. 8.*

ВЫШЛА В СВЕТ

ВТОРАЯ (ПЯТАЯ, АПРЕЛЬ—ИЮНЬ) КНИГА ЖУРНАЛА ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКИ и БИБЛИОГРАФИИ

2-й год издания

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

2-й год издания

под общей редакцией

А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, И. И. Степанова-Скворцова.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи и обзоры. В. БРЮСОВ. Пушкин и крепостное право. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Западная интеллигенция. М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Мемуары царя Андрона. Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Волна мистики. В. АДОРАТСКИЙ. Марксистская диалектика в произведениях Ленина. Вяч. ПОЛОНСКИЙ. Русский революционный плакат (с иллюстрациями). Н. СУХАНОВ. Апрельские дни (воспоминания). П. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Александр Герцен и Константин Леонтьев. Неизданные письма И. С. ТУРГЕНЕВА к П. В. Анненкову. А. А. СИДОРОВ. Очерки по истории русской иллюстрации. Статья 2-ая (с иллюстрациями). В. БРЮСОВ. Среди стихов. По поводу одной критики. П. С. КОГАН. „Мечтатели". С. ПИОНТКОВСКИЙ. Из исторических журналов. Б. М. ЗАВАДОВСКИЙ. Основные принципы оценки популярной литературы по естествознанию. Н. ПИКСАНОВ. Обзор литературы о Короленко. С. ЧЛЕНОВ. Литература о германской революции. А. ЖАДОВСКИЙ. Обзор петроградской журнальной литературы.

ОТЗЫВЫ о КНИГАХ: Н. Мещерякова, М. Павловича, С. Пионтковского, Б. Горева, Ил. Вардина, Е. Хлебцевича, Ц. Фридлянда, В. Пичета, В. Виленского, С. Членова, И. Трахтенберга, В. Милютина, А. Чекина, И. Левинсена, С. Каплуна, А. Бессера, А. Юрьева, С. Ельяшева, Б. Файнгольда, В. Яроцкого, Д. Ивынина, А. Теснера, Б. Тычинина, А. Гиммельфарба, С. Ручева, С. Фульмана, М. Покровского, Д. Петровского, Феликса Кона, А. Елизаровой, Е. Херсонской, Иг. Рейснера, М. Рейснера, З. Теттенборн, П. Преображенского, П. Блонского, В. Лебедевой, М. Гладштейна, М. Смушковой, Б. Завадовского, А. Жадовского, И. Луппола, Н. Батуриной, М. Масленникова, М. Шелкунова, А. Сигорского, А. Эйхенгельца, Д. Анучина, В. Костицына, А. Чернова, Е. Успенского, С. Блажко, О. Конобеевского, З. Шпольского, А. Перуанского, И. Гельмана, А. Сысина, Е. Трапезонцевой, В. Сукенникова, В. Поспелова, В. Броннера, Н. Берзина, Е. Аркина, И. Аксенова, К. Локса, П. Когана, В. Полонского, Н. Пиксанова, С. Боброва, Б. Павлова, В. Полянского, М. Загорского, И. Кубикова, В. Блоха, Н. Бродского, А. Греча, Г. Жидкова, М. Корницкого, А. А. Сидорова, П. Дульского.

В книге 418 стр.

Адрес редакции: Москва, Никитский бульвар, дом 8 (Дом Печати), телеф. 1-02-85.

Прием предварительных заказов и подписки: ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА, Тверская, 38.

С 1-го мая по 1-ое июня подписка принимается только из провинции и не более, чем на 5 экз. одному лицу. Цена по подписке два миллиона руб.

(Р. Ц. Москва) № 313. Напеч. 2.000 экз.

Листы 1—17 печатались в 3-ей тип. М. С. Н. Х., листы 18—27—в 1-ой Образцовой тип.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ и НЕДОЧЕТЫ.

Стр	**Напечатано:**	**Следует:**
3	Рейхштад	Рейхштадт
7	Рейхштадская	Рейхштадтская
9	министерством иностранным	министерством иностранных дел
24	caüsser	causer
39 *прим.*	представляющий	предоставляющий
55 *прим.*	августа	августа
62	Résume	Résumé
137	Полномочным	Уполномоченным
204	это меня не удивило	то меня не удивило
205	Antwort-serbiens	Antwort Serbiens
207	Грей... иностр. дел с 1905—1906	Грей... иностр. дел с 1905—1916 г.
»	После фразы «Ламсдорф, граф—в 1881 г. советник русского министерства иностранных дел», должно еще следовать: «впоследствии (1901—1906 г.г.) министр иностранных дел».	
»	Мак-Магон... фельдмаршал	Мак Магон... маршал
»	Меньшиков	Меншиков
»	Наполеон III... с 1851—1870 г.	Наполеон III... с 1852—1870 г.
365	Письмо Н. А. Некрасова к	Письмо Н. А. Некрасова к
•	А. Н. Як	А. Н. Якоби.
» *прим.*	издательница	издатель

Кроме того, читателям надо иметь в виду, что на стр. 147—150 напечатан текст ратификации секретного соглашения между Россией и Германией 1887 г., а ниже под № 5 воспроизводит текст этого соглашения, снабженный собственноручными подписями гр. Шувалова и кн. Бисмарка.